ВЪ СТРАНѢ

СВЯЩЕННЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

Описаніе путешествія въ Св. Землю, совершеннаго лѣтомъ 1900 года преосвященнымъ Арсеніемъ, епископомъ Волоколамскимъ, Ректоромъ Московской Духовной Академіи, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ профессоровъ и студентовъ.

Издано подъ редакціею

Епископа Арсенія.

Изданіе иллюстрированное, съ 60 рисунками.

СВЯТО-ТРОИЦКАЯ СЕРГІЕВА ЛАВРА.
СОБСТВЕННАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1902.

Оттиски изъ №№ „Богословскаго Вѣстника“ за 1901 и 1902 годъ.

135
37

Печатать дозволяется. Марта 5 дня, 1902 года.
Ректоръ Академіи, Епископъ *Арсеній*.

Описаніе этого путешествія составлено моими спутниками - студентами: Н. Е. Румянцевымъ, 4 курса (1—319 стр.), М. И. Сѣнцовымъ, 3 курса (319—474 стр.), М. В. Войцѣховичемъ, 3 курса (474—494 стр.) и А. И. Никольскимъ, 3 курса (494—503 стр.). Редакція и изданіе этого труда принадлежатъ мнѣ. Фотографическіе снимки, большею частію оригинальные, сдѣланы однимъ изъ паломниковъ.

Епископъ Арсеній.

Сергіевъ посадъ, Московская Академія.
1902 года, Марта 20 дня.

ВЪ СТРАНѢ СВЯЩЕННЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

(Описаніе путешествія въ Св. Землю, совершеннаго лѣтомъ 1900 года преосвященнымъ Арсеніемъ, епископомъ Волоколамскимъ, Ректоромъ Московской Духовной Академіи, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ профессоровъ и студентовъ).

Лѣтомъ 1900 года, пользуясь каникулярнымъ временемъ, преосвященный Арсеній, Ректоръ нашей академіи, въ сопровожденіи нѣсколькихъ профессоровъ и студентовъ ея, совершилъ путешествіе на Востокъ—въ Палестину и на Аѳонъ. Иниціаторомъ и организаторомъ этого путешествія былъ самъ преосвященный Ректоръ, уже ранѣе, еще студентомъ Кіевской академіи, побывавшій на Аѳонѣ два раза (въ 1883 и въ 1884 годахъ и издавшій „Дневникъ студента-паломника на Аѳонъ). Лелѣя съ тѣхъ поръ мысль о путешествіи въ Палестину, которой онъ тогда не посѣтилъ по нѣкоторымъ, независѣвшимъ отъ него, обстоятельствамъ, и главнымъ образомъ вслѣдствіе долговременныхъ карантиновъ, Преосвященный только теперь нашелъ удобнымъ и возможнымъ осуществить ее. Причемъ преосвященному Ректору желательно было привлечь къ участію въ этомъ религіозно-образовательномъ путешествіи профессоровъ и студентовъ, устроить первую „академическую“ паломническую поѣздку ко святымъ мѣстамъ Востока. И дѣйствительно, на эту мысль Преосвященнаго, высказанную имъ еще лѣтомъ 1899 года, сочувственно отозвалось нѣсколько профессоровъ, и вопросъ о поѣздкѣ въ Палестину сталъ обсуждаться среди профессорской корпораціи. Сначала охотниковъ находилось много, но по мѣрѣ того, какъ вопросъ о путешествіи съ теоретической почвы переходилъ на практическую и когда наконецъ, въ

началѣ 1900 года, онъ рѣшенъ былъ окончательно, то только трое профессоровъ рѣшились ѣхать. Это были: самъ иниціаторъ поѣздки преосв. Арсеній, профессора Н. Ѳ. Каптеревъ и В. Н. Мышцынъ. Къ нимъ присоединился помощникъ инспектора академіи іеромонахъ Анастасій. Преосв. Арсеній желалъ посѣтить Палестину не только какъ поклонникъ св. мѣстъ, но и какъ преподаватель Библейской исторіи,— знакомство съ Палестиной было для него важно и съ чисто-научной стороны. Тоже нужно сказать и о В. Н. М—нѣ. Какъ преподаватель въ академіи Св. Писанія В. Завѣта, онъ желалъ осмотрѣть тѣ мѣста, на которыхъ совершались библейскія событія, тѣ памятники въ Палестинѣ, какіе въ ней оставила библейская старина. Кромѣ того, онъ имѣлъ особое порученіе отъ Г. Оберъ-Прокурора Св. Синода — составить опись библіотеки и музея бывшаго начальника іерусалимской миссіи архимандрита Антонина, завѣщавшаго библіотеку Св. Синоду, а музей—миссіи. Что касается Н. Ѳ. К—ва, то онъ былъ заинтересованъ поѣздкой и потому, что ранѣе спеціально изучалъ какъ вообще сношенія Россіи съ православнымъ Востокомъ, такъ и въ частности—исторію сношеній іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ,— почему личное живое знакомство съ православнымъ Востокомъ имѣло для него особое значеніе. О. Анастасій стремился посѣтить св. мѣста православнаго Востока главнымъ образомъ для удовлетворенія своего горячаго религіознаго чувства.

Когда къ концу учебнаго академическаго года задуманная поѣздка разрѣшена была преосвященнѣйшимъ Московскимъ митрополитомъ Владиміромъ и затѣмъ Св. Синодомъ данъ отпускъ Преосвященному на два съ половиною мѣсяца, съ 1-го іюня по 15-е августа, тогда къ участію въ паломничествѣ приглашены были и мы—студенты академіи. Желающихъ между нами сначала оказалось очень много, но потомъ нѣкоторые стали очень скоро отказываться. Однихъ пугала дальность и трудность пути; другихъ—непосильные для студента расходы на далекое и долговременное путешествіе; третьи отказались отъ поѣздки послѣ того, какъ изъ газетъ узнали, что Портъ-Саидъ, Александрія, а потомъ и Смирна, объявлены по чумѣ неблагополучными. Такъ что окончательно рѣшилось ѣхать только десять студентовъ: 4-го курса (кон-

Академическая группа паломниковъ.

Къ стр. 3.

чившіе курсъ)—П. Ив. Богуславскій, П. М. Мининъ, Н. Е. Румянцевъ, А. Матв. Смирновъ, В. П. Шипулинъ; 3-го курса: М. В. Войцѣховичъ, М. Ив. Сѣнцовъ, А. И. Никольскій, С. Гр. Колмаковъ и 2-го курса—Абу-Русъ, арабъ, урожденецъ Бейрута. Затѣмъ, подъ руководствомъ Преосвященнаго, былъ выработанъ предварительный маршрутъ путешествія, согласно которому главною и конечною цѣлью путешествія ставилась Палестина, при чемъ не только Іудея, но и Галилея. Кромѣ того, въ зависимости отъ росписанія пароходныхъ рейсовъ, предполагалось побывать въ Константинополѣ, на св. горѣ Аѳонской, въ портовыхъ городахъ Малой Азіи: Смирнѣ, Бейрутѣ, Триполи и,—если позволитъ время и средства,—посѣтить Египетъ, Грецію и Римъ. Само собою разумѣется, что собиравшіеся отправиться на Востокъ задолго начали готовиться къ путешествію и съ терпѣніемъ дожидались конца экзаменовъ, послѣ которыхъ предполагалось отправиться изъ Россіи. У многихъ, кажется, только и было разговору, что про путешествіе; сходились два-три путешественника, и разговорамъ не было конца: мечтали, строили планы, читали путеводители и другія книги, относящіяся къ путешествію. Когда вѣсть о путешествіи проникла за стѣны академіи, и когда появились замѣтки о немъ въ газетахъ, многіе посторонніе (духовные и міряне разныхъ классовъ, званій и состояній) выражали желаніе присоединиться къ нашей компаніи и обращались, письменно и лично, съ просьбою объ этомъ къ преосвященному Ректору. Но въ виду спеціальной цѣли нашей миссіи, Преосвященный вынужденъ былъ отказывать многимъ изъ желавшихъ сопутствовать намъ и позволилъ присоединиться къ нашей академической группѣ паломниковъ только тѣмъ, кто могъ быть въ какомъ-нибудь отношеніи полезенъ для цѣли путешествія. Такъ, разрѣшеніе присоединиться къ нашей группѣ получили іеромонахи Троицкой Лавры: Гедеонъ и Смарагдъ, архидіаконъ Димитріанъ, Новгородскій епархіальный миссіонеръ іеромонахъ Варсонофій, лично извѣстный преосвященному Ректору, и докторъ медицины, приватъ—доцентъ Московскаго университета, В. К. Недзвѣцкій, обѣщавшій помогать паломникамъ въ случаѣ болѣзни во время пути. Для необходимыхъ въ пути услугъ былъ взятъ академическій служитель Михаилъ Селезневъ, уже ранѣе бывавшій въ Палестинѣ. Впослѣд-

ствіи, когда мы оставили Аѳонъ и направлялись въ Яффу, въ Дарданелахъ къ нашей компаніи присоединились еще двое: Петербургскій протоіерей Н. Вишняковъ и его сынъ преподаватель Петербургской семинаріи С. Н. Вишняковъ, путешествовавшіе за тѣмъ все время вмѣстѣ съ нами.

Такимъ образомъ составилась у насъ довольно многочисленная и разнообразная по своему характеру группа паломниковъ. Главой своей она имѣла іерарха русской Церкви,— что должно было всюду на Востокѣ придать ей особое исключительное значеніе, такъ какъ со времени существованія Св. Земли, и то въ теченіи настоящаго столѣтія, кажется только три русскихъ іерарха посѣтили св. мѣста [1]). Поэтому паломникъ—русскій архіерей необходимо долженъ былъ всюду на православномъ Востокѣ привлечь на себя особое вниманіе (что и случилось, какъ увидимъ, въ дѣйствительности), тѣмъ болѣе, что онъ былъ главою и представителемъ одного изъ высшихъ духовныхъ учебныхъ заведеній въ Россіи. Рядомъ съ Преосвященнымъ стояли два нашихъ профессора, ради своихъ спеціальныхъ занятій уже ранѣе теоретическинаучно хорошо знакомые съ православнымъ Востокомъ, — они естественно вносили въ наше паломническое общество ученую струю, ученый интересъ, столь дорогой и близкій и всѣмъ намъ—учащейся молодежи. За профессорами слѣдовали ихъ ученики: или еще учащаяся, или уже отучившаяся въ этомъ году молодежь, живая и подвижная, всѣмъ крайне интересовавшаяся, желавшая все видѣть, знать, наблюдать, напряженно желавшая испытать всѣ прелести далекаго пути, со всѣмъ разнообразіемъ новыхъ, небывалыхъ для нея впечатлѣній. Рядомъ съ нами стояло четверо іеромонаховъ и одинъ архидіаконъ, что давало намъ возможность на Востокѣ только наличными своими силами совершать всюду чисто русское богослуженіе, чѣмъ мы, какъ увидимъ, вполнѣ и воспользовались въ Палестинѣ, благодаря высокой любезности къ намъ Іерусалимскаго патріарха Даміана, предоставившаго намъ относительно отправленія церковныхъ службъ

---

[1]) Преосв. Александръ, бывшій епископомъ Полтавскимъ, въ 60-хъ годахъ, преосв. Модестъ, нынѣ архіеп. Волынскій, въ бытность въ 1884 г. еп. Люблинскимъ, и Кириллъ Наумовъ, бывшій въ 60-хъ годахъ начальникомъ Іерусалимской миссіи въ санѣ епископа,—извѣстный своею печальною судьбою...

въ св. мѣстахъ полную свободу. Вообще трудно было удачнѣе подобрать составъ паломниковъ. Тутъ были представители чуть-ли не всѣхъ положеній: владыка и послушникъ, докторъ богословія и докторъ медицины, монахъ и священникъ, миссіонеръ и немиссіонеръ, просвѣщенные люди и люди простые, некнижные, чтецы и пѣвцы. У насъ былъ свой фотографическій аппаратъ для сниманія всего выдающагося и достойнаго вниманія. Словомъ, въ нашемъ паломническомъ кружкѣ все было предусмотрѣно, чтобы путешествіе наше было благопріятнымъ. И дѣйствительно, это путешествіе неизгладимыми чертами запечатлѣлось въ нашей душѣ: по научно-образовательному значенію его для насъ, по обилію новыхъ и разнообразныхъ впечатлѣній, по священнымъ чувствованіямъ, испытаннымъ нами отъ поклоненія Гробу Господню, молитвамъ на Голгоѳѣ и въ другихъ святыхъ и освященныхъ мѣстахъ Палестины.

Описаніе этого путешествія предлагается здѣсь, причемъ безъ всякой претензіи на научный характеръ его, хотя и эта сторона путешествія не чужда была намъ. Наше описаніе будетъ воспроизведеніемъ пережитаго и перечувствованнаго нами въ нашемъ единодушномъ паломническомъ кружкѣ. Если же оно возбудитъ хотя нѣкоторую долю подобныхъ чувствованій и у нашихъ читателей,—тогда цѣль наша сугубо будетъ достигнута.

Май мѣсяцъ для собравшихся путешествовать прошелъ въ тревожныхъ ожиданіяхъ. Боялись, что развивающаяся на востокѣ чума захватитъ весь районъ предполагаемаго путешествія и потому жадно прислушивались къ идущимъ изъ Смирны и Александріи извѣстіямъ о чумѣ. Но къ концу мая извѣстія изъ зачумленныхъ мѣстностей стали благопріятные; чума не распространялась далѣе Портъ-Саида и Смирны, слѣдовательно, путешествіе не разстраивалось, приходилось только ограничить маршрутъ.

28 мая въ квартирѣ преосвященнаго Ректора академіи собрались участники предстоящаго путешествія для обсужденія и окончательнаго рѣшенія нѣкоторыхъ паломническихъ вопросовъ. Въ виду продолжающейся чумы въ Портъ-Саидѣ и Александріи, рѣшено было: остановившись днеи

на шесть въ Константинополѣ для его осмотра, ѣхать затѣмъ на Аѳонъ, а съ Аѳона прямо въ Палестину, не заѣзжая въ Египетъ. Днемъ отъѣзда изъ Россіи назначено было 4 іюня: къ этому дню, и по возможности 2-го іюня, всѣ участники поѣздки должны были прибыть въ Одессу. Чтобы не случилось какой либо задержки съ полученіемъ заграничныхъ паспортовъ, рѣшено было на слѣдующій же день отправить въ Одессу со всѣми нашими документами іеромонаха Гедеона, который долженъ былъ все подготовить тамъ къ нашему пріѣзду. Сумму, потребную на все путешествіе по третьему классу, какъ предполагали ѣхать студенты, опредѣлили въ сто рублей съ каждаго, и рѣшено было внести эти деньги, въ видахъ экономіи и удобства, предъ началомъ путешествія, въ общую кассу, которую ввѣрить выбранному изъ среды студентовъ „эконому“,—что потомъ и сдѣлано было.

29-го мая, въ Духовъ день, въ шесть часовъ вечера, у раки Преподобнаго Сергія отслуженъ былъ торжественный напутственный молебенъ, совершенный преосвященнымъ Ректоромъ въ сослуженіи отправляющихся іеромонаховъ, архидіакона, въ присутствіи всѣхъ другихъ паломниковъ, при большомъ стеченіи народа. Никогда не забудется этотъ чудный молебенъ предъ нашимъ академическимъ Покровителемъ и Угодникомъ земли русской, Преподобнымъ Сергіемъ!.. Послѣ молебна еще разъ зашли мы къ Преосвященному, гдѣ за стаканами чая побесѣдовали о тѣхъ или иныхъ паломническихъ вопросахъ, а затѣмъ, напутствуемые его благословеніемъ, разстались до скораго свиданія въ Одессѣ.

Въ Одессу паломники направились въ разное время и разными путями. Одни поѣхали ранѣе, чтобы остановиться хотя бы на денекъ въ Кіевѣ, другіе выѣхали позже, чтобы ѣхать въ Одессу не останавливаясь. Нѣкоторые успѣли заѣхать на родину, или повидаться съ родными, жившими на пути.

2-го іюня утромъ почти всѣ паломники прибыли въ Одессу и остановились на подворьи Пантелеймоновскаго монастыря. Вечеромъ того-же дня прибылъ въ Одессу и преосвященный Арсеній, заѣзжавшій на пути повидаться съ своимъ братомъ, преподавателемъ Полтавской семинаріи. Онъ былъ встрѣченъ на вокзалѣ всѣми своими спутниками по путешествію, ранѣе его прибывшими въ Одессу, а также завѣдующимъ

Пантелеймоновскимъ подворьемъ о. Θеотекномъ съ другими иноками и уполномоченнымъ Палестинскаго Общества М. И. Осиповымъ. Съ вокзала всѣ толпой и пѣшкомъ отправились на Пантелейм. подворье, находящееся очень близко отъ вокзала. Около подворья уже собралась толпа народа, узнавшая о пріѣздѣ Преосвященнаго. Благословивъ собравшихся, Преосвященный прошелъ въ церковь. подворья, гдѣ выслушалъ краткій благодарственный молебенъ, послѣ котораго обратился къ инокамъ съ рѣчью. Въ началѣ рѣчи Преосвященный поблагодарилъ иноковъ за торжественную встрѣчу, устроенную ему, какъ архіерею Бога Вышняго, а затѣмъ сказалъ приблизительно слѣдующее: „много лѣтъ тому назадъ, когда я еще былъ студентомъ духовной академіи, Господь сподобилъ меня, въ качествѣ простаго паломника, дважды посѣтить св. гору Аѳонскую; въ оба раза я останавливался на перепутьи въ этой обители и молился въ маломъ и небогатомъ тогда храмѣ ея. Теперь вижу обширный храмъ, благолѣпный, украшенный живописью и прекрасными иконами, слышу въ немъ стройное пѣніе иночествующихъ; знаю, что и обитель сія расширена и преукрашена. Это—явное знаменіе благословенія Божія, почивающаго надъ обителью и насельниками ея за ихъ труды во славу Божію и во благо ближнихъ, обрѣтающихъ здѣсь гостепріимный кровъ, облегченіе и утѣшеніе предъ отправленіемъ во святыя мѣста. Да пребываетъ же на васъ выну благословеніе Господне! Исполняйте возложенное на васъ послушаніе съ радостію, а не воздыхающе; усовершайтесь въ вѣрѣ и познаніи Господа нашего Іисуса Христа, возрастайте въ любви и добродѣтельной жизни, спасайтесь сами и будьте спасительнымъ примѣромъ для тѣхъ, которые, объятые высокимъ религіознымъ чувствомъ, оставляя родину, домъ, родныхъ, идутъ зрѣть благая Іерусалима, облобызать св. Гробъ Господній и другія святыя мѣста“. Въ заключеніе Преосвященный, вспомнивъ съ благодарностію о томъ радушіи и гостепріимствѣ, которыми онъ пользовался и прежде здѣсь, выразилъ надежду, что и теперь, въ третій разъ, онъ вмѣстѣ съ своими спутниками встрѣтитъ такой же радушный пріемъ.

И дѣйствительно, завѣдующій Пантелеймон. подворьемъ о. Θеотекнъ и всѣ соприкасавшіеся съ нами иноки подворья оказали намъ самый радушный пріемъ и самое ши-

рокое гостепріимство. Намъ всѣмъ отведены были на подворьи лучшіе номера, въ которыхъ мы съ удобствомъ расположились; для нашего стола готовились особыя кушанья, конечно постныя, но разнообразныя и обильныя; прислуживавшіе намъ иноки подворья радушно оказывали всякія услуги, такъ что мы прожили на Пантелеймон. подворьи двое сутокъ, ни въ чемъ не нуждаясь, окруженные вниманіемъ и ласковою услужливостію Пантелеймоновскихъ иноковъ.

Двое сутокъ пребыванія нашего въ Одессѣ прошли незамѣтно. На другой день, по прибытіи въ Одессу, послѣ утренняго чая на подворьи и морскаго купанья на Ланжеронѣ, мы, съ преосвященнымъ Ректоромъ во главѣ, посѣтили подворья Андреевскаго и Ильинскаго Аѳонскихъ скитовъ; на обоихъ подворьяхъ, послѣ торжественной встрѣчи Преосвященнаго, мы проходили въ церковь, гдѣ выслушивали краткій молебенъ и прикладывались къ чтимымъ иконамъ и частицамъ мощей, существующихъ въ церкви каждаго подворья. Преосвященный послѣ молебна привѣтствовалъ иноковъ рѣчью, въ которой, наставляя ихъ въ жизни во Христѣ, указывалъ на особую важность и значеніе ихъ послушанія—оказывать пріютъ и гостепріимство паломникамъ всей земли русской. Затѣмъ, посѣтивъ завѣдующихъ подворьями и откушавъ чаю, подробно осматривали самыя подворья. Всѣ три подворья похожи другъ на друга и вполнѣ отвѣчаютъ предназначеннымъ цѣлямъ, служа не только пріютомъ для паломниковъ, но являясь вмѣстѣ съ тѣмъ и религіозно-просвѣтительными учрежденіями, такъ какъ при нихъ находятся содержательныя по предметамъ книжныя и иконныя лавки. Въ каждомъ подворьи есть общія палаты для простыхъ паломниковъ и отдѣльные номера для привеллигированныхъ,—и тѣ и другіе содержатся опрятно. Стѣны комнатъ и проходные корридоры увѣшаны картинами библейскаго содержанія, изреченіями св. отцовъ и объявленіями подъ заглавіемъ: „необходимые расходы для паломниковъ, отправляющихся въ Святую Землю“. На этой таблицѣ значится: за бланкъ паломническаго паспорта—50 коп; гербовую марку на прошеніи градоначальнику—80 к., за прописку вида въ полиціи и пр. 70 к; за засвидѣтельствованіе турецкаго консула—2 р; за билетъ 3-го класса до Яффы и обратно — 25 рублей. Слѣдовательно, простому паломнику на

проѣздъ до Палестины отъ Одессы и обратно нужно всего только 29 рублей, т. е. очень небольшая сумма, а до Аѳона, куда пароходный билетъ 3-го класса стоитъ 14 р. 80 к., нужно только 18 рублей 80 коп. Андреевцы, между прочимъ, приглашали Владыку на освященіе новаго громаднаго собора въ Аѳонскомъ Андреевскомъ скиту назначенное на 16-ое число іюня. На это Владыка отвѣтилъ, что и онъ желаетъ еще разъ побывать на св. горѣ и тѣмъ болѣе раздѣлить ихъ духовную радость, но все будетъ зависѣть отъ росписанія пароходныхъ рейсовъ. Цѣль нашего путешестія—Палестина, и на Аѳонѣ мы можемъ пробыть не болѣе недѣли; между тѣмъ русскіе пароходы изъ Аѳона въ Яффу отправляются одинъ разъ въ двѣ недѣли. Если можно будетъ это какъ-нибудь устроить, то мы непремѣнно заѣдемъ на Аѳонъ. Съ подворій, простившись съ гостепріимными иноками, Преосвященный поѣхалъ къ Херсонскому архіепископу, высокопреосвященному Іустину, принявшему его братски радушно, а нѣкоторые изъ насъ отправились въ городъ для обозрѣнія его, иные — за покупками, необходимыми въ путешествіи. Для ознакомленія съ Одессою, мы прошли по главнымъ улицамъ города, осмотрѣли памятники, выдающіяся зданія, посѣтили музеи и городской садъ. На улицахъ теперь царило полное оживленіе, свойственное большому городу. По тротуарамъ взадъ и впередъ торопились обыватели, на мостовой шумѣли извозчики, въ ушахъ жужжалъ рожокъ кондуктора конки и нестройный говоръ толпы, среди которой то и дѣло виднѣлись не русскія лица. Въ Одессѣ, какъ говорятъ, евреевъ и грековъ столько-же, сколько и русскихъ, и вся торговля въ рукахъ первыхъ двухъ національностей. И дѣйствительно, стоитъ зайти въ двѣ, три лавки, чтобы убѣдиться въ этомъ. Въ Одессѣ нѣсколько памятниковъ (Александру II-му, герцогу Ришелье—устроителю города, Пушкину, генералъ-губернатору Новороссіи Воронцову и Императрицѣ Екатеринѣ II-й); но всѣ они, за исключеніемъ памятника Императрицѣ Екатеринѣ, недавно открытаго (6-го мая), прекраснаго по своей художественности и идейности, не производятъ особеннаго впечатлѣнія. Пріятное впечатлѣніе по себѣ оставила прогулка по Александровскому парку, въ которомъ находится, обнесенный чугунной оградою, молодой дубъ, посаженный рукою Царя-Освободителя въ 75 году, и памятникъ—послѣд-

нему. Паркъ—чистый и уютный, а съ возвышенія памятника открывается прекрасный видъ на море и городъ. Городъ отсюда—какъ на ладони. Утопающій своими большими, и большею частію, бѣлыми домами въ зелени акацій и опоясанный съ двухъ сторонъ темною лентою моря, раскинувшійся на громадное пространство, городъ производитъ отсюда очень пріятное впечатлѣніе. Одно, что въ этой картинѣ непріятно поражаетъ, особенно жителя сѣверныхъ губерній, сроднившагося съ другими видами, это—отсутствіе храмовъ, сверкающихъ въ солнечныхъ лучахъ своими золотыми главами и крестами. Въ Одессѣ, съ ея нѣсколькими стами тысячъ жителей (400 т. слишкомъ), очень мало храмовъ (всего только 24 съ дом. ц.). Въ то время, когда смотришь на Москву съ вершины Воробьевыхъ горъ или Ивана Великаго, съ Волжской набережной на Ярославль, съ соборной колокольни на Вологду, или съ палубы парохода на Великій Устюгъ, то изъ за множества возвышающихся надъ городомъ храмовъ не различаешь домовъ; здѣсь-же, въ Одессѣ, съ трудомъ среди груды громадныхъ домовъ отыскиваешь куполъ храма. Одно, что незамѣнимо въ Одессѣ, это — море! Сливаясь съ горизонтомъ, оно темнѣется вдали величественное и торжественно-спокойное, думающее свою вѣковѣчную думу. Всѣ изъ насъ, кажется, видали море раньше, но и теперь всѣ остановились предъ нимъ словно очарованные и не могли оторвать глазъ отъ его синѣющей бездны. Безпредѣльное, какъ вѣчность, таинственное, какъ сама смерть, и могучее, какъ жизнь, оно обладаетъ какою-то волшебною, магическою силою надъ бѣднымъ сердцемъ человѣка, заставляя его то усиленнѣе биться, то замирать. Оно то восторгаетъ, то пугаетъ человѣка, но всегда влечетъ къ себѣ. Недаромъ древніе греки, жившіе съ природою одною жизнью и лучше нашего понимавшіе ея таинственный языкъ, оставили столько прекрасныхъ поэтическихъ миѳовъ, связанныхъ съ моремъ... Вечеромъ, по случаю кануна воскресенья, были у всенощной, сначала въ соборѣ, потомъ на подворьи. Архитектура собора довольно оригинальна. Онъ имѣетъ форму узкаго длиннаго прямоугольника, раздѣленнаго колоннами на три части. Нынѣ со стороны алтарной части сооружается пристройка, такъ что теперь соборъ въ лѣсахъ. Внутри храмъ благолѣпенъ. Поклонившись праху почивающихъ здѣсь свя-

тителей Одесскихъ, извѣстныхъ всей Россіи,—каковы: знаменитый витія Иннокентій, Димитрій, Никаноръ, мы отправились на подворье, гдѣ богослуженіе еще продолжалось. Храмъ подворья былъ полонъ молящимися, поютъ недурно, хотя очень своеобразно, служеніе совершается по аѳонскому чиноположенію и можно замѣтить нѣкоторыя особенности въ немъ, сравнительно съ обычнымъ богослуженіемъ. Такъ, напримѣръ, во время поліелея царскихъ вратъ здѣсь не отворяли, вопреки общепринятому въ Россіи обычаю. Такъ какъ пароходъ „Николай II", Александрійской прямой линіи, на которомъ мы должны были ѣхать въ Константинополь, отходилъ изъ Одессы утромъ слѣдующаго дня, то послѣ всенощной въ храмѣ подворья иноками былъ отслуженъ напутственный молебенъ.

Теперь уже, кажется, все готово къ завтрашнему отъѣзду: Богу помолились, паспорты выправлены, билеты куплены. Всѣ хлопоты по выправкѣ заграничныхъ паспортовъ взяли на себя Пантелеймоновскіе иноки; заботы же о пріобрѣтеніи билетовъ на пароходъ и о возможно удобномъ размѣщеніи тамъ всей нашей компаніи принялъ на себя очень любезный и въ высшей степени предупредительный агентъ Палестинскаго общества М. И. Осиповъ, которому и удалось уладить къ выгодѣ нашей недоразумѣніе съ Пароходнымъ Обществомъ. Дѣло въ томъ, что еще до нашего отъѣзда изъ Сергіева Посада одесскій агентъ Р. Общества Пароходства и Торговли извѣстилъ насъ, что „директоръ Общества въ видѣ особаго исключенія разрѣшилъ взыскать съ участвующихъ въ нашей поѣздкѣ только 50% со стоимости обыкновенныхъ билетовъ (безъ продовольствія) въ Яффу и обратно". Не зная еще различія „обыкновеннаго" и паломническаго тарифа, мы разсчитывали получить билетъ 3-го класса за 12 р. 50 к. (паломническій билетъ стоитъ за пароходъ 24 р. и за лодку въ Яффѣ 1 р.). Но къ нашему огорченію оказалось, что обыкновеннымъ тарифомъ считается почему-то стоимость отдѣльно взятыхъ билетовъ въ Яффу и обратно (въ Яффу—круговой линіей—22 р., изъ Яффы прямой линіей — 18 р., всего 40 р., кромѣ 1 рубля за лодку). Значительная для билетовъ 2-го класса (вмѣсто 93 р. ѣхавшіе изъ насъ во 2-мъ классѣ уплатили лишь около 63 р.), предоставленная намъ льгота была ничтожна для пассажи-

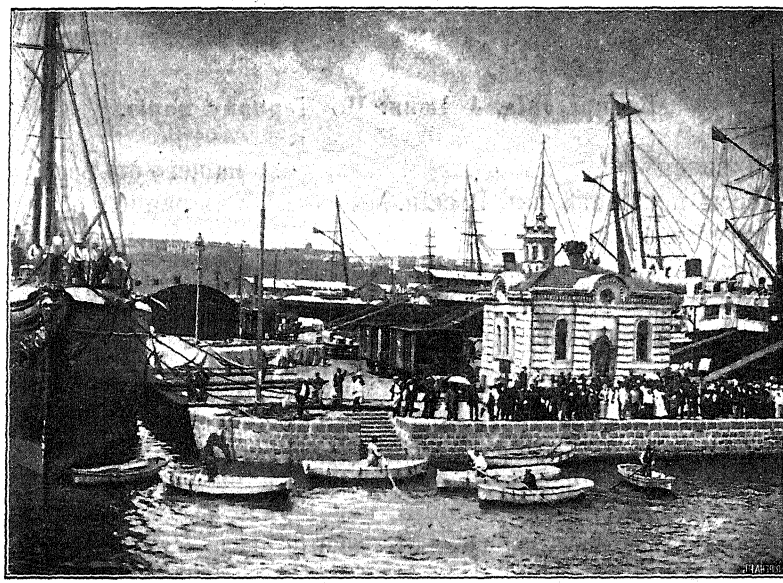
ровъ 3-го класса. Вмѣсто предполагаемыхъ 12 р. 50 к., намъ приходилось платить 20 р. 50 к.,—потеря очень чувствительная для нашего тощаго паломническаго кармана. Получивъ инструкціи содѣйствовать нашему паломничеству отъ секретаря Палестинскаго Общества В. Н. Хитрово, отнесшагося къ нашему путешествію очень сочувственно и, какъ впослѣдствіи увидимъ, не мало способствовавшаго успѣху нашего паломничества, М. И. Осиповъ сдѣлалъ все возможное, чтобы рѣшить дѣло въ нашу пользу. Онъ обратился къ директору Русскаго Общества Пароходства и Торговли О. Л. Радлову лично и выхлопоталъ у него для насъ скидку въ 50% съ паломническаго тарифа, за что мы сердечно его поблагодарили. Отъ Михаила Ивановича мы узнали много интересныхъ фактовъ, иллюстрирующихъ современное паломничество во Св. Землю простого народа. Михаилъ Ивановичъ — это живая лѣтопись русскаго паломничества за послѣднія 10—15 лѣтъ. „Много хлопотъ съ этимъ народомъ, говорилъ намъ обязательный М. И-чъ, особенно въ паломническій періодъ, но и отрадно хлопотать, когда видишь, какія невѣроятныя усилія способенъ переносить русскій крестьянинъ, чтобы достигнуть иногда завѣтной цѣли своей жизни, поклониться Св. Гробу Господню. Часто откуда-нибудь, чуть не изъ Сибири, приходятъ богомолки не только что безъ паспорта, но даже безъ какой-бы то ни было бумаги, удостовѣряющей личность, приходятъ за нѣсколько тысячъ верстъ пѣшкомъ; грѣшно, разумѣется, отправлять такихъ домой за паспортомъ, и приходится всѣми правдами и неправдами улаживать дѣло. Часто у богомолки, пришедшей за тысячи верстъ, не хватаетъ денегъ даже на пароходный билетъ; не вернешь-же такую обратно. А что было, напримѣръ, три года тому назадъ, когда для предупрежденія занесенія въ Имперію чумы, свирѣпствовавшей на Востокѣ, было Высочайше запрещено отпускать богомольцевъ въ Святую Землю?! Паломническія книжки не выдавались; тогда стали покупать десяти рублевые заграничные паспорта. И вотъ какой нибудь изъ сѣверныхъ губерній мужикъ въ овчинномъ полушубкѣ, или старуха въ лаптяхъ подавали прошеніе градоначальнику съ просьбою о выдачѣ паспорта на поѣздку въ Ментону или Ниццу, для поправленія здоровья (sic!)“. И много—много интереснаго и поучительнаго изъ паломнической и

соприкасающейся съ нею жизни разсказывалъ намъ Михаилъ Ивановичъ со свойственнымъ ему умѣніемъ и навыкомъ...

Воскресеніе. 4 Іюня. По Черному морю.

Наконецъ наступило утро 4 іюня, день нашего отъѣзда изъ Одессы и вмѣстѣ изъ Россіи. Мы сходили къ ранней обѣднѣ, и затѣмъ быстро начали приготовляться къ отъѣзду. Нашъ пароходъ долженъ быть отплыть изъ Одессы въ 10 часовъ утра. Около десяти часовъ мы простились съ гостепріимными и радушными иноками Пантелеймонскаго подворья и отправились въ Карантинную гавань, гдѣ стоялъ нашъ пароходъ „Николай II“, принадлежащій къ числу лучшихъ, сильныхъ и большихъ пароходовъ Общества Пароходства и Торговли. Подъѣхавъ къ пристани, мы получили изъ рукъ жандарма наши заграничные паспорта и затѣмъ вошли на пароходъ. Здѣсь, по просьбѣ добрѣйшаго агента общества Иванова, любезности котораго мы обязаны многими удобствами во время пути, капитанъ парохода дозволилъ намъ занять особое, такъ называемое эмигрантское, отдѣленіе, составляющее нѣчто совершенно отдѣльное отъ помѣщенія обыкновенной палубной публики. Здѣсь мы помѣстились всѣ вмѣстѣ съ о. Анастасіемъ, о. Варсонофіемъ и докторомъ. Остальные путники заняли мѣста во 2 классѣ, а Преосвященный въ 1-мъ.

Между тѣмъ наступило 10 часовъ, а пароходъ еще не думалъ трогаться. Оказалось, что поджидаютъ нашего Константинопольскаго посла И. А. Зиновьева, который долженъ былъ ѣхать на нашемъ пароходѣ. Наконецъ чрезъ нѣсколько минутъ пріѣхалъ посолъ, и тогда капитанъ отдалъ приказъ отчаливать. Заработала машина, зазвенѣли якорныя цѣпи, отданы причалы и пароходъ, лѣниво поворачиваясь, сталъ медленно отдѣляться отъ берега. Съ набережной, гдѣ собралось довольно много народу, начали махать платками и шляпами. Пантелеймоновскіе иноки, сопровождавшіе насъ до пристани, кучкою стояли на набережной и посылали намъ прощальный привѣтъ. Преосвященный, имѣвшій съ собою фотографическій аппаратъ, моментально снялъ съ парохода всю толпу, которая собралась на набережной провожать отъѣзжавшій пароходъ.



Прощаніе съ Одессою.

По мѣрѣ того, какъ мы отплывали изъ гавани, предъ нами красиво обрисовывалась Одесса, широко раскинувшаяся по набережной и ярко блестѣвшая своими бѣлыми домами подъ горячими лучами южнаго солнца. Мы долго любовались съ палубы красивымъ видомъ этого красиваго со стороны моря города. Наконецъ городъ все болѣе и болѣе сталъ застилаться синеватою дымкою, и вотъ уже мы въ открытомъ морѣ. Куда ни посмотришь кругомъ, вездѣ безъ конца одно слегка волнующееся море, темныя волны котораго нашъ пароходъ смѣло разсѣкаетъ своею мощною грудью, оставляя за собою широкій серебристый слѣдъ. Всюду кругомъ ширь, раздолье... Хорошо! Почти у всѣхъ путешественниковъ, описывавшихъ свое путешествіе въ Палестину, обыкновенно встрѣчаются изображенія тѣхъ тяжелыхъ, скорбныхъ чувствъ, которыя они переживали, удаляясь на пароходѣ отъ своей родины, тѣ страхи и тревоги, которые невольно закрадывались въ ихъ душу при началѣ предстоящаго длиннаго пути; или удаляющимся отъ родного берега казалось, что у нихъ внутри что-то какъ будто обрывается, какъ будто они навсегда прощаются съ своей родиной и со всѣмъ тѣмъ дорогимъ,

что въ ней осталось для нихъ. Нужно сознаться, что ничего подобнаго мы не испытывали, что при видѣ удаляющейся дорогой родины ничто у насъ внутри не обрывалось, что никакихъ скорбныхъ и гнетущихъ чувствъ мы въ себѣ не ощущали, никакіе страхи и тревоги за будущее насъ не обуревали. Наоборотъ, мы всѣ находились въ какомъ-то радостно возбужденномъ настроеніи, настроеніи бодромъ, смѣломъ и прямо веселомъ. Радость наполняла сердца наши при мысли, что Рубиконъ перейденъ, что мы на пути въ ту страну, которую многіе пророки и цари желали видѣть, куда на протяженіи 19-ти вѣковъ стремился, можно сказать, весь міръ.... Одно, чего мы боялись, и то не всѣ, это — коварство и измѣнчивость моря, правда теперь спокойнаго, но надолго-ли? А нѣкоторые, любители сильныхъ ощущеній, какъ будто недовольны были такимъ необычнымъ спокойствіемъ Чернаго моря, желая испытать прелести морской качки съ ея послѣдствіями. Впрочемъ, впослѣдствіи и они смирились въ своей самонадѣянности.

Звонокъ пригласилъ классныхъ пассажировъ къ завтраку, и мы спустились въ свое изолированное отъ всѣхъ пассажировъ отдѣленіе, устроили импровизированный столъ изъ двухъ досокъ и „организовали“ чай и закуску, за которыми незамѣтно бѣжало время въ дорожныхъ воспоминаніяхъ и пересыпавшихся добродушными шутками разговорахъ. Казалось, что мы не за предѣлами Россіи, на гигантѣ—пароходѣ качаемся на волнахъ грознаго моря, а у себя дома, подъ тихою сѣнью родной академіи, которую только что оставили, собрались студенческимъ кружкомъ, чтобы подѣлиться впечатлѣніями отъ послѣдней прослушанной лекціи или новой прочитанной книги, горячо поспорить объ отвлеченныхъ вопросахъ и вмѣстѣ помечтать о будущемъ Россіи, Европы и даже человѣчества. Для довершенія иллюзіи, къ намъ спускались преосвященный Ректоръ и Николай Ѳедоровичъ съ Василіемъ Никаноровичемъ. „Не одѣвайтесь, не одѣвайтесь, господа, говорилъ Преосвященный, будемъ попросту, мы пришли съ господами профессорами къ вамъ чай пить. Еге! Да вы здѣсь прекрасно устроились, не хуже, чѣмъ у насъ въ 1-омъ классѣ. Не правда ли, Николай Ѳедоровичъ? Со мною, въ 1-омъ классѣ, говорилъ Преосвященный, ѣдетъ русскій посолъ въ Турціи И.

А. Зиновьевъ. Я съ нимъ имѣлъ удовольствіе познакомиться, разсказалъ о нашемъ путешествіи и онъ обѣщалъ оказать содѣйствіе во время путешествія по Турецкой имперіи". Это извѣстіе всѣхъ обрадовало. Мы знали, что въ Турціи, благодаря своеобразнымъ порядкамъ этого государства, туристамъ часто приходится страдать отъ произвола чиновниковъ и отъ другихъ случайностей. Разговоръ за чаемъ естественно вертѣлся около путешествія. Говорили о томъ, какъ надо путешествовать, чтобы извлечь изъ путешествія наибольшую пользу, чтобы оправдать изреченіе Премудраго: „обтекаяй страны, умножаетъ разумъ". Преосвященный совѣтовалъ записывать непремѣнно всѣ впечатлѣнія, вести дневникъ—этимъ обусловливается успѣхъ путешествія—и записывать тотчасъ же все обратившее на себя вниманіе. Многіе сомнѣвались, возможно - ли будетъ дѣлать это во время пути, когда впечатлѣній такъ много, а удобства, необходимыя для того, чтобы сосредоточиться, осмыслить впечатлѣнія и изложить ихъ, обратно пропорціональны количеству впечатлѣній. Василій Никаноровичъ совѣтовалъ записывать самое существенное только, и не позднѣе двухъ дней послѣ перваго впечатлѣнія, иначе воспоминанія, при постоянно повторяющихся новыхъ и новыхъ впечатлѣніяхъ, не будутъ такъ отчетливы и непосредственны.

Послѣ ухода Преосвященнаго и профессоровъ, въ наше отдѣленіе явился небольшого роста господинъ, въ очкахъ, извинился и спросилъ, не чувствуемъ-ли мы недостатка въ воздухѣ, не дуетъ ли гдѣ, не нужно-ли кому-нибудь чего? Мы поблагодарили любезнаго господина, принявъ его за доктора, хотя, какъ потомъ оказалось, это былъ агентъ Общества. Покамѣстъ будемъ называть его докторомъ. Вмѣстѣ съ докторомъ поднялись на палубу. Онъ оказался обаятельно любезнымъ человѣкомъ и знатокомъ Чернаго моря и всего пути, и мы, перебивая другъ друга, торопились эксплоатировать его знаніе, предпочитая, по вполнѣ понятной причинѣ, живого руководителя мертвому гиду. „Мы идемъ довольно быстро,—замѣтилъ кто-то изъ насъ,—интересно узнать, какъ приводится въ движеніе такой колоссъ". Докторъ предложилъ намъ спуститься внизъ и подъ его руководствомъ осмотрѣть машину. Мы поспѣшили воспользоваться приглашеніемъ и черезъ минуту очутились въ страшномъ пеклѣ

среди безконечнаго ряда двигающихся съ пыхтѣніемъ и визгомъ поршней. Машина—на полномъ ходу; кругомъ все двигается и шипитъ, слова заглушаются шумомъ машины, спускаемся еще ниже,—потъ градомъ катитъ со всѣхъ, здѣсь около двухъ громадныхъ печей стоятъ два кочегара съ лопатами и ежеминутно бросаютъ въ печь каменный уголь, механически сыплющійся сверху. Отсюда докторъ ведетъ насъ далѣе къ средоточію всей машины; здѣсь не особенно толстый продолговатый валикъ необыкновенно быстро кружится вокругъ своей оси, приводя во вращательное движеніе выходящій наружу винтъ, разсѣкающій воду и двигающій пароходъ впередъ; всѣ многочисленныя машины, занимающія цѣлый ярусъ парохода, устроены только для того, чтобы заставить вертѣться валикъ. Но знакомство съ пароходомъ дается не даромъ; отъ жары начинаетъ кружиться голова и мы торопимся подняться, чтобы освѣжиться. Темная ночь повисла надъ моремъ. Небо загорѣлось міріадами звѣздъ, онѣ свѣтятся необыкновенно ярко и трепещутъ, какъ живыя, потемнѣвшее море уснуло, только всплескъ волнъ, поднимаемыхъ пароходомъ, нарушаетъ его нѣмую тишину, — свѣжій вѣтерокъ ласкаетъ лицо. Кто то изъ насъ обратилъ вниманіе на особый блескъ звѣздъ и ихъ расположеніе, сравнительно съ звѣзднымъ небомъ сѣвера. Докторъ услыхалъ разговоръ и прочиталъ цѣлую лекцію о южномъ звѣздномъ небѣ, переходя съ трубою въ рукѣ отъ одного борта парохода къ другому. Еще долго пассажиры ходятъ по палубѣ и смотрятъ на море, или шопотомъ разговариваютъ. Кончился первый день нашего морскаго странствованія. Клонитъ ко сну. Палуба начинаетъ пустѣть. Всѣ расходятся по своимъ каютамъ, чтобы заплатить долгъ сну.

5 Іюня. Понедѣльникъ. На Босфорѣ.

День богатый впечатлѣніями. Проѣхали Босфоръ и пріѣхали въ Царь-градъ. Впрочемъ, по порядку. Встали рано. На пароходѣ долго не спится и сейчасъ-же, конечно, на палубу. Все таже безконечная равнина моря, оно также спокойно и безстрастно, какъ и вчера. Докторъ уже здѣсь. Онъ спрашиваетъ—хорошо-ли спали и совѣтуетъ любоваться моремъ, пока оно кажется безпредѣльнымъ. По небу забѣгали

тучки, онѣ набѣгаютъ иногда на солнце и тогда море принимаетъ сѣрый, угрюмый колоритъ; оно, какъ будто, начинаетъ безпокоиться, предчувствуя что-то недоброе, сѣрыя волны вздымаются выше и энергичнѣе, толкаютъ другъ друга; но пройдетъ тучка мимо солнца и снова все кругомъ принимаетъ жизнерадостный видъ.—8 часовъ—звонокъ зоветъ классныхъ пассажировъ къ чаю. Къ этому времени и мы пріурочиваемъ ѣду и отправляемся къ себѣ. Подкрѣпившись, снова высыпали всѣ на палубу и съ путеводителями въ рукахъ разбрелись по пароходу. Пароходъ идетъ въ Александрію, не заходитъ ни на Аѳонъ, ни въ Яффу, и потому пассажировъ третьяго класса въ немъ немного. Это большею частію торговые люди, отправляющіеся по дѣламъ въ Константинополь: греки и армяне. Среди нихъ только одинъ показался намъ несомнѣнно русскимъ: такъ типично было его угрюмое, изборожденное морщинами лицо и длинная всклокоченная борода. Съ нимъ мы разговорились. Онъ оказался Одесскимъ купцомъ, ѣдетъ въ Константинополь, чтобы оттуда съ слѣдующимъ пароходомъ кругового рейса отправиться на Аѳонъ, на торжество освященія новаго храма въ Андреевскомъ скиту. Много разъ бывалъ на Аѳонѣ, хорошо знакомъ съ жизнью обитателей его, воздаетъ должное святости ихъ, не умалчивая и о темныхъ пятнахъ, которыя и „на свѣтломъ солнышкѣ бываютъ, а не то, что среди грѣшныхъ людей;“ читалъ много описаній святой горы, но не совсѣмъ-то они его удовлетворяютъ,—думаетъ составить свое. Пожелали мы ему, конечно, всякаго успѣха на „литературномъ поприщѣ“. На палубѣ 1 и 2 классовъ пассажировъ больше. Кромѣ посла И. А. Зиновьева и причисленнаго къ посольству Мандельштама, молодого ученаго, недавно защищавшаго на степень магистра въ Петербургскомъ университетѣ диссертацію по политическому праву и удостоеннаго прямо степени доктора права, тутъ былъ сотрудникъ Петербургскихъ Вѣдомостей Дурново съ сыномъ-студентомъ университета, путешествующіе въ Константинополь и Аѳины, виднѣются блѣдно-спокойныя лица гречанокъ, которыхъ легко узнать по ихъ (анти) классическимъ носамъ и темнымъ, какъ осенняя ночь, волосамъ, бѣгаютъ дѣти жены греческаго посла въ Петербургѣ; русскихъ и здѣсь немного. Они скучились на краю палубы, и, какъ это бываетъ только во

время пути, не знакомясь, разговариваютъ другъ съ другомъ. Учительница Московской гимназіи, отправляющаяся въ Римъ, ѣдетъ 3-й разъ въ Константинополь, необыкновенными красками живописуетъ Босфоръ и Константинополь. —Это зрѣлище, говоритъ она, подзадоривая любопытство слушателей, неописуемой красоты.—Нашъ „путеводитель“, щедрый на похвалы, называетъ видъ на Босфоръ едва-ли не красивѣйшимъ видомъ во всемъ мірѣ. Все это заставляетъ съ нетерпѣніемъ дожидаться двухъ часовъ, когда мы по росписанію войдемъ въ Босфоръ. Мечта забѣгаетъ впередъ и въ воображеніи встаетъ картина, нарисованная поэтомъ:

Тамъ, предъ Эюбомъ [1]) живописнымъ,
Вѣнчаясь лѣсомъ кипарисным,
Картина чудной красоты
Свои раскинула узоры.....
Волшебный край! Шехеразады
Живая, сказочная ночь!
Души дремоты и услады
Тамъ умъ не въ силахъ превозмочь...

Но въ дѣйствительности еще ничего этого пока нѣтъ; кругомъ безбрежное море, приковывающее къ себѣ вниманіе своею необъятностью, величіемъ, таинственностью и непостоянствомъ. Не эти-ли качества дали поводъ отцамъ церкви, жившимъ большею частію при морѣ, сравнивать жизнь человѣческую съ моремъ; это сравненіе въ свято-отеческихъ твореніяхъ встрѣчается чаще другихъ. Послѣ полудня вдали постепенно стала обрисовываться земля. Пассажиры, вооружаясь биноклями, подходили къ борту парохода, но долго еще ничего не было интереснаго. Наконецъ, около 2 часовъ пополудни, пароходъ подошелъ къ гористому, угрюмому европейскому берегу и, повернувъ направо, сталъ входить въ Босфоръ — этотъ водяной мостъ между Азіею и Европой, имѣющій въ длину 3 съ половиною мили и 1—2 версты въ ширину. Онъ открывается не сразу, и по мѣрѣ того, какъ пароходъ поворачивается на изгибахъ пролива, предъ зрителемъ открываются новыя и новыя перспективы. Вотъ и азіатскій берегъ. Онъ такой-же угрюмый, какъ и европейскій, и въ душу начинаетъ прокрадываться сомнѣніе, не

[1]) Эюбъ—турецкое кладбище на берегу Золотаго Рога.

преувеличены—ли восторженныя описанія Босфора, называющія его чудомъ, сказкою Шехеразады, волшебнымъ сновидѣніемъ, миражами дѣтства, и т. п. Но прошло еще нѣсколько минутъ и всѣ сомнѣнія разсѣялись.

Предъ минаретами пророка,
Здѣсь, весь объятый цѣпью горъ,
Подъ небомъ голубымъ востока
Свѣтлѣетъ голубой Босфоръ.

На встрѣчу намъ бѣгутъ волнистые холмы европейскаго и азіатскаго береговъ, сплошь застроенные громоздящимися другъ на друга своеобразной архитектуры домами, купающимися внизу въ голубыхъ волнахъ Босфора, а вверху, на горѣ, утопающими въ зелени садовъ. Ярко-синее небо, голубыя волны Босфора, причудливыя очертанія холмовъ, унизанныхъ бѣлыми домами, вырисовывающимися сквозь зелень кипарисовъ, платановъ и буковъ, знойное солнце, оживляющее все кругомъ и играющее своими золотыми лучами на полумѣсяцахъ красивыхъ мечетей, обиліе красокъ, чередованіе свѣта и тѣней—это, если и не сказка Шехеразады, то во всякомъ случаѣ чудная картина, на которую нельзя не залюбоваться. Но этою картиною, какъ и произведеніями художниковъ, нужно любоваться только издали. Чудная картина Айвазовскаго вблизи оказывается грубо-размалеваннымъ полотномъ. И Босфоръ, если всматриваться въ его детали, покажется далеко не волшебнымъ. Архитектура восточныхъ домовъ не отличается особымъ изяществомъ; это какіе то высокіе, узкіе ящики съ плоскими крышами и задѣланными рѣшетками окнами. Въ нихъ и около нихъ словно все вымерло: ни человѣческаго лица, ни звука, ни движенія. Восточные дома перемежаются дворцами, похожими на казармы, и громадными казармами, похожими на дворцы. Казармъ и казарменныхъ построекъ здѣсь много, особенно при самомъ входѣ въ Босфоръ; есть и земляныя укрѣпленія, откуда вызывающе глядятъ дула пушекъ. И только по временамъ, среди ящикообразныхъ восточныхъ домовъ и другихъ казарменныхъ построекъ Босфора, изящно выдѣляется прекрасной архитектуры зданіе—дача, или фантастическія развалины древнихъ крѣпостей. Лишь только мы миновали турецкія крѣпости, нашъ пароходъ остановился противъ дачи русскаго посла — Буюкъ-дере, боль-

шого каменнаго дома, за которымъ далеко по горѣ раскинулась роскошная роща, такъ и манившая подъ свою тѣнь съ накаленной знойнымъ солнцемъ палубы парохода. За посломъ выѣхалъ раззолоченный каикъ; его встрѣчаютъ члены посольства, представители султана, явившіеся отъ лица своего государя привѣтствовать посла при его возвращеніи, турецкая полиція, въ необычайно пёстромъ и бросающемся въ глаза костюмѣ. Распростившись весьма любезно съ Преосвященнымъ и еще разъ пообѣщавъ оказать намъ всякое содѣйствіе во время пребыванія въ Константинополѣ, г. посолъ отбылъ на томъ же каикѣ въ Буюкъ-дере. Послѣ отъѣзда посла, пароходъ медленно пошелъ къ Константинополю, обгоняя и встрѣчая на каждомъ шагу пароходы, парусные суда, паровые катера и турецкіе каики, рѣжущіе въ разныхъ направленіяхъ воды Босфора. Оживленіе на водѣ становилось все сильнѣе и сильнѣе по мѣрѣ того, какъ мы подъѣзжали къ древнему городу, колыбели православія—Царь-граду. Переходя съ борта на бортъ, съ биноклемъ въ рукахъ, пассажиры торопятся посмотрѣть на то или другое выдающееся зданіе на европейскомъ или азіатскомъ берегу и вспоминаютъ совершившіяся здѣсь событія древней и новой исторіи. За Буюкъ-дере на европейскомъ берегу показываютъ Терапію съ красивыми дворцами посольствъ другихъ иностранныхъ государствъ; далѣе обращаетъ на себя вниманіе построенная еще въ 1452 г. Магометомъ 2-мъ крѣпость: Румели—гиссаръ, которую строитель остроумно называлъ: „Багхазъ-Кетченъ“ — поверни назадъ. Ранѣе въ этомъ мѣстѣ переходили Босфоръ: Дарій, шедшій войною на скиѳовъ, и 10 тысячъ грековъ, возвращавшихся изъ Персіи подъ предводительствомъ Ксенофонта. Далѣе—виллы богатыхъ турокъ и дворцы падишаха самой причудливой архитектуры: Долма-Бахче, вверху—Ильдызъ Кіоскъ—резиденція султана Абдулъ-Гамида, Чараганъ, гдѣ заключенъ бывшій султанъ Мурадъ. По Босфору пароходъ идетъ уже болѣе $1^1/_2$ часа, и быстрая смѣна новыхъ и новыхъ видовъ начинаетъ утомлять пассажировъ, всѣмъ хочется увидать поскорѣе самый городъ, про который византійскій историкъ Михаилъ Дука съ паѳосомъ говорилъ: „о городъ, городъ, всѣмъ городамъ голова!“ Но городъ, какъ бы для того, чтобы усилить впечатлѣніе, показывается сразу, лишь только пароходъ сдѣ-

лаетъ послѣдній поворотъ. Онъ обрисовывается во всемъ своемъ величіи предъ зрителемъ и картина, которою мы любуемся съ парохода, не столько красива, сколько эффектна. Босфоръ развѣтвляется: одинъ рукавъ его—Золотой Рогъ—синею лентою перепоясываетъ городъ, отдѣляя турецкую часть его — Стамбулъ отъ европейской — Пера и Галата; другой—греки называютъ Пропонтидою—впадающій въ Мраморное море, омываетъ южную часть Стамбула, раздѣляетъ Европу отъ Азіи. На холмахъ, опоясанныхъ голубою лентою Пропонтиды и Золотаго Рога, амфитеатромъ раскинулся древній городъ, столько-же европейскій и христіанскій, сколько и азіатскій и мусульманскій, и въ настоящее время одинаково дорогой, какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ. Среди громоздящихся другъ на друга восточныхъ зданій съ плоскими крышами, красивыя мечети съ высокими круглыми куполами и тонкими, стройными минаретами царятъ надъ городомъ. На азіатскомъ берегу—Скутари—городъ кладбищъ, тонущихъ въ зелени кипарисовъ, уходящихъ своими стройными вершинами въ далекое небо. Въ отдаленіи за Стамбуломъ обрисовываются темные силуэты Принцевыхъ острововъ, купающихся въ бирюзовыхъ водахъ Мраморнаго моря. Золотой Рогъ запруженъ сотнями судовъ и издали виднѣется лишь лѣсъ мачтъ. Среди домовъ Стамбула выдѣляется громадное, бѣлое зданіе Сераля, а за нимъ, словно согнувшаяся подъ тяжестью лѣтъ старушка, Св. Софія. На правой сторонѣ бросается въ глаза высокая, круглая генуэзская башня, господствующая надъ Галатою.

Около 4 часовъ вечера нашъ пароходъ бросилъ якорь противъ Золотаго Рога и довольно далеко отъ берега Галаты, гдѣ находится турецкая таможня. Турецкіе каики, давно уже кружившіеся, какъ стая вороновъ надъ трупомъ, около парохода, теперь окружили его со всѣхъ сторонъ и, отталкивая другъ друга, торопились занять мѣсто ближе къ трапу; а нѣкоторые лодочники карабкались на самый пароходъ. Для человѣка, непривыкшаго къ восточнымъ нравамъ, все кажется интереснымъ и своеобразнымъ, начиная съ оригинальныхъ костюмовъ гребцовъ. Нѣкоторыя сцены такъ и просятся на полотно. Пользуясь отсутствіемъ хозяина, одинъ лодочникъ отталкиваетъ каикъ отъ трапа; какъ коршунъ налетаетъ сверху на него хозяинъ лодки и феска перваго съ шумомъ

летитъ въ море; тотъ въ свою очередь пускаетъ въ ходъ весло: крикъ и шумъ невообразимый. Въ другомъ мѣстѣ два лодочника вцѣпились другъ другу въ волоса и обмѣниваются любезностями. Но лишь только трапъ спущенъ, лодочники забываютъ личныя обиды и дружно нападаютъ на пассажировъ, предлагая на всевозможныхъ языкахъ услуги и вырывая изъ рукъ чемоданы. Къ нимъ присоединяются не менѣе назойливые гиды и коммиссіонеры. „Monsieur, сэръ, челеби, ефенди, господинъ“—раздается во всѣхъ углахъ парохода. Наконецъ, появились и монахи съ 3-хъ Аѳонскихъ подворій, выѣзжающіе къ каждому приходящему въ городъ пароходу за богомольцами, а теперь и предупрежденные о нашемъ пріѣздѣ. Мы заняли двѣ лодки Пантелеймоновцевъ и Андреевцевъ и, лавируя между другими лодками, направились къ берегу. Море, казавшееся съ парохода совершенно спокойнымъ, на самомъ дѣлѣ довольно сильно волновалось, хмурилось и высоко подбрасывало нашу небольшую лодку. „А что, глубоко здѣсь?“ „Да, дна не достать“, отвѣтилъ монахъ и какъ-бы про себя прибавилъ, „и народу же погибло тутъ—во время рѣзни армянъ,—весь проливъ былъ красный, трупы плавали десятками.“

Высадившись на берегу Галаты, мы всѣ вмѣстѣ во главѣ съ Преосвященнымъ, предводительствуемые монахами, отправились на Пантелеймоновское подворье, отстоящее не болѣе на полверсты отъ берега. Пройдя по темному корридору большого каменнаго зданія, похожаго на заброшенный сарай—это была, какъ мы потомъ узнали, турецкая таможня,—мы черезъ нѣсколько узкихъ, грязныхъ переулковъ, замощенныхъ такъ, что на нихъ легко сломать ноги, прыгая черезъ собакъ, кучками мирно спящихъ среди дороги, проталкиваясь среди снующихъ во всѣ стороны обывателей Галаты, дошли наконецъ до большого пятиэтажнаго дома Пантелеймоновскаго подворья. На колокольнѣ подворья не громко, но по православному обычаю звонили. На встрѣчу Преосвященному вышелъ настоятель подворья о. Мисаилъ съ братіею. Сопровождаемые ими, мы направились въ небольшую, но уютную церковь подворья, помѣщающуюся на крышѣ пятиэтажнаго зданія. Преосвященнаго здѣсь встрѣтили пѣніемъ: „Достойно“, входной; послѣ чего мы выслушали благодарственный молебенъ по случаю благополучнаго при-

бытія, приложились къ частицамъ мощей и мѣстнымъ иконамъ. Послѣ молебна Владыка обратился къ инокамъ съ рѣчью, въ которой, высказавъ радость о томъ, что ему въ третій разъ пришлось быть здѣсь, среди извѣстной своимъ страннолюбіемъ братіи и поблагодаривъ иноковъ за радушную встрѣчу, пожелалъ имъ спасенія о Господѣ. Затѣмъ, Преосвященный, примѣнительно къ послушанію здѣшнихъ иночествующихъ и обитанію ихъ въ разновѣрномъ и разноплеменномъ градѣ, развилъ въ своей рѣчи мысль о *святости жизни христіанъ* въ связи съ прославленіемъ имени Божія. „Жизнь христіанъ, поучалъ Преосвященный, дѣла ихъ и слава Божія находятся въ тѣсной связи между собою, какъ говоритъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ (Мѳ. 5, 16) и Апостолъ Павелъ: добрыми дѣлами христіанъ имя Божіе прославляется, дурными—хулится (Рим. 2, 24). Понятна причина этого. По жизни людей обыкновенно судятъ о достоинствѣ ихъ вѣры, о содержимомъ ими религіозномъ ученіи и о Самомъ Богѣ—Виновникѣ вѣры. Истинные послѣдователи вѣры Христовой въ своей жизни необходимо должны отображать и отображаютъ содержимое ими вѣроученіе и нравоученіе, со всѣми его достоинствами, и уподобляются и должны уподобляться своему небесному Отцу и Господу нашему Іисусу Христу. А такая жизнь христіанъ, какъ жизнь совершеннѣйшая, невольно возбуждаетъ уваженіе къ нимъ и побуждаетъ людей прославлять и Отца ихъ небеснаго, породившаго и воспитавшаго такихъ добрыхъ дѣтей. Святость жизни—спасительное требованіе отъ всякаго христіанина, но преимущественно—отъ пастырей духовныхъ и иночествующихъ, отрекшихся отъ страстей и соблазновъ міра сего. Вы по послушанію живете здѣсь въ городѣ, населенномъ и инославными, и евреями, магометанами, язычниками. Что, если неблаговидною жизнью своею дадите кому нибудь изъ нихъ благовидный предлогъ къ порицанію православной вѣры? О, да не будетъ сего! Знаю, что вамъ труднѣе, чѣмъ вашимъ аѳонскимъ братіямъ, блюсти святость жизни своей, въ виду тѣхъ искушеній и соблазновъ, среди которыхъ вы находитесь... Но молитесь, да не внидете въ напасть. Труднѣе борьба—бо́льшая награда. Молю Господа Бога, да даруетъ вамъ Свою благодатную помощь въ спасительномъ несеніи вашего послушанія. Да прославляется вами имя Божіе у

магометанъ, евреевъ и язычниковъ, а не хулится, какъ оно нѣкогда хулилось среди язычниковъ ради дурныхъ іудеевъ". Преподавъ затѣмъ благословеніе братіи и богомольцамъ, видимо обрадованнымъ лицезрѣніемъ русскаго Архипастыря, и прохладившись въ общемъ залѣ обычнымъ на востокѣ глико съ холодною водою, Преосвященный вмѣстѣ съ нами посѣтилъ и другія, вблизи находящіяся, подворья, гдѣ встрѣча была такая же торжественная и радушная. Преосвященный и здѣсь назидалъ братію и богомольцевъ своимъ словомъ.

Преосвященный вмѣстѣ съ нами остановился въ подворьи Пантелеймоновскаго монастыря, профессора съ лаврскими монахами—въ Андреевскомъ подворьи. Намъ отвели прекрасныя, чистыя комнаты съ чуднымъ видомъ на Золотой Рогъ и Стамбулъ. — Не успѣли мы переодѣться, какъ любезнѣйшій и услужливѣйшій гостинникъ отецъ Евгеній уже бѣгалъ по номерамъ, приглашая въ общую столовую кушать. Въ столовой мы были только одни, пропѣли молитву, Владыка благословилъ трапезу и усѣлись предъ возвышающимися пирамидою тарелками. Обѣдъ былъ сытный и разнообразный. Прославленное аѳонское гостепріимство оправдало себя. От. Евгеній изо всѣхъ силъ старался услужить и, не уставая, угощалъ, приправляя приглашеніе невинными прибаутками. Казалось, что мы не въ далекой чужой странѣ, а въ родной Руси, въ гостепріимномъ домѣ хлѣбосольнаго хозяина. „Грѣхъ вамъ, о. Евгеній, говорилъ Преосвященный, такъ закармливать гостей", но о. Евгеній былъ неумолимъ, приглашая отвѣдать новаго блюда.

Пообѣдавъ и напившись чаю, мы отправились знакомиться съ городомъ, а Преосвященный отправился въ экипажѣ съ визитомъ къ послу, который къ вечеру долженъ былъ пріѣхать изъ Буюк-дере въ городъ. О. Евгеній любезно предложилъ намъ въ провожатые монаха о. Галактіона. Но чтобы познакомиться съ физіономіей города, не надо далеко ходить: стоитъ лишь повернуть направо отъ подворья и переулкомъ выйти на узкую, грязную и темную отъ нависшихъ съ двухъ сторонъ домовъ улицу. Улица кишмя кишитъ народомъ различныхъ племенъ, національностей и общественныхъ положеній. Всѣ торопятся и бѣгутъ въ разныя стороны, не обращая другъ на друга вниманія. Только жен-

щинъ почти не видно въ этой толпѣ. Изрѣдка тѣнью мелькнетъ закутанная, какъ мумія, въ свое шелковое ферэдже (покрывало) турчанка, сопровождаемая служанкою, и не успѣешь за чернымъ тонкимъ яшмакомъ (вуалью) разсмотрѣть ея одутловатое, блѣдное, правильное лицо съ потупленными внизъ глазами, какъ она уже скрылась въ волнующейся и шумящей толпѣ. Вообще шумъ на улицѣ невообразимый. Шумъ конки, неистовый крикъ бѣгущаго впереди нея и расталкивающаго толпу негра, галдѣніе разносчиковъ, ревъ ословъ, муловъ, лошадей и воловъ, хлопанье бичей, визгъ придавленныхъ собакъ, странныя и разнообразныя выкрикиванія разносчиковъ фруктъ и овощей, звонъ денегъ многочисленныхъ мѣновщиковъ, расположившихся прямо на тротуарѣ, побрякиваніе стаканами встрѣчающихся на каждомъ шагу продавцевъ лимонаду—все это сливается въ такой невообразимый концертъ, отъ котораго становится жутко непривычному человѣку. „Идите среди улицы, предупреждаетъ о. Г—онъ, иначе васъ обольютъ помоями; здѣсь принято выливать и выбрасывать все ненужное прямо на улицу“. Дѣйствительно, всѣ стремятся на средину улицы, на которой едва-едва могутъ разъѣхаться два экипажа, тѣмъ самымъ увеличивая толкотню и давку. А на тротуарахъ, и безъ того узкихъ, сидятъ, покуривая кальянъ или посасывая кофе изъ микроскопическихъ чашечекъ, турки, флегматично посматривающіе на прохожихъ; здѣсь-же расположились сарафы (мѣнялы) и сюда-же продавцы вынесли изъ лавокъ свои произведенія. Послѣдніе рѣдко пропустятъ проходящаго мимо, а особенно иностранца, котораго они узнаютъ какимъ то чутьемъ, безъ того, чтобы не предложить ему своего товару и не пробѣжать за нимъ нѣсколькихъ шаговъ, расхваливая достоинство товара. Къ нимъ присоединяются въ нападеніи на иностранцевъ: мѣнялы, коммиссіонеры, гиды и разносчики, часто заставляющіе покупать вещь совершенно ненужную, чтобы только отвязаться. Большинство ихъ хотя и плохо, но говоритъ по русски. Всюду грязь и вонь. Но дополняютъ и вѣнчаютъ достойнымъ образомъ эту своеобразную картину собаки. Среди улицы, пристроившись къ кучѣ мусора, десятками валяются эти невозможныя животныя, прежде всего поражающія туриста. Нельзя говорить, конечно, о современномъ Константинополѣ и

не сказать о его собакахъ. Но едва-ли можно что-нибудь прибавить къ характеристикѣ своеобразныхъ Константинопольскихъ собакъ, сдѣланной извѣстнымъ натуралистомъ Брэмомъ, кромѣ того, что она безусловно справедлива. Вотъ что говоритъ о нихъ почтенный авторъ „Жизни животныхъ“ (т. I, стр. 341, Спб. 66 г.). „Съ мыслью объ улицахъ столицы неразлучна мысль объ ихъ постоянныхъ обитателяхъ — неимѣющихъ хозяевъ собакахъ, которыхъ видишь на нихъ въ безчисленномъ множествѣ. Обыкновенно составляешь себѣ слишкомъ высокое представленіе о тѣхъ видахъ, о которыхъ часто читаешь. Относительно этихъ же собакъ дѣло другое. Хотя всѣ путешественники согласны въ томъ, что представляютъ ихъ, какъ мученіе человѣчества, однако большая часть ихъ отзывается слишкомъ умѣренно, говоря объ этихъ животныхъ. Это животное—совершенно особой породы: по наружной формѣ оно ближе всего подходитъ, конечно, къ овчаркамъ, но у нихъ нѣтъ ни загнутаго хвоста, ни короткихъ волосъ грязно-желтаго цвѣта. Когда они лѣниво подкрадываются или лежатъ на солнцѣ, то нужно сознаться, что ни одно животное не имѣетъ болѣе наглаго, я хотѣлъ сказать, болѣе грубаго вида. Всѣ улицы, всѣ площади покрыты ими; онѣ или стоятъ рядами около домовъ, выжидая куска, который имъ случайно выбросятъ, или лежатъ посреди улицы, и турокъ, который сильно боится причинить зло живому существу, уступаетъ имъ дорогу. Я никогда не видѣлъ также, чтобы мусульманинъ наступилъ на одно изъ этихъ животныхъ или ударилъ-бы его: скорѣй купецъ выброситъ имъ изъ лавки остатки своего обѣда. Каждая улица имѣетъ своихъ собакъ, никогда непокидающихъ ее, и горе собакѣ, которая осмѣлится забрести въ чужую область. Я часто видалъ, какъ на такую несчастную бросались всѣ остальныя и, если она не спасалась бѣгствомъ, то просто рвали ее на части. Насколько эти собаки спокойны днемъ, настолько-же онѣ опасны европейцамъ, которымъ ночью случилось заблудиться на улицахъ Стамбула... Почти на каждомъ шагу можно видѣть на улицѣ круглыя ямы, сдѣланныя въ грязи, и въ нихъ цѣлое семейство маленькихъ голодныхъ собакъ, выжидающихъ той минуты, когда сдѣлаются настолько самостоятельными, чтобы, подобно своимъ предкамъ, дѣлать улицы столицы непріятными и небезопасными“.

Голова начинала кружиться отъ разнообразія впечатлѣній, шума и вони. „Пойдемъ-те, о. Г—онъ, домой, скоро солнце будетъ садиться, а вечеромъ Преосвященный приглашалъ собраться всѣмъ вмѣстѣ, чтобы выработать маршрутъ осмотра города. „До дому недалеко, говоритъ о. Г., стоитъ только повернуть въ переулокъ налѣво и мы выйдемъ къ самому подворью, но лучше сдѣлаемъ небольшой крюкъ и обойдемъ эти переулки: нехорошіе они“. Эти переулки, какъ мы потомъ узнали, являются центромъ разврата, нашедшаго для себя надежный пріютъ въ Галатѣ; нѣкоторые изъ товарищей, рискнувшіе пройти по нимъ, едва не поплатились за свою смѣлость полами сюртуковъ и пальто. Дорогою къ дому о. Г. утѣшалъ насъ тѣмъ, что Константинополь имѣетъ такую физіономію только въ интернаціональной части города—Галатѣ и Перѣ, а въ Стамбулѣ — турецкой части города — нравы нѣсколько иные. О. Евгеній встрѣтилъ насъ у входа въ подворье. „Пожалуйте, господа студенты, пожалуйте на верхъ, на крышу, тамъ Преосвященный и господа профессора пьютъ чай и васъ приглашаютъ туда“. По широкой каменной лѣстницѣ мы поднялись на крышу зданія; среди нея церковь подворья, вокругъ которой довольно широкая галлерея, огороженная рѣшеткою и заставленная цвѣтами. На одной сторонѣ галлереи былъ сервированъ чай. Съ трехъ сторонъ галлереи открывается широкій видъ на городъ и Мраморное море съ Принцевыми островами. Босфоръ нѣсколько загораживаетъ отъ Пантелеймоновскаго подворья еще болѣе высокое и грандіозное зданіе Андреевскаго подворья. Солнце уже сѣло и, какъ это бываетъ только на югѣ, ночь моментально окутала городъ темнымъ густымъ покровомъ. Съ крыши Пантелеймоновскаго монастыря открылась волшебная панорама: городъ загорѣлся милліонами то вспыхивающихъ, то снова потухающихъ огней; за блестящею отъ многочисленныхъ пароходныхъ огней струею Золотаго Рога, по которому безъ устали снуютъ пароходы, вырисовываются на темномъ небѣ высокіе, стройные, уходящіе въ высь неба минареты турецкихъ мечетей. На плоскихъ крышахъ домовъ прогуливаются, наслаждаясь чудною теплою ночью, ихъ обитатели и обитательницы, черноглазыя гречанки. Но очарованіе поэтически прекрасной ночи скоро разрушается начи-

нающимся кругомъ шабашемъ. Иначе нельзя назвать то, что происходитъ по вечерамъ, и даже по ночамъ, въ Галатѣ и, преимущественно, въ примыкающихъ къ подворью домахъ. Это восточные кафе—шантаны. Едва-лишь ночь избавитъ окна этихъ домовъ отъ дневного свѣта, какъ подъ темнымъ покровомъ ея жизнь здѣсь закипаетъ ключемъ. Сюда спѣшатъ со всѣхъ сторонъ Константинопольскіе босяки, имя которымъ легіонъ, и начинается содомъ. Завываніе скрипокъ, бренчаніе барабановъ, нестройные звуки смѣшанныхъ хоровъ: все это сливается вмѣстѣ въ одинъ дисгармонирующій съ уснувшею природою и тишиною ночи—аккордъ.

—О. Евгеній, что это такое у васъ тутъ дѣлается? „Охъ, искушеніе, охъ, искушеніе!“ машетъ рукою о. Евгеній. „Благословите еще чашечку налить,—и для монаховъ искушеніе, и богомольцы жалуются, что спать не даютъ, да ничего не подѣлаешь. Все по грѣхамъ нашимъ посылаетъ Господь искушенія эти, чтобы не забывали Его милосердаго, да больше Богу молились“.

Выработать маршрутъ осмотра достопримѣчательностей Константинополя въ пять дней, какими мы располагали до отхода слѣдующаго парохода „Нахимовъ“,—оказалось дѣломъ не легкимъ, но съ помощью о. Евгенія его всетаки удалось привести къ благополучному концу. При этомъ о. Евгеній всегда сумѣлъ поставить на своемъ. „Я Вамъ совѣтую, Ваше Преосвященство, посѣтить то-то въ такой-то день, такъ и запишите, иначе вы не успѣете сдѣлать по росписанію и все равно все выйдетъ по моему. Я, славу Богу, не мало времени прожилъ въ Царь-Градѣ и знаю здѣсь каждый клочекъ земли, какъ свои пять пальцевъ“. Въ концѣ концевъ рѣшили время пребыванія въ Константинополѣ распредѣлить слѣдующимъ образомъ. Во вторникъ—осмотрѣть древніе христіанскіе храмы, обращенные въ мечети, начиная разумѣется съ Св. Софіи, и другія священныя мѣста и представиться Вселенскому патріарху—Константину V; въ среду—съѣздить на островъ Халки, гдѣ осмотрѣть греческую богословскую семинарію и посѣтить бывшаго Іерусалимскаго патріарха Никодима, хорошо извѣстнаго Россіи; въ четвергъ—осмотрѣть безестенъ, русскую школу при русской больницѣ и съѣздить по Босфору въ Буюкъ-дере, на дачу русскаго посла; въ пятницу—посмотрѣть торжественный выѣздъ

султана въ мечеть и богослуженіе вертящихся дервишей; въ субботу—турецкій музей; посѣщеніе археологическаго института и остальныхъ достопримѣчательностей города было отложено до обратнаго пути, когда пароходъ два дня стоитъ въ Константинонолѣ. Было уже поздно, когда мы ушли по своимъ номерамъ, но уснуть удалось не сразу подъ своеобразную музыку и пѣніе разгулявшейся Галаты.

6 Іюня. Вторникъ. Въ Царь-градѣ.

День черезъ чуръ богатый впечатлѣніями. Проснулись рано, поднятые самыхъ разнообразныхъ тоновъ криками разносчиковъ. А о. Евгеній бѣгаетъ уже по номерамъ, приглашая кушать чай. „А что, о. Евгеній, сегодня ночью никого собаки около васъ не загрызли, не знаете?“—Не слыхать, кажется все слава Богу, говоритъ о. Евгеній, а грызутся онѣ по ночамъ—это между собою, постоянно.

Чтобы успѣть выполнить намѣченный маршрутъ — осмотрѣть выдающіеся археологическіе памятники Византіи и представиться сегодня-же патріарху—необходимо пораньше начать выполненіе его, и притомъ не пѣшкомъ, а на извозчикахъ. Къ 9-ти часамъ всѣ были готовы; прибылъ къ этому времени и кавасъ, любезно присланный посломъ, для почетнаго сопровожденія и охраны нашей, если бы она понадобилась. Преосвященный вмѣстѣ съ профессорами и кавасомъ на кòзлахъ отправились въ фаэтонѣ прямо съ подворья. А мы, по совѣту предусмотрительнаго и заботливаго о. Евгенія, должны были сначала отправиться пѣшечкомъ, пройти минутъ 15—20, и за мостомъ черезъ Золотой Рогъ нанять извозчиковъ: „такъ оно выйдетъ значительно дешевле, наставлялъ добрый о. Евгеній, а то они,—искушеніе съ ними,—пользуются всякимъ случаемъ, чтобы залѣзть въ карманъ, а они у васъ должно быть не слишкомъ толсты. Да не слишкомъ долго пробавляйтесь, а то устанете, — кушать ничего, пожалуй, не сможете“. Поблагодаривъ о. Евгенія за его заботы о нашихъ карманахъ и желудкахъ, мы, предводительствуемые о. Галактіономъ, отправились по грязной набережной Золотаго Рога, сплошь застроенной турецкими кофейнями. Впереди, отдѣленный Золотымъ Рогомъ, виднѣется Стамбулъ съ своими большими

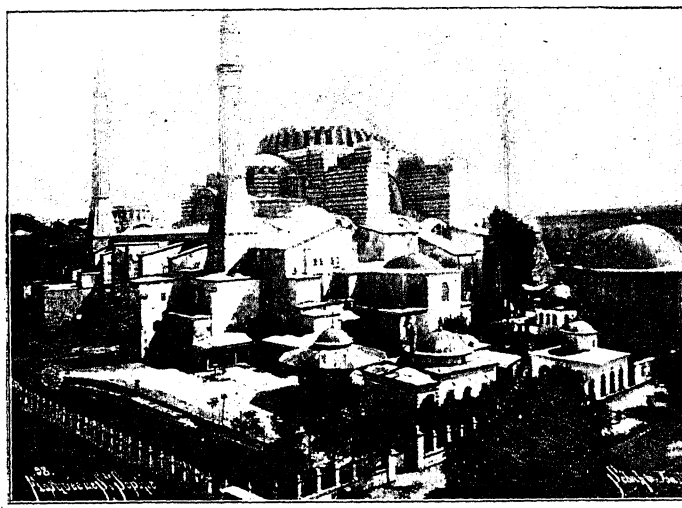
Видъ на Стамбулъ.

Галатскій мостъ.

Къ стр. 31.

красивыми мечетями и дворцами, утопающими въ зелени кипарисовъ. На мосту невообразимая суматоха: его справедливо называютъ центромъ Константинополя, который въ свою очередь можно назвать громаднымъ мостомъ между сѣверомъ и югомъ, востокомъ и западомъ, гдѣ временно сходятся всѣ національности. По нему въ день пройдетъ нѣсколько тысячъ человѣкъ, отправляющихся по ту и другую сторону Золотаго Рога и на пароходы, пристани которыхъ устроены съ лѣвой стороны моста. За проходъ по мосту двое турокъ, одѣтыхъ въ длинные балахоны, бѣгая изъ стороны въ сторону, собираютъ со всѣхъ проходящихъ по паричкѣ ($2^1/_2$ к.). Эти деньги идутъ, по словамъ однихъ, на кухню, а по словамъ другихъ—на гаремъ султана, но ни въ какомъ случаѣ, какъ увѣряютъ третьи, не на починку моста, такъ какъ мостъ еле живъ и его, повидимому, еще никогда не чинили. Съ военныхъ всѣхъ національностей за проходъ по мосту не берутъ: не брали и съ насъ, принимая, вѣроятно, насъ за военныхъ, судя по нашимъ форменнымъ костюмамъ съ свѣтлыми пуговицами. За мостомъ мы сѣли въ прекрасныя парныя коляски, нанятыя для насъ о. Г-ономъ, и вереницею тронулись впередъ, обращая на себя вниманіе турокъ, кричавшихъ намъ вслѣдъ: „московъ таибъ, руссъ карошъ“. А въ головахъ нашихъ въ это время роился цѣлый рядъ мыслей, которыми мы и дѣлились другъ съ другомъ, о многострадальной судьбѣ „Новаго Рима“, какъ назвалъ языческую Византію ея строитель, или вѣрнѣе, обновитель, Константинъ Великій, желавшій сдѣлать её столицею христіанскаго міра и, по преданію, ввѣрившій её покровительству и заступничеству Божіей Матери. Много сокровищъ древняго искусства было привезено сюда Константиномъ изъ всѣхъ городовъ древняго міра. Со времени Юстиніана городъ Константина дѣйствительно сдѣлался столицею христіанскаго Востока „оплотомъ православія“. Благоустроенные храмы возвышались на всѣхъ холмахъ Царь-града и ихъ позолоченные кресты отражались въ свѣтлыхъ водахъ Золотаго Рога. Владиміръ Святой породнилъ Царь-градъ съ Русью, уже давно завязавшей съ нимъ торговыя сношенія. Отсюда животворная струя христіанства облагодатствовала варварскую Русь. Съ тѣхъ поръ Византія является для насъ настоящимъ духовнымъ отечествомъ. Припоминались и послѣ-

дующія внутреннія смуты, обезсилившія нѣкогда могучую Имперію до того, что въ началѣ 13-го вѣка (1204) ею легко завладѣли крестоносцы, уничтожившіе большинство ея старинныхъ памятниковъ. Припомнился и ужасный 1453 годъ. Уносились мыслію и къ будущему, къ извѣстному пророчеству о дальнѣйшей судьбѣ славной нѣкогда Византіи... Проѣхавъ черезъ площадь и нѣсколько узкихъ и грязныхъ переулковъ, мы скоро очутились, недалеко отъ берега Мраморнаго моря,



Внѣшній видъ Св. Софіи.

у Св. Софіи, про которую еще наши предки, посланные св. Владиміромъ отыскивать лучшую вѣру и побывавшіе въ чудномъ храмѣ Юстиніана, говорили: „нѣсть-бо на земли такого вида, ни красоты таковыя“. Какъ-то не вѣрилось, что мы стоимъ предъ этимъ единственнымъ въ мірѣ зданіемъ, съ исторіею построенія котораго связано столько полуисторическихъ, легендарныхъ сказаній о многочисленныхъ чудесахъ, бывшихъ при созиданіи его, о несмѣтныхъ богатствахъ, истраченныхъ на него, о поразительной, по вѣрованію многихъ сверхъ-естественной (при помощи Ангела), скорости построенія такого грандіознаго храма [1]) въ очень ко-

[1]) Длина его внутр. части: 34½ саж., ширина 32 саж., діаметръ купола— почти 15 сажень; высота его (растоянія отъ пола) 25 сажень слишкомъ.

роткій срокъ, именно—въ 5 лѣтъ, 11 мѣсяцевъ и 10 дней [1]). Словомъ не вѣрилось, что это тотъ храмъ, при видѣ котораго, во время обряда освященія его, Юстиніанъ могъ воскликнуть: *Νενίκηκά σε, Σολομῶν*,—въ знаменіе каковой побѣды онъ и поставилъ вблизи храма мѣдную статую Соломона, взирающаго съ удивленіемъ на него, а вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ бы смущеннаго отъ признанія превосходства этого храма предъ построеннымъ имъ Іерусалимскимъ. Такой „скепсисъ“ нашъ подтверждался и внѣшнимъ видомъ его, который, признаемся, не произвелъ на насъ особеннаго впечатлѣнія; и въ нашу душу невольно стало закрадываться опасеніе, что дѣйствительность помрачаетъ тотъ величавый образъ, который составился у насъ, по книжкамъ и лекціямъ, объ этомъ величайшемъ произведеніи византійскаго зодчества. Съ перваго взгляда Ая-Софія дѣйствительно не поражаетъ ни величіемъ, ни красотою. Это какъ будто громадная масса камней, похожая больше на причудливую гору, нагроможденную природой, чѣмъ на художественное зданіе—классическое созданіе знаменитыхъ зодчихъ: Исидора Милетскаго и Анѳимія Тральскаго. Пристроенные къ нему турками со всѣхъ четырехъ сторонъ минареты и контрфорсы для поддержанія разрушающихся стѣнъ придаютъ этому перлу архитектурнаго искусства неуклюжій, громоздкій видъ. Но въ этой чудовищной грудѣ камней таится, говорятъ, прекрасный храмъ. Успокоенные этою мыслью, мы горѣли нетерпѣніемъ скорѣе увидѣть внутренность Св. Софіи. Между тѣмъ о. Г-онъ уплатилъ за каждаго изъ насъ (кажется по чирeку—40 коп.) и мы получили право войти въ мечеть. Надѣвъ бабуши, мы вслѣдъ за имамомъ по темной каменной лѣстницѣ пошли,—о чемъ много потомъ жалѣли,—прямо на хоры, вслѣдствіе чего первое впечатлѣніе отъ великаго храма было не въ его пользу. На лѣстницѣ, по которой нужно итти съ осторожностью, прохладно и сыро; получается впечатлѣніе заброшенности и неуютности, еще болѣе увеличивающееся, когда входишь въ

---

[1]) Нѣкоторые изслѣдователи думаютъ, что храмъ Св. Софіи строился дольше.—Мы ссылаемся въ данномъ случаѣ на авторитетъ такого знатока визант. археологіи, какъ Н. Кондаковъ. См. его Византійскія церкви и памятники Константинополя, напечат. въ Трудахъ VI-го археологическаго съѣзда въ Одессѣ, т. 3. Одесса, 87 г. стр. 40.

широкій коридоръ гинекея, который нашъ русскій паломникъ 12-го вѣка, архіепископъ Новгородскій Антоній, называлъ полатями (см. Путешествіе Новгородскаго архіепископа Антонія въ Царь-градъ въ концѣ 12 вѣка. Изданіе Археологич. коммиссіи. СПБ. 72 г. стр. 76). Здѣсь пусто, грязно и неуютно. Даже разстилающійся почти надъ нашими головами грандіозный куполъ, опоясанный цѣпью оконъ, обильно льющихъ свѣтъ на средину мечети, не производитъ сильнаго впечатлѣнія; единственно, что поражаетъ зрителя съ хоръ—это необыкновенная величина и просторъ зданія, сравнивать съ которымъ нельзя даже самые большіе храмы Россіи, какъ напримѣръ, Христа Спасителя въ Москвѣ или Исаакія въ Петербургѣ. Этотъ просторъ, обусловливаемый отсутствіемъ обычныхъ колоннъ, поддерживающихъ куполъ и загромождающихъ средину храма, увеличивается еще тѣмъ, что мечеть почти пуста. Нѣсколько сотъ желѣзныхъ круговъ съ лампадами, низко спускающихся на тонкой проволокѣ съ вершины зданія и развѣшенные по стѣнамъ щиты, съ изящно написанными (разумѣется, по турецки) изреченіями корана, ни мало не нарушаютъ впечатлѣнія пустынности зданія, а разостланныя по всему полу чистыя мягкія цыновки, заглушающія шумъ шаговъ, даже увеличиваютъ его. Освоившись съ первымъ впечатлѣніемъ, мы обратили свои взоры и мысли на устройство единственнаго въ своемъ родѣ Софійскаго купола, который современникамъ „казался не на твердомъ зданіи покоющемся, но на золотой цѣпи съ неба повѣшеннымъ“, а для ученыхъ нашего времени и до сихъ поръ является архитектурною загадкою. Самое построеніе его не было обычнымъ. Согласно преданію, для построенія купола кирпичи были сдѣланы въ Родосѣ изъ матеріала особаго рода, какъ думаетъ современная архитектура, изъ пемзы. Дюжина ихъ вѣсила не болѣе одного обыкновеннаго кирпича. На каждомъ кирпичѣ была надпись: „Господь да поможетъ“. Кирпичи клали правильными рядами. Черезъ каждые двѣнадцать рядовъ ставили на нихъ мощи, священники непрерывно возсылали молитвы о благополучномъ окончаніи грандіознаго предпріятія. И молитвы ихъ были услышаны: грандіозный куполъ украсилъ храмъ и увѣнчалъ византійское строительное искусство. Этотъ центральный куполъ (въ 15 сажень въ

поперечникѣ и 7 въ вышину) имѣетъ форму нѣсколько сплюснутаго полукруга, опоясаннаго цѣпью оконъ (40 шт.) и опирающагося на 8-мь другихъ пропорціонально меньшихъ полукруговъ, покоющихся въ свою очередь на двойномъ рядѣ мраморныхъ колоннъ, связанныхъ арками и симметрично расположенныхъ. Всѣхъ колоннъ 100: 40 внизу и 60 вверху. Хотя время и взяло свое, однако эти колонны, вывезенныя по приказанію Юстиніана, изъ знаменитѣйшихъ зданій Рима, Ефеса, Аѳинъ, Трои, Цикладъ, Мемфиса, Александріи, Геліополиса, Кизика, Делоса и другихъ мѣстъ, до сихъ поръ поражаютъ своею легкостью, красотою и изяществомъ, вполнѣ гармонируя съ красотою и воздушностью перекинутаго черезъ нихъ сферическаго небоподобнаго купола. Вверху очень немногое напоминаетъ, не говоримъ—о древнемъ благолѣпіи, а даже о томъ, что здѣсь нѣкогда былъ христіанскій храмъ. Мозаичныя христіанскія изображенія уничтожены временемъ, или замазаны турками. Потолки боковыхъ куполовъ вызолочены и разрисованы какими-то фигурами и цвѣтами; но позолота сдѣлана такъ небрежно, что сквозь нее часто просвѣчиваютъ христіанскія мозаики. Въ переднемъ алтарномъ полукуполѣ можно разсмотрѣть проглядывающее изъ-за краски изображеніе молящейся Богоматери съ поднятыми къ верху руками и строгимъ, грустнымъ лицомъ, словно скорбящей о поруганіи храма, посвященнаго ея предвѣчному Сыну—Божіей Премудрости и Божію Слову. Другія мозаики сохранились еще менѣе. Надъ столбами, поддерживающими полукуполы, можно разсмотрѣть остатки мозаичныхъ изображеній шестикрылыхъ серафимовъ, лица которыхъ закрыты. Съ трудомъ можно найти остатки и нѣсколькихъ другихъ мозаичныхъ изображеній. И мы долго ходили, осматривая каждую стѣну и каждую колонну. Когда проходили по южной сторонѣ хоръ, монахъ разсказалъ извѣстную легенду о томъ, какъ здѣсь въ стѣнѣ чудеснымъ образомъ скрылся священникъ, совершавшій богослуженіе въ то время, когда турки, взявшіе Константинополь, ворвались въ Святую Софію и избивали христіанъ. Согласно легендѣ, стѣна разступится и священникъ оживетъ, когда Константинополь снова будетъ православнымъ городомъ. По поводу этого разсказа невольно рождается въ головѣ мысль: оживетъ-ли когда-нибудь служитель Божій?... Много времени

можно-бы было провести съ интересомъ на хорахъ Св. Софіи, но всѣмъ хотѣлось скорѣе спуститься внизъ, откуда сразу видно все зданіе; поэтому мы снова вышли по лѣстницѣ наружу и другими дверями вошли въ мечеть, пройдя чрезъ атріумъ и темный нартексъ. Вошли и остановились, невольно поднявъ глаза къ верху, къ раскинувшемуся надъ нашими головами полусферическому куполу, уходящему въ далекую высь, который отсюда, снизу, производитъ гораздо болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ съ хоръ. Это не куполъ—это само небо, опустившееся надъ громадною площадью храма. Площадь храма двумя рядами громадныхъ колоннъ, расположенныхъ симметрически и на равныхъ другъ отъ друга разстояніяхъ, дѣлится на три корабля, изъ которыхъ средній большой, а два боковые—болѣе низкіе. Эти колонны связаны арками, на которыхъ встаютъ попарно новыя колонны, подпирающія своды другими рядами величественныхъ арокъ. Эта сквозная сѣть колоннадъ, наполняющихъ храмъ, придаетъ ему неописанную красоту и величавую таинственность. Описанія, хотя бы и самыя подробныя, и рисунки Св. Софіи, хотя бы и прекрасныя, отнюдь не могутъ замѣнить непосредственнаго созерцанія ея. Въ нѣмомъ созерцаніи открывшагося величественнаго зрѣлища, мы простояли нѣсколько времени, объятые невольнымъ чувствомъ изумленія, благоговѣнія и пораженные необыкновеннымъ величіемъ и красотою храма. Лишь воспоминанія роемъ неслись въ головѣ. Припомнилось, что еще до Юстиніана въ Константинополѣ былъ храмъ во имя Премудрости Божіей (Софіи), построенный Константиномъ Великимъ. Но храмъ этотъ существовалъ очень недолго: былъ-ли онъ слишкомъ малъ, или его разрушило землетрясеніе, только сынъ Константина, Констанцій, долженъ былъ построить его вновь. Послѣ многихъ перестроекъ этого храма при преемникахъ Константина, императоръ Юстиніанъ, въ началѣ VI вѣка, рѣшилъ воздвигнуть храмъ, способный противустоять и землетрясеніямъ, часто случавшимся въ Константинополѣ, и пожарамъ, нерѣдко опустошавшимъ столицу, который вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ быть достойнымъ монументомъ его царствованія. Словомъ, Юстиніанъ желалъ, чтобы это былъ самый прочный, самый великолѣпный соборъ на земномъ шарѣ, — чего онъ вполнѣ и достигъ... А сколько съ тѣхъ поръ, за слишкомъ тысячелѣтнее существо-

Къ стр. 36.

Внутренній видъ Св. Софіи.

ваніе храма, подъ его сводами совершилось историческихъ событій, имѣвшихъ значеніе и не для одной только Византіи! Въ немъ происходили постоянно коронованія императоровъ и даже соборы; здѣсь (въ прежнемъ храмѣ) произносилъ свои вдохновенныя проповѣди Іоаннъ Златоустъ. Здѣсь молилась наша русская княгиня Ольга. Несомнѣнно, онъ имѣлъ рѣшающее вліяніе на судьбы христіанства въ Россіи, очаровавъ, согласно преданію, пословъ Св. князя Владиміра. Дѣйствительно, если сейчасъ опустошенная мечеть производитъ чарующее впечатлѣніе на зрителя, то какое-же впечатлѣніе должны были получить наши русскіе послы, видѣвшіе Св. Софію въ золотой вѣкъ ея существованія? Въ то время, т. е. до разоренія Софіи крестоносцами (по свидѣтельству паломника 12 вѣка Новгор. архіепископа Антонія, оставившаго лучшее описаніе ея, и другихъ) она блистала роскошью. Алтарь отдѣлялся отъ остального храмового пространства серебряно-вызолоченной перегородкой, укрѣпленной на 12-ти такихъ-же столбахъ, на которыхъ помѣщались иконы. Престолъ былъ сооруженъ изъ золота, серебра, драгоцѣнныхъ камней и съ украшеніями изъ эмали. Находившееся здѣсь кресло патріарха было сдѣлано изъ драгоцѣннаго рѣзного дерева съ перламутовыми инкрустаціями, а сѣдалища для епископовъ и духовенства были украшены рѣзьбой и перламутомъ. Надъ престоломъ была устроена пирамидальная сѣнь (киворій), утвержденная на 4-хъ огромныхъ серебряныхъ и вызолоченныхъ столбахъ, эмалированныхъ и съ чеканкою превосходной работы. Съ четырехъ столбовъ киворія четыре парчевыхъ завѣсы съ вытканными на нихъ иконами отдергивались во время богослуженія. Надъ киворіемъ сіялъ крестъ изъ чистаго золота, вѣсомъ въ 75 фунтовъ, утвержденный на яблокѣ также изъ чистаго золота. Посреди храма, прямо противъ св. вратъ, находился „амвонъ“, возвышенное мѣсто въ видѣ башни, съ колоннами и позлащеннымъ на нихъ куполомъ, украшеннымъ жемчугами и драгоцѣнными камнями. Другіе 360 престоловъ храма [1]) были

[1]) Подъ престолами иные разумѣютъ двери. Въ „Сказаніи о Св. Софіи“ замѣчено, что при Юстиніанѣ „были всему числу церковныхъ двери 365“, въ другихъ редакціяхъ говорится о 365 предѣлахъ „еже на всякъ день святымъ“. Анонимъ XIV в. говоритъ о 84 престолахъ, о 72 дверяхъ, но

окованы серебромъ и золотомъ и покрыты драгоцѣнными камнями; ея многочисленныя двери были вылиты изъ позолоченой мѣди и бронзы. Стѣны были покрыты драгоцѣннымъ мраморомъ: порфиритомъ и офитомъ, капители и карнизы вызолочены, своды расписаны, куполъ покрытъ вызолоченною мозаикою; полъ храма былъ устланъ разноцвѣтнымъ мраморомъ. Если ко всему этому прибавить торжественность богослуженія (при Юстиніанѣ клириковъ, пресвитеровъ, діаконовъ, чтецовъ и пр. было 1000 человѣкъ; при Ираклiѣ — 600), то становятся вполнѣ понятными слова Владимировыхъ пословъ: „и не свѣмы, на небѣ-ли были есьмы“. Теперь нѣтъ и подобія былого великолѣпія. Алтарь уничтоженъ. Въ углубленіи бывшаго алтаря стоитъ каѳедра съ алъ-кораномъ. Направо отъ него старый коверъ, на который, по преданію, Магометъ становился на колѣна для молитвы. На мѣстѣ бывшаго патріаршаго трона—тронъ Калифа,—возвышенное, закрытое рѣшеткою мѣсто. Къ юго-восточному столбу, поддерживающему алтарный сводъ, прислонена курси (каѳедра), съ которой кіатибы (священники) произносятъ поученія. На стѣнахъ щиты. Единственно, что сохранилось отъ былого великолѣпія и можетъ быть дороже всего погибшаго золота—это открываемыя на стѣнахъ храма мозаики. Мы долго разсматривали и любовались лучше другихъ сохранившеюся мозаикою надъ дверью внутренняго нартекса, гдѣ изображенъ Спаситель на тронѣ съ колѣнопреклоненнымъ предъ нимъ императоромъ (по мнѣнію Н. Кондакова—Львомъ Философомъ), а по бокамъ Его, въ двухъ медальонахъ, Божія Матерь и Архангелъ Михаилъ. Спаситель изображенъ съ продолговатымъ лицомъ, короткою бородою и круглыми глазами. Проф. Кондаковъ относитъ эту мозаику къ началу X-го вѣка. Впрочемъ, мозаики можно разсмотрѣть только съ трудомъ.

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ громаднаго зданія помѣстились медресе—духовныя школы. Учитель и ученики сидѣли по восточному, поджавъ подъ себя ноги. Въ рукахъ у всѣхъ были книги; у учителя, кромѣ того, очень внушительная „указка“. Учитель, среднихъ лѣтъ, съ воодушевленіемъ объяснялъ имъ коранъ, какъ мы узнали отъ товарища араба.

о 362 столпахъ Св. Софіи. Прав. Пал. СБ. Введеніе къ „Книгѣ Паломникъ Антонія арх. Новгородскаго“, стр. XLIII. СПБ. 1899 г.

Ученики, юноши разныхъ возрастовъ, слушали его съ особеннымъ вниманіемъ. Но мы своимъ безцеремоннымъ разглядываніемъ отвлекали нѣсколько вниманіе ихъ. По другую сторону подобнымъ же образомъ назидалъ почтенный старецъ уже довольно пожилыхъ турокъ. Эти не удостоили насъ никакимъ вниманіемъ, всецѣло погруженные въ свои занятія. Преосвященный, обративъ наше вниманіе на примѣрное (и для насъ) усердіе этихъ учениковъ въ изученіи корана, указалъ на цѣлесообразный способъ подготовки будущихъ имамовъ, духовныхъ лицъ, именно въ мечетяхъ.— Осмотрѣвъ боковые нефы, нартексы, баптистерій, сохранившіяся отъ древности колонны и рѣзныя двери, сдѣланныя изъ коринѳскаго металла, выслушавъ обычный разсказъ—легенду о томъ, какъ завоеватель Царь-града Магометъ второй, въѣхавъ верхомъ по трупамъ убитыхъ христіанъ, ударилъ окровавленною рукой мечемъ по одной изъ колоннъ храма, оставивъ на ней слѣдъ довольно высоко отъ пола, мы съ скорбнымъ чувствомъ ушли изъ опустошенной, заброшенной, но все еще грандіозной Св. Софіи, рѣшивъ посѣтить ее еще разъ на обратномъ пути.

Изъ Св. Софіи, по программѣ осмотра Константинополя, нашъ путь лежалъ къ святынѣ современнаго Константинополя—греческому монастырю Балукли. Но недалеко отъ Софіи необходимо было осмотрѣть историческую площадь, Ат-Мейданъ, т. е. конскую площадь, имѣющую въ настоящее время 250 шаговъ въ длину и 150 въ ширину. Пустынная, заброшенная площадь, съ тремя убогими памятниками, въ свое время имѣла большое значеніе: здѣсь былъ византійскій ипподромъ. На немъ императоры выступали на ристалищахъ во главѣ той или другой партіи возницъ, отличавшихся другъ отъ друга различными цвѣтами, и вѣнчали побѣдителей. На ристанія собирались всѣ византійцы, конкурируя между собою въ роскоши и великолѣпіи одежды. Здѣсь же совершались и государственные перевороты. Михаилъ и Андроникъ, изъ династіи Комненовъ, погибли на этой площадкѣ. Она-же была залита кровью 40 тысячъ во время возмущенія партій цирка при Юстиніанѣ. Въ новѣйшее время (4 іюля 1826 г.) на ней произошло грозное избіеніе янычаръ. Теперь только стоящіе недалеко другъ отъ друга на прямой линіи три обнесенные рѣшеткою памятника говорятъ о ея историческомъ значе-

ніи. Эти памятники: обелискъ Ѳеодосія, змѣиная колонна и каменная пирамида Константина Багрянороднаго—одиноко стоятъ среди совершенно запущенной и отчасти застроенной бывшей площади ипподрома и наводятъ зрителя на грустныя мысли. Лучше двухъ другихъ памятниковъ сохранился обелискъ Ѳеодосія. Обелискъ этотъ представляетъ собою пирамидальную колонну въ 14 саж. высотою, изъ цѣльнаго Ѳивскаго гранита, находившуюся ранѣе въ храмѣ солнца въ Иліополѣ и исписанную со всѣхъ сторонъ прекрасно сохранившимися іероглифами. Онъ былъ сдѣланъ въ 1000 г. до Р. Хр. фараономъ Тотмосомъ, а на площади Византіи поставленъ на пьедесталѣ, грубо украшенномъ барельефами, въ 390 году, императоромъ Ѳеодосіемъ. Слѣдующій, болѣе замѣчательный памятникъ, почти наполовину ушедшій въ землю, змѣиная колонна, поддерживавшая въ свое время, какъ говорятъ, сѣдалище Пиѳіи въ Дельфійскомъ храмѣ,—обѣтное приношеніе грековъ послѣ побѣды надъ персами,—и вывезенная оттуда Константиномъ Великимъ. Ее образуютъ три змѣи, сплетшіяся 29-ю кольцами каждая. Головы змѣй теперь не существуютъ: ихъ, разсказываютъ мусульмане, отрубилъ Магометъ 2-ой. Вокругъ памятника кучи камня, — бросаютъ ихъ сюда фанатики-мусульмане. Третій памятникъ ипподрома—громадная (25 метровъ) полуразрушенная колонна Константина Багрянороднаго († 959 г.). Въ прежнее время она была сверху до низу покрыта рельефными листами изъ позолоченной бронзы, но латинскіе крестоносцы сняли всю обшивку, такъ что въ настоящее время видны только камни, скрѣпленные желѣзомъ, а вся колонна вообще имѣетъ жалкій видъ. Осмотрѣвши Ат-Мейданъ съ его оставшимися памятниками, мы сѣли въ коляски, и по узкимъ. кривымъ улицамъ, обставленнымъ высокими домами, своеобразной восточной архитектуры, большею частью деревянными, съ выступившими балконами, прилѣпленными точно гнѣзда къ домамъ, съ занавѣшенными, а то и закрытыми частыми плетенками окнами, направились далѣе за городъ къ греческому монастырю Балукли. Нашъ кортежъ изъ шести экипажей, во главѣ съ Преосвященнымъ, съ кавасомъ на козлахъ имѣлъ торжественно-церемоніальный видъ. Да и мы, въ своихъ форменныхъ одеждахъ со свѣтлыми пуговицами, представляли большой предметъ любопытства даже для апатичныхъ ту-

рокъ. По дорогѣ намъ прежде всего встрѣтился памятникъ, именуемый „погорѣвшею“ колонною Константина Великаго. Она состояла изъ девяти цилиндровъ, опоясанныхъ каменными лавровыми вѣнками, такъ что имѣла видъ памятника изъ цѣлаго камня, украшеннаго вѣнцами. На этой колоннѣ, какъ гласитъ путеводитель, находилась сначала бронзовая статуя Аполлона, голова котораго впослѣдствіи замѣнена была бронзовымъ изображеніемъ Константина Великаго. Въ царствованіе Алексѣя Комнена, статуя, капитель и часть колонны были разрушены молніею, отчего она и называется „погорѣвшею“. Дорога отсюда шла чисто турецкою частью города, почти параллельно берегу Мраморнаго моря, такъ какъ по пути мы намѣревались посѣтить бывшій Студійскій монастырь, нынѣ мечеть Михоръ-джами, находящуюся на югѣ Стабмула, недалеко отъ золотыхъ воротъ. На улицахъ такое-же оживленіе, какъ и въ Галатѣ. Только шуму здѣсь меньше, да рѣже чѣмъ тамъ встрѣчающіяся турчанки плотнѣе закутаны въ свои фередже съ менѣе прозрачными яшмаками; за то сильные, красивые турки съ мало-выразительными лицами—здѣсь на каждомъ шагу; они днемъ живутъ на улицѣ: здѣсь работаютъ, ѣдятъ и отдыхаютъ. Часто видишь турка, развалившагося на скамейкѣ около своего дома и опочивающаго мирнымъ сномъ. Здѣсь же суетится и разносчикъ съ походною жаровнею, приготовляющій кушанья. На улицахъ же расположились сапожники, портные, тутъ же и кофейни, постоянно полныя турками, покуривающими кальянъ и глубокомысленно созерцающими бульканье воды въ графинѣ. На наше привѣтствіе, которое мы посылаемъ изъ своихъ экипажей, пользуясь знаніемъ 4—5 турецкихъ словъ, почти всѣ турки, за исключеніемъ только чалмоносныхъ имамовъ, вообще сурово косящихся на иностранцевъ, отвѣчаютъ или также привѣтствіемъ, или „москов тайбъ“, „русс-карошъ“, оскаливая при этомъ чудные бѣлые зубы. Часто попадаются навстрѣчу и негры. Издали кажется, что двигается цѣлый домъ; вглядываешься, и оказывается, что это гамалъ-негръ, навьюченный безчисленными узлами и корзинами. Веревки, связывающія ношу, у него въ рукахъ и зубахъ; на налитомъ лицѣ сверкаютъ ослѣпительной бѣлизны зубы и бѣлки глазъ. Это—самый удобный способъ перемѣщенія тяжестей, въ виду необыкновенной узости улицъ. Другой негръ

или арабъ, подпрыгивая, бѣжитъ, держась за хвостъ лошади, отданной имъ на прокатъ на нѣсколько часовъ туристу, осматривающему городъ. Такихъ лошадей много на биржѣ, и проводнику ихъ или хозяину приходится по нѣскольку часовъ бѣгать по городу, держась за хвостъ лошади. Нашъ возница дѣлаетъ намъ какіе-то знаки, но мы ничего не понимаемъ. Тогда подходитъ о. Г. и объясняетъ, что дорога въ этомъ мѣстѣ улицы такова, что удобнѣе на всякій случай вылѣзть изъ экипажа и пройти нѣсколько шаговъ пѣшкомъ. Такъ мы и сдѣлали, и, какъ потомъ увидѣли, вполнѣ благоразумно, такъ какъ улица уступами пошла вверхъ, экипажъ каждую минуту могъ оборваться назадъ и только привычныя лошади преодолѣли трудность. Сѣвъ снова въ экипажъ, мы тронулись далѣе. Улицы узки по прежнему, а мѣстами и темны, такъ какъ вслѣдствіе скученности населенія и тѣсноты пространства, дома громоздятся другъ на друга, при чемъ постепенно расширяющіеся верхніе этажи ихъ иногда образуютъ надъ улицей точно вродѣ свода или навѣса, загораживающаго солнце. Въ этихъ домахъ съ закрытыми окнами — ни жизни, ни движенія,—словно тамъ все вымерло. Эта таинственность подзадориваетъ любопытство и невольно заставляетъ играть воображеніе, для котораго вообще много пищи на востокѣ, гдѣ достаточно недоговореннаго, таинственнаго... Наконецъ, мы очутились у полуразрушенной мечети Михоръ-джами, утопающей въ зелени. Молодой турокъ лѣниво отомкнулъ предъ нами дверь и пропустилъ впередъ, не предложивъ даже надѣть бабуши или снять сапоги. Въ мечеть она обращена изъ церкви св. Іоанна Крестителя, которая была основана, согласно преданію, въ 463-емъ году патриціемъ Студіемъ. Возникшая здѣсь затѣмъ Студійская обитель имѣла въ свое время большое значеніе для православія и, въ частности, для Россіи. По принятіи православной вѣры Христовой нашими благочестивыми предками, между Кіевскими книжными людьми и греческими учеными подвижниками Студійскаго монастыря установились самыя близкія и сердечныя отношенія. Изъ Студійскаго монастыря заимствованъ былъ нашъ церковный уставъ. „Изъ того бо Студійскаго монастыря въ Русь посылали много книгъ— уставъ, тріодь и иныя книги“ (Путеш. Новгор. арх. Антонія въ Царь-градъ въ 12 в., стр. 103). Иноки этого монастыря

такъ славились своею жизнью, ученостью и ревностью по православію, что ихъ обитель справедливо называли: „знаменитымъ и преславнымъ училищемъ добродѣтели“, обителью „неусыпающихъ“. Она оказала большія услуги Церкви въ борьбѣ съ иконоборствомъ... Въ настоящее время эта знаменитая церковь, имѣющая правильную базиликообразную форму,—это почти единственный памятникъ большой христіанской базилики на Востокѣ, по словамъ Кондакова, — представляется почти кучею развалинъ и несомнѣнно, что дни ея уже сочтены, мусульмане ее забросили. Особенно много пострадала она отъ послѣдняго землетрясенія. Полъ ея заваленъ камнями. Стѣны треснули, на нихъ ничего не сохранилось. Съ глубоко грустнымъ чувствомъ оставили мы эту мечеть, и снова запрыгали по убійственной мостовой; къ счастію, впрочемъ, прыгать на этотъ разъ пришлось недолго. Скоро мы выѣхали за городскую стѣну и поѣхали въ Балукли—къ живоносному источнику—по хорошей дорогѣ, поправленной недавно для германскаго императора, заѣзжавшаго по пути въ Палестину въ гости къ султану. Здѣсь на насъ сразу пахнуло просторомъ полей и свободой, недостатокъ которой особенно ощутителенъ въ скученномъ Стамбулѣ. Виды кругомъ совершенно измѣнились. Направо отъ насъ возвышались полуразрушенныя, но тѣмъ не менѣе грандіозныя стѣны древней Византіи, съ разставленными почти на одинаковомъ разстояніи другъ отъ друга круглыми, зубчатыми башнями. Налѣво убѣгали поля, на которыхъ по мѣстамъ стоялъ уже собранный хлѣбъ. По сторонамъ дороги высились красивые, стройные кипарисы. Кругомъ все тонуло въ зелени и залито было золотомъ горячаго полуденнаго солнца.

Подъ тѣнью платановъ, кипарисовъ и другихъ деревьевъ на небольшомъ возвышеніи спрятался монастырь Балукли съ чудотворнымъ живоноснымъ источникомъ. По входѣ во дворъ, мы увидѣли небольшую изящную греческую церковь. Построенная 70 лѣтъ тому назадъ, она сама по себѣ ничего особеннаго не представляетъ. Можно, впрочемъ, замѣтить нѣкоторыя особенности сравнительно съ русскими храмами: купола на ней нѣтъ, какъ и на другихъ современныхъ греческихъ церквахъ; колокольни также нѣтъ. Царскіе врата не выше $1^1/_2$ арш. отъ полу. Въ храмѣ много сидѣній, располо-

женныхъ вдоль стѣнъ, съ востока на западъ. Съ лѣвой стороны находится возвышеніе, съ котораго читается евангеліе. Эти особенности свойственны и другимъ греческимъ современнымъ храмамъ, и не онѣ привлекаютъ въ Балукли народъ. Влечетъ сюда туристовъ и паломниковъ самый чудотворный источникъ, о происхожденіи котораго Никифоръ Каллистъ передаетъ слѣдующее сказаніе. Существованіе этого источника открылъ небесный голосъ императору Льву Великому, бывшему тогда еще простымъ воиномъ, когда онъ, гуляя въ рощѣ и, желая утолить жажду слѣпого нищаго, просившаго у него пить, не находилъ кругомъ воды. Источникъ обладалъ, какъ оказалось, чудодѣйственною силою: нищій, напившійся воды, прозрѣлъ. Въ воспоминаніе о такомъ чудѣ, Левъ, сдѣлавшись императоромъ, соорудилъ на этомъ мѣстѣ великолѣпный храмъ [1]) во имя Богоматери, а надъ „живоноснымъ“ источникомъ поставилъ икону Пречистой Дѣвы съ предвѣчнымъ Младенцемъ. Чудеса у живоноснаго источника совершались и въ послѣдующее время (Никифоръ Каллистъ подробно описываетъ 53 чуда). Храмъ Льва Великаго, нѣсколько разъ подновляемый, былъ окончательно разрушенъ турками послѣ взятія Константинополя. Къ этой же эпохѣ относится и происхожденіе теперешняго турецкаго названія живоноснаго источника – Балукли, т. е. источникъ рыбъ. Относительно этого названія разсказываютъ такую легенду. Когда, послѣ долговременной борьбы и рѣшительной осады, Константинополь былъ взятъ турками, объ этомъ сказали одному благочестивому старцу, жившему при живоносномъ источникѣ. Старецъ въ это время жарилъ на сковородѣ рыбу. „Только тогда повѣрю, отвѣтилъ онъ, что Константинополь взятъ, когда эти поджаренныя уже рыбки оживутъ и снова прыгнутъ въ живоносный источникъ“. Такъ и случилось. Въ настоящее время живоносный источникъ находится въ небольшомъ храмѣ, куда спускаются по мраморной лѣстницѣ. Вода—свѣтлая, вкусная и спасительная для притекающихъ къ ней съ вѣрою. Преосвященный, преклонивши колѣна предъ иконою Божіей Матери, находящеюся за источникомъ, почерп-

---

[1]) По сказаніямъ другихъ (начиная съ Прокопія и кончая Кодинымъ) этотъ храмъ построилъ Юстиніанъ.

нулъ изъ него ковшикомъ воды, напился ея и омочилъ ею свои глаза; примѣру его послѣдовали и мы. Въ водоемахъ плещутся двѣ рыбки съ золотымъ брюшкомъ (поджареннымъ); третья умерла и виситъ, какъ реликвія, предъ иконою Богоматери, стоящею надъ колодцемъ. Къ живоносному источнику приходятъ, говорятъ, молиться и турки, вѣрящіе въ его чудотворную силу. Предъ выходомъ, Преосвященный вписалъ въ существующую здѣсь поминальную книгу имена своихъ и нашихъ родныхъ и знакомыхъ—о здравіи и объ упокоеніи, давши при этомъ причту приличное пожертвованіе. Въ оградѣ около живоноснаго источника нѣсколько могилъ Константинопольскихъ патріарховъ, на которыхъ широкіе мраморные памятники съ надписями.

Изъ Балукли мы отправились на сѣверъ снова параллельно городской стѣнѣ. Переѣздъ до Адріанопольскихъ воротъ, которыми мы въѣхали въ городъ, довольно большой и скучный. Направо снова тянется полуразрушенная стѣна, налѣво—поля, кладбища, по сторонамъ—кипарисы. Недалеко отъ Адріанопольскихъ воротъ проѣхали мимо большаго турецкаго кладбища, утопающаго въ зелени кипарисовъ, съ безчисленнымъ множествомъ бѣлѣющихъ надъ могилами каменныхъ столбовъ и плитъ. Столбы—надъ могилою мужчинъ; плиты—надъ могилою женщинъ; кладбище обнесено рѣшеткою, но страшно запущено: большинство памятниковъ наклонились на бокъ, другіе совсѣмъ валяются; на каждомъ турецкая надпись. Подъ тѣнью кипарисовъ гуляютъ турки и сидятъ кое-гдѣ турчанки. Лишь только мы въѣхали Адріанопольскими воротами въ городъ, какъ на насъ снова повѣяло со всѣхъ сторонъ восточною столицею: узкія улицы, повсюду собаки, разносчики, шумъ и оживленіе. По дорогѣ въ знаменитую нѣкогда Влахернскую церковь, заѣхали въ знаменитую въ настоящее время своими прекрасно сохранившимися отъ XIII вѣка великолѣпными мозаиками—мечеть Кахріэ-джами. Теперь она находится недалеко отъ Адріанопольскихъ воротъ, въ чертѣ города; въ прежнее же время находилась за городскими стѣнами, откуда и названіе ея Кахріэ—испорченное турками слово—*χῶρα* (*Μονὴ τῆς Χώρας*), т. е. загородная обитель, загородный монастырь. Точныхъ историческихъ свѣдѣній о времени основанія этой церкви не имѣется. Всего

вѣроятнѣе, что первоначально церковь во имя Спаса основана еще при императорѣ Юстиніанѣ, а современное пятикупольное зданіе сооружено при императорѣ Алексѣѣ Комненѣ въ XI вѣкѣ, хотя нѣкоторыя измѣненія и поправки производились и позднѣе. Что же касается прекрасно сохранившейся знаменитой мозаической живописи, покрывающей въ настоящее время стѣны нартексовъ и во многихъ мѣстахъ самого храма, то она, по мнѣнію знатоковъ византійскаго искусства, относится къ XI—XIII вѣкамъ. Обращена же эта церковь въ мечеть въ 1491 году.

Пяти-купольное зданіе мечети съ однимъ минаретомъ находится въ лощинѣ между холмовъ, съ которыхъ открывается живописнѣйшій видъ на Босфоръ съ его причудливыми домами, то утопающими въ зелени садовъ, то купающимися въ свѣтлыхъ водахъ пролива. Подъѣхать къ ней нельзя, поэтому мы высадились изъ колясокъ и направились въ лощину. На встрѣчу намъ вышелъ пожилой, въ зеленой чалмѣ, улыбающійся мулла. „Bon jour, bon jour, — говорилъ онъ, протягивая руку Преосвященному и вводя насъ въ мечеть,— ici miraculeux, charmant mosaique—voilà“... Но указаніе было совершенно излишне. Со стѣны, надъ входомъ изъ внѣшняго нартекса во внутренній, на насъ смотрѣлъ, какъ живой, величественный ликъ Спасителя, который нельзя не замѣтить сразу при входѣ въ мечеть. Мозаическое изображеніе Спасителя—погрудное и прекрасно сохранилось. Лицо Спасителя—круглое и обрамлено короткою бородою, правая рука сложена для благословенія, а лѣвая поддерживаетъ большое евангеліе. Вообще мозаика въ Кахріэ-джами сохранилась преимущественно въ нартексахъ—внутреннемъ и внѣшнемъ, которые оказались ненужными послѣ того, какъ церковь была обращена въ мечеть (ходъ въ нее придѣланъ съ боку), а потому и пострадали отъ варварства турокъ менѣе всего. Есть мозаическая живопись и въ самомъ храмѣ въ центральномъ кораблѣ и 4-хъ куполахъ, но здѣсь она сохранилась гораздо хуже. Болѣе обращаетъ на себя вниманія живопись нартексовъ и своею качественною стороною: она поражаетъ зрителя красотою и величіемъ ликовъ, живостью и гармоніею красокъ, правильностью, тонкостью и твердостью рисунка и тщательностью въ отдѣлкѣ аксессуаровъ, свидѣтельствуя о высокомъ достоинствѣ византійской живо-

писи XI—XIII вѣковъ, къ которымъ она несомнѣнно относится. Мы долго любовались мозаическою росписью нартексовъ. Здѣсь особенно обратили на себя наше вниманіе мозаическія изображенія верховныхъ апостоловъ Петра и Павла по сторонамъ входной двери (въ прежнее время называвшейся царскою), ведущей изъ внутренняго притвора въ церковь. Изображенія сдѣланы во весь ростъ и поражаютъ жизненностью и художественною правдою. Ап. Петръ съ маленькою головою, курчавыми сѣдыми волосами, загнутымъ носомъ и плотно сжатыми губами, и Павелъ съ коротко остриженными волосами, орлинымъ носомъ и узкою длинною бородою смотрятъ какъ живые и какъ-бы преграждаютъ входъ въ храмъ недостойнымъ. Турки, словно чувствуя это, повѣсили около этихъ изображеній деревянные щиты и закрываютъ ими смущающій ихъ ликъ апостоловъ во время своего богослуженія. Жизненною правдою и художественною вѣрностью дѣйствительности дышатъ и мозаическія картины, по мѣстамъ прекрасно сохранившіяся, изображающія различныя событія изъ евангелія, напримѣръ: умноженіе хлѣбовъ, бракъ въ Канѣ, воскрешеніе Лазаря, Рождество Христово, благовѣстіе Виѳлеемскимъ пастырямъ, Введеніе во храмъ, посѣщеніе св. Дѣвою Анны, путешествіе Маріи въ Виѳлеемъ, обличеніе Іосифомъ обручникомъ Маріи въ невѣрности, и др. Эта стѣнная живопись интересна не только художественностью исполненія, но и оригинальностью замысла. Такъ, на лѣвой сторонѣ наружнаго притвора изображается путешествіе Іосифа и Маріи въ Виѳлеемъ слѣдующимъ образомъ: на лѣвой сторонѣ явленіе ангела спящему Іосифу, далѣе по дорогѣ виднѣется группа: Маріи, Симона и Іосифа. Марія ѣдетъ на мулѣ, Симонъ несетъ пожитки. Марія, почувствовавъ приближеніе родовъ, протягиваетъ руки къ Іосифу и проситъ снять ее съ мула. Наконецъ, горный ландшафтъ. Справа—Виѳлеемъ. Въ него входитъ Марія въ сопровожденіи другой женщины, вѣроятно отыскивающей для себя помѣщеніе.—Вообще мозаика Кахріэ-джами, благодаря изяществу композиціи, блеску красокъ, чистотѣ работъ, производитъ прекрасное впечатлѣніе и заставляетъ убѣдиться въ томъ, что въ XI—XIII вѣкахъ, къ которымъ онѣ относятся, византійское искусство, вопреки распространенному мнѣнію, стояло на очень высокой степени развитія.

Мулла всюду ходилъ за нами и, въ сладкой надеждѣ на хорошій бакшишъ, всѣми силами старался быть полезнымъ. „Это—Іосифъ, это—Дѣва Марія,—говорилъ онъ ломаннымъ французскимъ языкомъ,—это—пророкъ Давидъ, это — Христосъ, большой пророкъ. Моисей, Давидъ, Магометъ, Христосъ—всѣ пророки, мы всѣхъ почитаемъ".

Съ чувствомъ удовлетворенной любознательности, но и со скорбію о настоящемъ положеніи славной нѣкогда обители, оставили мы ее. Съ именемъ ея связано много историческихъ воспоминаній. Въ ней находилась знаменитая икона Божіей Матери Одигитріи, писанная, по преданію, ев. Лукою, а при завоеваніи турками Константинополя разрубленная янычарами на 4 части. Тутъ заточены были, умерли и погребены: патр. Германъ при императорѣ Львѣ Исаврянинѣ и патр. Киръ исповѣдникъ при импер. Константинѣ Копронимѣ.

Отъ Кахріэ-джами недалеко и до знаменитой нѣкогда Влахернской церкви. Дорога идетъ, какъ и прежде, по узкимъ, но за то болѣе оживленнымъ улицамъ, такъ какъ населеніе здѣсь смѣшанное: преобладаютъ, впрочемъ, греки и армяне, обыкновенно разговаривающіе между собою такъ громко и съ такою отчаянною жестикуляціею, что такъ и кажется со стороны, что они сейчасъ вцѣпятся другъ другу въ волосы. На самомъ же дѣлѣ они—ни болѣе, ни менѣе, какъ мирно разговариваютъ.

Къ Влахернской агіасмѣ, находящейся на мѣстѣ древней церкви, мы ѣхали съ большимъ интересомъ. Эта знаменитая въ лѣтописяхъ Византіи церковь имѣла большое значеніе не только для Греціи, но и для Россіи. Въ великолѣпномъ храмѣ Влахернской Божіей Матери хранились риза и поясъ Богородицы и чествовалась ея чудотворная икона. Сюда стекались благочестивые христіане для поклоненія святынямъ Влахернской церкви со всего Константинополя; въ источникѣ при Влахернской церкви омывались всѣ византійскіе императоры предъ вступленіемъ на престолъ, при нарочито составленной для этого торжественнаго случая литіи. Влахернская церковь оказала вліяніе и на Россію. Когда Аскольдъ и Диръ—русскіе князья—стояли подъ стѣнами Царь-града, то хранившаяся здѣсь икона Богородицы была погружена въ воду, произошла буря, заставившая князей отступить, а потомъ принять христіанство. Во Влахернскомъ

храмѣ, согласно преданію, Кіевскимъ мастерамъ были вручены Богоматерью деньги для сооруженія великой Печерской церкви и икона Ея Успенія со словами: „да намѣстная та будетъ“. Тутъ же, во Влахернскомъ храмѣ, въ 910 году, во время всенощнаго бдѣнія, когда греки горячо и усердно молились Господу Богу и Его Пречистой Матери о ниспосланіи помощи свыше въ борьбѣ съ сарацинами, явилась Божія Матерь, въ сонмѣ ангеловъ, стоя на воздухѣ, осѣняя христіанъ честнымъ своимъ омофоромъ,—что удостоились видѣть св. Андрей юродивый и Епифаній. Въ память этого, какъ извѣстно, установленъ праздникъ Покрова Пресвятыя Богородицы. И нашъ академическій храмъ посвященъ Покрову Божіей Матери, почему Влахернскій храмъ явился для насъ сугубо дорогимъ. Въ настоящее время древняго знаменитаго храма нѣтъ, онъ уничтоженъ турками; (чудотворная икона Влахернской Божіей Матери, какъ извѣстно, находится въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ); осталась лишь незначительная часть стѣны, недалеко отъ которой небольшая церковка, сооруженная не особенно давно при посредствѣ „россовъ“, потомковъ тѣхъ „россовъ“, которые назадъ тому 1000 слишкомъ лѣтъ, вразумленные благодатію Божіею, ушли отъ стѣнъ Константинополя. Большая часть и иконъ пожертвована тѣми же „россами“. Храмъ небольшой. Подъ изображеніемъ Божіей Матери, въ юго-восточномъ углу, находится резервуаръ съ водою, нѣсколько кружекъ для питья и нѣсколько мѣдныхъ тарелокъ для „благочестивыхъ“ пожертвованій. Это и есть агіазма. Влахернскій храмъ содержится грязно и обстановка его убога. При входѣ въ храмъ, встрѣтилъ насъ какой-то грекъ, оказавшійся потомъ псаломщикомъ; онъ былъ одѣтъ весьма небрежно, безъ верхней одежды, въ одномъ жилетѣ, въ широкихъ грязныхъ шароварахъ, нечесанный, и въ добавокъ—съ сильнымъ запахомъ чесноку. Помолившись предъ находящеюся надъ агіазмою иконою Божіей Матери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, испивъ воды изъ источника и положивъ на блюдо, по усердію, мы стали осматривать храмъ, который, впрочемъ, не представляетъ ничего особеннаго. Псаломщикъ же въ это время, войдя въ алтарь, преспокойно отдернулъ занавѣсъ и открылъ царскіе врата для Преосвященнаго. Такое безцеремонное небрежное обращеніе со святынею произвело на насъ

крайне непріятное впечатлѣніе. Впослѣдствіи, впрочемъ, мы неоднократно убѣждались, что это, къ сожалѣнію, обычное явленіе у грековъ. Вскорѣ затѣмъ явился священникъ. Облачившись въ ветхія раздранныя ризы, сталъ служить молебенъ о нашемъ здравіи при участіи упомянутаго дьячка, который не счелъ нужнымъ пріакуратиться и надѣть верхнюю одежду. Оставшись же въ прежнемъ видѣ, расхаживая по церкви и посматривая на входящихъ, онъ до такой степени уморительно бормоталъ про себя: „кир-лайсъ, кирлайсъ“, что можно было опасаться, какъ бы кто нибудь, по непривычкѣ, не улыбнулся: но сознаніе святости мѣста удержало насъ отъ этого искушенія. [1]) Преосвященный, записавъ въ „поминальную“ тетрадь имена о здравіи и упокоеніи, уплатилъ причту щедрое вознагражденіе за труды. Затѣмъ мы поспѣшили выйти, потому что было уже около 3-хъ часовъ дня, а еще оставался визитъ къ Патріарху. Туда мы и поѣхали изъ Влахернской. Дорога шла кварталомъ, заселеннымъ преимущественно греками. Дѣйствительно, послѣдніе, съ черными какъ смоль волосами и характерными большими носами, попадались здѣсь на каждомъ шагу. Всѣ они, какъ и турки, въ красныхъ фескахъ, но кромѣ того, многіе изъ нихъ въ широчайшихъ болтающихся сзади цѣлымъ мѣшкомъ шароварахъ, похожихъ скорѣе на женскую юбку, перехваченную около ногъ. Улицы здѣсь узки и грязны какъ вездѣ, но окна въ верхнихъ этажахъ домовъ не закупорены; тутъ, наоборотъ, они вездѣ открыты; изъ нихъ высовываются смуглыя лица гречанокъ, глазѣющихъ на прохожихъ. Онѣ же въ довольно откровенныхъ костюмахъ вид-

[1]) Вообще теперешнее пѣніе Грековъ, какъ мы потомъ еще больше убѣдились, очень неблагозвучно, по крайней мѣрѣ на нашъ слухъ. Невольно спрашиваешь себя: гдѣ то слакозвучіе въ пѣніи, которое восхитило пословъ Владиміровыхъ въ Софіи во время богослуженія? И давно-ли оно стало худозвучнымъ? Должно быть давно. Вѣдь недаромъ, про древне-русскихъ паломниковъ, возвращавшихся изъ Царь-града и пѣвшихъ въ подражаніе грекамъ: *κύριε ἐλέησον,* говорили въ Россіи, что они куро-лесятъ,— каковое выраженіе служитъ синонимомъ нестройности вообще. Впрочемъ, въ описаніи путешествія Антіохійскаго Патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII в. читаемъ: „Ничто меня такъ не восхищаетъ въ церквахъ Константинополя и окрестныхъ странъ, какъ пѣніе мальчиковъ, пѣніе ими „Святый Боже“ предъ чтеніемъ апостола, „Аллилуія“ послѣ евангелія (?) и „Господи помилуй“ во все время ектеніи, и прелесть ихъ сладкозвучныхъ напѣвовъ“ (Вып. I, стр. 31).

нѣются вездѣ, и на балконахъ, и на крышахъ домовъ. На наше привѣтствіе χαίρετε, отвѣчаютъ или скромными улыбками, или звонкимъ смѣхомъ, оживляющимъ ихъ правильныя, но скучныя лица, съ большими черными глазами.

Вселенскій Патріархъ Константинъ V.

Наконецъ мы остановились въ Фанарѣ, около монастыря св. Георгія, въ которомъ живетъ Вселенскій патріархъ Константинъ V-й. Монастырь спрятался отъ окружающихъ патріархію суеты и шума подъ тѣнь деревьевъ. Насъ встрѣтилъ цѣлый штатъ служащихъ при патріархѣ. Патріархъ не заставилъ себя ждать. Едва лишь мы успѣли переодѣться въ

привезенные съ собою парадные костюмы, какъ онъ пригласилъ къ себѣ. „Свѣтлѣйшій, величайшій, господинъ, князь и владыка, архіепископъ Константинополя, Новаго Рима и Патріархъ Вселенскій," какъ титулуются патріархи Константинопольскіе, Константинъ V Валіадисъ стоялъ при входѣ нашемъ, окруженный многими лицами мірскими и духовными посреди пріемной, сплошь увѣшанной по стѣнамъ портретами Константинопольскихъ патріарховъ. Это—представительный человѣкъ, выше средняго роста, на видъ очень бодрый, хотя ему подъ 70-ть, лицо пріятное, взглядъ нѣсколько строгъ. [1]) Преосвященнымъ сказана была ему краткая привѣтственная рѣчь, въ которой онъ высказалъ общую радость нашу, что видимъ вселенскаго святителя и представителя православія въ мусульманской странѣ. При этомъ Преосвященный поднесъ Патріарху прекрасную, чеканной работы Лаврской, большую икону преп. Сергія. Приложившись съ благоговѣніемъ къ иконѣ, Его Блаженство отвѣтилъ тоже краткою привѣтственною рѣчью. Затѣмъ облобызавшись съ Преосвященнымъ и благословивъ каждаго изъ насъ, пригласилъ всѣхъ сѣсть, причемъ Преосвященному предложилъ мѣсто противъ себя. Разговоръ начался обычными разспросами о здоровьи, о времени отъѣзда изъ Россіи, о пребываніи въ Константинополѣ, о дальнѣйшемъ путешествіи, о цѣли путешествія нашего на Востокъ. Послѣднимъ вопросомъ Его Блаженство, повидимому, очень интересовался, справедливо говоря, что путешествіе русскихъ архіереевъ на Востокъ является знаменательнымъ событіемъ, что въ

[1]) Константинъ V родился въ 1833 году, на о. Хіосѣ, отъ священника Николая Валіадиса и жены его Маріи. Первоначальное школьное воспитаніе получилъ подъ руководствомъ тогдашняго митрополита Хіосскаго Софронія, скончавшагося въ санѣ патріарха Александрійскаго, который отдалъ его въ мѣстную гимназію, затѣмъ въ Халкинскую богословскую школу, по окончаніи которой онъ поступилъ на богословскій факультетъ Аѳинскаго университета, гдѣ и пробылъ до 1862 г. Впослѣдствіи, въ 70-хъ годахъ, онъ слушалъ лекціи въ Страсбургскомъ и Гейдельберскомъ университетахъ. Служебное положеніе его связано съ личностію покровителя его патріарха Софронія, при которомъ онъ долгое время, въ санѣ іеродіакона и іеромонаха, находился въ качествѣ секретаря. Въ 1876 году онъ возведенъ былъ въ санъ митрополита Митиленскаго, каковою епархіею управлялъ 18 лѣтъ. Въ 1893 году перемѣщенъ на каѳедру Эфесскую, а въ 1897 году избранъ вселенскимъ патріархомъ на престолъ Златоуста и Фотія.

интересахъ взаимнаго ознакомленія были бы желательны болѣе частыя путешествія русскихъ архіереевъ, равно какъ и греческихъ, во избѣжаніе разныхъ недоразумѣній. Соглашаясь съ этимъ и не касаясь вопроса о „недоразумѣніяхъ“, преосвященный Ректоръ засвидѣтельствовалъ, что Русская Церковь съ любовію относится къ своей Матери—Церкви, ибо она помнитъ съ благодарностію, чѣмъ она обязана Греческой Церкви. Затѣмъ Преосвященный Арсеній указалъ на то значеніе, какое имѣетъ въ дѣлѣ взаимнаго ознакомленія Церквей полученіе образованія греками въ русскихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. „Наша Московская Академія, говорилъ Преосвященный, называлась между прочимъ греческою, потому что она преобразована изъ училища, основаннаго греками, братьями—Лихудами. И теперь въ нашей Академіи есть студенты — греки, которыхъ мы считаемъ наравнѣ со своими“. Его Блаженство очень обрадовался, когда Преосвященный и профессора, на вопросъ его объ успѣхахъ грековъ—студентовъ, отвѣтили, что они занимаются хорошо и достаточно подготовлены къ слушанію академическихъ лекцій. Въ предѣлахъ этихъ вопросовъ вращалась большая часть бесѣды Его Блаженства съ Преосвященнымъ, а также и профессорами. Въ это время намъ подавали обычное угощеніе на Востокѣ: глико, т. е. варенье съ холодною водою и кофе. Подъ конецъ бесѣды, Преосвященный попросилъ у Патріарха разрѣшенія служить на Аѳонѣ ему и его спутникамъ—лицамъ духовнаго сана. При этомъ Преосвященный представилъ Его Блаженству указъ Святѣйшаго Синода о разрѣшеніи ему отправиться въ Іерусалимъ и на Аѳонъ, а также были представлены и свидѣтельства епархіальныхъ начальствъ, выданныя сопутствующимъ Преосвященному духовнымъ лицамъ, о томъ, что они не находятся подъ запрещеніемъ. Въ виду предстоявшаго вскорѣ освященія собора на Аѳонѣ въ Андреевскомъ скиту, Его Блаженство поинтересовался узнать, имѣлось-ли въ виду въ планахъ нашего путешествія присутствіе и участіе въ этомъ торжествѣ. Преосвященный отвѣтилъ, что прямою цѣлью путешествія является Палестина; но такъ какъ теперь представляется возможность, безъ значительной потери времени, отправиться на Аѳонъ, то мы и воспользуемся этимъ, а кстати будемъ и на торжествѣ освященія храма. Послѣ этого Его Блаженство ска-

залъ, что пришлетъ разрѣшеніе. При прощаніи Патріархъ просилъ извиненія за скромное „восточное“ угощеніе стакаиомъ холодной воды. Преосвященный на это отвѣтилъ, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ обѣщалъ царствіе небесное тому, кто напоитъ жаждущаго чашею студеной воды, а Его Блаженство не только утолилъ нашу жажду тѣлесную, но— и духовную, напоивъ и напитавъ насъ словесами здраваго ученія и оказавъ ему и его спутникамъ такой любезный пріемъ. Отвѣтивъ на это тоже любезностію, Его Блаженство облобызался съ Преосвященнымъ, благословилъ насъ, предложивъ при этомъ осмотрѣть залъ синодальныхъ засѣданій и патріаршій храмъ,—что мы и сдѣлали.

Въ церкви, въ ожиданіи Преосвященнаго, собралось довольно много народу; здѣсь онъ встрѣченъ былъ архимандритомъ и другими духовными лицами, подъ руководствомъ которыхъ мы и осматривали храмъ. Церковь во имя св. Георгія устроена, какъ и всѣ греческія церкви, съ низенькими царскими вратами и мѣстами для сидѣнья, безъ солеи. Въ алтарѣ вмѣсто завѣсы за царскими дверями устроена деревянная рама, передвигаемая на колесахъ по желѣзкамъ, прикрѣпленнымъ къ иконостасу. Иконостасъ рѣзной и почернѣлъ отъ времени; двѣ большія иконы Спасителя и Божіей Матери — мозаическія и довольно древнія. Предъ мѣстными иконами большіе подсвѣчники. На лѣвой сторонѣ церкви у задняго столба устроена каѳедра для чтенія евангелія, на которую восходятъ по витой лѣстницѣ. Изъ достопримѣчательностей здѣсь показываютъ: часть столба, къ которому, по преданію, былъ привязанъ Христосъ Спаситель во время бичеванія; богато украшенную перламутомъ, слоновою костью и позолотою деревянную каѳедру съ темно-зеленымъ бархатнымъ сидѣньемъ, принадлежащую будто бы св. І. Златоусту, — принесена она сюда изъ Софійскаго храма; останки мощей, заключенныхъ въ три ковчега, со стеклянною верхнею крышкой, поставленные на одномъ столѣ. Въ этихъ ковчегахъ видны совершенно открытыя почернѣвшія кости св. мученицы Евѳиміи, Ѳеофаніи, жены Льва Мудраго, и матери Маккавеевъ — Соломіи. Помолившись въ храмѣ и осмотрѣвъ его, мы вышли, пробывъ въ патріархіи всего около часу. Преосвященный, внеся приличную лепту на поминовеніе,

поблагодарилъ сопровождающихъ насъ за ихъ любезность, прося передать еще разъ благодарность и Его Блаженству за сердечный пріемъ. Выходя изъ патріархіи боковою калиткою, мы замѣтили прямыя ворота заложенными наглухо; намъ объяснили, что это—тѣ ворота, на которыхъ мученически былъ повѣшенъ турками въ 1821 году патріархъ Григорій V; съ тѣхъ поръ ворота и заложены.

По дорогѣ изъ Фанара мы мимоходомъ посѣтили нѣсколько турецкихъ мечетей: Сулейманіэ, Баязидіэ, Ахмедіэ. Всѣ эти мечети, какъ и большинство турецкихъ мечетей, въ планѣ подражаютъ Св. Софіи и выстроены въ византійско-мавританскомъ стилѣ. Болѣе другихъ обратила на себя вниманіе и понравилась намъ мечеть Ахмедіэ. Съ своими бѣлыми, выпуклыми куполами, и высокими, стройными шестью минаретами, она очень красива.

Было уже четыре часа слишкомъ, когда мы, отягченные обиліемъ разнообразныхъ впечатлѣній, изнуренные отъ жары, пришли на подворье, у подъѣзда котораго ожидалъ насъ добрѣйшій о. Евгеній, давно, какъ оказалось, высматривая насъ и безпокоясь о нашей усталости и отсутствіи аппетита.

—Не устали-ли? Вѣроятно и кушать не сможете отъ усталости. Пойдемъ-те, пойдемъ-те, авось явится и аппетитъ. А я, искушеніе, давно уже все приготовилъ. Жду, жду,—нѣтъ! Что за искушеніе? думаю себѣ. Не случилось-ли чего? Тутъ недолго до искушенія. Ну, и слава Богу, что все благополучно!

Послѣ обѣда всѣ разбрелись по своимъ номерамъ отдыхать, или записывать впечатлѣнія. Во время чаю зашелъ къ намъ мнимый докторъ съ парохода „Николай“, Николай Артемьевичъ Ивановъ.

— Здравствуйте, здравствуйте, докторъ! привѣтствовали мы его, какъ будто уже давно-давно знакомаго.

— Помилуйте, господа, ради Бога, за что вы меня въ доктора произвели,—ей Богу я не докторъ.

— Какъ не докторъ?

— Я агентъ пароходнаго общества, а совсѣмъ не докторъ.

— Ну тѣмъ лучше,—успокоили мы его. У насъ свой докторъ есть, въ услугахъ котораго мы покамѣстъ не нуждаемся, а вотъ въ агентѣ мы несомнѣнно будемъ имѣть нужду.

Добрѣйшій Николай Артемьевичъ обѣщалъ намъ всяческое содѣйствіе въ смыслѣ удобствъ на пароходѣ, — каковое обѣщаніе онъ дѣйствительно и исполнилъ.

Въ 7 часовъ вечера отдалъ Преосвященному визитъ посолъ И. А. Зиновьевъ, прибывшій вмѣстѣ съ первымъ драгоманомъ посольства П. В. Максимовымъ, весьма извѣстною личностью въ Турецкой столицѣ, особенно послѣ того, какъ онъ во время армянской рѣзни, съ опасностію для жизни своей, спасъ Оттоманскій банкъ.

7-е Іюня. Среда. На Принцевыхъ островахъ.

Уставши послѣ вчерашнихъ трудовъ, мы сегодня проспали, кажется, болѣе, чѣмъ полагается любознательнымъ туристамъ, не смотря на невообразимый „шабашъ“, происходившій въ окружавшихъ подворье кафе-шантанахъ до глубокой ночи, а также и—на разнообразнѣйшіе крики разносчиковъ съ самаго ранняго утра. Напрасны были приглашенія добраго о. Евгенія, нѣсколько разъ ходившаго по нашимъ номерамъ и аппеллировавшаго къ нашимъ желудкамъ. Возбудилъ насъ отъ сна знакомый гласъ Преосвященнаго, аппеллировавшаго къ нашей любознательности, въ виду предположенной сегодня по маршруту поѣздки на Принцевы острова. Вскорѣ всѣ собрались мы въ столовой къ большой радости радушнаго о. Евгенія. Напившись чаю и подкрѣпившись, мы, въ сопровожденіи посольскаго каваса и даннаго намъ въ проводники іеродіакона Серафима, направились къ пристани.

Пароходная пристань для дачниковъ находится около деревяннаго моста изъ Галаты въ Стамбулъ. Черезъ мостъ мы попали на турецкій пароходикъ, отправляющійся на Принцевы острова. Около парохода толкотня. Принцевы острова—эти корзины съ цвѣтами, раскинутыя по Мраморному морю, по образному выраженію одного писателя-путешественника—считаются лучшими дачными мѣстностями подъ Константинополемъ, и туда поэтому всегда отправляется масса народу. О. Серафимъ взялъ билеты и мы, переходя съ одного парохода на другой, попали наконецъ на „свой“ пароходъ, который былъ совершенно полонъ публикою, такъ что мы съ трудомъ отыскали на немъ мѣста; а одинъ изъ нашихъ

попалъ, въ поискахъ за мѣстомъ, даже въ гаремъ, т. е. въ существующее на каждомъ турецкомъ пароходѣ отдѣленіе для турецкихъ дамъ, къ великому ужасу этихъ послѣднихъ. Вскорѣ нашъ пароходъ, лавируя между другими, быстро побѣжалъ впередъ. По мѣрѣ нашего удаленія отъ берега, все больше и больше обрисовывался городъ съ своими сотнями стройныхъ минаретовъ, убѣгающихъ въ далекое небо; залитой яркими лучами палящаго солнца, онъ былъ несомнѣнно очень красивъ; но теперь, когда мы узнали его ближе, онъ казался подкрашенною красавицею; непосредственность перваго впечатлѣнія отъ Константинополя исчезла. За то мы теперь съ большимъ интересомъ разсматривали городъ, выдающіяся зданія котораго были уже намъ нѣсколько знакомы, соединяя съ ними тѣ или другія опредѣленныя представленія. Господствовавшая по ту сторону Золотого Рога надъ городомъ красивая Галатская башня оживляла въ воображеніи картины, которыя можно наблюдать кругомъ ея, въ Галатѣ: шумъ, давку, толкотню, невообразимую смѣсь костюмовъ и національностей. Вотъ утопающія въ зелени кипарисовъ красивыя зданія Сераля, Серай-Бурну, мысъ Сераля, а вотъ и Св. Софія, увѣнчанная блестящимъ на солнцѣ полумѣсяцемъ...

Нашъ пароходъ прошелъ мимо стоящей на водѣ Леандровой башни, съ которою восточная фантазія соединяетъ много романическихъ легендъ и, обогнувъ мысъ Стамбула, входитъ въ Мраморное море. Галата и Пера скрываются постепенно изъ нашихъ глазъ. Былъ виденъ только тонувшій въ зелени Стамбулъ за грандіозною полуразрушившеюся красивою стѣною, раскинувшеюся по самому берегу вѣчно плещущагося у ея основанія моря. Мы проплываемъ мимо Скутари, мимо знаменитаго Халкидона и „виноградника вдовицы“, который отстоялъ Іоаннъ Златоустъ. По пароходу снуютъ разносчики. Въ ушахъ то и дѣло раздаются ихъ назойливые крики: „соукъ-су (холодная вода), кріонераки (свѣжая вода), неро (вода), Stamboul, Levant-Herold, *Νεόλογος*, Servet, *Ταχύδρομος*, Moniteur Oriental (названія мѣстныхъ газетъ)“. Вдали показались Принцевы острова, но различить еще было нельзя: они сливались всѣ вмѣстѣ въ одинъ большой островъ.

На палубѣ парохода разговорились съ однимъ грекомъ,

знающимъ русскій языкъ. Узнавъ, что мы ѣдемъ на о. Халки и думаемъ сдѣлать визитъ бывшему Іерусалимскому патріарху Никодиму, грекъ оживился. Онъ—поклонникъ Никодима, хотя „наши вообще, говорилъ онъ, и не любятъ его; но это замѣчательный человѣкъ. Онъ только семь лѣтъ [1]) былъ на патріаршей (Іерусалимской) каѳедрѣ, но сколько онъ сдѣлалъ для своей патріархіи и для греческой Церкви! Это—человѣкъ неутомимой энергіи. Онъ вступилъ на патріаршій престолъ при самыхъ неблагопріятныхъ для плодотворной дѣятельности обстоятельствахъ... Сколько стоило ему хлопотъ, чтобы привести дѣла патріархіи въ порядокъ! Сколько было нападокъ на него, особенно со стороны тѣхъ, которые были удалены имъ за разныя темныя дѣла! Они распускали про патріарха всевозможныя клеветы. Онъ не обращалъ на это никакого вниманія и работалъ: поправилъ финансовыя дѣла патріархіи, построилъ много храмовъ, оживилъ миссіонерское дѣло въ противодѣйствіе иновѣрной пропагандѣ, заботился объ улучшеніи православныхъ школъ, — однимъ словомъ, много хорошаго онъ сдѣлалъ для Іерусалимской патріархіи. И въ концѣ концовъ, въ благодарность за все, принужденъ былъ отречься отъ престола, послѣ покушенія, къ счастію неудачнаго, на его жизнь. Теперь безвыѣздно отшельникомъ живетъ на Халки“. Въ разговорахъ съ грекомъ, мы незамѣтно доѣхали до острововъ, ясно обрисовывавшихся уже предъ нами съ своими волнообразными горами, то покрытыми густою растительностью и населенными, то скалистыми, голыми и пустынными. Всѣхъ острововъ девять; изъ нихъ населены только четыре: Проти, Антигона, Халки и Принкипо или Принцевъ. Въ настоящее время населеніе острововъ самое разнообразное. На нихъ есть нѣсколько греческихъ монастырей, почти запущенныхъ и съ малымъ числомъ монаховъ. Самый населенный—Принкипо. Мѣстопребываніе патріарха Никодима—о. Халки; здѣсь же находится единственная въ Константинопольской патріархіи высшая богословская школа, въ родѣ нашей духовной семинаріи. Проѣхавъ мимо скалистаго Проти, мы остановились у Антигоны, гдѣ слѣзали нѣкоторые пассажиры. Съ парохода прекрасно были видны полу-восточные, полу-европейскіе дома

[1]) съ 1883—по 1890 г.

острова, громадные отели, носящіе, большею частію, имена крупныхъ европейскихъ городовъ. У раскрытаго окна одного дома сидѣлъ бывшій Константинопольскій патріархъ, полуслѣпой Неофитъ, живущій здѣсь на покоѣ въ собственномъ домѣ. Тутъ же живетъ и другой отставной патріархъ Анѳимъ. Отъ Антигоны недалеко до о. Халки, за которымъ виднѣется коническая вершина утопающаго въ зелени и густо заселеннаго Принкипо. Халки, кажется, кто-то называлъ жемчужиною Мраморнаго моря. И дѣйствительно: это—красивѣйшій изъ Принцевыхъ острововъ! Его волнообразно-гористые берега, вѣчно купающіеся въ голубыхъ водахъ Мраморнаго моря, сплошь покрыты зеленою густою растительностью. Выглядывающіе по мѣстамъ изъ зелени восточные домики придаютъ острову оживленіе. Изъ домовъ острова прежде другихъ бросаются въ глаза пріютившіяся на вершинѣ одной изъ горъ острова и господствующія надъ окрестностью зданія „училища великой церкви“, какъ называется здѣшняя греческая семинарія, и коммерческое училище.

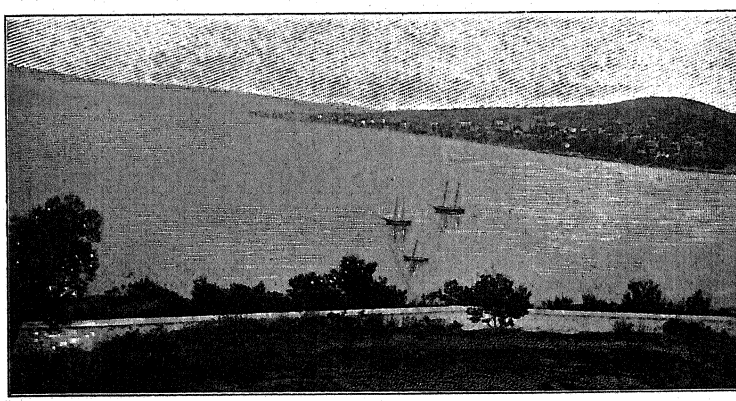
У пристани, гдѣ остановился нашъ пароходъ—громадное морское турецкое училище. Около него ютится нѣсколько домиковъ веселыхъ и чистыхъ, сравнительно съ Константинопольскими, за ними подъемъ въ гору, по которой кое-гдѣ зеленѣются невысокія кудрявыя сосны. Отъ пристани до патріарха Никодима мы отправились пѣшкомъ. Монастырь св. Георгія, въ которомъ живетъ въ настоящее время бывшій Іерусалимскій патріархъ, находится среди зелени на небольшомъ возвышеніи, съ котораго открывается чудный видъ на словно застывшее подъ знойными лучами солнца голубое Мраморное море, сливающееся вдали съ такимъ же небомъ.

Патріархъ насъ принялъ очень любезно и по-русски гостепріимно. Видъ у него—внушительный: высокаго роста, довольно плотный, съ крупными чертами лица, обросшею сѣдою бородою, съ выразительными большими и нависшими надъ ними бровями,—онъ производитъ очень внушительное впечатлѣніе. Хотя ему за 70-ть лѣтъ, но онъ кажется бодрымъ,—впрочемъ, какъ потомъ мы узнали, онъ одержимъ многими болѣзнями. Николая Ѳедоровича онъ встрѣтилъ какъ стараго знакомаго, хорошо извѣстнаго ему своими сочиненіями объ отношеніи Іерусалимскихъ патрі-

Бывшій Іерусалимскій Патріархъ Никодимъ.

арховъ къ русской Церкви. Патріархъ прекрасно говоритъ по русски. Онъ долгое время жилъ въ Россіи, сначала въ Кишиневѣ, лѣтъ 15-ть, въ качествѣ завѣдующаго Бессарабскими имѣніями, принадлежащими гробу Господню, а потомъ, въ теченіе 7 лѣтъ, былъ настоятелемъ Московскаго Іерусалимскаго подворья. Къ Россіи сохранилъ онъ самыя живыя симпатіи. Въ его гостинной висятъ портреты Государя и Государыни русскихъ и нѣкоторыхъ выдающихся духовныхъ дѣятелей. У него мы пробыли нѣсколько часовъ. Онъ уго-

Кавалькада на ослахъ.



Видъ съ Халки на Принкипо.

Къ стр. 61.

шалъ обычнымъ глико, обѣдомъ обильнымъ, по количеству блюдъ, среди которыхъ фигурировали маслины, турецкіе огурцы, etc. Разговоръ у Патріарха касался главнымъ образомъ воспоминаній о различныхъ событіяхъ русской жизни и лицахъ, знакомыхъ Его Блаженству, среди которыхъ, по его словамъ, у него было немало друзей. Съ нѣкоторыми онъ переписывается и сейчасъ. При воспоминаніи объ Императорѣ Александрѣ III, котораго онъ считаетъ своимъ особеннымъ благодѣтелемъ, Патріархъ прослезился. Сношеній съ Россіей Его Блаженство не прерываетъ,—онъ выписываетъ нѣсколько періодическихъ изданій (Богосл. Вѣстникъ, Новое время, Ниву и др.), слѣдитъ за ходомъ дѣлъ въ Россіи. Когда разговоръ коснулся вопроса объ отношеніяхъ Русской Церкви къ Церквамъ Востока, Н. Θ. сказалъ, что было-бы хорошо, въ интересахъ сближенія Церквей, существованіе представителей Русской Церкви при восточныхъ патріархахъ, равно какъ и наоборотъ. Патріархъ нашелъ предложеніе Н. Θ. очень удачнымъ, но мало осуществимымъ въ виду тѣхъ смутъ, которыя волнуютъ восточныя Церкви, часто пускающіяся въ несвойственную имъ сферу—въ политику. Вообще, замѣтилъ Патріархъ, такое представительство было-бы полезно для грековъ, такъ какъ, по моимъ наблюденіямъ, греки становятся лучше, побывавъ въ Россіи и узнавъ ее. На прощаніе Патріархъ пожелалъ успѣха нашему путешествію и провожалъ насъ до самыхъ монастырскихъ вратъ.

Отъ Патріарха до Халкинской школы довольно далеко. Преосвященный съ профессорами отправился туда въ коляскѣ, а мы всѣ—верхомъ на ослахъ, погонщики которыхъ кучей явились къ намъ, лишь только о. С. крикнулъ одного. Усѣвшись на осликахъ такъ, что ноги чуть-чуть не доставали до земли, мы рысцою тронулись въ путь, сопровождаемые цѣлою толпою погонщиковъ, которые или бѣжали впереди, или крутили для „поощренія“ осламъ хвосты, отчего тѣ пребезобразно ревѣли. Наша компанія, одѣтая въ бѣлые мундиры со свѣтлыми пуговицами, должно быть, была оригинальна. Прохожіе останавливались и долго смотрѣли вслѣдъ, гречанки перегибались черезъ балконы или высовывались изъ оконъ и ихъ красивые глаза загорались любопытствомъ. За городомъ дорога пошла по хребту горы, такъ что съ обѣихъ сторонъ было видно чудно голубое море. Минутъ че-

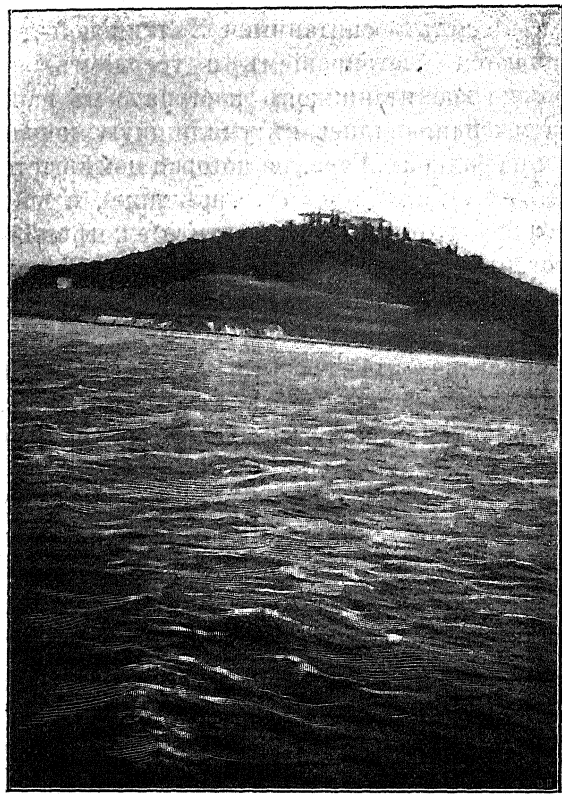
резъ 25 — 30 мы пріѣхали на вершину горы, на которой въ монастырѣ св. Троицы, основанномъ знаменитымъ Константинопольскимъ патріархомъ Фотіемъ, съ 1844 года пріютилось высшее богословское училище греческой Церкви. Съ трехъ сторонъ училище обнесено оградою, съ четвертой— доступъ къ нему преграждаетъ море. Училищное зданіе не велико, но выглядитъ красиво. На фронтонѣ школы золотыми буквами выбита слѣдующая надпись (по гречески): „прекрасный храмъ, который раньше воздвигнулъ священный сонмъ архіереевъ для небесной мудрости, разрушенный землетрясеніемъ, снова создалъ щедрый мужъ, по велѣнію сердца своего, Павелъ Стефановикъ, сынъ Занниса, подаривъ его священной матери, которой онъ есть чадо; посему и вы, обитающіе въ этомъ домѣ небесной музы, питайте такое же стремленіе къ мудрости, какое и онъ питаетъ". Этотъ Павелъ Стефановикъ, „великій благодѣтель Церкви и народа", какимъ онъ объявленъ Синодомъ патріархіи и состоящимъ при немъ народнымъ совѣтомъ, возобновилъ школу послѣ землетрясенія, бывшаго въ 1894 году.

Халкинская школа за свыше 50-ти лѣтній періодъ существованія ея пережила много перипетій, обусловленныхъ различными обстоятельствами какъ это видно изъ краткой исторической записки, помѣщенной въ оффиціальномъ изданіи Константинопольской патріархіи Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια (№№ 47 и 50. Ср. Странникъ, 1900 г. № 3, стр. 482). Внѣшняя исторія ея такова. Основана школа въ 1844 году вселенскимъ патріархомъ Германомъ въ качествѣ разсадника высшаго духовнаго образованія на всемъ Востокѣ. Но уже въ 1850 году, вслѣдствіе затруднительнаго положенія своего и придирокъ турецкаго правительства, она не сдѣлала обычнаго выпуска своихъ питомцевъ. Не было также выпусковъ въ 1865 и 1870 гг. вслѣдствіе возникшихъ въ школѣ безпорядковъ. Не было выпуска и въ 1883 году, по распоряженію К—каго Синода, такъ какъ въ этомъ году была измѣнена программа школы и курсъ былъ назначенъ восьмилѣтній; но въ 1885 году оставленъ прежній семилѣтній курсъ. Въ 1894 году Халкинская школа была разрушена землетрясеніемъ, вслѣдствіе чего въ 1895 году въ школѣ совсѣмъ не было занятій, которыя открылись только въ 1896 году, когда для школы было построено новое зданіе упомянутымъ нами Павломъ

Стефановикомъ, при содѣйствіи и русскаго Синода, пожертвовавшаго на это дѣло 3000 рублей. Отъ основанія своего до настоящаго времени она сдѣлала сорокъ восемь выпусковъ своихъ питомцевъ, въ количествѣ около 400, которые съ честію подвизались и подвизаются на различныхъ поприщахъ церковно-общественнаго служенія православнаго греческаго Востока, а главнымъ образомъ—въ санѣ іерарховъ греческой Церкви. Въ этой школѣ, между прочимъ, обучались: нынѣшній вселенскій патріархъ Константинъ V Валіадисъ, (вып. 1857 г.), бывшіе К—скіе патріархи: Неофитъ Икосифинсіотисъ (вып. 1857 г.), Анѳимъ Цацосъ (1861 г.) и Іоакимъ Коккодисъ (того же вып.). Кромѣ того, большая часть митрополичьихъ каѳедръ во всѣхъ патріархатахъ заняты въ настоящее время бывшими питомцами Халкинскаго училища Патріархъ Анѳимъ VII, при освященіи въ 1896 г. новаго зданія для школы, построеннаго Стефановикомъ, въ рѣчи своей между прочимъ назвалъ Халкинское училище „живоноснымъ источникомъ, изъ котораго обильно текли на весь православный народъ струи ученія божественной и безупречной нашей вѣры и изъ котораго такая достойная соревнованія вереница левитовъ пила и въ свою очередь поила жаждущихъ божественными ученіями священнаго благовѣствованія“.

Въ школѣ встрѣтилъ насъ о. ректоръ ея, архим. Апостолъ Христодулъ, среднихъ лѣтъ, питомецъ этой же школы, выпуска 1881 года, а затѣмъ кандидатъ Кіевской Академіи, выпуска 1886 года. Пригласивъ къ себѣ, онъ предложилъ намъ обычное угощеніе на Востокѣ—глико и по чашкѣ кофе. Во время этого угощенія о. Апостолъ знакомилъ насъ съ организаціею учебно-воспитательнаго дѣла въ школѣ. По его словамъ, съ нынѣшняго года Халкинская школа будетъ нѣсколько преобразована; она получитъ новую программу, по которой преимущественное значеніе въ дѣлѣ преподаванія отдано будетъ наукамъ богословскимъ. Къ бывшимъ прежде семи классамъ по новой программѣ прибавляется восьмой, спеціально-богословскій. Внутренняя жизнь школы устроена на началахъ религіозности и развитія въ ученикахъ церковности. Многіе изъ учениковъ состоятъ рясофорными монахами, а въ послѣднемъ классѣ всѣ воспитанники обязаны принимать монашество, въ противномъ случаѣ не получатъ

диплома объ окончаніи курса въ училищѣ, такъ какъ по уставу школы дипломы объ окончаніи курса выдаются лишь имѣющимъ священное или монашеское званіе, а остальные получаютъ тогда, когда примутъ то или иное посвященіе. Въ составѣ преподавателей имѣются лица свѣтскія и духовныя, причемъ послѣднія живутъ въ зданіи училища, а первыя, если желаютъ, поселяются на вольныхъ квартирахъ. Дисциплина въ школѣ очень строгая. Каждый день начинается утренею въ школьной церкви, на которой присутствуетъ самъ ректоръ и профессора школы; заканчивается день—вечернею. За ворота школы воспитанникамъ выходить не позволяется, купаться разрѣшается только съ благословенія ректора, и т. п. Разсказывалъ намъ также о. ректоръ и о землетрясеніи, постигшемъ училище въ 1894 г., очевидцемъ чего онъ былъ, находясь въ это время въ столовой вмѣстѣ съ учениками по обязанности инспектора. Затѣмъ въ сопровожденіи любезнаго о. Апостола пошли мы осматривать училище. Зданіе двухъэтажное. Вездѣ чистота и опрятность, хотя и конецъ года, особенно на верхнемъ этажѣ. Здѣсь кромѣ квартиры ректора находится изящно отдѣланный актовый залъ, въ которомъ происходятъ годичныя испытанія въ присутствіи Вселенскаго патріарха, членовъ Синода и многихъ почетныхъ лицъ. Тутъ же рядомъ—библіотека, снабженная достаточнымъ количествомъ книгъ. Есть и русскія книги и періодическія изданія, преимущественно духовныя, но не видно, чтобы они были въ частомъ употребленіи. Особенно здѣсь богато рукописное собраніе, чѣмъ и славится библіотека. На верхнемъ же этажѣ, съ сѣверной стороны, находятся и квартиры нѣкоторыхъ преподавателей, а на южной сторонѣ—спальни старшихъ воспитанниковъ. Въ 1-мъ этажѣ на сѣверной сторонѣ—классы, а на южной—занятныя и спальни. Классы—просторные, свѣтлые. Посѣтили мы и занятныя комнаты воспитанниковъ,—чисты онѣ, но не отличаются особенною уютностію. Во время посѣщенія нашего классовъ и занятныхъ, занимались тутъ воспитанники, такъ какъ ученіе еще не кончилось. Они одѣты въ подрясники и носятъ длинные волосы; по русски изъ нихъ почти никто не говоритъ. Преподаваніе въ школѣ—урочное и судя по массѣ предметовъ, которые должны одолѣть воспитанники, имъ приходится работать немало. Преосвященный



Халкинское Училище

спрашивалъ нѣкоторыхъ учениковъ по предметамъ, по которымъ они въ то время занимались. Ученики бойко отвѣчали на предложенные имъ вопросы. Учебниками и учебными пособіями служатъ большею частью рукописныя записки, а по нѣкоторымъ предметамъ—русскіе переводные учебники, напр. по догматическому богословію — учебникъ преосв. Макарія. Преосвященный и профессора высказали пожеланія, чтобы Халкинскіе воспитанники выучивались, хотя немного, говорить по русски, иначе, являясь въ академіи, они поневолѣ отстаютъ. Высказано также желаніе, чтобы они являлись на экзаменъ къ намъ съ печатными программами, чтобы знать,

какія требованія предъявлять воспитанникамъ на экзаменахъ. Въ заключеніе Преосвященный, указавъ на то, что въ нашей Академіи есть воспитанники Халкинской школы, которые отличаются благонравіемъ и усердіемъ, пожелалъ, чтобы побольше воспитанниковъ поступало въ наши академіи. Отсюда мы направились въ училищную церковь, а за тѣмъ вышли на балконъ. Гора, на которой помѣщается школа, у грековъ называется: *θέατρον* (т. е. зрѣлище), и не напрасно. Съ балкона школы открывается восхитительнѣйшій видъ на море и острова:—на море, словно уснувшее подъ знойными лучами солнца, и на острова, вѣчно слушающіе волшебную сказку, которую разсказываетъ имъ море, плещущееся у ихъ подножій и омывающее ихъ грозныя скалы. А вдали, задернутый синею дымкой, виднѣется Константинополь. Вообще восхитительному положенію Халкинской школы могутъ позавидовать многія наши школы.

Уѣзжая изъ семинаріи, мы хотѣли выкупаться въ Мраморномъ морѣ, но о. Апостолъ отсовѣтовалъ. Во первыхъ, здѣсь вода нагрѣвается позднѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и теперь никто еще не купается; во вторыхъ, по здѣшнимъ воззрѣніямъ купаться всѣмъ прямо съ берега — это поступокъ, оскорбляющій общественную нравственность. Пришлось отказаться отъ заманчивой, въ виду сильной жары, мысли и мы отправились къ пристани, снова усѣвшись на осликахъ. Въ ожиданіи парохода мы отдыхали у пристани, гдѣ было много народу также въ ожиданіи, а еще больше любопытныхъ, глазѣвшихъ на насъ безъ всякой церемоніи. Но вотъ пронеслось „Патріархъ идетъ“. И дѣйствительно, мы увидали спускавшагося съ пригорка къ пристани величественную фигуру Патріарха Никодима, въ простой черной рясѣ, съ палкою въ рукахъ. Патріархъ отправлялся тоже въ Константинополь, и вскорѣ всѣ мы сѣли на пришедшій съ Принкипо пароходъ. Патріархъ все время бесѣдовалъ съ Преосвященнымъ и профессорами о разныхъ вопросахъ — чисто русскихъ, русско-греческихъ, и др..... Чрезъ полтора часа мы были снова въ Константинополѣ подъ гостепріимнымъ кровомъ Пантелеймоновскаго подворья. Въ это время Преосвященному сдѣлали визитъ: помощникъ настоятеля посольской церкви о. Сергій Орловъ, кандидатъ нашей Академіи, и старшій учитель русской школы

при посольствѣ г. Машковъ, пригласившіе его, по порученію г. посла, присутствовать завтра утромъ на экзаменѣ въ школѣ,—на что Преосвященный далъ свое согласіе. Въ тоже время съ отвѣтнымъ визитомъ Преосвященному отъ имени Вселенскаго патріарха пришли два духовныхъ лица и принесли съ собою патріаршую грамоту, на греческомъ языкѣ, адресованную къ „преподобнѣйшимъ епистатамъ и антипросопамъ святоименной горы Аѳонской, нашимъ возлюбленнымъ чадамъ въ Господѣ“.

Грамота гласила: „Возлюбленнѣйшій нашъ во Христѣ братъ Киръ Арсеній, боголюбивѣйшій епископъ Волоколамскій, викарій Московской Митрополіи, Ректоръ (*Πρύτανις*) Московской Академіи, прибывшій недавно въ Константинополь изъ Россіи въ сопровожденіи духовныхъ лицъ (слѣдуетъ перечисленіе ихъ), двухъ профессоровъ и воспитанниковъ, отправляется къ вамъ на нѣсколько дней для поклоненія священнымъ обителямъ Божіимъ и обозрѣнія достопримѣчательностей оныхъ. Почитая такое благочестивое желаніе Его Боголюбія и сопровождающихъ его, представляемъ ихъ вашему вниманію, дабы вы, оказавъ имъ должное благоговѣніе, честь и почтеніе, приняли ихъ съ отличающею васъ любезностію и привѣтливостію, доставляя имъ всѣ удобства къ исполненію священнаго ихъ желанія. А если Его Боголюбіе и сопровождающія Его духовныя особы пожелаютъ совершить священнослуженіе, то дозволить имъ. Нисколько не сомнѣваясь, что вы поревнуете сдѣлать ихъ хвалителями вашей привѣтливости, посылаемъ вамъ благословеніе мира и любви отъ Бога. Вселенскій Патріархъ Константинъ. 1900 г. іюня 6“.

Вечеромъ гуляли по набережной Золотого Рога, сплошь заставленной столиками для кофе, кальяна, etc. Пили чудный турецкій кофе и пробовали курить кальянъ, приводящій турокъ въ состояніе блаженнаго far niente, но не нашли въ немъ никакого вкуса; за то порадовались популярности русскаго языка. Музыканты: австріякъ со скрипкою и австріячка съ мандолиною, подъ аккомпаниментъ своихъ инструментовъ, недурно пѣли русскія народныя пѣсни. По дорогѣ домой чуть—чуть не заблудились; помогъ намъ оріентироваться неожиданно явившійся предъ нами и предложившій свои услуги русскій еврей, который любезно проводилъ насъ до подворья, за что, разумѣется, получилъ бакшишъ.

8-е Іюня. Четвергъ.

Нынѣшнее утро было посвящено вообще знакомству съ городомъ. Для этого прежде всего поднялись на Галатскую башню, господствующую не только надъ Галатою и Перою, между которыми она находится, но надъ Константинополемъ и его окрестностями. Башня эта построена въ 1348 году генуэзцами и находится недалеко отъ подворья, на возвышенности, вслѣдствіе чего улица, ведущая къ ней—юксекъ-калдирымъ—поднимается уступами вродѣ лѣстницы и проѣздъ по ней совершенно невозможенъ. Башня возвышается на 70 саженъ надъ уровнемъ моря и когда мы по узкой, темной и грязной лѣстницѣ, отсчитавъ 186 ступенекъ, дошли до ея вершины, предъ нами развернулась грандіозная панорама города. Подъ нашими ногами, словно муравейникъ, копошится населеніе Галаты, далѣе на горѣ виднѣется аристократическая Пера (европейскій кварталъ города) съ ея европейскими домами, за нею въ кварталѣ Панкальди—русская больница; направо—пріютившійся подъ тѣнію кипарисовъ Ильдызъ-Кіоскъ и другіе дворцы, изъ-за которыхъ выглядываетъ голубой рукавъ Босфора, отдѣляющій европейскій берегъ отъ азіатскаго,—гдѣ, утопая въ зелени, амфитеатромъ раскинулось предмѣстье Константинополя—Скутари. Съ другой стороны башни, отрѣзанный отъ Галаты тонкою полосою Золотого Рога, по которому безпрерывно снуютъ дымящіеся пароходы, виднѣется своеобразный Стамбулъ, съ сотнями красивыхъ минаретовъ; за нимъ синѣется вдали Мраморное море, а дальше, окутанные темною-синею дымкой, обрисовываются силуеты Принцевыхъ острововъ. На крышахъ домовъ кое-гдѣ виднѣются нѣжащіяся на солнцѣ или занимающіяся своими дѣлами ихъ обывательницы.

Налюбовавшись городомъ съ вершины Галатской башни и освоившись съ его топографіею, мы отправились по ту сторону Золотого Рога, въ Стамбулъ, чтобы познакомиться съ оригинальнѣйшимъ пунктомъ Константинополя — базаромъ чарши (безестейна), гдѣ собрано все, чѣмъ торгуетъ Востокъ. На мосту, ведущемъ въ Стамбулъ,—обычное оживленіе, непрерывно движущаяся толпа, поражающая даже начинающаго привыкать ко всему восточному иностранца пестротою и „разнокалиберностью“. Кого — кого только тутъ

нѣтъ? Разряженная изящная европейская дама идетъ бокъ о бокъ съ закутанною въ шелковое полосатое покрывало и похожею въ немъ на движущійся мѣшокъ молодою турчанкою, которую конвоируетъ смуглая негритянка. Блестящій въ своемъ короткомъ мундирѣ турецкій офицеръ на своемъ лихомъ арабскомъ конѣ или важно развалившійся въ раззолоченной коляскѣ паша съ сонными глазами протискивается между загородившими дорогу ослами, нагруженными длинными досками, или арбой, запряженной громадными буйволами, которыхъ погоняетъ полураздѣтый арабъ. Блестящій цилиндръ европейца, восточная пирамидальная шапка дервиша, бѣло-зеленая чалма имама, черный клобукъ монаха и красная феска турка—все слилось въ одну кучу. Господствуетъ, впрочемъ, феска: ее носятъ не только турки, начиная отъ султана и кончая многочисленными нищими, но и греки, и другіе обыватели Константинополя, и даже иностранцы. Протискавшись черезъ мостъ и отбившись отъ уличныхъ чистильщиковъ сапогъ и другихъ разносчиковъ (одинъ изъ нихъ, впрочемъ, продавецъ палокъ сопровождалъ насъ отъ подворья по всему Стамбулу, все время навязывая свой товаръ и торгуясь), мы благополучно добрались до чарши. Чарши—это, вѣроятно, единственный въ мірѣ по оригинальности базаръ. Онъ находится недалеко отъ берега Золотого Рога и занимаетъ пространство около 3 верстъ, покрытое одною крышею. Сквозь небольшіе купола, поднимающіеся надъ этою крышею, въ базаръ проникаетъ скудный свѣтъ, вслѣдствіе чего тутъ вѣчно господствуетъ выгодный для торговцевъ полумракъ. Чарши во всѣхъ направленіяхъ изрѣзываютъ коридоры, образующіе до 150 кварталовъ, въ которыхъ пріютилось около 8000 лавокъ. Это базаръ въ собственномъ смыслѣ универсальный: здѣсь можно найти все, начиная отъ знаменитыхъ восточныхъ шелковыхъ тканей и кончая пищевыми продуктами. Оригинальность этого базара увеличивается еще тѣмъ, что все производство здѣсь на лицо. Въ одномъ углу тачаются сапоги, въ другомъ гремитъ швейная машина; тамъ парикмахеръ, зажавъ между колѣнами голову правовѣрнаго, скользитъ по ней бритвою, а рядомъ съ нимъ расположился поваръ, предъ которымъ на вертелѣ шипитъ баранина. Груды фруктовъ виднѣются рядомъ съ грудами мануфактурнаго товара. Любопытны и

нравы здѣшнихъ торговцевъ. Здѣсь торгуютъ разныя національности: турки, арабы, евреи, армяне, нѣмцы, французы и др., и всѣ имѣютъ комиссіонеровъ, зазывающихъ прохожихъ въ свою лавку. Но, Боже сохрани, къ чему нибудь прицѣниться,—комиссіонеръ будетъ сопровождать васъ по всему базару до тѣхъ поръ, пока вы не купите вещь. Запрашиваютъ продавцы въ десять разъ дороже стоимости вещи, и послѣ продолжительной торговли уступаютъ. Крайнюю неустойчивость цѣнъ и сравнительную дешевизну вещей здѣсь объясняютъ тѣмъ, что въ Константинополь, гдѣ не существуетъ фабричнаго производства, свозится нераспроданный бракованный товаръ съ западно-европейскаго рынка и находитъ хорошій сбытъ среди неприхотливыхъ турокъ. Наша многолюдная компанія обращала на себя вниманіе, и по базару то и дѣло раздавались возгласы: „московъ карошъ, заходи, братушка, братушка сюда, стой, стой братушка, entrée, monsieur“. На базарѣ народу немного и, какъ вѣроятно вездѣ, преобладаютъ среди покупателей женщины, даже турчанки, которымъ самъ Коранъ разрѣшаетъ показываться публично на торгѣ. Приказчикъ изъ французскаго магазина, гдѣ мы что-то покупали, провожалъ насъ по всему базару и даже въ мечеть султана Баязета, куда мы зашли съ базара, причемъ обязательно объяснилъ имаму, отворявшему мечеть, что здѣсь: „буюкъ — папа́ (большой священникъ) и notabler personnages“, въ силу чего имамъ былъ съ нами особенно любезенъ.

Въ этотъ же день утромъ Преосвященному представилась болгарская депутація, привѣтствовавшая его отъ имени болгарскаго экзарха Іосифа и благодарившая за заботы о воспитаніи болгарскаго юношества, учащагося въ Московской академіи. Въ числѣ депутаціи былъ протосинкелъ Мелетій, окончившій курсъ Кіевской семинаріи, и Протасій Пампуловъ, кандидатъ Московской академіи. Преосвященный поручилъ депутаціи выразить благодарность экзарху за такое вниманіе его, а вмѣстѣ и сожалѣніе, что онъ по причинамъ, вызваннымъ *извѣстными* историческими обстоятельствами, не можетъ лично посѣтить его. Въ отвѣтъ на благодарность за воспитаніе болгарскаго юношества, Преосвященный сказалъ, что наша Академія, равно какъ и другія русскія учебныя заведенія, съ радостію открываютъ двери свои для единоплеменныхъ и единовѣрныхъ юношей, относясь къ

нимъ, какъ и къ русскимъ воспитанникамъ, съ одинаковымъ вниманіемъ и любовію. Къ прискорбію, говорилъ Преосвященный, нѣкоторые изъ такихъ юношей своимъ поведеніемъ не оправдываютъ такого отношенія къ нимъ, вызывая справедливое негодованіе начальствъ учебныхъ заведеній, которыя вынуждены иногда бываютъ удалять такихъ воспитанниковъ изъ своей среды. А нѣкоторые изъ нихъ вмѣсто того, чтобы заниматься науками, пускаются въ „политику“, или вѣрнѣе „политиканство“, какое занятіе быть можетъ и находитъ свое оправданіе на Востокѣ, въ силу такихъ или иныхъ условій восточной жизни, но у насъ, въ Россіи, и притомъ въ учебныхъ заведеніяхъ, оно нетерпимо. Вотъ почему желательно было бы съ большимъ разборомъ и вниманіемъ посылать къ намъ въ науку молодыхъ людей, а затѣмъ слѣдить за ними, освѣдомляясь у подлежащихъ начальствъ объ ихъ успѣхахъ и поведеніи,—что теперь рѣдко дѣлается. Въ частности, относительно воспитанниковъ болгарской экзаршеской семинаріи, учащихся въ нашей Академіи, Преосвященный поручилъ передать экзарху свое удовольствіе и благодарность, такъ какъ они отличаются добрымъ поведеніемъ и вполнѣ подготовлены къ слушанію академическихъ наукъ.

Послѣ этого Преосвященный, согласно обѣщанію, поѣхалъ на экзаменъ въ русскую школу, помѣщающуюся почти за городомъ при русскомъ госпиталѣ. Здѣсь Преосвященнаго встрѣтили: завѣдующій школою В. М. Машковъ, помощникъ настоятеля посольской церкви о. С. Орловъ, состоящій законоучителемъ школы, діаконъ посольской церкви Махровъ, учителя, представитель посольства Щербацкій и членъ Училищнаго Совѣта Фармаковскій, ученый секретарь Археологическаго Института. Ученики довольно стройно пропѣли входное „Достойно есть“, привѣтствовали Преосвященнаго пѣніемъ *εἰς πολλά*, во время чего онъ преподалъ всѣмъ благословеніе. Затѣмъ начался экзаменъ, которымъ руководилъ Преосвященный, спрашивая самъ экзаменующихся. Учениковъ было около ста, по возрасту отъ 7 до 15 лѣтъ; по національности—преимущественно греки, меньшинство—сербы, болгары, есть и русскихъ нѣсколько. Экзаменъ былъ произведенъ по Закону Божію, русскому языку и ариѳметикѣ. Отвѣчали въ общемъ порядочно, особенно

по классу о. С. Орлова и учителя приготовительнаго класса, студента Одесской семинаріи. По русски говорятъ довольно хорошо. По окончаніи экзамена, Преосвященный обратился къ ученикамъ съ приличнымъ случаю и удобовразумительнымъ для нихъ словомъ, послѣ чего благословилъ всѣхъ, каждаго въ отдѣльности, привезенными изъ Сергіевой Лавры иконами Преподобнаго и крестиками съ красными ленточками. Нужно было видѣть эту святую радость дѣтей, надѣвшихъ тутъ же на шею крестики!... Посѣтивъ затѣмъ завѣдующаго школою г. Машкова, Преосвященный, провожаемый училищнымъ персоналомъ и воспитанниками, отбылъ изъ школы на подворье. По пути онъ заѣхалъ въ Археологическій Институтъ, находящійся въ Перѣ. Директора Ѳ. И. Успенскаго дома не было; онъ теперь путешествуетъ съ археологическою цѣлью по Сиріи, столь богатой памятниками христіанской древности. Въ Институтѣ встрѣтилъ Преосвященнаго ученый секретарь Фармаковскій. Отложивъ подробный осмотръ Института до обратнаго возвращенія изъ Палестины, Преосвященный, бѣгло осмотрѣвъ его, при любезномъ содѣйствіи г. Фармаковскаго, возвратился къ 2 часамъ на подворье, гдѣ мы ожидали его съ обѣдомъ.

Дѣлясь съ нами во время обѣда впечатлѣніями, вынесенными имъ отъ посѣщенія школы, Преосвященный высказалъ слѣдующее. Въ общемъ ходѣ преподаванія замѣтно отсутствіе единства, опредѣленной системы, — что впрочемъ объясняется неопредѣленностію типа этой школы. Такъ и неудалось выяснить, къ какому типу отнести эту школу,—къ типу-ли церковно-приходской, или городской, профессіональной. Курсъ школы 6-ти лѣтній и по программѣ своеобразный; къ программѣ городскихъ начальныхъ училищъ (по положенію 31 мая 1872 г.: Законъ Божій, русскій языкъ, ариѳметика, геометрія, географія, исторія) присоединяются здѣсь: бухгалтерія, греческій и французскій языки. Съ внѣшней стороны школа обставлена, за недостаткомъ денежныхъ средствъ, плохо. Она помѣщается въ небольшомъ и мало приспособленномъ для школы зданіи, учителя получаютъ небольшое вознагражденіе. Исторія учрежденія этой школы такова. Возникла она въ 1892 году по иниціативѣ тогдашняго русскаго посла въ Константи-

нополѣ (нынѣ въ Римѣ) Александра Ивановича Нелидова, при дѣятельномъ участіи его супруги Ольги Дмитріевны, на средства, собранныя путемъ добровольныхъ пожертвованій среди русскихъ подданныхъ, проживающихъ въ Турціи. Особенно щедрыя пожертвованія оказали русскіе аѳонскіе монастыри. Цѣлію ея основанія было распространеніе русскаго языка и правильныхъ (а не извращенныхъ инославною пропагандою) свѣдѣній о Россіи между православнымъ населеніемъ Константинополя: греками, армянами, болгарами. Старшимъ учителемъ и завѣдующимъ школою, принимавшимъ большое участіе въ ея устроеніи, до нынѣшняго года состоялъ Вас. Мих. Машковъ, окончившій курсъ Московской духовной семинаріи со степенью студента въ 1872 году.

Конечно и въ такомъ видѣ школа принесла свою долю пользы, и глубокой благодарности заслуживаютъ иниціаторъ устроенія школы А. И. Нелидовъ и первый устроитель ея В. М. Машковъ. Тѣмъ не менѣе настояла необходимость въ болѣе цѣлесообразной постановкѣ ученія въ ней и присвоеніи ей опредѣленнаго типа, въ связи съ улучшеніемъ внѣшней обстановки ея. На это и обратилъ свое просвѣщенное вниманіе нынѣшній посолъ И. А. Зиновьевъ, изыскавшій и необходимыя для этого средства. Благодаря ему, подъ помѣщеніе школы пріисканъ и приспособленъ трехъ—этажный каменный домъ вблизи главной и центральной Перской улицы. При домѣ имѣется садъ для дѣтскихъ игръ, а на случай непогоды въ саду же устроенъ крытый рекреаціонный залъ, соединенный съ домомъ крытымъ коридоромъ. Ежегодный бюджетъ школы увеличенъ до 8000 р. вмѣсто прежнихъ 4000 р. По программѣ школа будетъ имѣть типъ коммерческихъ училищъ съ изученіемъ языковъ: русскаго—главнаго языка, на которомъ будетъ вестись преподаваніе, греческаго, турецкаго и французскаго. Учительскій персоналъ увеличенъ новыми учителями съ высшимъ образованіемъ. Въ такомъ обновленномъ видѣ школа, какъ теперь извѣстно, была открыта 1-го декабря прошлаго года послѣ торжественнаго молебствія, совершеннаго посольскимъ причтомъ, въ присутствіи посла И. А. Зиновьева, директора археологическаго института Ѳ. И. Успенскаго и другихъ лицъ немалочисленнаго русскаго общества въ Константинополѣ.

Открытіе русской школы въ Константинополѣ должно быть привѣтствуемо отъ всей души. „Современный Константинополь, говоритъ по сему поводу о. С. Орловъ, совсѣмъ не богатъ (православными) учебными учрежденіями. Лучшія школы въ К-лѣ принадлежатъ иностранцамъ — американцамъ, нѣмцамъ, французамъ и—больше всего—монашескимъ католическимъ орденамъ. Иностранцы упрочиваютъ чрезъ нихъ свое господство на древнемъ Востокѣ, а католичество черезъ школы ведетъ смѣлую и вѣрную пропаганду. Можно надѣяться, что благоустроенная русская школа пріобрѣтетъ симпатію по крайней мѣрѣ православнаго греческаго населенія, страдающаго много отъ внѣшнихъ и внутреннихъ неудобствъ и непорядковъ жизни“ (Ц. Вѣд. 1900 г. № 51, стр. 2140). Пожелаемъ всякаго успѣха обновленной школѣ. Пожелаемъ, чтобы съ практическимъ направленіемъ образованія, вызваннымъ мѣстными условіями, въ ней процвѣтало и религіозное. Порукой въ послѣднемъ является преподаваніе Закона Божія такимъ просвѣщеннымъ и благочестиво-настроеннымъ лицамъ, какъ о. С. Орловъ.

Послѣ обѣда намъ предстояло посѣтить дачу русскаго посла въ Буюкъ-дере; манила своею пріятностію прогулка по живописному Босфору. Поэтому мы снова очутились на мосту, по которому двигалась безъ конца взадъ и впередъ таже пестрая толпа, а затѣмъ—и на пароходѣ, совершающемъ рейсы по Босфору. Турецкій флагъ взвился надъ пароходомъ и послѣдній, разсѣкая темно-синія воды Босфора, побѣжалъ впередъ. Берега Босфора, нѣсколько знакомые теперь намъ, утративъ интересъ новизны, не казались уже особенно интересными намъ. Пароходъ, останавливавшійся около каждаго мѣстечка Босфора, наконецъ подъѣхалъ часа два спустя послѣ отъѣзда изъ Константинополя къ пристани возлѣ Буюкъ-дере. Направо отъ пристани бѣлый домъ русскаго посольства, а за нимъ чудный паркъ, извѣстный подъ именемъ Бѣлградскаго лѣса. Осмотръ этого парка, о которомъ мы слышали восторженные отзывы, и былъ главною цѣлію нашей сегодняшней поѣздки. Дѣйствительно, паркъ оправдалъ себя. Раскинувшійся на 18-ти десятинахъ по откосу горы, паркъ интересенъ, какъ богатствомъ и разнообразіемъ растительнаго царства, такъ и своими широкими видами. Въ паркѣ наряду съ сѣверно-русскими березою и сосною ра-

стутъ платаны, кипарисы, буки, лавровыя деревья, виноградъ, персики, ананасы; деревья — старыя, вѣковыя; въ паркѣ всегда вѣетъ пріятною прохладою. На уступахъ горъ, кромѣ того, устроены красивыя бесѣдки, откуда открываются широкіе виды на Босфоръ и Скутари. Нагулявшись въ паркѣ, мы къ 6 часамъ вечера вернулись обратно въ Константинополь—на подворье.

Въ это время Преосвященному Ректору, остававшемуся на подворьи, отвѣтилъ визитомъ бывшій Іерусалимскій Патріархъ Никодимъ, пробывшій у него около часу.

Вечеромъ, по приглашенію Андреевцевъ (монаховъ, завѣдующихъ Аѳонскимъ Андреевскимъ подворьемъ), у которыхъ остановились профессора и лаврскіе монахи, мы вмѣстѣ съ Преосвященнымъ пили чай на кровлѣ ихъ дома, откуда открывается на городъ болѣе широкій видъ, чѣмъ съ кровли Пантелеймоновскаго подворья, такъ какъ зданіе послѣдняго на цѣлый этажъ ниже дома Андреевскаго подворья. Вообще новое зданіе Андреевскаго подворья просторнѣе и свѣтлѣе Пантелеймоновскаго и не оставляетъ желать ничего лучшаго. Монахи здѣсь такъ же любезны и гостепріимны, какъ и въ Пантелеймоновскомъ. Они конкурировали въ любезности другъ съ другомъ. Особенно симпатиченъ настоятель подворья, о. Софроній. Онъ прекрасно говоритъ по ново-гречески и знатокъ древностей византійскаго искусства. У антикваріевъ онъ скупаетъ древніе предметы христіанскаго культа: древнія рукописныя книги, иконы и пр., и уже составилъ изъ нихъ очень цѣнную въ научномъ отношеніи коллекцію, которую передалъ своему монастырю. Завѣдующіе Константинопольскимъ археологическимъ институтомъ говорили, что о. Софроній является для нихъ опаснымъ конкурентомъ, хотя они и благодарны ему за то, что онъ спасаетъ предметы христіанскаго культа и не допускаетъ ихъ попасть въ руки иностранцевъ, знающихъ цѣну подобнымъ вещамъ и дающихъ за нихъ громадныя деньги. Вообще вечеръ, проведенный на кровлѣ Андреевскаго подворья въ бесѣдѣ съ любознательными и гостепріимными монахами, оставилъ по себѣ прекрасное воспоминаніе. Только безалаберная Галата не оставляла насъ въ покоѣ и здѣсь. Рядомъ съ домомъ Андреевскаго подворья возвышается зданіе съ надписью „Московскій трактиръ“, при-

надлежащее какому-то греку. Здѣсь по вечерамъ собираются Галатскіе босяки и начинается вакханалія. Въ этотъ вечеръ какъ-то особенно разошелся хоръ и громкое безалаберное пѣніе далеко разносилось по окрестности, заставляя монаховъ чаще обыкновеннаго вздыхать и жаловаться „на искушенія“.

Въ это же время, по случаю пожара въ Перѣ, мы любовались на оригинальное явленіе Константинопольской жизни—пѣшую пожарную команду. Пожары въ Константинополѣ, гдѣ верхніе этажи домовъ большею частію деревянные, часты и опустошительны, между тѣмъ организовать по европейски пожарную команду, въ виду крайней узости улицъ, по которымъ очень рѣдко можно свободно проѣхать въ экипажѣ, нельзя. Поэтому, какъ только загорится гдѣ нибудь, по всему городу раздаются неистовые крики бекчей (ночныхъ сторожей), извѣщающихъ о мѣстѣ пожара. Услыхавъ во время прогулки эти крики, мы невольно вздрогнули и бросились ближе къ домамъ. И не напрасно! По самой срединѣ улицы съ громкими криками и гиканьемъ, словно ураганъ, неслись пожарные, сшибая съ ногъ встрѣчныхъ и давя собакъ, поднимающихъ вой. Пожарные—въ бѣлыхъ, плотно прилегающихъ къ тѣлу рубашкахъ и босикомъ, на плечахъ несутъ пожарныя трубы, багры, крюки и пр.; одинъ изъ нихъ съ пылающимъ факеломъ бѣжитъ впереди, очищая дорогу, за ними—толпа любопытныхъ. Это—пожарная команда изъ одного участка; чрезъ нѣсколько минутъ бѣгутъ пожарные изъ другого участка и снова повторяется та же исторія. Залюбовавшись оригинальною пожарною командою, мы и не замѣтили, какъ совсѣмъ стемнѣло, и пробираться домой по глухимъ и темнымъ (фонари есть только на одной—главной улицѣ Перы) переулкамъ пришлось чуть не ощупью, такъ что мы едва-едва попали на подворье.

9-е Іюня. Пятница. На Селамликѣ и у дервишей.

Пятница—религіозный праздникъ мусульманъ. Въ этотъ день султанъ, братъ солнца, дядя льва, какъ называютъ его образно магометане, торжественно выѣзжаетъ въ мечеть на молитву. На религіозно-политической церемоніи—селамликѣ, по рекомендаціи посольствъ, присутствуютъ обыкновенно

иностранцы, желающіе лицезрѣть повелителя правовѣрныхъ и видѣть религіозный праздникъ мусульманъ. Ихъ имена на слѣдующей день, по существующему обычаю, печатаются на столбцахъ мѣстнаго оффиціоза: „The oriental advertiser“, подъ заглавіемъ „списокъ знатныхъ иностранцевъ, присутствовавшихъ на селамликѣ“. Благодаря мѣстной прессѣ, слѣдившей за каждымъ шагомъ нашего пребыванія въ Константинополѣ со дня пріѣзда „ученой миссіи“, мы давно уже были произведены въ „знатные иностранцы“ и, слѣдовательно, должны были присутствовать на селамликѣ, тѣмъ болѣе, что нашъ посолъ Зиновьевъ уже обѣщалъ Преосвященному устроить для насъ безпрепятственный пропускъ туда. Селамликъ происходитъ отъ 12 до I часу. Поэтому, рѣшивъ собраться около 1/2 12-го въ канцелярію русскаго консульства, куда нужно было явиться для полученія пропускного билета и уплаты 75 к. съ человѣка на русскую больницу въ Константинополѣ, мы разбрелись по городу, кто—за покупками, кто просто—наблюдать нравы.

Къ указанному часу всѣ собрались въ зданіе консульства, на главной улицѣ Перы, получили билеты, взяли каваса, наняли извозчиковъ и отправились къ Ильдызъ-Кіоску. Въ Перѣ было замѣтно особое оживленіе: играла военная музыка, къ Ильдызъ-Кіоску стягивались войска, предводительствуемыя офицерами въ блестящей формѣ, на прекрасныхъ арабскихъ лошадяхъ. За Перою дорога шла параллельно берегу Босфора среди длинной цѣпи громадныхъ, роскошныхъ садовъ; все чаще и чаще красовался на зданіяхъ полумѣсяцъ со звѣздою по срединѣ — государственный гербъ Турціи [1]). Наконецъ мимо разставленныхъ шпалерами войскъ, мы подъѣхали къ зданію, предназначенному для почетныхъ гостей, присутствующихъ на селамликѣ. Преосвященный,

---

[1]) Какъ это ни странно, однако несомнѣнно, что гербъ Турціи заимствованъ турками-побѣдителями у побѣжденныхъ грековъ-византійцевъ. А почему византійцы имѣли такой гербъ—это объясняютъ различно. Одни думаютъ потому, что миѳологическій основатель города—Византъ считался сыномъ Посейдона—бога моря и нимфы-Кероессы (рогообразной), дочери Зевса и Іо (луны). Другіе—потому, что во время одного рѣшительнаго для грековъ сраженія, на небѣ появился полумѣсяцъ, послѣ чего побѣда осталась за ними.

благодаря любезности посла, былъ приглашенъ въ другое зданіе, вблизи дворца, предназначенное для дипломатическаго корпуса, который обыкновенно въ это время почти всегда бываетъ въ полномъ составѣ. Въ нашей комнатѣ толпятся иностранцы; они сгруппировались кучками около оконъ и по залѣ раздается ихъ разноязычный разговоръ. Предъ домомъ широкая, усыпанная пескомъ площадка, по ту сторону которой изъ-за зелени садовъ выглядываетъ Ильдызъ-Кіоскъ, а почти прямо противъ дома для иностранцевъ мечеть Гамидіэ—небольшая, но чрезвычайно красивая. Масса готическихъ оконъ, опутывающія ее кругомъ тонкія скульптурныя украшенія, изящный, стройный минаретъ—все придаетъ ей необыкновенную граціозность и воздушность. Ея мраморныя стѣны ослѣпительно блестятъ подъ знойными лучами полуденнаго солнца. Изъ нашей комнаты прекрасно видны всѣ приготовленія къ торжественному шествію падишаха. По обѣ стороны улицы шпалерами выстраиваются войска, поражающія наблюдателя необыкновенной пестротою своихъ костюмовъ. Укаждаго полка своя форма. Особенно оригиналенъ полкъ, состоящій изъ негровъ и зуавовъ, одѣтыхъ въ очень своеобразные мундиры. Среди войскъ мелькаютъ ихъ начальники, снующіе взадъ и впередъ пѣшкомъ, или гарцующіе на красивыхъ арабскихъ лошадяхъ. Но вотъ съ высоты минарета доносятся до насъ высочайшія трели и весьма сложныя рулады своеобразнаго тембра. Это—виртуозъ муэдзинъ, призывающій правовѣрныхъ на молитву, давая вмѣстѣ съ тѣмъ знать, что скоро начнется церемоніальное шествіе султана въ мечеть. Глаза всѣхъ устремились по направленію къ дворцу. Вскорѣ показался и султанъ. Онъ ѣхалъ въ открытой коляскѣ, которую везли пара роскошныхъ лошадей, бѣлоснѣжной масти; противъ него сидѣлъ одинъ изъ заслуженнѣйшихъ пашей, кажется военный министръ; а до недавняго времени занималъ это почетное мѣсто знаменитый Плевненскій герой-Гази Османъ паша, теперь скончавшійся. Самъ султанъ въ фескѣ, нѣсколько сгорбленный, пожилой мужчина съ энергичнымъ, угрюмымъ лицемъ, прикладывалъ руку ко лбу и губамъ, отвѣчая на шумныя привѣтствія войскъ и поклоны иностранцевъ. За коляскою султана слѣдовала многочисленная свита верхами и нѣсколько каретъ съ дамами гарема. Слѣдовали также нѣсколько ве-

ликолѣпныхъ лошадей, безъ сѣдоковъ, ведомыхъ за уздцы придворными конюшими. Одна изъ нихъ, шедшая отдѣльно и обращавшая на себя особенное вниманіе своею породистою красотою—даръ нашего Государя султану. Пока султанъ молился въ мечети (около получаса), знатныхъ иностранцевъ, какъ гостей султана, угощали чаемъ, кофе и сигарами. Дамы гарема не входили въ мечеть, а, сидя въ каретахъ, наблюдали церемонію около нея. Обратно султанъ проѣхалъ въ экипажѣ одинъ на гнѣдыхъ лошадяхъ, которыми правилъ самъ. За его коляскою бѣжитъ свита. Войска снова кричатъ привѣтствія, и церемонія кончается. Иностранцы разъѣзжаются, обгоняя другъ друга, войска возвращаются въ свои казармы при звукахъ воинственныхъ маршей съ неизмѣннымъ громовымъ турецкимъ барабаномъ. Мы снова ѣдемъ среди красивыхъ садовъ; на дорогѣ чаще, по случаю праздника, встрѣчаются закутанныя, словно муміи, турчанки; другія сидятъ, какъ „изваянья гробовыя“, кучками около своихъ садовъ. Насъ обгоняютъ кареты гаремныхъ дамъ, въ которыхъ мелькаютъ огненные глаза красивыхъ турчанокъ, выѣхавшихъ по случаю праздника на прогулку, подъ надзоромъ безстрастныхъ евнуховъ.

Всѣ иностранцы съ селамлика отправляются обычно на радѣнія вертящихся дервишей, секты ордена Мевлеви. Дервиши—мевлевиты, теккешъ (монастырь) которыхъ находится на главной улицѣ Перы почти противъ русскаго консульства, начинаютъ свое странное богослуженіе около часу. Къ нимъ поѣхали и мы. Монастырь вертящихся дервишей расположенъ во дворѣ, усаженномъ деревьями. Верченіе еще не начиналось и начнется только тогда, когда соберутся иностранцы съ селамлика, приблизительно черезъ $^1/_2$ часа. Пришлось ждать. Въ ожиданіи гуляли по главной улицѣ Перы. Улица сравнительно съ другими широкая, но уже самой узкой Московской. Нижній этажъ почти всѣхъ домовъ занятъ магазинами и кофейнями. Торгуютъ преимущественно иностранцы, внѣшняя обстановка магазиновъ не отличается роскошью. Верхній этажъ занятъ большею частію отелями, кафе-шантанами; здѣсь-же помѣщается два убогихъ театра. Книжныхъ магазиновъ, на которые мы обратили особенное вниманіе, знакомясь съ главною улицею Перы, немного, и всѣ они въ рукахъ иностранцевъ. Книги на всѣхъ

языкахъ. Много русскихъ, преимущественно такихъ, которыхъ нельзя печатать въ Россіи. Въ окнахъ одного магазина были выставлены, напримѣръ, полное изданіе „Воскресенія“ Толстого, полное собраніе сочиненій Пушкина, Жизнь Іисуса Христа Ренана, и др. Цѣны очень высокія. Въ нѣкоторыхъ магазинахъ Перы виднѣются портреты нашихъ Государя и Государыни. Въ Перѣ часто останавливали насъ нищіе, большею частію женщины съ дѣтьми, жалобными возгласами: „он пара“ (одну копѣйку) или „давай паричку“. Въ доказательство того, что они христіане, крестились.

Около двухъ часовъ дервиши отворили двери своего монастыря и впустили собравшихся мусульманъ и иностранцевъ въ залъ, въ которомъ должны происходить радѣнія. Залъ довольно большой и круглый; кругомъ галлерея, вверху по бокамъ за рѣшетками, разрисованными по восточному, помѣщаются женщины; сзади—хоръ пѣвчихъ и иностранцы. Послѣдніе-же занимаютъ и заднюю часть нижней галлереи, въ остальныхъ частяхъ которой размѣщаются, поджавъ подъ себя ноги, мусульмане несектанты.—Когда всѣ усѣлись, рѣшетка, отдѣлявшая галлерею отъ средины зала, распахнулась, медленно стали входить вертящіеся дервиши и началось ихъ странное богослуженіе. Всѣ дервиши (человѣкъ 25)—въ широкихъ плащахъ, накинутыхъ на плечи и высокихъ коричневыхъ войлочныхъ шапкахъ, босикомъ. Лица ихъ носятъ слѣды истощенія и какого то—не то отупѣнія, не то сосредоточенности. Особенно обращаетъ на себя вниманіе ихъ шейхъ въ зеленомъ плащѣ и шапкѣ, обвитой внизу зеленымъ полотенцемъ. Онъ невысокаго роста, лицо совершенно сухое и безстрастное, глубоко ввалившіеся въ орбиты глаза смотрятъ какъто загадочно. Шейхъ всталъ въ срединѣ у входа, другіе дервиши на равномъ разстояніи другъ отъ друга у рѣшетки зала, музыканты съ флейтами и барабанами и пѣвчіе поднялись наверхъ. Шейхъ и всѣ дервиши стоятъ съ глубокимъ благоговѣніемъ, потупивъ глаза и сложивъ руки на груди. Среди нихъ виднѣется нѣсколько очень молодыхъ, одинъ мальчикъ. Поджавъ подъ себя ноги, садится на полъ шейхъ, а за нимъ и всѣ остальные дервиши, и начинается молитва. Шейхъ что то читаетъ, дервиши съ завываніемъ падаютъ на сложенныя впередъ руки и снова подымаются. По окончаніи молитвы, вслѣдъ за шейхомъ всѣ встаютъ. Вверху начи-

нается музыка и пѣніе. Сначала тонко и жалобно поетъ флейта, ее начинаетъ перебивать барабанъ, звуки все усиливаются и, наконецъ, начинаетъ пѣть хоръ; раздается странный, не подчиняющійся никакимъ музыкальнымъ законамъ, концертъ. И дервиши, подъ звуки концерта, начинаютъ вертѣться, впрочемъ, по очень строгому церемоніалу. Сбросивъ съ себя плащи и оставшись въ бѣлыхъ юбкахъ и кофтахъ съ широкими рукавами, они чинно подходили другъ за другомъ къ шейху, кланялись ему и другъ другу, и совершенно по театральному, съ поднятыми вверхъ руками, начинали вертѣться. Когда поклонилась послѣдняя пара, завертѣлся весь залъ. Верченіе послѣ маленькихъ промежутковъ начиналось три раза, причемъ съ каждымъ разомъ музыка и хоръ становились громче и безалабернѣе, а дервиши вертѣлись скорѣе, хотя не измѣняли позы и не сталкивались между собою. Отъ быстраго верченія лица дервишей блѣднѣли, глаза закрывались, одежда раздувалась, и вообще они производили впечатлѣніе экзальтированныхъ, а вверху раздавался такой отчаянный концертъ, что становилось страшно. И дѣйствительно, нѣкоторые не дождались конца такого своеобразнаго богослуженія; съ двумя дамами сдѣлалось дурно. На насъ богослуженіе дервишей произвело очень тяжелое впечатлѣніе.

Что означаютъ собою верченія дервишей—существуютъ различныя объясненія. Одни ставятъ ихъ въ связь съ общимъ религіознымъ міросозерцаніемъ дервишей, другіе—считаютъ ихъ дѣломъ случая. По мнѣнію первыхъ, дервиши—природопоклонники; своими верченіями они символически изображаютъ обращеніе планетъ вокругъ центральнаго свѣтила, отъ чего происходитъ перемѣна временъ года. По мнѣнію вторыхъ, обрядъ верченія появился у дервишей совершенно случайно. Мусульманскій святой Али, согласно преданію, когда услыхалъ объ одной побѣдѣ Магомета надъ невѣрными, отъ радости захлопалъ въ ладоши и перевернулся нѣсколько разъ на пяткахъ. Это обстоятельство положило начало сектѣ. Несомнѣнно одно, что верченія дервишей не являются теперь какъ-бы случайнымъ выраженіемъ ихъ глубокаго молитвеннаго настроенія, экстаза, а скорѣе—строго обдуманной, по извѣстному плану совершаемой церемоніей, какимъ то театральнымъ представленіемъ, отъ чего много теряютъ въ интересѣ. Какъ бы тамъ ни было, но верченіе дервишей, раз-

сматриваемое съ точки зрѣнія формы ихъ богослуженія, какъ молитвенный подвигъ, которымъ они хотятъ заслужить себѣ, предопредѣленное небомъ, мѣсто въ раю—заслуживаетъ особеннаго интереса и наводитъ на многія думы, съ какими мы и оставили эту мусульманскую обитель.

Въ подворье мы вернулись отъ дервишей около 3½ часовъ, и тотчасъ послѣ обѣда отправились, по приглашенію помощника настоятеля посольской церкви о. Сергія Орлова, въ кварталъ Панкальди, гдѣ находится больница и русская школа. Преосвященный съ профессорами отправились въ файэтонѣ, а мы — по конкѣ, уплативъ за станцію по два піастра (20 к.) съ человѣка. Кондукторъ конки—широко-скулый веселый турокъ, которому мы объяснили знаками, куда ѣдемъ, обѣщалъ намъ указать, когда надо слѣзать, чтобы попасть въ „госпиталь московъ“. Поэтому мы сидѣли спокойно до тѣхъ поръ, пока онъ, а за нимъ и другіе турки не замахали руками и не закричали: „госпиталь московъ, московъ!“ Впрочемъ и безъ этого мы узнали о близости русской больницы по доносившемуся до насъ гармоническому колокольному звону съ колокольни при русской больничной церкви, въ честь Преосвященнаго. Слѣзши съ конки и повернувъ влѣво въ переулокъ, мы среди бѣгущей толпы, освѣдомленной о предполагаемомъ посѣщеніи Преосвященнымъ больницы, скоро достигли храма.

На паперти Преосвященнаго встрѣтилъ весь служащій больничный персоналъ во главѣ съ старшимъ врачемъ больницы В. П. Щепотьевымъ и сестрами милосердія. Въ самомъ же храмѣ, наполненномъ народомъ, встрѣтилъ Преосвященнаго въ облаченіи и съ крестомъ настоятель этой церкви о. Сергій Орловъ съ діакономъ Махровымъ. О. Сергій привѣтствовалъ Преосвященнаго задушевною рѣчью, въ которой отъ себя и всей русской колоніи выразилъ радость по поводу посѣщенія первымъ русскимъ Архипастыремъ этого русскаго храма. Облачившись въ мантію, Преосвященный при стройномъ пѣніи школьниками и Пантелеймоновскими монахами „Достойно“ направился на солею и въ алтарь, гдѣ прикладывался къ иконамъ и престолу. Послѣ обычнаго краткаго молебна, Преосвященный обратился къ собравшимся съ пространною рѣчью, въ которой развилъ мысль о *значеніи русскаго храма* въ разноплеменномъ градѣ *для объединенія православныхъ на-*

родностей. „Храмъ сей, говорилъ Преосвященный, объединяя подъ своими сводами въ молитвѣ лицъ разныхъ народностей—русскихъ, сербовъ, болгаръ, грековъ — является прекраснымъ выразителемъ идеи церковнаго христіанскаго единства, основаннаго на единой вѣрѣ въ Единаго Господа Іисуса Христа, въ Которомъ, по Апостолу, *нѣсть іудей, ни эллинъ: нѣсть рабъ, ни свободь: но вси едино о Христѣ Іисусѣ* (Галат. 3, 28). Русскій храмъ, устрояемый въ чужой странѣ и предназначаемый для молитвы православныхъ различныхъ національностей, долженъ служить въ большей или меньшей мѣрѣ показателемъ нашего церковнаго и религіознаго строя на родинѣ, въ Россіи; долженъ отличаться благоустройствомъ и благолѣпіемъ. Благолѣпный сей храмъ наполняетъ мое сердце неизреченною радостію.. Благословеніе Господне да пребудетъ на устроителяхъ и благоукрасителяхъ этого храма во славу Божію и въ честь русскаго имени“. Перейдя затѣмъ къ спеціальному назначенію этого храма, какъ храма „больничнаго“, Преосвященный указалъ на то благотворное значеніе, какое имѣютъ подобные храмы для больныхъ. Въ заключеніе Преосвященный, указавъ на пользу устроенной здѣсь больницы, дающей пріютъ и облегченіе больнымъ, вспомнилъ съ благодарностію, что и онъ на себѣ испыталъ благодѣтельное значеніе ея. „Не могу не вспомнить съ чувствомъ благодарности, что и я, 16-ть лѣтъ тому назадъ, въ качествѣ болящаго паломника возлежалъ здѣсь на одрѣ болѣзни. Но жестокая лихорадка, схватившая меня тогда, скоро оставила свою мучительную силу, благодаря любвеобильному уходу приставленныхъ облегчать страданія тѣлесныя“.

Преосвященный, преподавъ всѣмъ благословеніе, сталъ съ нами разсматривать храмъ въ сопровожденіи о. Сергія и церковнаго старосты Щепотьева. Храмъ во имя святителя Николая, освященный 15-го іюня 1876 года, „соруженъ,—какъ значится на металлической дощечкѣ, прикрѣпленной надъ церковнымъ ящикомъ на внутренней стѣнѣ храма,—усердіемъ бывшаго посла графа Н. П. Игнатьева, при содѣйствіи игумена русскаго Аѳонскаго Пантелеймонова монастыря о. архимандрита Макарія съ братіей“. Храмъ выглядитъ теперь точно новый, благодаря недавней реставраціи его, произведенной усердіемъ недавно избраннаго на должность церковнаго ста-

росты доктора Щепотьева и стараніямъ о. С. Орлова. Стѣны храма росписаны заново масляною краскою съ живописными иконными изображеніями въ центральномъ куполѣ и въ алтарной абсидѣ; иконостасъ блеститъ вычищенною позолотою; иконы—художественной работы въ строго православномъ духѣ; особенно эффектна запрестольная большая икона Спасителя, написанная на стеклѣ въ Петербургѣ; утварь и ризница храма—прямо роскошны. Храмъ въ воскресные и праздничные дни, по словамъ о. Орлова, всегда бываетъ полонъ молящимися разныхъ національностей, преимущественно же славянъ, приходящихъ въ русскій храмъ, чтобы слышать божественную службу на славянскомъ языкѣ. Хоръ, который мы слышали, поетъ очень хорошо. Основу хора составляютъ мальчики-школьники русской школы и четыре монаха Аѳонскаго Пантелеймоновскаго монастыря, живущіе здѣсь же. Въ дѣлѣ устроенія хора принимаетъ большое участіе самъ о. Сергій, любитель церковнаго пѣнія и знающій его, а также и матушка его, участвующая въ хорѣ.

Насладившись благолѣпіемъ храма, мы черезъ прекрасный садъ направились въ больницу, помѣщающуюся въ большомъ домѣ. Въ сопровожденіи старшаго доктора и старшей сестры мы посѣтили всѣ больничныя палаты, наполненныя больными. Преосвященный утѣшалъ больныхъ и благословлялъ православныхъ иконами Преподобнаго Сергія и крестиками. Благословеніе принимали и инославные. А одинъ изъ тяжко больныхъ, католикъ—полякъ, даже попенялъ на Преосвященнаго, спросившаго его, принимаетъ ли онъ благословеніе православнаго русскаго Архіерея.

„Отецъ Святой!“ съ дрожаніемъ въ голосѣ отвѣтилъ больной. „Развѣ мы не христіане? Развѣ не всѣ мы дѣти одного Отца небеснаго? Развѣ я не вѣрую во Христа Искупителя?.. Благослови меня грѣшнаго, Святой отецъ!“

При послѣднихъ словахъ онъ схватилъ благословляющую руку Преосвященнаго и сталъ покрывать ее поцѣлуями, а икону Преподобнаго возложилъ на впалую грудь свою, говоря, что съ нею и умретъ.

Обзоръ больницы произвелъ на насъ самое отрадное впечатлѣніе. Она благоустроена, комнаты для больныхъ и для разныхъ другихъ назначеній, общія залы просторны и свѣтлы, а главное безусловно чисты; воздуху много; боль-

ничнаго специфическаго запаху, благодаря вентиляціямъ, почти не слышно. Больницею завѣдуютъ два врача; служатъ здѣсь шесть сестеръ милосердія. Больница содержится на сборъ съ русскихъ туристовъ и поклонниковъ, проѣзжающихъ мимо города или черезъ городъ, по 75 к. съ человѣка, данью съ каждаго русскаго парохода, останавливающагося въ Константинополѣ, по 1 к. съ тонны, частными пожертвованіями и пр. Необходимость ея для города, чрезъ который ежегодно въ послѣднее время проходитъ до 10000 русскихъ, несомнѣнна. Впрочемъ, и не одни русскіе находятъ здѣсь пріютъ въ случаѣ болѣзни. По существующимъ здѣсь отчетамъ видно, что въ больницѣ на излеченіи бываютъ кромѣ русскихъ—турки, болгары, черногорцы, сербы, греки, армяне, евреи.

Изъ больницы отправились мы, по приглашенію, къ о. Сергію, подъ гостепріимнымъ кровомъ котораго провели около двухъ часовъ въ русскомъ кружкѣ. Нужно быть на чужбинѣ, чтобы оцѣнить то душевное удовольствіе, какое испытывается отъ пребыванія среди „своихъ“. Тутъ среди разговора всѣми высказано было желаніе, какъ было бы хорошо, если бы можно было устроить здѣсь русскую архіерейскую службу. Преосвященный на это отвѣтилъ, что это—и его желаніе, но, къ прискорбію, по нѣкоторымъ зависящимъ отъ него обстоятельствамъ, о которыхъ „удобѣе теперь молчаніе“, этого законнаго желанія нельзя осуществить... Съ чувствомъ благодарности къ радушнымъ хозяевамъ, мы съ Преосвященнымъ уѣхали домой—на подворье, а профессора отправились въ Шашли, въ Болгарскую семинарію, гдѣ были приняты семинарскою администраціею съ особенною радостію. Профессора остались весьма довольны внѣшнимъ благоустройствомъ семинаріи и внутреннимъ, насколько успѣли ознакомиться съ этимъ со словъ членовъ семинарской администраціи.

10-е Іюня. Суббота. Въ музеѣ. Отъѣздъ изъ Константинополя.

Послѣднюю ночь въ Константинополѣ спали такъ же плохо, какъ и первую. Къ крику разносчиковъ нельзя привыкнуть. Впрочемъ нельзя было долго спать и потому, что сегодня въ 4 часа мы выѣзжаемъ изъ Константинополя. Пароход-

ный вопросъ рѣшенъ: мы ѣдемъ на Аѳонъ. Вчера вечеромъ зашелъ любезнѣйшій агентъ общества Н. А. и сообщилъ, что мы можемъ пробыть на Аѳонѣ только недѣлю, какъ намъ и хочется, такъ какъ въ слѣдующую субботу мимо Аѳона пойдетъ пароходъ Русскаго общества въ Россію и въ Дарданелахъ встрѣтится непремѣнно съ другимъ пароходомъ, идущимъ изъ Одессы въ Яффу, на который мы и можемъ пересѣсть.

Утро послѣдняго дня пребыванія въ Константинополѣ мы посвятили обозрѣнію музеевъ. Музеевъ въ Константинополѣ три. Музей оружія—въ бывшей церкви св. Ирины, гдѣ происходилъ 2-ой вселенскій соборъ. Въ этотъ музей доступъ возможенъ только съ разрѣшенія самого султана и требуетъ много хлопотъ. Далѣе—музей янычаръ, въ которомъ собрана коллекція чучелъ, представляющихъ собою старинную одежду и вооруженіе янычаръ. На осмотръ этого музея у насъ не хватало времени, да и онъ самъ, по словамъ Преосвященнаго, посѣтившаго его въ первый пріѣздъ въ Константинополь не представляетъ ничего особенно интереснаго. Гораздо интереснѣе третій музей, музей древностей, собранныхъ изъ всѣхъ странъ востока, прилегающихъ къ Средиземному морю, т. е. изъ тѣхъ странъ, въ которыхъ совершалась древняя исторія. Музей древностей находится въ Стамбулѣ, въ двухъ зданіяхъ—старомъ и новомъ. Въ саду, примыкающемъ къ музею, много древнихъ гробницъ и скульптурныхъ изображеній греческихъ боговъ, но все это въ страшномъ запустѣніи: гробницы заросли травою, боги—съ отбитыми носами. Внутри музей нѣсколько благоустроеннѣе и содержится опрятно. Здѣсь собрана довольно богатая коллекція образцовъ скульптуры и керамики грековъ, есть прекрасныя статуи греческихъ боговъ, много мумій и скульптурныхъ изображеній древняго Египта; среди нихъ прекрасно сохранившійся въ теченіи нѣсколькихъ тысячелѣтій скелетъ египетскаго царя Тибинета, помѣщенный подъ стекломъ. Есть очень древнія находки, покрытыя куническими клинообразными письменами, которыя мы, не безъ успѣха, пробовали разбирать. Но болѣе всего обращаютъ на себя вниманіе въ музеѣ древніе греческіе саркофаги,—особенно одинъ изъ нихъ, чудной работы, извѣстный подъ именемъ саркофага Александра Македонскаго. Громадный бѣло-мраморный саркофагъ прекрасно

сохранился. Съ четырехъ сторонъ онъ украшенъ высѣченными изъ мрамора горельефами, изображающими сцены изъ жизни умершаго: охоты, пиры, битвы. Изящество отдѣлки и оригинальность замысла, тонкій художественный вкусъ дѣлаютъ этотъ древній саркофагъ образцомъ совершенства. Мраморныя миніатюрныя фигуры людей и животныхъ на саркофагѣ кажутся живыми. Жившій нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ творецъ этого саркофага не только прекрасно зналъ анатомію, но и былъ величайшимъ художникомъ, способнымъ вдохнуть жизнь въ холодный мраморъ. Изображенія людей дышатъ жизненностью; они индивидуальны, лица вполнѣ выражаютъ тѣ мысли и чувства, какія соотвѣтствуютъ окружающей обстановкѣ; вообще художественности работы въ правѣ позавидовать любой современный скульпторъ. Есть въ музеѣ и отдѣлъ христіанскихъ древностей: иконы, кресты и пр., но очень не великъ для древней Византіи. Въ общемъ наличность музея, принимая во вниманіе историческое значеніе древней Византіи и мѣстъ, прилегающихъ къ Мраморному, Іоническому и Средиземному морямъ, могла бы быть значительно богаче, чѣмъ теперь. Но сравнительная бѣдность его находитъ отчасти объясненіе въ томъ, что турки только въ послѣднее время стали нѣсколько интересоваться археологіею.

Что касается вообще состоянія умственной жизни въ Константинополѣ, то насколько мы сами могли въ такое короткое время понаблюсти, да и по разсказамъ здѣшнихъ знатоковъ Востока, пульсъ ея здѣсь бьется крайне слабо. Самостоятельной науки у турокъ нѣтъ, за исключеніемъ математики, которая, вѣроятно по наслѣдству отъ предковъ, сохранилась у нихъ и, говорятъ, процвѣтаетъ. Изъ искусствъ у нихъ процвѣтаетъ только архитектура. Живописи они не признаютъ: художественныхъ музеевъ нѣтъ совсѣмъ. Съ поэзіею мы конечно, благодаря незнанію языка, не могли познакомиться, но, по словамъ знающихъ людей,это искусство находится въ плачевномъ состояніи у турокъ, хотя стиховъ здѣсь появляется и много. Собственнаго, серьезнаго театра у турокъ нѣтъ. Общественныя развлеченія исчерпываются убогими кафе-концертами и циркомъ. Нечего и говорить о томъ, какъ безцвѣтна ихъ общественная жизнь и мало развита самодѣятельность. Многочисленныя газеты,

издаваемыя въ Константинополѣ, принадлежатъ, главнымъ образомъ, иностранцамъ, руководящимъ здѣшнимъ общественнымъ мнѣніемъ, французамъ (напр. Servet), англичанамъ (The oriental adversiter), грекамъ (*Ταχύδρομος, Κονσταντινοπόλις* и пр.) и другимъ. Вообще культурная жизнь тутъ мирно дремлетъ, какъ говорятъ обыкновенно, подъ суровой опекой турецкой полиціи и подъ убаюкивающимъ вліяніемъ Корана.....

Возвратившись изъ музея и пообѣдавъ, мы поднялись на кровлю подворья, въ церковь, гдѣ былъ отслуженъ напутственный молебенъ. Пѣли мы вмѣстѣ съ Преосвященнымъ и профессорами. Послѣ молебна, простившись съ любезными монахами подворій, напутствовавшими насъ всевозможными благопожеланіями, до скораго свиданія, мы отправились по знакомой дорогѣ къ пристани, гдѣ уже стоялъ пароходъ Русскаго общества „Нахимовъ“, отходящій въ Яффу круговымъ рейсомъ мимо Аѳона.

Пантелеймоновскіе и Андреевскіе монахи, сестры милосердія изъ русской больницы вмѣстѣ съ докторомъ Щепотьевымъ пришли на пароходъ провожать насъ, а настоятель Андреевскаго подворья о. Софроній, монахи: Варнава, Аѳимъ и нѣсколько другихъ отправлялись вмѣстѣ съ нами на торжество освященія собора въ Андреевскомъ Аѳонскомъ скиту. Присоединился къ намъ о. С. Орловъ, также отправлявшійся на Аѳонъ.

Въ четыре часа „Нахимовъ“ снялся съ якоря и, обогнувъ мысъ Стамбула, вышелъ въ Мраморное море. Снова предъ нами обрисовался направо залитой золотыми лучами солнца Стамбулъ, налѣво—утопающій въ зелени кипарисовъ Скутари. День до того жаркій, что городъ кажется задернутымъ тонкою дымчатою пеленою. Море вдали голубое, а около самого парохода бирюзовое; пассажиры подходятъ къ борту парохода любоваться водою. Благодаря протекціи Нпк. Ар. Иванова и любезности капитана Нахимова Владиміра Черногорчевича, мы устроились прекрасно, отдѣльно отъ всѣхъ, на кормѣ парохода около перваго класса. Здѣсь, кромѣ Преосвященнаго, профессоровъ и другихъ членовъ нашей компаніи было нѣсколько явныхъ и, какъ говорили, тайныхъ корреспондентовъ и богомольцевъ, отправлявшихся на торжество освященія новаго храма въ Андреевскомъ скиту.

Старикъ „Нахимовъ“ плавно скользитъ по зеркальной поверхности Мраморнаго моря. Синеватая даль мало по малу заволакиваетъ отъ насъ городъ. Направо уже виднѣется историческое Санъ-Стефано. Въ бинокль можно съ борта парохода разглядѣть недавно построенную и торжественно освященную русскую церковь-памятникъ. Наконецъ, и городъ и его окрестности совершенно заволокло отъ насъ синеватою дымкой и по обѣ стороны парохода только слабо обрисовывались силуеты гористыхъ береговъ—европейскаго и азіатскаго. Звонокъ извѣстилъ классныхъ пассажировъ о времени ѣды и мы повечеряли по-паломнически просто, доставъ корзины, которыми насъ снабдилъ въ дорогу любезный о. Евгеній. Жара спала. Ночь опускалась надъ моремъ. Море словно дремало. Только тихій всплескъ волнъ, разсѣкаемыхъ пароходомъ, и монотонный стукъ винта нарушалъ торжественную тишину ночи. Вечеръ этого дня закончился богослуженіемъ, совершеннымъ по случаю кануна воскресенья на палубѣ парохода съ благословенія Преосвященнаго и разрѣшенія капитана. Всенощную служилъ о. Анастасій, пѣли мы вмѣстѣ съ Преосвященнымъ и профессорами и присоединившимися къ нашему хору нѣкоторыми изъ богомольцевъ. Богослуженіе, не смотря на простоту обстановки, было очень торжественно. Всѣ пассажиры во главѣ съ капитаномъ собрались на палубу. Турки-мусульмане съ большимъ интересомъ слѣдили за всѣмъ происходившимъ, которое, повидимому, произвело на нихъ сильное впечатлѣніе. Самая обстановка богослуженія была необычайна: надъ молящимися вмѣсто церковнаго купола раскинулось темносинее небо, восковыя свѣчи замѣняли міріады ярко блестѣвшихъ звѣздъ, стройное пѣніе далеко разносилось по безбрежному пространству моря. Богослуженіе совершалось передъ прекрасною иконою Касперовской Божіей Матери, которую везъ одинъ изъ паломниковъ на Аѳонъ, въ даръ Андреевскому скиту.

Услыши ны, Боже, Спасителю нашъ, упованіе всѣхъ концевъ земли и сущихъ въ мори далече...

11-е Іюня. Воскресенье. На Аѳонъ.

Встали рано, чтобы увидать Дарданелы. Къ нимъ пароходъ пришелъ часовъ въ пять утра и дожидался до шести, когда турецкая стража привезла съ берега про-

пускъ на проѣздъ чрезъ проливъ. Если бы пароходъ пошелъ Дарданелами, не дожидаясь пропуска, въ него съ берега стали бы стрѣлять. Дарданелы—это замóкъ, которымъ крѣпко заперты владѣнія султана въ Константинополѣ. За попытку насильно отпереть этотъ замóкъ, всякое судно поплатится гибелью, такъ какъ проливъ очень узокъ, и съ того и другого берега изъ крѣпостей выглядываютъ дула пушекъ. Въ мѣстѣ стоянки парохода предъ Дарданелами, и тотъ и другой берегъ застроены; на нихъ амфитеатромъ красиво раскинулись—на европейскомъ берегу—Галиполи, на азіатскомъ—Лампсаки. Но далѣе, берега Дарданелъ, до самаго выхода въ Архипелагъ, пустынны и дики: они не заселены. Только по временамъ одиноко выглядываютъ грозныя укрѣпленія, расположенныя другъ противъ друга на противоположныхъ берегахъ. Азіатскій берегъ вообще плодороднѣе: онъ покрытъ весь яркою зеленью, здѣсь часто попадаются лѣса, иногда виднѣются и деревеньки по склонамъ горы. Европейскій берегъ—пустынный, скалистый и неуютный. Наконецъ проливъ кончается, и мы подошли къ выходу въ Архипелагъ. Проливъ въ концѣ не шире небольшой рѣки, хотя и глубокъ. На отлогомъ азіатскомъ берегу раскинулось, или вѣрнѣе, скучилось селеніе Ханакъ—Калесси, извѣстное подъ именемъ Дарданелъ. Изъ-за плоскихъ крышъ домовъ выглядываетъ старинная крѣпость, на которую съ противоположнаго берега смотритъ другая.

Около 6 часовъ турецкая полиція привезла съ берега разрѣшеніе и пароходъ вышелъ изъ Дарданелъ въ Архипелагъ. Не смотря на ранній часъ, на пароходѣ сильное оживленіе. Матросы моютъ палубу, съ большимъ шумомъ, но очень нехитрымъ способомъ. Они наливаютъ на нее на полвершка воды изъ помпъ и гоняютъ изъ угла въ уголъ громадными тряпичными щетками до тѣхъ поръ, пока вода не высохнетъ подъ горячими лучами солнца. Классные пассажиры поднялись рано, чтобы увидать Дарданельскій проливъ; палубные же всегда встаютъ рано. Среди послѣднихъ есть нѣсколько русскихъ крестьянъ, отправляющихся въ Палестину, преимущественно крестьянокъ. Они разбрелись по угламъ палубы и тамъ долго видны ихъ сосредоточенныя фигуры съ устремленными въ пространство глазами; по временамъ они крестятся и кладутъ земные поклоны, не обра-

щая никакого вниманія на окружающій шумъ и толкотню,— это они совершаютъ утреннюю молитву.

Часовъ въ 8-мь утра, о. Анастасій по случаю праздника отслужилъ на верхней палубѣ парохода предъ Касперовскою иконою Божіей Матери молебенъ, на который снова собрались всѣ пассажиры. Мы пѣли. Богомольцы, отправляющіеся въ Палестину, намъ подпѣвали, и такъ умѣло, что получался стройный хоръ, пѣніе котораго далеко-далеко разносилось по морскимъ волнамъ. Солнце поднялось и позолотило свѣтло-голубыя, прозрачныя воды Архипелага. Но тучки небесныя, вѣчные „странники“, набѣгомъ своимъ иногда закрываютъ солнце, и тогда на море ложатся темныя тѣни, омрачающія золотистый блескъ его. Послѣдній такъ ярокъ и сочетаніе его съ синимъ цвѣтомъ неба и голубымъ отливомъ моря такъ причудливо, что нарисуй подобную картину художникъ, его справедливо назовутъ декадентомъ— импрессіонистомъ, а въ дѣйствительности, въ природѣ, это оригинальное сочетаніе цвѣтовъ не только не кажется страннымъ, а наоборотъ—очень привлекательнымъ и красивымъ. Пассажиры тѣснились всѣ на палубѣ; да и трудно было уйти внизъ. Кругомъ виднѣлись живописные острова Архипелага, то скалистые, то покрытые обильною растительностью, но всегда обращавшіе на себя вниманіе причудливою красотою своихъ очертаній. Они поднимаются надъ бездною, или одною остроконечною горою, или цѣлымъ рядомъ горъ, перерѣзанныхъ темными пропастями. Иногда только средняя вершина гористаго острова высоко поднимаетъ голову, а около нея тѣснятся другія меньшія горы, образуя живописную группу. На другомъ островѣ отлогія горы идутъ уступами, давая пріютъ у своихъ подножій селеньямъ и городамъ, подъ тѣнью вѣковыхъ деревьевъ.

По выходѣ изъ Дарданелъ, пароходъ идетъ до самого Аѳона, нигдѣ не останавливаясь. Въ самомъ началѣ Архипелага онъ круто поворачиваетъ направо, прямо къ Салоникскому полуострову, на одномъ изъ трехъ выступовъ котораго возвышается св. г. Аѳонъ, давшая имя и всему отрогу, отдѣленному отъ Македоніи узкимъ (бывшимъ) каналомъ Ксеркса. Туда и обращены теперь взоры всѣхъ пассажировъ. По росписанію пароходъ приходитъ къ Аѳону около четырехъ часовъ вечера, или 8-ми по турецки, а монахи и нѣкоторые изъ быва-

лыхъ людей, собравшіеся на носу, увѣряютъ, что св. гора показывается за шесть часовъ до прихода къ ней парохода, слѣдовательно—должна показаться скоро. Но пароходъ плавно идетъ по зеркальной поверхности моря, по сторонамъ его тянутся гористые острова Архипелага, а впереди — небо да море: ничего больше не видно. Наконецъ, часовъ около 11-ти, вдали началъ обрисовываться неясный силуэтъ горы, окутанной сѣроватою дымкой. Это, говорятъ, Аѳонъ. Гора кажется издали небольшою и очертанія ея скрадываются. Но по мѣрѣ того, какъ пароходъ шелъ впередъ и закрывающій ее туманъ разсѣевался, она росла и ея очертанія становились яснѣе. Была видна отвѣсно спускающаяся въ море громадная гора, уходящая въ синюю высь своею остроконечною вершиною, по сторонамъ ея обрисовывались вершины двухъ другихъ наполовину меньшихъ горъ. Ѣхавшіе съ нами Аѳонскіе монахи охотно разговаривали о св. горѣ.

— Вы видите, говорилъ одинъ изъ нихъ, облако, окутывающее вершину св. горы. Какой бы ясный день ни былъ, надъ вершиною всегда облако: это—вѣнокъ надъ головой святой горы.

Между тѣмъ пароходъ уже подходилъ къ Аѳонской горѣ съ юго-восточной стороны. Въ бинокль можно разглядѣть монастыри. Вооружась путеводителями и при помощи монаховъ, мы стараемся опредѣлить видимые нами монастыри. Вотъ Лавра св. Аѳанасія, Молдавскій Богоявленскій скитъ, Кавсокаливскій скитъ. Далѣе, пароходъ огибаетъ мысъ св. Георгія и входитъ въ заливъ св. горы (Монте-Санто). Здѣсь поражаетъ зрителей Каруля, пріютившаяся, подобно птичьему гнѣзду, на голой скалѣ, повисшей надъ бездною. Страшно глядѣть на нее: такъ и кажется, что она сейчасъ оборвется. По словамъ нашего путеводителя, это мѣсто считается безмолвнѣйшимъ изъ всѣхъ здѣшнихъ пустынь. И это вполнѣ понятно: высота моря до отшельническихъ келлій 150 саж. Чтобы подняться туда, надобно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ цѣпляться за камни руками и даже висѣть всѣмъ тѣломъ надъ бездною, а въ иныхъ мѣстахъ спускаться и подниматься на веревкѣ. У иноковъ тамъ есть церковь, и никуда они не выходятъ. Пищу имъ проѣзжающіе кладутъ въ корзину, которую они спускаютъ на веревкѣ къ берегу моря. Вотъ среди громадныхъ нависшихъ утесовъ, недалеко отъ

крутого морскаго берега, одинъ изъ древнѣйшихъ Аѳонскихъ скитовъ—скитъ св. Анны, въ настоящее время одинъ изъ наиболѣе подвижническихъ. Далѣе виднѣются живописно расположенные по горѣ монастыри: св. Павла, Діонисіатъ, Григоріатъ, Симона-Петра. Послѣдній монастырь, необыкновенно причудливой архитектуры, пріютился надъ одной изъ высокихъ скалъ, висящей надъ моремъ. Про него Барскій совершенно справедливо говоритъ: „Оній монастырь зѣло удивительный и строеніемъ и мѣстомъ,—яко не вѣмъ, како тебѣ, благій читатель, изобразити". Между этими монастырями монахи указываютъ безчисленное множество келлій и каливъ, пріютившихся въ ущельяхъ горъ или на скалахъ, называя имена подвижниковъ спасавшихся, а иногда и теперь живущихъ тамъ.

Пройдя Симоно-Петрскій монастырь, пароходъ скоро останавливается, довольно далеко отъ берега, противъ Аѳонской пристани Дафны, около которой на морскомъ берегу находится нѣсколько построекъ. Въ нихъ помѣщается агентство русскаго Общества пароходства и торговли, русская почта, церковь, турецкая таможня, карантинъ, турецкая почта, гостиница. Здѣсь живутъ и завѣдующіе почтой, таможней, агенты. Названіе свое пристань сохранила отъ языческаго времени, когда здѣсь существовалъ храмъ богини Дафны. Пароходъ не подходитъ къ берегу, такъ какъ пристань только съ одной стороны защищена отъ вѣтра выступомъ горы и мало надежна, а берега горы скалисты и небезопасны для пароходовъ. Это обстоятельство сильно мѣшаетъ развитію регулярнаго сообщенія съ Аѳономъ, особенно въ бурное время зимою и осенью. Лишь только пароходъ остановился противъ Дафны, съ берега тотчасъ-же подали лодки для желающихъ отправиться въ Андреевскій или Ильинскій скиты; а изъ Пантелеймоновскаго монастыря прислали паровой катеръ, на который мы и пересѣли. На катерѣ для встрѣчи Преосвященнаго пріѣхали—о. Паисій и о. Іорамъ изъ Пантелеймоновскаго монастыря. На пароходѣ—большое оживленіе. Пассажиры крестятся, благодаря Бога за то, что Онъ помогъ достигнуть благополучно св. горы и увидѣть „жребій Божіей Матери". Женщины, которымъ входъ на гору безусловно воспрещенъ монашескимъ уставомъ, санкціонированнымъ государственною властью, тѣснятся къ борту парохода, желая

хоть издали взглянуть на св. гору—это училище благочестія и разсадникъ монашеской жизни.

Всѣ мы и пересѣли съ парохода на катеръ, который, легко разсѣкая воду, быстро несся впередъ и черезъ 3/4 часа мы были уже противъ Пантелеймоновскаго монастыря, живописно раскинувшагося у самаго берега моря по склону горы. Встрѣча Преосвященнаго братіями обители была необычайно торжественна. Весь монастырскій берегъ, монастырскій дворъ, всѣ верхнія галлереи монашескихъ корпусовъ были усѣяны тысячами богомольцевъ и иноковъ. Картина была чудная и единственная въ своемъ родѣ! Весь монастырь, террасами спускающійся къ морю, былъ виденъ какъ на ладони, съ тысячами движущихся клобуковъ. Всѣ они вышли въ срѣтеніе „своему“ русскому Преосвященному. Еще катеръ не успѣлъ остановиться около берега, какъ съ колокольни Пантелеймоновскаго монастыря раздался красный звонъ. Едва лишь Преосвященный вступилъ на берегъ, намѣстникъ монастыря о. Нифонтъ привѣтствовалъ Владыку краткою рѣчью. Въ этой рѣчи онъ поздравлялъ Владыку съ благополучнымъ прибытіемъ на св. гору и говорилъ, что для русской обители, находящейся подъ турецкимъ владычествомъ, великое торжество и большое счастье видѣть въ своихъ стѣнахъ Владыку, пришедшаго изъ далекой родины, тѣмъ болѣе, что это торжество очень рѣдкое на Аѳонѣ, такъ какъ монастырь видитъ въ своихъ стѣнахъ только третьяго русскаго Архіерея. Затѣмъ, при громогласномъ пѣніи тропаря великомученику Пантелеймону, при непрерывномъ колокольномъ звонѣ, Преосвященный, сопровождаемый нами и братіею монастыря, по дорогѣ, обильно усыпанной лавровымъ листомъ, мимо красивыхъ цвѣтущихъ олеандровъ, направился къ монастырю въ главный соборный храмъ во имя св. великомученика и цѣлителя Пантелеймона. На соборной паперти иноки во главѣ съ настоятелемъ монастыря о. Андреемъ встрѣтили Владыку въ священномъ облаченіи, со свѣчами, иконами и хоругвями. Облачившись въ мантію, съ жезломъ въ рукахъ, Преосвященный вошелъ въ храмъ при пѣніи „Достойно“. Приложившись къ иконамъ, Преосвященный взошелъ на каѳедру, устрояемую для епископа на Востокѣ обыкновенно въ средней части храма, противъ намѣстной иконы Спасителя. Послѣ обычной краткой литіи съ произнесеніемъ многолѣтій

Преосвященному и спутникамъ его, Владыка провозгласилъ многолѣтіе настоятелю монастыря о. архимандриту Андрею съ братіею обители, а затѣмъ обратился къ инокамъ съ рѣчью, въ которой, между прочимъ, говорилъ:

„Отъ юныхъ лѣтъ я имѣлъ сильное желаніе посѣтить св. гору—земной удѣлъ Божіей Матери,—и Богъ удостоилъ меня побывать здѣсь уже два раза. Каждый разъ, посѣщая св. гору, я все болѣе и болѣе прилѣплялся сердцемъ къ вашей обители, видя здѣсь спасительные образцы вѣры и благочестія. Воспоминаніе о пребываніи здѣсь, среди боголюбивой и радушной братіи, о путешествіи по другимъ обителямъ Аѳонскимъ было для меня однимъ изъ пріятнѣйшихъ воспоминаній въ радостныя и скорбныя минуты жизни моей. Не думалъ я, чтобы пришлось мнѣ быть еще разъ среди васъ, боголюбивые братіе. И вотъ, Господь паки сподобилъ меня подвигнуть къ вамъ. Но тогда я былъ у васъ съ посохомъ странника, теперь—съ архипастырскимъ жезломъ; тогда—одинъ, а теперь купно со *други и ученики*. Привѣтствую васъ благословеніемъ мира и любви, привѣтствіемъ Христа и Его Святыхъ Апостоловъ. *Благодать Господа нашего Іисуса Христа и любы Бога и Отца и причастіе Святаго Духа да будетъ со всѣми вами.*“

Затѣмъ Преосвященный, примѣнительно къ подвижнической жизни Аѳонскихъ иноковъ, повелъ свою рѣчь о сущности и спасительномъ значеніи *подвижничества* и о вліяніи его, въ лицѣ подвижниковъ, на дѣла и судьбы міра и человѣческаго рода. Раскрывая послѣднюю мысль, Преосвященный поучалъ:

„Не облеченные внѣшнею властію, занимая самое скромное общественное положеніе, а то—и никакого, не обладая тлѣннымъ богатствомъ, истинные подвижники, облеченные внутреннею силою и богатствомъ духовныхъ дарованій и добродѣтелей, часто оказываютъ великое вліяніе на людей. Цѣлыя тысячи людей, по ихъ указаніямъ, устрояли добрую жизнь свою, а другія тысячи хотя нѣсколько обуздывали грѣховные порывы свои. Сильные міра, даже цари, по ихъ совѣтамъ оставляли безъ исполненія одни предначертанія свои и приводили въ дѣйствіе другія. А сколько благодѣяній оказывали и оказываютъ святые подвижники—и частнымъ людямъ, и цѣлымъ городамъ, странамъ, народамъ своимъ молитвеннымъ предстательствомъ предъ Богомъ! Съ великимъ вліяніемъ

ихъ на судьбы міра соединяется и великая безсмертная слава ихъ, которой не могутъ достигнуть дѣятели по духу міра, славные земли, безсмертные міра, ибо всякая слава человѣческая подобна скоро засыхающей и отцвѣтающей травѣ (1 Петр. 1, 24). Приводить-ли имена этихъ *друзей Божіихъ?* Не достанетъ мнѣ времени повѣствовать объ этомъ. Укажу на преподобнаго отца нашего Сергія, великаго подвижника земли русской, въ обители котораго мы имѣемъ счастіе привитать. Кому неизвѣстна святая жизнь его и вліяніе даже на великихъ и сильныхъ міра сего, — вліяніе, продолжающееся болѣе 500 лѣтъ и имѣющее продолжаться въ роды родовъ? Вспомните затѣмъ жизнь покровителя вашей св. обители великомученика Пантелеймона. Вспомните преп. Петра Аѳонскаго, память котораго завтра будемъ праздновать, и другихъ подвижниковъ аѳонскихъ, которые какъ *крины присноцвѣтущіи и всеблагоуханніи процвѣтоша въ надгоріяхъ и во удоліяхъ.* Вспомните и о недавно скончавшихся великихъ старцахъ— Іеронимѣ и Макаріи. Да будетъ имъ вѣчная память! Кто не помнитъ этихъ старцевъ-подвижниковъ, столповъ современнаго Аѳона, знаемыхъ большинствомъ васъ, знаемыхъ и мною! Не говорю объ Аѳонѣ, знало ихъ наше отечество, зналъ ихъ весь православный міръ. Всѣ спѣшили къ нимъ, къ этимъ старцамъ, бѣжавшимъ отъ суетной славы мірской, отрекшимся отъ міра, со своими горестями, скорбями, недоумѣніями, сомнѣніями, и въ нихъ обрѣтали утѣшеніе, вразумленіе, наставленіе, нравственное руководство и спасительное наставленіе. Опытно испытавъ на себѣ такое благотворное вліяніе этихъ старцевъ, я несомнѣнно найду подтвержденіе истинности сказаннаго мною въ васъ, братіе, постоянно находившихся подъ ихъ благодѣтельнымъ руководствомъ. Да неоскудѣваетъ же святый Аѳонъ подвижниками христіанской вѣры и благочестія! Тѣмъ онъ и дорогъ для насъ, что является разсадникомъ подвижничества всякаго рода даже до сего дня: пустынничества, отшельничества, общежительства, молчальничества, столпничества, затворничества, и др. Дорогъ онъ для насъ, какъ мѣсто непрестанной, немолчной денно-нощной молитвы къ Богу. Дорогъ для насъ, потому что не только молится, но и учитъ весь православный міръ своею живою вѣрою, своими подвигами и примѣромъ. Дорогъ онъ для насъ, какъ мѣсто подвиговъ

нашихъ предковъ, начиная съ родоначальника нашего монашества препод. Антонія Печерскаго, черезъ которыхъ въ теченіи вѣковъ возвышеннѣйшій духъ христіанскаго подвижничества разливался и на наше богоспасаемое отечество. *Веселися же о Господѣ святоименный Аѳонъ, мысленный Богородицы и красный раю; се бо въ подгоріихъ твоихъ процвѣтоша крины присноцвѣтущіи и всеблагоуханніи, и во удоліяхъ и приморіяхъ твоихъ древеса небомѣрная и благосѣннолиственная возрастоша* (Изъ службы Св. Аѳ.).

Торжественность обстановки, воодушевленная рѣчь Владыки видимо произвели сильное впечатлѣніе на братію, потому что у многихъ отъ духовнаго восторга слезы лились изъ глазъ, особенно при упоминаніи о великихъ старцахъ, недавно скончавшихся, Макаріи и Іеронимѣ. Приложившись затѣмъ къ главѣ св. Великомученика Пантелеймона, присланной въ монастырь въ 14 вѣкѣ ктиторомъ его сербскимъ царемъ Душаномъ Сильнымъ, и частицамъ другихъ мощей, Преосвященный отправился въ соборъ Покрова Пр. Богородицы, помѣщающійся въ верхнемъ этажѣ громаднаго пятиэтажнаго корпуса. Здѣсь снова выслушали краткій молебенъ. Приложившись къ частицамъ мощей и къ находящейся надъ царскими вратами чудотворной иконѣ Іерусалимской Божіей Матери и почитаемой иконѣ св. Пантелеймона, Преосвященный преподалъ благословеніе каждому изъ братіи и богомольцамъ.

Послѣ этого насъ пригласили въ архондарикъ. Это—громадный, свѣтлый, гостиный залъ, красиво убранный и по стѣнамъ увѣшенный портретами и мѣстными видами. Среди портретовъ есть портретъ султана, русскихъ Государя и Государыни, наиболѣе прославившихся на Аѳонѣ иноковъ, нѣкоторыхъ изъ русскихъ митрополитовъ, и др. Здѣсь Преосвященный представилъ насъ Настоятелю монастыря о. Андрею, добродушному, простому и очень симпатичному старцу, и просилъ его не пенять на насъ, если послѣ дороги не окажемся „уставными“ исполнителями аѳонскихъ денноночныхъ богослуженій. Угостили насъ сначала—по восточному—глико, а затѣмъ—по русски—чаемъ.

Въ это время стали являться къ Преосвященному за благословеніемъ иноки, знакомые ему по прежнимъ пребываніямъ его на Аѳонѣ. Радостна была встрѣча послѣ семнадцатилѣт-

ней разлуки. Сколько перемѣнъ въ жизни за это время произошло! Волоса у многихъ засеребрились, а то и побѣлѣли, прямой станъ изогнулся, твердая увѣренная поступь поколебалась. Особенно трогательна была встрѣча съ двумя схимонахами. Одинъ изъ нихъ —схимонахъ Діонисій, за 70-ть лѣтъ, маленькаго роста, изможденный, съ высохшею кожею на лицѣ, точно пергаменъ, на которомъ какъ двѣ яркія точки блестѣли два глаза. Поклонившись въ ноги Преосвященному, онъ со слезами на глазахъ сказалъ:

— „Благослови меня, Преосвященнѣйшій Владыко, грѣшнаго и непотребнаго раба Діонисія! Слава Богу и Царицѣ Небесной, что я сподобился видѣть еще тебя въ такомъ великомъ священномъ санѣ. Теперь уже можно и умереть. Во все время разлуки съ тобою, я непрестанно молился, чтобы Господь сохранилъ тебя отъ всѣхъ бѣдъ, напастей и искушеній лукаваго. Объ одномъ тебя теперь прошу. Времени житія моего, насколько я чувствую себя, осталось уже немного: и ноги не служатъ—одолѣлъ ревматизмъ, и руки слабо дѣйствуютъ, послушаній исполнять не могу, молитвенныхъ бдѣній выстаивать не въ состояніи,—никуда уже не годенъ. Пора, пора *домой*. Прошу же тебя, когда услышишь о моемъ отшествіи изъ міра сего, молись о мнѣ непрестанно, чтобы Господь простилъ мнѣ безчисленные мои грѣхи. Благослови же меня еще разъ“.

Послѣ этого подошелъ другой схимонахъ, не менѣе преклонныхъ лѣтъ. Поклонившись Преосвященному и испросивъ у него благословенія, онъ спросилъ:

— Узнаешь?

На отрицательный отвѣтъ Преосвященнаго, онъ сказалъ:

— Всмотрись! Можетъ быть и признáешь.

— Трофимъ Наумычъ!

— Да, былъ имъ, а теперь грѣшный схимонахъ Трефилій.

— Давно-ли здѣсь подвизаешься?

— Вскорѣ послѣ разлуки съ тобою, поѣхалъ домой, жену схоронилъ, дѣтей подружилъ, всѣ хозяйственныя дѣла имъ передалъ. Чего же мнѣ больше было дѣлать тамъ? Нужно позаботиться и о спасеніи души. Еще батюшка Макарій, когда я раньше здѣсь бывалъ не одинъ разъ, благословилъ меня спасаться на св. горѣ, въ сей обители. Не думалъ, что увижу тебя еще когда-либо. А теперь Господь сподобилъ и благословиться у тебя. Спаси тебя, Царица небесная!

Встрѣча съ давно знакомыми иноками, а особенно съ упомянутыми схимонахами, была очень пріятна Преосвященному, напомнивъ ему о его прежнихъ, незабвенныхъ дняхъ пребыванія на Аѳонѣ, въ дни его ранней юности. О. Діонисій сопровождалъ въ то время Преосвященнаго по Аѳону. Съ тѣхъ поръ установились между ними добрыя отношенія, которыя поддерживались иногда письменными сношеніями [1]). О. Трефилій, бывшій купецъ Трофимъ Наумычъ Мальковъ, былъ спутникомъ Преосвященнаго въ первое его путешествіе на Аѳонъ, начиная съ Одессы, и оказалъ ему немаловажную услугу.... Имъ обоимъ посвящено немало строкъ въ „Дневникѣ Студента-паломника на Аѳонъ“.

Насъ размѣстили по номерамъ по-двое или по-трое. Номера-небольшіе, но чистые. Изъ оконъ и съ балкона, опоясывающаго корпусъ, открывается прекрасный видъ на море и синѣющія вдали Олимпійскія горы. Отсюда и весь монастырь, какъ на ладони. Онъ расположился по косогору и имѣетъ видъ продолговатаго четырехъугольника. Внизу у самой пристани (арсана) находятся хозяйственныя постройки, гостиница для богомольцевъ и новое зданіе, въ которомъ помѣщается больница, живописная мастерская, фотографія, рухлядная, и т. п.; между ними и вратами, среди монастыря, садикъ, гдѣ растутъ лимонныя, апельсинныя и другія плодовыя деревья и цвѣтутъ олеандры. На площадкѣ, предъ соборомъ св. Пантелеймона, выстроеннымъ изъ желтаго камня—красивый фонтанъ, а затѣмъ трапеза; съ другой стороны площадки—Покровскій корпусъ. А вдали плещется море, оживляющее картину...

Прозрачныя волны манятъ къ себѣ, а жара, какъ нельзя болѣе, располагаетъ къ купанью. Поэтому, размѣстившись по номерамъ, мы тотчасъ, подъ руководствомъ монаха, отправились купаться. Аѳонскій уставъ запрещаетъ инокамъ купаться. Но ради немощи плоти, нѣкоторые изъ нихъ разрѣшаютъ себѣ это невинное удовольствіе, другіе купаются съ благословенія настоятеля, въ виду болѣзненнаго состоянія и несомнѣнной пользы морскихъ купаній. До берега недалеко, но купанье неудобно, такъ какъ у са-

[1]) Теперь, по полученнымъ свѣдѣніямъ, о. Діонисій скончался. Царствіе ему небесное!

маго берега нагромождены громадныя скалы, о которыя вѣчно плещется море, и довольно глубоко, къ тому же и небо хмурилось. Плывшіе цѣлый день по небу тучи сгущались, обѣщая дождь, очень рѣдкій лѣтомъ на Аѳонѣ. По пути съ купанья, монахъ показалъ намъ монастырскую усыпальницу, гдѣ хранятся черепа и кости всѣхъ иноковъ умершихъ на Аѳонѣ, гдѣ, какъ извѣстно, чрезъ три года кости и черепъ вырываютъ изъ могилы, куда кладутъ новаго покойника; при этомъ молятся объ усопшемъ до тѣхъ поръ, пока тѣло совершенно не сгніетъ, а кости не побѣлѣютъ. Откуда взялся на Аѳонѣ такой обычай, монахъ не сумѣлъ намъ объяснить, сказавъ лишь, что онъ несомнѣнно очень древній. Вскорѣ послѣ купанья насъ пригласили въ большую столовую для почетныхъ гостей—ужинать. За ужиномъ присутствовали, кромѣ гостей, настоятель и старшая братія. Трапеза была, разумѣется, постная, но сытная и разнообразная. Послѣ ужина, мы долго любовались съ высоты балкона нашего корпуса разразившеюся надъ Аѳономъ сильною южною грозою. Грозная, черная туча повисла надъ горою, окутавъ тьмою и море, и всю окрестность. Молнія ежеминутно разрывала тучи и на мгновенье освѣщала всю окрестность, бушующее у подножія монастыря море и снѣжныя вершины синѣющихъ вдали Олимпійскихъ горъ. За молніею съ такою силою гремѣлъ громъ, что, казалось, гора разрывается на части, шатается ея основаніе и низвергается въ бездну. Туча разразилась ливнемъ, освѣжившимъ природу. Запахло благоуханіемъ цвѣтовъ. На небѣ ярко загорѣлись миріады звѣздъ. „Взбаламученное“ море еще рокотало: до насъ доносился глухой плескъ морскихъ волнъ о прибрежныя скалы.

— Экую благодать Господню вы къ намъ съ собою принесли!, говорилъ монахъ, любовавшійся вмѣстѣ съ нами грозою. Это у насъ рѣдко бываетъ лѣтомъ!

Долго мы гуляли по балкону, вдыхая въ себя свѣжій воздухъ и прислушиваясь къ музыкѣ рокотавшихъ волнъ. Такъ, кажется, цѣлую ночь простояли бы, если бы не совѣтъ одного изъ иноковъ: „вы устали съ дороги, вамъ надо отдохнуть, а мнѣ уже скоро вставать“. Мы пожелали ему спокойной ночи, и ушли спать.

12-е Іюня. Понедѣльникъ. Въ Пантелеймоновскомъ монастырѣ.

Сегодня утромъ искупавшись, поспѣшили въ соборный храмъ, гдѣ по случаю празднованія памяти св. Петра, родоначальника аѳонскаго монашества, началось торжественное богослуженіе. Соборъ былъ полонъ народомъ, но, главнымъ образомъ, иноками; постороннихъ было не особенно много. Иноки стояли въ своихъ стасидіяхъ, которыя, впрочемъ, тотчасъ же были уступлены намъ, какъ мы только вошли въ храмъ. Преосвященный стоялъ въ настоятельской стасидіи. Служилъ самъ настоятель съ многочисленною братіею. Настоятель—въ митрѣ, увѣнчанной крестомъ. Богослуженіе совершается на славянскомъ языкѣ. Поютъ иноки большею частію по нотамъ, довольно стройно, хотя и не особенно гармонично. Соборъ малъ для такого большого монастыря, какъ Пантелеймоновскій, но очень свѣтелъ. Онъ—не старый, заложенъ въ 1812 году. Стѣною раздѣленъ на двѣ неравныя части: притворъ, поддерживаемый четырьмя громадными мраморными колоннами, въ которомъ, по аѳонскому обычаю, совершается полунощница, девятый часъ и повечеріе, и самый храмъ, опоясанный съ трехъ сторонъ галлереею, поддерживаемою восьмью мраморными колоннами. Главный большой куполъ собора покоится на четырехъ мраморныхъ колоннахъ, съ капителями очень тонкой работы. Отъ купола, вровень съ его объемомъ, на плоскихъ цѣпяхъ спускается огромный мѣдный кругъ, въ связь котораго входятъ двуглавые мѣдные орлы и иконы. Сверху кругъ устанавливается восковыми свѣчами. Въ срединѣ его виситъ большое русское, гроздеобразное паникадило, а съ четырехъ наружныхъ сторонъ крестообразно расположены меньшія паникадила. Это—греческій хоросъ. Въ воскресные и праздничные дни, во время выхода на средину священно-дѣйствующихъ, хоросъ съ зажженными паникадилами слегка раскачивается и описываетъ большіе круги въ воздухѣ, отъ чего получается сильный, хотя и нѣсколько театральный эффектъ. Иконостасъ—деревянный, но сплошь вызолоченный, съ прекрасною и богато украшенною иконою св. Пантелеймона. Особенно старыхъ иконъ въ немъ нѣтъ. Стѣны собора украшены недурною, но ничего особеннаго непред-

ставляющею живописью. Единственно, чѣмъ она обращаетъ на себя вниманіе—это своею, такъ сказать, жизнерадостностью: сухихъ, строгихъ, схематичныхъ лицъ византійскаго подлинника здѣсь нѣтъ. Лики святыхъ здѣсь—степенные, благоговѣйные, и только.

Послѣ обѣдни былъ отслуженъ молебенъ св. Петру Аѳонскому. Богослуженіе кончилось раздачею антидора. Изъ церкви Преосвященный послѣдовалъ въ архондарикъ, куда и мы приглашены были, и намъ предложено было глико и чай. Послѣ этого, съ балкона любовались чуднымъ видомъ на Архипелагъ. Море давно уже успокоилось. Солнце, свѣтившее съ высотъ голубого безоблачнаго неба, отражалось своими лучами въ спокойныхъ водахъ залива и слегка серебрило ихъ; вдали, гордо поднимая къ небу свои хребты, темнѣли горы, окутанные сѣроватою дымкой.

— Экая благодать-то у насъ,—говорилъ от. К., замѣтивъ наше восхищеніе,—какъ тутъ не славословить вѣчно Творца и не сказать: дивны дѣла Твоя Господи, вся премудростію сотворилъ еси!

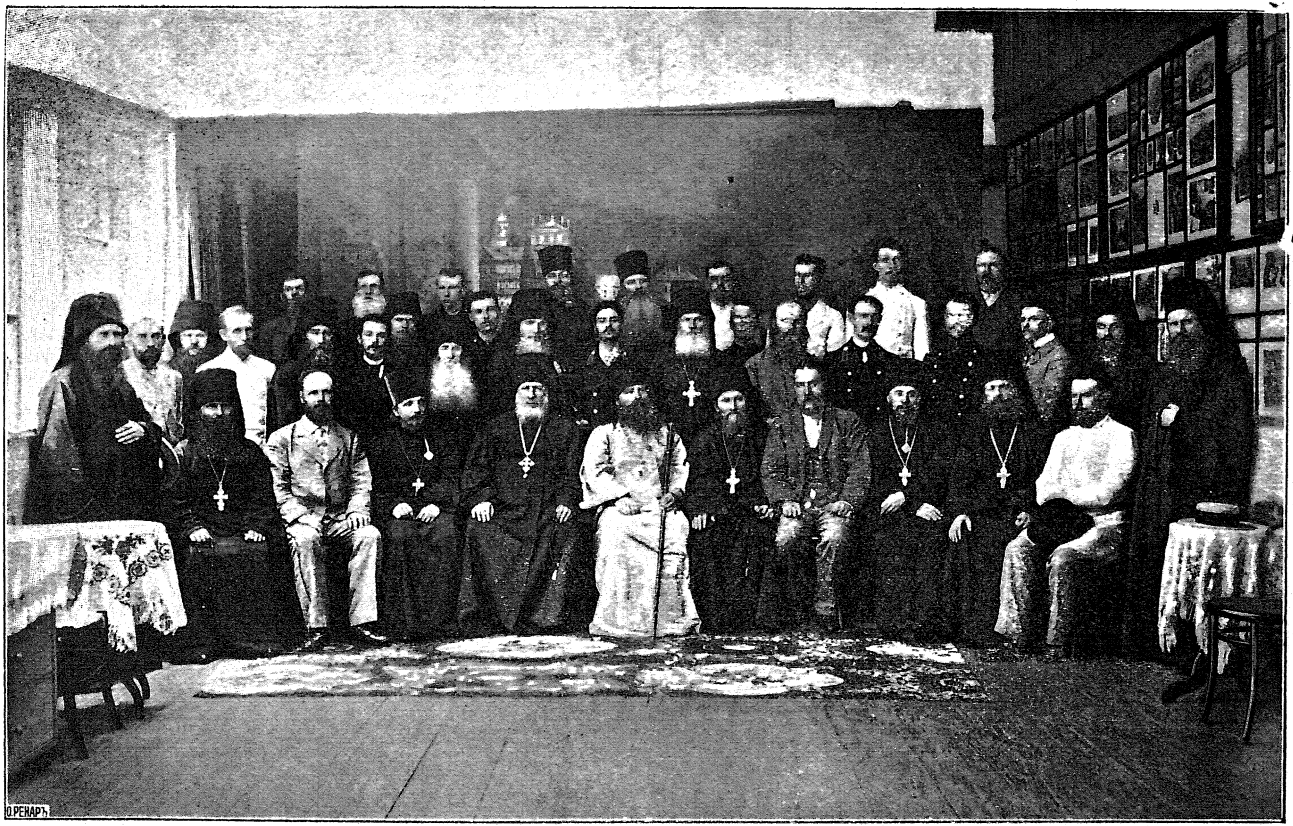
Подкрѣпившись чаемъ, мы затѣмъ, подъ руководствомъ о. настоятеля, всѣ вмѣстѣ во главѣ съ Преосвященнымъ подробно знакомились со всѣмъ монастыремъ, который является первымъ и единственнымъ на Аѳонѣ русскимъ монастыремъ, хотя и не первымъ мѣстомъ поселенія русскихъ на Аѳонѣ,—о чемъ сохранились точныя историческія свѣдѣнія. Время появленія русскихъ иноковъ на Аѳонѣ точно неизвѣстно. Можно предполагать, что вскорѣ, послѣ принятія христіанства, русскіе стали приходить для поклоненія на св. гору, которая въ 10-мъ вѣкѣ уже служила средоточіемъ монашества и славилась на всемъ Востокѣ святою жизнью своихъ подвижниковъ, и нѣкоторые изъ паломниковъ, какъ напримѣръ Антоній Печерскій, оставались здѣсь. Но несомнѣнно, что русскіе иноки были на Аѳонѣ во 2-й половинѣ 12-го вѣка, такъ какъ въ 1169-омъ году они, живя въ монастырѣ Ксилургу, чрезъ своего игумена Лаврентія, обращались съ просьбою къ Проту (главное управленіе) св. горы о томъ, чтобы онъ далъ имъ свою самостоятельную обитель. Протъ уважилъ ихъ просьбу и далъ русскимъ обитель св. Пантелеймона, называвшуюся тогда обителью Ѳессалоникійца, что бы она, какъ говорится въ грамотѣ Прота, данной 15 августа

1169 г., „возстановлена была ими, обстроена на подобіе крѣпости, возблестѣла и укрѣпилась.... чтобы они (т. е. русскіе иноки)имѣли ее и распоряжались ею во всѣ послѣдующія непрерывныя времена самоправно и властно, сдѣлали ее истиннымъ монастыремъ". (Акты русскаго на Аѳонѣ монастыря св. великомученика Пантелеймона, Кіевъ. 1873 г.). Такъ возникъ на Аѳонѣ первый русскій монастырь. Это, такъ называемый, старый или нагорный Руссикъ. Этотъ монастырь никогда особенно не процвѣталъ, хотя и пользовался поддержкою сербскихъ царей, а послѣ сверженія монгольскаго ига—и русскихъ государей. Во время перваго своего посѣщенія Аѳона, въ 1725 году, Барскій нашелъ его осиротѣлымъ и убогимъ, а черезъ 10-ть лѣтъ имъ завладѣли греки „умалившимся россійскимъ монахомъ," какъ говоритъ Барскій (Втор. пут. СПБ. 87 г. 296 стр.), „егда стало невольно имъ входити съ своего отечества въ чуждія страны". Прежніе иноки его переселились въ маленькій монастырекъ на берегу моря, недалеко отъ нагорнаго Руссика. Изъ этого маленькаго монастыря и развился нынѣшній первый по числу иноковъ на Аѳонѣ громадный Пантелеймоновскій монастырь. Но и новый монастырь долгое время находился въ плачевномъ положеніи и цвѣтущаго состоянія достигъ сравнительно недавно. Устройству его много содѣйствовалъ первый игуменъ его Савва и великій драгоманъ Порты, князь Скарлатъ Каллимахъ, получившій по молитвѣ Саввы отъ св. Пантелеймона исцѣленіе отъ смертельной болѣзни; затѣмъ іеромонахъ Аникита (въ мірѣ князь Ширинскій-Шихматовъ), поселившійся въ 1835 году въ Руссикѣ и привлекшій сюда много иноковъ русскихъ. Но все - таки обитель была мало обезпечена и немало страдала отъ турокъ во время русско-турецкихъ войнъ и отъ грековъ. Процвѣтать она стала по мѣрѣ того, какъ росло ея матеріальное благосостояніе.Послѣ Высочайше разрѣшеннаго сбора въ Россіи пожертвованій въ 1841-омъ году, въ монастырѣ возникли новые храмы: святителя Митрофана, Покрова Пресвятыя Богородицы и много другихъ, необходимыхъ для обители зданій. Но особенно плодотворно для обители было путешествіе по Россіи въ 1862—67 годахъ съ иконою и мощами св. Пантелеймона, совершившими много чудесъ. Послѣ этого обитель стала благоукрашаться и съ внѣшней стороны, и усовершаться

съ внутренней, имѣя во главѣ такихъ старцевъ, какъ Макарій и Іеронимъ. Число ея братіи въ настоящее время болѣе тысячи. Она устроила Аѳонскій монастырь на Кавказѣ (Симоно-Канаискій); имѣетъ подворья для паломниковъ во многихъ городахъ, богатые метохи (дачи) и пятьдесятъ пять (въ монастырѣ—19 и на разныхъ мѣстахъ монастырской земли—36) церквей, содержитъ свои заводы (красильный, кожевенный и другіе), имѣетъ иконописную мастерскую съ фотографіей, портняжныя и тому подобныя заведенія, богатую ризницу и библіотеку.

Знакомство съ монастыремъ мы начали съ обзора библіотеки. Библіотекою завѣдуетъ давно уже извѣстный намъ по ученымъ описаніямъ аѳонскихъ книжныхъ сокровищъ благообразный старецъ о. Матѳей, любезно показавшій намъ ее. Она занимаетъ двѣ не особенно большихъ комнаты и содержится въ большомъ порядкѣ. О. Матѳей — живой каталогъ. Когда В. Никаноровичъ высказалъ желаніе познакомиться съ одною старинною книгою, о. Матѳей тотчасъ ее нашелъ, по крайней мѣрѣ скорѣе, чѣмъ В. Н. успѣлъ отыскать ее въ каталогѣ. Профессоръ Викторъ Григоровичъ, посѣтившій библіотеку Пантелеймоновскаго монастыря въ 1848 году, видѣлъ здѣсь до 60 рукописей и до 500 книгъ (Очеркъ путешествія по европейской Турціи. Казань 1848 г., 76 с.), въ настоящее же время здѣсь насчитывается до 800 рукописей съ X — XIX вв., на греческомъ и славянскомъ языкахъ, и болѣе 20 тысячъ печатныхъ книгъ, а сама библіотека, по справедливому замѣчанію профессора Дмитріевскаго, является одною изъ самыхъ благоустроенныхъ на Аѳонѣ. Цѣнныя рукописи Пантелеймоновскаго монастыря уже всѣ описаны. Мы долго любовались замѣчательно изящными миніатюрами, приложенными къ одному древнему рукописному пергаментному евангелію XI вѣка. Печатныя книги преимущественно богословскаго содержанія,—есть очень цѣнныя. Но есть книги и по другимъ отраслямъ знаній: историческія, литературныя, естественно-научныя; выписываются и журналы, почти всѣ духовные. Книги расположены по отдѣламъ, въ отдѣльныхъ шкафахъ.—Изъ библіотеки насъ провели въ ризницу. Она занимаетъ одну большую, свѣтлую и чистую комнату. Ризница—не древняя и очень цѣнныхъ вещей здѣсь нѣтъ. Ризничій показалъ намъ множество новыхъ ризъ, подарен-

Къ стр. 105.



Академическая группа паломниковъ съ настоятелемъ и братіею Пантелеймоновскаго монастыря.

ныхъ монастырю благотворителями, нѣсколько евангелій и иконъ. Наше вниманіе обратили на себя двѣ иконы: одна—изяществомъ работы, другая—оригинальностью. Первая представляетъ тайную вечерю, высѣченную изъ мрамора,—икона замѣчательно тонкой работы. Другая изображаетъ символически Св. Троицу въ видѣ треугольника, съ объясненіемъ значенія каждой стороны угловъ и діагоналей.—Изъ ризницы прошли въ рухлядную, а затѣмъ въ трапезную. Въ рухлядной сохраняется одежда и обувь, предназначаемыя для иноковъ, которые, не имѣя никакой собственности и своихъ денегъ, получаютъ все необходимое отъ монастыря. Одежда поражаетъ своею простотою. Обувь (туфли) приспособлена для ходьбы по горнымъ тропинкамъ, усѣяннымъ мелкими камнями.--Трапезная занимаетъ нѣсколько большихъ, свѣтлыхъ залъ, стѣны которыхъ украшены ликами святыхъ и событіями изъ евангельской исторіи. Когда мы вошли сюда, для братіи готовилась трапеза. Столы были покрыты скатертями и на нихъ разставлены графины съ краснымъ виномъ, по случаю праздника, тарелки съ маслинами— украшеніемъ монашескаго стола. Трапеза въ монастырѣ бываетъ дважды въ день, а въ понедѣльникъ, среду и пятокъ—одинъ разъ въ день, и безъ масла. Въ западной оконечности трапезы находится мѣсто настоятеля, который почти всегда присутствуетъ на трапезѣ вмѣстѣ съ братіею. Отдѣльная трапеза для иноковъ строго возбраняется здѣсь.—Въ виду затянувшагося долго времени, знакомство съ монастыремъ мы закончили обзоромъ иконописной мастерской, послѣ чего снялись въ монастырской фотографіи. Иконописная мастерская въ монастырѣ процвѣтаетъ: она едва успѣваетъ изготовлять заказы, дѣлаемые ей изъ Россіи. Много готовыхъ и начатыхъ иконъ, преимущественно св. Пантелеймона и Божіей Матери. Всѣ иконы исполнены прекрасно; написаны колоритно, красиво и жизненно, хотя любитель настоящаго византійскаго иконнаго письма, конечно, ихъ не одобритъ.

Изъ фотографіи пригласили насъ въ столовую для почетныхъ гостей, гдѣ была приготовлена для насъ трапеза. Благословлялъ трапезу Преосвященный. Кромѣ настоятеля и намѣстника монастыря за трапезою присутствовали и нѣсколько другихъ братій. Среди насъ сидѣли, между прочимъ, два инока, съ которыми мы тутъ же и познакомились: о. А. (изъ

рода Кирѣевскихъ) и о. К. (изъ князей Вяземскихъ). О. А. еще совсѣмъ молодой и очень симпатичный инокъ. Онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ кончилъ Московскій Университетъ, одинъ годъ слушалъ лекціи въ нашей Академіи, затѣмъ постригся на Аѳонѣ въ монахи по призванію, которое онъ чувствовалъ, по его словамъ, съ ранней юности. Сейчасъ онъ простымъ инокомъ и по его усталому, изможденному лицу, на которомъ играетъ болѣзненный румянецъ, видно, что монашескіе подвиги даются ему нелегко, хотя самъ онъ не соглашается съ этимъ. Онъ говоритъ, что очень доволенъ монастыремъ и жизнью здѣсь, и ничего больше не хочетъ. На Аѳонъ онъ пошелъ, по его признанію, потому, что тамъ осуществляется настоящій идеалъ монашества, какъ онъ его понимаетъ: нѣтъ заботы о мірскомъ, монахи большую часть времени посвящаютъ молитвѣ и духовному созерцанію, а главное, въ Аѳонскомъ монастырѣ, есть великое утѣшеніе для инока—это обычай причащаться каждую субботу (а кто можетъ — и чаще) Св. Христовыхъ Таинъ, дѣлающій инока постояннымъ общникомъ со Христомъ.—О. К. принадлежитъ къ другому типу. Это—образованный человѣкъ (спеціальность—астрономія и естественныя науки, которыя онъ слушалъ въ Парижѣ, говоритъ на новыхъ языкахъ), много пожившій, какъ видно по его лицу, носящему слѣды житейскихъ треволненій, все потерявшій въ мірѣ и ищущій въ монастырѣ среди чудной природы горы тихаго пристанища подъ старость. Онъ—схимонахъ, но связей съ міромъ не порвалъ. Онъ интересуется богословскою наукою и состояніемъ духовнаго просвѣщенія въ Россіи; знаетъ труды нѣкоторыхъ изъ нашихъ профессоровъ. О. К. мало доволенъ положеніемъ богословскаго образованія въ Россіи, хотя, надо сознаться, у него довольно смутныя понятія и познанія въ этой области.... Считая въ числѣ причинъ неудовлетворительнаго состоянія духовнаго образованія, между прочимъ, отсутствіе надлежащихъ учебниковъ по предметамъ семинарскаго курса, онъ занятъ въ настоящее время составленіемъ учебника по психологіи для духовныхъ семинарій. Изъ существующихъ учебниковъ—одни, по его мнѣнію, не научны; другіе недостаточно проникнуты христіанскими воззрѣніями и стоятъ подъ вліяніемъ такихъ безбожныхъ западныхъ психологовъ, какъ Карпентеръ (о. К. считаетъ его почему-то безбожнѣй-

шимъ психологомъ). Предполагаемый же учебникъ о. К., по его мнѣнію, будетъ чуждъ этихъ недостатковъ. О. К. уже приступилъ къ исполненію своей мысли и въ будущемъ году надѣется выпустить свой учебникъ въ свѣтъ, подъ заглавіемъ „Христіанская психологія“. Онъ былъ такъ любезенъ, что послѣ обѣда прочиталъ намъ въ своей келліи нѣсколько главъ изъ написаннаго имъ. Здѣсь онъ говоритъ о побужденіяхъ, заставившихъ его приступить къ работѣ. Затѣмъ опредѣляетъ душу, какъ „частицу божества“ и математическими выкладками, въ связи съ ссылками на естественныя науки, старается доказать и духовность ея. Желая всякаго успѣха автору—иноку, мы опасаемся, какъ-бы и его учебникъ не испыталъ участи критикуемыхъ имъ другихъ учебниковъ...

На Аѳонѣ мы могли пробыть только недѣлю; если бы захотѣли болѣе, пришлось-бы три недѣли дожидаться парохода. Хотѣлось пожить въ Руссикѣ, гдѣ мы нашли необыкновенно радушный пріемъ; хотѣлось осмотрѣть и другіе монастыри Аѳона, хотѣлось подняться за облака на вершину Аѳона, откуда, по отзывамъ всѣхъ описаній, открывается очаровательный видъ на окрестность. Трудно и даже невозможно было сдѣлать все это въ такой короткій срокъ; нужно было сократить свои желанія, выбравъ что нибудь одно. Преосвященный, поднимавшійся на вершину горы въ первыя посѣщенія Аѳона и посѣтившій тогда большинство греческихъ монастырей, теперь намѣтилъ для своего посѣщенія наиболѣе крупные монастыри: болгарскій Зографъ, Ватопедъ, Иверъ и русскіе скиты, гдѣ собирался служить. Къ нему присоединились профессора и двое студентовъ. Одинъ изъ студентовъ рѣшился все время пребыванія нашего на Аѳонѣ провести въ гостепріимномъ Руссикѣ, раздѣляя монашескіе подвиги, а остальные семь человѣкъ, во главѣ съ о. Анастасіемъ, собрались подняться на вершину св. горы, затѣмъ посѣтить крупнѣйшіе греческіе монастыри: Лавру св. Аѳанасія, Иверъ, русскіе скиты и нѣкоторыя изъ русскихъ келлій.

Изъ Пантелеймоновскаго монастыря, напутствуемые благопожеланіями иноковъ, отправились мы всѣ вмѣстѣ въ 4 часа пополудни въ путешествіе по горѣ. Къ этому времени къ пристани подали катеръ, въ который мы и усѣлись. Прео-

священнаго отправились изъ монастыря сопровождать—о. Паисій и о. Іорамъ; намъ дали въ проводники любезнѣйшаго и добрѣйшаго, какъ потомъ оказалось, о. Ивистіона. Къ компаніи Преосвященнаго примкнули о. Сергій Орловъ, помощникъ настоятеля посольской церкви въ Константинополѣ, учитель посольской школы въ Константинополѣ г-нъ Оссіевскій, студентъ Одесской дух. семинаріи и Константинопольскій корреспондентъ Новаго Времени г-нъ Семека.

Катеръ, управляемый опытными монахами, быстро побѣжалъ вдоль берега горы на сѣверъ къ пристани Зографскаго монастыря, гдѣ долженъ былъ сойти на берегъ Преосвященный со своими спутниками. Вскорѣ за Руссикомъ на самомъ берегу моря показался монастырь Ксенофъ, обнесенный высокими стѣнами и похожій на средневѣковую крѣпость. Затѣмъ проплыли мимо живописно раскинувшагося на низменной прибрежной скалѣ, среди садовъ и цвѣтущихъ рощъ, Дохіара, надъ которымъ господствуетъ громадный пиргъ (башня). Наконецъ и пристань Зографскаго монастыря, до котораго отъ берега не болѣе получаса разстоянія. На берегу высится пиргъ; въ немъ устроена церковь во имя Св. Николая и живетъ нѣсколько братій—болгаръ; онъ же служитъ складочнымъ мѣстомъ пшеницы и различныхъ хозяйственныхъ принадлежностей.

Тутъ уже ожидали осѣдланные мулы, присланные изъ Пантелеймоновскаго монастыря. На нихъ и отправился въ Зографъ Преосвященный со своими спутниками по очень хорошей для Аѳона дорогѣ, идущей среди дубовъ, яворовъ, липъ и другихъ вѣковыхъ деревьевъ. Скоро показался и самый Зографъ. Приближеніе Преосвященнаго къ монастырю возвѣщено было нѣсколькими ружейными выстрѣлами сопровождавшихъ эту компанію кавасовъ. Затѣмъ послышался стройный колокольный звонъ и скоро показался „живописнѣйшій“ Зографъ. У монастырской порты встрѣтили Преосвященнаго о. настоятель Григорій и вся братія, съ иконами, хоругвями, крестомъ. Послѣ краткой литіи въ главномъ соборѣ храма, Преосвященный по обычаю привѣтствовалъ братію краткимъ словомъ и прикладывался къ чудотворнымъ иконамъ и мощамъ. Послѣдовавшій затѣмъ осмотръ монастыря произвелъ на всѣхъ самое прекрасное впечатлѣніе. Онъ не напрасно называется „живописнымъ“.

Мѣстоположеніе его восхитительное, живописное: кругомъ богатѣйшая растительность, дикія дебри и зеленѣющіе сады, горы, долы и поляны, шумящіе потоки... Корпуса отдѣланы заново, и притомъ изящно и удобно. Вездѣ чистота, опрятность и удобство. Зографъ—исключительно болгарскій монастырь. Основаніе его восходитъ къ болѣе глубокой древности, чѣмъ даже Лавры св. Аѳанасія. Онъ сначала былъ не на этомъ мѣстѣ, а немного далѣе,—ближе къ морю, но послѣ разгрома турецкаго устроился на данномъ мѣстѣ между горами, въ мѣстности вполнѣ уединенной, вполнѣ соотвѣтствующей характеру монастырской жизни. Въ Зографскомъ монастырѣ Преосвященный и его спутники ночевали.

Между тѣмъ студенты, собравшіеся на вершину Аѳона, распростившись у пристани Зографскаго монастыря съ Преосвященнымъ, напутствуемые его благословеніемъ при пѣніи εἰς πολλά и тропаря великомученику Пантелеймону, на катерѣ снова отправились вдоль берега Аѳона назадъ. Снова миновали Дохіаръ, Ксенофъ, Руссикъ, проѣхали мимо Ксиропотама, живописно расположившагося на красивой горной равнинѣ недалеко отъ Руссика, и Симоно-Петра, точно повиснувшаго въ воздухѣ, Григоріата, Діонисіата, Св. Павла, пріютившихся на прибрежныхъ скалахъ; съ головокружительной высоты смотрѣли на насъ многочисленныя келліи и скиты, расположившіеся на южной сторонѣ Аѳона, и гнѣздящіяся на голыхъ и отвѣсныхъ скалахъ каливы и келліи Карули. Всѣ мы настроены были прекрасно; подчинились нашей жизнерадостности и сопровождавшіе насъ иноки, особенно о. Ивистіонъ, ставшій затѣмъ положительно душею нашего общества.

— Благословите, батюшка о. Анастасій, чайку выпить,—говорилъ онъ, разнося громадныя аѳонскія чашки. Мы жару́-то немножко пугнемъ, а то силъ вѣдь нѣтъ.

Наконецъ нашъ катеръ остановился противъ пристани Свято-Павловскаго монастыря. Работавшіе на пристани, по знаку о. Ивистіона, подали намъ лодки и мы скоро очутились снова на землѣ.

Было шесть часовъ вечера, по турецки 10-ть. Солнце склонялось къ западу и косыми лучами слегка золотило спокойную поверхность водъ залива св. горы, дремавшихъ въ волшебномъ полуснѣ. У самаго берега о громадныя прибрежныя скалы слегка плещутся и играютъ прозрачныя волны, но

плещутся тихо, словно боясь нарушить торжественную тишину, господствующую здѣсь. Сзади насъ, уходя въ синюю высь своей заоблачной вершиною, стоитъ, какъ какой-нибудь сказочный исполинъ, самая гора, сосредоточенная и угрюмая, бросающая отъ себя громадную тѣнь на воды Архипелага. Къ ней прижимаются своими основаніями нѣсколько меньшихъ горъ; зіяютъ между ними громадныя страшныя пропасти. Кругомъ насъ чудный вѣковой лѣсъ.

Маршрутъ восхожденія на гору у насъ таковъ: до захода солнца дойти до келліи св. Георгія, отстоящей на два часа пути отъ моря, и тамъ переночевать; раннимъ утромъ слѣдующаго дня подняться на мулахъ, которыхъ обѣщали прислать сюда изъ Пантелеймоновскаго монастыря, съ передышкою въ Богородичномъ скиту, на вершину, гдѣ отслужить божественную литургію. Восхожденіе на гору мы начали очень бодро, хотя о. Ивистіонъ, постоянно отстававшій, совѣтовалъ не торопиться.

— Скоро, скоро уходитесь,—говорилъ онъ,—это только спервоначалу-то вы такъ бойки.

Но пока итти было прекрасно. Нависшіе надъ тропинкою, по которой мы пробирались вереницею, вѣковые дубы, липы, яворы, защищавшіе насъ отъ палящихъ еще лучей солнца, значительно облегчали восхожденіе на гору, а открывавшіеся, почти съ каждымъ шагомъ, съ каждымъ поворотомъ извивавшейся змѣйкою по хребту горъ дороги все новые и новые виды, и одинъ красивѣе другого, дѣлали нашъ путь прямо очаровательнымъ. Вотъ, то идемъ мы по отвѣсу горы и подъ нами темнѣетъ бездонная пропасть, то поднимаемся на хребетъ ея и по обѣ стороны открывается чудный видъ на далекое—далекое синее море и громоздящіеся другъ на друга причудливые горы съ нависшими надъ безднами скалами, готовыми ежеминутно низринуться внизъ; поворотъ—и мы спускаемся въ горное ущелье, по дну котораго, журча, бѣжитъ горный ручеекъ; само ущелье—такое глубокое, что туда не проникаетъ никогда лучъ свѣта; здѣсь сразу вѣетъ на насъ прохладою и сыростью; проходитъ еще нѣсколько минутъ—и ущелье остается позади, а мы снова поднимаемся въ гору, откуда открывается новый видъ на окрестность, ярко освѣщенную солнцемъ; еще нѣсколько шаговъ, зашли за вершину одной горы, и на ту-же картину

легла темная, густая тѣнь. Жуткая, таинственная тишина лишь изрѣдка нарушается паденіемъ оторвавшагося сверху камня и монотоннымъ шумомъ извергающихся по мѣстамъ изъ горныхъ ущелій водопадовъ. Кругомъ—ни человѣческаго лица, ни жилья. Одна только, то роскошная, то грандіозная и суровая, но всегда безконечно красивая природа. Восторгамъ и восклицаніямъ нѣтъ конца. Но предсказаніе о. Ивистіона начинаетъ сбываться. Впередъ мы подвигаемся очень медленно, и страшно всѣ устали. Ноги начинаютъ подгибаться, камни выскальзываютъ изъ подъ нихъ, и каждый шагъ требуетъ усилій и напряженія. Уже 8-мь часовъ, солнце моментально скрылось за моремъ и темная южная ночь опустилась надъ горою, потемнѣло небо, загорѣлись звѣзды, повѣяло прохладою. Мы начинаемъ отчаиваться дойти сегодня до келліи св. Георгія. О. Ивистіонъ утѣшаетъ малодушныхъ, говоря, что келлія рядомъ; но ея все нѣтъ и нѣтъ, а дорога поднимается все выше и выше. Наконецъ, къ радости нашей, блеснулъ огонекъ, какъ будто недалеко, — но не тутъ-то было. Рядомъ съ дорогою пропасть, черезъ которую нельзя перебраться. Догнавшій насъ о. Ивистіонъ объяснилъ, что это—калива; здѣсь живутъ два молдаванина—монаха; калива рядомъ, но подойти къ ней дѣйствительно нелегко. Мы хотѣли было все-таки итти ночевать къ молдаванамъ, не надѣясь дойти до келліи св. Георгія, но о. Ивистіонъ убѣдилъ насъ, что у молдаванъ мы не найдемъ, можетъ быть, даже куска хлѣба, а до келліи св. Георгія—рукой подать. Дѣйствительно, за каливою молдаванъ скоро блеснулъ огонекъ снова. Мы достигнули цѣли. Трудъ, потраченный на восхожденіе, былъ въ значительной мѣрѣ искупленъ тѣмъ гостепріимствомъ, съ какимъ насъ встрѣтилъ настоятель келліи, о. Георгій. Это—чрезвычайно простой и радушный человѣкъ. Онъ встрѣтилъ насъ, какъ своихъ старинныхъ знакомыхъ, которыхъ давно поджидалъ, хотя и не зналъ о нашемъ приходѣ, такъ какъ мулы, которыхъ обѣщали прислать сюда Пантелеймоновцы, еще не приходили. Братія уже спала. Онъ поднялъ всѣхъ на ноги. Предложилъ переодѣться. Это предложеніе было, какъ нельзя болѣе, кстати. На насъ не только рубашки, но и все нижнее бѣлье и верхняя одежда были мокры отъ пота. Все наше бѣлье и кители забрали сушить, а насъ облекли въ длинныя, похожія на женскія,

монашескія рубашки и дали пояса. Нѣкоторые надѣли монашескіе подрясники. Въ такихъ оригинальныхъ костюмахъ мы и усѣлисъ за ужинъ, которымъ, не смотря на нашъ протестъ, угостилъ насъ о. Георгій, все время просившій извиненія за скудость трапезы, которая хотя и не отличалась особенно богатствомъ блюдъ, но искупалась чрезвычайнымъ радушіемъ добрѣйшаго хозяина о. Георгія. Послѣ ужина съ большимъ удовольствіемъ улеглись спать. О. Георгій обѣщалъ разбудить насъ въ 4 часа, чтобы подняться на гору до жары, обѣщая вмѣстѣ съ тѣмъ дать и муловъ своихъ, если не успѣютъ притти Пантелеймоновскіе.

13-е Іюня. Вторникъ. По Аѳону.

Подняли насъ въ 4 часа утра. Солнце уже встало, хотя еще и не пекло. Мулы изъ Пантелеймоновскаго монастыря не пришли. Поэтому мы сѣли на небольшихъ рабочихъ муловъ о. Георгія и, благословясь, тронулись въ путь. На мулахъ оригинальное деревянное, довольно широкое сѣдло, покрытое мягкимъ ковромъ. Провожая насъ, о. Георгій преподалъ намъ наставленія относительно управленія мулами въ смыслѣ предоставленія имъ полнѣйшей свободы, которой они не злоупотребляютъ, шествуя вереницею одинъ за другимъ, имѣя впереди себя стараго, опытнаго сотоварища—мула; а всякое поползновеніе на ихъ неприкосновенность, въ видѣ удара бичемъ или палкою, можетъ быть отомщено со стороны щепетильныхъ муловъ самымъ чувствительнымъ образомъ. За мулами бѣгутъ нѣсколько погонщиковъ. Ѣдемъ шагомъ, мулы осторожно переступаютъ съ ноги на ногу, боясь поскользнуться и упасть въ пропасть. Они кажутся сосредоточенными и глубоко задумавшимися. Съ непривычки тяжко ѣхать на широкомъ сѣдлѣ, находясь притомъ въ полной власти четверо-ногаго господина, который держитъ въ постоянномъ страхѣ непривычнаго сѣдока, идя то по самому краю бездны, то прижимаясь къ выступамъ скалъ. Виды по прежнему необыковенно живописны. Все то-же синѣющее вдали безбрежное, бирюзовое, словно дремлющее подъ горячими лучами солнца, море, тѣ же великаны—горы кругомъ, тѣже бездонныя, темныя мрачныя пропасти. Чѣмъ выше поднимаемся, тѣмъ горизонтъ все болѣе расширяется

и виды становятся лучше и разнообразнѣе. Море уходитъ въ безконечную даль, далеко видны острова Архипелага и на большомъ пространствѣ южная часть горы, среди которой изъ зелени по мѣстамъ выглядываютъ монастыри, скиты, келліи, каливы. Растительность по прежнему прекрасная, но растутъ здѣсь преимущественно только каштаны и сосна; съ каждымъ же шагомъ выше, и они встрѣчаются рѣже, а наконецъ и совсѣмъ пропадаютъ. Тропинка идетъ зигзагами по почти отвѣсной, бѣломраморной вершинѣ горы, на которой ничего не растетъ, даже травы. Собственно и тропинки нѣтъ: все пространство горы, открывающейся предъ нами, усѣяно мелкими острыми камнями, и дорогу о. Ивистіонъ узнаетъ только по кучамъ камней, набросанныхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ паломниками, поднимавшимися на гору, по просьбамъ проводниковъ.

Солнце печетъ. Часа полтора спустя по выѣздѣ изъ келліи св. Георгія на насъ вдругъ повѣяло сыростью и холодомъ: мы въѣхали, какъ оказалось, въ облако. Скоро мы увидали его у насъ подъ ногами,—оно ползло по гребню горы. Около $6^1/_2$ часовъ мы добрались до келліи Пресвятой Богородицы. Здѣсь, по аѳонскому преданію, отдыхала Божія Матерь, когда поднималась на вершину горы. При келліи—небольшая полузапущенная церковь и одинъ монахъ. Мы зашли въ церковь и пропѣли величаніе Божіей Матери и Достойно есть. О. Ивистіонъ поручилъ монаху приготовить намъ чай ко времени возвращенія съ вершины, и мы снова тронулись въ путь. Обыкновенно у келліи Богородицы оставляютъ муловъ и далѣе идутъ пѣшкомъ; но о. Ивистіонъ посовѣтовалъ намъ и далѣе ѣхать на мулахъ, такъ какъ эти животныя привыкли къ горамъ и лучше человѣка найдутъ дорогу. Около келліи Богородицы еще есть нѣсколько вѣковыхъ одинокихъ сосенъ, но далѣе начинается совершенно голая гора. Впередъ подвигаемся необыкновенно медленно. Мулъ, прежде чѣмъ ступить, ощупываетъ ногою камень. По мѣрѣ приближенія къ вершинѣ, становится замѣтно холоднѣе. Наконецъ, за четверть часа до вершины, гора дѣлается настолько отвѣсною, что и мулъ не можетъ идти. Тогда муловъ съ погонщиками отослали назадъ къ келліи Богородицы и сами пошли пѣшкомъ. Теперь мы вполнѣ оцѣнили умѣнье муловъ. Камни скользятъ изъ подъ ногъ, нога обрывается, а внизъ и по-

смотрѣть страшно: тамъ безконечная пропасть! Одно только движеніе, и можно очутиться тамъ внизу, въ безднѣ. Карабкаемся впередъ, часто прибѣгая къ помощи рукъ. Церковь видна, вершина кажется близко, но сколько еще надо усилій, чтобы добраться до нея! Въ 8 часовъ мы были на вершинѣ. [1]) Вершина горы представляетъ заостренную, неправильной формы, мраморную скалу съ выравненною маленькою площадкою. Почти половину этой площадки занимаетъ небольшой каменный храмъ во имя Преображенія Господня, построенный недавно, въ 1896г., на мѣстѣ прежняго храма, бывшимъ вселенскимъ патріархомъ Іоакимомъ Ш-имъ, пребывающимъ нынѣ на покоѣ, на Аѳонѣ. Храмъ безъ креста; его ломаютъ постоянно свирѣпствующія здѣсь бури; поэтому же здѣсь никто и не живетъ. Въ деревянномъ иконостасѣ двѣ старыя иконы. Отсутствіе въ храмѣ иконъ, къ которымъ такъ привыкъ нашъ глазъ въ русскихъ храмахъ, производитъ впечатлѣніе запущенности. Нерѣдко здѣсь, преимущественно въ лѣтнее время, совершается божественная литургія аѳонскими іеромонахами, или пріѣзжими священнослужителями. Поднимается иногда сюда для совершенія литургіи и создатель новаго храма именитый отшельникъ Аѳона, патріархъ Іоакимъ 3-й. Въ храмовой же день, 6-го августа, бываетъ торжественное богослуженіе, совершаемое неизмѣнно въ послѣднее десятилѣтіе патріархомъ Іоакимомъ въ сослуженіи многихъ священнослужителей, въ присутствіи большого числа молящихся. Стѣны храма и даже всего алтаря и иконостаса исписаны крупными надписями посѣтителей вершины горы.

О. Анастасій съ о. Варсонофіемъ отслужили теперь обѣдню, молебенъ и панихиду; мы пѣли, о. Ивистіонъ прислуживалъ въ церкви. Вѣроятно, маленькая церковь никогда еще не видала богослуженія, совершеннаго съ такимъ одушевленіемъ. Оригинальность всей обстановки этой заоблачной церкви, невольно воодушевляла и располагала къ хвалѣ и благодаренію Творцу. Послѣ богослуженія, мы нѣсколько времени любовались чуднымъ видомъ, открывающимся съ вершины горы. Видъ дѣйствительно безподобный! На западъ отъ насъ убѣгаетъ неширокою полосою весь Аѳонъ, окутанный

[1]) Гора болѣе двухъ верстъ вышины. По Гумбольдту—2065 метровъ.

сѣроватыми клубами облаковъ. Они плывутъ у нашихъ ногъ, открывая то одну, то другую часть Аѳона, съ выглядывающими изъ густой зелени монастырями, скитами, келліями, кажущимися отсюда совсѣмъ маленькими. Въ концѣ Аѳона видна тонкая полоса бывшаго канала Ксеркса, за нею причудливыя очертанія Македонскихъ горъ и окутанная синеватою дымкой снѣжная вершина Олимпа. Съ другой стороны вершины картина еще очаровательнѣе. Здѣсь предъ глазами открывается уходящее въ безконечную даль голубое, спокойное море, сливающееся на горизонтѣ съ такимъ же небомъ. Самый воздухъ, насыщенный лучами солнца, кажется также синеватымъ. Сквозь его синеву изъ морской глубины выступаетъ цѣлый рядъ острововъ Архипелага: Самоѳраки, Тассо, Имбросъ, Лемносъ. Подъ ногами—бездонная пропасть. Голова кружится, когда подходишь къ концу площадки и смотришь внизъ. Съ западной стороны нагромождены другъ на друга громадныя скалы, висящія въ воздухѣ надъ бездною. На одной изъ скалъ сидитъ бѣдно одѣтый схимахъ-монахъ. Онъ собираетъ „слезы Божіей Матери“,—такъ называется цвѣтокъ, растущій въ ущельяхъ скалъ и принадлежащій къ породѣ безсмертниковъ. Собираніе его сопряжено съ большими трудностями. За нимъ приходится карабкаться по голымъ отвѣснымъ скаламъ, рискуя каждую минуту низвергнуться въ бездну. И иногда бываютъ такіе случаи. Тѣмъ не менѣе схимонахи любятъ собирать „слезы Божіей Матери“, такъ какъ паломники охотно покупаютъ ихъ и этотъ промыселъ даетъ доходъ, достаточный для существованія отшельника. Схимахъ предложилъ намъ по небольшому пучку красныхъ цвѣточковъ „ради вашей любви“, какъ говорилъ онъ. Долго можно было-бы пробыть на вершинѣ Аѳона, любуясь чудными видами, открывающимися съ нея, но, не смотря на жаркій вообще день, здѣсь было холодно въ лѣтнихъ костюмахъ. Поэтому, напившись воды изъ источника около церкви, подкрѣпившись хлѣбомъ, захваченнымъ запаснымъ о. Ивистіономъ, и написавъ, по обыкновенію всѣхъ паломниковъ, свои имена на одной изъ висящихъ надъ бездною скалъ, набравъ на память мраморныхъ камней, мы отправились обратно. Схожденіе съ горы оказалось не менѣе, если только не болѣе, труднымъ, чѣмъ восхожденіе. Итти приходилось необыкновенно медленно, такъ какъ камни катились

изъ подъ ногъ и нога то и дѣло соскальзывала, такъ что частенько приходилось прибѣгать къ помощи рукъ. Дорога—зигзагами, и поэтому идемъ долго, а впередъ подвигаемся медленно и какъ будто толчемся на одномъ мѣстѣ. Нѣкоторые изъ насъ, не смотря на протесты и крики о. Ивистіона, пробовали спускаться прямо, но тотчасъ-же падали, и послѣ двухъ-трехъ неудачныхъ попытокъ, обливаясь потомъ и задыхаясь отъ усталости, снова возвращались къ остальной компаніи, добросовѣстно шедшей отъ одной кучи камней, показывающихъ дорогу, къ другой. Къ великому нашему удовольствію, достигли мы, наконецъ, келліи Пресвятой Богородицы, гдѣ около часу отдыхали за чаемъ, приготовленнымъ намъ подъ тѣнью громаднаго каштановаго дерева монахомъ. Здѣсь были уже мулы, присланные изъ Пантелеймоновскаго монастыря. Возсѣвъ на нихъ, мы старою дорогой спустились до келліи св. Георгія, куда пріѣхали около 12 часовъ. О. Георгій встрѣтилъ насъ около келліи, съ участіемъ освѣдомляясь о восхожденіи и приглашая насъ подкрѣпиться.

Послѣ обѣда мы отдыхали до 4-хъ часовъ. Послѣ этого мы осмотрѣли келлію св. Георгія. Нужно замѣтить, что съ понятіемъ Аѳонской келліи нужно соединять иное понятіе, чѣмъ какое мы обыкновенно имѣемъ. Съ словомъ „келлія“ мы обыкновенно соединяемъ понятіе объ одной комнатѣ, въ которой спасается какой нибудь отшельникъ. Аѳонскую же келлію нужно понимать нѣсколько иначе. Подобнаго рода келліи здѣсь называются „кавья“. Келлія-же—это цѣлый домъ съ церковью, одною или даже двумя, со всѣми хозяйственными принадлежностями. Она вмѣщаетъ въ себѣ нѣсколько братій. Келліи пріобрѣтаются покупкою у монастырей и цѣнятся, смотря по жизненнымъ удобствамъ. Келліоты платятъ небольшую дань монастырю, отъ котораго зависятъ. Келліи переходятъ по завѣщанію большею частію къ ученикамъ старцевъ. Келліоты живутъ трудами рукъ своихъ: воздѣлываютъ виноградники, продаютъ орѣхи, маслины, смоквы, лимоны, апельсины. Келліи безъ храмовъ называются „каливами“. Келлія св. Георгія находится на землѣ Лавры св. Аѳанасія. Она начинаетъ благоустрояться и несомнѣнно, благодаря заботамъ о. Георгія, достигнетъ скоро процвѣтанія. Въ ней одинъ небольшой храмъ, а те-

перь строится другой, большой. О. Георгій разсказывалъ, сколько хлопотъ и денегъ стоило ему получить разрѣшеніе отъ грековъ, на землѣ которыхъ находится эта келлія, на построеніе новаго храма. Храмъ предполагается устроить обширный и дорогой. Работаютъ сейчасъ надъ отдѣлкою мрамора иноки вмѣстѣ съ нѣсколькими нанятыми рабочими. Келлія св. Георгія для всѣхъ, поднимающихся на вершину св. горы, необходимое, а при теперешнемъ радушномъ и гостепріимномъ ея настоятелѣ, и очень пріятное перепутье, а потому нельзя не пожелать ей процвѣтанія.

Напившись чаю, мы радушно распростились съ гостепріимнымъ и любезнымъ о. Георгіемъ и, пожелавъ процвѣтанія его келліи, снова тронулись въ путь. Переѣздъ намъ предстоялъ долгій и трудный. Мы должны были перебраться на другую сторону горы, гдѣ въ Молдаванскомъ скиту предполагали ночевать. Дорога шла все время по косогору среди роскошнаго вѣкового лѣса. Налѣво—вершина Аѳона, съ которой мы только что спустились, направо—море. Проѣзжали мимо какихъ то развалинъ. О. Ивистіонъ говоритъ, что это—остатки древнихъ дохристіанскихъ городовъ, бывшихъ на Аѳонѣ. По пути съ однимъ изъ нашихъ спутниковъ, присоединившимся къ намъ въ келліи св. Георгія, случился инцидентъ, едва не стоившій ему жизни. Его мулъ, испугавшись распускаемаго зонтика, шарахнулся въ сторону и сбросилъ его на землю. Къ счастію, мы ѣхали въ это время не надъ пропастью, а по горной равнинѣ, и упавшій отдѣлался только испугомъ. Наконецъ, часовъ около 8 вечера, когда мы уже довольно сильно устали, изъ густой зелени выглянулъ Молдавскій скитъ; но въ виду поздняго времени, мы рѣшили проѣхать его мимо и прямо отправились къ Лаврѣ св. Аѳанасія, отстоящей отъ скита на разстояніи $^3/_4$ часа ѣзды.

Скоро за Молдавскимъ скитомъ показалась и Лавра св. Аѳанасія, напоминающая своими бойницами и крѣпостями средневѣковый замокъ. Она занимаетъ громадную площадь и вся утопаетъ въ зелени померанцевыхъ, орѣховыхъ, каштановыхъ, масличныхъ, кипарисовыхъ и другихъ деревьевъ. Лавра св. Аѳанасія въ порядкѣ Аѳонскихъ монастырей занимаетъ 1-ое мѣсто (2-е Ватопедъ, 3-е Иверъ). Это одинъ изъ древнѣйшихъ и богатѣйшихъ монастырей Аѳона. Здѣсь впервые на Аѳонѣ, основателемъ ея св. Аѳанасіемъ, въ 10-мъ

вѣкѣ, былъ введенъ киновійный образъ жизни. До святаго Аѳанасія на Аѳонѣ была извѣстна только пустынная жизнь, и введенные имъ строгіе общежительные уставы, по образцу знаменитой Палестинской обители Саввы Освященнаго, оказали громадное вліяніе на всѣ святогорскіе монастыри. Впрочемъ, сама Лавра въ настоящее время, какъ и большинство богатыхъ греческихъ монастырей, измѣнила завѣтамъ св. Аѳанасія и не имѣетъ у себя общежитія. Процвѣтала Лавра главнымъ образомъ въ прежнее время. Уже при своемъ основателѣ она имѣла, по преданію, 80 человѣкъ монаховъ, въ половинѣ одиннадцатаго вѣка—700; а было время, когда число ея иноковъ доходило до 5000 человѣкъ; въ настоящее же время въ монастырѣ всей братіи не болѣе ста человѣкъ.

Подъѣхавъ къ громаднымъ каменнымъ стѣнамъ монастыря, мы спѣшились, такъ какъ, по уставу св. горы, не полагается не только въѣзжать, но даже проѣзжать мимо монастыря верхомъ. Съ первыхъ-же шаговъ по монастырскому двору было видно, что мы не въ киновіи, а въ монастырѣ штатномъ. Монахи, встрѣчавшіеся намъ на пути, не обращали никакого вниманія на наши привѣтствія; не скоро мы нашли для себя и пріютъ. Послѣ долгихъ разспросовъ о нашемъ званіи и справокъ у игумена, намъ, наконецъ, отвели большой залъ, съ уставленными по стѣнамъ его низкими турецкими диванами и чуднымъ видомъ, открывавшимся изъ оконъ на море, которое слегка волновалось и казалось надвигающимся на монастырь.

Переодѣвшись и умывшись, мы представились завѣдующему монастыремъ старцу о. Александру. Онъ—не игуменъ и не проигуменъ (т. е. бывшій игуменъ). Управленіе въ штатныхъ монастыряхъ своеобразное. Въ то время какъ киновіею управляетъ одинъ игуменъ, избираемый пожизненно, т. е. управленіе тамъ монархическое, въ штатныхъ монастыряхъ—коллегіальное. Монастыремъ здѣсь управляютъ два эпитропа и дикей, избираемые ежегодно изъ почетныхъ лицъ братствомъ обители. Всѣ же заслуженныя и уважаемыя лица монастыря называются проэстосами или предстоятелями; изъ нихъ выбираются ежегодно епитропы, дикеи для завѣдыванія монастыремъ, и антипросопы и эпистаты для представительства монастыря въ главномъ управленіи св. горы, въ кинотѣ, засѣдаю-

щемъ въ Карeѣ—монашескомъ аѳонскомъ городкѣ. Наиболѣе уважаемые изъ проэстосовъ пріобрѣтаютъ иногда большое вліяніе на дѣла монастыря и фактически становятся во главѣ его, хотя не занимаютъ никакихъ должностей, даже не имѣютъ никакого церковнаго сана. Такимъ именно лицомъ и является о. Александръ—почтенный старецъ Лавры св. Аѳанасія. Онъ—простой монахъ, не іерей, но къ нему приходятъ иноки за благословеніемъ, безъ его вѣдѣнія нельзя сдѣлать въ монастырѣ никакого дѣла. У него, между прочимъ, спрашивалъ разрѣшенія и завѣдующій гостиною принять насъ.

О. Александръ принялъ насъ очень любезно и угостилъ глико. Переводчикомъ былъ о. Ивистіонъ, черезъ котораго о. Анастасій поблагодарилъ о. Александра за радушный пріемъ и испросилъ разрѣшенія осмотрѣть Лавру и, главнымъ образомъ, знаменитую лаврскую библіотеку завтрашнимъ утромъ, такъ какъ намъ необходимо рано уѣхать изъ Лавры, чтобы успѣть посѣтить Иверъ и пріѣхать къ вечеру въ Андреевскій скитъ, отстоящій отъ Лавры на разстояніи 7 часовъ, гдѣ мы предполагали ночевать и должны были встрѣтиться съ Преосвященнымъ. О. Александръ сильно жалѣлъ, что у насъ такъ мало времени для знакомства съ Лаврою, обѣщалъ дать намъ утромъ проводника изъ Лавры и на прощаніе благословилъ писанными на полотнѣ образа́ми.

Когда мы вернулись въ гостиную, то нашли здѣсь одинъ номеръ „Византійскаго Временника“, присланный намъ о. Александромъ и заложенный на библіографическомъ отдѣлѣ, гдѣ подчеркнутъ отзывъ объ ученыхъ трудахъ инока Лавры св. Аѳанасія, о. Александра.

Поужинавъ, мы улеглись спать въ томъ же залѣ на длинныхъ диванахъ. не совсѣмъ удобныхъ, и притомъ довольно „населенныхъ“...

Въ этотъ же день Преосвященный со своими спутниками, прибывшій наканунѣ въ Зографскій-болгарскій монастырь и нашедшій здѣсь самый радушный пріемъ, слушалъ божественную литургію, послѣ которой осмотрѣли монастырь, начиная съ собора. Соборъ построенъ по образцу соборовъ въ другихъ монастыряхъ, и очень большой и свѣтлый. Въ алтарѣ надъ престоломъ высится замѣчательный деревянный балдахинъ, кажется кипарисовый, весь испещренный причудливою рѣзьбою. Обиліе рѣзьбы въ иконо-

стасѣ придаетъ красу этому храму и отличаетъ его отъ другихъ храмовъ. Въ этомъ соборѣ есть три иконы великомученика Георгія, почитаемыхъ чудотворными. Одна изъ нихъ, по преданію, написалась сама собою, вслѣдствіе чего и монастырь называется Зографомъ (въ русскомъ переводѣ: „живописецъ“) [1]). Затѣмъ осмотрѣли все хозяйство монастыря: образцовыя конюшни для муловъ, цистерны, мельницы, прачешную, кузнечную, красильню, огороды.

Послѣ обѣда, простившись съ гостепріимными иноками Зографской обители, Преосвященный со своими спутниками отправился на мулахъ въ Ватопедъ, лежащій у самого моря, на противоположной Зографу сѣверо-восточной сторонѣ полуострова. Ватопедъ—одинъ изъ древнѣйшихъ, а въ настоящее время и богатѣйшій изъ греческихъ монастырей. Онъ—штатный, а не киновіальный. Дорога къ нему отъ Зографа идетъ сначала лѣсами, а затѣмъ, послѣ очень крутого и тяжелаго подъема, слѣдуетъ не менѣе крутой и тяжелый спускъ. Не доѣзжая монастыря, виднѣются развалины огромнаго зданія и водопровода. Эти развалины — остатки бывшаго Ватопедскаго училища, основаннаго богатыми греками для умственнаго возбужденія своихъ соотичей и противодѣйствія всепожирающему магометанству и сохраненія православія отъ „наскакивающаго“ католичества. Это училище ввѣрено было замѣчательному въ Россіи и Греціи человѣку Евгенію Булгари. Знаменитый мужъ думалъ сдѣлать это училище центральнымъ богословскимъ училищемъ, высшею греческою академіею. И что-же? Къ сожалѣнію, это училище просуществовало всего только 5-ть лѣтъ, съ 1753 по 1758. Причиною этого были невѣжественные монахи, обвинившіе Евгенія и его школу въ неисполненіи церковныхъ постановленій. Такъ погибло святое дѣло! Теперь отъ всего зданія остались полуразваливающіяся стѣны и догнивающіе брусья. Все заросло колючимъ кустарникомъ, заглохло и одичало [2]).

Ватопедъ расположенъ на склонѣ сѣверо-восточномъ св. горы, съ трехъ сторонъ окруженъ горами, а съ одной—про-

---

[1]) Объ этихъ иконахъ и достопримѣчательностяхъ монастыря см. въ книгѣ „Вышній Покровъ“, во многихъ другихъ сочиненіяхъ и въ „Дневникѣ студента—паломника на Аѳонъ“ А. Стадницкаго.

[2]) Дневникъ студента паломника на Аѳонъ, 126 стр.

стирается безбрежная равнина морская. По внѣшнему виду онъ имѣетъ сходство со многими греческими монастырями, хотя объемомъ превосходитъ ихъ. Впереди монастыря—величественный подъѣздъ въ видѣ возвышенной площадки съ нѣсколькими рядами ступенекъ. Самый монастырь поражаетъ громадностью построекъ. Основателемъ его считаютъ Константина Великаго. Вскорѣ затѣмъ онъ былъ разрушенъ Юліаномъ Отступникомъ, а въ концѣ того-же столѣтія (4-го) былъ возстановленъ греческимъ Императоромъ Ѳеодосіемъ, въ признательность Богу за спасеніе отъ потопленія царственнаго сына его Аркадія. Объ этомъ существуетъ слѣдующее преданіе. Аркадій возвращался изъ Рима въ Константинополь; на морѣ въ это время поднялась страшная буря, и онъ упалъ за бортъ. Спутники его были въ отчаяніи, боясь царскаго гнѣва, и обратились за помощью къ Богородицѣ. Молитва ихъ была услышана и царевичъ найденъ спящимъ подъ тѣнью колючихъ кустарниковъ. Отъ этого и монастырь называется, по гречески, *Βατοπαιδίον*, что значитъ: купино-дѣтіе. Въ доказательство справедливости этого преданія, иноки Ватопедскаго монастыря указываютъ на ихъ теперешній соборъ, сооруженный будто-бы Ѳеодосіемъ, и его четыре порфирные столба, поддерживающіе арки, присланные будто-бы сестрою спасеннаго царевича Аркадія—Плакидою. Но по мнѣнію знатоковъ архитектуры, соборъ Ватопедскаго монастыря воздвигнутъ не ранѣе X вѣка, послѣ того, какъ храмъ Ѳеодосія былъ разрушенъ арабами въ 862 году, и впослѣдствіи не разъ перестраивался. На основаніи этого и другихъ соображеній, научная критика справедливо заподозриваетъ историческую достовѣрность Ватопедскаго преданія (см. Исторія Аѳона, пр. Порфирія Успенскаго).

По случаю послѣобѣденнаго времени, иноки Ватопедскаго монастыря отдыхали, по аѳонскому обычаю. Но какъ только разнеслась вѣсть по монастырю, что прибылъ Преосвященный, сейчасъ раздался трезвонъ и иноки во главѣ съ епитропами обители поспѣшили на встрѣчу Преосвященному. Послѣ обычной литіи съ многолѣтіемъ, Преосвященный вмѣстѣ съ сопутствовавшими ему осматривалъ самый храмъ и достопримѣчательности монастыря.

Соборный храмъ монастыря, величественный по виду,

посвященъ въ честь Благовѣщенія Пресвятой Богородицы. На горнемъ мѣстѣ въ соборѣ икона Божіей Матери, называемая *Ктиторскою*. Икону почти невозможно разсмотрѣть,—такъ темна на ней живопись. По мнѣнію знатоковъ византійской иконописи, эта икона—одна изъ самыхъ лучшихъ на Аѳонѣ. Крестъ запрестольный называется „Константиновымъ". Онъ—8-ми конечный и состоитъ изъ одного прямого дерева и трехъ поперечныхъ—одного большого и двухъ меньшихъ вверху и внизу, изъ которыхъ послѣднее—косое. Въ алтарѣ-же двѣ небольшія на доскахъ четыреугольныя иконы (складни) Спасителя и Богоматери, называемыя куклами или игрушками царицы Ѳеодоры, которая, какъ извѣстно, была тайною иконопочитательницею и скрытно поклонялась этимъ иконамъ, выдавая ихъ за игрушки, въ то время когда мужъ ея императоръ Ѳеофилъ хотѣлъ уничтожить иконопочитаніе.

Въ соборѣ—два притвора, изъ которыхъ одинъ называется внѣшнимъ, а другой внутреннимъ. Во внѣшнемъ притворѣ обращаетъ на себя вниманіе прекрасная живопись, которая лучше живописи самого собора. По преданію, она—произведеніе кисти Панселина. Здѣсь въ притворѣ обращаютъ на себя вниманіе мозаическія изображенія, единственныя на св. горѣ. Надъ входными дверями въ полукругѣ изображенъ мозаически Христосъ съ молящимися по сторонамъ Его Богоматерью и Предтечею. По сторонамъ дверей есть также два мозаическія изображенія, составляющія вмѣстѣ образъ Благовѣщенія: съ одной стороны Богоматерь, а съ другой архангелъ Гавріилъ. Внутренній притворъ совершенно теменъ; живопись, какъ видно, новая, замѣнившая мозаическія изображенія, которыя видѣлъ еще Барскій; на внѣшней сторонѣ одного изъ соборныхъ придѣловъ въ честь Св. Димитрія Солунскаго находятся два поясныя изображенія Божіей Матери, признаваемыя чудотворными. Одна изъ нихъ называется „Закланная", другая —„Предвозвѣстительница". [1])

Въ соборѣ много мощей: глава св. Григорія Богослова, Андрея Критскаго, нога св. Апостола Варѳоломея, кость отъ плеча св. архидіакона Стефана, и много другихъ. Величай-

[1]) Ibidem.

шею-же святынею Ватопедскаго монастыря является поясъ Божіей Матери, „иже есть, по словамъ Барскаго, долгій, яко на двѣ пяди, широкій же, аки долгота перста, видомъ чернъ, густо плетенъ, якоже Іерусалимскіи пояски“.

Осмотрѣвъ храмъ Ватопедскаго монастыря и приложившись къ его святынямъ, Преосвященный со своими спутниками посѣтилъ богатѣйшую библіотеку монастыря, гдѣ разсматривали древнія рукописи, и затѣмъ прошлись по монастырской стѣнѣ, любовались общимъ видомъ монастыря и смотрѣли нѣкоторыя хозяйственныя постройки.

Отдохнувъ и подкрѣпившись, паломники послѣ полудня простились съ радушною братіею монастыря и на лодкѣ отправились, параллельно берегу Аѳона, къ греческому монастырю Пантократору, гдѣ дожидались ихъ мулы изъ Ильинскаго скита, въ которомъ они предполагали ночевать. Двухчасовая прогулка по волнующемуся морю на двухъ лодкахъ, подвигаемыхъ 10-ю гребцами каждая, разнообразіе причудливыхъ очертаній дикихъ и скалистыхъ береговъ, морская даль съ неясными очертаніями Македонскихъ горъ и многихъ острововъ, чистое, свѣтло-голубое небо съ ярко свѣтящимъ солнцемъ, палящіе лучи котораго умѣрялись влагою морскою,—все это оставило неизгладимое впечатленіе въ сердцахъ путниковъ....

Вотъ изъ-за утеса показался Пантократоръ. Монастырь Пантократоръ (т. е., посвященный во имя Господа Вседержителя), основанный въ 13 вѣкѣ военачальникомъ Алексѣемъ, изъ фамиліи Комненовъ, освободившимъ Константинополь отъ власти латинянъ, живописно расположенъ на высокомъ (22 сажени надъ поверхностью воды) утесѣ, обмываемомъ съ двухъ сторонъ водами Архипелага. Еще Барскій, посѣтившій этотъ монастырь въ 1725 году, говорилъ про него, что „чудеснаго тамо не видѣхъ ничтоже“. Къ сожалѣнію, внѣшній видъ монастыря, его полуразрушающіяся стѣны, совершенно не гармонируютъ съ такимъ прекраснымъ мѣстоположеніемъ его. Преосвященный не останавливался въ этомъ монастырѣ, такъ какъ бывшіе на пристани монахи сказали, что антипросопъ ихъ боленъ, да и сами они, какъ видно было, не особенно рады были гостямъ. Поэтому, освѣжившись въ чудныхъ водахъ Архипелага и простившись съ сопровождавшими иноками Ватопедскаго монастыря, они

отправились на мулахъ въ Ильинскій скитъ, куда и прибыли къ великой радости иноковъ черезъ 3/4 часа, при закатѣ солнца.

Еще задолго до прибытія Преосвященнаго, раздавался по ущеліямъ горъ колокольный звонъ, возвѣщавшій о радостномъ ожиданіи братіи лицезрѣть русскаго Архипастыря. Преосвященнаго встрѣтилъ у вратъ монастырскихъ о. настоятель Гавріилъ съ братіею въ священномъ облаченіи, съ иконами и хоругвями. Монастырскіе врата украшены были цвѣтами, дорога въ церковь усыпана лавровыми листами. Съ крестнымъ ходомъ, при пѣніи тропаря прор. Иліи, Преосвященный направился въ храмъ, гдѣ послѣ обычной литіи обратился къ инокамъ съ рѣчью. Зная о тѣхъ затрудненіяхъ и скорбяхъ, которыя пришлось испытать скиту въ послѣднее время отъ греческаго монастыря Пантократора, въ зависимости отъ котораго онъ находится, Преосвященный раскрылъ въ своей рѣчи мысль о многоразличныхъ путяхъ, которыми Господь устрояетъ спасеніе людей, остановившись преимущественно на спасительномъ пути скорбей и преданности волѣ Божіей. Затѣмъ, приложившись къ мѣстнымъ святынямъ, вмѣстѣ со своими спутниками отправился по приглашенію братіи въ архондарикъ, гдѣ настоятель скита о. Гавріилъ угостилъ глико, чаемъ и кофе. От. Гавріилъ—очень добродушный и простой старецъ. Онъ малороссъ; ему сейчасъ 51 годъ, въ монастырѣ онъ уже болѣе 30-ти лѣтъ. Послѣ трапезы еще долго наслаждались тихимъ вечеромъ и прекраснѣйшимъ мѣстоположеніемъ скита, бесѣдуя вмѣстѣ съ тѣмъ съ добрѣйшимъ о. Гавріиломъ, старшимъ изъ братіи о. Хрисанѳомъ, которые и знакомили насъ съ прежнею исторіею скита и недавними скорбными испытаніями, которыя пришлось ему перенести. Ильинскій скитъ красиво раскинулся на уединенномъ холмѣ среди роскошной зелени. Вокругъ него кольцомъ обвились чудные огороды и виноградники; они расположены террасами съ водоемомъ по срединѣ и придаютъ скиту уютный, жизнерадостный видъ. Съ сѣверной, западной и южной сторонъ скитъ окруженъ высокими вѣчно-зеленѣющими горами, а съ восточной стороны открывается живописный видъ на море. У самаго берега красуется Пантократоръ. Вдали виднѣются острова: Имбро, Самоѳраки, къ югу — обширный Лемносъ, къ сѣверу Тассо. На сѣверо-западъ тянется сплош-

ная заоблачная цѣпь горъ Македоніи, а на западъ отъ Ильинскаго скита, среди горъ, бѣлѣется болгарскій скитъ Ксилургу—первое мѣсто обитанія русскихъ на Аѳонѣ въ X-мъ вѣкѣ. Ильинскій скитъ населенъ по преимуществу малороссами и основанъ малороссомъ, знаменитымъ іеромонахомъ Паисіемъ Величковскимъ, въ 1757 году. По уходѣ Паисія въ Молдавію, Ильинскій скитъ перенесъ не мало невзгодъ: въ 1820 году онъ былъ разграбленъ турками, а въ 1837 году пострадалъ отъ чумы, занесенной въ него однимъ изъ поклонниковъ. Но теперь, благодаря большому такту о. Гавріила и умѣнію его ладить съ епитропами Пантократора, обитель начинаетъ оживать. Благоустройству его въ прежнее время много способствовалъ о. Аникита, бывшій князь Ширинскій-Шихматовъ, кости котораго покоятся въ скиту, и настоятель скита о. Паисій II-й, управлявшій имъ 30-ть лѣтъ (1841—1871). Въ настоящее время братіи въ немъ болѣе 200 человѣкъ, преимущественно малороссы.

14-е Іюня. Среда. По Аѳону.

Утромъ Преосвященный вмѣстѣ съ о. архим. Гавріиломъ и старшими изъ братіи служилъ Божественную литургію въ Ильинскомъ скиту. За богослуженіемъ кромѣ его спутниковъ присутствовали всѣ иноки скита, на долю которыхъ рѣдко выпадаетъ счастіе видѣть торжественное богослуженіе, совершаемое русскимъ Владыкою. Многіе присутствовали за такимъ богослуженіемъ впервые, и оно производило на нихъ сильное впечатлѣніе. Литургія совершалась въ соборномъ храмѣ во имя св. пророка Иліи. Во время литургіи Преосвященнымъ, по просьбѣ о. архимандрита и съ согласія епитроповъ Пантократора, совершена была хиротонія во іеромонаха и іеродіакона.

Соборъ не особенно большой, однокупольный; основаніе его крестообразное, алтарь и клиросы—полукруглые. Куполъ, алтарь и средняя часть церкви покрыты листовымъ оловомъ, притворъ же—каменными плитками, выдѣлываемыми изъ мѣстнаго камня. Прямо противъ церковныхъ дверей, къ западу отъ храма, ворота, а надъ ними красивая, трехъярусная колоколенка. Главною святынею собора является часть животворящаго древа, изъ котораго сдѣланъ крестъ. Эту

святыню купилъ начальникъ скита хаджи [1]) Аѳанасій за 10 тысячъ турецкихъ левовъ (левъ или чирекъ по курсу равняется 40 копейкамъ) у разорившагося греческаго монастыря Варетяда, находившагося въ епархіи Артисской, куда она была подарена императоромъ Никифоромъ Фокою въ 964-омъ году. Есть части мощей въ соборѣ: святаго ап. Андрея Первозваннаго, Іоанна Предтечи, Іакова, брата Господня, и много другихъ, и двѣ чудотворныя иконы: Божіей Матери Млекопитательницы, прославившейся чудотвореніями въ Россіи, и особенно чтимая Тихвинская Слезоточивая, названная такъ потому, что въ 1876 году, передъ нашествіемъ на св. гору Турокъ, проливала слезы.

По окончаніи богослуженія, Преосвященный со своими спутниками, подъ руководствомъ настоятеля о. Гавріила, осмотрѣлъ весь скитъ, годъ отъ году все расширяющійся. Въ настоящее время въ немъ идутъ работы. Скитъ имѣетъ форму продолговатаго четырехъугольника (25 с.—въ длину и 19—въ ширину). Въ срединѣ—соборъ. Съ правой стороны собора — двѣ церкви: во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы и во имя святителя Митрофана Воронежскаго. Къ этимъ церквамъ пристроенъ двухъ-этажный домъ, гдѣ помѣщаются кельи. Этотъ домъ тянется во всю длину скита, параллельно противоположному такому-же корпусу, въ которомъ помѣщаются: трапеза, кухня, кладовыя, комнаты для гостей, и т. п. Внѣ скита, въ саженяхъ десяти отъ колокольни, построенъ 2-хъэтажный корпусъ съ двумя церквами: во имя архистратига Михаила и св. Николая; кромѣ того, въ немъ помѣщается больница и нѣкоторые изъ братій. Рядомъ съ этимъ есть еще три двухъэтажныхъ каменныхъ корпуса, гдѣ помѣщаются кладовыя, столярная мастерская, маслобойня, и т. д., и живутъ рабочіе.

Послѣ обѣда, въ виду сильной жары, до 3-хъ часовъ отдыхали. Пользуясь свободнымъ временемъ, студенты, бывшіе вмѣстѣ съ Преосвященнымъ въ Ильинскомъ скиту, посѣтили монастырь, находящійся недалеко отъ скита, Пантократоръ. Не скоро допросились отпереть храмъ, но за то долго любовались чудною живописью, приписываемою кисти Пан-

---

[1]) Имя хаджи въ древнее время давалось лицамъ, которыя ѣздили въ Іерусалимъ на поклоненіе.

селина, именно: сохранившимися изображеніями Спасителя, Божіей Матери и Предтечи Господня. Здѣсь же прикладывались къ чудотворной иконѣ Божіей Матери, называемой Геронтисою, т. е. Старицею, потому что она написана въ старческомъ возрастѣ, безъ Богомаденца, и являетъ свою особенную попечительность объ умирающихъ старцахъ.

Въ четвертомъ часу, когда жара начала понемногу спадать, Преосвященный вмѣстѣ со своими спутниками оставилъ Ильинскій скитъ, обѣщаясь вернуться туда на другой день изъ Андреевскаго скита на торжество закладки новаго храма, которое предполагалось на слѣдующій день. Путь лежалъ къ Иверскому монастырю, отстоящему отъ Ильинскаго скита на разстояніи 1½ часа. Въ 5-ть часовъ Преосвященный со своими спутниками пріѣхалъ въ Иверъ, гдѣ встрѣтился съ остальною частью студентовъ, путешествовавшихъ вмѣстѣ съ о. Анастасіемъ по южной сторонѣ горы.

Послѣдняя компанія начала свой день со знакомства съ Лаврою св. Аѳанасія, куда прибыла она наканунѣ и гдѣ провела ночь. Такъ какъ въ этотъ день предположено было сдѣлать громадный конецъ отъ Лавры св. Аѳанасія до Андреевскаго скита съ остановками по пути у источника св. Аѳанасія, въ келліи св. Артемія, у патріарха Іоакима, пребывающаго на Аѳонѣ (въ собственной келліи), и въ монастырѣ Иверѣ, то мы встали очень рано. О. Ивистіонъ разбудилъ насъ въ четыре часа и, не смотря на горячіе протесты, заставилъ подняться. Сначала осмотрѣли дворъ Лавры. Онъ занимаетъ громадную площадь (болѣе 3 тысячъ саженъ) и весь застроенъ церквами (около 20) и жилыми строеніями. На дворѣ, недалеко отъ того корпуса, въ которомъ мы ночевали, о. Ивистіонъ обратилъ наше вниманіе на икону Божіей Матери въ кіотѣ, предъ которымъ теплится лампада. На этомъ мѣстѣ, по преданію, явилась св. Аѳанасію Пресвятая Богородица, утѣшавшая его въ скорбяхъ, особенно тяжелыхъ въ то время, когда на него, за введеніе въ своемъ монастырѣ киновіальнаго устава, возстали всѣ святогорскіе монахи, обвинявшіе его въ разрушеніи древнихъ традицій монастыря. На другой сторонѣ монастыря, недалеко отъ собора, о. Ивистіонъ показалъ намъ громадный фіалъ, высѣченный изъ одного куска драгоцѣннаго мрамора; въ немъ совершается освященіе воды въ праздникъ Богоявленія и пер-

ваго числа каждаго мѣсяца. Чаша помѣщается подъ куполомъ, утвержденнымъ на 8-ми мраморныхъ столбахъ и осѣняемымъ двумя кипарисами, посаженными, по преданію, рукою св. Аѳанасія. Девятисотлѣтніе старцы, дѣйствительно, имѣютъ древній, хотя еще и бодрый видъ. Когда мы вошли въ Лаврскій соборъ, тамъ совершалось еще богослуженіе; молящихся иноковъ было немного; они поражали своимъ изможденнымъ видомъ и казались замершими въ своихъ стасидіяхъ. Едва лишь мы вошли въ церковь, монахъ началъ выносить на средину церкви въ ящикахъ мощи святыхъ; такихъ ящиковъ онъ вынесъ 11-ть, по числу мѣсяцевъ,—нѣтъ ящика только на августъ; къ нимъ мы приложились. Здѣсь есть: главы Василія Великаго, Михаила Синадскаго, св. Александра, св. Іоанна Кукузеля, локоть лѣвой руки св. І. Златоуста, и много другихъ частицъ мощей. Соборъ посвященъ Благовѣщенію Пресвятой Богородицы самимъ Аѳанасіемъ, хотя нѣсколько разъ потомъ возобновлялся. Это одинъ изъ самыхъ большихъ соборовъ на святой горѣ (26 саж. въ длину и 30 въ ширину). Внутренность храма крестообразная, клиросы расположены полукругами по стѣнѣ; съ западной стороны—двѣ галлереи, обѣ росписаны; но живопись подновленная. Большой куполъ собора утверждается на 4-хъ сводахъ, опирающихся на каменные устои, и украшается красивымъ трехъяруснымъ хоросомъ и нѣсколькими бронзовыми крестами, висящими въ видѣ кадилъ на сводахъ храма. Стѣны храма обложены плитами голубого фаянса, полъ—мраморный. Слѣва, къ притвору храма, примыкаетъ церковь во имя 40 мучениковъ, въ которой находится гробница св. Аѳанасія, умершаго подъ развалинами храма. О кончинѣ св. Аѳанасія въ монастырѣ существуетъ такое преданіе. Св. Аѳанасій предсказалъ свою кончину, объявивъ братіи монастыря, чтобы они не печалились о бѣдствіи, которое должно съ ними произойти. Однажды онъ вышелъ на постройку соборной церкви и съ шестью монахами поднялся на верхъ храма. Въ это время обрушились своды купола, и св. Аѳанасій и его спутники были заживо погребены подъ его развалинами. Пятеро умерли немедлено, а св. Аѳанасій и одинъ каменщикъ жили около 3-хъ часовъ, и изъ подъ развалинъ были слышны пѣснопѣнія Святого. Гробъ находится на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде были похоронены останки Святого, потерянные во время ра-

зоренія Лавры латинянами, въ 13-мъ вѣкѣ. Тутъ показали намъ вериги Святого, имѣющіе форму деревяннаго креста въ желѣзномъ окладѣ съ желѣзнымъ обручемъ сверху, вѣсу не менѣе 10 фунтовъ, а также—желѣзный жезлъ съ крестомъ вверху, которымъ, по преданію, св. Аѳанасій билъ искушавшихъ его демоновъ, и картину, изображающую это событіе. Отсюда мы прошли въ церковь Введенія Божіей Матери, гдѣ находится чудотворная икона Ея, называемая „Кукузелисса". Осмотрѣвъ церковь, зашли въ библіотеку. Библіотека довольно благоустроенная. По словамъ Барскаго, въ прежнее время въ Лаврѣ было безчисленное множество книгъ древнихъ, рукописныхъ, и очень рѣдкихъ, но „или отъ нужды, или отъ не разсужденія" книги были иноками проданы, и находятся въ библіотекѣ Марка въ Венеціи и другихъ городахъ Европы. Но и въ настоящее время библіотека Лавры очень цѣнна. Въ ней хранится болѣе 300 рукописей, въ томъ числѣ до 60-ти евангелій, писанныхъ уставомъ, большими круглыми буквами и мелкою скорописью. Есть рукописи, относящіяся къ V-му и XI-му вѣкамъ.

Въ 7 часовъ мы разстались съ Лаврою св. Аѳанасія. За воротами, около большого мраморнаго водоема, насъ уже поджидали мулы. Усѣвшись на муловъ и бросивъ прощальный взглядъ на монастырь, живописно расположившійся у подножія громадной горы, мы направились къ источнику св. Аѳанасія, отстоящему на 2 часа отъ Лавры. Дорога отъ Лавры св. Аѳанасія—сравнительно прекрасная, идетъ постоянно подъ навѣсомъ чудныхъ вѣковыхъ деревьевъ, и время за разговорами у насъ прошло очень скоро. Незамѣтно подъѣхали мы къ источнику св. Аѳанасія, широкою струею бьющему изъ расщелины горной скалы, надъ которою устроена галлерея для отдыха путешественниковъ, осѣняемая со всѣхъ сторонъ вѣковыми деревьями. Источникъ убѣгаетъ въ море, свѣтлѣющееся сквозь густую чащу деревьевъ. Мѣсто совершенно пустынное; за источникомъ начинается крутая гора, поросшая густымъ лѣсомъ. Направо отъ галлереи небольшая церковь съ иконой Божіей Матери, предъ которою постоянно теплится лампада. Мы приложились къ этой иконѣ и пропѣли величаніе Богородицѣ. Преданіе, связанное съ происхожденіемъ источника, слѣдующее. Въ годину голода братія разошлась изъ обители, отыскивая пищу. Пришлось

оставить обитель и св. Аѳанасію. На дорогѣ встрѣтилъ Божію Матерь, которая убѣждала его вернуться назадъ, обѣщая быть экономиссою Лавры, а для убѣжденія въ дѣйствительности своего явленія велѣла ему ударить жезломъ по скалѣ. Аѳанасій ударилъ и изъ разсѣченнаго камня побѣжалъ потокъ воды, текущій и до настоящаго времени. Вода источника считается цѣлебною. Скала, изъ которой онъ вытекаетъ, находится на высотѣ 3—4 аршинъ отъ земли, такъ что образуетъ прекрасный душъ. Мы всѣ раздѣвались и становились подъ него на нѣсколько секундъ. Больше простоять нельзя. Струя воды падаетъ съ значительною силой, вода необыкновенно холодная, а изъ подъ ногъ скользятъ уносимые потокомъ камни. Пока мы купались, о. Ивистіонъ развелъ костеръ и готовилъ чай. Пили чай и закусывали, расположившись подъ тѣнью громаднаго комарневаго дерева. Закусывали прекраснымъ аѳонскимъ получернымъ хлѣбомъ, такъ какъ октоподы, на которыхъ о. Ивистіонъ возлагалъ большія надежды, мы забраковали, хотя они и считаются у монаховъ лакомымъ блюдомъ. О. Ивистіонъ особенно совѣтовалъ подкрѣпляться аѳонскимъ кваскомъ, такъ какъ предстоитъ 2-хъ часовой переѣздъ до келліи св. Артемія, и довольно трудный. Вообще монахи, путешествуя по св. горѣ, запасаются краснымъ виномъ, въ виду того, что пить одну воду во время сильной жары считаютъ небезопаснымъ для здоровья. У живоноснаго источника мы пробыли около часа. Затѣмъ снова сѣли на муловъ и тронулись далѣе. По бокамъ бѣгутъ мальчишки — погонщики муловъ, большею частію, болгары, а впереди, въ красивомъ болгарскомъ костюмѣ, важно выступаетъ, указывая дорогу, старшій надъ ними. Солнце печетъ. Дорога постоянно извивается и уходитъ почему-то довольно далеко отъ берега въ густой лѣсъ, гдѣ нелегко пройти даже пѣшкомъ. Но мулы умѣло, хотя и лѣниво, протискиваются среди густыхъ, царапающихъ лицо и рвущихъ одежду зарослей, отдыхаютъ, вопреки желанію сѣдоковъ, у источниковъ и мало по малу подвигаются все-таки впередъ. Дорога—неровная, то подымается въ гору, то такъ круто спускается внизъ, что того и гляди перепрыгнешь черезъ голову мула, въ полной власти котораго находишься все время. Заставить упрямаго мула идти скорѣе, тише, или перегнать другого — вещь мудреная. Онъ все

равно поставитъ на своемъ и, перегнавъ товарища подъ вліяніемъ хлыста, чрезъ нѣсколько минутъ, снова отстаетъ отъ него.

Въ 12-ть часовъ пріѣхали въ келлію св. Артемія. Она видна издали, такъ какъ расположена на значительной возвышенности, въ разстояніи минутъ 20 отъ моря. Она очень напоминаетъ келлію св. Георгія: такъ же походитъ, какъ и та, на небольшое помѣщичье хозяйство, только нѣсколько богаче келліи св. Георгія и благоустроеннѣе. Около нея—огородъ, виноградники, садъ, воздѣланный съ большимъ тщаніемъ. При келліи церковь—небольшая, но очень уютная, въ алтарѣ престолъ стоитъ мраморный. Келіотовъ болѣе 20 человѣкъ. Находятся они подъ управленіемъ отца Парѳенія, еще не стараго, бодраго инока, съ угрюмымъ выраженіемъ лица, но очень добраго. Принялъ насъ онъ гостепріимно и угостилъ прекраснымъ обѣдомъ. Въ келліи св. Артемія, пользуясь гостепріимствомъ о. Парѳенія, мы пробыли часа два, отдыхая и любуясь чудными видами, открывающимися отсюда во всѣ стороны. На востокъ отъ нея красуется море во всемъ своемъ величіи, изъ бездны водъ Архипелага встаютъ величественные острова Тассо и Самоѳраки; къ югу высится величественный Аѳонъ; къ сѣверу открывается видъ на рядъ другихъ живописно раскинувшихся по св. горѣ келлій и скитовъ.

Часа въ два, простившись съ о. Парѳеніемъ, мы отправились въ Иверскій монастырь, собираясь по дорогѣ навѣстить бывшаго Константинопольскаго патріарха Іоакима III, живущаго уже 12 лѣтъ на Аѳонѣ, недалеко отъ Ивера. Дорога отъ келліи св. Артемія до Ивера идетъ по надморью, такъ что справа все время синѣется море. Дорога по прежнему страшно неровна: все время то поднимаешься, то спускаешься съ горы, и часто висишь надъ бездною. Къ этому присоединяется жара, дѣлающая путешествіе крайне затруднительнымъ и утомительнымъ.

Поэтому мы сильно обрадовались, когда показалось недалеко отъ морского берега жилище патріарха. Патріархъ живетъ здѣсь въ заточеніи: онъ не имѣетъ права никуда выѣзжать съ Аѳона, гдѣ онъ живетъ уже 12 лѣтъ, пользуясь глубокимъ уваженіемъ иноковъ за свою строго-подвижническую жизнь и открытый благородный характеръ. 16 лѣтъ

уже прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ оставилъ патріаршій престолъ, на которомъ сидѣлъ только шесть лѣтъ (съ 4 октября 1878 г. по 30 марта 1884 г.), сдѣлавъ за это немногое время много хорошаго для Великой Церкви. Онъ родомъ изъ богатой греческой (Константинопольской) семьи и получилъ прекрасное образованіе. До вступленія на патріаршую каѳедру онъ, по постриженіи въ монашество, занималъ должности діакона при храмѣ св. Георгія въ Вѣнѣ, діакона при патріархѣ Іоакимѣ 2-мъ, великаго протосинкела митрополита Варнскаго, затѣмъ Солунскаго. Избранію на патріаршій престолъ онъ обязанъ, главнымъ образомъ, народу, который любилъ его за благолѣпное служеніе и высоконравственную жизнь. Сдѣлавшись патріархомъ, онъ оправдалъ надежды, возлагавшіяся на него народомъ, хотя и возбудилъ противъ себя греческій Синодъ. Въ короткое время своего патріаршества онъ благоукрасилъ патріархію, поправилъ ея запущенныя финансовыя дѣла, возобновилъ при ней типографію, библіотеку, завелъ при патріархіи журналъ: „Церковная правда“, устроилъ духовную школу, поручилъ ученому, Мануилу Гедеону, составить историческій каталогъ Константинопольскихъ патріарховъ, и пр. Въ то же время онъ строго преслѣдовалъ злоупотребленія среди духовенства и требовалъ во всемъ законности, чѣмъ и возбудилъ противъ себя неудовольствіе Синода, заставившаго его подать въ отставку, когда возникъ вопросъ о привилегіяхъ духовенства. По словамъ *Μανουηλ-α Γεδεον-α*, изъ книги котораго (*Πατριαρχικοι πἰνακες* стр. 707—709) мы заимствовали краткія біографическія свѣдѣнія о патріархѣ Іоакимѣ, послѣдній лишился патріаршаго престола, потому что „захотѣлъ исправить непоправимыя дѣла греческой церкви“.

Жилище патріарха надъ самымъ моремъ и выглядитъ, благодаря окружающему его цвѣтнику, очень уютно. Помѣщеніе онъ занимаетъ небольшое, но изъ оконъ открывается такой чудный видъ на разстилающееся вдали безбрежное свѣтло-синее море, что онъ одинъ можетъ искупить всѣ другія неудобства. Патріархъ встрѣтилъ насъ очень ласково. Благословилъ, облобызалъ всѣхъ, усадилъ, угостилъ глико и кофе. Ему теперь 66 лѣтъ; онъ очень высокаго роста, сѣдой, съ строгимъ, благообразнымъ лицомъ; немного говоритъ по русски. Онъ интересовался тѣмъ, въ какихъ греческихъ мо-

настыряхъ мы были и какъ насъ тамъ принимали. Сказалъ, что скоро самъ собирается поѣхать въ Ильинскій скитъ, куда его приглашаютъ на закладку новаго храма, а оттуда проѣдетъ въ Андреевскій скитъ освящать новый соборъ во имя Андрея Первозваннаго. Жизнью на Аѳонѣ, здѣш-

Іоакимъ III, бывшій Вселенскій Патріархъ (1878—84 г.), нынѣ вновь избранный.

нимъ уединеніемъ, располагающимъ къ созерцанію и Богомыслію, чудною природою и прекраснымъ климатомъ, Его Блаженство очень доволенъ. Вообще патріархъ — отшельникъ произвелъ на насъ неотразимое впечатлѣніе: своею представительною наружностію, великою силою духа, благодаря которой онъ, со всецѣлой покорностію волѣ Божіей,

переноситъ свое невольное заточеніе вдали отъ суеты мірской. Образъ его никогда не изгладится изъ нашей памяти, вызывая въ ней сравненіе съ древними великими подвижниками...

Лишь только мы выѣхали отъ Патріарха, показался Иверскій монастырь, широко раскинувшійся по берегу моря. Сзади онъ окруженъ горами, покрытыми лѣсомъ и изрѣзанными ущельями. Надъ монастыремъ господствуетъ высокая башня. Иверскій монастырь—штатный. Въ порядкѣ аѳонскихъ монастырей онъ занимаетъ третье мѣсто; его братство состоитъ изъ грековъ, которыхъ болѣе ста. Названіе же свое онъ получилъ отъ первыхъ насельниковъ, пришедшихъ сюда изъ земли Иверской, то-есть, грузинъ. Основаніе его приписываютъ знаменитому Иверскому полководцу Іоанну и сыну его Евфимію Варасваче, построившимъ при содѣйствіи грузинскаго царя, Давида Куропалата, монастырь и при немъ сначала небольшой храмъ во имя Предтечи Господня Іоанна, а затѣмъ великолѣпный соборъ, существующій и теперь, посвященный во имя Успенія Божіей Матери. Это было въ концѣ X вѣка. Послѣ этого монастырь былъ нѣсколько разъ разоряемъ, пока не поселились въ немъ греки, оспаривающіе теперь у грузинъ право на владѣніе монастыремъ. Послѣдніе же въ настоящее время поселились въ скиту Іоанна Предтечи, отстоящемъ отъ Ивера на разстояніи 1/2 часа.

Преосвященнаго Иверскіе монахи встрѣтили съ почетомъ, свойственнымъ его сану. Въ соборѣ былъ отслуженъ краткій молебенъ, послѣ чего Владыка обратился къ инокамъ съ рѣчью, въ которой благодарилъ за пріемъ, оказанный ему и, между прочимъ, сказалъ, что Иверская обитель имѣетъ особенное значеніе и дорога для Русскихъ, потому что копія съ здѣшней чудотворной иконы Божіей Матери Вратарницы является наиболѣе почитаемою святынею въ Россіи и особенно въ Москвѣ, гдѣ она находится въ Иверской часовнѣ. Затѣмъ, приложившись къ вынесеннымъ на средину частицамъ мощей, которыхъ здѣсь очень много, осмотрѣли самый соборъ. Форму онъ имѣетъ крестообразную, большой и темный. Весь храмъ, два притвора, поддерживаемые 13-ю мраморными столбами росписаны новою живописью, среди которой по мѣстамъ уцѣлѣли остатки и прежней живописи. Изъ другихъ многочисленныхъ церквей монастыря заслуживаетъ

вниманія церковь надъ вратами монастыря, гдѣ находится мѣстная чудотворная икона, извѣстная подъ именемъ „Вратарницы“, потому что, по преданію, сама выразила желаніе находиться надъ вратами обители, сказавъ: „что-мя стужаете? не пріидохъ, да мя стяжете, но да стрегу вы“ (Барскій, 1 пут. 19 стр.) [1]). Икона—очень темная; она въ великолѣпной ризѣ, усыпанной драгоцѣнными камнями. Барскій, видѣвшій эту икону еще въ XVIII столѣтіи, такъ ее описываетъ: „икона, проименованная отъ древнихъ иноковъ Вратарница, зѣло ужасно зрачна, съ великими очесами, держащая на лѣвой рукѣ Христа Спасителя, очернѣлая же на лицѣ множества ради лѣтъ, обаче совершенно всю являющая тварь, покровенна же вся кромѣ лица среброкованною одеждою и кромѣ того упещрена многоцѣнными каменьями и монетами златыми“.

Изъ Ивера Преосвященный вмѣстѣ съ профессорами отправился съ визитомъ къ патріарху Іоакиму; мы же поджидали возвращенія ихъ въ Иверѣ. Въ это время искупались и слушали вечерню. Вечерня совершалась въ соборномъ храмѣ. Кромѣ служащаго и двухъ-трехъ пѣвчихъ иноковъ въ храмѣ никого не было. Вечерня совершалась обычнымъ порядкомъ. Насъ поразила здѣсь только та простота, съ какою держалъ себя служащій въ храмѣ іеромонахъ: онъ то снималъ эпитрахиль и вѣшалъ ее около царскихъ дверей, то снова надѣвалъ, то подходилъ къ намъ и обращалъ наше вниманіе на ту или другую картину на стѣнѣ или какую-нибудь особенность въ храмѣ. Во время кажденія онъ, держа за ручку кадильницу, имѣющую видъ небольшой чашки, подходилъ къ каждому изъ стоящихъ въ храмѣ и осѣнялъ ею крестообразно. Патріарха, между тѣмъ, Владыка встрѣтилъ на дорогѣ. При этомъ оба слѣзли съ муловъ и братски облобызались. Затѣмъ Преосвященный представилъ Его Блаженству профессоровъ. Послѣ краткой бесѣды, снова сѣли на муловъ и возвратились обратно для слѣдованія въ Андреевскій скитъ. Патріархъ предложилъ Преосвященному ѣхать въ скитъ впередъ, обѣщаясь вскорѣ за нимъ прибыть.

---

[1]) Преданіе объ этой иконѣ см. въ книгѣ „Вышній Покровъ“, Дневникъ Студента-Паломника, Барскаго 2 пут. ст. 141—142.

Отказавшись отъ угощенія, которое приготовили было намъ монахи, мы присоединились къ первой компаніи и всѣ вмѣстѣ отправились далѣе въ Андреевскій скитъ. Ѣхать пришлось около часу по сравнительно хорошей дорогѣ. Образовалась большая кавалькада. Жара начинала спадать. Кругомъ ложились длинныя тѣни. Послѣдніе лучи заходящаго солнца догорали на темени горъ и верхушкахъ высокихъ кипарисовъ, каштановъ, комарневыхъ и другихъ деревьевъ, подъ тѣнью которыхъ мы ѣхали.

Андреевцы издалека завидѣли приближающійся къ скиту кортежъ и на колокольнѣ раздался торжественный звонъ, разносившійся далеко по окрестности. По прибытіи въ скитъ, Преосвященный былъ встрѣченъ въ святыхъ вратахъ съ подобающею ему честію и съ крестнымъ ходомъ прослѣдовалъ въ монастырскій храмъ, гдѣ, послѣ обычной при встрѣчахъ Архипастырей краткой литіи съ многолѣтіемъ, обратился къ инокамъ съ привѣтственно-назидательною рѣчью. Высказавъ благодарность за радушную встрѣчу и обративъ вниманіе на цвѣтущее состояніе скита въ настоящее время, сравнительно съ тѣмъ, что онъ былъ въ 1883 году, когда Владыка посѣтилъ его въ первый разъ, будучи еще студентомъ Академіи, Преосвященный высказалъ, что особенно пріятное впечатлѣніе произвелъ на него величественный видъ новосозданнаго соборнаго храма. Такое процвѣтаніе обители Владыка призналъ знакомъ Божія благоволенія къ обители. Уже чувство благодарности къ Богу за такую милость Его, поучалъ Владыка, должно побуждать братію стараться болѣе всего объ украшеніи душъ христіанскими добродѣтелями. „Вашъ скитъ за свое прекрасное мѣстоположеніе прозывается „Серай“ (красивый дворецъ,—турецкое слово), и вполнѣ справедливо. Я не знаю мѣста на всей Аѳонской горѣ болѣе красиваго. Но инока должна украшать красота не внѣшняя, а, главнымъ образомъ, внутренняя, красота духовная; поэтому старайтесь вполнѣ оправдать названіе вашего скита; благоукрашайтесь внутренно вѣрою и добрыми дѣлами, и Богъ мира и любви пребудетъ съ вами и благословитъ вашу обитель дальнѣйшимъ процвѣтаніемъ“. На эту рѣчь настоятель скита архим. Іосифъ отвѣтилъ краткимъ словомъ благодаренія Преосвященному за его назидательное наставленіе. Изъ собора прошли въ

архондарикъ, большой и изящный залъ, увѣшанный портретами, видами, и украшенный громадными, искусственно выращенными лимонами въ вазахъ и графинахъ. Здѣсь мы были представлены настоятелю скита архим. Іосифу. Настоятелемъ состоитъ о. Іосифъ 9 лѣтъ; онъ—четвертый по времени игуменъ скита; живетъ въ немъ съ юношескихъ лѣтъ; родомъ изъ крестьянъ Ярославской губерніи, Углич. у. Онъ замѣчательный строитель и скитъ немало обязанъ ему своимъ внутреннимъ и внѣшнимъ благоустройствомъ и благоукрашеніемъ.

Вскорѣ прибылъ въ скитъ и патріархъ Іоакимъ III-й, которому тоже оказана была торжественная встрѣча.

15-е Іюня. Четвергъ.—Въ Андреевскомъ и Ильинскомъ скитахъ.

Утромъ Преосвященный вмѣстѣ съ мѣстнымъ и сопутствовавшимъ ему духовенствомъ и съ архидіакономъ Троицкой Лавры Димитріаномъ служилъ Божественную литургію въ Андреевскомъ скиту. За богослуженіемъ присутствовали патріархъ Іоакимъ, слѣдившій съ особеннымъ вниманіемъ за русскимъ архіерейскимъ богослуженіемъ, всѣ монахи Андреевскаго скита, много калиѳитовъ, не только русскихъ, но и грековъ, и богомольцы, собравшіеся на торжество освященія храма. Пѣвчими, непривыкшими къ архіерейскому служенію, управлялъ одинъ изъ студентовъ.

Послѣ богослуженія, знакомились со скитомъ. Андреевскій скитъ еще очень молодъ: онъ только въ прошломъ году справлялъ пятидесятилѣтіе своего существованія. Но не смотря на свою молодость, онъ благоустроеннѣе и богаче многихъ даже греческихъ монастырей. Въ настоящее время въ немъ до 500 человѣкъ иноковъ, онъ имѣетъ богатые метохи (дачи) и подворья во многихъ городахъ. Начало существованія скита собственно относится къ 49 году текущаго столѣтія, а русскіе поселились въ немъ лишь съ 41 года; но иноческая келлія существовала здѣсь и ранѣе. Еще въ половинѣ 17-го вѣка, вселенскій патріархъ Аѳанасій Пателарій, мощи котораго находятся въ Лубенскомъ Полтавскомъ монастырѣ, гдѣ онъ скончался, возвращаясь изъ Россіи на Аѳонъ, въ 1654 году, устроилъ для себя на землѣ

Ватопедскаго монастыря — келлію. Эту келлію, спустя сто лѣтъ, пріобрѣлъ другой вселенскій патріархъ Серафимъ, скончавшійся во время пребыванія въ Россіи въ томъ-же монастырѣ. Въ половинѣ нынѣшняго столѣтія (въ 41 году) двое русскихъ иноковъ, Варсонофій и Виссаріонъ, купили у Ватопеда заброшенную по смерти Серафима келлію, названную за свое красивое мѣстоположеніе: Серай. Но процвѣтать Серай началъ послѣ того, какъ благодаря участію путешественника по Аѳону А. Н. Муравьева, Ватопедскій монастырь согласился дать келліи права скитовъ, которые по Аѳонскому уставу находятся въ гораздо меньшей зависимости отъ монастыря, на землѣ котораго они находятся, а главное, не могутъ быть, подобно келліи, проданы, или переданы другому лицу, вопреки желанію братіи. Андреевскій скитъ не напрасно называется сераемъ. Мѣстоположеніе его очень живописно. Серай, говоритъ совершенно справедливо А. Н. Муравьевъ, пробывшій здѣсь около 6-ти недѣль, расположенъ чрезвычайно красиво, едва-ли не на самомъ лучшемъ мѣстѣ св. горы, близь Кареи, центра правленія этой монашеской области, на склонѣ восточнаго берега, гдѣ почва славится плодородіемъ и роскошью растительности. Воздухъ, составляя среднее между горнымъ и приморскимъ, днемъ не имѣетъ рѣзкости и духоты, свойственной южному климату, а ночью—пронзительной сырости, чувствительной на Аѳонѣ. До моря отсюда не болѣе часа пути и виды кругомъ самые восхитительные: мѣстность за келліею серайскою на западъ и на югозападъ поднимается на гору; съ высоты террасъ и балконовъ глазъ и душа съ истиннымъ наслажденіемъ могутъ созерцать, въ какомъ неописуемомъ величіи восходитъ солнце изъ синихъ волнъ Егейскаго моря, освѣщая золотыми лучами окраины острововъ Тассо, Имбро, Самоѳраки и Лемноса. По склону разсѣяны бѣлыя каливы и келліи пустынниковъ, то скрывающіяся въ зелени окружающихъ деревъ, то живописно выглядывающія изъ нихъ. На югѣ высится къ небу, въ свѣтломъ вѣнцѣ изъ облаковъ, шпиль св. горы, видимый во всемъ великолѣпіи вдавшимся въ пучину морскую отъ самой подошвы и до заоблачной выси.

Скитъ, не смотря на то, что недавно существуетъ, обстроенъ превосходно, благодаря энергіи своихъ настоятелей,

преимущественно о. Ѳеодорита и теперешняго архимандрита Іосифа и богатымъ денежнымъ пожертвованіямъ, притекающимъ сюда изъ Россіи, среди которыхъ далеко не послѣднее мѣсто занимаетъ и пожертвованіе одного русскаго милліонера, владѣльца крупнѣйшихъ золотыхъ пріисковъ въ Сибири Сибирякова, нынѣ іеросхимонаха Иннокентія, спасающагося здѣсь, въ скиту. Всѣ постройки скита—въ нѣсколько этажей (5—6) и выстроены очень прочно, въ виду повторяющихся здѣсь время отъ времени землетрясеній. Кромѣ 13-ти храмовъ, здѣсь много корпусовъ для братіи и для посѣтителей, большія мастерскія и другія хозяйственныя постройки. Строится также теперь и громадное зданіе для новой больницы, гдѣ найдутъ пріютъ больные со всего Аѳона. Кругомъ обители разведены огороды, виноградники и сады, гдѣ созрѣваютъ плоды смоковницы, яблоки, груши, персики, орѣхи, смородина, крыжовникъ, малина и пр. Все это придаетъ обители уютный жизнерадостный видъ. Изъ святынь скита особеннымъ почитаніемъ пользуется здѣсь чудотворная икона Божіей Матери: „Въ скорбѣхъ и печалѣхъ утѣшеніе“, прославившаяся чудесами во время посѣщенія Россіи въ 1863, 1879 и 1882 годахъ, когда архим. Ѳеодоритъ, бывшій настоятель монастыря, пріѣзжалъ сюда за сборомъ пожертвованій на новостроющійся храмъ и благоукрашеніе обители. Самая чудотворная икона въ настоящее время находится въ Петербургѣ на Андреевскомъ подворьѣ, въ Благовѣщенскомъ храмѣ; въ соборномъ же храмѣ скита есть лишь копія съ нея. Лицо Божіей Матери на этой иконѣ обращаетъ на себя вниманіе своимъ грустнымъ сосредоточеннымъ выраженіемъ.

Послѣ обѣда всѣ вмѣстѣ на мулахъ отправились въ Ильинскій скитъ на торжество закладки новаго храма, сдѣлавъ небольшой крюкъ на Карею, отстоящую въ 15 минутахъ отъ Андреевскаго скита.

Карея находится въ самомъ центрѣ св. горы. Монахи называютъ ее городомъ, но весь городъ этотъ состоитъ изъ двухъ узкихъ пересѣкающихся улицъ, наполненныхъ убогими лавками. Здѣсь же находится небольшое зданіе Протата, въ которомъ засѣдаютъ представители 20 монастырей, соборный, старинный храмъ во имя Успенія Пресвятыя Богородицы и домъ, въ которомъ живетъ представитель турецкой власти.

на Аѳонѣ—каймакамъ вмѣстѣ съ полицейскими и таможенными чиновниками. Въ лавкахъ Кареи торгуютъ и монахи, и пріѣзжіе торговцы изъ Македоніи; первые—собственными издѣліями: крестами, четками и т. п. вещами, которыя, къ слову сказать, продаютъ очень дорого; вторые — разными предметами, необходимыми въ монашескомъ обиходѣ. Но значеніе Кареи для святой горы заключается не въ этомъ, а въ томъ, что она является центромъ монашескаго управленія на Аѳонѣ. Представитель турецкой власти на Аѳонѣ не имѣетъ почти никакого значенія; вся его власть надъ святою горою ограничивается собираніемъ съ монастырей подати въ пользу турецкаго правительства; дѣйствительное же управленіе св. горою сосредоточено въ рукахъ самихъ монаховъ, составляющихъ Протатъ (πρῶτος, — первый). Протатъ — это общее судилище св. горы, гдѣ разбираются всѣ дѣла, касающіяся личной собственности, жалобы монаховъ; чрезъ него же объявляются аѳонитамъ предписанія Порты и Константинопольскаго патріарха. Въ древнее время, до св. Аѳанасія, въ Кареѣ былъ скитъ, отъ котораго зависѣли 180 малыхъ обителей, разсѣянныхъ по всей горѣ Аѳонской и управлявшихся своими игуменами. Игуменъ, стоявшій во главѣ Карейскаго скита, назывался „Протосъ“ (первый) и былъ какъбы игуменомъ надъ игуменами, а его скитъ—скитомъ надъ скитами. Такой порядокъ управленія св. горы сохранился и тогда, когда св. Аѳанасій устроилъ первую киновію и по ея образцу стали устраиваться почти одновременно съ нею и другія киновіи; всѣ они подчинялись Лаврѣ Карейской и ея игумену.

Патріархи Константинопольскіе изъ уваженія къ св. горѣ не касались ея уставовъ и не подчиняли ее какому нибудь изъ сосѣднихъ епископовъ и митрополитовъ. Завися отъ Константинопольскаго патріарха въ каноническомъ отношеніи, всѣ аѳонскіе монастыри являются ставропигіальными. Турки, завладѣвъ Аѳономъ, также не касались правъ св. горы и ея внутренняго управленія. Ни одинъ изъ храмовъ св. горы не былъ обращенъ ими въ мечеть; они довольствовались только налогами на монастыри, вслѣдствіе чего нѣкоторые изъ нихъ должны были закрыться. Въ это время закрылась и Лавра Карейская, игуменъ которой, подъ именемъ Прота, управлялъ св. горою. Но съ закрытіемъ Лавры, Карея не утра-

тила своего значенія. Въ Кареѣ образовалось общее собраніе представителей отъ всѣхъ Аѳонскихъ монастырей—Протатъ или Киноть. Послѣдній управляетъ всѣми дѣлами, касающимися внутренней жизни всѣхъ монастырей и монаховъ св. горы. Онъ состоитъ изъ двадцати представителей Аѳонскихъ монастырей—антипросоповъ, избираемыхъ каждымъ монастыремъ изъ опытныхъ въ духовной жизни старцевъ. Рѣшенія Протата окончательны и не подлежатъ обжалованію у патріарха. При этомъ представители отдѣльныхъ монастырей не имѣютъ одинаковаго значенія. Рѣшеніе зависитъ не отъ большинства голосовъ, а отъ согласія представителей 4-хъ первыхъ монастырей: Лавры, Ватопеда, Ивера и Хиландаря.

Въ Кареѣ мы прежде всего отправились въ соборъ, гдѣ торжественно встрѣтили Владыку антипросопы, большею частію, почтенные старцы. Одинъ изъ нихъ привѣтствовалъ Его рѣчью на греческомъ языкѣ, на которую Владыка отвѣчалъ по русски. Приложившись къ иконамъ, осмотрѣли соборъ, построенный, по преданію, впервые Константиномъ Великимъ, въ 335 году. Но если это преданіе и справедливо, то несомнѣнно, что отъ древняго собора Константина не сохранилось ничего, такъ какъ Карейскій соборъ неоднократно разрушался и возстановлялся снова. Однако онъ заслуживаетъ вниманія самъ по себѣ. Внѣшнимъ видомъ онъ не походитъ на другіе Аѳонскіе храмы. Онъ имѣетъ форму базилики съ четырьмя большими четыреугольными столбами и остроконечною деревянною крышею. Внутри очень запущенъ и содержится крайне неряшливо. Замѣчателенъ соборъ тѣмъ, что въ немъ сохранились остатки живописи, принадлежащей кисти византійскаго Рафаэля-Панселина. Панселинъ — это полуисторическая, полу—миѳическая личность, и даже трудно установить точно, когда онъ жилъ; несомнѣнно одно, что тотъ живописецъ, которому приписываютъ сохранившуюся въ Ватопедѣ и Кареѣ живопись, былъ замѣчательнымъ художникомъ. Необыкновенно древняя, вся почернѣвшая отъ сырости живопись до сихъ поръ поражаетъ своею жизненностью и выразительностью. Она сохранилась на западныхъ столбахъ и кое-гдѣ въ другихъ мѣстахъ храма. Въ алтарѣ на горнемъ мѣстѣ находится еще очень древняя икона Божіей Матери, называемая: „Достойно есть“, по-

тому что передъ этою иконою явился однажды одному иноку ангелъ, повелѣвшій славить Богоматерь пѣснію: Достойно есть... въ то время (до X-го вѣка), когда эта пѣснь, воспѣтая отцами 3-го вселенскаго собора, законоположившими величать Пресвятую Дѣву Марію Богородицею, еще не была принята всѣми и не вошла въ составъ богослуженія. Изъ собора прошли въ зданіе Протата, гдѣ антипросопы угостили насъ глико и кофе.

Изъ Карея по сравнительно хорошей дорогѣ отправились въ Ильинскій скитъ на закладку новаго храма. Этотъ храмъ, не начинавшійся еще строиться, уже имѣетъ свою довольно длинную исторію, характеризующую современныя отношенія русскихъ и грековъ на Аѳонѣ. Самая закладка храма совершается уже второй разъ. Въ первый разъ съ большою торжественностью совершена была закладка храма 22 Іюля 1881 года, почти 20-ть лѣтъ тому назадъ. Въ это время посѣтила берега Аѳона Великая Княгиня (впослѣдствіи инокиня) Александра Петровна; ей на пароходѣ представился настоятель Ильинскаго скита о. Товія, просившій ее положить первый камень въ основаніе новаго храма. Великая Княгиня согласилась и 22 Іюля камень съ соотвѣтствующею надписью прислала съ контръ-адмираломъ Головачевымъ, которому поручила положить его въ основаніе новаго храма отъ Ея имени. Торжественная закладка была совершена и былъ составленъ планъ собора, подписанный Вселенскимъ патріархомъ Іоакимомъ III-мъ и бывшимъ въ 1881-мъ году на Аѳонѣ Великимъ Княземъ Константиномъ Константиновичемъ. Но съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени не приступали къ постройкѣ храма въ виду того, что на это не давали разрѣшенія монахи Пантократорскаго монастыря, въ зависимости отъ котораго находится Ильинскій скитъ, какъ построенный на землѣ, принадлежащей монастырю. Между Пантократорцами и Ильинцами—старинная вражда. Еще въ 30-хъ годахъ настоящаго столѣтія Пантократорцы, воспользовавшись внутренними несогласіями въ скиту, отняли у него важные историческіе документы, особенно, султанскій фирманъ и условіе, заключенное Пантократоромъ со старцемъ Аѳанасіемъ въ 1798-омъ году, дававшіе Ильинцамъ свободу и независимость и право на владѣніе землею. Пользуясь этимъ, Пантократорцы стали сильно тѣснить Ильинцевъ и

не давали имъ строить новый соборъ, употребляя для этого всевозможныя мѣры. Начался процессъ, который тянулся десять лѣтъ и окончился въ пользу Ильинскаго скита. Въ 93—95 годахъ нынѣшній игуменъ скита Гавріилъ, съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, ѣздилъ по Россіи съ чудотворною иконою Божіей Матери „Млекопитательницы“ для сбора пожертвованій, послѣ чего началась подготовка къ постройкѣ новаго храма. На торжество вторичной закладки Ильинцы пригласили русскаго посла въ Константинополѣ И. А. Зиновьева, пріѣхавшаго на Аѳонъ, по просьбѣ Андреевцевъ, присутствовать на освященіи ихъ новаго храма.

День 15-го Іюня былъ праздничнымъ днемъ для Ильинскаго скита. Въ полдень прибылъ сюда сначала бывшій Вселенскій патріархъ Іоакимъ III, которому была устроена торжественная встрѣча. Затѣмъ черезъ полчаса, вторично уже, преосвященный Арсеній вмѣстѣ съ нами, а затѣмъ и посолъ И. А. Зиновьевъ съ членами посольства. Послѣ этого тотчасъ началось торжество закладки храма. Обрядъ закладки совершалъ преосвященный Арсеній въ сослуженіи сопутствовавшаго ему и мѣстнаго духовенства на мѣстѣ, предназначенномъ къ постройкѣ новаго храма. Когда наступило время водруженія креста на мѣстѣ будущаго святаго престола, тогда Патріархъ облачился въ мантію и прочиталъ положенную молитву по гречески. Онъ же первый положилъ камень въ основаніе новостроющагося зданія, затѣмъ преосвященный Арсеній, посолъ Зиновьевъ, эпитропъ Пантократорскаго скита архимандритъ Ѳеофилъ, настоятель скита архим. Гавріилъ и другіе почетные гости. По окончаніи обряда, Преосвященный обратился къ инокамъ съ рѣчью. Указавъ сначала на тѣ особенныя обстоятельства, при которыхъ ему, русскому Архіерею, пришлось совершить это рѣдкое торжество въ присутствіи святителя греческой Церкви, бывшаго Вселенскаго патріарха Іоакима III-го, и представителя русскаго Государя при Оттоманской Портѣ посла И. А. Зиновьева, и изложивъ кратко исторію первой закладки храма, Преосвященный затѣмъ въ своей рѣчи раскрылъ параллель между построеніемъ *храма вещественнаго и духовнаго.*

По окончаніи торжества, всѣ присутствовавшіе отправились снова въ Андреевскій скитъ.

Этотъ переѣздъ былъ очень оригиналенъ. Впереди на прекрасныхъ лошадяхъ, сопровождаемые монахами, ѣхали Преосвященный и посолъ Зиновьевъ; за ними мы вмѣстѣ съ членами и чиновниками посольства на мулахъ, въ сопровожденіи погонщиковъ и кавасовъ въ красивыхъ національныхъ костюмахъ (фустанелахъ). Такъ какъ по узкимъ аѳонскимъ тропинкамъ рядомъ двоимъ невозможно ѣхать, то наша кавалькада растянулась на громадное разстояніе. Во встрѣчавшихся по пути келліяхъ при нашемъ проѣздѣ звонили, а иноки выходили къ воротамъ обители для встрѣчи Преосвященнаго и посла, въ облаченіяхъ и съ иконами. Въ Андреевскій скитъ мы вернулись около шести часовъ вечера. Вскорѣ затѣмъ сюда пріѣхалъ съ своими офицерами контръ-адмиралъ А. А. Бирилевъ, помощникъ начальника Средиземной эскадры, командированный на Аѳонъ Великимъ Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ, заложившимъ новый храмъ и считающимся августѣйшимъ ктиторомъ его. Андреевцы приглашали самого Великаго Князя; не имѣя возможности самъ присутствовать на освященіи, онъ прислалъ въ качествѣ своего представителя контръ — адмирала Бирилева. Послѣдняго андреевцы встрѣтили очень торжественно: съ крестнымъ ходомъ у воротъ обители и колокольнымъ звономъ. Послѣ того какъ собрались всѣ почетные гости, былъ предложенъ ужинъ, а затѣмъ началось всенощное бдѣніе.

Всенощное бдѣніе, начавшееся въ 9-ть часовъ вечера, продолжалось до 5-ти часовъ утра. Стеченіе народа на бдѣніи было слишкомъ большое, такъ что не только обширный по размѣрамъ новосозданный храмъ былъ полонъ молящихся, но и внѣ храма на скитскомъ дворѣ было много богомольцевъ — посѣтителей, пустынножителей аѳонскихъ. Всенощное бдѣніе совершалось по обычному чиноположенію аѳонскому весьма торжественно, безъ всякихъ пропусковъ. Служба отправлялась обновленію храма съ добавленіемъ стихиръ св. Апостолу Андрею Первозванному. Во время бдѣнія патріархъ Іоакимъ стоялъ въ главной стасидіи, въ мантіи, съ правой стороны, а Преосвященный—въ стасидіи, съ лѣвой стороны. Съ большою выразительностію и чувствомъ прочиталъ Патріархъ шестопсалміе наизусть. Снаружи храмъ былъ красиво иллюминованъ разноцвѣтными огнями, ярко

освѣщавшими прозрачныя священныя изображенія, которыми былъ украшенъ храмъ. Высоко на колокольнѣ красовался прозрачный щитъ, освѣщенный также огнями, съ изображеніемъ двуглаваго орла и иниціаловъ имени Его Императорскаго Высочества Алексія Александровича. Всенощная окончилась уже при яркомъ утреннемъ свѣтѣ. Торжественный возгласъ: *слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ* совершенно гармонировалъ съ разлитымъ вокругъ свѣтомъ отъ солнца, широко и ярко уже озарявшаго своими лучами святую гору. Не всѣ могли выстоять такое длинное, нощное моленіе. Большинство выходило изъ храма отдыхать въ номера, и потомъ снова возвращались. Но во всѣхъ оно несомнѣнно оставило неизгладимое впечатлѣніе. Продолжительность бдѣнія и естественная усталость какъ будто и не замѣчаются, или по крайней мѣрѣ какъ бы сокращаются и ослабляются тѣмъ чередованіемъ въ освѣщеніи, въ пѣніи и чтеніи, которое на Аѳонѣ производится съ такою красотою и выразительностію.....

16-е Іюня. Пятница. Въ Андреевскомъ скиту и возвращеніе въ Пантелеймоновскій монастырь.

День многознаменательный въ жизни Андреевскаго скита. Въ этотъ день съ небывалою на Аѳонѣ торжественностью освященъ новый храмъ, которымъ справедливо гордятся Андреевцы и который, говорятъ, по величинѣ, красотѣ и богатству является лучшимъ храмомъ на всемъ Аѳонѣ, гдѣ существуетъ въ русскихъ и греческихъ обителяхъ нѣсколько сотъ храмовъ. Новый храмъ посвященъ имени святаго Апостола Андрея Первозваннаго съ придѣлами въ честь святаго благовѣрнаго князя Александра Невскаго и св. равноапостольныя Маріи Магдалины. Первый камень въ его основаніе былъ положенъ Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ во время пребыванія его на святой горѣ, 33 года тому назадъ, 16-го Іюня, 1867 года, въ память спасенія жизни Августѣйшаго родителя его, въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича, отъ злодѣйскаго покушенія въ Парижѣ. Но началъ строиться храмъ только съ 1881-го года,

такъ какъ у иноковъ не доставало средствъ на постройку. Въ 1879 и 1882 годахъ игуменъ Андреевскаго скита о. Ѳеодоритъ, съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, производилъ сборъ пожертвованій съ иконою „въ скорбѣхъ и печалѣхъ“ въ Россіи. Послѣ этого явилась возможность начать постройку храма, фундаментъ котораго въ настоятельство о. Ѳеодорита былъ доведенъ съ основанія до уровня земли. Затѣмъ постройка пріостановилась, и возобновилась въ 1893 году при нынѣшнемъ настоятелѣ архимандритѣ Іосифѣ, благодаря изысканнымъ имъ средствамъ и щедрымъ пожертвованіямъ упомянутаго Сибирякова. Постройка храма производилась нанятыми въ Константинополѣ мастерами, при участіи всей монашествующей братіи, кромѣ болящихъ и престарѣлыхъ, подъ наблюденіемъ Константинопольскаго архитектора—практика Гкочо, по плану С.-Петербургскаго профессора архитектора Шурупова. По словамъ иноковъ, стоймость новаго собора доходитъ до 2 милліоновъ рублей. И не удивительно. Онъ почти весь сдѣланъ изъ мѣстнаго мрамора двухъ цвѣтовъ: бѣлаго и сѣраго; въ виду повторяющихся на Аѳонѣ землетрясеній, соборъ выстроенъ нарочито прочно, отчего снаружи зданіе кажется тяжелымъ и неуклюжимъ. Толщина его стѣнъ въ основаніи достигаетъ до 3-хъ саженъ. Въ вышину храмъ имѣетъ 19 саженъ, длина его равняется слишкомъ 30 саженямъ, а ширина—15 саженямъ. Надъ соборомъ красуются 8-мь куполовъ, обложенныхъ мѣдью и выкрашенныхъ зеленою масляною краскою; главы, яблоки и кресты вызолочены. Въ связи съ храмомъ возвышается колокольня, на которой около 20-ти большихъ и малыхъ колоколовъ. Первое мѣсто среди нихъ занимаетъ колоколъ въ 300 пудовъ, пожертвованный въ скитъ покойною Императрицею Маріею Александровною. На колокольнѣ-же устроены превосходные башенные часы, которые выбиваютъ, съ помощью колоколовъ, часы, получасы и четверти. Внутри соборъ, благодаря хорамъ, очень помѣстителенъ и буквально весь залитъ свѣтомъ. Куполъ поддерживаютъ громадные столбы, между которыми спускается сверху громадное красивое паникадило. Иконостасъ сплошь вызолоченъ и съ разными красивыми колоннами. Всѣ стѣны и иконостасъ росписаны художниками-иконописцами А. Тронинымъ и Кортневымъ, и роспись производитъ очень пріятное впечатлѣніе.

Торжество освященія храма началось въ 7 часовъ утра, когда раздался благовѣстъ для крестнаго хода. Всѣ священнослужители, посолъ И. А. Зиновьевъ и члены посольства: Ю. И. Щербачевъ, П. В. Максимовъ, А. И. Щербацкій, адмиралъ А. А. Бирилевъ и офицеры въ парадной формѣ, и другіе почетные части прибыли въ храмъ Божіей Матери, бывшій доселѣ соборнымъ. Вскорѣ прибыли и оба Архипастыря—патріархъ Іоакимъ и епископъ Арсеній, причемъ Патріархъ встрѣченъ былъ „со славою". По облаченіи въ благолѣпныя одежды Архипастырей и священнослужителей, въ числѣ которыхъ были 10-ть антипросоповъ Священнаго Протата, начался торжественный крестный ходъ, направившійся изъ Богородичной церкви вокругъ новосозданнаго храма. Величественное зрѣлище представлялъ этотъ крестный ходъ! Впереди всѣхъ шли хоругвеносцы изъ братіи обители, несшіе 8 паръ хоругвей, за ними несены были св. иконы и кресты; потомъ слѣдовали священнослужители, по два въ рядъ, числомъ до 120 человѣкъ, въ бѣлыхъ блестящихъ облаченіяхъ; ряды ихъ замыкали два Архипастыря. Три раза совершено было обхожденіе вокругъ новосозданнаго храма, съ остановками каждый разъ предъ западными дверями его, гдѣ произносилась ектенія и совершалось осѣненіе народа св. мощами на четыре стороны и чтеніе Евангелія. Во время перваго обхожденія несъ на головѣ ковчежецъ съ мощами Святѣйшій Патріархъ Іоакимъ, во время второго обхожденія—Преосвященный Арсеній, во время третьяго обхожденія—Настоятель скита архим. Іосифъ. Крестный ходъ закончился положеннымъ по уставу молитвословіемъ предъ закрытыми дверями новосозданнаго храма, послѣ чего при торжественно-умилительномъ пѣніи вошли въ соборъ и началось освященіе его, совершенное совмѣстно обоими Архипастырями при протодіаконѣ Троицкой Лавры Димитріанѣ. Положенныя молитвы читались поперемѣнно Патріархомъ—по гречески и Преосвященнымъ—по русски. По окончаніи освященія, преосвященный Арсеній сказалъ приличное торжеству поучительное слово. Возблагодаривъ въ началѣ Господа, сподобившаго его неожиданно быть участникомъ освященія величественнаго храма на Аѳонѣ, похваливъ усердіе храмосозидателей, Преосвященный затѣмъ подробно остановился на раскрытіи задачъ монашеской жизни вообще и

аѳонской—въ частности. Въ заключеніе, сказавъ о томъ, что охраной иноковъ служатъ не одни прочныя зданія и крѣпкія стѣны, а благодать Божія, убѣждалъ болѣе всего заботится о стяжаніи этого небеснаго дара и жить достойно своего званія, во славу Божію и спасеніе свое.

Послѣ этого совершена была въ новоосвященномъ храмѣ первая литургія обоими Архипастырями въ сослуженіи многочисленнаго сонма священнослужителей, около ста человѣкъ, причемъ первенствовалъ среди нихъ представитель Ватопедскаго монастыря, въ зависимости отъ котораго находится Андреевскій скитъ. Нѣкоторые возгласы произнесены были Патріархомъ по русски. Литургія окончилась въ 2 часа.

Послѣ литургіи всѣмъ присутствовавшимъ на торжествѣ гостямъ была предложена гостепріимнымъ монастыремъ обильная и разнообразная трапеза. За трапезою предсѣдательское мѣсто занималъ Патріархъ, около него сидѣлъ съ правой стороны посолъ И. А. Зиновьевъ, съ лѣвой—адмиралъ Бирилевъ; противъ Патріарха сидѣлъ преосвященный Арсеній, около него настоятель монастыря архимандритъ Іосифъ и представитель Ватопедскаго монастыря. Въ концѣ трапезы былъ произнесенъ цѣлый рядъ рѣчей, относящихся къ совершившемуся торжеству. Первымъ говорилъ посолъ Зиновьевъ, предложившій тостъ за Августѣйшаго покровителя обители, Великаго Князя Сергія Александровича, за патріарха Іоакима и процвѣтаніе обители. Затѣмъ говорилъ патріархъ Іоакимъ 3-й. Его рѣчь, сказанная по гречески, была переведена драгоманомъ посольства Щербацкимъ на русскій языкъ. „Я, началъ патріархъ, вообще противъ рѣчей за монастырскою трапезой, но въ виду нынѣшняго торжественнаго дня позволяю себѣ сдѣлать исключеніе. Этотъ день, который празднуемъ всѣ мы, сотрапезующіе здѣсь, является радостнымъ, свѣтлымъ моментомъ въ 50-ти лѣтней жизни Андреевскаго скита. Въ этотъ моментъ онъ долженъ молитвенно вспомнить о всѣхъ тѣхъ, кто оказывалъ ему за его 50-ти лѣтнее существованіе поддержку и благорасположеніе. И прежде всего, такая благодарность относится къ Ватопедскому монастырю, въ зависимости отъ котораго находится скитъ, обязанный ему своимъ благоустройствомъ. Затѣмъ съ благодарностію онъ долженъ вспомнить и о русскомъ Правительствѣ, оказывавшемъ всегда милостивую под-

держку обители". Послѣ Патріарха длинную рѣчь сказалъ адмиралъ Бирилевъ. „Я получилъ здѣсь, говорилъ съ большимъ одушевленіемъ, между прочимъ, Бирилевъ, полное удовлетвореніе, какъ христіанинъ и какъ гражданинъ. Какъ христіанинъ, я удовлетворенъ великолѣпіемъ и благолѣпіемъ церковнаго служенія; какъ гражданинъ, я удовлетворенъ тѣмъ, что еще разъ убѣдился въ великой нравственной силѣ моей великой родины. Наблюдая Аѳонскіе русскіе монастыри, я убѣдился, что куда бы судьба не забросила русскаго человѣка, онъ всюду остается русскимъ; всюду приноситъ съ собою свойственную ему энергію и жизнедѣятельность; объ этомъ свидѣтельствуетъ колоссальное зданіе новаго храма, воздвигнутое небольшою кучкою людей, находящихся далеко отъ родины подъ властью чужеземнаго правительства". Въ заключеніе А. А. Бирилевъ провозгласилъ цѣлый рядъ тостовъ: за здоровье Августѣйшаго ктитора храма Алексѣя Александровича, Патріарха, Посла, преосвященнаго Арсенія, архимандрита Іосифа, представителей Ватопедскаго монастыря, и другихъ. Послѣднимъ говорилъ настоятель скита архимандритъ Іосифъ, благодарившій всѣхъ за то, что своимъ присутствіемъ усугубили торжество скита. Такъ закончилось русское церковное торжество освященія новаго храма, оставившее въ сердцахъ участниковъ его и присутствовавшихъ на немъ неизгладимое впечатлѣніе [1]).

---

[1]) Интересно отмѣтить, какую окраску получили эти церковныя торжества закладки и освященія храма въ корресподенціяхъ нѣкоторыхъ аѳинскихъ шовинистическихъ газетъ, которыя намъ нѣсколько времени спустя случайно пришлось прочитать. Въ писаніяхъ слишкомъ проницательныхъ корреспондентовъ эти торжества явились чѣмъ-то въ родѣ политической демонстраціи, враждебной еллинизму и направленной противъ него. Въ нихъ досталось прежде всего патріарху Іоакиму, принявшему участіе въ этихъ торжествахъ, и притомъ вмѣстѣ съ русскимъ Архіереемъ, досталось также и Андреевцамъ за невниманіе, которое будто они явили къ представителямъ греческихъ Аѳонскихъ монастырей; сдѣланы также вылазки и противъ другихъ лицъ. Мы приводимъ здѣсь, безъ всякихъ комментаріевъ, въ переводѣ двѣ характерныя корресподенціи.

Въ Греческой аѳинской газетѣ Ἀγών (Борьба), въ корресподенціи отъ 30-го іюня, 1900 года, читаемъ:

„Бывшій Вселенскій Патріархъ Іоакимъ Ш-й первенствовалъ при недавнемъ совершеніи освященія собора русскаго Андреевскаго скита на Святой горѣ. Было - ли это дѣломъ необходимости по церковнымъ правиламъ? Облеченъ-ли Іоакимъ Ш-й какими нибудь офиціальными полно-

Вскорѣ послѣ обѣда, простившись съ Андреевскимъ скитомъ, мы на мулахъ отправились въ Пантелеймоновскій

мочіями, въ силу которыхъ онъ не могъ уклониться отъ выраженія общепринятыхъ дружелюбныхъ приличій? Ни того, ни другого нѣтъ, а есть тутъ, значитъ, что либо особенное. Но исторія его патріаршества должна бы удержать его, бывшаго верховнаго правителя еллинской церкви, отъ благословенія своими руками того дѣла, назначеніе котораго очевидно направлено не для укрѣпленія еллинскаго православія, а напротивъ—для порабощенія и даже для совершеннаго уничтоженія его. Горько было бы и тогда, если бы дѣло касалось только простого епископа; но чрезвычайно досадно, что мужъ высокаго положенія и достоинства Іоакимъ Ш-й предстоятельствуетъ на праздникѣ, блескъ котораго освѣщаетъ развалины еллинскихъ надеждъ и помрачаются справедливѣйшія еллинскія желанія. Невозможность воевать намъ противъ непримиримыхъ враговъ нашихъ находитъ совершенно справедливое оправданіе свое въ нашемъ матеріальномъ безсиліи; но подкрѣпленіе ихъ самымъ дѣломъ является дѣломъ постыднымъ и достойнымъ поруганія. Забылъ Іоакимъ Ш-й подозрѣнія противъ него большой партіи елѣинской націи и не понялъ въ тотъ часъ, когда своими патріаршескими руками благословлялъ русское дѣло, какое это произведетъ впечатлѣніе въ простомъ народѣ Македонцевъ, по отношенію къ которымъ одна изъ первыхъ обязанностей каждаго еллина—открыть глаза, что Русскіе для еллиновъ являются самыми непримиримыми врагами и что Турки предъ Русскими для еллинскаго народа являются наилучшими изъ друзей его."

Другая корреспоненція газеты „*Εστίας*", отъ 3-го іюля, изъ Салоникъ, озаглавена:

„Торжества на Аѳонѣ.

Адмиралъ Бирилевъ провозгласилъ Іоакима Ш-го Русскимъ Патріархомъ".

Въ ней между прочимъ читаемъ:

„Торжества освященія храма русскаго Андреевскаго скита на Святой горѣ дали поводъ къ возникновенію довольно многихъ эпизодовъ; всѣ эти эпизоды весьма выразительно говорили, съ одной стороны, о расположеніи къ намъ русскихъ, и съ другой — о нашемъ собственномъ неблагоразуміи.

„Во первыхъ, въ день прибытія на Аѳонъ русскаго посла, предсѣдатель Кинота Матѳей (Лаврскій) искалъ гостепріимства въ русскомъ Пантелеймоновскомъ монастырѣ, чтобы имѣть возможность во время привѣтствовать отъ имени всей Святой горы посла, имѣвшаго остановится въ этомъ монастырѣ. Однако ему было объявлено, что всѣ помѣщенія заняты.

„Послѣ обряда закладки русскаго храма въ русскомъ скитѣ Пророка Иліи, русскій посолъ, удалившись въ одну изъ комнатъ, подъ предлогомъ усталости, обѣдалъ отдѣльно, оставивъ Патріарха обѣдать вмѣстѣ съ остальнымъ собраніемъ.

„Патріархъ и русскій Викарный Епископъ Арсеній служили литургію оба въ митрахъ, противъ принятыхъ у насъ обычаевъ.

монастырь черезъ нагорный Руссикъ. Кортежъ нашъ былъ довольно великъ. Впереди ѣхалъ въ сопровожденіи монаховъ Преосвященный, затѣмъ мы вмѣстѣ съ нѣкоторыми чиновниками посольства и офицерами (другіе—отправились въ Пантелеймоновскій монастырь черезъ Карею). Дорога между Андреевскимъ скитомъ и Руссикомъ настолько хороша, что можно было ѣхать почти все время рысью, хотя и нельзя двоимъ рядомъ. По дорогѣ мы заѣхали въ старый Руссикъ, находящійся на разстояніи $^3/_4$ часа отъ новаго.

Старый или нагорный Руссикъ — первоначальное мѣсто поселенія русскихъ, перешедшихъ сюда изъ скита Ксилургу, до 1869 года лежалъ въ развалинахъ. Онъ живописно расположенъ подъ тѣнію вѣковыхъ платановъ и каштановъ на горѣ, съ которой открывается прекрасный видъ на заливъ св.

„На торжество освященія храма Св. Андрея, Андреевскимъ скитомъ были словесно приглашены представители Кинота и настоятели монастырей; меньшинство же требовало, чтобы приглашенія посланы были отъ греческаго Ватопедскаго монастыря, въ зависимости отъ котораго находится упомянутый выше Андреевскій скитъ. Но такъ какъ это не было сдѣлано, то эти лица отказались участвовать въ торжествѣ, между тѣмъ какъ участвовавшіе сдѣлались предметомъ грубѣйшаго оскорбленія. По окончаніи торжества, послѣднимъ было объявлено, что большая столовая переполнена гостями, такъ что для нихъ не оказалось мѣста, къ великому сожалѣнію скита. Тѣмъ не менѣе мѣста въ трапезѣ нашлись для представителей славянскихъ монастырей: Пантелеймоновскаго (Русскаго), Зографскаго (Болгарскаго), Хиландарскаго (Сербскоболгарскаго) и Русскаго скита Пророка Иліи.

„Итакъ, въ этомъ оффиціальномъ обѣдѣ изъ грековъ участвовали только члены Ватопедской депутаціи, принявшей участіе и въ обрядѣ освященія.

„Адмиралъ Бирилевъ въ своемъ громогласно произнесенномъ тостѣ, какъ бы находясь на полѣ сраженія и дѣлая соотвѣтствующія распоряженія, глубоко тронулъ присутствующихъ русскихъ, изъ которыхъ многіе проливали слезы (?!). Въ заключеніе тоста онъ сказалъ по адресу патр. Іоакима: „Совершенно безразлично, что онъ стоитъ въ сторонѣ отъ дѣлъ правленія: мы считаемъ его нашимъ Патріархомъ“.

„Нѣкоторые пункты тоста сильно касались насъ и особенно титула Вселенскаго Патріарха. Говорятъ, что тостъ адмирала подалъ поводъ къ неудовольствіямъ между нимъ и г. посломъ Зиновьевымъ.

„На слѣдующій день освященія, Бирилевъ, который въ своемъ тостѣ воспѣлъ патр. Іоакиму панегирикъ, забылъ, какъ онъ послѣ утверждалъ, пригласить его на броненосецъ, между тѣмъ какъ въ тотъ же самый день по телеграфу пригласилъ настоятелей двухъ русскихъ скитовъ, чтобы они присутствовали на происходившемъ тутъ пріемѣ“.

горы. Онъ очень не великъ, а начатый въ немъ постройкою и возведенный до половины большой храмъ стоитъ неоконченнымъ, и его бѣлыя мраморныя колонны, обвитыя зеленымъ плющемъ, представляютъ печальное зрѣлище. Въ пиргѣ Руссика находится маленькій храмъ съ алтаремъ въ нишѣ. Въ этомъ храмѣ, въ 1186 году, постригся въ монахи сербскій царевичъ Растко, впослѣдствіи знаменитый архіепископъ Савва. Хотя Савва жилъ и недолго въ старомъ Руссикѣ, однако сербскіе цари долгое время потомъ покровительствовали русскому монастырю, видя, говоря словами одного сербскаго хризовула, „нищету послѣднюю сего монастыря и еще-же и отъ Русси всеконечное оставленіе“ (по случаю монгольскаго ига). Послѣ того, какъ въ 1735 году русскіе перебрались въ теперешній Пантелеймоновскій монастырь изъ нагорнаго Руссика, этотъ послѣдній опустѣлъ, его храмы превратились въ развалины; въ такомъ положеніи онъ оставался болѣе ста лѣтъ и возстановленъ только 30 лѣтъ тому назадъ, когда между русскими и греками возникли несогласія изъ-за права обладанія Пантелеймоновскимъ монастыремъ. Пантелеймоновцы, боясь потерять прибрежный монастырь, стали возстановлять древній Руссикъ. Въ 1867 году тамъ былъ начатъ постройкою новый громадный храмъ во имя св. вел. Пантелеймона. Онъ строился изъ тесаннаго аѳонскаго камня и, судя по сохранившемуся до сихъ поръ остову съ большими мраморными колоннами, обѣщалъ быть грандіознымъ. Но постройка его была прекращена, когда русскіе отстояли свои права на владѣніе приморскимъ Пантелеймоновскимъ монастыремъ и имъ не угрожало болѣе выселеніе изъ него, тѣмъ болѣе, что средствъ, нужныхъ для постройки большого храма, у иноковъ монастыря не хватало. Въ настоящее время братіи въ нагорномъ Руссикѣ болѣе 20 человѣкъ. Уставъ—болѣе строгій и подвижническій, чѣмъ въ самомъ Пантелеймоновскомъ монастырѣ, откуда переселяются сюда монахи, желающіе вести болѣе строгую, отшельническую жизнь.

Встрѣтили Преосвященнаго въ старомъ Руссикѣ колокольнымъ звономъ. Зашли въ храмъ, выслушали краткій молебенъ, послѣ котораго Преосвященный сказалъ инокамъ рѣчь. Затѣмъ прошли въ небольшой архондарикъ, гдѣ, по обычаю, намъ было предложено глико и кофе. Здѣсь мы узнали,

что о. Ивистіонъ—нашъ проводникъ по Аѳону — живетъ постоянно въ старомъ Руссикѣ, гдѣ находится его и келлія. Мы посѣтили эту келлію — небольшую, продолговатую комнату, всю заставленную иконами и цвѣтами. Изъ нагорнаго Руссика къ вечеру пріѣхали въ Пантелеймоновскій монастырь. Дорога отъ стараго до новаго Руссика—обычная аѳонская, т. е. все время то поднимается кверху, то спускается внизъ, такъ что постоянно угрожаетъ опасность потерять равновѣсіе и упасть, что дѣйствительно и случилось съ однимъ изъ членовъ нашей компаніи, перелетѣвшимъ черезъ голову мула на крутомъ спускѣ. Къ счастію, паденіе обошлось благополучно.

На слѣдующій день долженъ былъ проходить мимо Аѳона возвращающійся изъ Яффы пароходъ Русскаго Общества „Лазаревъ“, на которомъ мы предполагали доѣхать до Дарданелъ, чтобы пересѣсть на встрѣчный пароходъ „Цесаревичъ“, отправляющійся въ Яффу. Послѣднюю ночь на Аѳонѣ провели подъ гостепріимнымъ кровомъ Пантелеймоновскаго монастыря, въ которомъ Преосвященный собирался въ день отъѣзда служить Божественную литургію. Вечеромъ, послѣ ужина, когда опустилась надъ горою темная ночь и небо загорѣлось міріадами звѣздъ, съ балкона гостиницы долго наслаждались чудною лѣтнею ночью на берегу моря. Лѣтній зной смѣнился прохладою; съ моря подулъ легкій, ласкающій вѣтерокъ; само море, словно дремлющее, вдали кажется темно-бархатнымъ. Затѣмъ далеко-далеко, словно призраки, темнѣются горы. Небо какъ-то особенно ярко горитъ звѣздами и кругомъ какая-то чудная, торжественная тишина. Въ этой чарующей тишинѣ какъ будто слышится гимнъ хвалы и благодаренія, воспѣваемый природою Своему Творцу.

17 Іюня. Суббота. Прощаніе съ Аѳономъ.

Сегодня утромъ литургію служилъ преосвященный Арсеній вмѣстѣ съ архимандритомъ Андреемъ, мѣстнымъ и сопутствовавшимъ ему духовенствомъ въ Пантелеймоновскомъ монастырѣ, въ соборномъ храмѣ въ честь Покрова Пресвятыя Богородицы. При этомъ Преосвященнымъ была совершена хиротонія въ іеродіакона и іеромонаха. За богослуженіемъ присутствовали возвратившіеся въ Пантелеймоновскій монастырь изъ

Андреевскаго скита почетные посѣтители Аѳона: посолъ Зиновьевъ съ чиновниками посольства, Солунскій консулъ Иларіоновъ, г. адмиралъ Бирилевъ вмѣстѣ съ офицерами съ броненосца Александръ II-ой. Послѣ обѣдни былъ отслуженъ напутственный молебенъ. Затѣмъ до обѣда всѣхъ почетныхъ гостей пригласили въ архондарикъ, гдѣ о. архимандритъ благословлялъ всѣхъ иконами св. Пантелеймона и книгами—изданіями Аѳонскаго Пантелеймоновскаго монастыря. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по существующему на Аѳонѣ во всѣхъ скитахъ и монастыряхъ обычаю, предложена была „памятная“ книга для внесенія въ нее своихъ записей. Книга ведется давно и является однимъ сплошнымъ панегирикомъ по адресу монастыря. Всѣ паломники восторгаются здѣсь чудными видами природы и прекраснымъ климатомъ Аѳона, удивляются строгой подвижнической жизни иноковъ, благодарятъ за ихъ необыкновенное радушіе и гостепріимство и высказываютъ пожеланія процвѣтанія иноческой жизни и самой обители. Мы также присоединили свои имена къ панегирику, написанному Преосвященнымъ. Посолъ И. А. Зиновьевъ благодарилъ за радушный пріемъ и хвалилъ благоустройство обители. Характерную запись внесъ въ эту книгу контръ—адмиралъ Бирилевъ. Вотъ что въ ней между прочимъ говорится: „Моя русская душа и мой русскій духъ, какъ христіанина, получилъ полное удовлетвореніе въ святой русской обители. Великая сила моей великой родины въ томъ, что всякій русскій остается русскимъ, куда бы его не забросила судьба. Здѣсь, на чужой землѣ, я нашелъ русскихъ людей и русскій духъ, понявъ, что они члены великой русской семьи, ведущіе свое русское дѣло на той высотѣ, что посѣтитель понимаетъ, что онъ членъ великой родины. Какъ христіанинъ, я удовлетворенъ великолѣпіемъ и благолѣпіемъ служенія. Сила въ единеніи, а единеніе русскихъ людей—сила непобѣдимая. Желаю процвѣтать великой Пантелеймоновской обители, желаю ей быть сильной духомъ, желаю скитамъ стать самостоятельными монастырями и принять въ свое лоно всѣхъ русскихъ, которые будутъ искать утѣшенія въ вѣрѣ. Большое спасибо за радушный пріемъ“.

Въ ожиданіи обѣда, гости Пантелеймоновскаго монастыря разбрелись по большому архондарику и балконамъ и кучками разговаривали. Вѣроятно рѣдко приходилось видѣть

въ монастырскихъ стѣнахъ такое разнохарактерное собраніе и слушать такіе разнообразные разговоры.

Послѣ обѣда, адмиралъ Бирилевъ пригласилъ Преосвященнаго и всѣхъ насъ спутниковъ его, предъ отправленіемъ на пароходъ, заѣхать къ нему и осмотрѣть его судно, эскадренный броненосецъ „Александръ II-ой“. Поэтому вскорѣ послѣ обѣда, любезно простившись съ гостепріимнымъ монастыремъ, провожаемые монахами, напутствовавшими всяческими благопожеланіями, при неумолкаемомъ звонѣ колоколовъ, мы отправились къ монастырской пристани. Здѣсь, у береговъ мирнаго Аѳона, по случаю праздника въ Андреевскомъ скиту, теперь стоялъ цѣлый военный флотъ: броненосецъ Александръ II-ой, нѣсколько канонерскихъ лодокъ, миноноска, яхты—Черноморецъ, Запорожецъ и Колхида. Всѣ пароходы стояли въ почтительномъ разстояніи отъ берега. За нами адмиралъ прислалъ паровой катеръ, который въ десять минутъ привезъ къ броненосцу, казавшемуся издали громаднымъ морскимъ чудовищемъ. Когда мы подъѣзжали, съ броненосца раздались звуки военной музыки: „Коль славенъ“. Надъ трапомъ стоялъ самъ адмиралъ, встрѣчавшій Преосвященнаго. Послѣ того, какъ всѣ поднялись на палубу парохода, адмиралъ скомандовалъ на молитву и надъ пароходомъ взвился молитвенный флагъ. Пока матросы собирались на молитву, мы подъ руководствомъ самого адмирала осмотрѣли подробно весь броненосецъ. Осмотръ гиганта-броненосца произвелъ на насъ сильное впечатлѣніе. Это цѣлый городокъ,—не даромъ каждый броненосецъ стоитъ нѣсколько милліоновъ. Мы прошли вмѣстѣ съ адмираломъ по всѣмъ этажамъ броненосца и детально осмотрѣли все. Послѣ осмотра броненосца, отправились въ пароходную церковь, гдѣ Преосвященнымъ въ сослуженіи съ военнымъ священникомъ былъ отслуженъ молебенъ. Пѣли мы вмѣстѣ съ матросами. За молебномъ присутствовали, кромѣ самого адмирала и офицеровъ, вся пароходная команда. Затѣмъ адмиралъ пригласилъ насъ въ свое помѣщеніе, гдѣ была предложена закуска, фрукты и шампанское. Простившись съ адмираломъ и поблагодаривъ его за радушный пріемъ, мы на томъ же катерѣ отправились къ нашему пароходу „Лазаревъ“, стоявшему противъ Дафны.

Провожалъ Преосвященнаго до парохода самъ адми-

ралъ. На броненосцѣ снова заиграла музыка и раздались 13-ть выстрѣловъ, далеко разнесшихся по окрестности, которыми адмиралъ чествовалъ, по морскому уставу, Преосвященнаго, какъ „3-го флагмана русскаго флота“. Вскорѣ по прибытіи Преосвященнаго, пароходъ тронулся. Въ это же время раздались пушечные салюты съ броненосца „Александръ II-й“ въ честь г. посла, тоже одновременно съ нами оставлявшаго Аѳонъ, и отвѣтные съ „Черноморца“ въ честь адмирала Бирилева. Весь Аѳонъ заволокло густымъ облакомъ пороха многочисленныхъ салютовъ. Величественное и внушительное зрѣлище! Такъ закончились дни торжествъ на Аѳонѣ. Они глубоко запечатлѣлись въ памяти участниковъ и очевидцевъ ихъ и несомнѣнно сохранятся въ исторіи Аѳона и въ особенности русскаго монашества на Аѳонѣ.

Устроились мы на пароходѣ, благодаря любезности И. А. Иванова, прекрасно. Намъ отвели всю общую каюту перваго класса, въ которомъ, кромѣ Преосвященнаго и македонскаго консула Машкова съ женою, не было больше пассажировъ, и предоставили въ наше распоряженіе кормовую часть парохода, примыкавшую къ 1-му классу. Вечеръ этого дня закончился у насъ богослуженіемъ по случаю кануна воскресенья. Всенощную совершилъ о. Анастасій на верхней палубѣ парохода, обратясь лицомъ къ св. горѣ, долго не скрывавшейся изъ виду. Пѣли мы вмѣстѣ съ Преосвященнымъ и профессорами. На палубу собрались всѣ пассажиры. По мѣрѣ того, какъ мы отплывали дальше и небо темнѣло, Аѳонская гора заволакивалась туманомъ, но долго еще виденъ былъ вдали ея темный силуетъ. Но вмѣсто внѣшняго Аѳона, постепенно скрывавшагося съ нашихъ глазъ, въ нашихъ головахъ съ большею рельефностію сталъ обрисовываться мысленный Аѳонъ, какъ результатъ впечатлѣній, полученныхъ и пережитыхъ нами во время пребыванія нашего тамъ.

Аѳонъ какъ-бы самою природою предназначенъ для созерцательной, монашеской жизни. И дѣйствительно, трудно найти уголокъ, который бы былъ болѣе пригоденъ для монашескихъ подвиговъ, чѣмъ Аѳонъ. Изолированный отъ всего міра, со своими скалистыми неприступными берегами, Аѳонъ самъ по себѣ является какъ-бы громаднымъ монастыремъ. Міряне здѣсь не селятся потому, что каменистая

почва горы неплодородна, а берега—негостепріимны. Но на неплодородной вообще почвѣ Аѳона въ изобиліи растетъ виноградъ и прекрасно произрастаютъ, особенно на южной сторонѣ горы, фруктовыя деревья: каштановыя, орѣховыя, смоковничныя, оливковыя, плодами которыхъ питаются иноки. Суровость и грандіозность Аѳонскихъ видовъ возбуждаетъ духъ къ созерцанію и самоуглубленію, а чудная красота морскихъ пейзажей, вѣчно-зеленѣющая въ ущельяхъ горъ и на отлогихъ мѣстахъ природа располагаетъ къ славословію Творца. Вотъ почему Аѳонъ съ самыхъ древнихъ временъ привлекалъ къ себѣ особое вниманіе и любовь людей еще языческаго, дохристіанскаго міра. Языческіе жрецы устрояли здѣсь свои капища, а на темени Аѳона стояла статуя Зевеса, который назывался *Ἄθως* и отъ котораго вся эта гора, еще во время Троянской войны, почиталась высотою сего божества [1]). Кромѣ того, Аѳонъ издревле славился какъ мѣсто уединенія нѣкоторыхъ греческихъ мудрецовъ, приходившихъ сюда для глубокихъ размышленій и созерцаній таинствъ природы. Но совсѣмъ другая слава ожидала Аѳонъ въ будущемъ. Когда свѣтъ евангельской истины, въ числѣ другихъ мѣстъ, озарилъ и Аѳонъ; когда Богъ благословилъ его быть удѣломъ Божіей Матери,—тогда языческія капища его замѣнились святыми храмами истиннаго Бога, игрища и ликованія—молитвенными трудами, крестными лишеніями и духовными пѣснопѣніями. Съ тѣхъ поръ и донынѣ Аѳонъ представляетъ особое явленіе въ христіанскомъ мірѣ, какъ область исключительно иноческая, какъ средоточіе жизни православно-восточнаго монашества, которое соблюдается тутъ отъ лѣтъ древнихъ въ неповрежденной чистотѣ и осуществляется въ лицѣ многихъ святыхъ подвижниковъ, которые вдали отъ мірскаго шума и житейской суеты возносятъ къ Отцу свѣтовъ непрестанныя молитвы за грѣшный родъ человѣческій. Въ этомъ главная заслуга Аѳона, который никогда не оскудѣвалъ подвижниками; въ этомъ—громадное его значеніе. Закаляя духъ въ уединеніи и непрестанной молитвѣ, совершенно отрѣшаясь отъ міра и его мелочныхъ будничныхъ интересовъ, Аѳонскіе отшельники дѣлаются, по истинѣ, великими людьми и болѣе полезными для того міра, который они

---

[1]) Преосв. Порфирій. Исторія Аѳона. ч. 1. 73 стр.

оставили, чѣмъ живущіе въ мірѣ, но похожіе на трость, колеблемую вѣтромъ, общественные дѣятели жизни. Чуждые мелочнымъ интересамъ жизни, они такъ закаляютъ волю, что готовы въ каждую минуту жизни положить свой животъ за дорогую для нихъ идею, за идею православія. Въ этомъ значеніе Аѳона, гдѣ ни одна церковь не была обращена въ мечеть и гдѣ нѣтъ ни одного неправославнаго монастыря. Поэтому Аѳонъ вполнѣ справедливо называютъ училищемъ благочестія и оплотомъ православія. Услуги, оказанныя Аѳонскими иноками послѣднему, неоцѣнимы. Въ X—XIV вѣка, въ золотой вѣкъ монашества на Аѳонѣ, когда число монастырей здѣсь доходило до 150, а иноковъ—до 50 тысячъ, послѣдніе спасли чистоту православія, горячо вооружившись противъ ліонской и флорентійской уній и противъ попытокъ порабощенія православной Церкви подъ власть римскаго первосвященника—папы. Борьба съ католическою пропагандою, находившею покровительство у Византійскихъ императоровъ, стоила большихъ усилій и нерѣдко жизни. Извѣстно, что 26 Зографскихъ иноковъ заплатили мученическою смертію за вѣрность православію, будучи сожжены въ пиргѣ своего монастыря. Послѣ паденія Византіи и утвержденія на развалинахъ ея турокъ, исповѣдующихъ мусульманство, православные греки нашли надежный пріютъ для себя на святой горѣ, которая и подъ турецкимъ владычествомъ сумѣла сохранить полную независимость и не утратила ни чистоты вѣры, ни обрядовъ, ни духа истинно подвижнической жизни, ни церковнаго благолѣпія древней Византіи. Предметы христіанскаго культа и книжныя сокровища древней Византіи нашли здѣсь для себя надежный пріютъ. Здѣшніе ученые мужи (напр., митрополитъ Кипріанъ, пр. Максимъ Грекъ, Іоаннъ Вышенскій и др.,) своими переводами священныхъ книгъ и собственными сочиненіями оказали немалую услугу и Россіи.

За продолжительное время существованія Аѳонскаго монашества, поставленнаго природою и всею обстановкою въ особыя условія, сложился особенный, оригинальный типъ аѳонскаго монаха. На сколько мы успѣли съ нимъ познакомиться за время пребыванія на Аѳонѣ, этотъ типъ можно характеризовать слѣдующими чертами. Прежде всего, всѣмъ аѳонскимъ монахамъ присуща какая-то необыкновенная жизне-

радостность, соединенная съ радушіемъ и любезностью. Быть можетъ въ этой жизнерадостности сказывается вліяніе вѣчно-юной, вѣчно-зеленѣющей, красивой южной природы; можетъ быть она объясняется глубокимъ проникновеніемъ христіанскимъ настроеніемъ, которое жизнерадостно по самой своей природѣ. Во всякомъ случаѣ, трудно встрѣтить на Аѳонѣ монаха, живущаго въ монастырѣ, скиту, келліи, каливѣ, или даже подъ открытымъ небомъ, и недовольнаго судьбою и жизнію. Другою отличительною чертою аѳонскихъ иноковъ является ихъ крайній субъективизмъ, обусловливаемый, вѣроятно, одинокою, созерцательною жизнью. О чемъ бы не заговорили вы съ инокомъ, онъ непремѣнно приведетъ въ примѣръ себя; никогда не сошлется ни на исторію, ни на общественную жизнь, ни на опытъ другихъ, а непремѣнно на свой собственный опытъ. Наконецъ, аѳонскихъ иноковъ отличаетъ отъ простыхъ русскихъ монаховъ сравнительная интеллигентность. Необходимость конкурировать съ греками заставляетъ ихъ быть всегда на сторожѣ и ни въ чемъ не отставать отъ нихъ. Поэтому, хотя ученыхъ и немного на Аѳонѣ, а среди русскихъ, кажется, нѣтъ никого, серьезно занимающагося наукою, тѣмъ не менѣе большинство русскихъ аѳонскихъ иноковъ говоритъ или по гречески, или по турецки; дорожатъ книжными сокровищами своихъ библіотекъ, сами издаютъ душеспасительныя и относящіяся къ исторіи Аѳона сочиненія.

Есть-ли на современномъ Аѳонѣ выдающіеся подвижники,—этимъ вопросомъ какъ мы ни интересовались, не могли получить на него удовлетворительнаго отвѣта. „Какъ не быть? навѣрно есть,—говорили аѳонцы,—но только они, вѣдь, скрываются по пещерамъ и неизвѣстны міру; а отличающихся своею особенно строгою жизнью по разнымъ монастырямъ, конечно, всегда много“. Особенно указывали на одного подвижника, безмолствующаго въ Андреевскомъ скиту болѣе 30-ти лѣтъ, но намъ, къ сожалѣнію, не пришлось увидѣть его, такъ какъ мы были въ скиту во время торжества, по случаю котораго иноки такъ были всегда заняты, что некому было показать келлію знаменитаго молчальника. Здѣсь же, въ одной изъ келлій, принадлежащихъ Андреевскому скиту, живетъ о. Иннокентій (бывшій милліонеръ, крупный сибирскій золото-промышленникъ И. М. Сибиряковъ), ведущій

замѣчательно подвижническій образъ жизни. Въ этой келліи пять дней въ недѣлю не полагается ѣсть никакой горячей пищи, а масло и вино употребляются только по субботамъ и воскресеньямъ.

Что касается отрицательныхъ типовъ монашества, то несомнѣнно и такіе встрѣчаются въ почти десятитысячномъ населеніи Аѳона. Сиромахи и странствующіе монахи, промышляющіе милостынею, ведутъ себя иногда такъ, что Пантелеймоновцы не совѣтовали намъ уходить безъ провожатаго далеко отъ монастыря, въ лѣсъ, гдѣ можно встрѣтиться съ этими монахами. Штатные греческіе монастыри, а ихъ около половины, путеводитель скромно называетъ стоящими на низшей ступени восхожденія къ небу; а одинъ изъ недавнихъ посѣтителей Аѳонской горы пишетъ про нихъ: „не смотря на ангельскій чинъ, греческіе монахи, особенно богатыхъ, такъ называемыхъ штатныхъ монастырей, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, обладаютъ монашескими добродѣтелями въ весьма умѣренной степени, и „подвижниками“ ихъ можно назвать развѣ въ ироническомъ смыслѣ. Они допускаютъ личную собственность монаховъ, не признаютъ общей трапезы, а ѣдятъ каждый отдѣльно въ своей кельѣ и не гнушаются ни курочкой, ни барашкомъ. Къ молитвеннымъ правиламъ они относятся также свободно. „Что касается многочисленныхъ святогорскихъ келліотовъ, то ихъ подвижничеству сильно мѣшаетъ вѣчная забота о пропитаніи, такъ какъ всѣ Аѳонскіе монахи живутъ не плодами своихъ рукъ, а, главнымъ образомъ, благочестивыми пожертвованіями, чѣмъ объясняется назойливость русскихъ келліотовъ, разсылающихъ по Россіи во множествѣ письма съ просьбою о подаяніи. За то пещерниковъ, хотя такихъ въ настоящее время немного, и киновіотовъ en masse трудно упрекнуть въ чемъ либо. Пещерники все время проводятъ въ молитвѣ; питаются они дикими каштанами, желудями, кореньями, травами, и только изрѣдка употребляютъ хлѣбъ. Изъ своихъ пещеръ выходятъ они рѣдко, и то только для того, чтобы увидать своего духовника и причаститься Св. Тайнъ. Киновіоты на Аѳонѣ ведутъ также строго подвижническую жизнь. Прежде всего, они совершенно не имѣютъ своей воли и безусловно подчинены настоятелю, слово котораго для нихъ священно; безъ благословенія настоятеля

ни одинъ монахъ не можетъ даже выйти изъ стѣнъ своего монастыря. Настоятель знаетъ не только всѣ дѣйствія и поступки иноковъ, но и всѣ ихъ скрытые, сердечные помыслы. Въ субботу всѣ иноки обязаны, по здѣшнему уставу, исповѣдываться и причащаться Св. Христовыхъ Тайнъ. Собственности въ киновіи никто не имѣетъ; у нихъ все общее, все монастырское. Они всѣ носятъ совершенно одинаковую, простую одежду, начиная съ настоятеля и кончая послѣднимъ послушникомъ, и употребляютъ общую пищу. Трапезы въ киновіяхъ—очень скромныя. Обычно она бываетъ два раза въ день,—а по понедѣльникамъ, средамъ, пятницамъ и великимъ постомъ—только одинъ разъ въ день. Въ постные дни она состоитъ изъ однихъ овощей и хлѣба; рыба и масло постомъ не употребляются. Почти все время иноки киновій проводятъ въ молитвѣ и славословіи Творца. Въ полночь начинается утреня; тотчасъ послѣ утрени—ранняя литургія; а спустя нѣкоторое время—поздняя. За два часа до захожденія солнца начинается вечерня съ повечеріемъ. Подъ праздничные и воскресные дни совершаются всенощныя бдѣнія, продолжающіяся въ собственномъ смыслѣ всю ночь, обыкновенно 10—12 часовъ, а въ престольные праздники до 14 часовъ. Во время бдѣнія экклесіархъ, а иногда и самъ настоятель, обходитъ церковь и будитъ заснувшихъ или задремавшихъ. Кромѣ церковной молитвы существуетъ келейная, различная для разныхъ лицъ: послушниковъ, монаховъ и схимонаховъ. Наиболѣе тяжелое келейное правило—для схимонаховъ, которые, читая канонъ, должны положить 1,200 поясныхъ и 100 земныхъ поклоновъ. Послѣ послѣдней вечерней службы инокамъ запрещается строго ѣсть и пить. Нарушившій это запрещеніе кладетъ 50 поясныхъ или земныхъ поклоновъ и снова вычитываетъ повечеріе. Запрещается также послѣ повечерія сходиться въ келліяхъ и разговаривать. Такъ закаляется, очищается и возвышается духъ инока въ условіяхъ истинной киновійной жизни!

Конечно, можно спорить о сравнительной высотѣ киновійнаго и отшельническаго образа жизни, тѣмъ болѣе, что всякій монахъ по идеѣ есть прежде всего анахоретъ. Но если подвигъ анахоретства и труденъ, потому что человѣкъ, созданный для общественной жизни, когда удаляется въ пустыню, идетъ, такъ сказать, наперекоръ своей природѣ, то жизнь въ ки-

новіи не менѣе трудна. Правда, человѣкъ здѣсь живетъ въ средѣ подобныхъ себѣ, но, что самое главное, отрекается отъ своего я, отъ своей воли, которую предаетъ какъ бы на крестное распятіе. А что стоитъ человѣку, одаренному великимъ даромъ свободы, подчинить свою волю другому, стѣснять себя въ дѣйствіяхъ и даже въ самой мысли, и такимъ образомъ лишаться этого дара? Не подвигъ ли это, и притомъ великій? Жизнь киновіатовъ и многіе святые отцы считали слишкомъ высокою и не всѣми выносимою...

Въ бесѣдѣ объ этомъ, въ которой живое участіе приняли Преосвященный и профессора, и о другихъ соприкосновенныхъ вопросахъ, навѣянныхъ аѳонскими впечатлѣніями, затянулось время до полуночи, когда все болѣе и болѣе развивавшееся волненіе морское начало давать себя чувствовать обычнымъ въ такихъ случаяхъ „томленіемъ“ духа, особенно для нѣкоторыхъ, и мы одинъ по одному разошлись на отдыхъ.

18-е Іюня. Воскресенье. Въ Архипелагѣ.

Проснулись рано, и снова въ Дарданелахъ. Солнце хотя и встало, но было окутано тучами, и кругомъ лежала сѣроватая мгла. Среди нѣсколькихъ пароходовъ, стоявшихъ въ Дарданелахъ, мы скоро узнали и тотъ, на которомъ должны были ѣхать въ Яффу. Это былъ „Цесаревичъ“ — пароходъ довольно большой. Простившись съ любезнымъ капитаномъ парохода и нашимъ радѣтелемъ Н. А. Ивановымъ, главнымъ агентомъ Общества пароходства и торговли, которому мы были обязаны многими удобствами во время морского пути, мы на шлюпкахъ переправились на „Цесаревичъ“ и черезъ нѣкоторое время снова выѣхали въ Архипелагъ. На „Цесаревичѣ“, благодаря тому же Н. А-чу, намъ отдѣлили заднюю часть трюма, позволивъ располагаться на палубѣ и въ рубкѣ 2-го класса. Поэтому пять дней на „Цесаревичѣ“ мы провели довольно удобно, тѣмъ болѣе, что и море все время было спокойно, небольшая качка служила только развлеченіемъ, и чего особенно боялись—„морскаго томленія“, — почти совсѣмъ не испытывали.

Наше пребываніе на „Цесаревичѣ“ началось богослуженіемъ. По случаю воскреснаго дня о. Анастасій на верхней палубѣ

парохода въ присутствіи всѣхъ пассажировъ отслужилъ молебенъ.

Не смотря на то, что на пароходѣ пришлось провести пять полныхъ дней, плаваніе нимало не наскучило. Чудныя красоты Архипелага и Средиземнаго морей таковы, что ими трудно налюбоваться. Любуясь то темно-синимъ, то бирюзовымъ, то спокойнымъ, то слегка волнующимся, но всегда величаво-прекраснымъ моремъ, постоянно смѣняющеюся панорамою острововъ, обращающихъ на себя вниманіе своими причудливыми очертаніями, уходящими въ синюю высь своими бѣлоснѣжными заоблачными вершинами, мы и не замѣчали, какъ бѣжало время, хотя оно и было распредѣлено у насъ довольно однообразно. Вставали рано, такъ какъ спали большею частію на верхней палубѣ, а ее въ 5—6 часовъ уже начинали мыть матросы по описанному выше способу. Разумѣется, спать при такомъ мытьи было невозможно и поневолѣ поднимались рано. Но раннее вставаніе вознаграждалось тѣмъ, что мы любовались восходомъ солнца, дающаго на морѣ неописуемо-чудную картину, вслѣдствіе необыкновенно эффектнаго сочетанія красокъ и цвѣтовъ. Послѣ чаю обыкновенно разсыпались всѣ съ путеводителями въ рукахъ по громадному пароходу, восхищаясь открывающимися съ палубы все новыми и новыми видами острововъ, мимо которыхъ мы проѣзжали. Къ вечернему чаю приходили къ намъ наши классные пассажиры: преосвященный Ректоръ и профессора, и всѣ вмѣстѣ дѣлились впечатлѣніями дня.

Сегодня съ самого утра долго не сходили съ верхней палубы парохода: мы были въ водахъ Греціи, тамъ, гдѣ совершалась интересная исторія этого замѣчательнаго народа, создавшаго чудное поэтическое и беззаботное міросозерцаніе, напоминающее вѣчно ясное небо, подъ которымъ жилъ этотъ великій въ древности народъ. Налѣво отъ насъ виднѣются мѣста, гдѣ стояла древняя Троя, откуда происходилъ Парисъ-виновникъ знаменитой Троянской войны, знаменитой, главнымъ образомъ, потому, что ее воспѣлъ слѣпецъ Гомеръ, твореніемъ котораго наслаждаются люди всѣхъ временъ и націй. Здѣсь быстроногій Ахиллъ, которому помогала богиня Паллада, поразилъ защитника Трои, шлемоблещущаго Гектора; здѣсь подвизался хитроумный Одиссей

и много другихъ героевъ, дружившихъ съ самими богами Олимпа.

Отъ языческихъ временъ наша мысль перенеслась ко временамъ начала христіанства, ко времени двукратнаго посѣщенія Трои св. Ап. Павломъ. Въ первое свое посѣщеніе, какъ извѣстно, онъ имѣлъ здѣсь видѣніе, призывавшее его къ проповѣди въ Македоніи; во второй разъ св. Павелъ посѣтилъ Троаду по возвращеніи изъ Македоніи и воскресилъ здѣсь юношу Евтиха (Дѣян. XX, 9).

Направо кругомъ виднѣются гористые и скалистые острова, купающіеся въ свѣтло-синихъ водахъ Архипелага.

Пассажиры почти всѣ на палубѣ и любуются моремъ. Составъ ихъ-довольно разнообразный. Въ первомъ и во второмъ классахъ народу немного. Здѣсь ѣдутъ: священникъ Вишняковъ съ сыномъ, преподавателемъ Петербургской дух. семинаріи, присоединившіеся потомъ къ нашей компаніи, еще два священника, нѣсколько учащихся арабовъ, возвращающихся на каникулы изъ Россіи на родину, и одна учительница изъ Трипольской русской школы. Въ 3-мъ классѣ пассажировъ больше и составъ ихъ гораздо разнообразнѣе. Лучшія мѣста на носу и на палубѣ занимаютъ турки, расположившіеся съ своими многочисленными сундуками на перинахъ. Турки обыкновенно не берутъ билетовъ перваго и второго классовъ, но за то въ третьемъ классѣ любятъ располагаться съ комфортомъ; на массѣ перинъ и подушекъ, занавѣсившись кругомъ, съ запасомъ своей провизіи, турки и турчанки по цѣлымъ днямъ лежатъ, глубокомысленно созерцая небо, или покуривая кальянъ. Ихъ хорошенькіе ребятишки рѣзвятся тутъ же. Старшіе придерживаются самыхъ примитивныхъ педагогическихъ правилъ въ обращеніи съ дѣтьми и время отъ времени награждаютъ наиболѣе расшалившихся шлепками. Къ русскимъ турки относятся просто и добродушно. Иногда во время чаю, турокъ безцеремонно подставляетъ свой стаканъ и при этомъ очень любезно улыбается. Онъ и самъ не прочь иногда оказать какую нибудь услугу. Разъ мы играли на палубѣ съ маленькою дѣвочкою—турчанкой. Матери очевидно понравилось это. Она опустила руку въ чашку, изъ которой ѣла (ложекъ, какъ извѣстно, турки не употребляютъ), выудила оттуда большую мокрую маслину и съ любез-

ною улыбкою подала, прося мимикою открыть ротъ. Нечего было дѣлать, — пришлось взять эту несчастную маслину. Кромѣ турокъ, отправляющихся въ Мало-Азійскіе города по торговымъ дѣламъ или въ Мекку на поклоненіе священному камню, на пароходѣ много арабовъ въ синихъ, длинныхъ рубахахъ съ растегнутою, загорѣлою грудью, грековъ, въ невозможно широкихъ шароварахъ, и другихъ восточныхъ людей: болгаръ, сербовъ, и т. п. Русскихъ богомольцевъ не особенно много, такъ какъ паломническій сезонъ, обнимающій время отъ Рождества до Пасхи, уже кончился. Среди нихъ преобладаютъ женщины, преимущественно монашки, или вѣрнѣе, т. н. чернички. Мѣста они занимаютъ на пароходѣ худшія, на грязныхъ нарахъ въ открытыхъ проходахъ около машины, или въ глубинѣ трюма, куда никогда не проникаетъ Божій свѣтъ. Часто отравляетъ существованіе щельная фауна; даже отъ нападенія крысъ не гарантированъ простой паломникъ, путешествующій въ 3-мъ классѣ пароходовъ Русскаго Общества. Трудно себѣ представить, какъ проводятъ десять дней на пароходѣ паломники въ паломническій періодъ, когда съ однимъ рейсомъ отправляется около тысячи человѣкъ, когда безпрерывно идутъ дожди и приходится испытывать морскую качку, при скудномъ притомъ питаніи сухарями, вывезенными изъ какой-нибудь Иркутской или Красноярской губерніи. Но русскіе паломники, для которыхъ путешествіе во Св. Землю часто является осуществленіемъ мечты всей жизни, спокойно переносятъ непріятности морского пути и дѣлятъ время на пароходѣ между чаепитіемъ и чтеніемъ библіи или какихъ-нибудь назидательныхъ сочиненій.

Часовъ около 4-хъ нашъ пароходъ остановился у острова Митиленъ (древняго Лесбоса). Островъ—большой, гористый, лѣсистый и весьма красивый; у подошвы его амфитеатромъ раскинулся небольшой городокъ того-же имени. Едва-лишь пароходъ остановился, какъ заработала лебедка: стали выгружать и нагружать грузъ; пароходъ осадили пріѣхавшіе изъ города греки съ провизіею.

Черезъ часъ снова тронулись въ путь. Обыкновенно пароходы кругового рейса отъ Митиленъ идутъ параллельно азіатскому берегу и заходятъ въ одинъ изъ очень древнихъ и богатыхъ Малоазійскихъ городовъ—въ Смирну. Но теперь

въ Смирнѣ была оффиціально признанная чума и заходящіе туда пароходы должны выдерживать карантинъ; поэтому нашъ пароходъ отъ Митиленъ повернулъ направо и прямо отправился къ острову Хіосу.

Въ 8 часовъ вечера солнце, окрасивъ пурпуровымъ цвѣтомъ небо и море, быстро скрылось за горизонтомъ и темная ночь повисла надъ моремъ. Небо загорѣлось міріадами необыкновенно яркихъ звѣздъ и подулъ тихій, ласкающій лицо, теплый вѣтерокъ, слегка волновавшій потемнѣвшее, бархатное море. Кругомъ все словно уснуло: ни звука, ни движенія; только монотонный звукъ пароходнаго винта, оставлявшаго за собою длинный серебристый слѣдъ, нарушалъ эту торжественную нѣмую тишину ночи среди моря.

Часовъ около 11-ти нашъ пароходъ остановился для выгрузки товара у острова Хіоса [1]). Городъ того же имени широко раскинулся у подножія горы и смотрѣлъ теперь на насъ тысячами огней. Не смотря на поздній часъ, у парохода, едва лишь онъ остановился, поднялась суета, появились арабы, греки съ провизіею и разными мѣстными произведеніями, особенно навязывая хіосское варенье въ длинныхъ, узкихъ баночкахъ. Часамъ къ двѣнадцати пароходъ вышелъ изъ Хіосской бухты, и снова все успокоилось.

19-е Іюня. Понедѣльникъ. Въ Средиземномъ морѣ.

Послѣ острова Хіоса нашъ пароходъ нигдѣ не останавливался до Триполи, куда мы пріѣхали въ среду, въ 12 часовъ дня. Два дня безъ остановокъ мы плыли по морю. Сегодня цѣлый день лавировали между многочисленными островами Архипелага: большими и маленькими, отличающимися другъ отъ друга только величиною, устройствомъ же поверхности они очень напоминаютъ другъ друга. Всѣ они гористы, почти совершенно обнажены и мало населены. Только

---

[1]) Противъ Хіоса, на твердой землѣ, находится городъ Чесма, гдѣ былъ при Екатеринѣ Великой сожженъ Русскими турецкій флотъ, а часахъ въ 2-хъ пути отъ Чесмы находятся развалины знаменитаго нѣкогда города Ефеса, прославленнаго проповѣдію Ап. Павла, а также и пребываніемъ въ немъ Св. Іоанна Богослова, который провелъ здѣсь послѣдніе дни своей жизни.

около моря пріютились по мѣстамъ небольшіе города. Въ древности, во времена Греціи, здѣсь ключемъ кипѣла жизнь; острова эти были населены греческими колонистами; ихъ богатые города вели крупную торговлю; внутри шла борьба партій, борьба за самоуправленіе съ евпатридами и тиранами, граждане вели веселую, кипучую жизнь, служа музамъ; искусства процвѣтали. Теперь, жизнь на островахъ замерла; на нихъ ютятся небольшіе малонаселенные городки, живутъ большею частію греки или европейцы, которыхъ привлекаетъ сюда чудный благорастворенный климатъ острововъ.

Однообразіе острововъ наскучаетъ, и единственнымъ развлеченіемъ пассажировъ парохода являются дельфины—морскія свинки, стадами бѣгущія впереди парохода, или около него. Смѣшное ныряніе этихъ животныхъ, тягающихся въ быстротѣ бѣга съ пароходомъ, обращаетъ на себя вниманіе пассажировъ и немало забавляетъ ихъ. Часовъ около 3-хъ нашъ пароходъ проходилъ мимо о. Родоса, лежащаго на Средиземномъ морѣ, въ концѣ Архипелага, и мы такимъ образомъ въѣзжали въ великій водный бассейнъ, омывающій берега трехъ частей свѣта. Островъ очень большой: онъ виденъ съ парохода въ продолженіи почти трехъ часовъ. Въ одно время пароходъ подходитъ довольно близко къ острову, такъ что можно разсмотрѣть на немъ церкви, мечети, развалины старинныхъ зданій, множество вѣтряныхъ мельницъ, похожихъ, благодаря своимъ крыльямъ, на громадныхъ птицъ. За Родосомъ [1]) открылось безбрежное водное пространство, когда мы въѣхали въ Средиземное море. Море по прежнему оставалось спокойнымъ, и наше плаваніе не только не было утомительнымъ, но походило на чудную прогулку. Особенно хорошо было на палубѣ парохода по вечерамъ, когда ночь бросала кругомъ свой таинственный покровъ, небо загоралось міріадами звѣздъ, а съ моря поднимался теплый ласкающій вѣтерокъ. Долго по вечерамъ пассажиры, какъ тѣни, бродили по палубѣ, прислушиваясь къ ночной тишинѣ. Къ ночи море стало слегка пошаливать. Ожидаемъ морского

---

[1]) Противъ Родоса на берегахъ Анатоліи находится городъ Патаръ, мѣсторожденіе Св. Николая Чудотворца.

„томленія“, пароходъ начинаетъ правильно, хотя и не сильно, покачиваться. Большинство переходитъ спать съ палубы въ темный, сырой, похожій на подвалъ, трюмъ, гдѣ располагается прямо на полу, на разостланныхъ брезентахъ, совсѣмъ по паломнически.

20-е Іюня. Вторникъ. По Средиземному морю.

Съ самого утра кругомъ нашего парохода безконечное водное пространство. Свѣтло-синія воды Средиземнаго моря по прежнему подернуты легкою зыбью; пароходъ качаетъ довольно сильно. На палубѣ царитъ унынie. Пассажиры ходятъ съ угрюмыми вытянутыми лицами. Унынie—вѣрный признакъ приближающейся морской болѣзни, морского томленія. И дѣйствительно, нѣкоторые изъ пассажировъ пострадали. Пострадалъ одинъ и изъ нашихъ. Зная, что наиболѣе надежное средство отъ головокруженія—результата морской качки, со всѣми его непріятными послѣдствіями — горизонтальное положеніе, многіе цѣлый день лежали. Общая столовая опустѣла. Обѣдать рѣшались только тѣ, кто ранѣе не испытывалъ всѣхъ невыразимыхъ прелестей морской болѣзни и думалъ, что для полнаго представленія о морскомъ путешествіи необходимо пережить и „морское томленіе“.

Къ вечеру море успокоилось и качка прекратилась. Пассажиры стали выползать изъ своихъ норъ и палуба снова оживилась. Налѣво отъ парохода показался вдали островъ Кипръ, съ которымъ соединяется христіанское преданіе о пребываніи тамъ въ теченіи нѣкотораго времени Божіей Матери у св. Лазаря четвородневнаго, тамъ епископствовавшаго. По языческой же миѳологіи, у береговъ Кипра, изъ свѣтлой морской пѣны, по воззрѣніямъ древнихъ грековъ, вышла богиня Киприда. Успокоившееся море было необыкновенно красиво сегодня. Солнце какъ то особенно ласково смотрѣло съ высоты неба и вѣтерокъ ласкался нѣжнѣе. Въ такой вечеръ легко было понять, почему греки населяли всѣ берега Средиземнаго моря чудными, поэтическими призраками своего горячаго воображенія....

Турки принялись за свою вечернюю трапезу. Намѣшавъ въ большую деревянную миску маслинъ, баклажанъ и еще

какихъ-то плодовъ, они пьютъ изъ нея по очереди, ловятъ руками плоды, обсасывая пальцы послѣ каждой такой операціи. Затѣмъ заварили кофе и задымили кальянъ. Вечеряютъ и русскіе крестьяне. Вотъ старичекъ, отправившійся въ путешествіе три мѣсяца тому назадъ, по обѣщанію, послѣ болѣзни, изъ Иркутской губерніи, досталъ изъ своей сумы „домашнихъ“ сухарей; зачерпнувъ воды въ ковшикъ, положилъ туда сухарей, помолился Богу и, подождавъ нѣкоторое время, чтобы сухари размякли, принялся ихъ грызть. Окончивъ свою неприхотливую трапезу, онъ выплеснулъ въ море остатокъ воды, снова помолился Богу, тщательно вытеръ тряпкою свой ковшикъ и убралъ свою суму. Недалеко отъ него богомолки расположились за чаемъ, который онѣ пьютъ, покрайней мѣрѣ, шестой разъ. Онѣ предлагаютъ „дѣдушкѣ“ чашечку, но онъ машетъ рукою: „пейте сами, я и такъ, слава Богу, сытъ. Вамъ молодымъ-то и чайкомъ можно побаловаться, а намъ старикамъ куды, грѣшно“.

Арабы между тѣмъ на палубѣ организовали хоръ, если такъ позволительно выразиться. Странные звуки ихъ пѣсни съ безконечными переливами далеко разносятся по спокойному морю. Она такъ же жива и подвижна, какъ и сами арабы, и въ ней такъ же часто настроенія смѣняются одно другимъ, какъ и у этихъ сыновъ пустынь. Заунывная сначала пѣсня перешла подъ конецъ въ пляску. Поставивъ на голову графинъ съ кальяномъ, черный, словно негръ, арабъ, началъ плясать, выдѣлывая ногами разныя фигуры подъ размѣренное хлопанье въ ладоши сосѣдей-арабовъ. А кругомъ,— тишина необъятнаго потемнѣвшаго моря, словно сосредоточенно думающаго свою вѣковѣчную думу, разсѣкаемаго могучею грудью гиганта—парохода и разсыпающагося чуднымъ фосфорическимъ блескомъ волнъ. Долго любовались мы въ этотъ вечеръ такою волшебною картиною.

21-ое Іюня. Среда. Въ Триполи.

Первое, что увидѣли мы, проснувшись сегодня утромъ, это—Сирійскій берегъ и окаймляющіе его Ливанскія горы съ ихъ сіяющими бѣлоснѣжными вершинами. Онъ обрисовывался издалека волнистою линіею и манилъ къ себѣ. Нашъ пароходъ направлялся прямо къ нему, гдѣ у Триполи,

по росписанію, долженъ простоять 5—6 часовъ. Въ [виду Триполи мы остановились около полудня. Солнце палило, и утопающій въ зелени садовъ городъ, далеко раскинувшійся по набережной, казался подернутымъ золотистою дымкою. Едва лишь остановился нашъ пароходъ, какъ на него напали лодочники арабы: одни—съ провизіею и всевозможными предметами, другіе—съ предложеніемъ свезти на берегъ. И тѣ и другіе, какъ всегда, необыкновенно назойливы, особенно первые. Сидишь и пишешь, напримѣръ, на палубѣ. Вдругъ кто-то схватываетъ тебя за ногу; оглядываешься—предъ тобою стоитъ улыбающійся арабъ, на ногѣ уже нѣтъ штиблета, а надѣта желтая туфля: такъ мимически рекомендуетъ онъ свой товаръ. Впрочемъ и вторые бываютъ иногда хороши. Порядившись съ русскими паломниками свезти ихъ на берегъ и обратно за два-три піастра (16—24 коп.), они, если до отхода парохода остается недолго, или поднимается буря, запрашиваютъ за обратную доставку на пароходъ съ берега, вмѣсто условленнаго 1—1½ піастра, одинъ—два меджида (1 р. 60—3 р. 20 коп.), и везутъ только тогда, когда отдашь впередъ плату, требуемую ими. Въ такихъ случаяхъ арабы-лодочники дѣйствуютъ навѣрняка. Жаловаться консулу—значитъ пропустить пароходъ и жить въ чужомъ городѣ, тратя ежедневно 1—2 меджида, рискуя при этомъ лишиться вещей, оставшихся на уходящемъ пароходѣ. Лучше ужъ заплатить 1—2 меджида арабамъ за лодку. Такъ въ подобныхъ случаяхъ большею частію и дѣлаютъ. Нѣкоторые и изъ нашихъ на обратномъ пути, заѣхавъ въ Мерсину, подверглись подобной же участи, вынужденные заплатить по чирeку (40 к.) вмѣсто піастра (8 к.) въ виду парохода, къ которому не хотѣли подъѣзжать арабы, не получивъ требуемаго, въ то время какъ море волновалось, ежеминутно угрожая опрокинуть нашу утлую лодку. Сегодня наша переправа, впрочемъ, совершилась безъ всякихъ приключеній, благодаря ѣхавшему съ нами семинаристу—арабу, сыну мѣстнаго священника, и брату его, студенту Петербургскаго университета, выѣхавшему для встрѣчи своего брата. Эти молодые люди, весьма симпатичные, и организовали переѣздъ нашъ на берегъ, отстоящій почти на версту отъ парохода, который останавливается такъ далеко въ виду подводныхъ прибрежныхъ камней. Высадились мы на набережной предмѣстья

Триполи—Ел-Мина. Здѣсь встрѣтилъ Преосвященнаго Митрополитъ Трипольскій Григорій съ двумя священниками. Встрѣча была самая сердечная. Благословивъ и облобызавъ насъ, Владыка пригласилъ къ себѣ въ лѣтнее помѣщеніе, находящееся здѣсь же—въ предмѣстьи, куда мы и отправились въ сопровожденіи Митрополита. Мы очутились въ городѣ, въ настоящемъ, типичномъ восточномъ городѣ. Правда, архитектура домовъ, суетня на улицахъ сильно напоминали Константинополь; но здѣсь мы впервые увидѣли кораблей пустыни—верблюдовъ и чисто тропическую флору. Громадные верблюды съ серьезными, умными мордами расположились поперекъ улицы, такъ что заняли всю дорогу и намъ приходилось обходить ихъ. Здѣсь же, вмѣстѣ съ верблюдами, масса ословъ и муловъ, на которыхъ обыватели перевозятъ тяжести, такъ какъ на экипажахъ возить что-нибудь по улицамъ Малоазійскихъ городовъ весьма затруднительно. Изъ флоры обращаютъ здѣсь особенное вниманіе кактусы. Ихъ на Востокѣ такъ же много, какъ у насъ въ Россіи въ пустынныхъ мѣстахъ крапивы. Подобно послѣдней они неприхотливы; ростутъ вездѣ, и часто образуютъ живую изгородь, словно гигантскими лапами защищая сады обывателей отъ посягательства на нихъ со стороны сосѣдей. Эти кактусы охраняютъ, большею частію, лимонные и апельсинные сады, которыхъ здѣсь множество. Вообще Триполи—городъ садовъ, придающихъ ему красивый видъ со стороны моря.

Черезъ четверть часа, при настоящей тропической жарѣ, мы пришли на дачу Митрополита. Но съ понятіемъ объ этой дачѣ нужно соединять совершенно иное представленіе, чѣмъ какое обыкновенно у насъ существуетъ о дачахъ вообще, и объ архіерейскихъ въ частности. Дача Сирійскаго Митрополита — небольшой каменный домикъ, съ маленькимъ дворомъ, безъ сада, съ крошечною квадратною гостиной. Вдоль стѣнъ расположены самые простые диваны, нѣсколько деревянныхъ стульевъ, безъ стола, стѣны безъ обой, потолокъ съ трещинами, — вотъ и вся обстановка гостиной Трипольскаго Владыки. Мы, въ количествѣ 15-ти человѣкъ, съ трудомъ помѣстились въ этой гостиной, притомъ нѣкоторымъ пришлось стоять. Оказалось затѣмъ, что до прошлаго года тутъ было постоянное мѣстожительство Митро-

полита, но онъ, ревнуя о просвѣщеніи дѣтей, пожертвовалъ это зданіе для школы, самъ же поселился въ домѣ одного своего хорошаго знакомаго, въ самомъ городѣ. Теперь же, въ виду окончанія занятій въ помѣщавшейся здѣсь школѣ, она служитъ лѣтомъ дачею Митрополита. Но простота обстановки искупалась тѣмъ радушіемъ, тою любовію, съ какою онъ отнесся къ намъ. Съ какимъ интересомъ разспрашивалъ онъ насъ о путешествіи, о Россіи, о Москвѣ, Сергіевой Лаврѣ!... Владыка очень сочувственно отнесся къ цѣли нашего путешествія, разсказывалъ о положеніи дѣлъ въ своей епархіи, которая оказывается не болѣе нѣкоторыхъ Московскихъ приходовъ, и выразилъ желаніе сопровождать насъ при осмотрѣ города. Въ маршрутъ осмотра города входило посѣщеніе двухъ православныхъ арабскихъ храмовъ: св. Георгія и св. Николая, русскихъ школъ Палестинскаго общества для арабскихъ дѣтей и развалинъ старинной крѣпости. Но посѣтить школы, о которыхъ мы много слышали и организація которыхъ насъ очень интересовала, намъ не удалось, такъ какъ завѣдующій школами отказался руководить нами подъ тѣмъ предлогомъ, что ему некогда,—у него—гости (?!) [1]).

Отъ Эл-Мины—предмѣстья Триполи, гдѣ находится пристань и жилище Митрополита Григорія, до самого города нѣсколько верстъ. Преосвященный вмѣстѣ съ профессорами въ сопровожденіи митрополита отправился туда въ коляскахъ; мы—на конкѣ, запряженной чрезвычайно крупными ослами, бѣгающими со скоростью трамвая. У станціи конки, по обычаю, толпа глазѣющихъ, среди которыхъ шмыгаютъ разносчики разныхъ товаровъ и преимущественно продавцы воды, лимонада и мѣстнаго кваса, настоеннаго на какомъ то корнѣ и имѣющаго весьма острый вкусъ. Всѣ эти напитки хранятся у нихъ въ оригинальныхъ восточныхъ сосудахъ, заткнутыхъ пальцами. Отниметъ разносчикъ палецъ, и квасъ фонтаномъ брызжетъ въ стаканъ, находящійся у него же за поясомъ. Дорога отъ Эл-Мины до Триполи тянется по-

---

[1]) Правда, это печальное недоразумѣніе старался потомъ выяснить завѣдующій школами, явившійся вечеромъ на пароходъ представиться Преосвященному, но фактъ остался фактомъ: мы лишены были удовольствія посѣтить школы, не смотря на настоятельныя приглашенія учащихъ и дѣтей школъ, мимо которыхъ мы проходили. Это—одинъ изъ прискорбныхъ инцидентовъ нашего путешествія...

среди безконечной цѣпи садовъ, апельсинныхъ и лимонныхъ рощъ, выглядывающихъ изъ-за высокихъ каменныхъ заборовъ, или защищенныхъ широкими лапами кактусовъ.

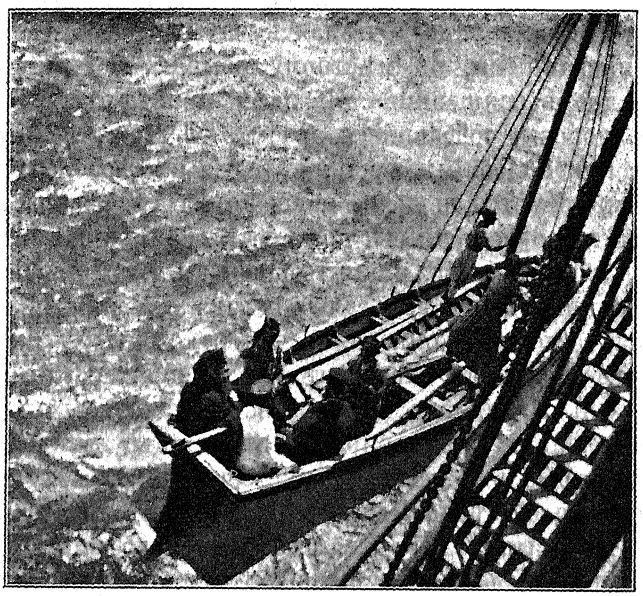
Едва лишь мы пріѣхали въ Триполи, какъ на насъ сдѣлали настоящее нападеніе... уличные мальчишки. Они цѣлою толпою сопровождали насъ все время, пока мы ходили по городу. Это, большею частію, ученики русскаго Православнаго Палестинскаго Общества; всѣ они говорятъ по русски, нѣкоторые даже очень хорошо, и теперь были рады поупражняться въ русскомъ разговорѣ и примѣнить къ дѣлу свои познанія, которыя они старались наперерывъ другъ передъ другомъ обнаружить передъ нами. „Я знаю всѣ большія рѣки въ Россіи, а я—всѣ города“, перебивали они другъ-друга. Въ городѣ мы посѣтили преосвященнаго Митрополита въ его наемномъ помѣщеніи. Страннымъ съ нашей русской точки зрѣнія показалась семейственность обстановки квартиры и общедоступность Владыки, благодаря чему всѣ безъ различія пола и возраста скоро наполнили все довольно обширное помѣщеніе его, совершенно не стѣсняясь и безцеремонно разглядывая насъ. Дѣти свободно подходили къ Преосвященному, дергали за полы рясы, лепетали по русски съ характернымъ горловымъ арабскимъ акцентомъ, вдругъ запѣвали „Спаси, Господи“, „Боже, Царя Храни“. Такая простота отношеній несомнѣнно весьма привлекательна. Послѣ обычнаго восточнаго угощенія, мы во главѣ съ Преосвященными, сопровождаемые массою народа, преимущественно же дѣтей, отправились въ каѳедральный соборъ. Это—большой, трехпрестольный храмъ, свѣтлый и чистый. Престолы и полъ мраморные; въ одномъ придѣлѣ нѣтъ царскихъ вратъ, а только завѣса. Отсутствіе росписи въ храмѣ, а также очень малое количество иконъ придаютъ обширному храму характеръ пустоты. Храмъ быстро наполнился народомъ, учащими—преимущественно учительницами—и учащимися изъ школъ Палестинскаго Общества. Обычная суетливость и подвижность восточныхъ народовъ не нашла себѣ ограниченія даже въ святости мѣста. Вотъ нѣсколько мальчиковъ бѣгутъ въ алтарь, и даже черезъ царскія врата, хватаютъ оттуда иконы, кресты, хоругви и выносятъ ихъ во срѣтеніе Преосвященному; другіе въ разныхъ мѣстахъ свѣчи зажигаютъ; тамъ раздаются какіе-то восторженные звуки; одна изъ учитель-

ницъ арабокъ, типичной красоты, организуетъ изъ этихъ восторженныхъ дѣтей хоръ, который подъ ея управленіемъ спѣлъ нѣсколько молитвъ на славянскомъ языкѣ и гимнъ „Боже, Царя храни“. Въ это время Преосвященный съ Митрополитомъ осматривали храмъ. Въ алтарѣ показали Преосвященному роскошное евангеліе на славянскомъ языкѣ, и нѣкоторые изъ присутсвовавшихъ здѣсь арабскихъ священниковъ показывали свое умѣніе читать по славянски, что̀ видимо доставляло имъ великое удовольствіе. Оставивъ здѣсь лепту на нужды храма и благословивъ всѣхъ предстоящихъ при общемъ пѣніи „εἰς πολλά....“, Преосвященный Арсеній оставилъ храмъ. До экипажей сопровождала насъ многочисленная толпа народа съ возгласами „московъ, московъ“, съ пѣніемъ дѣтей. Это была картина — библейская, священная! Глядя на нее, поймешь многія священныя событія, сопровождавшіяся энтузіазмомъ народнымъ..... Отсюда всѣ направились обратно въ Ел-Мина, куда мы приглашены были любезными молодыми Хащабами посѣтить домъ ихъ родителей—священника и матушки.

Это предложеніе намъ сильно улыбалось. Во первыхъ, послѣ долгаго шатанія по узкимъ и грязнымъ улицамъ города подъ тропическою жарою пріятно было отдохнуть; во вторыхъ,—это самое главное,—намъ давно уже хотѣлось заглянуть за таинственное жалюзи и познакомиться съ внутреннею обстановкою восточнаго дома, еще интереснѣе было познакомиться съ домомъ мѣстнаго священника; поэтому мы приняли предложеніе Хащабовъ съ благодарностью и всѣ вмѣстѣ, въ сопровожденіи митрополита Григорія, отправились туда. По лабиринту Трипольскихъ улицъ насъ вела 8—10 лѣтняя дочь священника, хорошенькая Роза, которой, повидимому, это доставляло не малое удовольствіе и служило для нея даже предметомъ гордости. Радушіе, съ какими насъ встрѣтило семейство о. Chachabe превзошло наши ожиданія. Казалось, что мы попали въ патріархальную семью русскаго захолустнаго священника - хлѣбосола, гдѣ атмосфера, обычно, такова, что сразу чувствуешь себя, какъ дома. Чувствовать себя какъ дома, кромѣ необыкновеннаго радушія хозяевъ, немало располагало и то обстоятельство, что оба сына священника прекрасно говорятъ по русски, а жена старшаго изъ нихъ (студента Пет. Универ-

ситета)-русская. У о. Chachabe насъ совершенно запотчивали различными мѣстными блюдами, при чемъ митрополитъ запросто вмѣстѣ съ нами сидѣлъ у священника, повидимому, нимало не стѣсняя его, принималъ живое участіе въ общей бесѣдѣ и раздѣлилъ съ нами трапезу. Мѣстные арабы были чрезвычайно заинтересованы нашимъ посѣщеніемъ священника и скоро крыши сосѣднихъ домовъ наполнились любопытными, которые безцеремонно разглядывали посѣтителей батюшки. Калитка садика, гдѣ мы расположились, поминутно отворялась, и оттуда просовывались любопытствующія лица, а цѣлая куча арабскихъ дѣтишекъ, съ татуированными, по мѣстному обычаю, ногтями, собралась во дворъ священника. На наши привѣтствія „мархаба" (будьте здоровы) собравшіеся арабы отвѣчали веселыми возгласами или подобными-же привѣтствіями. Послѣ обѣда, чаю и кофе мы осмотрѣли домъ священника, устроенный, какъ и большинство восточныхъ домовъ. Высокія, узкія и почти пустыя комнаты, полъ, покрытый коврами, и мягкія длинныя подушки вдоль стѣнъ для сидѣнья (турецкіе диваны)— вотъ вся во́сточная комната, въ которую къ тому же скупо просачивается свѣтъ сквозь рѣшетчатыя окна. Крыша—совершенно плоская, какъ почти у всѣхъ восточныхъ домовъ, приспособленная для собиранія въ періодъ дождей воды, которая стекаетъ отсюда въ цистерны, имѣющіяся почти при каждомъ домѣ на Востокѣ. Затѣмъ о. Д-анъ произнесъ многолѣтіе митрополиту и любезнымъ хозяевамъ. Наше одушевленное пѣніе, архидіаконскій голосъ произвели чрезвычайный ефффектъ на арабовъ, присутствовавшихъ тутъ и на сосѣднихъ кровляхъ. Особенно же былъ доволенъ самъ преосвященный Митрополитъ, отъ всей души благодарившій насъ за великое удовольствіе, доставленное ему; а архидіаконскій голосъ положительно поразилъ его,—что́ дало поводъ къ добродушнѣйшимъ шуткамъ..... Послѣ этого мы посидѣли нѣсколько времени на дворѣ, подъ сѣнію громадной смоковницы, въ пріятныхъ разговорахъ, въ которыхъ принимала живое участіе старушка-матушка, добрѣйшая и благодушнѣйшая женщина. Самъ о. Абдула́ (Θеодулъ), лѣтъ за 60-ть, очень степенный старикъ, съ постоянною улыбкою на лицѣ, но молчаливый, ходилъ все кругомъ насъ, выражая свои чувства довольства большею или меньшею улыбкою.

Незамѣтно промелькнуло время подъ радушною кровлею гостепріимнаго хозяина; день уже близился къ вечеру; плавно покачивавшійся вдали на морскихъ волнахъ „Цесаревичъ“ напоминалъ своимъ видомъ, что нужно торопиться, если мы не хотимъ остаться надолго въ Триполи. Поэтому, распростившись съ любезнымъ семействомъ священника, причемъ долго повторялись съ обѣихъ сторонъ восклицанія: „мархаба“ (будьте здоровы), „пхатракъ“ (прощайте), мы поторопились на пристань, гдѣ насъ уже поджидали лодочники-



Прощаніе съ Триполійскимъ Митрополитомъ Григоріемъ.

арабы. Провожалъ до пристани Владыка Митрополитъ, котораго мы успѣли полюбить до глубины души за его простоту и сердечное отношеніе къ намъ. Прощаніе было очень трогательное, и Владыка взялъ слово съ Преосвященнаго, что онъ на обратномъ пути вмѣстѣ съ нами опять посѣтитъ его и послужитъ въ соборѣ, чѣмъ доставитъ великое удовольствіе ему и всѣмъ православнымъ жителямъ Триполи. Благополучно добрались мы до парохода, хотя лодка и немало напрыгалась подъ напоромъ разыгравшихся волнъ. Съ парохода долго любовались Триполи, сверкавшимъ сотнями

огней, трепетавшихъ въ потемнѣвшихъ волнахъ моря, дѣлясь впечатлѣніями дня. Личность митроп. Григорія занимала центральное мѣсто въ воспоминаніяхъ дня.

И дѣйствительно, митроп. Григорій, насколько мы успѣли непосредственно узнать его, а также на основаніи свѣдѣній, полученныхъ нами съ разныхъ сторонъ, является однимъ изъ видныхъ дѣятелей православной Церкви [1]). Вступивши въ управленіе Трипольскою митрополіею, молодой, тридцатилѣтній митрополитъ со всею энергіею посвятилъ себя дѣлу служенія своей паствѣ. Митрополитъ Григорій обратилъ прежде всего свое вниманіе на умиротвореніе паствы, среди которой существовалъ сильный раздоръ, печально отражавшійся и на управленіи церквами и ихъ имѣніями; многія школы вслѣдствіе этого были закрыты. Затѣмъ онъ обратилъ особенное вниманіе на борьбу съ инославною-католическою и протестантскою пропагандою, которая дѣйствовала съ большимъ успѣхомъ въ Сиріи посредствомъ золота и предоставленія совращеннымъ житейскихъ выгодъ. Самыми лучшими средствами противъ этого митр. Григорій считалъ оживленіе внутренней церковной жизни и просвѣщеніе. Поэтому, по вступленіи на каѳедру, онъ принялся за возстановленіе церковныхъ порядковъ, возобновлялъ храмы, открывалъ школы, часто на собственныя средства, относясь вмѣстѣ съ тѣмъ съ большимъ сочувствіемъ къ просвѣтительной дѣятельности Палестинскаго Общества. Заботясь о мѣстномъ національномъ клирѣ, митр. Григорій открылъ для этой цѣли бого-

---

[1]) Родился онъ въ 1859 году, въ одномъ изъ селъ Ливана, отъ благочестивыхъ родителей; учился сначала дома въ начальной школѣ, а затѣмъ—въ Бейрутской Трехъ-Святительской школѣ. Въ 1879 году онъ былъ посвященъ въ санъ іеродіакона, а въ 1880 году въ санъ іеромонаха и сдѣлался однимъ изъ усерднѣйшихъ помощниковъ и сотрудниковъ митрополита Бейрутскаго Гавріила, который ему покровительствовалъ. Своею неутомимою плодотворною дѣятельностію, благородствомъ характера и примѣрною христіанскою жизнью онъ стяжалъ себѣ общее уваженіе, такъ что, не смотря на молодость его, онъ уже въ 1884 году былъ избранъ на каѳедру Алеппскаго митрополита, отъ которой, впрочемъ, отказался, не желая разстаться съ своимъ покровителемъ, митрополитомъ, тяжко болѣвшимъ въ то время. Но въ 1890-мъ году антіохійскій соборъ епископовъ вторично избралъ его уже на Триполійскую каѳедру, которую онъ и принялъ по настойчивому убѣжденію самого митрополита Гавріила.

словское училище при монастырѣ Пресвятой Богородицы въ Белемендѣ, близъ Триполи. Къ сожалѣнію, недостатокъ средствъ препятствуетъ надлежащей постановкѣ дѣла въ школѣ, изъ которой должны выходить достойные служители Церкви, для укрѣпленія пасомыхъ въ православной вѣрѣ и огражденія ихъ отъ совращеній. Въ послѣднее время она даже закрыта. Дай Богъ всякаго успѣха ревностному Архипастырю! По его собственнымъ словамъ, ему тяжко бороться противъ враговъ православія, сильныхъ средствами и обѣщаніями матеріальныхъ выгодъ!....

Ночью, въ 11-ть часовъ, снялся пароходъ съ якоря, и мы направились къ Бейруту. Море довольно сильно разыгралось; пароходъ трепало; угрожала опасность качки и ея послѣдствій, а потому всѣ поспѣшили уединиться въ каюты.

22-е Іюня. Четвергъ. Въ Бейрутѣ.

Раннимъ утромъ мы были уже въ виду Бейрута. Впрочемъ, что было только утро, объ этомъ можно было заключить лишь по часамъ. Солнце, давно уже поднявшееся изъ за моря, теперь было уже въ зенитѣ: палило и красиво переливалось въ синевато-зеленоватыхъ волнахъ спокойнаго моря. Раскаленный воздухъ словно дымкою задергивалъ отъ насъ красивый городъ, раскинувшійся амфитеатромъ, какъ большинство восточныхъ городовъ, утопая въ зелени садовъ. Въ Бейрутѣ пароходъ остановился недалеко отъ берега; благодаря тому, что нашу переправу на берегъ организовалъ ѣхавшій съ нами товарищъ, бейрутскій арабъ, Илья Абурусъ, мы доѣхали благополучно и удобно, были избавлены отъ назойливости нахальныхъ и безцеремонныхъ арабскихъ лодочниковъ.

Самый городъ произвелъ на насъ очень благопріятное впечатлѣніе. Правда, онъ вполнѣ выдерживаетъ типъ всѣхъ восточныхъ городовъ; въ немъ тѣже узкія улицы, тѣже плоскія крыши, тѣже высокіе, ящико-образные дома, тѣже стройные минареты, какъ и въ другихъ восточныхъ городахъ; такъ же много собакъ, какъ и вездѣ; такъ же пестра и шумлива уличная толпа, въ которой феска смѣшалась съ монашескимъ клобукомъ, чалма съ англійскою шляпою

и причудливый костюмъ араба съ изящнымъ костюмомъ европейца; наконецъ, такъ же вся жизнь на улицѣ: продаютъ, варятъ, стригутъ, мѣняютъ, играютъ и отдыхаютъ. Но Бейрутъ гораздо чище и Константинополя, и Триполи, что не мало располагаетъ туриста въ его пользу. Съ другой стороны, въ Бейрутѣ поражаетъ пріятно необыкновенно пышная, роскошная растительность. Къ нему вполнѣ примѣнимы слова Байрона: „прелестный край—гдѣ цѣлый годъ весна роскошная цвѣтетъ.., гдѣ океана свѣтлый взоръ играетъ тѣнью синихъ горъ“. Бейрутскіе кипарисы какъ будто стройнѣе и выше другихъ; банановыя, гранатовыя, апельсинныя, лимонныя и другія деревья роскошны, цвѣты олеандра, бѣлой акаціи, жасмина и т. д. ярче и красивѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, а оригинальные кактусы безцеремоннѣе: и въ садахъ, и на морскомъ берегу, и даже посреди улицъ, однимъ словомъ, куда ни бросишь взглядъ—вездѣ видишь широкія лапы кактусовъ. Бейрутъ — городъ, по преимуществу, торговый. Онъ гораздо больше Іерусалима, Триполи. Поэтому пройтись по его базарной улицѣ довольно интересно, хотя это и не легко сдѣлать, такъ какъ буквально приходится проталкиваться среди безконечнаго ряда ословъ, навьюченныхъ верблюдовъ, часто загораживающихъ всю дорогу, и пестрой, разнообразной толпы, среди которой женщинъ-арабокъ съ стройнымъ станомъ и красивыми, темными глазами встрѣчается гораздо болѣе, чѣмъ въ другихъ городахъ Востока; и ходятъ онѣ съ открытыми лицами, такъ какъ большинство мѣстныхъ арабовъ—христіане. Здѣсь, въ Бейрутѣ, какъ и въ Триполи, насъ всюду сопровождала толпа мальчишекъ, обучающихся въ русскихъ школахъ Палестинскаго Общества.

Прежде всего мы отправились за благословеніемъ къ мѣстному митрополиту Гавріилу. Проходили мы мимо прекрасной снаружи церкви во имя Святителя Николая [1]),

---

[1]) Тутъ, какъ и въ Триполи, каѳедральный соборъ во имя Великомученика Георгія Побѣдоносца. Достойно замѣчанія, что на Востокѣ широко распространено почитаніе св. Великомученика Георгія; тамъ онъ такъ чтится, какъ у насъ святитель Николай Чудотворецъ. Въ Бейрутѣ же—особенныя основанія для прославленія Святого. Въ верстѣ отъ Бейрута находится то мѣсто, гдѣ св. Георгій, явившись царской дочери, выведенной на съѣденіе змѣю, избавилъ ее отъ смерти, поразивъ змѣя

теперь украшенной гирляндами цвѣтовъ. Предъ самымъ же входомъ въ архіерейскій дворъ высились величественныя тріумфальныя ворота. Оказалось, что это готовится Бейрутцами торжественная встрѣча недавно избранному патріархутуземцу Мелетію, который прибудетъ сюда завтра изъ Дамаска, въ первый разъ въ санѣ патріарха. Кто знаетъ исторію этого избранія и значеніе его для Сирійской Церкви, тотъ представитъ себѣ, какія торжества уготовлялъ Бейрутъ *своему* Патріарху.... Нечего и говорить, какъ намъ желательно было присутствовать на этихъ торжествахъ, но это значило бы измѣнить своему маршруту, которому мы покамѣсть строго слѣдовали; притомъ же пароходъ нашъ послѣ полудня долженъ былъ сняться съ якоря, а ждать другого пришлось бы нѣсколько дней. Намъ пришлось только пройти черезъ эти ворота и мысленно представить тѣ торжества, которыя, какъ намъ потомъ пришлось слышать, дѣйствительно представляли нѣчто изъ ряда выдающееся.

Войдя въ домъ митрополита, мы нѣсколько минутъ поджидали Владыку, который совершенно не былъ освѣдомленъ о точномъ времени прибытія Преосвященнаго въ Бейрутъ. И это было сдѣлано по желанію самого Преосвященнаго, который въ виду намѣренія Трипольскаго Митрополита извѣстить Бейрутскаго о времени нашего прибытія, просилъ не дѣлать этого, чтобы не доставить безпокойства старому и болѣзненному Владыкѣ. Скоро пришелъ и митр. Гавріилъ, привѣтствовавшій Преосвященнаго съ чувствомъ искренней радости и благословившій насъ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ попенялъ на Преосвященнаго Григорія, что тотъ заблаговременно не увѣдомилъ его о времени прибытія такихъ „дорогихъ и рѣдкихъ“ гостей и тѣмъ лишилъ его возможности подобающимъ образомъ встрѣтить насъ. Въ отвѣтъ нашему Преосвященному, принявшему на себя вину этого и объяснившему мотивы своего поступка, Митрополитъ сказалъ, что для такого случая и „старость его превратилась бы въ мла-

---

копьемъ. Тамъ, гдѣ совершилось это чудесное избавленіе царской дочери, теперь магометанская мечеть, обсаженная лимонными деревьями. Въ мечети показываютъ круглый камень, на которомъ будто бы отдыхалъ послѣ своей побѣды св. Георгій. Здѣсь находится и источникъ, изведенный, по преданію, св. Георгіемъ, почувствовавшимъ жажду послѣ пораженія змѣя.

дость, и болѣзнь—во здравіе", и что торжественная встрѣча имѣла бы большое значеніе какъ для православныхъ арабовъ, которые горячо любятъ Россію, такъ—и для инославныхъ, которые имѣютъ большую силу въ Бейрутѣ и пользуются всякимъ случаемъ къ разнаго рода манифестаціямъ...

Послѣ этого Владыка, во время обычнаго восточнаго угощенія, бесѣдовалъ съ нами о разныхъ предметахъ, и съ особенною любовію переносился въ воспоминаніяхъ ко времени пребыванія своего въ Москвѣ въ качествѣ настоятеля антіохійскаго патріаршаго подворья, въ 60-хъ годахъ истекающаго столѣтія; съ глубокою признательностію вспоминалъ онъ о митрополитѣ Московскомъ Филаретѣ, который, по его словамъ, оказывалъ ему свое особенное отеческое вниманіе, часто приглашалъ въ сослуженіе съ собою. „До смерти своей буду молиться о немъ, какъ о своемъ благодѣтелѣ", съ чувствомъ произнесъ Митрополитъ, указавъ на висѣвшій на стѣнѣ прекрасный портретъ покойнаго митрополита Филарета. Благодаря хорошему знанію русскаго языка, разговоръ шелъ очень оживленно и отличался интересомъ. По желанію Митрополита, Владыка благословилъ старшихъ воспитанниковъ „митрополичьяго пансіона", содержимаго на средства Митрополита. Прекрасное впечатлѣніе произвели эти молодые люди, въ духовномъ одѣяніи. Пробывъ около часу у Митрополита, мы простились съ нимъ, и онъ еще разъ высказалъ радость по поводу этой встрѣчи, почти одновременно совпадающей со встрѣчею другого дорогого имъ гостя, котораго, къ сожалѣнію, намъ не придется видѣть.

Преосвященный митрополитъ уже преклонныхъ лѣтъ (родился въ Дамаскѣ, въ 1825 году). Съ 1860—69 г.г. онъ былъ настоятелемъ Антіохійскаго подворья въ Москвѣ, а затѣмъ избранъ былъ на Бейрутскую каѳедру, на которой неизмѣнно святительствуетъ до сихъ поръ. Митрополитъ Гавріилъ принадлежитъ къ числу выдающихся святителей восточной православной Церкви. Но особенно онъ извѣстенъ своими неусыпными заботами о народномъ образованіи и просвѣщеніи духовенства и организаціею благотворительности. Достойнымъ памятникомъ перваго рода трудовъ его можетъ служить упомянутый нами „митрополичій пансіонъ" или Бейрутское богословское училище, основанное имъ въ 1883 году, на его собственныя средства, съ цѣлью приготовленія кли-

риковъ для антіохійской Церкви. Это дѣтище его всегда было предметомъ особой любви Владыки, который подробно вникаетъ во всѣ нужды училища и непосредственно слѣдитъ за ходомъ учебно—воспитательнаго дѣла. Лучшихъ учениковъ онъ посылалъ въ Халкинское богословское училище, или въ русскія учебныя заведенія. Многіе ученики его занимали и занимаютъ нынѣ высшія іерархическія должности въ антіохійской патріархіи, каковы: блаженнѣйшій Мелетій, нынѣшній патріархъ Антіохійскій, Григорій, Триполійскій митрополитъ, извѣстный Герасимъ Яредъ, бывшій Селевкійскій, и др.

Въ заботахъ же о религіозно-нравственномъ просвѣщеніи народа онъ издавалъ нѣсколько духовныхъ журналовъ и много назидательныхъ книгъ на арабскомъ языкѣ.

Что касается филантропической дѣятельности митрополита, то она выразилась въ учрежденіи въ Сиріи многихъ благотворительныхъ братствъ съ самыми разнообразными задачами.....

О такой дѣятельности Бейрутскаго Владыки повѣствовалъ нашъ товарищъ Бейрутецъ, Илія Абурусъ, по выходѣ отъ митрополита, которому мы пожелали въ душѣ многихъ лѣтъ здравія, въ чемъ онъ особенно нуждался [1]).

Отъ Владыки мы отправились въ школу Православнаго Палестинскаго Общества, состоящую въ завѣдываніи Маріи Александровны Черкасовой. Школа находится за городомъ и поэтому намъ пришлось взять коляски, запряженныя прекрасными арабскими лошадьми. По Дамасской улицѣ, мимо собравшихся посмотрѣть на нашу компанію арабовъ, мы быстро выѣхали за городъ и черезъ нѣсколько минутъ были около школы—громаднаго зданія, пріютившагося въ прекрасномъ саду. Преосвященнаго встрѣтила у воротъ школы сама Марія Александровна съ полнымъ штатомъ учительницъ. Дѣти стройно исполнили „Достойно“ входное. Затѣмъ Преосвященный, въ сопровожденіи М. А-ны, учительницъ и насъ посѣтилъ всѣ классы, начиная со старшихъ и кончая младшими, въ которыхъ находятся дѣти чуть-ли не съ трехъ лѣтъ. Это нѣчто въ родѣ дѣтскихъ са-

---

[1]) Теперь Преосвященный Гавріилъ мирно почилъ о Господѣ 7-го января, сего 1901 года. Царствіе небесное ему!

довъ, гдѣ дѣти съ самаго малаго возраста пріучаются къ новой обстановкѣ и ограждаются отъ опасности попасть въ школы инославныя. Посѣщеніе это произвело на насъ самое отрадное впечатлѣніе. Классы — довольно просторные. Изъ отвѣтовъ на вопросы, какіе Преосвященнымъ предлагались ученицамъ разныхъ классовъ и по разнымъ предметамъ, можно вывести заключеніе, что постановка ученія въ школѣ правильная и дѣло ведется успѣшно. На пѣніе, какъ видно, въ школѣ обращается особенное вниманіе. Въ нѣкоторыхъ классахъ, по предложенію Преосвященнаго, правильно спѣли ученицы свѣжими, звонкими, нѣсколько рѣзкими, голосами молитвы на славянскомъ языкѣ, арабскія пѣсни и свой національный гимнъ, а въ заключеніе нашъ гимнъ „Боже, царя храни“ при нашемъ дружномъ участіи, — что вышло очень внушительно. Послѣ этого, по просьбѣ М. А-ны, мы зашли къ ней, гдѣ намъ предложены были фрукты и кофе. Въ это время М. А-на много поучительнаго поразсказала намъ изъ своей жизни и изъ жизни своей школы, всецѣло обязанной ей своимъ возникновеніемъ и процвѣтаніемъ. Въ Бейрутѣ М. А-на пользуется глубокимъ уваженіемъ. Всѣ называютъ ее не иначе, какъ „мама“, — это мы сами слыхали. Дай Богъ, чтобы эта „мама“ долго-долго жила на радость дѣтямъ, на пользу и огражденіе ихъ отъ разныхъ совращеній. М. А-на представляетъ собою поучительный примѣръ того, что можетъ сдѣлать на чужбинѣ, никому невѣдомая, съ упованіемъ на Бога, самоотверженная русская женщина. Побольше бы такихъ дѣятелей и школъ, и тогда была бы парализована дѣятельность инославныхъ школъ, которыхъ, особенно католическихъ, въ Бейрутѣ очень много, и притомъ устроены и обезпечены онѣ очень хорошо [1]).

Поблагодаривъ М. А-ну за радушіе и удовольствіе, полученное отъ посѣщенія школы, мы простились съ нею. Изъ школы мы отправились въ домъ нашего спутника и товарища — Бейрутца Абуруса, гдѣ совершенно незамѣтно про-

---

[1]) Такъ, кромѣ университета, іезуиты имѣютъ пять школъ исключительно для бѣднѣйшаго населенія, капуцины—одну школу, католики — греки—три школы, другія общества тоже по нѣскольку школъ, такъ что въ общемъ католическихъ школъ для дѣтей бѣдняковъ насчитывается пятнадцать, не считая школъ при женскихъ монашескихъ общинахъ.

вели нѣсколько часовъ до отправленія на пароходъ, благодаря любезности и чисто русскому гостепріимству осиротѣвшаго семейства Абурусовъ, недавно лишившихся своего главы [1]). Радость и горе соединились вмѣстѣ, но радость, кажется, превозмогла...

Вскорѣ по прибытіи нашемъ сюда, на сосѣднихъ кровляхъ, какъ и въ Триполи, стала собираться публика, а нѣкоторые изъ почетныхъ гражданъ города явились въ домъ, чтобы получить благословеніе русскаго Владыки и засвидѣтельствовать уваженіе къ русскимъ. Во дворѣ собралась цѣлая толпа молодыхъ арабскихъ дѣвушекъ. Во время обѣда, состоявшаго изъ многочисленнѣйшихъ разнообразныхъ блюдъ арабской кухни, устроились буквально арабско-русскія манифестаціи. Собравшіеся арабы кричали: „да здравствуютъ русскіе“ и пили за наше здоровье. Благодаря несдержанной, порывисто-страстной натурѣ арабовъ, симпатіи ихъ выражались энергично и порывисто. Особенно въ этомъ отношеніи былъ интересенъ одинъ высокій сухощавый арабъ, который поминутно говорилъ: „послѣ Бога, всего больше люблю русскихъ“, пилъ за здоровье московскихъ гостей, то и дѣло цѣлуясь съ нами. Въ концѣ обѣда пришелъ сюда преосв. митрополитъ Гавріилъ, чтобы отдать визитъ нашему Преосвященному. Тутъ мы еще разъ увидѣли ту простоту отношеній, какая существуетъ на Востокѣ между Архипастырями и пасомыми. Послѣ обѣда мы тутъ еще оставались нѣсколько времени и провели его въ бесѣдѣ съ арабскою молодежью, преимущественно женскаго пола. Арабскія дѣвушки нимало не застѣнчивы; нѣкоторыя изъ нихъ говорятъ по французски, другія по русски, какъ результатъ дѣятельности Православнаго Палестинскаго Общества. Многія арабскія дѣвушки мечтаютъ попасть когда-нибудь въ Россію, о культурѣ которой у нихъ образовались преувеличенныя и нѣсколько превратныя представленія. Время такъ быстро и незамѣтно пролетѣло подъ гостепріимнымъ небомъ Бейрута, что мы едва не прозѣвали нашъ пароходъ и отправились на него лишь

---

[1]) Абурусъ—отецъ, почетнѣйшее лицо въ Бейрутѣ, скончался за недѣлю до пріѣзда своего сына, котораго съ нетерпѣніемъ ожидалъ, но не дождался, и сынъ ничего не зналъ о смерти своего отца до самаго послѣдняго момента.

послѣ того, какъ онъ напомнилъ о себѣ нѣсколькими свистками. Прощаніе съ гостепріимнымъ семействомъ Абуруса было трогательно и торжественно. О. Д-анъ произнесъ нашимъ гостепріимнымъ хозяевамъ и присутствовавшему здѣсь митрополиту Гавріилу многолѣтіе, послѣ котораго мы громогласно пропѣли: многая лѣта и русскій гимнъ. Затѣмъ простились съ хозяевами, взявшими у насъ обѣщаніе заѣхать на обратномъ пути, пожелавъ имъ всѣхъ благъ. На пароходъ мы опоздали ровно на полчаса, но послѣдній еще не ушелъ,—онъ поджидалъ насъ, и лишь только мы пріѣхали, капитанъ отдалъ распоряженіе поднимать якорь. Теперь намъ оставалось проѣхать 10 часовъ до гавани Святой Земли—Яффы. Десяти-часовой переѣздъ до Яффы мы совершили въ одну ночь; море снова шалило и нашъ пароходъ съ несвойственнымъ его солидности легкомысліемъ прыгалъ на разыгравшихся волнахъ, какъ маленькій ребенокъ. Но отъ качки пассажиры на этотъ разъ пострадали, кажется, немного.

23-е Іюня. Пятница. Въ Яффѣ. Пріѣздъ въ Іерусалимъ.

Засіявшее въ пятницу утромъ солнце освѣтило предъ нами скучившуюся на морскомъ берегу библейскую Яффу—знаменитую тысячелѣтнюю гавань Св. Земли. Пассажиры толпились на верхней палубѣ парохода, торопясь взглянуть на ворота св. города. Царственно величаво смотрѣла съ берега на насъ патріархальная Яффа, съ своими бѣлыми нагроможденными другъ на друга домами и стройными минаретами своихъ мечетей, утопая въ зелени роскошной, тропической флоры. У ея ногъ весело плескалось море, высоко вздымавшее гребни своихъ волнъ, которыя, шумя и пѣнясь, разбивались о гряду тянувшихся параллельно берегу морскихъ камней. Эта гряда камней, о которую въ сильное волненіе можетъ разбиться пароходъ, дѣлаетъ Яффскую гавань крайне неудобною, и заставляетъ пароходы останавливаться въ почтительномъ разстояніи отъ берега, а пассажировъ перетерпѣть немало страховъ. Дѣло въ томъ, что бьющіяся постоянно о груду морскихъ камней волны при самомъ слабомъ вѣткѣ производятъ такое сильное волненіе около Яффы, такъ заставляютъ танцовать около парохода лодку, что спуститься на

нее по трапу бываетъ довольно трудно, и матросы парохода передаютъ пассажировъ изъ рукъ въ руки прямо лодочникамъ арабамъ. Это и даетъ поводъ къ циркулирующимъ въ народѣ преувеличеннымъ разсказамъ о Яффскихъ „страстяхъ“. Впрочемъ, эти страсти иногда бываютъ такъ велики, что пароходъ не останавливается въ Яффской гавани и сдаетъ своихъ пассажировъ въ Кайфѣ или въ Александріи.

Берегъ у Яффы.

Г. Марковъ такъ поэтически живописуетъ Яффскій берегъ: „Предательскіе подводные камни, черные отъ сырости, обросшіе какъ бородою лохматою зеленью, чуть-чуть спрятавшіе свои плоскіе черепа подъ уровень водъ, плещутся цѣлыми сплошными рифами вдоль скалистаго берега, отрѣзая его отъ простора моря, точно приточившіеся червивые зубы дряхлаго подводнаго чудовища, что глотаетъ уже какой вѣкъ утлыя посудины дерзкаго человѣчества“ [1]). Намъ погода теперь вполнѣ благопріятствовала. Море было теперь спокойно, его ясно-зеркальная поверхность какъ то особенно жизнерадостно серебрилась подъ горячими лучами солнца и необыкновенно задушевно улыбалась на встрѣчу загоравшемуся дню. Едва лишь пароходъ нашъ

[1]) Путеш. по Святой Землѣ. Стр. 5.

Богомольцы предъ Яффою.

Къ стр. 187.

остановился въ виду Яффы, какъ его, по обыкновенію, осадили лодочники. Но теперь на нихъ мало обращали вниманія пассажиры. У большинства богомольцевъ были билеты, дававшіе имъ право переѣзда на лодкѣ Палестинскаго Общества съ парохода на берегъ и обратно. Такіе билеты паломники пріобрѣли еще въ Одессѣ по рублю, и теперь нужно было ихъ предъявить только кавасу консульства, явившемуся на пароходъ, чтобы воспользоваться этою лодкою. Всѣ спѣшили складывать свои пожитки, а многіе, устремивъ благоговѣйный взоръ на городъ, набожно крестились, благодаря Бога, удостоившаго осуществить завѣтную мечту, быть можетъ, долгой, безрадостной жизни, проведенной подъ гнетомъ тяжелой заботы о кускѣ насущнаго хлѣба, или въ борьбѣ съ неправдою людскою и торжествующимъ зломъ. Вотъ она *страна священныхъ спасительныхъ воспоминаній*, гдѣ Господъ нашъ Іисусъ Христосъ родился, возросъ, училъ вѣрѣ и любви, проповѣдуя о спасеніи, страдалъ, воскресъ и вознесся на небо! Влечетъ сюда русскаго человѣка пламенное желаніе взглянуть на святыя мѣста, освященныя обитаніемъ въ нихъ нашего Спасителя, облобызать ихъ, помолиться подъ тѣмъ небомъ, къ которому Онъ возводилъ свои очи, облить слезами покаянія то страшное лобное мѣсто, гдѣ былъ распятъ за наши грѣхи Единородный Сынъ Божій, припасть грѣшными устами къ Животворящему Гробу, гдѣ было положено тѣло Господа.... Стремиться увидѣть ее, каждаго вѣрующаго побуждаетъ то-же чувство, которое заставило Ап. Ѳому просить разрѣшенія у Него вложить персты свои въ раны Его. И это чувство настолько естественно для слабаго человѣческаго сердца, что Христосъ, упрекнувъ Ѳому въ маловѣріи, удовлетворилъ его просьбу, и счастливый Апостолъ радостно восклинулъ „Господь мой и Богъ мой“! Такое чувство трепетной радости наполняло сердца наши и всѣхъ богомольцевъ при видѣ берега Св. Земли, и мы въ чувствѣ глубокой благодарности обратились съ молитвою къ Богу, удостоившему насъ увидѣть ее.

Встрѣтить Преосвященнаго на пароходъ явились съ берега: начальникъ русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ архимандритъ Александръ (Головинъ) съ драгоманомъ миссіи Я. Г. Халеби, Уполномоченный русскаго православнаго Палестинскаго Общества въ Іерусалимѣ—Н. Г. Михайловъ и

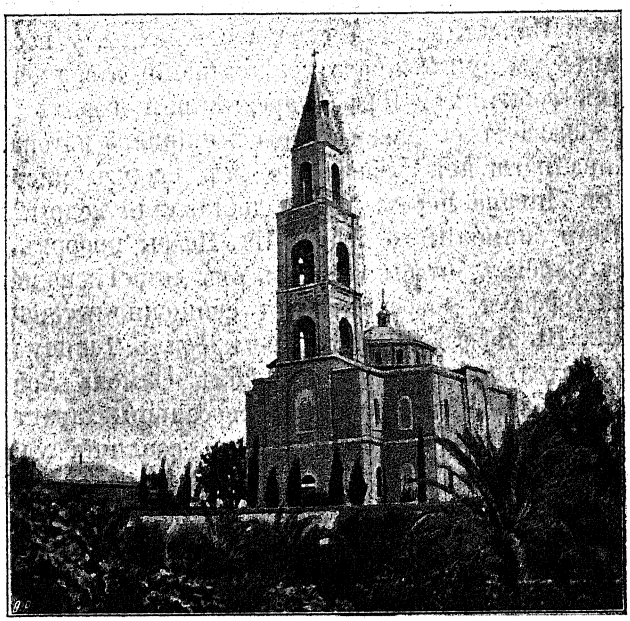
Іерусалимскій вице-консулъ—Н. И. Стребулаевъ. Здѣсь же былъ и кавасъ Палестинскаго Общества—извѣстный, опытный проводникъ, имя котораго встрѣчается почти во всѣхъ описаніяхъ путешествій по Востоку—Марко Джуричъ. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, мы отправились на берегъ. Хотя море въ этотъ день было совершенно спокойно, однако волненіе у берега было, по указаннымъ причинамъ, довольно чувствительное, и лодка то опускалась въ глубину морскихъ волнъ, то поднималась высоко по гребню ихъ. Ловкіе лодочники—арабы съ привычнымъ искусствомъ лавировали между грядами камней, и лодка наша, наконецъ, благополучно „перескочила“ черезъ узкій проливъ съ каменнымъ виднѣющимся ложемъ.

Наконецъ, мы—въ Яффѣ, въ этомъ типичнѣйшемъ восточномъ городѣ, съ его крайне узкими кривыми улицами, съ его уличною жизнью, грязью. Хотя теперешняя Яффа существуетъ всего полтораста лѣтъ, но, судя по древнимъ описаніямъ, она совершенно таже, что была во времена крестоносцевъ. Какъ и тогда, теперь всю ея грязь и непорядочность скрашиваетъ чудная флора ея. Яффа тонетъ въ зелени садовъ, въ которыхъ особенно обращаютъ на себя вниманіе стройныя пальмы, гордо поднимающія свои красивыя вершины къ далекому ясно-голубому, безоблачному небу. Въ Яффѣ мы оставались недолго. Отъ берега узкою, гористою улицею мы прошли черезъ базаръ, на которомъ жизнь кипѣла ключемъ, къ площади, гдѣ сѣли на нанятые экипажи, и черезъ 20 минутъ прибыли въ находящійся за городомъ русскій странноприимный домъ, сооруженный незабвеннымъ начальникомъ русской миссіи о. архим. Антониномъ. Этотъ пріютъ, къ сожалѣнію, по причинѣ своей отдаленности отъ города, рѣдко посѣщаемый паломниками,—великолѣпнѣйшій, быть можетъ, самый очаровательный уголокъ во всей Палестинѣ. Русская церковь, домъ для служащихъ и помѣщеніе для богомольцевъ пріютились подъ сѣнію чуднаго сада, среди котораго роскошный бассейнъ съ такъ скудною въ Палестинѣ прѣсною водою. Этотъ садъ, по соединеннымъ съ нимъ воспоминаніямъ, называется садомъ св. Тавиѳы, той сердобольной вдовы, которую воскресилъ ап. Петръ (Д. 9 гл. 36—43). Этотъ садъ Тавиѳы съ ея пещерою—почти единственная достопримѣчательность Яффы,

которая вообще бѣдна достопримѣчательностями, но за то какъ и вся Палестина—эта страна священныхъ воспоминаній—будитъ въ душѣ много воспоминаній о священноисторическихъ событіяхъ. Яффа—древнѣйшій городъ въ мірѣ. Плиній называетъ ее древнѣйшею всемірнаго потопа. Греки пріурочивали къ ней нѣкоторые изъ своихъ миѳовъ. Соломону съ Ливана черезъ Яффу доставляли кедры для постройки его знаменитаго храма. Изъ Яффы пророкъ Іона отплылъ въ Ѳарсисъ, чтобы убѣжать отъ лица Господня. Ознаменована Яффа и новозавѣтными священно-историческими событіями. Въ Яффѣ ап. Петръ воскресилъ Тавиѳу и имѣлъ прообразовательное видѣніе въ домѣ Симона Кожевника, видѣніе, указавшее Апостолу на универсальный характеръ христіанской религіи, которая не дѣлаетъ различія между еллиномъ и іудеемъ и призываетъ къ спасенію всѣхъ, желающихъ спастись. Эти воспоминанія толпой тѣснятся въ головѣ на улицахъ допотопнаго города, немало пережившаго за свою длинную исторію. „Исторія Яффы (Іоппіи), по справедливому замѣчанію одного путешественника (Фрея [1]), написана кровью. Множество разъ она была въ осадѣ, была разрушена, сожжена и каждый разъ снова выростала изъ пепла". Ее много разъ разрушали римляне, крестоносцы, турки, а всего лишь сто лѣтъ тому назадъ, Яффа, взятая, послѣ двухлѣтней осады, приступомъ Наполеономъ, была разграблена и опустошена его солдатами. Въ настоящее время Яффа снова довольно большой торговый городъ, поставляющій во множествѣ лимоны, апельсины, гранаты, финики и другіе фрукты на рынки всего свѣта.

Въ пріютѣ архимандрита Антонина мы прежде всего прошли въ церковь св. Петра съ боковымъ престоломъ во имя св. Тавиѳы. Церковь—свѣтлая и просторная, но роспись стѣнъ ея еще не окончена. Тамъ совершалась божественная литургія священникомъ—паломникомъ, возвращавшимся изъ Іерусалима, такъ какъ, къ сожалѣнію, здѣсь нѣтъ постояннаго причта; народу почти никого не было, такъ какъ вслѣдствіе отдаленности пріюта отъ станціи желѣзной дороги паломники рѣдко заглядываютъ сюда. Съ большимъ душевнымъ удовольствіемъ выслушали мы божественную литургію впервые на почвѣ Святой

[1]) Земля гдѣ жилъ Іисусъ Христосъ (162 стр.).



Храмъ, построенный о. Антониномъ, въ Яффѣ.

Земли, возблагодаривъ Бога за благополучно совершенный путь, и даже организовали импровизованный хоръ, въ которомъ приняли участіе Преосвященный и профессора. По окончаніи литургіи, по витой желѣзной лѣстницѣ поднялись на высокую колокольню, въ готическомъ стилѣ, съ которой открывается безподобный видъ на городъ и море. Яффа вполнѣ оправдываетъ свое имя (по еврейски—красивая). Дѣйствительно, трудно себѣ представить городъ красивѣе Яффы, когда на нее смотришь съ высоты колокольни церкви св. Петра. Скучившійся, словно для защиты отъ частыхъ нападеній, своими высокими домами и стройными минаретами мечетей, городъ опоясанъ съ одной стороны изумрудною лентою моря, съ другой—темно-зеленою бархатною цѣпью безчисленныхъ садовъ, которые придаютъ необыкновенную красоту окрестностямъ города. Сады, большею частію небольшіе, раздѣлены канавами для орошенія и прямыми дорожками, которыя сбѣгаются къ находящемуся въ срединѣ каждаго сада бассейну или колодцу. Надъ низкорослыми растеніями садовъ: виноградными, апельсинными, лимон-

ными деревьями, гордо возвышаются стройныя пальмы, стремящіяся своими красивыми вершинами къ далекому небу. А съ неба, ясно-синяго, безоблачнаго въ такомъ обиліи льются горячіе золотые лучи солнца, что, кажется, они пропитали своимъ зноемъ самый воздухъ, напоенный благоуханіемъ садовъ. Затѣмъ о. Архимандритъ пригласилъ насъ въ свое помѣщеніе пить чай, предоставивъ въ наше распоряженіе все зданіе пріюта, обставленнаго просто, но удобно и даже уютно. За чаемъ у о. Архимандрита присутствовали и встрѣчавшіе насъ: Н. Г. Михайловъ и вице-консулъ Н. И. Стребулаевъ съ женою. Кольцемъ опоясываетъ пріютъ о. Антонина громадный чудный садъ, гдѣ растутъ лимонныя, апельсинныя, гранатовыя деревья, гдѣ бананы перемѣшались съ финиковыми пальмами, алоэ съ кактусами, олеандры съ монголіями, смоковница съ шелковичнымъ деревомъ и маслинами. Въ этотъ садъ мы и отправились теперь по приглашенію любезнаго хозяина, наслаждаясь пріятною прохладою подъ тѣнью гранатовыхъ, персиковыхъ и померанцевыхъ деревьевъ, ограждавшихъ насъ своею богатою листвою отъ зноя лучей палящаго солнца, а черезъ него прошли къ пещерѣ, въ которой, по преданію, ап. Петръ воскресилъ Тавиѳу. Пещера находится недалеко отъ церкви и представляется сводчатою каменною аркою, устроенною подъ землею. Тутъ на полу замѣтны слѣды мозаики; очень можетъ быть, что это—признаки бывшаго когда то здѣсь храма.

До отхода поѣзда желѣзной дороги изъ Яффы въ Іерусалимъ, отправляющагося одинъ разъ въ день, именно въ 4 часа, было еще достаточно времени. Поэтому, осмотрѣвъ пещеру Тавиѳы, всѣ разбрелись кто куда: кто отдыхать, кто по саду любоваться роскошною флорою. Затѣмъ, предъ обѣдомъ купались въ бассейнѣ. Этотъ бассейнъ—прудъ, въ который смотрятся гранатовыя и апельсинныя деревья, едвали не лучшее мѣсто въ саду Антонина. Зеркальная поверхность его искрится подъ лучами солнца въ тѣхъ мѣстахъ, куда листья и вѣтки окружающихъ деревьевъ не бросаютъ своей густой тѣни. Кругомъ густо разрослись деревья, такъ густо, что надъ широкою лѣстницею, ведущею изъ бассейна въ бесѣдку, они образовали сводъ, а самую бесѣдку окружили живою изгородью.

Завѣдываніе приготовленіемъ обѣда, которымъ насъ хо-

тѣлъ угостить о. Архимандритъ, любезно взяла на себя жена вицеконсула Марія Ивановна Стребулаева, блестяще исполнившая свою миссію. Обѣдъ, приготовленный ею, могъ удовлетворить и болѣе прихотливый вкусъ, чѣмъ нашъ, неизбалованный во время морского переѣзда столомъ пароходной кухни, откуда мы брали, по соглашенію съ поваромъ, за дешевую плату обѣдъ и ужинъ. Обѣдъ былъ сервированъ Маріею Ивановною въ саду подъ тѣнію деревьевъ и сопровождался краткими тостами. Говорили о. Архимандритъ и вице-консулъ, привѣтствовавшіе Владыку и его спутниковъ съ благополучнымъ прибытіемъ во Святую Землю и указывавшіе на значеніе этой религіозно-научной поѣздки для православнаго Востока. Преосвященный благодарилъ за привѣтствія и сердечныя благопожеланія.

Вскорѣ послѣ обѣда мы отправились на вокзалъ желѣзной дороги. Снова замелькали мимо насъ корабли пустынь—верблюды, навьюченные всевозможными предметами, ослы съ ихъ, большею частію, чернокожими погонщиками и множество люда разнаго рода, пола, возраста и національностей. Но явно преобладающимъ элементомъ здѣсь являются турки и арабы. Послѣдніе, дюжіе и стройные, особенно обращаютъ на себя вниманіе туриста. Изъ подъ небрежно накинутаго на плечи синяго плаща виднѣется ихъ темно-бронзовая мускулистая грудь. Толстый жгутъ кефіи (кефія—головной уборъ бедуина) двойнымъ кольцомъ обвивается вокругъ головы его, поддерживая черный, покрывающій голову, платокъ, мало отличающійся по цвѣту отъ лица своего хозяина. А вотъ, изящно задрапировавшись въ синій плащъ, съ кувшиномъ воды на головѣ, плавно движется молодая арабка, удивленно посматривая красивыми глазами на проѣзжающихъ. Встрѣчаются и чисто библейскія картины, при видѣ которыхъ вспоминаются тѣ или иныя священныя событія... Проѣхали мы и мимо восточнаго базара, гдѣ жизнь особенно сильно шумитъ и бурлитъ. Страстный, несдержанный темпераментъ дѣтей Востока заставляетъ ихъ при разговорѣ такъ жестикулировать и кричать, что постороннему наблюдателю такъ и кажется, что разговаривающіе сію минуту вцѣпятся другъ другу въ волосы, на самомъ-же дѣлѣ они мирно бесѣдуютъ или даже обмѣниваются любезностями, которыя въ большой модѣ у жителей Востока. Благодаря

темпераменту арабовъ, восточная толпа на базарѣ невозможно шумна, тѣмъ болѣе, что выкрикиванія арабовъ смѣшиваются съ визгомъ раздавленныхъ собакъ, валяющихся всюду по улицамъ, ржаніемъ коней, крикомъ ословъ, побрякиваніемъ стаканами, или звономъ колокольчика многочисленныхъ продавцовъ квасу, лимонада, воды, такъ какъ на эти предметы здѣсь громадный спросъ. Солнце, роняющее съ высоты яснаго безоблачнаго неба свои знойные лучи, палитъ немилосердно, усыпляя всю природу и нагоняя лѣнь на людей. И дѣйствительно, не смотря на здѣшній шумъ и сутолоку, лѣнь полновластно царитъ тутъ. Лѣниво идетъ женщина съ водоносомъ, лѣниво плетется погонщикъ за еле переступающимъ съ ноги на ногу осломъ; дремлетъ арабъ на горбѣ лѣниво покачивающагося верблюда, сонными глазами посматриваетъ кругомъ турокъ — продавецъ, лѣниво тянущій свой кальянъ, а настоящимъ олицетвореніемъ лѣни являются валяющіяся повсюду на улицѣ сонныя собаки.

Не смотря на только что начинающееся лѣто, базаръ полонъ разнообразными фруктами, среди которыхъ выдѣляются груды еще не совсѣмъ спѣлаго винограду, молодыхъ арбузовъ, абрикосъ, персиковъ.

Вокзалъ желѣзной дороги находится на краю города. Онъ своимъ устройствомъ болѣе напоминаетъ сарай богатаго землевладѣльца, чѣмъ наши желѣзно-дорожные вокзалы. Кавасъ Марко сдалъ въ багажъ наши вещи и выправилъ для насъ билеты 2 класса [1]) по 4 рубля въ оба конца (въ одинъ конецъ билетъ 2 класса стоитъ 2 р. 50 к.), а для Преосвященнаго и профессоровъ — билеты 1-го класса. Яффская желѣзная дорога устроена французскою акціонерною компаніею недавно; движеніе по ней открыто 15-го Августа, 1892 года. До того времени паломники переправлялись изъ Яффы въ Іерусалимъ или пѣшкомъ, или на нѣмецкихъ фургонахъ съ большими неудобствами. Нѣкоторые и изъ членовъ нашей компаніи хотѣли отправиться въ Іерусалимъ пѣшкомъ, или на лошадяхъ, но къ этому могло располагать только своеобразное матеріальное представленіе

---

[1]) На Яффской дорогѣ существуютъ только 2 класса: 1 и 2-ой. Вагоны—маленькіе, тѣсные, какъ у насъ—на узкоколейныхъ дорогахъ.

о религіозномъ подвигѣ, такъ какъ само по себѣ такое путешествіе не могло быть интереснымъ и привлекательнымъ, тѣмъ болѣе, что до тѣхъ поръ, пока желѣзно-дорожный поѣздъ не въѣзжаетъ въ безъотрадно-каменистую, наводящую тоску, іудейскую пустыню, онъ идетъ долиною садовъ (24 версты) параллельно прежней пѣшеходной дорогѣ, и чудными пейзажами можно любоваться изъ оконъ вагона, не испытывая въ тоже время нестерпимой жары и не рискуя подвергнуться нападенію кочующихъ бедуиновъ, не перестающихъ изрѣдка пошаливать съ паломниками до самаго послѣдняго времени, какъ то видно изъ сообщеній Православнаго Палестинскаго Общества. Поэтому мы всѣ вмѣстѣ отправились по желѣзной дорогѣ. Желѣзная дорога отъ Яффы до Іерусалима, обходя непроходимыя горы іудейской пустыни, тянется на протяженіи 82-хъ верстъ и идетъ, благодаря гористой мѣстности, болѣе 4-хъ часовъ.

Ровно въ 4 часа, въ 8-мъ по мѣстному времени, раздался послѣдній свистокъ и поѣздъ тронулся. „Господи, благослови“, перекрестились пассажиры, размѣстившіеся на скамейкахъ, разставленныхъ вдоль желѣзнодорожнаго вагона. Кромѣ насъ тутъ помѣстилось нѣсколько богомолокъ—крестьянокъ и нашъ проводникъ Марко—въ своей оригинальной формѣ каваса Палестинскаго Общества, ежеминутно отвѣчавшій на наши вопросы относительно тѣхъ мѣстъ, мимо которыхъ мы проѣзжали.

Сначала поѣздъ идетъ среди цѣлаго моря зелени, среди апельсинныхъ и лимонныхъ рощъ, среди чудныхъ тропическихъ садовъ. Далѣе идутъ поля богатой нѣкогда Саронской равнины. Хлѣба сняты, кое-гдѣ виднѣется зеленая дурра (просо, въ родѣ кукурузы), которая особенно оттѣняется на фонѣ обнаженныхъ полей и выжженной солнцемъ растительности. Селенья крайне рѣдки. Они поражаютъ своею бѣдностью. Это, обычно, нѣсколько ушедшихъ наполовину въ землю строеній, около которыхъ виднѣются маленькіе полунагіе ребята. На поляхъ около селеній большія стада овецъ, пасущихся подъ присмотромъ дѣтей. Тутъ же попадаются и верблюды, испуганно поднимающіе голову при видѣ проходящаго мимо поѣзда. Первая станція—Луддъ, библейская Лидда. Поѣздъ стоитъ нѣсколько минутъ противъ небольшаго станціоннаго домика, такъ какъ онъ

на каждой станціи запасается торфомъ и водою. Марко, какъ добросовѣстный гидъ, спѣшитъ напомнить намъ, что Лидда-историческій городъ, въ которомъ ап. Петръ исцѣлилъ разслабленнаго Энея. Здѣсь же родился св. Великомученикъ Георгій, во имя котораго и возвышается тамъ красивый христіанскій храмъ. До слѣдующей желѣзно-дорожной станціи Рамле, гдѣ, по преданію, была родина тайнаго ученика Іисуса Іосифа, уступившаго Ему свою пещеру, путь идетъ зеленѣющею долиною, на которой пасутся стада и обрисовываются время отъ времени стройные контуры кипарисовъ и одинокихъ пальмъ; но по мѣрѣ того, какъ поѣздъ убѣгаетъ дальше и дальше отъ Яффы, окружающіе пейзажи дѣлаются все болѣе и болѣе однообразными и мрачными. Наконецъ, спустя часа полтора по выѣздѣ изъ Яффы, поѣздъ входитъ въ предѣлы Іудейскихъ горъ. Разнообразные тоны и краски, которыми такъ богаты виды вблизи Яффы, постепенно исчезаютъ и вся окружность принимаетъ однообразный, суровый, мертвенно-блѣдный колоритъ. Зелень почти совсѣмъ пропадаетъ; только разбросанныя по уступамъ горъ и около дороги, покрытыя серебристымъ налетомъ пыли, оливковыя деревья, да воздѣланные кое-гдѣ небольшіе виноградники оживляютъ нѣсколько эту мертвую картину Іудейской пустыни, сплошь покрытую камнемъ. Камней здѣсь—цѣлое море. Камни вездѣ: ими усѣяны сверху до низу горы; ими же наполнены всѣ ущелья. И всюду, куда ни кинешь взглядъ—горы, или вѣрнѣе каменистые холмы. Они то сбѣгаются вмѣстѣ, загораживая дорогу желѣзнодорожному поѣзду, то разбѣгаются въ разныя стороны, открывая на далекое пространство волнообразную поверхность, усѣянную камнями. Селенья и здѣсь крайне рѣдки, благодаря чему эти горы служили прекраснымъ пріютомъ для разбойниковъ, въ недавнемъ прошломъ нападавшихъ на караваны паломниковъ. И самыя горы какъ будто нарочно приспособлены для того, чтобы скрываться среди нихъ. Сходясь, они образуютъ трудно проходимыя темныя ущелья, подъ которыми точно повисли въ воздухѣ громадныя скалы, оторвавшіяся отъ горъ. Набѣгая другъ на друга, горы создаютъ неожиданныя причудливыя комбинаціи, а разбѣгаясь въ разныя стороны, образуютъ безконечные извилистые проходы. Вообще пейзажи Іудейскихъ горъ величественны и суровы, хотя и

однообразны. Они настраиваютъ душу на торжественный ладъ и побуждаютъ къ самосозерцанію. Тотъ, кто видѣлъ горы нашей Финляндіи и любовался ея грандіозными пейзажами, можетъ составить себѣ нѣкоторое, хотя и слабое, представленіе о Іудейскихъ горахъ. Какъ ни однообразны виды горъ, не хочется уходить съ площадки вагона, откуда мы ими любуемся. Въ самомъ однообразіи ихъ есть что то величественное и привлекательное. Поѣздъ идетъ медленно, съ трудомъ взбираясь на горы и осторожно спускаясь съ нихъ. Солнце уже повисло надъ горизонтомъ, готовясь оставить землю до слѣдующаго утра.

Марко нечего разсказывать больше объ окружающемъ, и онъ говоритъ объ Іерусалимѣ, около котораго сосредоточены всѣ мысли паломниковъ [1]). По словамъ Марко, отвѣчавшаго на наши вопросы, число русскихъ паломниковъ во Святую Землю прогрессивно годъ отъ году увеличивается; въ послѣднемъ году оно доходило уже до десяти тысячъ. Русскіе являются преобладающимъ элементомъ среди поклонниковъ Святой Земли. Нѣмцы—рѣдкіе и случайные гости въ ней; французовъ въ годъ перебываетъ не болѣе тысячи; англичане являются, главнымъ образомъ, въ качествѣ богатыхъ туристовъ, которые путешествуютъ почти всегда съ большимъ комфортомъ: съ своею прислугою, съ своею кухнею, съ палатками. Только среди русскихъ паломниковъ преобладающимъ элементомъ является простой, небогатый людъ—крестьяне. Они путешествуютъ съ исключительно религіозною цѣлію. Сколько разнаго рода непріятностей и лишеній, вслѣдствіе незнанія чужого языка, недостатка денегъ и недобросовѣстнаго отношенія со стороны туземцевъ, на дорогѣ и въ самомъ Іерусалимѣ, до недавняго времени выпадало на долю русскихъ паломниковъ изъ простого народа! Правда, въ послѣднее время Палестинское православное общество дѣла-

---

[1]) Марко—Іерусалимскій старожилъ. Уже десятки лѣтъ прошли съ тѣхъ поръ, какъ онъ оставилъ родину—Черногорію и живетъ въ Іерусалимѣ, всюду сопутствуя паломникамъ въ своемъ оригинальномъ, національномъ костюмѣ съ хаджаромъ (хаджаръ—нѣчто среднее между кинжаломъ и шашкою). Марко говоритъ на шести языкахъ, если и неосновательно, то покрайней мѣрѣ настолько, что можетъ быть полезенъ паломникамъ всѣхъ національностей. Русскихъ любитъ, какъ и всѣ Черногорцы, всею душею.

етъ все для него возможное, чтобы облегчить участь русскихъ богомольцевъ въ Іерусалимѣ (оно даетъ сначала безплатное помѣщеніе и столъ всѣмъ, въ первые двѣ недѣли по прибытіи, а затѣмъ– за самую минимальную плату), но и оно не можетъ пріютить всѣхъ богомольцевъ, особенно въ паломническій періодъ, когда ихъ стекается въ святой городъ до пяти тысячъ.

Въ разговорѣ съ Марко мы и не замѣтили, какъ проѣхали послѣднюю станцію и какъ нашъ поѣздъ, медленно пробираясь среди загораживающихъ ему дорогу горъ, приближался къ Іерусалиму. Солнце скрылось уже за горами. Все указываетъ на приближеніе къ святому городу. „Горы окрестъ его“, говоритъ прор. Давидъ. Дѣйствительно, куда ни кинешь взоръ, всюды горы, да камни, да одинокія, отягощенныя плодами, маслины. Но намъ не суждено очевидно было доѣхать до св. города. Провидѣнію было угодно, чтобы мы вступили въ него пѣшкомъ. За 4 версты до города нашъ поѣздъ остановился среди горъ, гдѣ не было никакого признака жилья. Сначала на это не обратили вниманія пассажиры, думая, что поѣздъ запасается водою или топливомъ. Но прошло 10—15 минутъ, и поѣздъ не двигается съ мѣста. По наведеннымъ Марко справкамъ, оказалось, что испортился паровозъ и что дано знать въ Іерусалимъ, чтобы прислали оттуда запасный паровозъ. Ждемъ. Черезъ нѣкоторое время изъ Іерусалима привозитъ отвѣтъ верховой, что тамъ запасного паровоза нѣтъ, онъ—въ Яффѣ; слѣдовательно, поѣздъ можетъ тронуться впередъ только тогда, когда изъ Яффы вызовутъ новый, запасный паровозъ, а это можетъ случиться не ранѣе, какъ черезъ пять шесть часовъ.

Поэтому, поручивъ Марко позаботиться о нашемъ оставшемся въ поѣздѣ багажѣ, мы рѣшили тронуться впередъ пѣшкомъ. Шествіе открывали Преосвященный съ о. Архимандритомъ, за которыми шли мы, а затѣмъ длинною вереницею тянулись наши паломники съ котомками на плечахъ. Здѣсь-же виднѣлись какіе-то джентльмены-туристы, настоятельница какого-то католическаго монастыря и нѣсколько монаховъ. Картина, которую едва-ли когда удавалось видѣть окрестнымъ горамъ! Дороги нѣтъ: кругомъ горы. Поэтому наша процессія двигается по шпаламъ желѣзно-дорожнаго

полотна, причемъ мелкіе камушки, которыми усыпано полотно, ежеминутно выскальзывая изъ подъ ногъ, дѣлаютъ движеніе впередъ крайне затруднительнымъ. Идя по такой дорогѣ, невольно вспоминаешь благоразумный библейскій обычай ходить въ сандаліяхъ и обмывать ноги въ холодной водѣ при входѣ въ домъ. Между тѣмъ ночь опускалась надъ нашими головами, на темно-синемъ небѣ показался блѣдный серпъ луны, въ воздухѣ посвѣжѣло. Мы были въ 1—1½ верстѣ отъ Іерусалима.

По мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ, на встрѣчу намъ все чаще и чаще попадался народъ, сначала по одиночкѣ, а около города—цѣлыми толпами. Это были русскіе паломники, жившіе въ это время въ Іерусалимѣ, и вышедшіе во срѣтеніе Преосвященнаго, такъ какъ въ городѣ разнеслись преувеличенные слухи о несчастіи на желѣзной дорогѣ съ тѣмъ поѣздомъ, въ которомъ ѣхалъ Русскій Преосвященный. Тутъ же на дорогѣ привѣтствовали Преосвященнаго депутаціи отъ Патріарха и консульства, предложившіе ему и намъ свои экипажи для слѣдованія въ городъ.

При самомъ въѣздѣ въ городъ Давидовъ, мы утѣшены были встрѣчею съ Его Блаженствомъ Даміаномъ, Патріархомъ Іерусалимскимъ, который пѣшкомъ, въ сопровожденіи одного инока, шелъ на лѣтнюю дачу свою, въ монастырь Симеона Богопріимца. При видѣ Патріарха, мы слѣзли съ экипажей. Его Блаженство привѣтствовалъ Преосвященнаго съ благополучнымъ прибытіемъ во святой градъ и благословилъ всѣхъ насъ, сказавъ при этомъ, что онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы, не смотря на поздній часъ, намъ открытъ былъ теперь доступъ къ Гробу для поклоненія.

Поблагодаривъ Его Блаженство и простившись съ нимъ, Преосвященный вмѣстѣ съ нами отправился въ экипажахъ во святой градъ. Къ сожалѣнію, темный покровъ ночи, слабо освѣщаемой блѣднымъ тусклымъ сіяніемъ молодой луны, лишилъ насъ удовольствія полюбоваться общею картиною святого града. Остановились мы у Яффскихъ воротъ, гдѣ слѣзли, и пѣшкомъ, въ сопровожденіи консульскихъ кавасовъ, торжественно постукивавшихъ своими тяжелыми булавами по каменной мостовой, отправились къ святому Гробу Господню. Черезъ нѣсколько минутъ мы были уже подъ

темными сводами величественнаго храма Воскресенія, полнаго тишины и благоговѣнія. Приложившись *къ камню помазанія*, находящемуся прямо противъ входныхъ дверей, мы повернули на лѣво, за стѣну внутренняго храма и, пройдя нѣсколько шаговъ, вступили въ обширную ротонду, посреди которой стоитъ мраморная кувуклія надъ священною пещерою Гроба Господня. Вотъ наконецъ и то мѣсто, гдѣ лежалъ Господь! Слабое перо не можетъ выразить того, какими святыми чувствами преисполнена была душа наша, когда мы поклонялись и лобызали этотъ Гробъ, вмѣстившій невмѣстимаго. Въ сознаніи такого безсилія своего мы и не пытаемся воспроизвести въ словѣ тотъ священный трепетъ и благовѣніе, которыми въ эти минуты проникнуто было все существо наше. Незабвенны до конца жизни будутъ эти минуты!.....

Изъ храма Воскресенія мы тѣми же улицами отправились черезъ Яффскія ворота на Русскія постройки. Здѣсь, въ русскомъ храмѣ въ честь св. Троицы, уготована была Преосвященному торжественная встрѣча всѣмъ духовенствомъ миссіи и народомъ—богомольцами, наполнившими обширный храмъ. При входѣ въ храмъ, одинъ изъ іеромонаховъ миссіи (Филаретъ, бывшій инспекторъ Кіевской Семинаріи) обратился къ Преосвященному съ рѣчью, въ которой, привѣтствуя его съ благополучнымъ прибытіемъ, между прочимъ, сказалъ, что среди православно-русскаго населенія, живущаго въ Іерусалимѣ и посѣщающаго церковныя службы, давно чувствовался недостатокъ русскаго, благолѣпнаго архіерейскаго служенія, къ которому они такъ привыкли на родинѣ, а теперь съ великою радостью они надѣются услышать родное архіерейское служеніе.

Послѣ молебна о благополучномъ прибытіи во ¡св. градъ, Преосвященный обратился ко всѣмъ присутствующимъ съ рѣчью, въ которой выразилъ тѣ святыя чувства, которыми преисполнены въ эти торжественныя минуты душа его и спутниковъ его. Затѣмъ, примѣнительно къ филологическому производству слова „Іерусалимъ“ (градъ мира), Преосвященный говорилъ, что онъ всего болѣе желаетъ, чтобы здѣсь, въ городѣ мира, царили миръ, благодать и любовь между всѣми представителями христіанскихъ вѣроисповѣданій, чего, къ великому сожалѣнію, здѣсь нѣтъ. Здѣсь, въ святомъ

мѣстѣ,—поучалъ Преосвященный,—гдѣ самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ принесъ себя въ жертву за грѣхи міра, принесъ на землю миръ, провозвѣстилъ великое слово братской любви, врагъ рода человѣческаго посѣваетъ вражду и несогласіе, возжглось пламя ненависти между представителями различныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, оскорбляющихъ своимъ поведеніемъ достоинство той великой святыни, предъ которою всѣ безъ различія племенъ и національностей должны благоговѣть. И если вездѣ, то особенно здѣсь, у Гроба великаго Примирителя людей съ Богомъ, въ союзѣ любви должны соединиться всѣ сердца, чтобы было одно стадо подъ верховнымъ водительствомъ единаго Пастыря—Христа.

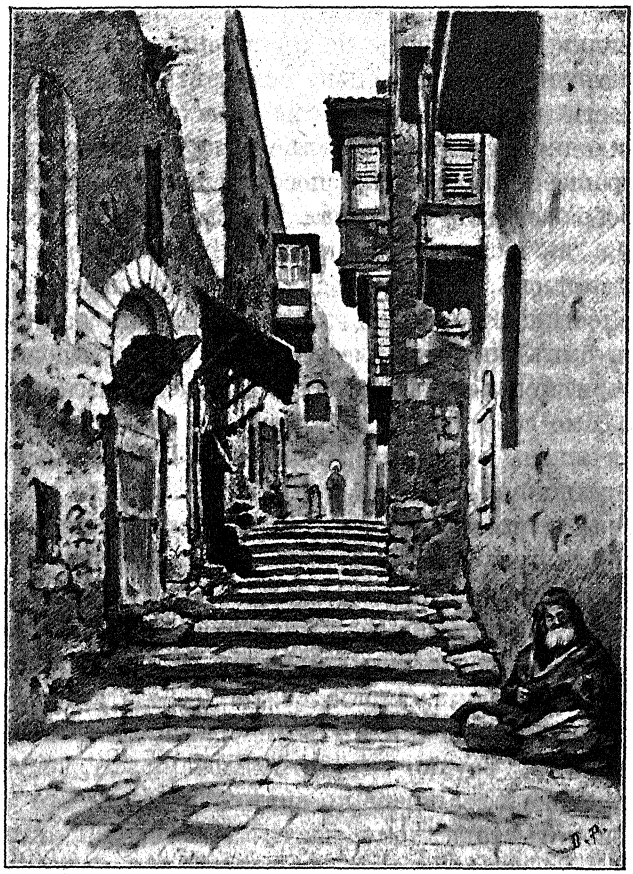
Преподавъ затѣмъ благословеніе собравшемуся народу, Преосвященный вмѣстѣ съ нами отправился къ начальнику миссіи о. архимандриту Александру, куда прибыли и всѣ члены миссіи. Здѣсь за чашкою чая, среди радушной братіи, мы посидѣли около часу, а затѣмъ около десяти часовъ мы отправились на новое подворье православнаго Палестинскаго общества, находящееся недалеко отъ зданія миссіи. Здѣсь, благодаря любезности секретаря Палестинскаго общества В. Н. Хитрово, сдѣлавшаго своевременныя распоряженія, намъ были безплатно предоставлены чистыя уютныя и прекрасно меблированныя помѣщенія и безплатный столъ. Выпивъ по чашкѣ кофе у любезнаго хозяина подворья уполномоченнаго Палестинскаго Общества Н. Г. Михайлова, которому мы обязаны всѣми удобствами во время пребыванія въ Іерусалимѣ, мы были приглашены въ общую столовую на ужинъ, послѣ чего размѣстились въ отведенныхъ намъ прекрасныхъ номерахъ.

24 Іюня. Суббота. Первый день въ Іерусалимѣ: у патріарха; на русскихъ раскопкахъ; на Елеонской горѣ.

Утро перваго дня въ Іерусалимѣ было посвящено выработкѣ маршрута для обозрѣнія святынь города и окрестъ лежащихъ священныхъ мѣстъ. Такой маршрутъ, всегда вообще полезный во время путешествія, намъ былъ особенно необходимъ въ виду того, что въ Іерусалимѣ мы могли оставаться не болѣе мѣсяца (чтобы къ началу учебнаго года

вернуться въ Россію), считая въ томъ числѣ двѣ недѣли для поѣздки въ Назаретъ; но въ такой короткій срокъ (двѣ недѣли) трудно было детально осмотрѣть всѣ достопримѣчательности вѣчнаго города и окрестныхъ мѣстъ, а потому приходилось выбирать болѣе важное, оставляя менѣе заслуживающее вниманія. Приспособительно къ высказаннымъ нами соображеніямъ, принимая во вниманіе и время, находившееся въ нашемъ распоряженіи, маршрутъ составилъ Н. Г. Михайловъ, отличный знатокъ Іерусалима и вообще всей Палестины. Маршрутъ, какъ оказалось на дѣлѣ, составленъ былъ вполнѣ цѣлесообразно, и мы выполнили его съ чисто нѣмецкою аккуратностію. Не приводимъ его, потому что онъ само собою виденъ будетъ изъ послѣдующаго, такъ какъ вся жизнь наша до выѣзда изъ Палестины совершалась по маршруту.

Согласно выработанному маршруту мы должны были начать первый день пребыванія въ Іерусалимѣ съ посѣщенія Его Блаженства патріарха Даміана. Поэтому, зайдя въ храмъ Воскресенія, приложившись къ святому Гробу Господню, мы отправились въ греческую патріархію по своеобразнымъ, съ каменными, уступами, улицамъ святого города, который теперь при дневномъ освященіи мы могли разсматривать во всѣхъ подробностяхъ. Трудно передать словами то впечатлѣніе, какое производитъ впервые святой городъ. Его отчасти можетъ понять тотъ, кому, послѣ долгихъ лѣтъ странствованія по пустынѣ жизни, случалось вернуться въ тотъ родной городъ, гдѣ протекло его первое дѣтство, гдѣ зарождались его первыя чистыя желанія и зрѣли первыя искреннія и глубокія мысли. При видѣ родного города,— пусть за прошедшее время физіономія его и измѣнилась, къ лучшему или худшему, — сердце возвратившагося путника радостно трепещетъ. Тѣсною вереницею толпятся въ головѣ воспоминанія о минувшихъ безвозвратно золотыхъ дняхъ дѣтства, и эти воспоминанія разжигаютъ въ сердцѣ горячее пламя любви къ родному городу. Тѣ же чувства волновали грудь нашу и на улицахъ св. города; ходя по нимъ, переживали и мы лучшую пору нашей жизни, золотые дни счастливаго дѣтства, такъ какъ никогда не бываетъ такъ чиста и глубока наша вѣра, такъ близокъ къ намъ горній Іерусалимъ, какъ въ годы невиннаго дѣтства.



Улица въ Іерусалимѣ.

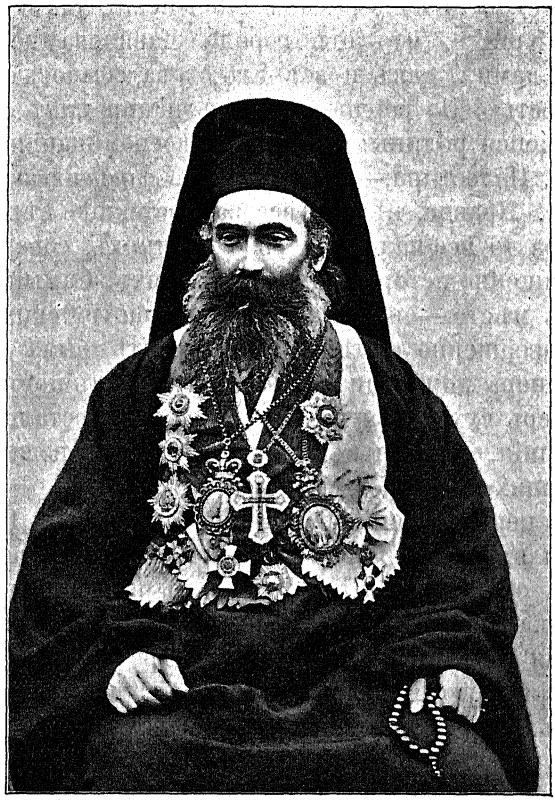
Дитя живетъ въ сферѣ воображенія, и потому библейскія лица: Моисей, Давидъ, Іосифъ, наконецъ, Христосъ для него вполнѣ живыя лица, облеченныя плотью и кровью; онъ любитъ ихъ всею силою своею маленькаго сердца и живо представляетъ себѣ на основаніи священныхъ разсказовъ тѣ мѣста, гдѣ они жили и дѣйствовали. Проза жизни, какъ утренній морозъ, убивающій нѣжные майскіе цвѣты, ослабляетъ силу непосредственнаго, дѣтскаго религіознаго чувства... Но вотъ снова тѣ мѣста, среди которыхъ жило дѣтское воображеніе; вотъ тѣ мѣста, гдѣ дѣйствовали знакомые съ дѣтства святые люди и просыпается въ груди подавленное жизнью дѣтски—непосредственное религіозное чувство. Пу-

скай библейскаго Іерусалима уже нѣтъ; пусть тотъ, который мы видимъ, мало напоминаетъ библейскій, такъ какъ предсказаніе Христа, что отъ города Давидова не останется камня на камнѣ, какъ и всѣ Его слова, сбылось съ буквальною точностью! Но сердце дрожитъ и при видѣ совершенно измѣнившейся родины; оно живетъ воспоминаніями далекаго прошлаго. Палестина,—это по истинѣ *страна священныхъ воспоминаній.* Правда, въ ней все за протекшіе вѣка измѣнилось, но за то все напоминаетъ о великихъ, совершившихся здѣсь священно-историческихъ событіяхъ. Самый городъ перемѣнилъ мѣсто,—онъ вышелъ изъ-за библейскихъ стѣнъ и вообще совершенно измѣнился: тамъ, гдѣ была ранѣе гора Моріа—теперь почти низменность, гдѣ былъ потокъ Кедронскій—теперь сухое каменистое ложе... Но остались библейскія названія, будящія въ душѣ священныя воспоминанія о совершившихся здѣсь событіяхъ.

Утромъ перваго дня, проведеннаго нами въ Іерусалимѣ, мы, зайдя въ храмъ Воскресенія и приложившись къ Гробу Господню, отправились въ патріархію въ сопровожденіи о. Начальника миссіи арх. Александра и Н. Г. Михайлова [1]). Резиденція патріарха находится въ греческомъ монастырѣ св. Георгія, пріютившемся среди массы другихъ зданій, недалеко отъ Воскресенскаго храма. Зданіе патріархіи затерялось среди другихъ окружающихъ его и снаружи мало чѣмъ обращаетъ на себя вниманіе. Но внутри оно помѣстительно и обставлено роскошно. Широкая лѣстница ведетъ вверхъ, гдѣ чрезъ устланную мраморными плитами площадку мы вошли въ большой свѣтлый и прекрасно убранный залъ съ длиннымъ рядомъ диванов и креселъ, обитыхъ яркою шелковою матеріею. Между ними расположены небольшіе разукрашенные столики. Стѣны увѣшаны портретами Государя, Государыни, особъ Греческаго царствующаго дома, большимъ портретомъ Султана, Великихъ князей Сергія и Павла Александровичей и Великой княгини Елизаветы Ѳеодоровны. Сюда вскорѣ изъ-за тяжелой драпировки, отдѣляющей пріемную отъ внутреннихъ комнатъ, вышелъ „блаженнѣшій и Святѣйшій Отецъ и Патріархъ св. града

---

[1]) По пути Преосвященный съ профессорами зашли съ визитомъ къ г. консулу Яковлеву, но не имѣли удовольствія застать его дома.



Патріархъ Іерусалимскій Даміанъ.

Іерусалима и всей Палестины, Сиріи и Аравіи за Іорданомъ, Каны Галилейской и Св. Сіона“ Даміанъ. Онъ былъ въ черной, разрѣзанной по бокамъ снизу, рясѣ и въ камилавкѣ съ расширяющимся днемъ. Его Блаженство встрѣтилъ насъ очень привѣтливо. Послѣ того какъ Его Преосвященство представилъ насъ ему, онъ всѣхъ благословилъ, со всѣми облобызался и усадилъ всѣхъ около себя. Затѣмъ намъ предложено было обычное восточное угощеніе. Патріархъ Даміанъ хорошо говоритъ по русски и объясняется безъ переводчика. Онъ еще не старый, бодрый, представительный мужчина, съ сѣдоватою бородою, круглымъ и очень симпатич-

нымъ лицомъ, на которомъ словно застыла улыбка [1]). Онъ очень интересовался нашимъ путешествіемъ и желалъ ему полнаго успѣха въ виду его благой цѣли и исключительности. Его Блаженство высказалъ даже надежду, что благой примѣръ путешествія къ величайшей святынѣ Востока воспитанниковъ духовной школы не останется безъ послѣдствій. Онъ подробно разспрашивалъ о нашемъ путешествіи до Іерусалима, о предполагаемомъ распредѣленіи времени въ Іерусалимѣ и вообще въ Палестинѣ, обѣщавъ содѣйствовать успѣху нашего путешествія, поскольку онъ можетъ быть намъ полезенъ; благословилъ Преосвященнаго и сопутствующее ему духовенство служить во всѣхъ греческихъ храмахъ и даже совершить у Гроба Господня и на Голгоѳѣ „исключительно русское“ служеніе,—что очень утѣшительно и знаменательно, особенно если обратить вниманіе на недавнее время. Напр., когда патріархъ Никодимъ позволилъ себѣ во время богослуженія произносить нѣкоторые возгласы по русски, то греки сильно возстали противъ него, обвиняя его въ измѣнѣ и предательствѣ русскимъ (см. Журн. сообщ. Импер. Правосл. Пал. Общества) и до послѣдняго времени неохотно допускали русское духовенство служить въ храмѣ Воскресенія и вообще въ греческихъ церквахъ, а допустивъ, старались оттѣснить на задній планъ своими. По окончаніи аудіенціи, получивъ напутственное благословеніе Его Блаженства, мы въ сопро-

---

[1]) Патріархъ Даміанъ—родомъ изъ Самоса; въ молодости прибылъ въ Іерусалимъ, гдѣ и закончилъ свое образованіе. Вступивъ затѣмъ въ Святогробское братство и зарекомендовавъ себя честнымъ и просвѣщеннымъ исполненіемъ лежавшихъ на немъ обязанностей, Даміанъ при патр. Іероѳеѣ I былъ посланъ въ качествѣ епитропа св. Гроба въ Грузію, гдѣ съ ревностію и честію служилъ нѣсколько лѣтъ въ пользу Святогробскаго братства. Потомъ, при патр, Никодимѣ I, онъ былъ опредѣленъ епитропомъ Гроба Господня въ Константинополѣ и здѣсь пріобрѣлъ общее расположеніе и уваженіе. Отозванный однако черезъ два года патр. Никодимомъ въ Іерусалимъ, онъ долгое время находился на покоѣ. При патр. Герасимѣ I, Даміанъ сдѣлался дѣятельнымъ членомъ Святогробскаго братства, потомъ былъ возведенъ въ санъ митр. Филаделфіи и назначенъ намѣстникомъ Іерусалимскаго Патріарха въ монастырѣ Виѳлеемскомъ, Послѣ смерти патріарха Герасима, († 1897 г.) 10-го іюня тогоже года былъ призванъ на престолъ Іакова, брата Господня, митр. Даміанъ. Въ бытность свою митрополитомъ Филадельфійскимъ, онъ былъ на коронаціонныхъ торжествахъ 1896 года въ Москвѣ, въ качествѣ представителя патр. Герасима. Патріарху Даміану теперь около 50 лѣтъ.

вожденіи о. архимандрита и Н. Гр. Михайлова направились по узкой коридоро-образной улицѣ на русскія раскопки, въ Русскій домъ, въ которомъ сохраняется недавно-открытая

Порогъ Судныхъ вратъ.

арка — новый порогъ „Судныхъ вратъ“, чрезъ который съ крестомъ шелъ на Голгоѳу Господь нашъ Іисусъ Христосъ, часть лѣстницы, ведшей въ базилику Константина, и остатки древне-еврейской стѣны, за которую (внѣ черты города) Христосъ вышелъ на вольныя страданія. Русскимъ домомъ, такимъ образомъ, заканчивается крестный путь Христа, а потому онъ находится всего въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ храма Гроба Господня. Раскопки эти, имѣющія громадное значеніе для археологіи и топографіи святого города, произведены по почину Августѣйшаго Предсѣдателя Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества Великаго Князя Сер-

гія Александровича бывшимъ начальникомъ русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ архимандритомъ Антониномъ, имя котораго съ благоговѣніемъ произносится здѣшними сторожилами и дѣлается священнымъ для паломника, видящаго на каждомъ шагу добрые плоды его неутомимой и многополезной дѣятельности во благо русской Церкви на православномъ Востокѣ. Судныя врата открыты Антониномъ 10 іюля 1883 года во время раскопокъ, на глубинѣ 30 аршинъ. Въ настоящее время надъ площадью, гдѣ была открыта интересная находка, сооруженъ небольшой храмъ въ память въ Бозѣ почившаго царя Миротворца Александра III-го. Откопанные остатки древнееврейской стѣны находятся въ фундаментѣ нижняго этажа храма, который соединяется широкою лѣстницею съ верхнимъ этажемъ. Здѣсьже хранятся другія находки Антонина и помѣщается женское братство, члены котораго неусыпно читаютъ псалтирь по усопшемъ Государѣ и почившихъ членахъ Палестинскаго общества у самаго священнаго порога, помѣщеннаго подъ стекляннымъ футляромъ. Въ Русскомъ домѣ мы оставались довольно долго, подробно и обстоятельно разсматривая раскопки Антонина, такъ какъ онѣ имѣютъ громадное значеніе для окончательнаго рѣшенія вопроса (спорнаго до сихъ поръ для ученыхъ) о подлинности тѣхъ священныхъ мѣстъ, которыя заключаетъ въ себѣ храмъ Воскресенія. Дѣло въ томъ, что какъ Голгоѳа, такъ и пещера погребенія Спасителя открыты лишь въ 324 году по Р. Хр. Это обстоятельство даетъ поводъ заподозрѣвать подлинность этихъ священныхъ мѣстъ нѣкоторымъ, преимущественно, протестантскимъ ученымъ, указывающимъ пещеру погребенія Христа на холмѣ Іереміи, за Дамасскими воротами. Но хотя Голгоѳа и пещера погребенія Христа открыты дѣйствительно настолько поздно, что въ народной памяти могло затеряться историческое преданіе о мѣстонахожденіи ихъ, однако св. Елена открыла ихъ, какъ извѣстно, по вѣрному признаку,— именно, по тѣмъ статуямъ Юпитера и Венеры, которыя поставилъ надъ Голгоѳою и пещерою гроба Господня Императоръ Адріанъ, изгнавшій евреевъ изъ Іерусалима и желавшій уничтожить самую память о священныхъ для христіанъ мѣстахъ, сдѣлавъ ихъ мѣстами для поклоненія язычниковъ. Единственною опорою протестантскаго опредѣленія

мѣста погребенія Спасителя служила ссылка на слова евангелія, свидѣтельствующія о томъ, что Спаситель былъ погребенъ внѣ стѣнъ города, между тѣмъ какъ теперешнее мѣсто храма Воскресенія, включающее въ себѣ Гробъ Господень и Голгоѳу, по ихъ мнѣнію, находилось внутри древнихъ городскихъ стѣнъ, одна изъ которыхъ проходила къ западу отъ храма Воскресенія. Открытый на востокѣ отъ храма Воскресенія остатокъ древнееврейской стѣны подрываетъ силу этого доказательства, подтверждая убѣжденіе въ томъ, что Голгоѳа и Гробъ Господень находятся дѣйствительно внѣ стѣны древняго города, заставляя, такимъ образомъ, признать подлинность святынь, заключенныхъ въ нынѣшнемъ храмѣ Воскресенія.

По осмотрѣ Русскаго дома, завѣдующая имъ угостила насъ чаемъ, - что было весьма кстати, въ виду почти нестерпимой жары, особенно сильно дѣйствовавшей на насъ, жителей сѣвера. Жара же побуждала торопиться домой, чтобы укрыться поскорѣе отъ палящихъ лучей знойнаго палестинскаго солнца. Если въ русскомъ домѣ дѣйствительно находится порогъ „Судныхъ вратъ“, чрезъ которыя Христосъ шелъ за городъ на крестныя страданія, то они являются послѣднею стадіею великаго крестнаго пути Спасителя. Этимъ путемъ и мы отправились теперь на русскія постройки. Крестный путь—путь великій и страшный, въ настоящее время—цѣпь узкихъ, грязныхъ, темныхъ и шумныхъ улицъ и переулковъ Іерусалима. Чего - чего только здѣсь нѣтъ?! Верблюды, ослы, лошади, ихъ погонщики, разносчики всевозможнаго товара, турки, евреи, арабы, христіане всѣхъ національностей—всѣ столпились на этомъ пути. Крики погонщиковъ, ругань арабовъ, выкрикиванія продавцовъ, ревъословъ—все слилось здѣсь въ одинъ нестройный гулъ. Невозможно грязная улица завалена грудами разнаго товара, гдѣ фрукты перемѣшались съ тушами мяса, галантерейные товары съ священными реликвіями. Однимъ словомъ, крестный путь Христа въ современномъ Іерусалимѣ—это одна изъ самыхъ грязныхъ, быть можетъ въ цѣломъ мірѣ, шумныхъ, торговыхъ улицъ. Не указываетъ-ли это символически на то, какъ послѣдователи Христа въ современномъ христ. мірѣ, взявшіе на себя крестъ Его и обѣщавшіе итти Его путемъ—путемъ страданій и униженій, идутъ

широкою и шумною дорогою радостей и наслажденій жизни..... Отъ Русскаго дома черезъ Дамасскую улицу мы вошли въ узкую улицу-коридоръ, сквозь арки которой проникаютъ сюда слабые лучи свѣта; сѣрая мраморная колонна обозначаетъ здѣсь мѣсто вторичнаго паденія Христа подъ тяжестью креста. Далѣе, среди позднѣйшихъ построекъ улицы, занятой грязными, полуоткрытыми лавками, мѣстами проступаетъ остатокъ древне-еврейской стѣны. Благочестивое преданіе ознаменовало каждый шагъ крестнаго пути Спасителя священными воспоминаніями. Вотъ, по преданію, домъ евангельскаго Доброка—сердобольнаго богача; далѣе, мѣсто, гдѣ плакали преданныя Христу Іерусалимлянки и гдѣ Онъ, Самъ изнемогающій подъ тяжелою ношею креста, утѣшалъ ихъ; вотъ мѣсто, гдѣ встрѣтила божественнаго Страдальца Его Мать и гдѣ сострадательный Симонъ Киринейскій взялъ на себя Его крестъ. Наконецъ, мы доходимъ до излома улицы, гдѣ находится древняя арка, извѣстная подъ названіемъ: „ecce homo“. Отсюда, по преданію, Пилатъ показалъ ожесточенной толпѣ изможденнаго Христа, одѣтаго въ багряницу и съ окровавленнымъ терновымъ вѣнцомъ на головѣ. Далѣе, узкій коридоръ улицы широкими ступенями поднимается вверхъ. Лавки, расположенныя на протяженіи крестнаго пути, большею частію устроены безъ оконъ и безъ дверей, а освѣщаются только съ улицы. Они или непосредственно соединены съ мастерскими, или сами въ то-же время являются мастерскими, такъ что, проходя по улицѣ, имѣешь возможность наблюдать дѣятельность въ этихъ мастерскихъ. Съ улицы видно, какъ въ одномъ мѣстѣ столяры работаютъ надъ изготовленіемъ восточныхъ дивановъ и другихъ предметовъ, преимущественно мелкихъ вещицъ изъ оливковаго дерева (верблюды-чернильница, подсвѣчники, альбомы, трости и т. п.), раскупаемыхъ паломниками на память о Іерусалимѣ; въ другомъ—сапожники шьютъ туфли изъ красной кожи, которыя здѣсь въ большомъ ходу, такъ какъ продаются крайне дешево (50 к. на рус. деньги) и очень практичны для ходьбы по здѣшнимъ камнямъ, убійственнымъ для обычной европейской обуви; затѣмъ видно мастерскую горшечника, выдѣлывающаго изъ глины употребительные здѣсь кувшины, рядомъ съ мастерской, въ которой работаютъ надъ выдѣлываніемъ изъ перламутра крестиковъ, четокъ и тому

подобныхъ вещей, бойко раскупаемыхъ богомольцами на память. Далѣе работаютъ хлѣбопекари, тутъ же и продающіе свои горячія печенья; дымятся жаровни, на которыхъ поджаривается шашлыкъ и шипитъ, вертясь на вертелѣ, мясо. Такова жизнь на улицахъ Іерусалима! И если принять во вниманіе то обстоятельство, что на Востокѣ внѣшнія формы и весь укладъ жизни отличаются необыкновенною устойчивостью и малоподвижностью, то съ полнымъ правомъ въ теперешнихъ формахъ жизни можно видѣть формы жизни, современныя библейскому Іерусалиму, современныя самому Христу чисто библейскія картины. Іерусалимъ словно замеръ, подобно забальзамированной египетской статуѣ, и пронесшіяся надъ нимъ тысячелѣтія, совершенно измѣнившія его внѣшній видъ, не коснулись формъ внутренней жизни, не измѣнили обычаевъ и привычекъ страны. Даже костюмы не износились за протекшія тысячелѣтія. Снующіе вездѣ евреи съ характерными библейскими лицами одѣты въ широкіе, перехваченные у пояса плащи, на ногахъ красныя сандаліи.

За то совершенно другою атмосферою вѣетъ, едва-лишь только выходишь изъ-за стѣнъ города и приближаешься къ новому городу, въ которомъ главное мѣсто занимаютъ Русскія постройки: здѣсь чисто, просторно и красиво.

Русскія постройки, занявшія большую площадь на сѣверозападномъ концѣ Іерусалима, пріютились безспорно въ одномъ изъ самыхъ лучшихъ уголковъ города, на возвышенности, отдѣленной отъ остальныхъ частей и господствующей надъ всѣмъ городомъ. Русскія постройки, обнесенныя массивными стѣнами,—это цѣлая русская колонія въ Іерусалимѣ, недалеко отъ Яффскихъ воротъ. Вся возвышенность покрыта цѣлымъ рядомъ зданій, среди которыхъ возвышается пятиглавый соборъ византійскаго стиля въ честь св. Троицы. Кругомъ собора группируется цѣлый рядъ двухъэтажныхъ корпусовъ, изъ которыхъ одни принадлежатъ миссіи, другіе—Палестинскому обществу; въ первыхъ помѣщаются служащіе въ Миссіи (о. Архимандритъ, 5 іеромонаховъ и нѣсколько пѣвчихъ; есть номера и для пріѣзжающаго духовенства, которое однако мало здѣсь останавливается); во вторыхъ—устроены большая больница съ помѣщеніемъ для служащихъ, гостиницы для богомольцевъ,

простого народа и интеллигенціи. Корпуса устроены массивно, съ плоскими, по восточному, крышами, и окрашены блѣдно—розовою краскою. Они пріютились по окраинѣ площади, оставивъ въ срединѣ пустымъ большое пространство, отчасти занятое прекраснымъ цвѣтникомъ.

Самое подворье Палестинскаго общества для паломниковъ устроено вполнѣ образцово. Два большія корпуса для мужчинъ и женщинъ изъ простыхъ паломниковъ устроены удобно и содержатся чисто. Новое подворье для интеллигентныхъ паломниковъ устроено не только удобно, но даже съ комфортомъ. Оно выстроено по послѣднему слову науки со всевозможными приспособленіями, съ цистернами, снабжающими водой во время лѣтнихъ мѣсяцевъ, русскими банями, сушильнями для бѣлья, и. т. п. Кромѣ того, при немъ есть прекрасный общій залъ, библіотека..

По возвращеніи на подворье мы пообѣдали, и до 4-хъ часовъ, когда было предположено отправиться на Елеонскую гору, разошлись по своимъ номерамъ, кто отдыхать, кто записывать впечатлѣнія послѣднихъ дней. Но заниматься въ Іерусалимѣ днемъ чѣмъ бы то ни было, непривыкшему къ здѣшнему климату человѣку, очень трудно. Нестерпимый дневной зной на улицѣ проникаетъ и сквозь рѣшетчатыя жалюзи оконъ подворья въ комнаты, гдѣ накаливаетъ воздухъ, разслабляетъ, убиваетъ всякую энергію и побуждаетъ забираться подъ кисейный пологъ койки, что вскорѣ большинство и сдѣлало.

Въ три часа Марко уже стучалъ въ двери нашихъ комнатъ, торопя пить чай, такъ какъ черезъ часъ назначенъ выѣздъ на Елеонъ.

24-е Іюня. Суббота. На горѣ Елеонской.

Въ четыре часа дня, когда тропическая жара начала спадать, мы отправились на Елеонскую гору. У подъѣзда новаго подворья уже давно стояли шесть троекъ, запряженныхъ въ громадные экипажи въ родѣ русскихъ линеекъ. На козлахъ сидѣли черные, загорѣвшіе отъ южнаго солнца, арабы; рядомъ съ ними усѣлись кавасы Палестинскаго Общества въ своихъ красивыхъ костюмахъ. На первую тройку сѣли Преосвященный съ о. Архимандритомъ и профессо-

рами, въ остальныхъ размѣстились мы. Марко, завѣдывавшій поѣздкою, далъ знакъ, захлопали бичи и наша кавалькада тронулась въ путь, обращая на себя общее вниманіе, какъ русскихъ паломниковъ, такъ и мѣстныхъ жителей, которые останавливались при видѣ насъ и долго провожали нашъ поѣздъ глазами. Отъ русскихъ построекъ до Елеонской горы верстъ 8-мь [1]), дорога идетъ по загороду, т. е. внѣ стѣнъ города, но по населенной, преимущественно иностранцами, мѣстности. Дорога, какъ и всѣ шоссейныя дороги Іерусалима и его окрестностей, подновленныя къ пріѣзду Германскаго Императора, великолѣпна; по сторонамъ ея высятся, большею частію, громадные европейскіе дома, принадлежащіе различнымъ консульствамъ и благотворительно-просвѣтительнымъ заведеніямъ разныхъ національностей.

Марко нанялъ прекрасныхъ лошадей: онѣ бѣгутъ быстро, заволакивая густымъ слоемъ пыли встрѣчающихся на нашемъ пути арабовъ, возсѣдающихъ или на громадныхъ верблюдахъ, или на маленькихъ осликахъ, иностранныхъ туристовъ, красиво гарцующихъ на горячихъ арабскихъ лошадяхъ, турчанокъ, лица которыхъ тщательно закрыты яшмакомъ, съ кувшинами воды на головахъ, и сидящихъ по сторонамъ дороги нищихъ, жалобные возгласы которыхъ: „э, бра-а-ать, давай паричку!“ несутся вдогонку за нашими экипажами. У подножія Елеонской горы мы вышли изъ экипажей, чтобы начать осмотръ ея историческихъ памятниковъ.

Елеонская гора, куда Спаситель особенно любилъ уединяться во время своего пребыванія въ Іерусалимѣ, вся, такъ сказать, дышетъ священными воспоминаніями. Но это еще не значитъ, что здѣсь много дѣйствительныхъ историческихъ памятниковъ. По свидѣтельству ученыхъ археологовъ, производившихъ раскопки Іерусалима, городъ временъ Спасителя, подвергавшійся послѣ Его смерти десятки разъ разрушеніямъ, находится подъ землею на глубинѣ болѣе 12 саженъ, и потому здѣсь нѣтъ почти ни одного священнаго мѣста, нѣтъ ни одного историческаго памятника, подлин-

---

[1]) Но собственно отъ черты городской стѣны, съ восточной стороны ея. Елеонская гора находится въ разстояніи субботняго пути, т. е. 5401 сажени отъ Іерусалима.

ность котораго не могла-бы быть оспариваема. Лицо Іерусалима измѣнилось до неузнаваемости. Напрасно современный паломникъ сталъ-бы искать здѣсь глубокій Кедронскій потокъ временъ Спасителя, разросшуюся, густолиственную рощу Геѳсиманіи, Голгоѳскую гору внѣ стѣнъ Іерусалима. Кедронскій потокъ высохъ, Геѳсиманскій садъ вырубленъ, Голгоѳа срыта и включена въ черту города. Благочестивый паломникъ живетъ въ современномъ Іерусалимѣ священными воспоминаніями, которыми дышетъ вся атмосфера города, хотя и измѣнившаго совершенно свой внѣшній видъ. Особенно полна такими священными воспоминаніями Елеонская гора. Съ этой горы Спаситель по воскресеніи вознесся на небо; здѣсь передъ Своими страданіями Онъ молился до кроваваго поту, какъ человѣкъ, о томъ, чтобы миновала Его „сія чаша“; здѣсь, по преданію, Онъ училъ Своихъ учениковъ молитвѣ Господней; отсюда Онъ предсказывалъ о судьбѣ, ожидающей Іерусалимъ..... Нѣсколько библейскихъ памятниковъ находится и у подножія Елеонской горы. Изъ нихъ мы прежде всего осмотрѣли гробницы, находящіяся въ долинѣ Іосафатовой у подножія горы, извѣстныя подъ именемъ гробницъ Авессалома, Іосафата, Захаріи, Іакова. Вся вообще долина Іосафатова [1]) такъ же, какъ и большое русло потока Кедронскаго, испещрена каменными памятниками и можетъ быть по справедливости названа долиною мертвыхъ, которыхъ здѣсь, по народному повѣрію, такъ много, что тутъ долженъ произойти страшный судъ. Это повѣріе, общее христіанамъ, евреямъ и магометанамъ, основывается вѣроятно на близости Іосафатовой долины къ Елеонской горѣ, откуда вознесся Спаситель, грядущій судить живыхъ и мертвыхъ, и на словахъ пророчества Іоиля (III г. 12: *и соберу вся языки и сведу я на юдоль іосафатову, и разсуждуся съ ними ту о людехъ моихъ*), понимаемыхъ буквально. Вѣра въ это среди евреевъ такъ распространена, что многіе изъ нихъ, живущіе въ разныхъ частяхъ свѣта,

---

[1]) Долина Іосафатова—часть долины кедронской, идущей съ сѣверо-западной стороны Іерусалима до Мертваго моря. — Названіе свое получила она, вѣроятно, отъ гробницы Іосафата, подъ которымъ, какъ полагаютъ тоже, нужно разумѣть Іосафата, сына Ахилудова, бывшаго лѣтописца царей Давида и Соломона (2 Царствъ, VIII, 16; 3 Цар. IV, 3).

передъ смертію пріѣзжаютъ въ Іерусалимъ, чтобы умереть здѣсь и быть погребеннымъ въ Іосафатовой долинѣ, откуда скорѣе можно предстать на страшный судъ. Впрочемъ, это дѣлаютъ и не одни только евреи. Драгоманъ миссіи разсказывалъ намъ, что пріѣзжаютъ иногда изъ Западной Европы, преимущественно изъ Франціи, барыни покупать себѣ мѣсто для погребенія въ Іосафатовой долинѣ. Магометане, благодаря своему живому воображенію, идутъ дальше. Они видятъ даже (не всѣ, но только избранные) волосяной мостъ, перекинутый черезъ Іосафатову долину отъ вершины Елеонской горы до стѣны Іерусалима. По этому мосту, говорятъ они, станутъ переходить послѣ страшнаго суда души людей, при чемъ души праведниковъ, поддерживаемыя Ангелами, пройдутъ свободно, а души грѣшниковъ потеряютъ равновѣсіе и полетятъ въ Іосафатову долину, гдѣ ихъ проглотитъ адъ.

Нѣкоторые изъ памятниковъ Іосафатовой долины очень древни, какъ о томъ свидѣтельствуютъ надписи на нихъ: но принадлежали-ли памятники съ именами Авессалома, Іосафата, Захаріи и т. д. этимъ самымъ историческимъ лицамъ— это рѣшить довольно трудно, хотя сѣдая древность ихъ не можетъ быть подвержена сомнѣнію. Съ этой точки зрѣнія они и заслуживаютъ вниманія и интереса ученаго наблюдателя. Памятникъ Авессалома представляется громадною глыбою, обдѣланною въ видѣ правильнаго четыре-угольнаго зданія съ круглою конусообразною крышею и четыремя готическими колоннами по сторонамъ. По мнѣнію евреевъ, это есть тотъ столбъ, который еще при жизни своей Авессаломъ приготовилъ въ долинѣ царской, какъ мѣсто для своей гробницы (2 Царствъ, XVIII, 18). Но, судя по ея архитектурѣ, слѣдуетъ предполагать, что она сооружена гораздо позже этого времени. Іоническія колонны, окружающія ея основаніе, указываютъ, что ее слѣдуетъ причислить къ сирогреческому времени [1]). Около памятника—груда камней. Это символъ презрѣнія къ непокорному сыну Давида со стороны вѣрующихъ евреевъ, которые бросаютъ камни въ памятникъ, проходя мимо него. Мы знаемъ, что когда Авес-

---

[1]) Тристрамъ. Вост. обычаи въ библейск. странѣ, стр. 58.

саломъ былъ предательски убитъ Іоавомъ во время бѣгства съ поля сраженія при Маханаимѣ, тѣло его бросили *въ пропасть велику въ дубравѣ, и складе надъ нимъ купу каменія велику зѣло.* (2 Царств., 18, 17). Это сдѣлано было для оскорбленія его тѣла. Каждый прохожій долженъ былъ къ общей грудѣ прибавлять еще камень, произнося проклятія сыну, возставшему противъ отца. Во имя этого преданія евреи и теперь бросаютъ сюда камни съ проклятіями. Рядомъ съ памятникомъ Авессалома показываютъ гробницы царя Іосафата, пророка Захаріи и Іакова, перваго епископа Іерусалимскаго, низвергнутаго съ кровли храма въ долину Іосафатову за исповѣданіе имени Христова. Послѣднія двѣ гробницы—крытыя пещеры, подъ своды которыхъ, согнувшись, можно проникнуть довольно далеко. Марко, вѣроятно сотни разъ лазившій подъ эти своды, по настоянію неугомонныхъ туристовъ, людей очень докучливыхъ, какъ извѣстно, не поощрялъ нашего желанія проникнуть туда, говоря, что тамъ нѣтъ ничего интереснаго, не стоитъ смотрѣть; однако мы повѣрили ему только послѣ того, какъ сами побывали внутри пещеры, гдѣ, дѣйствительно, не оказалось ничего интереснаго. Это же обстоятельство отбило у насъ желаніе и охоту осматривать и другіе историческіе памятники той долины, подъ которыми, по преданію, погребены еврейскіе цари. Поэтому, мимо многочисленныхъ каменныхъ плитъ Іосафатовой долины, осѣненныхъ по мѣстамъ масличными деревьями, подъ тѣнью которыхъ виднѣются кое-гдѣ полуголые арабскіе ребятишки, наглядно свидѣтельствующіе своимъ присутствіемъ въ этой долинѣ смерти о непрерывности жизни, мы отправились назадъ къ Геѳсиманіи, т. е. къ тому мѣсту, гдѣ во времена Спасителя находился густой Геѳсиманскій садъ, отъ котораго въ настоящее время осталось лишь нѣсколько маслинъ, принадлежащихъ католикамъ. Первою святынею Геѳсиманіи является погребальный вертепъ Божіей Матери. Надъ нимъ еще царицею Еленою [1]) былъ

[1]) Храмъ Елены въ первоначальномъ видѣ существовалъ до XI-го вѣка; возобновленъ-же въ 1161-омъ году Мисиндою, дочерью Балдуина II. Паломники въ 1187-мъ году описываютъ его такимъ, какимъ онъ является въ настоящее время. Впрочемъ, по другимъ даннымъ, первоначально храмъ надъ погребальною пещерою Богоматери сооруженъ въ V вѣкѣ императрицею Евдокіею.

воздвигнутъ великолѣпный храмъ, который не былъ разрушенъ мусульманами потому, что и они благоговѣютъ передъ матерью „великаго пророка“ Христа. Но не разрушенный въ теченіе многихъ вѣковъ врагами, этотъ храмъ пострадалъ отъ самой природы. Онъ въ настоящее время засыпанъ съ высотъ Іерусалима и съ горы Елеонской такъ, что надъ поверхностью земли находится одинъ только фронтонъ его, тяжелые камни котораго, точно развалины, обросли травой; средину занимаютъ покривившіяся крѣпостныя ворота, обитыя огромными желѣзными гвоздями, и желѣзный порогъ, истертый ногами благочестивыхъ богомольцевъ. Принадлежитъ этотъ храмъ православнымъ и армянамъ, хотя и всѣ другія національности имѣютъ здѣсь особыя мѣста для молитвы. Широкая, каменная лѣстница 48-ю ступенями ведетъ во внутренность храма, гдѣ, не смотря на множество горящихъ постоянно здѣсь лампадъ, господствуетъ такой густой полумракъ, что трудно сразу оріентироваться. Среди лѣстницы, по бокамъ, показываютъ небольшія часовни-усыпальницы свв. Іоакима и Анны, родителей Пр. Дѣвы и св. Іосифа-Обручника. Самый храмъ имѣетъ форму креста и заключаетъ въ себѣ нѣсколько алтарей, принадлежащихъ націямъ различныхъ вѣроисповѣданій: грекамъ, коптамъ, сирійцамъ, абиссинцамъ, армянамъ. Даже турки мусульмане имѣютъ въ этомъ храмѣ свой мирабъ, гдѣ совершаютъ моленія Ситти Маріамъ, т. е. Госпожѣ Маріи, а масло изъ лампадъ этого храма считаютъ чудодѣйственнымъ. Одни только католики не имѣютъ здѣсь своего алтаря. Самая гробница Богоматери находится такъ же, какъ и гробъ Спасителя, въ кувукліи посреди храма. Кувуклій—изъ цѣльной скалы и богато украшенъ мраморомъ и другими драгоцѣнностями, сверху покрытъ куполомъ. Ложе Богоматери выточено въ восточной сторонѣ скалы и покрыто мраморною плитою, на которой отражается свѣтъ, льющійся изъ множества висящихъ здѣсь же неугасимыхъ лампадъ. Выслушавъ греческій молебенъ и воспѣвъ кондакъ „въ молитвахъ неусыпающую Богородицу,“ мы приложились къ мраморной доскѣ, покрывающей ложе Богоматери, а затѣмъ прошли по придѣламъ другихъ національностей. Нѣкоторые изъ нихъ были пусты, въ другихъ насъ встрѣчали ихъ монахи въ своихъ оригинальныхъ для непривычнаго глаза костю-

махъ. Вездѣ царитъ могильный мракъ, сквозь который въ различныхъ мѣстахъ пробивается свѣтъ отъ сотни золотыхъ и серебряныхъ лампадъ, висящихъ въ видѣ дивныхъ сталактитовъ на сводчатомъ потолкѣ.

Въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ погребальною пещерою Богородицы находится огороженное католиками мѣсто, съ историческими маслинами Геѳсиманскаго сада [1]). Высокая, бѣлая, каменная ограда со всѣхъ сторонъ охватываетъ палисадникъ, среди котораго между широкими, усыпанными пескомъ, правильными дорожками виднѣется нѣсколько маслинъ молодыхъ и 8-мь старыхъ. Изъ послѣднихъ, огороженныхъ рѣшетками, особенно замѣчательны двѣ, несомнѣнно очень древнія. Объемъ ихъ у корней—около трехъ саженъ; въ ихъ дуплахъ свободно могутъ помѣститься нѣсколько человѣкъ. Древность ихъ подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что, по свидѣтельству путешественника прошлаго вѣка, Шатобріана, турки, обложившіе всѣ маслины податью, брали съ Геѳсиманскихъ великановъ менѣе, чѣмъ съ другихъ маслинъ. Между тѣмъ извѣстно, что эта привилегія распространялась лишь на тѣ маслины, которыя во время перваго завоеванія Іерусалима халифомъ Омаромъ уже давали плоды. Католики считаютъ принадлежащее имъ мѣсто Геѳсиманскаго сада (вѣрнѣе, рощи) тѣмъ самымъ мѣстомъ, на которомъ, согласно евангельскому повѣствованію, Спаситель молился съ Своими учениками предъ Его крестными страданіями, и потому украсили садъ вдоль его рѣшетки изображеніями Спасителя въ различныхъ положеніяхъ, соотвѣтствующихъ различнымъ моментамъ молитвы. Эти изображенія, къ которымъ новѣйшими описателями путешествій принято почему-то относиться свысока (см. напр. Суворина, Палестина, стр. 30, гдѣ онъ называетъ ихъ символическими бездѣлушками, ср. Корженевскій, по Востоку, стр. 170), имѣютъ большое значеніе для простого народа, какъ наглядная исторія страданій Христа въ Геѳсиманскомъ саду. Дѣло только въ томъ, соотвѣтствуетъ-ли все это дѣйствительности, дѣйстви-

---

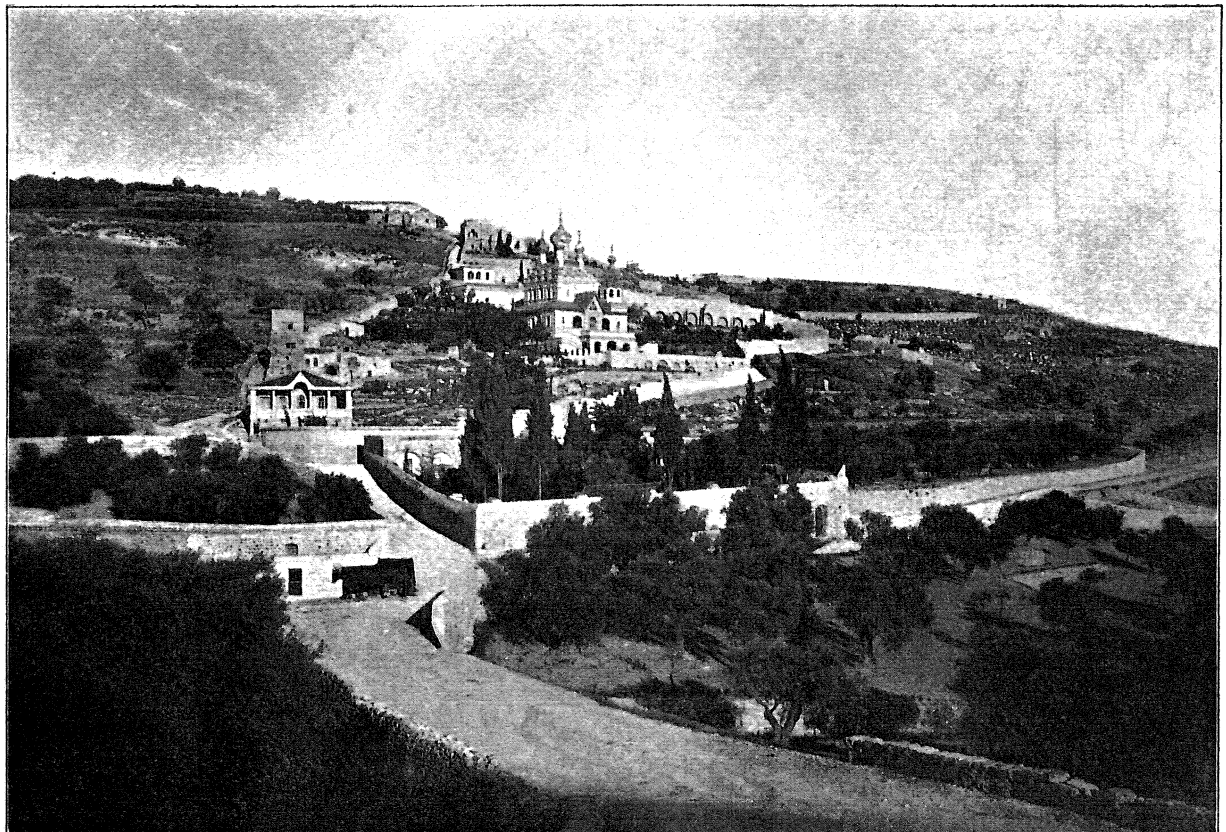
[1]) Въ древнее время вся Елеонская гора была покрыта маслинами, откуда и названіе ея: масличная, елеонская. Слово „Геѳсиманія“ значитъ давильня—мѣсто выдѣлки изъ маслинъ оливк. масла

тельно-ли Христосъ молился подъ тѣми самыми маслинами, которыя находятся за оградою католическихъ монаховъ? На этотъ вопросъ безусловный отвѣтъ дать невозможно; но можно, и не безъ основанія, предполагать, что Христосъ молился не здѣсь. Геѳсиманскій садъ, судя по евангельскому повѣствованію, не занималъ во время Христа такого небольшого пространства, какое огорожено католиками,—онъ былъ раскинутъ по всему склону горы.

Отправляясь на молитву передъ Своими страданіями, Христосъ сначала былъ съ учениками, а потомъ удалился отъ нихъ на „верженіе камня“, на то мѣсто, гдѣ онъ любилъ обыкновенно молиться, созерцая Іерусалимъ. (См. Луки 22 г. 40—41; Іоан. 18 гл. 2). Между тѣмъ какъ изъ Геѳсиманскаго сада католиковъ не открывается широкаго вида на Іерусалимъ, и это мѣсто, вѣроятно, было только мѣстомъ первой остановки Спасителя съ учениками, о которой говорится въ евангеліи (Луки 22 г. 40 ст.), а не мѣстомъ кровавой молитвы его, которое нужно искать выше. Такъ думаетъ, между прочимъ, проф. Олесницкій, съ мнѣніемъ котораго вполнѣ можно согласиться. Онъ считаетъ болѣе удобнымъ отнести послѣднюю молитву Христа къ тому мѣсту, гдѣ находится теперь русская церковь во имя св. Магдалины и откуда открывается прекрасный видъ на Іерусалимъ. Правда, тамъ нѣтъ теперь библейскаго сада и древнихъ маслинъ; но садъ, отъ котораго осталось нѣсколько маслинъ, принадлежащихъ теперь католикамъ, какъ извѣстно, былъ вырубленъ римскими легіонами во время осады Іерусалима Титомъ и пошолъ на костры, у которыхъ грѣлись солдаты, окоченѣвшіе отъ зимней стужи. Сами католики мѣстомъ послѣдней молитвы Христа считаютъ пещеру, находящуюся недалеко отъ сада. Въ этой пещерѣ моленія о чашѣ, по ихъ словамъ, Спаситель и провелъ послѣднія минуты передъ Своими крестными страданіями. Но и съ этимъ трудно согласиться. Во первыхъ, евангельское повѣствованіе не даетъ никакого повода заключать, что Христосъ въ Геѳсиманскомъ саду молился въ пещерѣ; во вторыхъ, и сами католики ту пещеру, которую теперь называютъ пещерою моленія о чашѣ, еще недавно считали пещерою Іуды, мѣстомъ, куда удалился Іуда послѣ преданія Спасителя.

Когда мы выходили изъ сада, монахъ вручилъ намъ по

Къ стр. 218.



Геѳсиманскій Садъ.

миніатюрному букетику на память. Отъ Геѳсиманскаго сада [1]) мы поднялись по отлогому скату горы къ русскому храму во имя Маріи Магдалины, выстроенному на средства Вели-

Русская Церковь во имя св. Маріи Магдалины на Елеонской горѣ.

кихъ князей Сергія и Павла Александровичей, желавшихъ увѣковѣчить здѣсь память своей усопшей родительницы Императрицы Маріи Александровны. Эта церковь, недавно

[1]) Геѳсим. садъ находится на склонѣ Елеонской горы, или, вѣрнѣе, цѣпи горъ, тянущихся на востокъ отъ Іерусалима. Въ этой цѣпи горъ выдѣляются особенно три горы: средняя—гора Вознесенія, правая—гора Соблазна, и лѣвая, извѣстная подъ именемъ Малой Галилеи. Горою Соблазна правая гора называется потому, что здѣсь Соломонъ въ угоду своимъ женамъ воздвигъ языч. храмы Астартѣ и Молоху, уничтоженные потомъ Іосіею. Здѣсь - же, по преданію, удавился и Іуда, предавшій Христа.

еще освѣщенная (1 Октября 1888 года), едва-ли не лучшая на всемъ православномъ Востокѣ. Она стоитъ на откосѣ Елеонской горы, прямо противъ заложенныхъ Золотыхъ воротъ Іерусалима, въ которыя, по распространенному въ Іерусалимѣ преданію, войдетъ въ городъ бѣлый царь и избавитъ мѣсто крестныхъ страданій Спасителя изъ-подъ власти мусульманъ. Какъ съ внѣшней стороны, такъ и по внутренней отдѣлкѣ церковь не оставляетъ желать ничего лучшаго. Церковь выстроена изъ мѣстнаго бѣлаго камня, въ два свѣта. Пять главъ красиво высятся надъ оригинальною сводчатою крышею. Масса изящно выточенныхъ колонокъ по сторонамъ оконъ и другіе изящные узоры украшаютъ внѣшній фасадъ храма, а надъ юго-западнымъ угломъ церкви высится небольшая, изящная колокольня. Широкая каменная лѣстница ведетъ съ двухъ сторонъ подъ навѣсъ галлереи и внутрь храма. Здѣсь, внутри, все поражаетъ красотою и изяществомъ. Иконостасъ его выложенъ мраморомъ въ дорогой бронзовой оправѣ, части его связаны между собою легкими византійскими мраморными колоннами и такими же карнизами. Помостъ церкви, равно какъ и солея — также мраморные. Иконы въ иконостасѣ принадлежатъ кисти лучшихъ художниковъ, преимущественно Верещагина. Живопись оригинальна по замыслу и прекрасна по исполненію. Особенно бросается въ глаза прекрасная большая картина надъ иконостасомъ, изображающая императора Тиверія на тронѣ и Марію Магдалину передъ нимъ съ краснымъ пасхальнымъ яйцомъ въ рукѣ; на другихъ стѣнахъ изображено нѣсколько другихъ эпизодовъ изъ жизни Маріи Магдалины. Мозаическій-же образъ, находящійся въ алтарѣ церкви, прямо шедевръ; хорошъ также запрестольный образъ, кисти Верещагина: „Мироносицы у Гроба воскресшаго Христа“. Вообще церковь Маріи Магдалины производитъ глубокое впечатлѣніе и очень жаль, что до сихъ поръ ея внутренняя отдѣлка не окончена совсѣмъ и сырость портитъ художественную живопись. Что же касается мѣстоположенія, то трудно было выбрать мѣсто лучше того, какое занимаетъ храмъ: онъ стоитъ у подножія Елеонской горы, соприкасаясь съ мѣстомъ моленія о чашѣ, вблизи отъ Гробницы Богоматери, какъ разъ противъ Золотыхъ воротъ св. города. Отсюда же открывается цѣпь горъ, окружающихъ Іерусалимъ.

Отъ храма Маріи Магдалины путь нашъ лежалъ на вершину Елеонской горы, гдѣ пріютился русскій храмъ во имя Вознесенія—созданіе арх. Антонина. Но прежде нужно было посмотрѣть по пути мѣста, гдѣ, по преданію, Спаситель научилъ учениковъ своихъ молиться и откуда Онъ вознесся на небо. На первомъ мѣстѣ въ настоящее время красуется католическій монастырь кармелитокъ съ галлерею молитвы Господней. Монастырь этотъ основанъ герцогинею Бульонскою, принцессою Латуръ д'Овернь, которая долго жила въ Палестинѣ и не жалѣла своихъ громадныхъ средствъ на поддержаніе св. мѣстъ. Его отличительная особенность—обѣтъ вѣчнаго молчанія, даваемый каждою поступающею въ него,—обѣтъ, съ которымъ, по его тяжести, могутъ сравниться немногіе аскетическіе подвиги. Тѣло принцессы-основательницы монастыря почиваетъ здѣсь же; ея гробница украшена мраморнымъ изящнымъ изваяніемъ дѣвы во вееь человѣческій ростъ.

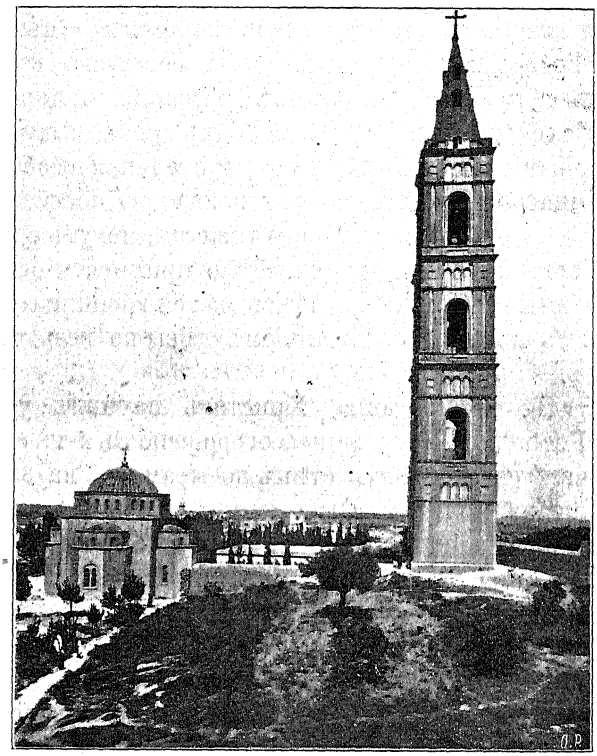
Мѣсто, гдѣ, по преданію, Христосъ научилъ учениковъ молитвѣ Господней, [1]) графинею огорожено съ 4-хъ сторонъ, и на внутреннихъ сторонахъ стѣнъ по мрамору, на 33-хъ языкахъ, написана молитва „Отче нашъ", наглядно показывающая всемірное распространеніе религіи Христа. Есть эта молитва и на славянскомъ языкѣ, но, какъ это отмѣчено всѣми паломниками, по славянски она написана крайне безграмотно.

Мѣсто, съ котораго, по преданію, вознесся Спаситель на небо, занято магометанскою мечетью дервишей и не представляетъ ничего интереснаго. Единственною святынею ея считается камень съ небольшимъ углубеніемъ посрединѣ—какъ говорятъ мусульмане—оттискомъ ноги возносившагося на небо Христа. Ранѣе, по свидѣтельству Евсевія, мѣсто вознесенія Христа на Елеонской горѣ было ознаменовано великолѣпнымъ храмомъ, устроеннымъ еще Константиномъ Великимъ. Затѣмъ здѣсь былъ сооруженъ въ 7-мъ вѣкѣ круглый храмъ

---

[1]) Дѣйствительно-ли Христосъ здѣсь научилъ учениковъ молиться—это рѣшить трудно, такъ какъ въ Евангеліи нѣтъ относительно этого опредѣленныхъ данныхъ; но преданіе, пріурочивающее первую молитву „Отче нашъ" къ данному мѣсту Елеонск. горы, очень древнее. Нашъ знаменитый паломникъ XII в. Даніилъ уже видѣлъ здѣсь церковь великую, которою было ознаменовано мѣсто молитвы Господней.

безъ крыши Іерус-мъ патр. Модестомъ. Въ настоящее время отъ этихъ построекъ не осталось почти никакихъ слѣдовъ и христіанское богослуженіе совершается 2 раза въ годъ, въ оградѣ мусульманской мечети, подъ открытымъ небомъ: въ праздникъ Вознесенія и Лазареву субботу.



Вознесенскій храмъ на русскомъ мѣстѣ Елеонской горы.

Былъ уже почти вечеръ, когда мы направились къ русскимъ постройкамъ на горѣ Елеонской, къ храму Вознесенія, пріютившемуся на гребнѣ Галилейскаго холма. Церковь Вознесенія господствуетъ надъ всею Елеонскою горою, а ея пяти-ярусная колокольня принадлежитъ къ самымъ высокимъ зданіямъ во всей Палестинѣ (болѣе 20 саж. высоты); колоколъ на ней (въ 308 пудовъ)—самый большой въ Палестинѣ. Самый храмъ—очень вмѣстительный; онъ имѣетъ форму креста и осѣненъ большимъ куполомъ, сквозь 18-ть

оконъ котораго льются въ него обильные потоки свѣта. Мѣсто, гдѣ въ настоящее время расположенъ храмъ Вознесенія, вѣроятно, было ознаменовано какими-нибудь священно-историческими воспоминаніями въ старину, такъ какъ подъ выкопанною для фундамента землею былъ найденъ помостъ древней церкви съ мозаическими изображеніями на немъ, свидѣтельствующими о почтенной древности этого пола. Предполагаютъ, что онъ относится къ 5-му вѣку. На полу мозаикою изображены рыбы, птицы и другія животныя; часть его находится въ комнатахъ о. Парѳенія, завѣдующаго храмомъ, другая—въ особомъ зданіи, гдѣ хранятся и другія вещи: кости, остатки посуды и т. д., вынутыя при раскопкахъ. Храмъ Вознесенія на Елеонѣ едва-ли не лучшій памятникъ неутомимой, плодотворной дѣятельности на пользу православія во святой землѣ самоотверженнаго работника на нивѣ Христовой—архимандрита Антонина [1]). Мѣсто это пріобрѣтено о. Антониномъ еще въ 60-хъ годахъ, а церковь сооружена въ 1886 году. Въ немъ нашли для себя послѣдній покой и его кости; въ лѣвой сторонѣ храма подъ камнемъ лежитъ тѣло почившаго труженика св. земли.—На Елеонѣ, въ русскомъ храмѣ Вознесенія, когда мы пріѣхали туда, шло всенощное бдѣніе. Обширный храмъ—совершенно пустъ. Въ полумракѣ его виднѣется лишь небольшая фигурка сѣдого священнослужителя, о. Парѳенія, и слышится съ клироса одинокій голосъ пономаря. Ни въ самомъ храмѣ, ни на хорахъ больше никого нѣтъ. Мы вмѣстѣ съ Преосвященнымъ встали на клиросъ и составили импровизованный хоръ. Въ концѣ всенощной въ храмъ пришло нѣсколько русскихъ—богомолокъ, іеруса-

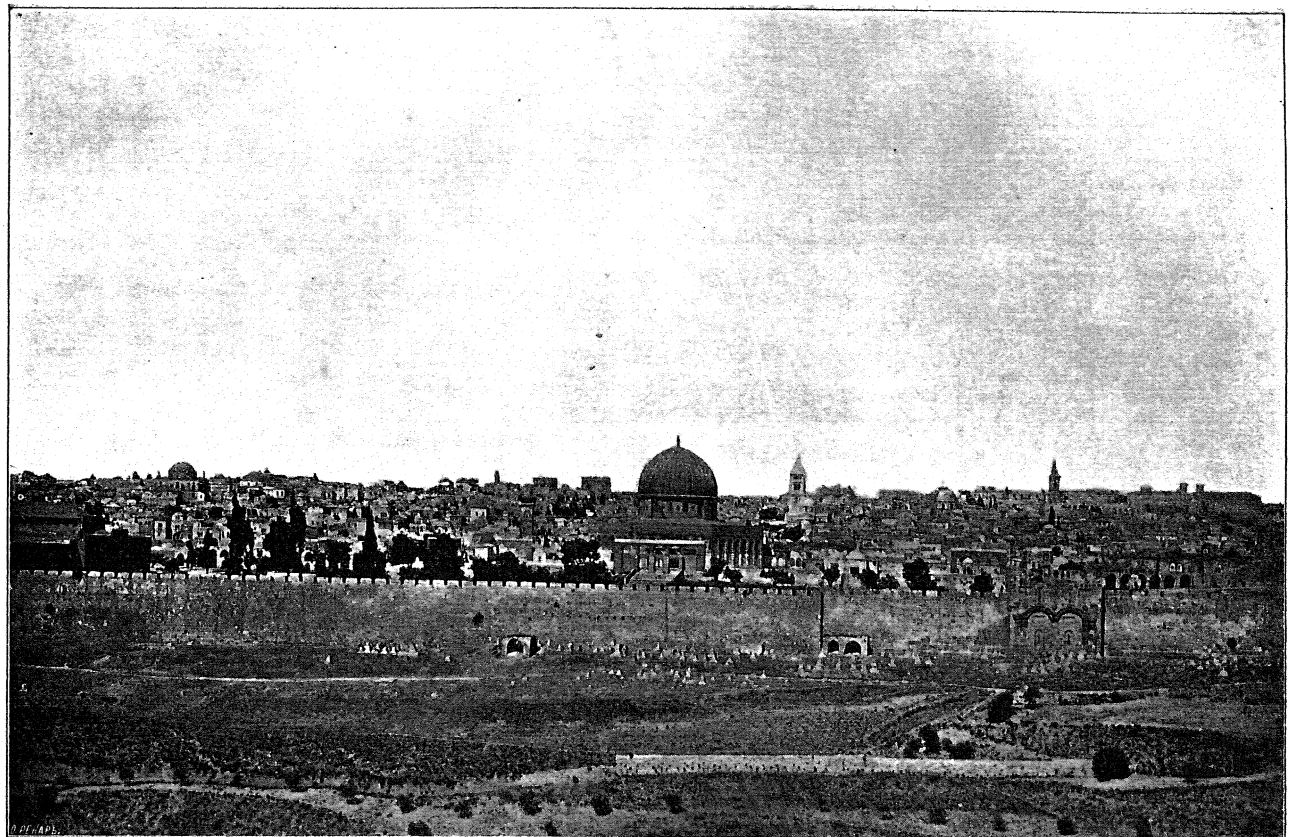
[1]) Мѣсто для храма сначала было пріобрѣтено о. Антониномъ за 600 р. на имя драгомана миссіи Я. Г. Халеби-араба, такъ какъ, по турецкимъ законамъ, иностранцевъ, покупающихъ землю въ предѣлахъ Турец. Имперіи, принуждаютъ принимать турец. подданство, и нужно очень много бакшиша, чтобы избавиться отъ этого. Поэтому-то о. Антонинъ дѣлалъ всѣ пріобрѣтенія (въ 5 мѣстахъ) на имя Халеби—своего бывшаго ученика. Архимандритъ Антонинъ работалъ во св. землѣ на пользу православія 27 лѣтъ неутомимо и самоотвержено, при противодѣйствіи со стороны католиковъ и протестантовъ, при враждебномъ отношеніи со стороны грековъ и подозрительно—недовѣрчивомъ со стороны русскаго консульства. Онъ умеръ на 77 г. жизни, 24 Марта, 1894 года. „И не забудетъ Палестина Архимандрита Антонина“, справедливо говорилось въ одномъ стихотвореніи, посвященномъ ему.

лимскихъ старожилокъ, прекрасно знающихъ пѣніе, и ихъ стройные, пѣвучіе голоса присоединились къ нашему хору.

Послѣ богослуженія, осмотрѣвъ музей и другія русскія постройки, примыкающія къ храму, Преосвященный отправился въ корпусъ для богомольцевъ, гдѣ намъ приготовили чай, а почти всѣ остальные путешественники полѣзли на колокольню, откуда, по словамъ всѣхъ описаній, открывается чудный видъ на всю окрестность. На вершину колокольни ведетъ винтовая лѣстница въ 219-ть ступеней. Подъемъ по узкой лѣстницѣ съ каждымъ ярусомъ дѣлается все затруднительнѣе и затруднительнѣе, въ виду того, что вверху свирѣпствуетъ страшный, пронзительный вѣтеръ. Наконецъ, мы—на верхней площадкѣ и, не смотря на сшибающій съ ногъ вѣтеръ, не можемъ оторваться отъ чуднаго, развернувшагося передъ нами вида на вѣчный святой городъ Іерусалимъ. Онъ кажется отсюда грудою нагроможденныхъ другъ на друга каменныхъ зданій. Ни одного креста не блеститъ надъ городомъ Христа; только на полумѣсяцѣ громадной мечети Омара, господствующей надъ городомъ, догараютъ послѣдніе лучи заходящаго солнца, да въ сторонѣ, за городскою стѣною, на русскихъ постройкахъ, величаво высится пятиглавый соборъ во имя св. Троицы. Съ другой стороны вдали сверкаютъ синія воды Мертваго моря, а за нимъ высятся темные силуеты Моавитскихъ горъ. Картина кажется особенно величественною потому, что кругомъ все словно замерло, „все полно мира и отрады вокругъ тебя и надъ тобой“, по выраженію поэта. Чуднымъ видомъ на Іерусалимъ, какъ извѣстно, не разъ любовался и Самъ Господь Іисусъ Христосъ и Его святые Апостолы. Невольно припомнились въ этотъ разъ слова Господа, сказанныя Имъ незадолго предъ Своими страданіями ученикамъ Его при взглядѣ на открывавшійся видъ Іерусалима: „Іерусалиме, Іерусалиме, избивый пророки и каменіемъ побиваяй посланныя къ тебѣ; колькраты восхотѣхъ собрати чада твоя, якоже собираетъ кокошъ птенцы своя подъ крилѣ, и не восхотѣсте. Се, оставляется вамъ домъ вашъ пустъ, яко не имате Мене видѣти отселѣ, дондеже рѣчете: благословенъ грядый во имя Господне“ (Матѳ. XXIII, 37—39). „Іерусалимъ—это „видѣніе міра“, — говоря словами Е. Маркова, [1]) пережившій тысячелѣтія крови, войны, разру-

[1]) Путешествіе по Св. землѣ, 77 стр.

Къ 224 стр.



Видъ съ Елеонской горы на Іерусалимъ.

шеній, стоявшій на этихъ самыхъ горахъ еще во дни первыхъ ветхозавѣтныхъ патріарховъ, задолго до Іакова и Іосифа, бывшій тысячелѣтнимъ старцемъ въ дни основанія Аѳинъ и Рима,—тѣснился теперь у нашихъ ногъ, постепенно спускаясь къ проваламъ долинъ по скату двухъ своихъ прославленныхъ горъ Сіона и Моріа, видный намъ почти во тьмѣ"... Незабвенныя минуты!

Послѣ чаю мы посѣтили жилище о. Парѳенія, главнаго помощника о. Антонина по устройству Вознесенскаго храма на Елеонской горѣ. Этотъ храмъ—завѣтная мечта о. Парѳенія: онъ счастливъ, что она осуществилась и желаетъ умереть на Елеонской горѣ. Впрочемъ у него есть еще мечта—создать на Елеонской горѣ мужской монастырь, но на осуществленіе этой мечты онъ самъ мало надѣется... Въ то время какъ Преосвященный продолжалъ бесѣдовать съ о. Парѳеніемъ, который съ увлеченіемъ разсказывалъ свои планы относительно основанія монастыря, мы разбрелись по саду, окружающему храмъ. Здѣсь трудами о. Парѳенія разведены масличныя деревья, посажены кипарисы и виноградныя лозы. Елеонская гора, названная такъ за обиліе на ней во времена Спасителя маслинъ, въ настоящее время почти совсѣмъ обнажена и маслины близъ храма Воскресенія на русскомъ мѣстѣ почти одиноки. На дворѣ мы встрѣтили знаменитую палестинскую подвижницу Марину. Марина—крестьянка Тамбовской губерніи; теперь она уже старушка, не большого роста, съ потемнѣвшимъ отъ знойнаго южнаго солнца и изрѣзаннымъ глубокими морщинами лицомъ. Почти весь вѣкъ свой она прожила въ Палестинѣ и судьба ея очень поучительна, какъ доказательство громадной силы воли русской женщины. Давно оставила Марина родную свою губернію и поселилась въ Палестинѣ; здѣсь она долгое время подвизалась въ Заіорданской пустынѣ, среди бедуиновъ, въ такой мѣстности, куда до сихъ поръ не рѣшаются проникать путешественники. Затѣмъ нѣкоторое время жила въ обители Хозевита, въ пещерѣ, питаясь приношеніями богомольцевъ. Теперь живетъ близъ Елеона, въ маленькомъ домикѣ, пожертвованномъ ей о. Антониномъ. „Вотъ удостоилъ меня Богъ архіерея-то увидать,—говоритъ она,—думала, что своего-то русскаго и не увижу никогда. Слава Богу, сподобилась!"

Было совсѣмъ темно, когда мы оставили уютный русскій уголокъ на Елеонѣ, пообѣщавши о. Парѳенію еще навѣстить его нѣсколько разъ до отъѣзда,—что̀ дѣйствительно и исполнили. Быстро побѣжали застоявшіяся лошади по прекрасной дорогѣ, поощряемыя покрикиваніями Арабовъ-возницъ: елла, елла! (скорѣй-впередъ!). Серебряный дискъ луны загорѣлся на небо-склонѣ, заливая всю окрестность блѣднымъ, трепещущимъ свѣтомъ и бросая длинныя тѣни поперекъ дороги. Дневная жара совершенно спала. Поднялся холодный вѣтеръ, насквозь пронизывавшій согрѣвшееся за день тѣло и порождающій особенную мѣстную лихорадку, отъ которой сильно страдаютъ и мѣстные жители, и еще болѣе пріѣзжіе. Іерусалимъ уже спалъ, когда мы пріѣхали туда; ни души не попадается на встрѣчу. Мертвая тишина нарушается только раздающимся по временамъ лаемъ собакъ, неподѣлившихъ добычу.

Наконецъ, мы предъ воротами русскихъ построекъ. Загремѣли ключи привратника. „Мархаба!“ (Будь здоровъ)! Негръ скалитъ бѣлые зубы и прикладываетъ въ знакъ удовольствія руку ко лбу. Прислуживающія въ подворьи сестры заждались насъ съ ужиномъ. Первый палестинскій день кончился. „Затворяйте плотнѣе дверь, — предостерегаютъ насъ,—если не хотите слечь въ постель: здѣсь климатъ опасный“! Изъ города доносится нарушающее мертвую тишину глухое постукиваніе ночного сторожа.

25-е Іюня. Воскресенье. Архіерейское служеніе въ Троицкомъ соборѣ. Осмотръ мечетей Омара и Эль-Акса. Поѣздка въ Виѳлеемъ и Бэтъ-Джалу.

Сегодня по случаю воскреснаго дня Преосвященный совершилъ божественную литургію въ Троицкомъ соборѣ при миссіи въ сослуженіи о. Начальника миссіи архимандрита Александра и іеромонаховъ миссіи—о. Филарета и о. Николая. Пѣлъ хоръ миссіонерскихъ пѣвчихъ, которыми руководилъ одинъ изъ студентовъ, такъ какъ мѣстный регентъ не зналъ порядка архіерейскаго служенія, совершаемаго здѣсь крайне рѣдко. Нѣкоторые студенты, кромѣ того, прислуживали въ алтарѣ. Большой Троицкій соборъ былъ переполненъ молящимися. Сюда собрались не только всѣ живущіе въ Іерусалимѣ русскіе, но и многіе изъ арабовъ-христіанъ, желавшіе

посмотрѣть на торжественное служеніе русскаго архіерея. Бравые кавасы въ живописныхъ костюмахъ, постукивавшіе булавами, свидѣтельствовали о присутствіи мѣстныхъ властей.

Послѣ богослуженія Преосвященный обратился къ собравшемуся въ храмѣ народу съ глубоко-прочувствованнымъ словомъ. Послѣ обѣдни о. Архимандритъ пригласилъ насъ къ себѣ въ покои на чашку чаю. Здѣсь же присутствовали: консулъ Яковлевъ съ женою и дѣтьми, Н. Гр. Михайловъ, іеромонахи миссіи и много русскихъ богомольцевъ, пришедшихъ сюда привѣтствовать Преосвященнаго и получить отъ него благословеніе.

Затѣмъ, послѣ непродолжительнаго отдыха, мы, согласно маршруту, въ сопровожденіи о. Архимандрита и Н. Г. Михайлова отправились на гору Моріа, гдѣ находится знаменитая мусульманская мечеть, извѣстная подъ именемъ мечети Омара, вторая по своей святости въ глазахъ мусульманъ послѣ Мекской святыни. Гора Моріа—святая святыхъ мусульманства въ Іерусалимѣ — священна и въ глазахъ каждаго христіанина. По преданію, на этой самой горѣ Авраамъ собирался принести сына своего Исаака въ жертву Богу, желавшему испытать твердость вѣры родоначальника Еврейскаго народа. Здѣсь же, на мѣстѣ Моисеевой скиніи, былъ сооруженъ грандіозный храмъ Соломона, который строили въ продолженіи семи лѣтъ 180 тысячъ рабочихъ, работавшихъ подъ присмотромъ 3,300 надсмотрщиковъ. Вообще судьба горы Моріа—очень поучительна. Здѣсь въ разное время находили для себя пріютъ: храмъ Соломоновъ, капище Адріана, церкви христіанскія и, наконецъ, магометанскія мечети, теперь красующіяся здѣсь [1]). Площадь горы Моріа, на которой въ прежнее время стоялъ храмъ Соломона, теперь называется: „Гарамъ-эмъ-Шерифъ“, что значитъ священное, недоступное жилище. Святая для мусульманъ, эта площадь и для христіанъ полна священныхъ воспоминаній. Сюда много разъ приходилъ Спаситель во время праздниковъ въ храмъ. Здѣсь Онъ, отрокъ 12-ти лѣтній, посрамилъ многоученыхъ и невѣжественныхъ мудрецовъ; здѣсь Онъ похвалилъ бѣдную вдовицу, пожертвовавшую на храмъ двѣ лепты;

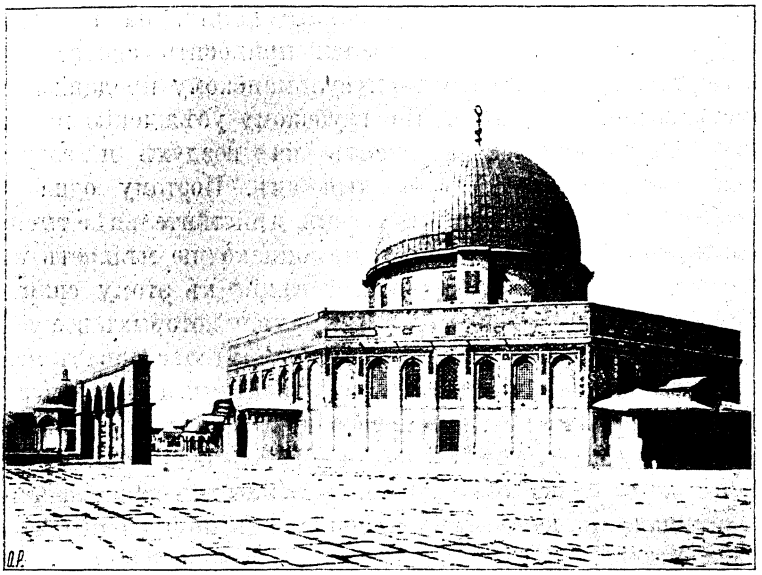
[1]) Исторія построекъ на св. горѣ Моріа изложена будетъ далѣе при описаніи посѣщенія архитектора Шика.

здѣсь осудилъ строгость книжниковъ, обвинявшихъ женщину въ прелюбодѣяніи; отсюда, ревнуя по славѣ дома Божія, изгналъ торгашей; на этой горѣ жила Божія Матерь въ храмѣ, въ который, вѣроятно, не разъ ходила со своимъ Сыномъ. Почти до половины настоящаго столѣтія священное мѣсто мусульманъ было совершенно недоступно для неправовѣрныхъ, которые не должны были проникать туда, подъ угрозою смертной казни, не смотря на все желаніе. Поэтому нашъ путешественникъ первой половины истекающаго вѣка Муравьевъ принужденъ былъ ограничиться осмотромъ построекъ священной площади издали. Теперь доступъ въ нее разрѣшенъ для всѣхъ, но послѣ предварительнаго разрѣшенія Іерусалимскаго паши, о чемъ и позаботился, какъ оказалось потомъ, еще наканунѣ, приставленный къ намъ кавасъ Марко. Самое видное мѣсто на ней [1]) занимаетъ мечеть, построенная въ 7-мъ вѣкѣ халифомъ Абдъ-Эль-Шеликъ-Ибнъ-Меруаномъ въ исполненіе мысли великаго халифа Омара, завоевателя Іерусалима, именемъ котораго она и называется. Эта мечеть Омара, по справедливости, считается чудомъ арабскаго зодчества. Чтобы понять всю красоту этого грандіозно-волшебнаго по замыслу и по исполненію произведенія золотого періода арабской архитектуры, его необходимо увидѣть собственными глазами. Надѣвъ бабуши, мы отправились въ нее. Сѣдой мулла съ зеленою чалмою, свидѣтельствующею о его путешествіи въ Мекку, встрѣтилъ насъ въ дверяхъ и сопровождалъ при осмотрѣ, видимо гордясь тѣмъ восхищеніемъ предъ роскошью турецкой мечети, какое читалъ въ нашихъ глазахъ. Дѣйствительно, внутренняя обстановка мечети поразительно прекрасна. Слабый свѣтъ просачивается сквозь цвѣтныя мозаичныя окна, и вся мечеть тонетъ въ таинственномъ полумракѣ, придающемъ еще большую прелесть ея сказочной обстановкѣ [2]). Съ высоты, изъ многочисленныхъ оконъ падаетъ отблескъ драгоцѣнныхъ камней. Каждое изъ оконъ отличается отъ другого

[1]) Вся площадь двора храма Соломонова занимаетъ 17½ кв. десятинъ и равняется т. о. почти шестой части города. Немудрено, что на ней по свид. Іосифа Флавія (о Іуд. войнѣ VI, 9, 3) на праздникѣ Пасхи собиралось болѣе 2 мил. человѣкъ.

[2]) Мечеть велика. Ширина ея равняется 159½ футамъ въ діаметрѣ, высота 90 футамъ.

какъ по окраскѣ, такъ и по очертанію. „Одно, по описанію Лоти, представляется зрителю въ видѣ маргаритки, составленной изъ рубиновъ, другое, сосѣднее съ нимъ, въ видѣ



Мечеть Омара.

тонкаго арабеска изъ сапфира съ небольшою примѣсью желтаго топаза, третье выглядитъ зеленымъ изумрудомъ, усѣяннымъ розовыми цвѣтами“ [1]). Громадный куполъ, покоющійся на 8-ми угол. фонарѣ, словно уходитъ въ небо; два круга изящныхъ колоннъ изъ разнаго мрамора съ позолоченными капителями поддерживаютъ арки потолка. Вся внутренность мечети обложена кафельными украшеніями и мраморомъ, куполъ — мозаикою и позолоченными стихами изъ Корана. Вездѣ—золото, мраморъ, порфиръ, мозаика, роскошь и изящество, которымъ вправѣ позавидовать

[1]) Лоти объясняетъ красоту этихъ разрисованныхъ оконъ, какъ и вообще всѣхъ арабскихъ росписныхъ стеколъ тѣмъ, что стекла разнообразной окраски вставляются не въ безобразную, какъ у насъ, металлическую оправу, а въ гипсовую, вслѣдствіе чего получается чудный свѣтовый ефѳектъ, напоминающій о перламутрѣ и драгоцѣнныхъ камняхъ. Іерусалимъ, Странникъ 1898 г. т. 2. стр. 150.

не одинъ царскій дворецъ. Но среди этой сказочной роскоши, словно для контраста, всю средину мечети занимаетъ громадная [1]) сѣрая, необдѣланная скала, — отъ которой мечеть получила свое названіе: купъ-патусъ-Сахра, т. е. куполъ священнаго камня, того самаго камня, на которомъ, по преданію, Авраамъ собирался приносить своего сына въ жертву, и съ котораго, по мусульманскому преданію, Магометъ вознесся на небо. По глубокому убѣжденію магометанъ, священная скала виситъ на воздухѣ и заграждаетъ собою входъ въ кромѣшный адъ. Поэтому одна молитва у этой скалы, по вѣрѣ турокъ, дѣйствительнѣе тысячи молитвъ въ другомъ мѣстѣ. Это однако не мѣшаетъ имъ относиться безъ особеннаго благоговѣнія къ этому священнѣйшему мѣсту. Разговоръ двухъ муллъ, у которыхъ все чаще и чаще встрѣчались высокія ноты, свидѣтельствовалъ ясно, что они далеко не обмѣниваются любезностями, а въ концѣ концовъ перешелъ въ крупную перебранку, глухо раздававшуюся по мечети. Еще менѣе выражали они уваженіе къ святости мѣста, когда показывали мѣста, связанныя съ христіанскими воспоминаніями, напримѣръ—пещеру, гдѣ, по преданію, жила Божія Матерь. „Клади, клади деньга, говорилъ мулла,—загораживая выходъ, клади рубль для масла, свѣчи, здѣсь Марія“. Пришлось осмотрѣть вслѣдъ за проводникомъ муллою и всѣ магометанскія святыни мечети, вплоть до священнаго волоса изъ бороды пророка Магомета и тѣхъ таинственныхъ гвоздей, отъ которыхъ, по мнѣнію магометанъ, зависитъ время кончины міра, вездѣ оставляя по заведенному благочестивому обычаю бакшишъ и покорно выслушивая всѣ благочестивыя легенды магометанъ... Выйдя изъ мечети подъ сильнымъ впечатлѣніемъ отъ ея внутренней роскоши и оригинальности, мы затѣмъ долго любовались и внѣшнимъ видомъ ея. Громадный круглый куполъ, воздушнымъ шатромъ опустившійся надъ зданіемъ, чрезвычайно грандіозенъ: нѣтъ въ Іерусалимѣ мѣста откуда-бы его не было видно, тогда какъ куполъ надъ храмомъ Воскресенія трудно замѣтить даже привычнымъ глазомъ.

Осмотромъ мечети Омара не ограничивается обозрѣніе горы Моріа: она вся полна историческими памятниками. Дворъ

[1]) Длина=60 фут; ширина=50; высота 12 футовъ.

великой мечети весь обставленъ рядами построекъ. Самою выдающеюся изъ нихъ является другая мусульманская мечеть Эль-Акса—святѣйшая, обращенная въ мечеть изъ храма Введенія. Таково наиболѣе распространенное мнѣніе, но за историческую достовѣрность его ручаться недьзя. Несомнѣнно только одно, что Ель-Акса была ранѣе храмомъ: объ этомъ свидѣтельствуетъ ея кресто-образная форма. (См. Олесницкаго, I т. 113 стр.). Въ нее мы отправились изъ мечети Омара аллеею вѣковыхъ кипарисовъ мимо изящныхъ кіосковъ и журчащаго фонтана. У послѣдняго—живописная группа народа, чисто восточная картина: разносчики воды въ широкихъ шароварахъ и синихъ халатахъ съ водоносами за спиною изъ цѣльной бараньей шкуры, сквозь которую просачиваются капельки воды, испаряющіяся на солнцѣ; чисто библейскія женщины съ полу-закрытыми лицами и глиняными кувшинами на головахъ; неизбѣжныя собаки.

Мечеть Эль-Акса—это построенный крестоносцами на мѣстѣ древняго Юстиніанова храма — храмъ во имя Введенія Пресвят. Богородицы, обращенный въ мечеть султаномъ Саладиномъ. Внутри вся исписана изреченіями изъ Корана, а на мѣстѣ христіанскаго алтаря въ ней стоитъ магометанскій мирабъ, обращенный въ сторону Мекской Каабы, высшаго святилища мусульманъ. Но тѣмъ не менѣе Эль-Акса болѣе христіанская святыня, чѣмъ магометанская: съ ней болѣе соединено христіанскихъ воспоминаній, чѣмъ магометанскихъ. Здѣсь показываютъ мѣсто, гдѣ молился Христосъ, и отпечатокъ Его стопы на мраморной плитѣ, а также и то мѣсто, гдѣ праведный Симеонъ принялъ изъ рукъ Богоматери въ свои руки Божественнаго Младенца-Христа, сказавъ: „нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ“. Но христіанскія воспоминанія переплетаются здѣсь съ мусульманскими легендами. Въ этой мечети показываютъ молельню Омара, колодезь листа, черезъ который, по вѣрованію магометанъ, можно проникнуть въ рай, двѣ чудесныя колонны, сквозь которыя могутъ пролѣзть только праведные, и т. д.

Впечатлѣній отъ осмотра двухъ мечетей было вполнѣ достаточно, даже слишкомъ достаточно, но необходимо было еще осмотрѣть подземныя сооруженія на горѣ Моріа, извѣстныя подъ именемъ „подземелья трехъ тысячъ колоннъ“.

Въ дѣйствительности колоннъ можетъ быть и менѣе, такъ какъ всѣ подземелья еще не открыты; но несомнѣнно одно, что это—циклопическія сооруженія. Ихъ называютъ еще „конюшнями Соломона“, и очень можетъ быть, что они современны великому іудейскому строителю, хотя и не были, вѣроятно, его конюшнями [1]). Когда Марко постукивалъ своею палкою по полу, раздавался глухой звукъ, несшійся словно изъ самаго центра земли. „Одни говорятъ, повторяетъ онъ свою любимую фразу съ своеобразнымъ акцентомъ, здѣсь были конюшни царя Соломона; другіе говорятъ—нѣтъ; гдѣ правда—Богъ вѣсть“! Послѣ выхода изъ полутемныхъ холодныхъ подземныхъ сооруженій горы Моріа на свѣтъ Божій, тропическая жара палестинскаго солнца казалась еще чувствительнѣе, и мы поторопились подъ гостепріимный кровъ русскихъ построекъ, гдѣ уже насъ ждалъ обѣдъ на новомъ подворьи.

Послѣ обѣда Марко прошелъ по номерамъ, объявивъ, что къ четыремъ часамъ будутъ готовы лошади для поѣздки въ Виѳлеемъ и просилъ приготовиться. Было уже около 3-хъ, и въ нашемъ распоряженіи оставалось немного болѣе часу. Пройтись по улицамъ Іерусалима, познакомиться съ нравами его современныхъ обывателей, что всѣхъ интересовало, приходилось отложить до слѣдующаго дня, тѣмъ болѣе, что нашлось довольно интересное занятіе. Въ конторѣ подворья, куда многіе отправились за письмами, узнали, что вчера пришелъ изъ Россіи пароходъ и привезены новыя газеты. Кому приходилось заѣзжать далеко отъ родины, тотъ знаетъ, съ какимъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждешь вѣсточки оттуда, и газета въ такое время кажется небесною манною, особенно потому, что на чужбинѣ среди чуждаго по языку и вѣрованіямъ населенія чувствуешь себя одинокимъ и безпомощнымъ, и читая вѣсти съ родины, словно живешь снова среди хотя и незнакомыхъ, но своихъ и близкихъ людей. Мы болѣе 10-ти дней не имѣли вѣстей изъ Россіи и набросились на газеты съ необыкновенною жадностью; даже старыя номера прочитывались съ первой до послѣдней страницы. Интересъ къ газетамъ особенно

---

[1]) Есть мнѣніе, заслуживающее вѣроятія, что здѣсь въ древнее время были цистерны для воды.

поднимался оттого, что на дальнемъ Востокѣ вспыхнулъ въ это время громадный пожаръ, готовый охватить всю Европу своимъ кровавымъ пламенемъ. Объ этомъ мы впервые узнали во время путешествія по морю изъ русскихъ газетъ, а здѣсь въ Іерусалимѣ ничего нельзя было узнать, такъ какъ достать иностранныхъ газетъ очень трудно, да и приходятъ онѣ рѣдко.

Преосвященнаго до отъѣзда въ Виѳлеемъ посѣтилъ патріархъ Даміанъ въ сопровожденіи одного изъ митрополитовъ.

Въ пятомъ часу, отъ воротъ русскихъ построекъ двинулась длинная кавалькада экипажей, на козлахъ которыхъ рядомъ съ возницами сидѣли бравые кавасы, по направленію на югъ. Мы отправлялись въ сопровожденіи о. Архимандрита и Н. Г. Михайлова въ Виѳлеемъ. Отъ Іерусалима до Виѳлеема считаютъ 8-мь верстъ. Дорога туда съ русскаго подворья идетъ мимо Яффскихъ воротъ, вдоль западной городской стѣны, по улицѣ, застроенной домами европейскихъ колонистовъ, среди которыхъ обращаютъ на себя вниманіе грандіозныя сооруженія пріютовъ и школъ, принадлежащихъ различнымъ западно-европейскимъ религіознымъ Обществамъ. Вскорѣ за городомъ начинается волнистая долина, извѣстная подъ именемъ долины Рафаимовъ, въ которой царь Давидъ поражалъ Филистимлянъ. Направо отъ дороги виднѣются развалины старинныхъ построекъ; среди нихъ показываютъ реставрированный теперь домъ, принадлежавшій, по преданію, Симеону Богопріимцу; этотъ домъ носитъ названіе Катамонъ и принадлежитъ Іерусалимскому патріарху. Налѣво отъ дороги показываютъ небольшой колодезь, къ которому пріурочиваютъ мѣсто отдыха Божіей Матери, шедшей въ Виѳлеемъ, и то мѣсто, гдѣ волхвы впервые увидѣли звѣзду, приведшую ихъ въ пещеру новорожденнаго Младенца.

„Антыка, антыка“, говоритъ, оборачиваясь къ намъ съ плутоватою улыбкою на лицѣ, нашъ возница-арабъ, пользующійся каждымъ случаемъ, чтобы постоять пять минутъ на мѣстѣ и раскурить трубку. Колодезь не представляетъ ничего особенно интереснаго и доказать его историческую подлинность, само собою разумѣется, нельзя. Далѣе дорога идетъ мимо монастыря въ честь св. Пророка Иліи, построеннаго въ VI вѣкѣ патріархомъ Іерусалимскимъ Иліею и

реставрированнаго въ послѣдній разъ лишь въ текущемъ столѣтіи. Здѣсь греческіе монахи показываютъ гробницу виѳлеемскаго митрополита Иліи, которую они выдаютъ за гробницу св. пророка Иліи, какъ извѣстно, взятаго живымъ на небо. Впрочемъ, противъ этого монастыря указываютъ камень въ видѣ грубаго ложа, на которомъ замѣтно углубленіе, нѣсколько напоминающее фигуру человѣка. На этомъ камнѣ, по преданію, спалъ пророкъ Илія, укрываясь отъ нечестивыхъ царей-гонителей, и скала, его пріютившая, сдѣлалась мягкою какъ постель подъ тѣломъ святого. Имѣетъ-ли мѣсто монастыря какое-нибудь дѣйствительное отношеніе къ ветхо-завѣтному пророку-ревнителю по славѣ Іеговы, или нѣтъ—это рѣшить трудно.

Удовлетворивъ своей паломнической любознательности, мы тронулись далѣе. Отсюда дорога идетъ по пригорку, мимо рощи маслинъ, и въ ней—зданія монастырской маслобойни. Едва поддерживаемыя сильными росами, оливы еле дышутъ подъ жгучимъ солнцемъ, понуро опустивъ свою мелкую листву. Вскорѣ съ козелъ снова донесся до насъ торжествующій возгласъ нашего возницы: „антыкъ“! На этотъ разъ антыкъ несомнѣнный: гробница Рахили, о которой упоминается въ библейскихъ и историческихъ книгахъ, слѣдовательно, памятникъ 4-хъ тысячелѣтней древности, хотя небольшая комната надъ гробницею съ полукруглымъ куполомъ и сооружена только въ нынѣшнемъ столѣтіи, лѣтъ 50-тъ тому назадъ. Эта святыня почитается одинаково евреями, арабами и магометанами; но владѣтели ея, турки, никого не пускаютъ внутрь. Сюда обыкновенно стекается слабый полъ просить у Рахили, прародительницы евреевъ, благополучнаго разрѣшенія въ дѣторожденіи. За гробницею Рахили дорога развѣтвляется: прямо идетъ мимо Соломоновыхъ прудовъ къ Хеврону и дубу Мамврійскому, направо—въ селеніе Бэтъ-Джалу, гдѣ пріютилась русская учительская семинарія для арабскихъ дѣвочекъ, налѣво—въ Виѳлеемъ. Мы свернули на лѣво. По обѣимъ сторонамъ дороги виднѣются волнистыя долины съ тучными виноградниками, плодоносными маслинами и другими плодовыми деревьями. Кругомъ все буквально тонетъ въ зелени садовъ, что особенно радуетъ взоръ по сравненію съ общимъ сѣрымъ, однообразнымъ и мертвенно-блѣднымъ колоритомъ всей вообще Палестины,

съ ея оголенными горами и выжженными камнями долинами. Надъ этими долинами такъ-же, какъ и надъ всей Палестиной, рѣютъ библейскія воспоминанія. Здѣсь когда-то благочестивая Руѳь собирала колосья на поляхъ своего будущаго мужа Вооза. Здѣсь пасъ свои стада праотецъ Іаковъ; здѣсь Виѳлеемскіе пастухи услыхали славословіе ангеловъ, возвѣщавшихъ о рожденіи Спасителя. Наконецъ впереди показался священный городъ Виѳлеемъ, утопающій въ зелени маслинъ, фигъ, гранатъ; кругомъ него одинъ сплошной виноградникъ. Такая обстановка придаетъ уютный видъ и необыкновенную привлекательность городу мира, имя котораго срослось въ душѣ каждаго христіанина съ самыми дорогими воспоминаніями дѣтства.... Какъ и надъ всей Палестиной, надъ городомъ Давидовымъ не разъ проносилась гроза, не разъ онъ разрушался до основанія и снова, подобно фениксу, возставалъ изъ развалинъ. Въ послѣдній разъ онъ обстроился только въ настоящемъ столѣтіи. Мы въѣхали въ него по узкимъ кривымъ улицамъ, на которыя почти никогда не проникаетъ солнечный лучъ, такъ какъ выдающійся надъ первымъ второй этажъ, а надъ вторымъ—третій образуютъ изъ улицы нѣчто вродѣ крытой галлереи. Улицы полны народомъ всѣхъ національностей; ослы, лошади, верблюды, люди и собаки—все перепуталось здѣсь въ одну пеструю кучу; изъ-за рѣшетчатыхъ оконъ выглядываютъ сверху красивыя лица смуглыхъ арабокъ; онѣ же въ своихъ синихъ, красиво наброшенныхъ, чисто библейскихъ плащахъ, часто попадаются на улицѣ, поражая наблюдателя величаво-спокойнымъ видомъ и своеобразною красотою. Подъ ногами снуютъ полураздѣтые ребятишки, то и дѣло раздаются ихъ назойливые крики: „давай паричку, онъ—пара, онъ—пара!“

Мѣстные туземцы-арабы, христіане, замѣтно выдѣляются между своими другими соплеменниками своеобразною красотою и изяществомъ, особенно женщины—арабки. Въ цѣляхъ этнографическихъ интересно было бы прослѣдить такое счастливое отличіе типа Виѳлеемскихъ арабовъ отъ ихъ соплеменниковъ — палестинцевъ же... Виѳлеемскія женщины—рослыя, статныя, смугло-румяныя, съ великолѣпными блестящими глазами, съ нѣсколько большимъ римскимъ носомъ. Головные уборы и одежды ихъ очень своеобразны: го-

ловы покрыты бархатными шапочками, густо обшитыми сплошными рядами червонцевъ и серебряныхъ монетъ; монеты эти, сцускаясь лентами мимо ушей, окутываютъ густымъ оже-

Виѳлеемлянка.

рельемъ шею и висятъ на груди. Высокіе бюсты Виѳлеемлянокъ плотно обхватываютъ яркія, золотомъ расшитыя курточки съ рукавами разнообразныхъ цвѣтовъ. Сверхъ этихъ куртокъ надѣвается нѣчто въ родѣ хитона, или плаща. Съ разукрашенной шапочки спускается бѣлое покрывало.

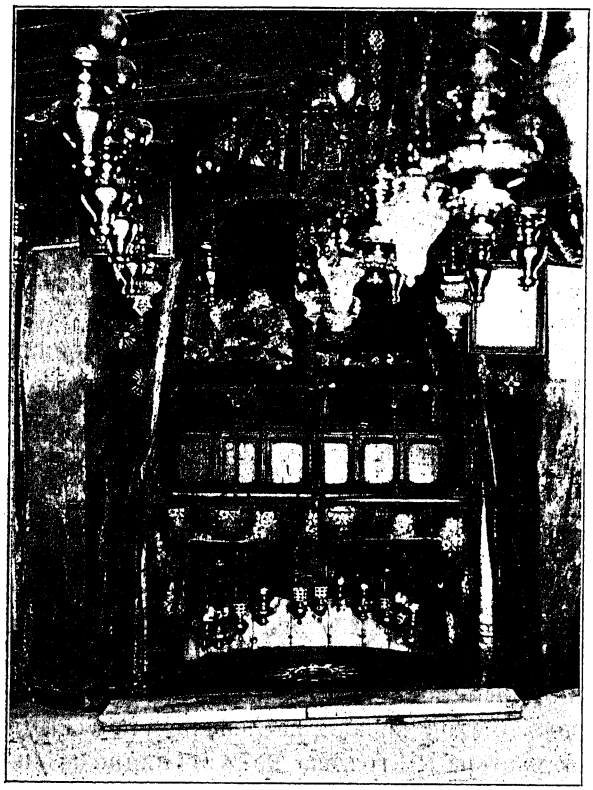
Вертепа Спасителя въ его естественномъ видѣ теперь, какъ извѣстно, уже нѣтъ. Это даетъ, главнымъ образомъ, поводъ нѣкоторымъ ученымъ изслѣдователямъ Палестины возражать противъ тождественности нынѣшней пещеры Рождества Христова съ дѣйствительнымъ мѣстомъ рожденія Христа. Но противъ этихъ возраженій достаточно сослаться на непре-

рывность преданія, идущаго отъ самой глубокой древности о мѣстѣ рожденія Христа. О ней говорятъ: Іустинъ Философъ, жившій во 2-мъ в., и Оригенъ—въ 3-мъ в. Еще первые христіане осѣнили мѣсто рожденія Христа небольшимъ храмомъ, разрушеннымъ Императоромъ Адріаномъ, который построилъ здѣсь около 130-го года капище Адониса. Затѣмъ, на мѣстѣ вертепа былъ построенъ новый христіанскій храмъ св. Еленою. „Благочестивая цар. Елена, говоритъ истор. Евсевій (Сочин. 2 т. стр. 198), всячески украсила священную пещеру Рожд. Христова и почтила его дивными памятниками". Это мѣсто и даетъ ученымъ поводъ думать, что храмъ надъ вертепомъ устроенъ Еленою, хотя здѣсь прямо объ этомъ не говорится. Этотъ самый храмъ, возобновленный потомъ императоромъ Юстиніаномъ, съ небольшими измѣненіями, по мнѣнію ученыхъ изслѣдователей, и существуетъ до настоящаго времени [1]). Подъ его неприступными стѣнами и скрывается вертепъ рожденія Спасителя, превращенный въ богато украшенную подземную церковь. Снаружи храмъ загроможденъ цѣлымъ рядомъ построекъ, принадлежащихъ грекамъ, латинянамъ и армянамъ — владѣльцамъ вертепа Рождества Спасителя. Въ храмѣ Рождества Спасителя, являющемся однимъ изъ самыхъ древнѣйшихъ христіанскихъ храмовъ, многое заслуживаетъ вниманія съ историко-археологической точки зрѣнія. Такъ, напримѣръ, въ немъ много остатковъ рѣдкихъ мозаичныхъ изображеній, представлявшихъ все родословіе Христа и всѣ соборы православной церкви, вселенскіе и помѣстные, писанныхъ рукою мастера XII-го вѣка, какъ это видно по одной сохранившейся въ храмѣ надписи. Нашъ путешественникъ, первой половины истекающаго столѣтія, (1835 г.), Норовъ, еще видѣлъ мозаики хорошо сохранившимися (Путешествіе по Святой Землѣ. Часть 1, СПБ., 1844. Стр. 350—57). Но здѣсь какъ-то не до исторіи съ археологіею, не до наблюденій; здѣсь невольно

---

[1]) Въ 1199 году реставрировалъ этотъ храмъ Византійскій Императоръ Мануилъ Комненъ, затѣмъ въ 16 вѣкѣ—патріархъ Софроній V, сдѣлавшій надъ вертепомъ искусственный сводъ; въ 17 вѣкѣ — блаж. Досиѳей II, возобновившій кровлю и стѣны, пришедшія въ совершенную ветхость; наконецъ въ 1842 году греки реставрировали его на средства, собранныя съ поклонниковъ, преимущ., русскихъ (Интер. подробн. относ. къ исторіи виѳм. храма можно читать въ Трудахъ Кіев. Дух. Академіи за 1882 г. „Вертепъ и храмъ Р. Хр. въ Виѳлеемѣ").

спѣшишь къ тому убогому вертепу, изъ котораго, 19-ть вѣковъ тому назадъ, возсіялъ Свѣтъ, возродившій міръ и принесшій людямъ радость, счастье и миръ;—къ тому вер-



Вертепъ Рождества Христова.

тепу, къ которому, 19-ть вѣковъ тому назадъ, съ благоговѣніемъ спѣшили какъ простые виѳлеемскіе пастухи, такъ и знатные мудрецы Востока—волхвы. Вертепъ Рождества Христова находится подъ алтаремъ верхняго православнаго храма и теперь мало, конечно, напоминаетъ ту убогую пещеру, въ которую виѳлеемскіе пастухи загоняли свой скотъ и гдѣ Божія Матерь нашла для себя пріютъ во время всеобщей переписи. 13-тью ступенями спускаемся мы въ каменную пещеру, имѣющую 6 саженъ длины, $1^1/^2$ с. ширины и высоты, богато убранную. Стѣны ея частію облицованы мраморомъ, частію от-

дѣланы полированной подъ мраморъ штукатуркой, полъ устланъ мраморными плитами съ черными и красноватыми жилками. Кромѣ того, стѣны завѣшаны шелковыми пеленами съ гербами рыцарей. Самое мѣсто рожденія Христа находится въ углубленіи, въ восточной стѣнѣ пещеры. Это мѣсто обозначено звѣздою, на которой написано по латински: „Здѣсь родился Іисусъ Христосъ отъ Дѣвы Маріи“, [1]) и освѣщается 15-ю массивными лампадами, принадлежащими различнымъ исповѣданіямъ—православнымъ, латинянамъ и армянамъ. Солнечный свѣтъ совершенно не проникаетъ въ вертепъ Рождества Христа и потому онъ днемъ и ночью освѣщается лампадами. Мѣсто рожденія Спасителя является престоломъ, на которомъ православные совершаютъ божественную литургію. Здѣсь же постоянно присутствуетъ греческій священникъ. Едва-лишь мы вошли въ вертепъ, какъ онъ началъ молебенъ. Во время молебна евангеліе, повѣствующее о рожденіи Спасителя, было прочитано на двухъ языкахъ: греческомъ и русскомъ. По окончаніи молебна мы пропѣли: „Рождество Твое, Христе Боже нашъ“, „Дѣва днесь“ и приложились къ мраморной плитѣ, покрывающей мѣсто рожденія Христа. Въ трехъ шагахъ отсюда, въ южной стѣнѣ, показываютъ въ небольшой впадинѣ скалы мѣсто, куда положенъ былъ родившійся Спаситель. Оно имѣетъ видъ продолговатаго ящика, обложено мраморомъ [2]) и принадлежитъ католикамъ, которые здѣсь совершаютъ свое богослуженіе на мѣстѣ поклоненія волхвовъ, какъ говорятъ они [3])

Къ вертепу Рождества примыкаетъ цѣлый рядъ другихъ пещеръ, посѣщеніе которыхъ, обыкновенно, считается обязательнымъ для паломниковъ, хотя сами онѣ не представля-

---

[1]) Hic de virgine Maria Iesus Christus natus est. Между прочимъ на лат. надписяхъ, существующихъ въ храмѣ, католики основываютъ свое право на владѣніе всею пещерою Рождества, говоря, что храмъ, очевидно, построенъ первоначально латинскими архитекторами; однако, вѣроятнѣе всего, эти надписи сдѣланы во время господства крестоносцевъ, но не ранѣе.

[2]) Подлинность яслей оспаривается. Существуетъ нѣсколько другихъ яслей. Въ Римѣ, въ праздникъ Рожд. Христова, въ базиликѣ santa Maria Maricre показываютъ ясли Христа, вывезенныя изъ Виѳлеема.

[3]) Дѣйствительно-ли здѣсь поклонялись волхвы новорожденному Младенцу—это можно оспаривать, такъ какъ въ евангеліи сказано, что волхвы пришли не въ пещеру, а въ домъ (οἰκία—Мѳ. 2 г. 11 с).

ютъ ничего особенно интереснаго, а связанныя съ ними воспоминанія о различныхъ священныхъ и историческихъ событіяхъ являются не болѣе, какъ благочестивыми преданіями. Мы добросовѣсно осмотрѣли всѣ пещеры. Въ нихъ намъ показали отверстіе воднаго ключа, истекшаго, по преданію, для св. семейства; затѣмъ—пещеру, гдѣ, согласно преданію, св. Іосифъ Обручникъ оставался до тѣхъ поръ, пока Ангелъ, явившись во снѣ, не велѣлъ бѣжать въ Египетъ; пещеру, въ которой были избиты Иродомъ виѳлеемскіе младенцы; пещеру, гдѣ 38-мь лѣтъ подвизался блаженный Іеронимъ, переводившій Св. Писаніе на латинскій языкъ, и нѣсколько другихъ пещеръ. Эти пещеры принадлежатъ различнымъ національностямъ, имѣющимъ здѣсь свои алтари, на которыхъ совершается богослуженіе.

Извѣстный русскій паломникъ нынѣшняго вѣка, Норовъ, оставляя Виѳлеемъ, вынесъ особенно пріятное впечатлѣніе объ отношеніяхъ между представителями христіанскихъ вѣроисповѣданій, которымъ принадлежитъ мѣсто рожденія Царя мира. „Въ одномъ лишь Виѳлеемѣ, говоритъ онъ, я видѣлъ истинное христіанское братство между монахами Восточной и Западной церкви“ [1]). За протекшее столѣтіе картина сильно измѣнилась. Интересно, что въ золотой вѣкъ христіанства такія братскія отношенія существовали вездѣ въ Палестинѣ. „Между ними (обитателями Палестины), говоритъ бл. Іеронимъ (Творенія, II, 12), нѣтъ никакого спора изъ-за своекорыстія, или изъ-за побужденій гордости.. Какъ ни различны голоса, но религія одна... А грызть другъ друга зубами, что такъ обыкновенно въ другихъ странахъ, здѣсь этого не водится“... А теперь ничто не поражаетъ такъ сильно паломника въ вертепѣ Рождества Спасителя, какъ присутствіе здѣсь въ полномъ вооруженіи турецкаго солдата, водворяющаго миръ среди представителей христіанскихъ вѣроисповѣданій. Духъ злобы и вражды среди христіанъ, живущихъ на мѣстѣ рожденія Спасителя, примирившаго людей съ небомъ и самихъ съ собою— это какое-то страшное противорѣчіе, свидѣтельствующее еще разъ о томъ, что христіанская религія—прежде всего религія сердца, и усвоеніе ея умомъ совершенно недостаточно. Вражда между представителями

---

[1]) Норовъ. Путешествіе по св. землѣ, часть I-ая, стр. 358.

христіанскихъ вѣроисповѣданій изъ-за преобладанія особенно обострилась въ послѣднее время, когда вызвала нѣсколько кровавыхъ столкновеній въ самомъ вертепѣ Рождества Спасителя. Послѣднее изъ такихъ столкновеній между православными и францисканцами изъ-за обладанія лѣстницею, ведущею въ вертепъ Рождества, произошло въ 1891-омъ году, 11 мая, въ пять часовъ утра. Во время этого столкновенія одинъ монахъ былъ даже убитъ кавасомъ русскаго консульства, вступившимся за православныхъ, на которыхъ съ оружіемъ въ рукахъ наступали францисканскіе монахи, считавшіе себя хозяевами спорной лѣстницы. Съ этихъ поръ и появилась тутъ турецкая стража.

Въ Виѳлеемѣ, кромѣ храма Рождества Спасителя съ его священными пещерами, нѣтъ другихъ священно-историческихъ памятниковъ, заслуживающихъ посѣщенія, хотя все кругомъ и дышетъ священными воспоминаніями. Къ одной долинѣ пріурочиваютъ мѣсто, на которомъ пастыри виѳлеемскіе въ святую ночь рожденія Христа пасли свои стада; другую называютъ полемъ добраго Вооза; съ третьею связываютъ имя праотца Іакова, и т. д.

Изъ храма Рождества мы направились въ самый городъ Виѳлеемъ—житницу Іерусалима, славящійся въ тоже время своими издѣліями изъ перламутра, слоновой кости и дерева. Его улицы полны лавками, гдѣ продаютъ различныя четки, образки, крестики, фотографическіе виды, альбомы, засушенные цвѣты и подобные предметы, охотно раскупаемые богомольцами на память о святой землѣ. Еще при въѣздѣ въ Виѳлеемъ, насъ встрѣтила толпа комиссіонеровъ изъ различныхъ магазиновъ, предлагая карточки съ обозначеніемъ товаровъ и цѣнности ихъ. Изъ храма мы и направились въ эти магазины, чтобы пріобрѣсти что-нибудь на память о Виѳлеемѣ. На дорогѣ — толпа любопытныхъ, мальчишки суютъ въ руки за паричку цѣлыя горсти мелкихъ, похожихъ на горохъ, камушковъ, собранныхъ на полѣ, которое, согласно мѣстной легендѣ, проклялъ Спаситель (по другимъ варіантамъ—Божія Матерь) за то, что сѣятель на Его вопросъ: „что онъ сѣетъ“, отвѣчалъ иронически: „камни“. Магазины, какъ обыкновенно, на Востокѣ очень оригинальны; но ихъ дѣлаетъ невыносимыми безтолковая назойливость продавцевъ, старающихся во что-бы то ни

стало навязать свои товары, и страшное запрашиваніе съ знатныхъ иностранцевъ, избаловавшихъ ихъ своею щедростью: часто отдаютъ вещи за 1/10-ую часть запрошенной сначала цѣны! Любопытно отмѣтить еще, что нѣтъ ни одного магазина, гдѣ не говорили-бы по русски, хотя большинство ихъ принадлежитъ арабамъ. Такъ распространенъ здѣсь русскій языкъ.

Изъ Виѳлеема, согласно маршруту, мы должны были заѣхать въ Бэтъ-Джалу,—селенье, лежащее немного въ сторонѣ отъ Виѳлеемской дороги. Бэтъ-Джала не принадлежитъ къ мѣстамъ, ознаменованнымъ какими-нибудь священно-историческими воспоминаніями; тѣмъ не менѣе, это интересный для русскаго уголокъ Палестины. [1]). Здѣсь пріютилась женская учительская семинарія Палестинскаго Общества, приготовляющая для мѣстныхъ женскихъ школъ учительницъ, воспитывающихъ своихъ соотечественницъ-арабокъ въ духѣ православной религіи.

Бэтъ-Джальская школа существуетъ уже 35-ть лѣтъ. Она основана здѣсь по иниціативѣ незабвеннаго и самоотверженнаго дѣятеля на пользу православія въ Палестинѣ, бывшаго начальника русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ, архимандрита Антонина, на средства благочестивыхъ поклонниковъ Е. Н. Багровой и г. Безпалова, при благосклонной поддержкѣ въ Бозѣ почившей Императрицы. Бэтъ-Джалу о. Антонинъ выбралъ потому, что здѣсь среди исключительно православнаго населенія свила себѣ прочное гнѣздо католическая пропаганда, руководимая рукою энергичнаго латинскаго патріарха Іосифа Валерги [2]). На борьбу съ этою

---

[1]) Чѣмъ была Бэтъ-Джала въ древности—точно неизвѣстно. Большею частію ее отождествляютъ съ городомъ Голамою, родиною Ахитофела, совѣтника Давидова, который перешелъ на сторону его возмутившагося сына Авессалома. Другіе отожествляютъ ее съ древнею Рамою, гдѣ Рахиль „плакала о чадѣхъ своихъ“.

[2]) Іосифъ Валерга—родоначальникъ новѣйшей католической пропаганды въ Палестинѣ. Правда, католики—францискане и доминикане—появились въ Св. Землѣ сначала 14 вѣка, но число „этихъ стражей Гроба Господня“, какъ они себя называли, было невелико (не болѣе 100) и пропагандою они не занимались. Въ истекающемъ же столѣтіи, послѣ появленія въ Палестинѣ протестантовъ (въ 1841 г.), сюда нахлынули и католики, на этотъ разъ уже съ цѣлію пропаганды преимущественно среди

опасною для православія пропагандою и выступилъ о. Антонинъ основаніемъ своей школы. Къ 1886-му году она разрослась такъ, что о. Антонину со своими скудными средствами, состоявшими, большею частію, изъ добровольныхъ пожертвованій, трудно стало справляться съ нею, и онъ передалъ ее въ завѣдываніе Палестинскаго Общества, располагавшаго гораздо большими средствами. Подъ вѣдѣніемъ Палестинскаго Общества Бэтъ-Джальская школа быстро разросталась. Когда Обществомъ было открыто нѣсколько другихъ школъ въ разныхъ мѣстахъ Сиріи и Палестины, оно

мѣстнаго православнаго населенія Палестины, въ виду того, что пропаганда католичества среди евреевъ безуспѣшна, а среди турокъ строго запрещена законами Порты. Первымъ латинскимъ патріархомъ въ Іерусалимѣ и былъ знаменитый своею неутомимою энергіею Іосифъ Валерга, прибывшій сюда въ 1846 году и работавшій здѣсь 27 лѣтъ съ большимъ успѣхомъ „ad majorem Dei gloriam“. Но Валерга былъ только предтечею новаго нашествія латинянъ на Палестину. Католики въ лицѣ монашескихъ орденовъ всевозможныхъ наименованій, благочестиво-настроенныхъ женщинъ и просто любителей и любительницъ приключеній, быстро наводнили со всѣхъ сторонъ Палестину. Субсидируемые правительствомъ, опирающіеся на сочувствіе соотечественниковъ, снабжавшихъ ихъ громадными суммами денегъ, католики быстро захватили въ свои руки всѣ просвѣтительно-благотворительныя заведенія св. земли и чрезъ то пріобрѣли громадное вліяніе на бѣдное, невѣжественное мѣстное православное населеніе, остававшееся къ тому-же ранѣе совершенно безъ всякаго руководства, такъ какъ люди, призванные оффиціально для этого—греки, болѣе заботились объ увеличеніи доходовъ казны святогробскаго братства, чѣмъ объ удовлетвореніи духовныхъ и матеріальныхъ нуждъ своей паствы. Это обстоятельство обезпечило католической пропагандѣ успѣхъ, и успѣхъ громадный. Съ 2-хъ тысячъ мѣстныхъ католиковъ въ 1840-мъ г. число ихъ въ Палестинѣ въ настоящее время (за 60 л.) увеличилось до 14-ти тысячъ на 27 тыс. прав. населенія. Легко могло-бы случиться, что черезъ нѣсколько лѣтъ католики обратили-бы въ свое вѣроисповѣданіе все прав. населеніе Палестины. Но съ 1882 г. на стражѣ интересовъ православія въ Палестинѣ стало Импер. Прав. Палест. Общество, положившее предѣлъ католич. пропагандѣ. Правда, по недостатку денежныхъ средствъ (доходы Общества только въ посл. годъ достигли милл. рублей), оно не въ состояніи подавить католич. пропаганду среди мѣстнаго прав. населенія совершенно, но несомнѣнно оно останавливаетъ ея дальнѣйшее развитіе, а въ будущемъ, съ Божіею помощію, ему, можетъ быть, и удастся вернуть въ лоно правосл. церкви ея чадъ, отторгнутыхъ католиками. (О дѣятельности Имп. Пр. Пал. Общ. подробнѣе см. статью одного изъ участн. нашего пут. въ журналѣ „Вѣра и Церковь“ за Мартъ—Апрѣль, 1901-го г.).

почувствовало недостатокъ въ учителяхъ и учительницахъ, и рѣшило открыть учительскія семинаріи; такая женская семинарія и была открыта въ Октябрѣ 1890-го года при Бэтъ-Джальской школѣ, прекрасно зарекомендовавшей себя передъ мѣстнымъ православнымъ населеніемъ. Въ настоящее время школа и семинарія помѣщаются въ двухъ большихъ двухъ-этажныхъ корпусахъ, господствующихъ надъ всею мѣстностью; опоясанныя цѣпью хозяйственныхъ сооруженій и зеленою лентою сада, эти зданія видны издалека и манятъ подъ свой гостепріимный кровъ.

По дорогѣ въ Виѳлеемъ.

Дорога въ Бэтъ-Джалу, послѣ того какъ она расходится съ Виѳлеемскою, опять идетъ зеленѣющею долиною, по обѣ стороны которой виднѣются виноградники, огороженные каменною оградою. На встрѣчу изрѣдка попадаются караваны верблюдовъ, пугливо бросающихся съ дороги при встрѣчѣ съ нашими колясками, и оригинальные кавалеристы, часто вдвоемъ, на маленькихъ осленкахъ.

Въ то время, когда мы подъѣзжали къ Бэтъ-Джалѣ, на землю опускалась чудная, палестинская ночь. Солнце, скрывающееся за горизонтомъ, обливало мягкимъ розоватымъ

свѣтомъ небо и землю; жара спадала; поднимался тихій, ласкающій, прохладный вѣтерокъ. Поднимаемся въ гору. Открывается чудная панорама: направо, окрашенный пурпуромъ заката, высится Виѳлеемъ, налѣво въ отдаленіи виднѣются, словно сторожевые великаны, темные силуэты Іерусалимскихъ башенъ; кругомъ на громадное пространство—темно-зеленая равнина, упирающаяся на востокѣ въ темнѣющія вдали высокія Моавитскія горы.

Въ Бэтъ-Джалѣ, гдѣ были предупреждены о нашемъ пріѣздѣ, не смотря на поздній часъ, насъ ждали. Встрѣтила насъ почтенная начальница пріюта Евдокія Михайловна Тараканова, самоотверженно отдавшая все свое знаніе и силы на служеніе семинаріи и съумѣвшая поставить ее вполнѣ образцово. Семинаристки встрѣтили Преосвященнаго стройнымъ пѣніемъ входнаго „Достойно“. Высокіе, звонкіе голоса, далеко разносились въ вечернемъ воздухѣ. Затѣмъ Е. Мих. пригласила всѣхъ въ залъ, гдѣ послѣ обычнаго восточнаго угощенія: глико, кофе и фруктами, познакомила съ организаціею ввѣреннаго ей заведенія и предложила осмотрѣть его. Вотъ нѣсколько данныхъ, почерпнутыхъ изъ разговора съ нею. Подъ ея вѣдѣніемъ находится образцовая школа для приходящихъ дѣвочекъ, въ которой учится около 300 дѣтей [1]), и учительская семинарія для пансіонерокъ; ихъ въ настоящее время болѣе 35 человѣкъ. Пансіонъ—закрытое учебное заведеніе; въ него принимаются дѣвочки на полное содержаніе Общества и обучаются въ немъ шесть лѣтъ, послѣдовательно проходя три двухгодичныхъ курса. Учатъ въ школѣ пять учительницъ русскихъ и нѣсколько арабокъ. Предметы преподаванія слѣдующіе: Законъ Божій, арабскій и русскій языки, гражданская исторія—всеобщая и русская, географія, ариѳметика, пѣніе, рукодѣліе; кромѣ того ученицы пріучаются къ поданію первой медицинской помощи. И при самой школѣ есть безплатная больница для приходящихъ больныхъ, дающая въ годъ врачебную помощь болѣе 10-ти тысячамъ больныхъ. Излишне прибавлять, что все воспитаніе въ школѣ ведется въ строго православномъ духѣ. Молодыя дѣвушки, окончившія курсъ въ учительской семинаріи, обязуются нѣсколько лѣтъ слу-

[1]) Къ 1 Январю 1900 г. было 291 чел. (97 мальч. и 194 дѣв.).

жить въ школахъ Палестинскаго Общества за вознагражденіе нѣсколько меньшее того, которое получаютъ учительницы изъ русскихъ; но онѣ отъ этого никогда не отказываются, во 1-хъ потому, что онѣ фактически обречены на безбрачіе, такъ какъ у арабовъ, обыкновенно, выходятъ за мужъ 10—13 лѣтъ, а 19—20-ти лѣтъ считаются уже устарѣвшими; а во 2-хъ и потому, что школа, пріучая ихъ къ чистотѣ и довольству, отрѣзаетъ тѣмъ самымъ имъ путь для возвращенія въ деревенскую семью, гдѣ въ большинствѣ случаевъ царитъ ужасающая грязь и непроглядная бѣдность, которую выносить можетъ только тотъ, кто привыкъ къ ней съ самыхъ юныхъ лѣтъ и не видалъ ничего лучшаго, съ чѣмъ-бы могъ онъ сравнить свою неприглядную обстановку. Чистота въ школѣ и порядокъ—дѣйствительно образцовые, въ чемъ мы убѣдились наглядным образомъ, когда подъ руководствомъ Е. М—ны осмотрѣли всю школу: классы, столовую, дортуары. Вездѣ чистота и опрятность доведены до совершенства. Все устроено свѣтло и удобно, масса классныхъ пособій. Вообще во внѣшнемъ отношеніи школа обставлена такъ хорошо, что ей могутъ съ полнымъ основаніемъ позавидовать многія изъ русскихъ учрежденій подобнаго рода. Бетъ-Джальская школа, кажется, обставлена хорошо не съ одной только внѣшней стороны; занятій при насъ не было, и мы не имѣли возможности убѣдиться, какъ поставлено тутъ преподаваніе; но можно думать, что хорошо; разсмотрѣнныя нами работы воспитанницъ были исполнены прекрасно; воспитанницы говорятъ по русски, нисколько не затрудняясь, и кажутся довольно развитыми. Благодаря чисто русскому воспитанію, онѣ, такъ сказать, совершенно обрусѣли, и Россія для нихъ сдѣлалась какъ-бы второю родиною. Онѣ съ большою радостію встрѣтили насъ какъ своихъ земляковъ и съ увлеченіемъ выкладывали свои познанія о Россіи. [1])

---

[1]) Вообще просвѣтительная дѣятельность Палестинскаго Общества заслуживаетъ глубокаго сочувствія; эта дѣятельность—великая, миссіонерская, развитая при томъ Обществомъ очень широко. Къ 1-му мая 1900 года всѣхъ школъ подъ вѣдѣніемъ Общества въ Палестинѣ насчитывалось 70-ть съ 9998 учащимися, которые, благодаря Обществу, спасаются отъ совращенія въ католицизмъ или протестантизмъ. Кромѣ Бетъ-Джальскаго

Послѣ обзора школы мы нѣкоторое время пробыли на террасѣ школы среди воспитанницъ, которыя, уступая нашей просьбѣ, спѣли нѣсколько гимновъ и пѣсенъ по турецки, арабски, по русски и даже по малороссійски. Пѣли, надо отдать справедливость имъ и ихъ учителямъ, прекрасно, не только съ чистымъ, русскимъ акцентомъ, но даже выразительно, такъ что время, проведенное нами подъ гостепріимнымъ кровомъ Бэтъ-Джальской школы, оставило по себѣ самое пріятное воспоминаніе. Поблагодаривъ начальницу и учительницъ и пожелавъ успѣха ихъ великому дѣлу, мы оставили Бэтъ-Джалу уже совсѣмъ ночью. Воспитанницы провожали до воротъ Преосвященнаго съ пѣніемъ „Достойно“ и долго-долго доносились до насъ звонкіе голоса ихъ среди чудной, Палестинской ночи.

На обратномъ пути до Іерусалима дорога казалось совершенно вымершею; ни души не попадалось на встрѣчу. Блѣдный дискъ луны, серебря окрестность, освѣщалъ нашъ путь. Іерусалимъ уже спалъ. Полусонный арабъ открылъ передъ нами ворота русскихъ построекъ. Два дня, проведенные подъ знойнымъ солнцемъ Палестины, начинали давать себя чувствовать; многіе испытывали болѣзненное утомленіе, а одинъ слегъ въ постель, захворавъ обычною у пріѣзжающихъ въ Іерусалимъ лихорадкою.

26-е Іюня. Понедѣльникъ. Осмотръ храма Воскресенія; поѣздка въ Іерихонъ.

Утро нынѣшняго дня было предназначено для подробнаго осмотра храма Воскресенія съ его многочисленными постройками и святынями, на поклоненіе которымъ мы заходили сюда ежедневно. Поэтому въ девять часовъ утра, въ сопровожденіи своихъ постоянныхъ руководителей: о. Архимандрита Александра и Н. Г. Михайлова, мы отправились съ русскихъ построекъ по узкимъ и грязнымъ улицамъ Іерусалима, переполненнымъ лавками и торговцами, къ храму Гроба Господня. Священнѣйшее для христіанъ мѣсто—храмъ Воскресенія Христа, скрывающій подъ своимъ кровомъ ве-

---

пансіона у Пал. Общества существуетъ еще пансіонъ для приготовленія учителей въ Назаретѣ.

личайшія христіанскія святыни—Гробъ Господень и Голгоѳу, въ то-же время принадлежитъ по своему внѣшнему устройству къ самымъ интереснѣйшимъ храмамъ въ христіанскомъ мірѣ. Имѣя 146-ть съ половиною аршинъ въ длину и почти 86-ть въ ширину и принадлежа, такимъ образомъ, къ величайшимъ христіанскимъ храмамъ, 2-хъ этажный храмъ Воскресенія совершенно незамѣтенъ издали, такъ какъ застроенъ цѣлымъ рядомъ пристроекъ, принадлежащихъ различнымъ вѣроисповѣданіямъ, владѣющимъ храмомъ Воскресенія [1]), и доступъ къ нему открывается только съ одной стороны. Храмъ Воскресенія, постоянно видоизмѣняясь, строился въ продолженіи многихъ столѣтій. Его судьбы тѣсно связаны съ судьбами самого Іерусалима, надъ которымъ за его многолѣтнее существованіе пронеслось не мало историческихъ грозъ. „Существуетъ-ли на свѣтѣ другой городъ, говоритъ одинъ писатель (Историч. судьбы Св. града Іерусалима, Виноградова. СПБ., 97 г. Изд. Имп. Пал. Общества, стр. 3), судьба котораго была бы столь печальна и тягостна, который былъ-бы столько разъ разрушенъ, созданъ снова и вновь разрушенъ до основанія, какъ Іерусалимъ?“ И это совершенно справедливо. Еще до Рождества Христова [2]) Іерусалимъ—этотъ священный городъ на языкѣ всѣхъ мѣстныхъ національностей—былъ не одинъ разъ ареною кровопролитія, особенно съ тѣхъ поръ, какъ, за 1100 лѣтъ, онъ сдѣлался мѣстомъ жительства Богоизбраннаго народа. Такъ, уже при наслѣдникѣ Соломона, Ровоамѣ, Египетскій Фараонъ Сезанъ, за 967 л. до Р. Хр., овладѣлъ Іерусалимомъ и ограбилъ его. Сто лѣтъ спустя, имъ овладѣли Аравитяне и Африканскіе пришельцы; вскорѣ разрушилъ городскую стѣну Іоасъ, царь Израильскій, а затѣмъ городъ лишился политической самостоятельности. Сначала завладѣли имъ Вавилоняне. Ихъ полководецъ Навузарданъ разрушилъ стѣны Іерусалима, со-

---

[1]) Храмъ Воскресенія считается собственностью мусульманъ-турокъ, владѣютъ же имъ, съ разрѣшенія турокъ, православные, греки, католики, армяне, сирійцы, копты.

[2]) Основаніе Іерусалима преданіе относитъ къ глубочайшей древности. Оно считаетъ основателемъ его таинственную личность библейскаго Мельхиседека, назвавшаго его Селимомъ—городомъ мира. До прибытія іудеевъ здѣсь обитало Ханаанское племя Іевусеевъ. За 1050 л. до Р. Хр. имъ завладѣлъ Давидъ, перенесшій сюда ковчегъ Завѣта.

жегъ дворецъ и всѣ лучшія зданія въ городѣ, превратилъ городъ въ кучу развалинъ и уничтожилъ Соломоновъ храмъ въ 588 году, или 606 г., до Р. Хр. Возстановленныя спустя 70-тъ лѣтъ Нееміею, стѣны Іерусалима снова были вскорѣ разрушены сирійскимъ Антіохомъ Эпифаномъ; а возрожденный Іудою Маккавеемъ, городъ вновь былъ опустошенъ римскимъ полководцемъ Помпеемъ Великимъ, избившимъ между прочимъ болѣе десяти тысячъ Іудеевъ. За 40 лѣтъ до Р. Хр. Іерусалимомъ овладѣли Парѳяне, откуда ихъ изгналъ Идумеянинъ Иродъ Великій, въ 37 г. до Р. Хр. Христосъ предрекъ Іерусалиму, тому городу, въ которомъ совершилось одно изъ самыхъ ужасныхъ преступленій, гдѣ невинно пролилась кровь Бого-человѣка, страшную судьбу, и едва прошло 40 лѣтъ, какъ Его пророчество осуществилось съ буквальною точностію послѣ разрушенія Іерусалима сыномъ Веспасіана, Титомъ, въ 70 году; отъ него не осталось камня на камнѣ; на мѣстѣ великолѣпнаго когда-то города возвышались лишь груды мусора. Но Провидѣнію было неугодно, чтобы городъ, ознаменованный великими для христіанъ священными событіями, погибъ совершенно, и онъ дѣйствительно начинаетъ мало-по-малу возрождаться изъ пепла. Однако возрожденіе его продолжается недолго; шестьдесятъ лѣтъ спустя послѣ разрушенія города Веспасіаномъ, надъ нимъ разражается новая гроза. Виновникъ ея, Императоръ Адріанъ, желая уничтожить самое имя ненавистнаго ему города, основываетъ на развалинахъ Іерусалима языческую Элію Капитолину. Вмѣстѣ съ торжествомъ христіанства при Константинѣ Великомъ окончила свое существованіе Элія Капитолина, и священный для христіанъ городъ былъ возстановленъ. Но Іерусалиму—этой колыбели христіанства—не суждено было оставаться долго христіанскимъ. Овладѣвшій имъ въ 614-омъ году, персидскій царь Хозрой II разрушилъ его снова и поработилъ; а въ 637-мъ году онъ попалъ въ руки магометанъ, навсегда засѣвшихъ въ немъ и образовавшихъ изъ него свой священный городъ.—Но и съ завоеваніемъ Іерусалима магометанами его бѣдствія не прекратились. Въ XI-омъ вѣкѣ Іерусалимъ былъ опустошаемъ не одинъ разъ.—Въ 1009-мъ году его разорилъ султанъ Хакемъ; а въ 1058-мъ г. опустошили турки сельджуки. Завоеваніе этими варварами св. города, угнетеніе ими христіанъ

вызвало крестовый походъ. Это было нашествіе на святую землю латинянъ, подвергшихъ Іерусалимъ въ 1099 - мъ году такому опустошенію, какому онъ не подвергался даже отъ варваровъ. Теперь Іерусалимъ былъ въ рукахъ христіанъ, но бѣдствія его не кончились. Послѣ латинянъ, которые владѣли имъ недолго, въ 1187-мъ году онъ снова сдѣлался достояніемъ турокъ, подъ властію которыхъ не разъ подвергался разграбленію и опустошенію. Въ 1244-мъ году Іерусалимъ разрушили дикія полчища монголъ-хварезлайцевъ; а въ 1517-мъ г. опустошили турки, владѣющіе имъ до сихъ поръ. Такова многострадальная судьба священнаго города, бравшагося осадою и приступомъ до 25-ти разъ и тѣмъ не менѣе уцѣлѣвшаго. „Сорокъ пять вѣковъ прошло надъ Іерусалимомъ, говоритъ одинъ изслѣдователь (Судьбы Іерусалима и русскіе паломники, Смирнова Прот. СПБ, 1896 г. ст. 15 –16). За эти сорокъ пять вѣковъ появилось много не только городовъ, а даже цѣлыхъ царствъ и народовъ—и они, если суждено было имъ разрушаться, то исчезали столь безслѣдно, что не оставили ни мѣста своего, ни воспоминаній. Іерусалимъ же стоитъ и не уничтожается. Разрушенный много разъ до основанія, возрождается снова и стоитъ несокрушимо среди возникающихъ и разрушающихся царствъ и народовъ“.

Въ тѣсной связи съ исторіей Іерусалима стоитъ и исторія храма Воскресенія, покрывающаго своимъ куполомъ величайшія святыни христіанъ: Гробъ Господень и Голгоѳу. Онъ много разъ, подобно Іерусалиму, разрушался, но снова возставалъ изъ пепла и стоитъ до сихъ поръ непоколебимо, какъ и основанная Христомъ Церковь, которую не сокрушатъ всѣ силы ада.

Мѣсто, гдѣ стоитъ въ настоящее время храмъ Воскресенія, называлось долиною мертвыхъ и находилось внѣ стѣнъ города. Послѣ смерти Спасителя сюда приходили ученики и послѣдователи Христа, чтобы поклониться тѣмъ священнымъ мѣстамъ, гдѣ ихъ Учитель былъ распятъ, погребенъ и воскресъ. Но это не понравилось римскому Императору Адріану и онъ запретилъ евреямъ и христіанамъ приближаться къ Іерусалиму, а чтобы уничтожить самую память о ненавистномъ для него имени Христа, приказалъ мѣсто между Голгоѳою и погребальною пещерою завалить мусо-

ромъ и сравнять, а на выравненномъ мѣстѣ устроилъ языческій храмъ Венерѣ, давая такимъ образомъ возможность, вопреки своему намѣренію, точно опредѣлить на будущее время мѣста распятія и погребенія Спасителя. Разрушивъ храмъ Адріана, равноапостольный Константинъ снова открылъ священныя мѣста, при чемъ былъ обрѣтенъ и животворящій крестъ Господень; надъ пещерою и мѣстомъ распятія онъ соорудилъ грандіозный и великолѣпный храмъ, существовавшій около 300 лѣтъ,—золотой вѣкъ православія на святой землѣ, когда она повсюду оглашалась пѣніемъ подвижниковъ, населявшихъ ея пустыни, и звономъ колоколовъ. Евсевій, сохранившій преданіе о храмѣ Константина, называетъ его чудомъ красоты. „Зданіе чрезвычайное, говоритъ онъ (жизнь Константина, III, 27—40), высоты неизмѣримой, широты и длины необыкновенной“. Разрушенный въ 614-мъ году персидскимъ царемъ Хозроемъ, Іерусалимскій храмъ былъ возстановленъ въ слѣдующемъ году снова св. Модестомъ, патріархомъ Іерусалимскимъ, при помощи и пособіи патріарха Александрійскаго Іоанна Милостиваго, но уже не въ первоначальномъ своемъ видѣ, а именно: вмѣсто одного великолѣпнаго храма Константина Великаго Модестомъ было сооружено четыре небольшихъ храма, которые существовали почти 400 лѣтъ. Въ 1009-мъ году ихъ разрушили по повелѣнію Египетскаго султана Хакема, но не прошло и 40 лѣтъ, какъ храмъ на мѣстѣ смерти и погребенія Христа былъ снова возстановленъ Императоромъ византійскимъ Константиномъ Мономахомъ [1]), а затѣмъ крестоносцами, въ 1103-мъ году. Въ послѣдующее время храмъ Воскресенія не разъ страдалъ отъ разграбленій и измѣнялся въ частностяхъ. Въ 1555 году папа Юлій III-й и Карлъ V съ разрѣшенія султана Солимана I возобновили кувуклію, бывшую наканунѣ разрушенія. Въ томъ же видѣ, въ какомъ онъ существуетъ въ настоящее время, онъ сооруженъ послѣ опустошительнаго пожара 1808 года, когда разрушенъ былъ весь круглый храмъ вокругъ часовни Гроба Господня и отчасти Голгоѳскіе придѣлы. [2]) Такимъ образомъ храмъ Воскресенія былъ три

---

[1]) Храмъ Конст. Мономаха описываетъ подробно нашъ паломникъ Даніилъ, затепливший у гроба Господня лампаду за Свято-Русскую землю.

[2]) Точную копію храма Воскресенія до его перестройки послѣ пожара

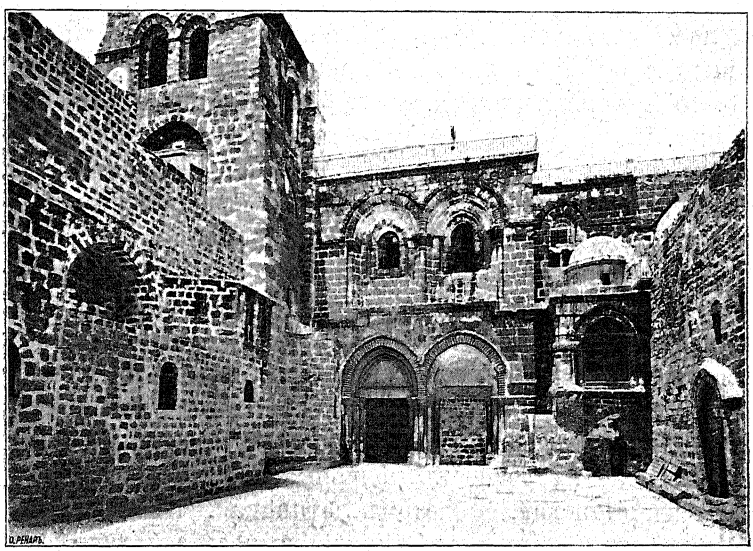
раза почти совершенно разоряемъ и три раза возстановлялся вновь. Частныя-же видоизмѣненія производились въ немъ постоянно. Въ храмѣ 1808-го года обвалился центральный куполъ, который былъ снова возведенъ въ настоящемъ своемъ видѣ только въ царствованіе Александра II, въ 1868 году, двумя правительствами—русскимъ и французскимъ. Вообще же храмъ Воскресенія содержится недостаточно хорошо, въ виду того, что онъ, послѣ удаленія крестоносцевъ, раздѣленъ между различными національностями — греками, латинянами, армянами, коптами, абиссинцами,—которыя, постоянно борясь за владѣніе каждымъ вершкомъ земли въ храмѣ, не позволяютъ другъ другу производить починку и исправленіе въ храмѣ, чтобы не дать кому нибудь права, опираясь на этихъ починкахъ, предъявлять своихъ правъ на владѣніе. Турки-же, считающіеся оффиціально владѣльцами храма, также мало заботятся о его благолѣпіи и чистотѣ, вслѣдствіе чего громадный храмъ, раздѣленный на множество отдѣленій, находится въ ненадлежащемъ состояніи. У турокъ же находятся и ключи отъ храма, который они въ 6—7 часовъ запираютъ, а въ 3—4 ч. утра отпираютъ. [1]) Дурно отзывается на внутреннемъ благоустройствѣ его и то, что онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ жилыми помѣщеніями, которыя находятся съ нимъ подъ одною кровлею, и внутри его постоянно дежурятъ турецкіе часовые, развалившіеся на нарахъ съ трубками въ зубахъ и приготовляющіе здѣсь для себя кофе. Въ храмъ ведутъ массивныя двери, украшенныя барельефами старинной французской работы.

При входѣ въ храмъ, Преосвященнаго встрѣтилъ настоятель Свято-гробскаго Братства о. Евфимій — святогробскій

1808-го года можно видѣть въ Россіи, именно въ Воскресенскѣ, Моск. губерніи. Здѣсь, въ созданномъ по идеѣ патріарха Никона Новомъ Іерусалимѣ, главный храмъ сооруженъ по образцу храма Воскресенія по моделямъ и рисункамъ, вывезеннымъ изъ Палестины Арсеніемъ Сухановымъ.

[1]) До русско-турецкихъ войнъ 2-й пол. настоящаго вѣка турки брали большія деньги за право входа въ храмъ. При Норовѣ, напримѣръ, путеш.-мъ въ 1835 году—по 2 р. 50 к. за каждый входъ. Любопытно, что одинъ изъ русс. паломн. 17 вѣка, именно Арсеній Сухановъ, замѣчалъ, что, можетъ быть, лучше, что ключи отъ христ. храма находятся у турчина, и было бы, пожалуй, хуже, если-бы они находились у грековъ. Такъ низко было у него представленіе о грекахъ.

игуменъ, какъ его называютъ здѣсь. Онъ насъ провелъ сначала въ свою келью, помѣщающуюся въ южной части храма, и былъ нашимъ руководителемъ при обозрѣніи храма, въ которомъ и человѣку, побывавшему здѣсь не одинъ разъ, не легко оріентироваться, благодаря множеству его закоулковъ и отдѣленій. Отецъ Евфимій живетъ при храмѣ Гроба Господня давно и довольно хорошо говоритъ по русски, хотя и съ своеобразнымъ акцентомъ. Его келья находится направо отъ входа, подъ Голгоѳою, и вся уставлена образами и ящиками съ частицами мощей святыхъ. О. Евфимій, руководившій нами при обозрѣніи храма, предварительно объяснилъ, что въ немъ насчитывается три большихъ части и до сорока меньшихъ. Три большихъ: это—ротонда Гроба Господня, Голгоѳскій придѣлъ и православный придѣлъ Воскресенія. Меньшія части—это придѣлы, принадлежащія различнымъ вѣроисповѣданіямъ: латинянамъ, армянамъ, коптамъ, абиссинцамъ.



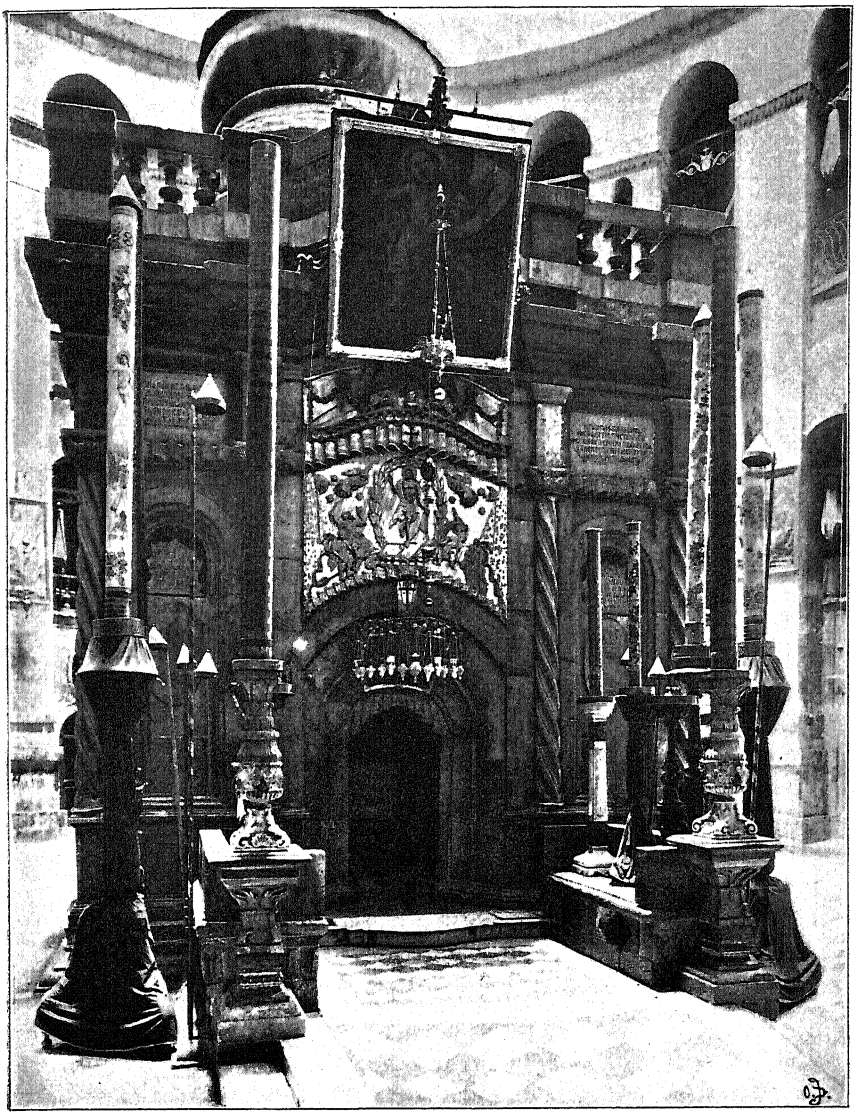
Входъ въ храмъ Воскресенія.

Центръ храма занимаетъ ротонда Гроба Господня, впереди нея—греческій храмъ Воскресенія съ отдѣльнымъ куполомъ. Въ коридорѣ, кольцомъ окружающемъ церковь Воскресенія, и въ боковыхъ пристройкахъ храма находятся церкви и придѣлы разныхъ національностей.

Обозрѣніе храма мы начали съ Гроба Господня. Изъ пріемной о. Евфимія мы прошли мимо камня миропомазанія, находящагося въ 12 аршинахъ разстоянія, прямо противъ входныхъ дверей, подъ балдахиномъ, увѣшаннымъ лампадами, принадлежащими различнымъ вѣроисповѣданіямъ, къ покрытой голубымъ куполомъ ротондѣ, среди которой стоитъ часовня Гроба Господня или Кувуклія, какъ ее называютъ греки, покрывающая пещеру живоноснаго гроба Господня. Часовня или Кувуклія представляетъ изъ себя шестиугольникъ (11½ арш. длины, почти 8 ширины и высоты), обложена желтовато-розоватымъ мраморомъ и украшена 16-ю витыми колоннами. Внутри Кувуклія раздѣляется на двѣ неравныя половины: первую—бо́льшую—придѣлъ Ангела, гдѣ находится часть камня, отваленнаго Ангеломъ при Воскресеніи Господнемъ, и вторую, гдѣ скрывается [1]) самая погребальная пещера, обложенная со всѣхъ сторонъ мраморными досками, къ которымъ благоговѣйно прикладываются поклонники. Погребальное ложе Спасителя находится направо отъ входа и также покрыто со всѣхъ сторонъ мраморными плитами, имѣющими 2 ар. 10½ вершк. длины, 1 ар. 5 в. ширины и 14½ верш. вышины. Надъ гробомъ висятъ 43 лампады; у сѣверной стѣны пещеры находится мраморное изображеніе Воскресенія Христова, а по бокамъ его два образа. Съ внѣшней стороны часовня также украшена образами, лампадами и подсвѣчниками. Образа и лампады принадлежатъ тѣмъ вѣроисповѣданіямъ, которыя владѣютъ часовней: православнымъ, латинянамъ и армянамъ—и имѣютъ право совершать здѣсь свое богослуженіе. Чтобы между ними не выходило никакихъ недоразумѣній, время для совершенія богослуженія строго разграничено. Православная литургія начинается ежедневно у Гроба Господня ровно въ полночь, затѣмъ съ 3 часовъ начинается армянская, а потомъ латинская. Въ великую-же субботу святой огонь изъ Кувукліи выноситъ одинъ греческій патріархъ.

---

[1]) Самую погребальную пещеру, так. обр., паломники не видятъ и она не сохранила своего естественнаго вида. Уже по словамъ св. Кирилла (Творенія, М. 1855, 227, 230), когда возводились постройки, у преддверія ея было отбито для большаго благолѣпія. Со временемъ видъ погреб. пещеры измѣнился еще болѣе.



Часовня Гроба Господня.

Къ стр. 254.

Гоголь.

Къ стр. 255.

Осмотрѣвъ подробно Кувуклію и облобызавъ Святый Гробъ, мы отправились на Голгоѳу. Голгоѳа такъ же, какъ пещера Гроба, не сохранилась въ томъ видѣ, въ какомъ была во время Спасителя. Въ настоящее время она находится какъ-бы во второмъ этажѣ храма, куда ведутъ 18 ступеней крутой лѣстницы, расположенной направо отъ камня миропомазанія [1]). Голгоѳская скала находится отъ Гроба Господня всего только въ разстояніи 16 саженъ. Голгоѳскій придѣлъ возвышается надъ помостомъ храма Воскресенія на 5 аршинъ 10 вершковъ и имѣетъ 7 ар. длины и 3 арш. 8 в. ширины. Отдѣленнаго отъ придѣла алтаря, какъ и вездѣ въ этомъ храмѣ, нѣтъ, и богослуженіе совершается на виду у молящихся на поддерживаемой 4-мя столбиками мраморной плитѣ, подъ которой находится отдѣланное серебромъ отверстіе въ камнѣ, указывающее мѣсто, гдѣ былъ водруженъ крестъ Господень [2]). За престоломъ на помостѣ поставлено распятіе въ настоящую величину, а по бокамъ его Божія Матерь и св. Іоаннъ Богословъ. Стѣна за распятіемъ вся уставлена образами въ драгоцѣнныхъ ризахъ, среди которыхъ обращаетъ на себя вниманіе образъ страждущаго Спасителя—даръ русскаго царствующаго Дома. Весь придѣлъ украшенъ множествомъ драгоцѣнныхъ лампадъ. Направо отъ православнаго придѣла находится придѣлъ католиче-

---

[1]) Поэтому тѣ, кто видѣлъ знаменитую панораму Яна Стыки „Голгоѳа“, напрасно старались-бы на основаніи ея представить себѣ современную Голгоѳу, хотя, надо замѣтить, картина Стыки въ высшей степени справедливо изображаетъ всю обстановку Распятія, какъ о ней можно судить по современному Іерусалиму, гдѣ нравы и обычаи не мѣняются тысячелѣтіями. (Смотри объ этомъ любопытную книгу Тристрама „Библейскіе обычаи въ вост. странахъ“, изд. Палест. Обществомъ СПБ., 1900 г.).

[2]) Извѣстно, что въ недавнее время нѣкоторые, преимущественно англійскіе, изслѣдователи: Фюргессонъ, Гордонъ и другіе выразили сомнѣніе въ исторической подлинности того мѣста, которое въ настоящее время выдается за Голгоѳу. Вмѣсто нынѣшней Голгоѳы они, какъ на мѣсто распятія Христа, указываютъ на одинъ совершенно голый холмъ, находящійся внѣ Іерусалимской стѣны. Но это предположеніе, не подкрѣпленное солидными научными доводами и соображеніями, нашло себѣ слабый отголосокъ среди ученыхъ изслѣдователей Палестины, а по мѣрѣ раскопокъ на русскомъ мѣстѣ, которыя докажутъ подлинность новооткрытой Іерусалимской стѣны временъ Спасителя, вѣроятно будетъ и совсѣмъ оставлено, какъ плодъ недорозумѣнія и тенденціозности.

скій,—мѣсто пригвожденія ко кресту,—украшенный, какъ и всѣ придѣлы католиковъ, цвѣтами и рельефными изображеніями, изъ которыхъ особенно обращаетъ на себя вниманіе художественное изображеніе страждущей Богоматери. Здѣсь на Голгоѳѣ въ девять часовъ вечера ежедневно совершается православными всенощное бдѣніе.

Третью главную часть храма Гроба Господня составляетъ величественный греческій соборный храмъ Воскресенія; онъ примыкаетъ непосредственно къ храму Гроба Господня съ восточной стороны и покрытъ отдѣльнымъ куполомъ. Храмъ украшенъ массою драгоцѣнныхъ лампадъ и паникадилъ, многія изъ которыхъ пожертвованы Россіей; его четырехъ-ярусный вызолоченный иконостасъ—также даръ Россіи. Царскія двери, какъ и всегда въ греческихъ церквахъ, низкія, а на нихъ изображенъ византійскій двуглавый орелъ. Надъ царскими дверями, въ томъ ряду, гдѣ стоятъ апостолы, устроена небольшая каѳедра, съ которой во время богослуженія діаконъ читаетъ, обратясь лицомъ къ народу, евангеліе. Въ алтарѣ находятся части животворящаго креста, вложенныя въ золотое распятіе, и правая рука св. Василія Великаго.

Остальные меньшіе придѣлы въ храмѣ Гроба Господня расположены въ проходахъ между главными, надъ ними и въ пещерахъ подъ ними.

Такъ, къ противоположной отъ входа стѣнѣ часовни Гроба Господня примыкаетъ убогая деревянная капелла коптовъ. На сѣверъ отъ часовни гроба Господня двумя каменными кругами означено мѣсто явленія Іисуса Христа Маріи Магдалинѣ, а рядомъ съ нимъ латинскій придѣлъ, гдѣ за желѣзною рѣшеткою хранится часть столба, къ которому, по преданію, привязанъ былъ Спаситель въ домѣ Каіафы [1]). Сзади православнаго храма Воскресенія въ проходѣ находится придѣлъ Пресвятой Богородицы, гдѣ она провела время приготовленія къ смертной казни ея Сына, а рядомъ съ нимъ—придѣлъ темницы Христовой, въ которой Божественный страдалецъ былъ заключенъ до казни.

---

[1]) Столбъ бичеванія, какъ извѣстно, показываютъ еще въ Римѣ въ церкви св. Праксиды. Онъ сдѣланъ изъ мрамора съ бѣлыми жилками и имѣетъ форму пьедестала въ 15 3/4 выс. и 10 в. діаметрѣ.

Въ темномъ проходѣ между алтарной стѣной храма Воскресенія и наружной стѣной храма Гроба Господня находится еще нѣсколько придѣловъ, именно: придѣлъ сотника Логгина, который, по преданію, пронзилъ копьемъ ребра Спасителя, придѣлъ раздѣленія ризъ Господнихъ. Изъ этогоже прохода широкая и длинная лѣстница ведетъ въ подземный храмъ обрѣтенія честнаго и животворящаго креста Господа, съ нѣсколькими придѣлами. На полпути находится подземная капелла, посвященная Константину и Еленѣ, — темная и очень древняя. На 13 ступеней ниже ея—самая пещера обрѣтенія Креста. Она высѣчена въ камнѣ и имѣетъ нѣсколько престоловъ. Въ проходѣ на восточной стѣнѣ храма находится придѣлъ Возложенія терноваго вѣнца, гдѣ подъ престоломъ за желѣзною рѣшеткою сохраняется часть того столба, на которомъ, по преданію, возсѣдалъ Спаситель при возложеніи на Него терноваго вѣнца во дворѣ Пилата [1]). Въ сѣверной части храма Гроба Господня и западной обширной ротонды храма находится еще нѣсколько придѣловъ и притворовъ: коптовъ, армянъ и латинянъ—францисканъ. Обойдя всѣ придѣлы храма, мы прошли по верхней галлереѣ его, осмотрѣли примыкающій къ нему непосредственно греческій Авраміевскій монастырь, наиболѣе интересныя вещи изъ ризницы и подземныя цистерны св. Елены.

Храмъ Гроба Господня со всѣхъ сторонъ застроенъ различными сооруженіями—монастырями и домами владѣющихъ храмомъ національностей—до такой степени, что наружный фасадъ его совершенно закрытъ. Мы посѣтили одинъ изъ такихъ монастырей—Авраміевскій, основанный на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію (мало вѣроятному, впрочемъ) Авраамъ приносилъ сына своего Исаака въ жертву. Здѣсь живутъ монахи, служащіе у Гроба Господня—члены такъ называемаго Святогробскаго Братства, происхожденіе котораго довольно оригинально и совершенно случайно.

Оно появилось такимъ образомъ. Іерусалимскіе патріархи, чтобы имѣть болѣе вліянія на дѣла, оставляли Іерусалимъ и переселялись въ Константинополь; въ Іерусалимъ же они посылали своихъ намѣстниковъ, а чтобы эти послѣдніе не

---

[1]) Самый терновый вѣнецъ, какъ извѣстно, показываютъ въ Парижѣ. Онъ имѣетъ 210 милл. въ діаметрѣ; разрѣзъ—15 милл. въ діаметрѣ.

злоупотребляли ихъ довѣріемъ и своимъ вліяніемъ, они давали имъ совѣтниковъ. Такимъ образомъ возникло Свято-гробское Братство, которое затѣмъ стало оказывать сильную оппозицію самому патріарху, принужденному для борьбы за свои права снова вернуться въ Іерусалимъ. Въ борьбѣ съ патріархомъ Свято-гробское Братство опиралось и опирается на силу громадныхъ богатствъ, сосредоточенныхъ въ рукахъ членовъ Братства, и на свое строго кастовое устройство, такъ какъ, по ихъ уставу, никто кромѣ грековъ не имѣетъ права быть членомъ Свято-гробскаго Братства, стражемъ Гроба Господня.

Изъ монастыря мы прошли въ ризницу, которая помѣщается надъ Голгоѳою. Доступъ въ самую ризницу безусловно запрещенъ для всѣхъ, кромѣ игумена и ризничаго; только они двое знакомы со всѣми тайнами святогробской ризницы. Невозможенъ былъ даже осмотръ нѣкоторыхъ вещей, хранимыхъ въ ризницѣ, до самого послѣдняго времени; да и теперь нелегко дается право осмотра. Благодаря любезности о. архим. Евѳимія, мы получили возможность познакомиться съ нѣкоторыми предметами, хранящимися въ ризницѣ, которые ризничій выносилъ намъ на лѣстницу передъ ризницей. Эти предметы, большею частію,—драгоцѣнные кресты, сдѣланные изъ животворящаго древа креста Господня, или обдѣланныя въ золото части его, и сосуды, пожертвованные въ разное время византійскими и русскими императорами. Кромѣ того, ризничій выносилъ намъ митры, панагіи, евангелія, посохи, облаченія, оружіе крестоносцевъ и другія вещи, заслуживавшія вниманія, однѣ — по своей цѣнности и изяществу работы, другія—по своей древности и соединенными съ ними воспоминаніями.

Въ заключеніе знакомства съ грандіознымъ храмомъ Гроба Господня мы осмотрѣли его подземныя сооруженія. Эти сооруженія—громадныя цистерны св. Елены, какъ думаетъ о. Евѳимій, недавно открывшій ихъ. Цистерны расположены подъ всѣмъ храмомъ, очень глубоки, и могутъ вмѣстить нѣсколько тысячъ ведеръ воды. Изъ цистернъ черезъ весь храмъ, въ разныхъ уголкахъ котораго виднѣлись въ своеобразныхъ одеждахъ монахи различныхъ вѣроисповѣданій и богомольцы разнообразныхъ типовъ, мы прошли снова въ

келлію о. Евѳимія, предложившаго намъ обычное восточное угощеніе. Поблагодаривъ о. Евѳимія, сопутствовавшаго намъ при осмотрѣ храма, мы отправились на русскія постройки, а Преосвященный отправился съ визитомъ къ живущимъ недалеко членамъ Святогробскаго Братства—митрополитамъ и архіепископамъ.

Послѣ обѣда, какъ только стала спадать невыносимая полуденная жара, часовъ около пяти, снова тронулись въ путь, дорожа каждою минутою пребыванія въ Св. Землѣ. На этотъ разъ путь лежалъ на востокъ, туда, гдѣ „у ногъ Іерусалима, Богомъ сожжена, безглагольна, недвижима, мертвая страна“— Іорданская пустыня. Въ описаніяхъ путешествій нашихъ древнихъ паломниковъ путь къ Іордану представляется невѣроятно труднымъ. Къ нему вела извилистая тропа, доступная только для пѣшеходовъ и вьючныхъ животныхъ; эта узкая тропа, усѣянная камнями, то поднималась круто вверхъ, то спускалась внизъ, въ пропасть, дѣлая движеніе по ней крайне труднымъ и не безопаснымъ. Даже въ ближайшее къ намъ время, какихъ нибудь 8—9 лѣтъ тому назадъ, дорога къ Іордану была затруднительна. Въ одномъ изъ бывшихъ съ нами описаній путешествія, совершеннаго въ 92-мъ году, было сказано, что дороги на востокъ отъ Іерусалима представляются узкими тропами, усѣянными камнями; въ экипажѣ по нимъ ѣхать нѣтъ никакой возможности; даже верхомъ ѣхать рядомъ могутъ не болѣе двухъ всадниковъ (Картавцевъ, по Египту и Палестинѣ) [1]. Теперь, нѣтъ ничего подобнаго. Дорога къ Іордану, какъ и вездѣ въ Іерусалимѣ, прекрасная, широкая и каменная; она выстроена, правда, недавно, только къ пріѣзду Германскаго Императора, и до сихъ поръ сохранилась великолѣпно, хотя, конечно, о ней никто не заботится. Въ этотъ разъ намъ предстоялъ длинный переѣздъ, часовъ около пяти, до Іерихона, гдѣ мы предполагали ночевать на пути къ Іордану [2]) и

---

[1]) О трудности пути къ Іордану говоритъ и Корженевскій (по Востоку, стр. 199), путеш.—шій еще позднѣе (въ 1896 году).

[2]) До Іордана отъ Іерусалима считаютъ около 40 в.

Мертвому морю. Наша кавалькада растянулась на бо̀льшее пространство, чѣмъ прежде: сзади нашихъ шести троекъ, на ко̀злахъ которыхъ важно возсѣдали кавасы—черногорцы въ своихъ живописныхъ костюмахъ, тащился фургонъ съ провизіею, а впереди на прекрасномъ арабскомъ конѣ молодцевато гарцевалъ шейхъ, такъ сказать, бедуинскій депутатъ, присутствіе котораго гарантируетъ безопасность въ несовсѣмъ еще спокойной Іорданской пустынѣ. Мимо сѣверныхъ городскихъ стѣнъ, погребальнаго вертепа Пресвятой Богородицы и южнаго склона Елеонской горы выѣхали мы изъ Іерусалима къ Іордану. Первою остановкою въ пути было близъ лежащее селеніе ел-Азаріе, евангельская Виѳанія, мѣстожительство друзей Господа—Марѳы, Маріи и брата ихъ Лазаря, воскрешеннаго Христомъ изъ мертвыхъ [1]). Теперь Виѳанія—небольшая деревенька, населенная по преимуществу магометанами. Едва-лишь мы въѣхали въ нее, какъ насъ атаковали полуголые ихъ ребятишки, прося бакшиша. Показались навстрѣчу и обитатели ея—феллахи, одѣтые въ синіе длинные кафтаны поверхъ суровой рубашки съ незастегнутымъ воротомъ, съ головой, замотанной въ длинное полотенце, поддерживаемое толстымъ чернымъ жгутомъ. Въ Виѳаніи показываютъ даже домъ Лазаря [2]), но это, разумѣется, не тотъ домъ, въ которомъ любилъ проводить время Христосъ въ тиши сельскаго уединенія въ задушевной бесѣдѣ съ богобоязненными сестрами, и потому мы, проѣхавъ мимо его, вылѣзли изъ экипажей около пещеры, въ которой, по преданію, идущему отъ глубокой древности, лежалъ Лазарь, воскрешенный Христомъ, на четвертый день послѣ его смерти. Пещера погребенія Лазаря находится у подножія скалистаго холма, рядомъ съ Іерихонской дорогой и ничѣмъ со внѣ не отмѣчена. Въ нее ведетъ черное отверстіе, пробитое въ горѣ и задѣланное дверью. Около этой двери насъ снабдили свѣчами и

---

[1]) По Іоанну (XI гл. 18 ст.) Виѳанія находится отъ Іерусалима въ 15 стадіяхъ, слѣдоват. въ 4 верстахъ. Самое слово Виѳанія объясняютъ различно: одни—домъ финиковъ; другіе—домъ бѣдныхъ.

[2]) Впрочемъ, домъ Лазаря, равно какъ и мѣсто встрѣчи Спасителя съ сестрами, какъ это часто бываетъ въ Палестинѣ, показываютъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, хотя названіе библейской Виѳаніи именемъ друга Господня „ел-Азаріе“ свидѣтельствуетъ о томъ, что теперешняя деревушка возникла на развалинахъ библейской Виѳаніи.

уже съ ними мы стали спускаться по 25-ти скользкимъ и полу-разрушеннымъ ступенямъ въ темную пещеру, изъ которой поминутно доносился до насъ глухой голосъ Марко: „ради Бога, осторожнѣе, господа!“. Остановившись здѣсь, на мѣстѣ, гдѣ, по преданію, стоялъ Христосъ при воскресеніи Лазаря, мы пропѣли: „Общее воскресеніе“..., а затѣмъ по пяти ступенямъ спустились еще ниже въ совершенно темное и сырое подземелье, гдѣ вырубленное въ стѣнѣ небольшое углубленіе образуетъ собою узкое каменное ложе, ложе Лазаря по преданію. Съ трудомъ выбрались изъ темной пещеры по скользкой лѣстницѣ на Божій свѣтъ, гдѣ мы снова подверглись атакѣ ребятишекъ, требовавшихъ бакшиша. Появленіе внушительной фигуры Марко ихъ разсѣяло, и мы снова усѣлись въ коляски, чтобы тронуться въ дальнѣйшій путь къ Іерихону, гдѣ предполагался ночлегъ, или вѣрнѣе отдыхъ на два-три часа, такъ какъ на Мертвое море и Іорданъ мы собирались ѣхать раннимъ утромъ, до зари. Посѣщеніе этихъ мѣстностей, лежащихъ въ котловинѣ на 563 саж. ниже уровня Іерусалима и обрамленныхъ горами, днемъ въ лѣтнюю пору совершенно немыслимо. Здѣсь стоитъ тропическая жара, доходящая до 50° по Реомюру; ее не выдерживаютъ даже лошади, и только ночью температура здѣсь бываетъ сносная. Въ виду этого мы рѣшили отправиться на Іорданъ и къ Мертвому морю въ 2 часа ночи, а время до двухъ часовъ провести въ Іерихонѣ, въ русскомъ домѣ, выстроенномъ незабвеннымъ начальникомъ русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ о. Антониномъ.

Изъ Виѳаніи мимо такъ называемаго Апостольскаго колодца мы выѣхали въ великую пустыню. Кругомъ на громадное пространство, какое можетъ только охватить взглядъ, виднѣются камни, цѣлое море камней; каменистыя горы перемежаются съ долинами, усѣянными камнями, и на всей этой безконечной волнистой пустынѣ не видно никакихъ признаковъ жилого, даже ни одно растеніе не поднимаетъ высоко голову къ солнцу, палящему здѣсь съ особенною силою. Рѣдко-рѣдко низко-рослый кустарникъ, да какое нибудь вьющееся растеніе попадается на глаза, а потомъ— камни и камни, всюду камни. Сильныя лошади, понукаемыя меланхолическими возгласами арабовъ: „елла“ (скорѣе впередъ), быстро бѣгутъ впередъ, открывая передъ гла-

зами все новыя и новыя, но однообразныя до безконечности перспективы этой сожженной Богомъ безглагольной и недвижимой мертвой страны. Впрочемъ, эта пустыня не всегда была такою мертвою; было время, когда она была населена; но это не мѣшало и тогда здѣсь рыскать разбойникамъ, грабившимъ людей въ темный часъ. Преданіе, воскрешая притчу о милосердномъ Самарянинѣ, называетъ ханъ на полъ—пути отъ Іерусалима къ Іерихону ханомъ благодѣтельнаго Самарянина, пріютившаго здѣсь человѣка, израненнаго разбойниками въ пустынѣ. Въ золотой вѣкъ христіанства въ Палестинѣ (съ 4-го по 7-е столѣтіе) Іудейская пустыня, ея суровыя и дикія пространства оказались самымъ подходящимъ пріютомъ для иноковъ, во множествѣ заселившихъ Св. Землю. Здѣсь появилось много монастырей, прославившихся жизнью своихъ знаменитыхъ основателей [1]). „Оживилась пустыня, говоритъ одинъ изслѣдователь (Виноградовъ, Историческія судьбы св. града Іерусалима, стр. 12), огласились дикія мѣста христіанскими пѣснопѣніями". Отъ нѣкоторыхъ изъ этихъ монастырей до настоящаго времени сохранились лишь однѣ развалины, виднѣющіяся по мѣстамъ среди пустыни, и только немногіе, какъ Лавра св. Саввы, болѣе или менѣе уцѣлѣли въ своемъ первоначальномъ видѣ, и пустыня теперь снова дика, безжизненна и однообразна.

По мѣрѣ того, какъ мы подвигались по ней впередъ, временами предъ нами вдали мелькало свѣтло-синею полосою Мертвое море, скрывавшееся снова изъ глазъ, какъ только мы спускались въ котловину. Встрѣчныхъ почти никого не было. Только длинный караванъ навьюченныхъ кораблей пустыни — верблюдовъ прошелъ однажды мимо насъ. Они тянулись длинной вереницею другъ за другомъ, имѣя во главѣ маленькаго ослика, на которомъ возсѣдалъ бедуинъ въ своемъ оригинальномъ головномъ покрывалѣ, предохраняющемъ отъ солнечныхъ ударовъ.

Въ ханѣ благодѣтельнаго Самарянина мы сдѣлали небольшую остановку. Этотъ ханъ совсѣмъ не то, что наши гости-

---

[1]) Въ Палестинѣ, которая по пространству не болѣе нашей Тульской губерніи, по свидѣтельству мѣстныхъ лѣтописей, было до 130 монашескихъ обителей.

ницы. Это — небольшое пространство, огороженное каменною оградою съ дворомъ посрединѣ, двумя крытыми помѣщеніями, устроенными по восточному, впереди и открытымъ для всѣхъ желающихъ входомъ. При ханѣ живетъ турокъ, у котораго самое большее, что можно получить, это — чашку кофе. Посреди двора колодезь, тотъ самый, говоритъ народное преданіе, водою котораго милосердный Самарянинъ обмылъ раны пострадавшаго отъ разбойниковъ.

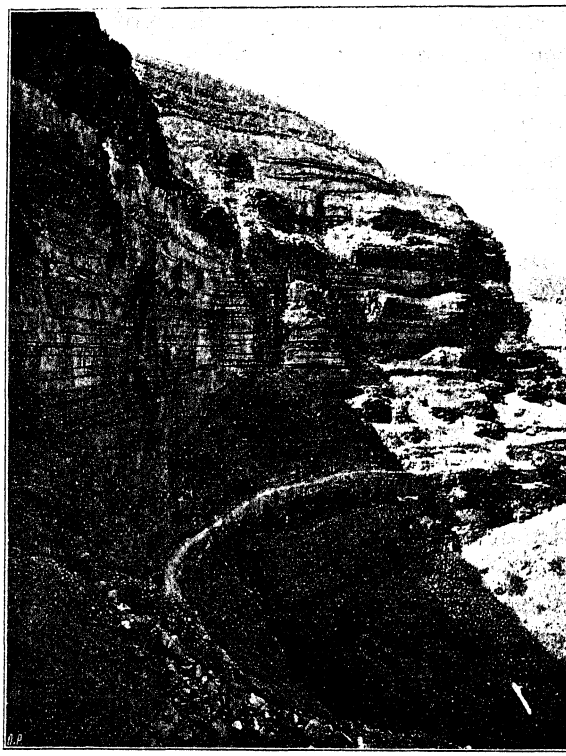
Осмотрѣвъ ханъ, мы снова тронулись въ путь. Вскорѣ однако нашъ возница остановилъ лошадей и, повернувъ къ намъ свою улыбающуюся физіономію, нѣсколько разъ повторилъ „антыкъ, антыкъ“, указывая въ тоже время рукою налѣво. Хотя мы и знали, что арабъ часто хитритъ, желая воспользоваться остановкою, чтобы покурить, тѣмъ не менѣе слѣзли, и на этотъ разъ не обманулись. Предъ нами на горѣ среди красноватыхъ скалъ, на которыя мы взобрались съ большимъ трудомъ, виднѣлись остатки какихъ-то развалинъ, судя по камнямъ очень древняго, можетъ быть, даже библейскаго происхожденія [1]). Арабъ былъ очень доволенъ нашею остановкою и съ особенною энергіею началъ нахлестывать лошадей, чтобы догнать уѣхавшіе впередъ экипажи и даже перегнать нѣкоторые изъ нихъ, такъ какъ ѣхать позади было очень невыгодно. Каждый экипажъ поднималъ громадный столбъ пыли, а нѣсколько такихъ столбовъ составляли цѣлое облако, буквально окутывавшее задніе экипажи, которые наперерывъ всегда старались перегнать другъ друга, чтобы избѣжать подобной „вспыльчивости“.

Дорога идетъ по такой же пустынѣ, какъ и прежде. По прежнему кругомъ камни и скалистыя горы, перерѣзываемыя глубокими ущельями и долинами, среди которыхъ лавируетъ дорога, то спускаясь на дно ущелій, то взбѣгая на откосы горъ. Синева Мертваго моря и темная даль возвы-

---

[1]) Вѣроятно, это остатки какого нибудь города. По свидѣтельству І. Флавія (О Іуд. войнѣ, Ш, 32) Іудея временъ Христа была такъ густо заселена, что въ ней насчитывалось 240 городовъ и селеній. Въ частности, что касается данныхъ развалинъ, то въ нихъ нѣкоторые видятъ остатки того города Ефрема, куда удалился Спаситель по воскресеніи Лазаря, когда Іудеи искали убить Его (Іоан. XI г. 54 с.). А преосв. Порфирій полагаетъ, что здѣсь былъ небольшой военный постъ, охранявшій караванную дорогу изъ Іерихона въ Іерусалимъ.

шающихся за нимъ горъ мелькаютъ чаще. Самая природа мало-по-малу начинаетъ измѣняться. Камня меньше. По мѣстамъ виднѣются кустарники, деревья встрѣчаются чаще и



Скалы у монастыря Хозевита.

чаще. По всему видно, что мы приближаемся къ оазису пустыни Іудейской, древнему Іерихону. Недалеко отъ Іерихона мы остановились, чтобы посмотрѣть на виднѣющійся недалеко отъ дороги въ горахъ монастырь св. Георгія Хозевита, пріуроченный къ тому мѣсту, гдѣ, по преданію, скрывался пророкъ Илія отъ злочестивой Іезавели. Устроенный въ V-мъ вѣкѣ, онъ впослѣдствіи вмѣстѣ съ другими Палестинскими обителями пришелъ въ полное запустѣніе; возобновленъ лѣтъ двадцать тому назадъ православными монахами на пожертвованія, преимущественно, русскихъ паломниковъ. Эта обитель чрезвычайно живописна: ютится,

Ч. Ноев ковчегъ.

Къ стр. 265.

подобно гнѣзду ласточки, въ ущельѣ обрыва скалы, такъ что подняться къ ней довольно трудно.

Въ Іерихонъ мы пріѣхали около девяти часовъ вечера и остановились въ русскомъ домѣ о. Антонина.

Ериха (запахъ)—деревня, занимающая, по преданію, мѣсто древняго Іерихона, состоитъ изъ нѣсколькихъ убогихъ, вросшихъ въ землю мазанокъ, пріютившихъ до 300 феллаховъ. Предсказаніе Іисуса Навина о томъ, что Іерихонъ никогда не возобновится, сбылось. Три раза пытался встать на ноги древній городъ, и каждый разъ безплодно; въ нѣсколькихъ мѣстахъ показываютъ его развалины, вблизи Ериха. Что теперешняя Ериха занимаетъ дѣйствительно мѣсто древняго Іерихона, это отчасти доказываетъ открытый о. Антониномъ при постройкѣ дома монолитъ весьма древняго происхожденія. Ериха обнесена невысокими стѣнами, мало напоминающими тѣ, которыя окружали библейскій Іерихонъ. Эти стѣны сдѣланы, вѣроятно, изъ глины, и достаточно небольшихъ усилій, чтобы ихъ разрушить. При въѣздѣ въ Ериху находится двухъ-этажная гостиница, содержимая, кажется, французами. Въ ней и останавливаются преимущественно туристы-европейцы. Русскіе же паломники останавливаются тамъ, гдѣ и мы остановились, въ двухъ-этажномъ пріютѣ о. Антонина. Онъ стоитъ нѣсколько въ сторонѣ отъ деревни и окруженъ садомъ. Въ нижнемъ его этажѣ устроены общія помѣщенія для мущинъ и женщинъ изъ простыхъ паломниковъ; вверху же—рядъ прекрасно обставленныхъ комнатъ для прочихъ паломниковъ.

Насъ встрѣтила завѣдующая русскимъ подворьемъ арабка, не предувѣдомленная о нашемъ пріѣздѣ, а потому и не провѣтрила комнатъ. Когда мы поднялись на верхъ, насъ обдало паромъ, словно мы попали въ баню. За день комнаты накалились такъ, что ихъ уже невозможно было остудить. Температура была выше 26°, а главное страшно душно. Поэтому мы поспѣшили снова на воздухъ, въ садъ, гдѣ хотя и было жарко, но не было такъ душно, какъ въ комнатахъ. Здѣсь подъ развѣсистыми вѣтвями банановъ и пальмами мы закусили привезенною съ собою провизіею. Ночь была прекрасная, темная и теплая; на далекомъ темномъ небѣ ярко горѣли міріады звѣздъ, смотрѣвшихъ съ высоты сквозь листву раскинувшихся надъ нами деревьевъ;

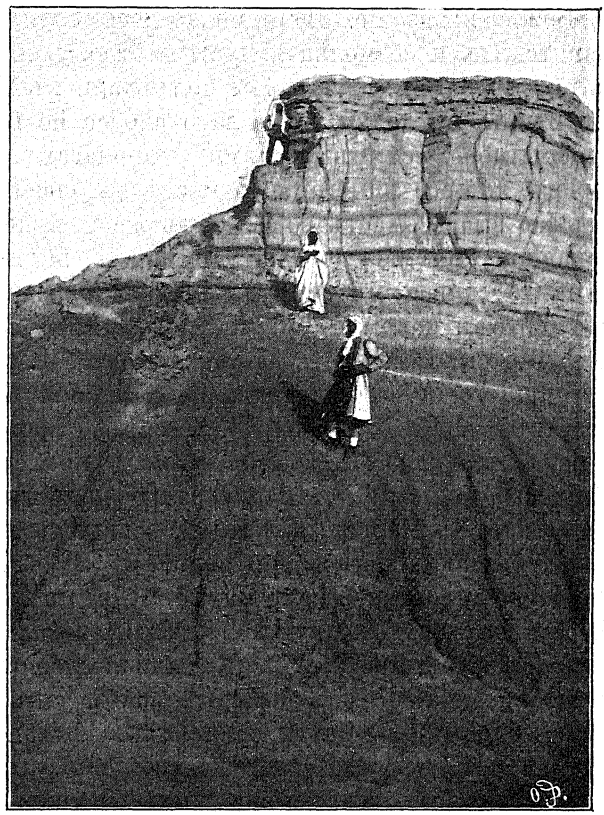
нѣмая тишина ночи прерывалась лишь веселыми трелями кузнечиковъ, да глухимъ, доносившимся откуда-то издали, воемъ шакаловъ. Чудная, теплая Іерихонская ночь съ этими трелями кузнечиковъ, съ этими горѣвшими, словно лампады, въ далекой синевѣ неба, яркими, трепещущими звѣздами казалась стройнымъ, торжественнымъ гимномъ земли Богу-Іеговѣ и навѣвала на душу тихое, молитвенное настроеніе; не хотѣлось никуда идти, а вѣчно оставаться здѣсь среди этой чарующей обстановки. Но на завтра назначенъ былъ въ два часа ночи отъѣздъ на Мертвое море и Іорданъ. Поэтому необходимо было отдохнуть. Насладившись южною ночью, мы разошлись по комнатамъ. Однако скоро убѣдились, что спать не придется; подъ кисейнымъ пологомъ кровати нельзя было спрятаться отъ жары и духоты, которая буквально душила. Только здѣсь, когда страдаешь отъ невыносимой жары въ Іорданской долинѣ, становится вполнѣ понятнымъ положеніе того ветхо-завѣтнаго мужа, который просилъ у Бога смерти, сгорая отъ знойныхъ лучей Палестинскаго солнца, и значеніе чаши студеной воды, напоить которой жаждущаго Христосъ ставилъ въ такую великую заслугу.

Убѣдившись, что заснуть въ комнатахъ нѣтъ никакой возможности, мы, забравъ свои постельныя принадлежности, отправились по винтовой лѣстницѣ на плоскую крышу дома, гдѣ и опочили подъ покровомъ неба.

27-е Іюня. Вторникъ. У Мертваго моря. На Іорданѣ.

Нынѣшній день начался у насъ необычайно рано. Въ третьемъ часу мы уже были на ногахъ. Марко суетился, будя заспавшихся. Лошади готовы. Съ полусонными лицами усѣлись всѣ по экипажамъ и тронулись въ дальнѣйшій путь, къ Мертвому морю. Темно; кругомъ ничего не видно; пробираемся какъ будто ощупью, зря; песокъ и голыши то-и-дѣло хрустятъ подъ колесами и ногами лошадей; чувствуется какъ-то жутко. Только довѣріе къ опытному зорному глазу возницъ—арабовъ и къ нашему неизмѣнному проводнику — Марко успокоиваетъ и ободряетъ насъ. Но вотъ быстро наступаетъ разсвѣтъ. Глядимъ: безотрадная пустыня направо и налѣво, назадъ и впередъ. Сзади ясно

видны очертанія Іудейскихъ горъ, спереди—Моавитскія горы, земля Моавитянъ, Амонитянъ и Аморреевъ, съ которыми не разъ приходилось бороться кочующему Израилю и его ве-



Известково-песчаные холмы въ Іерихонской пустынѣ.

ликому вождю Моисею, чтобы добиться до земли Обѣтованной. Духота воздуха даетъ знать о приближеніи котловины Мертваго моря. Вотъ показалось и море — свѣтло-синее, спокойное, обрамленное горами, но безъ солнца не манитъ оно, не радуетъ; издали бѣлѣется оно какимъ то тусклымъ „жестянымъ“, точно и вправду не живое, а мертвое. До него, кажется, рукой подать; но это—иллюзія пустыни; до моря еще верстъ восемь ѣзды, по почвѣ, растрескавшейся во всѣхъ направленіяхъ, словно отъ съѣдающаго ее внутренняго

жара. Кругомъ известково - песчаные холмы, которыми усѣяна равнина, точно окаменѣлыя жилища. Живое воображеніе наше рисуетъ намъ бывшіе когда то здѣсь города: Содомъ, Гоморру, Адомой и Севоимъ, которыхъ за беззаконіе постигло Божіе наказаніе. Вотъ показалось солнце изъ-за горъ Моавитскихъ и безмолвная пустыня торжественно засіяла въ его молодыхъ огняхъ. Мы подъѣхали къ Мертвому морю. Ни птицы, ни лодки, ни бѣлаго паруса не видно на немъ. Берегъ моря усѣянъ камнями и корчагами, выкинутыми моремъ, которое ничего не держитъ въ своей утробѣ и сейчасъ же выбрасываетъ вонъ. Тутъ же и издохнувшія рыбы, попавшія сюда изъ Іордана. Это море—дѣйствительно мертвое; ничто живое въ немъ не живетъ. Оно скрываетъ въ себѣ смерть и покрыло смерть, по сказанію Библіи [1]). Какъ то жутко было смотрѣть на такую мертвенность водъ, этого всегдашняго источника движенія и жизни. Тѣмъ не менѣе картина Мертваго моря при свѣтѣ восходящаго солнца—поразительная. Мы позволимъ себѣ привести чудное, поэтическое описаніе ея, нарисованное извѣстнымъ путешественникомъ Е. Марковымъ, этимъ великимъ художникомъ слова, бывшимъ здѣсь при подобной же обстановкѣ. „Животворящее утреннее солнце одѣло чудными красками жизни и эту громадную водную могилу. Мы невольно пристыли очарованными глазами къ пустынной красотѣ, которая никогда не бываетъ такъ поразительна и такъ своеобразна, какъ именно въ минуты солнечнаго восхода. Надъ сплошною неподвижною скатертью нѣжной бирюзы, горѣли въ нѣжно-розовыхъ огняхъ, освѣщенныхъ въ упоръ лучами восходящаго солнца, голыя угловатыя скалы іудейскихъ горъ, а напротивъ нихъ, на половину еще окутанныя снизу сине-багровыми туманами ночи, выплывали въ свѣтлую лазурь южнаго неба насквозь проступившія золотомъ вершины горъ Моавитскихъ, словно воплощенная греза фантастическаго сновидѣнія.

---

[1]) Отсутствіе жизни въ Мертвомъ морѣ объясняется крайнею насыщенностью ея водъ (21⁰) солью и различными минералами. Проф. Олесницкій (Св. Земля) говоритъ даже, что „воду Мертв. моря, можно считать чѣмъ то среднимъ между жидкостью и камнемъ“. Дѣйствительно, специфическій вѣсъ воды равенъ 1,2272; постороннихъ же примѣсей въ немъ 24,922 часть.

Мертвое море.

Къ стр. 269.

Солнце расточаетъ свое золото съ роскошью и щедростью настоящаго олимпійскаго бога. Оно залило теперь этимъ расплавленнымъ золотомъ весь горизонтъ, гдѣ море сошлось съ небомъ, и слило обѣ эти неохватныя голубыя пустыни въ одно сплошное и сверкающее огненное зарево, на которое уже не въ силахъ смотрѣть человѣческій глазъ. Оно разбросало и разбрызгало, какъ капризный художникъ краски своей палитры, эти жгучіе ослѣпительные огоньки свои и по всей широкой поверхности моря, вездѣ, гдѣ они могли зацѣпиться за какую нибудь легкую струйку, за какую нибудь чуть взволнованную складочку этого прозрачнаго гнущагося зеркала [1])...“

Многіе изъ нашихъ путеводителей, живыхъ и мертвыхъ, предупреждали насъ, что купаться въ Мертвомъ морѣ опасно; на тѣлѣ, говорили они, отъ воды Мертваго моря остается маслянистый осадокъ, появляется зудъ, и т. п.; проникновеніе же воды Мертваго моря въ ротъ вызываетъ тошноту. Однако любопытство взяло верхъ надъ благоразуміемъ, какъ это часто бываетъ, и мы всѣ выкупались въ Мертвомъ морѣ, за исключеніемъ нашихъ провожатыхъ. Впрочемъ раскаиваться въ этомъ не пришлось, такъ какъ за это купанье мы ничѣмъ не поплатились и на практикѣ познакомились съ удивительными свойствами воды Мертваго моря [2]). Ранѣе конечно мы знали, что вода Мертваго моря отличается большою плотностью, но эта плотность оказалась совсѣмъ необычайною: въ водѣ Мертваго моря невозможно утонуть; большихъ усилій стоитъ окунуться, тогда какъ плавать и вообще держаться на водѣ совершенно не трудно; но вкусъ ея—горько-соленый и отвратительный, дѣйствительно способный возбудить тошноту; температура такъ высока, что кажется принимаешь горячую

---

[1]) Путешествіе по Св. Землѣ, 231 стр.

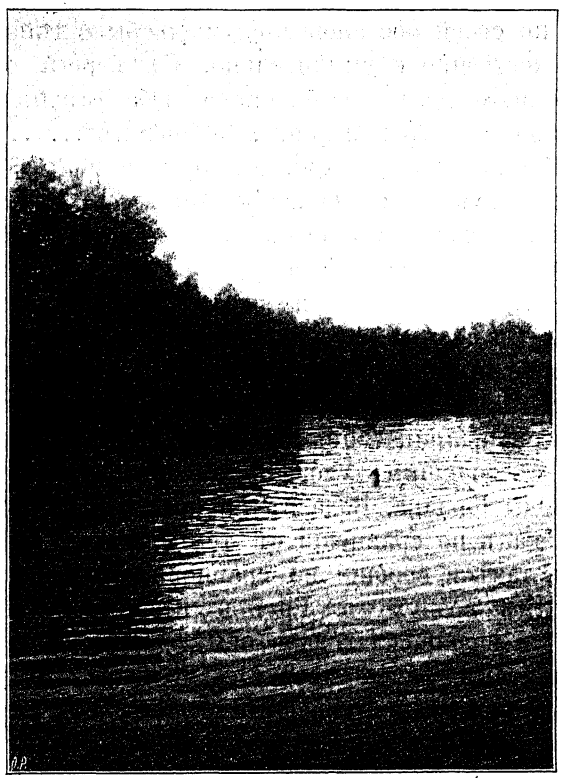
[2]) Относительно происхожденія Мертваго моря существуетъ, какъ извѣстно, въ наукѣ нѣсколько теорій. Въ истекающемъ столѣтіи (19-мъ вѣкѣ) ученые, преимущественно англо-саксонской расы, англичане, американцы (Линчъ) предпринимали экспедиціи съ цѣлію изученія Мертваго моря. Ихъ изслѣдованія дали много новыхъ и интересныхъ свѣдѣній о Мертвомъ морѣ, но относительно происхожденія его они не сказали ничего положительнаго. Любопытно, что арабы всегда называли Мертвое море—Бахръ-Лутъ, т. е. моремъ Лота.

ванну, а не купаешься въ морѣ на открытомъ воздухѣ. По выходѣ изъ воды тѣло на самомъ дѣлѣ оказалось покрытымъ маслянистою влагою, которую невозможно было совершенно смыть, и ощущался небольшой зудъ. Чтобы избавиться отъ него, надо было, по совѣту нашихъ проводниковъ, только окунуться въ прѣсную воду; поэтому мы поспѣшили къ Іордану, до котораго отъ того мѣста Мертваго моря, гдѣ мы купались, было не болѣе 3—4 верстъ. Спѣшить къ Іордану побуждалъ насъ и Марко въ виду того, что, не смотря на раннюю пору, солнце жгло съ необыкновенною силою, температура съ каждою минутою повышалась. Обыкновенно температура на берегахъ Мертваго моря такова:—утро $39^1/_2{}^0$, полдень—52^0, въ 3 ч. дня—44^0, въ 8 часовъ—32^0. Самая низкая темпер. ночью 29^0. Къ десяти часамъ, по словамъ Марко, мы непремѣнно должны быть въ Іерихонѣ, иначе лошади откажутся служить.

Поэтому, бросивъ прощальный взглядъ на спокойное, безстрастное и дѣйствительно „мертвое“ море, и наполнивъ припасенные пузырьки морскою водою, мы усѣлись въ экипажи и направились къ Іордану. Дорога—такая же пустынная и дикая. Солнце, не смотря на ранній часъ, палитъ, усиливая и безъ того непріятное ощущеніе, оставшееся отъ купанья въ Мертвомъ морѣ. Вскорѣ мелькнула предъ нами серебряная полоса рѣки, извивающаяся лентою между густыми зарослями камыша, а черезъ нѣсколько минутъ мы уже остановились на берегу священной рѣки. Мѣсто крещенія Спасителя, какъ извѣстно, не установлено точно и не отмѣчено какимъ нибудь памятникомъ [1]). Преданіе же пріурочиваетъ его къ одному изгибу рѣки, недалеко отъ впаденія ея въ Мертвое море. Подтвержденіемъ его можетъ служить слѣдующее соображеніе. Іоаннъ, сказано въ Евангеліи, крестилъ у Виѳавары, т. е. на мѣстѣ переправы черезъ рѣку. Такихъ большихъ переправъ или бродовъ черезъ Іорданъ немного, и они, вѣроятно, не измѣнялись цѣлыя тысячелѣтія, какъ все въ Палестинѣ, гдѣ традиціи сохраняются удивительно долго. Въ данномъ мѣстѣ также переправа, а въ

[1]) Даніилъ, русскій паломникъ 12-го в., говоритъ, что на мѣстѣ Крещенія на берегу Іордана стоялъ теремецъ. Теперь отъ него не осталось и слѣда.

недальнемъ отъ нея растояніи монастырь во имя Іоанна Крестителя, существующій съ глубокой древности, по словамъ преданія, со времени св. Елены. Сюда два раза въ годъ — 6-го Января и на Страстной недѣлѣ — приходятъ изъ Іерусалима громадные караваны (крещенскій доходитъ иногда до 1500 ч. и болѣе) русскихъ паломниковъ, чтобы обмыться въ струяхъ священной рѣки.



Іорданъ.

Іорданская долина вообще полна библейскими воспоминаніями. Около Іордана жилъ Лотъ. Черезъ него переходили Евреи, здѣсь Давидъ спасался отъ своего вѣроломнаго сына. Здѣсь, наконецъ, раздался „гласъ вопіющаго въ пустынѣ“, призывающій къ покаянію. На этомъ-же мѣстѣ находились и мы. Іорданъ здѣсь не широкъ (не болѣе 10 саженъ) и очень напоминаетъ рѣки съ высокими берегами, какихъ много у насъ въ

средней полосѣ Россіи [1]). Берега Іордана плѣняютъ богатствомъ всякой растительности и изящною пестротою ея. Тутъ, кромѣ камыша, растутъ въ изобиліи тамариски, сикиморы, акаціи, ивы съ косматыми вѣтвями, спускающимися до самой воды, олеандры и др. Преосвященный, въ сослуженіи о. Анастасія и прочаго сопровождавшаго его духовенства, совершилъ на берегу Іордана молебствіе съ водосвятіемъ, при нашемъ воодушевленномъ пѣніи. Необычайное и рѣдкое по своей обстановкѣ служеніе было дѣйствительно очень торжественно и умилительно. Съ берега священной рѣки въ синюю даль безоблачнаго неба стройно неслись звуки церковнаго пѣснопѣнія: „Во Іорданѣ“....., получавшаго особенно глубокій смыслъ при данной обстановкѣ. Кругомъ ни звука, ни движенія. Казалось, сама природа принимаетъ участіе въ славословіи Творца, пославшаго Сына своего Единороднаго на землю, чтобы исполнить всякую правду. Рѣка весело плескалась о берегъ, а золотые отвѣсные лучи солнца какъ-то особенно радостно играли въ глубокихъ водахъ ея и блестѣли на ризахъ священно-служителей и митрѣ архіерея. По окончаніи водосвятія, наполнивъ пузырьки, припасенные на этотъ случай, Іорданскою водою, мы съ большимъ удовольствіемъ погрузились въ священныя воды Іордана. Вода въ Іорданѣ оказалась довольно холодною, какъ по сравненіи съ температурою воды Мертваго моря, такъ и вообще по сравненію съ окружающимъ раскаленнымъ воздухомъ. Грунтъ необыкновенно мягкій, глинистый и вязкій, благодаря чему вода довольно мутная. Вкусъ—пріятный. Теченіе совсѣмъ не такое быстрое, какъ увѣряли насъ разные путеводители; такъ что не требуется особеннаго труда, чтобы переплыть на противоложный берегъ. Вѣроятно, эта быстрота теченія, о которой говорятъ путеводители, наблюдается въ періодъ дождей—осенью и зимою, когда рѣка сильно разливается.

Было не болѣе 8 часовъ утра, когда мы окончили купанье, но жара сильно давала себя знать. Было, по крайней мѣрѣ, до 30° тепла, и Марко торопилъ отъѣздомъ съ Іордана, гдѣ жара усиливалась въ невѣроятно быстрой пропорціи. Отъ

---

[1]) Даніилъ, какъ извѣстно, сравнивалъ Іорданъ съ своею рѣкою Сосною, текущею въ Черниг. губерніи.

Іордана до Іерихона 8 верстъ; ихъ мы проѣхали незамѣтно подъ палящими лучами солнца, которое не такъ было чувствительно послѣ освѣжительной Іорданской ванны, какъ до нея. Теперь, при дневномъ свѣтѣ, намъ видны были единственные два монастыря, уцѣлѣвшіе еще изъ многихъ раньше бывшихъ здѣсь: св. Іоанна Крестителя, построенный въ неизвѣстное время противъ того мѣста, гдѣ, по преданію, крестился Господь, и монастырь преп. Герасима. Въ эти обители мы не заѣзжали. По разсказамъ, онѣ часто подвергались нападеніямъ, грабежамъ и разоренію отъ Бедуиновъ. Теперь же начинаютъ возстановляться,—но надолго-ли? Предъ нами прямо все время высилась величественная „конусообразная“ и необыкновенно мрачная Сорокодневная гора (джебель — Каранталь), гдѣ, по преданію, Спаситель подвергался искушенію отъ діавола предъ выступленіемъ на общественное служеніе. Она состоитъ по большей части изъ бѣлаго известковаго камня, лишена всякой растительности и изрыта многочисленными пещерами, въ одной изъ которыхъ Христосъ, по преданію, и провелъ 40 дней въ постѣ и молитвѣ. Восходъ на нее крайне затруднителенъ. Самый внѣшній видъ ея служитъ какъ бы олицетвореніемъ тѣхъ безчисленныхъ и грозныхъ искушеній, которымъ подвергается человѣкъ, рѣшившійся самоотверженно отдать свою жизнь на служеніе человѣчеству.

Въ Іерихонѣ арабка, завѣдующая подворьемъ, уже поджидала насъ съ чаемъ, сервированнымъ въ саду подъ тѣнью пальмъ и фиговыхъ деревъ. Чай былъ какъ нельзя болѣе кстати, такъ какъ градусникъ въ тѣни показывалъ 30^0 и жара допекала въ собственномъ смыслѣ слова. И спрятаться отъ нея нельзя. Въ комнатахъ-же было 28^0 тепла, и къ тому-же душно. Поэтому все время до отъѣзда изъ Іерихона, т. е. до 6 часовъ, пришлось провести въ борьбѣ съ жарою, которая сначала только тяготила и разслабляла, а потомъ стала вызывать головную боль. Сначала, послѣ чаю всѣ попрятались было по комнатамъ, гдѣ надѣялись укрыться отъ жары, а затѣмъ, разочаровавшись въ этомъ, разбрелись снова по саду, подобно пророку Іонѣ, ища наиболѣе тѣнистаго дерева. Наконецъ, наиболѣе отважные рѣшились смотрѣть прямо въ глаза опасности: закутавшись въ бѣлые арабскіе плащи, пріобрѣтенные еще въ Іеруса-

лимѣ, и повязавъ голову по арабски бѣлыми платками, отправились подъ отвѣсными лучами солнца знакомиться съ Іерихономъ.

Іерихонъ современный такъ малъ, что познакомиться близко съ нимъ очень не трудно. Все теперешнее поселеніе имѣетъ не болѣе одной версты въ окружности и состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ вросшихъ въ землю убогихъ мазанокъ арабовъ, одной или двухъ европейскихъ гостиницъ, и нѣсколькихъ садовъ. Все это расположено въ кучи, безъ всякаго порядка. Мы познакомились и съ арабскими жилищами, и садами. Если арабы Палестинскіе вообще считаются лѣнивымъ и непредпріимчивымъ народомъ, то объ арабахъ, живущихъ въ Ерихѣ, это надо сказать по преимуществу. Очевидно постоянная разслабляющая жара совершенно парализуетъ всякое желаніе работать, всю энергію у этихъ даровитыхъ по природѣ людей, шедшихъ въ средніе вѣка во главѣ культуры и цивилизаціи и будившихъ Европу отъ летаргическаго сна невѣжества, въ какой погрузили ее дальновидные папы, желавшіе безконтрольно управлять міромъ. Современные арабы — феллахи нимало не походятъ на своихъ энергичныхъ и предпріимчивыхъ предковъ, сдѣлавшихъ много полезныхъ научныхъ открытій [1]). Они вялы, бездѣятельны и вся ихъ жизнь походитъ на длинный, спокойный сонъ. Разбудивъ средне-вѣковую Европу отъ долгаго сна, они сами заснули и, вѣроятно, навсегда,—фактъ, какъ знаютъ историки, часто повторяющійся въ жизни народовъ (греки, римляне) и встрѣчающійся въ жизни отдѣльныхъ лицъ. Современные арабы не только совершенно чужды ими же самими созданной когда-то наукѣ, но не высказываютъ никакого стремленія къ улучшенію свой жизненной обстановки.

---

[1]) Подъ именемъ феллаховъ извѣстно осѣдлое населеніе Палестины; кочующіе арабы обыкновенно называются бедуинами. Впрочемъ этнографическій составъ современнаго населенія Палестины опредѣлить нелегко. Евреи, греки, персы, арабы, турки, различныя національности крестоносцевъ, наконецъ паломники разныхъ расъ, все это, наслоясь, такъ перепуталось между собою, что едвали гдѣ въ другомъ мѣстѣ на земномъ шарѣ можно встрѣтить населеніе, въ жилахъ котораго текла-бы такая разнообразная кровь, какая течетъ въ жилахъ обитателей современной Палестины—этого интереснѣйшаго во многихъ отношеніяхъ уголка земного шара.

Ихъ жилища, которыя мы посѣщали въ Іерихонѣ, устроены больше чѣмъ просто и крайне примитивно: безъ оконъ,

Арабы.

дверей и печей, какъ ихъ мы представляемъ себѣ. Арабская хижина въ Іерихонѣ представляетъ изъ себя глиняную мазанку не болѣе двухъ аршинъ въ вышину; пробитая въ стѣнѣ дыра обозначаетъ дверь, въ которую надо входить нагнувшись; свѣтъ проникаетъ въ нее чрезъ другую дыру въ стѣнѣ, пробитую въ нѣкоторомъ разстояніи отъ пола,—свѣтъ, разумѣется, небольшой, вслѣдствіе чего въ жилищѣ полумракъ. Печи замѣняетъ находящійся около дома камень съ желѣзнымъ прутомъ. На немъ поджариваетъ арабъ мясо, печетъ хлѣбъ и лепешки; другихъ горячихъ кушаній онъ не знаетъ, питаясь круглый годъ маслинами — его любимое блюдо—и другими плодами. Внутри хижины араба нашъ глазъ не встрѣчаетъ той привычной обстановки, за которую извѣстное жилище зовутъ домомъ: тутъ нѣтъ ни стола, ни

стульевъ, ни скамеекъ, ни постели; грязная цыновка замѣняетъ и то, и другое, и третье. Сложенное въ углу тряпье—все имущество араба. Такъ же, какъ и жилище, проста одежда араба. Мужчины и женщины носятъ одинъ костюмъ:—длинная суровая рубашка, изъ подъ которой выглядываетъ донельзя загорѣвшая грудь и, большею частію, синій поверхъ ея плащъ, перехваченный поясомъ. На ногахъ—сандаліи, передки—деревянные. Голова со смуглымъ лицомъ, черными волосами и, чаще всего, карыми глазами, повязана платкомъ, поддерживаемымъ у мужчинъ толстымъ чернымъ жгутомъ. На привѣтствіе „сабахъ-иль-хаиргъ"—здравствуй, доброе утро—арабъ отвѣчаетъ очень радушно, не знаетъ, какъ угостить гостя, предлагая ему все, что у него есть: кофе, плоды, и т. п.

Познакомившись съ устройствомъ арабскихъ жилищъ, мы прошли въ садъ, принадлежащій русской миссіи и находящійся въ концѣ селенья. Дорога идетъ мимо цѣлаго ряда другихъ садовъ или, вѣрнѣе, виноградниковъ, огороженныхъ толстою стѣною сухихъ прутьевъ терновника. Иглы терновника такъ велики и остры, что свободно прокалываютъ толстую одежду, благодаря чему изгородь изъ терновника защищаетъ садъ не хуже каменной ограды. Иногда изгородь замѣняютъ причудливые кусты кактуса, сквозь тонкія, но острыя иголки котораго пробраться также довольно трудно. Осмотръ сада познакомилъ насъ съ роскошною флорою Палестины. Тутъ мы особенно любовались финиковыми пальмами и бананами, уснащенными плодами, не говоря о громадныхъ виноградныхъ лозахъ и другихъ фруктовыхъ деревьяхъ. Правда, для поддержанія всего этого требуются большіе расходы на орошенія, при отсутствіи здѣсь воды и лѣтнемъ бездождіи. Но мы теперь убѣдились, что если бы нашлась возможность оросить Іерихонскую долину, то она обратилась бы въ цвѣтущій рай въ землю, текущую медомъ и млекомъ. Отсюда мы попали въ другой садъ, принадлежащій двумъ русскимъ паломницамъ, оставшимся въ Палестинѣ. Это—простыя крестьянки Тамбовской губерніи, которыхъ игра судьбы забросила въ далекій Іерихонъ. Онѣ, увидавъ насъ, пригласили къ себѣ, угостили виноградомъ, отъ котораго мы не знали куда дѣваться, и разсказали свою, не лишенную нѣкотораго интереса, біогра-

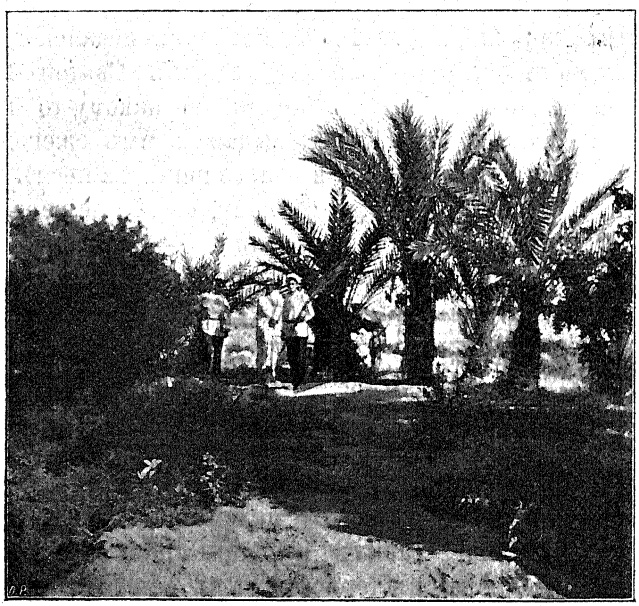
фію. Эти крестьянки, проживъ годъ въ Іерусалимѣ на богомольѣ, рѣшили здѣсь остаться, посвятить Богу свою жизнь. На присланные отъ родныхъ изъ Россіи деньги, сестры пріобрѣли себѣ клочекъ земли въ Іерихонѣ, развели виноградникъ, со временемъ расширили его, построили домъ и кормятся продажею винограда въ Іерусалимъ и паломникамъ, которые съ удовольствіемъ къ нимъ обращаются, встрѣчая въ далекой странѣ своихъ людей. Сестры не умѣютъ даже читать, но живутъ уже не первый десятокъ лѣтъ здѣсь безбѣдно [1]) и вполнѣ довольны своею судьбою. Сначала скучали, говорятъ, по родинѣ, а потомъ привыкли, сблизились съ арабами—народомъ добрымъ, по ихъ словамъ, и въ Россію больше не тянетъ. „Какая тамъ жизнь у насъ въ деревнѣ,—маята одна, а здѣсь мы, слава Богу, живемъ въ довольствѣ, хорошо, и отъ Гроба Господня недалеко; теперь у насъ одно желаніе — умереть здѣсь, въ Святой Землѣ". Садъ свой съ домомъ онѣ завѣщали, по какому-то недоразумѣнію, грекамъ, обязавшимся выдавать имъ ежегодно до смерти по нѣскольку рублей въ видѣ пенсіи, а послѣ смерти похоронить. Пока мы сидѣли въ саду, сюда пришелъ настоятель греческаго монастыря, находящагося рядомъ съ садомъ русскихъ паломницъ. Послѣдній пригласилъ насъ посмотрѣть свой миніатюрный монастырь, братіи въ которомъ—одинъ іеромонахъ и два рясофора [2]). Мы послѣдовали за нимъ, осмотрѣли церковь во имя св. пророка Елисея. Построена она русскою паломницею Богдановою, пожертвовавшею ее грекамъ. Затѣмъ настоятель пригласилъ насъ къ себѣ и угостилъ глико и кофе, которое подавала прислуживающая у него русская паломница, оставшаяся въ Іерусалимѣ. Вообще, такихъ русскихъ паломницъ, остающихся на жительство въ Іерусалимѣ въ качествѣ прислугъ,

---

[1]) Виноградъ онѣ продаютъ по двѣ коп. око, т. е. около 3 фунтовъ.

[2]) Надо замѣтить, что этотъ монастырь по количеству братіи—далеко не единственное явленіе въ Палестинѣ. Образованіе-же Настоятелей чаще всего ограничивается умѣніемъ писать и читать. Причемъ для настоятеля вовсе не требуется какой нибудь іерархической степени. Настоятель беретъ въ Патріархіи извѣстный монастырь на откупъ, а затѣмъ оперируетъ, какъ ему угодно. Это явленіе—очень прискорбное. Очевидно, что не монастыри существуютъ здѣсь для братіи, а братія для монастырей, или, прямо сказать,—для сборовъ.

можно встрѣтить во всѣхъ греческихъ монастыряхъ. Ихъ охотно берутъ настоятели, нуждающіеся въ переводчикахъ и вообще лицахъ, говорящихъ по-русски, для привлеченія въ обители русскихъ богомольцевъ и жертвъ ихъ. Послѣ угощенія онъ предложилъ записать „на поминовеніе“, разумѣется, съ соотвѣтствующимъ пожертвованіемъ. Мы много читали и слыхали о назойливости грековъ при записываніи для поминовенія и о ихъ неравнодушіи къ карману паломниковъ, но до сихъ поръ не видали ни одного случая, подтверждающаго эти разсказы, такъ какъ къ намъ Греки въ Іерусалимѣ относились предупредительно и внимательно. Это былъ первый случай залѣзанія въ наши карманы.



Въ Іерихонѣ—подъ пальмами.

Изъ историческихъ памятниковъ древняго Іерихона, разумѣется, не сохранилось ничего, хотя народное преданіе, старающееся локализировать всѣ священныя воспоминанія, пріуроченныя къ извѣстной мѣстности, и указываетъ нѣсколько подобныхъ памятниковъ. Такъ, одинъ домъ намъ показывали здѣсь, какъ домъ библейской Раави, спрятавшей нѣкогда

соглядатаевъ земли Обѣтованной; а полуразрушенную башню выдавали за домъ современника Христа, Закхея [1]).

Къ вечеру жара начала мало-по-малу спадать. Нарѣзавъ въ русскомъ саду пальмовыхъ вѣтвей на память объ Іерихонѣ, мы оставили его въ шесть часовъ вечера. Обратный путь въ Іерусалимъ не представлялъ уже интереса новизны, такъ какъ дорога шла по извѣстнымъ намъ мѣстамъ. Въ 8-мь часовъ, какъ всегда въ Палестинѣ, солнце быстро скрылось за горизонтомъ и на землю сразу спустилась темная ночь. Мрачныя тѣни горъ легли поперекъ дороги, придавая пустынѣ еще болѣе суровый колоритъ; отъ Іерусалима на встрѣчу намъ поднялся холодный пронзительный вѣтеръ. По мѣрѣ того, какъ мы приближались къ Іерусалиму, температура быстро понижалась, что особенно было чувствительно для разгоряченнаго Іерихонскою жарою тѣла. Наконецъ сдѣлалось совсѣмъ холодно; а когда въ началѣ 12-го часа мы пріѣхали на русскія постройки, зубъ на зубъ не попадалъ. Послѣ Іорданской поѣздки еще двоихъ сразила лихорадка.

28-е Іюня. Среда. Въ мастерской архитектора Шика. Поѣздка въ Хевронъ, къ Мамврійскому дубу.

Все утро нынѣшняго дня было посвящено знакомству съ мастерской знаменитаго іерусалимскаго архитектора Шика. Родомъ—англичанинъ, по профессіи—археологъ, онъ болѣе 40 лѣтъ изучалъ Іерусалимъ, его топографію и археологію, и плодомъ этого изученія явилось воспроизведеніе въ прекрасныхъ моделяхъ ветхозавѣтной скиніи, храма въ разные періоды его существованія и вообще всѣхъ сооруженій, бывшихъ когда-нибудь на горѣ Моріа. Какъ плодъ серьезнаго и основательнаго знакомства съ исторіею „вѣчнаго“ города, модели архитектора Шика заслуживаютъ самого глубокаго вниманія. Къ тому-же и исполнены онѣ превосходно. Надъ ними г-нъ Шикъ трудился болѣе пяти лѣтъ, и онѣ занимаютъ нѣсколько комнатъ. Модели архитектора Шика не только изображаютъ всѣ сооруженія, бывшія когда нибудь на горѣ Моріа, но и послѣдующія судьбы ихъ. Въ мастер-

[1]) Верстахъ въ четырехъ отъ Іерихона находится такъ называемый источникъ пророка Елисея, въ которомъ онъ, по преданію, измѣнилъ вкусъ воды.

ской Шика передъ глазами зрителя проходитъ въ нѣсколько часовъ вся интересная исторія горы Моріа. Сдѣланныя изъ дерева, онѣ умѣлою рукою г-на Шика разбираются по частямъ, и на нихъ можно видѣть наглядно, какимъ опустошеніямъ подвергались эти храмы и въ какой постепенности они были возобновляемы. Само собою разумѣется, что такое наглядное знакомство съ исторіею библейской горы по моделямъ знатока древняго Іерусалима и археолога гораздо поучительнѣе чтенія толстыхъ описаній ветхозавѣтныхъ храмовъ, описаній, составленныхъ кабинетными учеными-теоретиками, у которыхъ къ тому-же часто одна стѣна оказывается короче другой, а потолокъ давитъ своею тяжестью весь храмъ такъ же, какъ подавляетъ своею туманностью и эрудиціею книга ученаго описателя храма. О моделяхъ Шика мы уже слышали много лестныхъ отзывовъ отъ нашего незамѣнимаго руководителя въ Іерусалимѣ Н. Гр. Михайлова, и потому къ нему въ мастерскую отправились съ большимъ удовольствіемъ. И надежды наши вполнѣ оправдались. Три часа, проведенные у него, прошли незамѣтно, и съ исторіею храмовъ горы Моріа мы познакомились не хуже, чѣмъ можно было-бы это сдѣлать по десятку описаній. Объясненія намъ давалъ зять г-на Шика на англійскомъ языкѣ, а переводчикомъ былъ Н. Г. Михайловъ. Знакомство съ моделями сооруженій горы Моріа мы въ исторической послѣдовательности начали съ Соломонова храма. Модели этого храма, около котораго сосредоточивался древній Іерусалимъ, вмѣстѣ съ прилегающими къ нему постройками, занимаютъ довольно большую комнату и даютъ достаточно цѣльное представленіе объ этомъ величественномъ, единственномъ въ своемъ родѣ храмѣ. Всѣ постройки сдѣланы изъ дерева, но окрашены въ соотвѣтствующій цвѣтъ такъ же, какъ и самая гора. Сложенныя вмѣстѣ, онѣ представляютъ два четырехугольника, длиною каждый въ 9 футовъ, шириною въ $5^1/_2$ ф. и высотою въ 20 дюймовъ.

Прежде всего г-нъ архитекторъ обратилъ наше вниманіе на Соломоновъ храмъ, окруженный цѣлою сѣтью построекъ, дворовъ, великолѣпныхъ портиковъ, къ которымъ съ юга примыкаетъ величественный царскій дворецъ. Нижняя часть модели представляетъ природную скалу, на которой расположенъ былъ храмъ; на ней, въ полномъ соотвѣтствіи съ

дѣйствительностью, отмѣчены всѣ ея уступы и уклоны какъ въ сторону потока Кедронскаго, такъ и Тиропейской долины; она окрашена въ коричневый цвѣтъ. На югѣ модель воспроизводитъ нѣсколько прилегавшихъ сюда кварталовъ города съ улицами, ведущими къ воротамъ царскаго дворца. За дворцомъ на болѣе возвышенномъ уровнѣ возвышаются внѣшніе портики храма съ ихъ двойными дверьми и галлереями, окружающими храмъ со всѣхъ сторонъ. Портики замыкаютъ собою внѣшній дворъ. Съ другой стороны онъ ограничивается продолговатою балюстрадою съ сквозными пролетами между колоннами. Далѣе внутренній дворъ, куда запрещалось входить язычникамъ. Съ внѣшняго двора 12 ступеней ведутъ на террасу, на которой сооружено большое зданіе съ 3-мя флигелями въ три этажа, образующими внутри, такъ называемый, средній дворъ и внутренній дворъ, замкнутый галлереею съ высокими вратами; послѣдній помѣщается еще выше. Къ нему ведутъ 15 ступеней, на которыхъ пѣлись псалмы, извѣстные подъ названіемъ пѣсней степеней; онѣ приводятъ во дворъ израильтянъ; а изъ него черезъ пять ступеней—во дворъ священниковъ, гдѣ находятся алтарь всесожженій, „мѣдное“ море и десять пьедесталовъ. Модель каждой принадлежности двора священниковъ сдѣлана такъ, какъ указано въ Библіи. Мѣдное море, напримѣръ, на 12 быкахъ, изъ пастей которыхъ падаетъ вода въ нижній бассейнъ.

Со двора священниковъ 12 ступеней ведутъ къ самому храму, занимавшему пространство въ 12 десятинъ земли. Въ самомъ храмѣ части его сдѣланы строго пропорціонально и такъ, что каждую можно разсматривать отдѣльно. Изъ святилища г-нъ архитекторъ вынулъ и показалъ намъ находившіяся тамъ модели кадильнаго алтаря, столовъ для хлѣбовъ предложенія и семисвѣщникъ, а изъ внутренней части храма „святая святыхъ“—кивотъ завѣта съ распростертыми надъ нимъ херувимами и десять свѣтильниковъ. Главный фасадъ храма обращенъ на востокъ и увѣнчивается 3-мя пирамидальными башнями, какъ это и было въ дѣйствительности. Позади этихъ башенъ зданіе храма переходитъ въ великолѣпныя комнаты въ три яруса одинъ надъ другимъ, при этомъ надъ ними возвышается еще особая комната. Кругомъ внутренняго святилища идетъ цѣлый рядъ

меньшихъ корпусовъ въ три яруса, гдѣ помѣщались очередные священно-служители. Соотвѣтствуетъ ли вполнѣ модель Соломонова храма, созданная г-номъ Шикомъ, своему историческому прототипу—это конечно вопросъ трудный, такъ какъ о храмѣ Соломона сохранилось лишь очень немного, часто несогласныхъ между собою, свѣдѣній (въ 3-й книгѣ Царствъ, 2-й Паралипоменонъ, у пророка Іезекіиля, историка Іосифа Флавія и въ Талмудѣ), открывающихъ всѣмъ реставраторамъ ветхозавѣтнаго храма широкое поле для догадокъ и предположеній. И реставраторы Соломонова храма (Ширеръ, Пенъ, Шипіе, Вилльяльпандъ, Пайллъ, Фергюссонъ, Шикъ и многіе другіе) дѣйствительно сильно расходятся другъ съ другомъ въ изображеніи размѣровъ и формы ветхозавѣтнаго храма. Модель Соломонова храма Шика имѣетъ за собою то преимущество, что въ ней замѣчательно выдержана пропорціональность частей, и каждая самая незначительная часть сдѣлана на основаніи тщательнаго изученія всѣхъ источниковъ и прекраснаго знакомства съ современною и прошлою топографіею города и съ его археологіею.

Объяснивъ самымъ подробнымъ образомъ находившуюся передъ нами модель Соломонова храма, зять г-на Шика перешелъ къ его исторіи, которую наглядно демонстрировалъ на моделяхъ. Храмъ Соломона, какъ извѣстно, былъ въ 557-мъ году сожженъ полководцемъ Навуходоносора Навусарданомъ, а по возвращеніи евреевъ изъ плѣна былъ вторично отстроенъ въ 534—516 г. до Р. Хр. Зоровавелемъ. Г-нъ архитекторъ снялъ съ подставки модель самого храма и нѣкоторыя изъ сосѣднихъ зданій, показывая, что осталось послѣ перваго разрушенія храма, и поставилъ на мѣсто храма новый небольшой храмъ Зоровавеля, въ которомъ святая святыхъ оставалась пустымъ, такъ какъ ковчегъ завѣта пропалъ во время перваго разрушенія храма Навусарданомъ и, по преданію, былъ спрятанъ пророкомъ Іереміею въ одной изъ пещеръ близъ Іерусалима. Въ сравненіи съ великолѣпнымъ трехвершиннымъ храмомъ Соломоновымъ, храмъ Зоровавеля кажется очень бѣднымъ, тѣмъ болѣе, что его окружаютъ нѣкоторыя изъ уцѣлѣвшихъ построекъ бывшаго храма. Но храмъ Зоровавеля не всегда существовалъ въ одномъ и томъ же видѣ; онъ подвергался разграбленію. Антіохъ Епифанъ сорвалъ даже въ немъ завѣсу святаго

святыхъ. Сирійцы разрушили правую часть зданій храмовыхъ и нѣсколько частей лѣвой стороны, модели которыхъ архитекторъ снялъ, показывая тѣмъ, что осталось отъ Соломонова храма ко времени Ирода, послѣдняго реставратора ветхозавѣтнаго храма. Послѣдній старался возстановить храмъ такимъ, какимъ онъ былъ во времена Соломона. Перестройку самого святилища онъ, какъ извѣстно, уступилъ священникамъ и книжникамъ, самъ же занялся дворомъ, при чемъ роскошно отдѣлалъ его портиками и колоннами. Скалу, возвышавшуюся на сѣверо-западномъ углу храмовой площади, онъ обвелъ глубокимъ рвомъ и укрѣпилъ ее замкомъ. Надъ реставраціею самаго храма въ теченіи 10-тп лѣтъ трудились десять тысячъ рабочихъ; всѣ-же работы продолжались 46 лѣтъ (Іоан. II, 2). Разсказавъ исторію построенія храма, г. архитекторъ установилъ на мѣстѣ прежнихъ новыя модели: на сѣверѣ четырехугольную Иродову колоннаду и замокъ Антонія, названный такъ Иродомъ въ честь своего покровителя дуумвира Антонія, съ большимъ дворомъ и портиками; на югѣ—на мѣстѣ царскаго дворца постройки царей — великолѣпное сооруженіе, имѣющее видъ двухъ продолговатыхъ базиликъ, двумя рядами колоннъ раздѣляющихся на три нефа, и увѣнчанное въ мѣстѣ соединенія куполомъ. Наконецъ, на мѣстѣ самого храма онъ поставилъ модель новаго храма Ирода, превосходившаго по внѣшнему великолѣпію не только храмъ Зоровавеля, но даже первый храмъ Соломона.

Послѣ того, какъ мы достаточно ознакомились съ моделями Иродовыхъ построекъ, г. архитекторъ пригласилъ насъ въ другую комнату, гдѣ на моделяхъ же была воспроизведена вся новозавѣтная исторія сооруженій на горѣ Моріа.

Храмъ Ирода, какъ извѣстно, былъ разрушенъ въ 70 году Титомъ, римскимъ полководцемъ. Римляне, лѣтомъ 70-го года, овладѣвъ башней Антонія и внѣшнимъ дворомъ храма, придвинули стѣнобитныя машины къ сѣверной сторонѣ внутренняго двора. Усилія ихъ были безуспѣшны до тѣхъ поръ, пока римскій воинъ не бросилъ въ окно одной изъ комнатъ двора горящую головню. Осажденные этого не замѣтили и огонь быстро распространился. Такъ 3-го сентября погибъ Иродовъ храмъ, отъ котораго не осталось камня на камнѣ. Тамъ,

гдѣ былъ ветхозавѣтный храмъ, образовалась почти голая ровная площадь, покрытая развалинами и мусоромъ, среди которыхъ пробились сорныя травы и зазеленѣли маслины. Запустѣніе продолжалось болѣе 60-ти лѣтъ. Но вотъ, послѣ возстанія Баръ-Кохбы (133—35), императоръ Адріанъ, желавшій уничтожить самую память объ Іерусалимѣ, на мѣстѣ этого города основалъ Элію Капитолину, а на мѣстѣ ветхозавѣтнаго служенія Іеговѣ воздвигъ храмъ языческому богу, Юпитеру Капитолійскому, и рядомъ съ нимъ поставилъ свою статую. Храмъ Адріана былъ разрушенъ Константиномъ, а въ VI-мъ столѣтіи императоръ Юстиніанъ на его развалинахъ воздвигъ первый христіанскій 8-ми-угольный храмъ; на томъ-же мѣстѣ, гдѣ стояла статуя Адріана, была поставлена часовня въ память св. Іакова. На южной сторонѣ горы былъ построенъ другой храмъ въ честь Пресвятой Богородицы. Рокъ, тяготѣвшій на протяженіи многихъ вѣковъ надъ всѣми постройками горы Моріа, не пощадилъ и христіанскихъ храмовъ. Они существовали недолго. Одинъ изъ преемниковъ завоевателя Іерусалима Омара—десятый халифъ Абдъ-эль-Меликъ-Ибнъ-Мерванъ, въ 688—691 гг., воздвигъ на горѣ Моріа знаменитую мечеть, извѣстную подъ именемъ мечети Омара и господствующую въ настоящее время надъ всѣмъ Іерусалимомъ, какъ символъ владычества мусульманъ надъ городомъ, священнымъ для христіанъ. Храмъ-же Юстиніана былъ обращенъ также въ мусульманскую мечеть, извѣстную въ настоящее время подъ именемъ Эль-Акса.

Весь разсказъ о судьбѣ сооруженій на горѣ Моріа въ христіанскій періодъ г. архитекторъ демонстрировалъ моделями, дававшими ясное представленіе объ устройствѣ и размѣрѣ храмовъ и общемъ видѣ горы Моріа въ разное время. Со всѣхъ моделей у Шика есть фотографическіе снимки, прекрасно исполненные. Многіе изъ насъ купили такіе снимки у него вмѣстѣ съ видами Іерусалима и его окрестностей, воспроизведенными и на отдѣльныхъ картинахъ, и на открытыхъ письмахъ. Въ заключеніе г. архитекторъ предложилъ намъ подняться на верхъ, если желаемъ осмотрѣть модели ветхозавѣтной скиніи Моисея. Мы съ благодарностью приняли предложеніе и поднялись вверхъ.

Модель скиніи занимаетъ также цѣлую комнату и сдѣ-

лана превосходно. Она помѣщается, какъ и всѣ модели Шика, на подставкѣ въ 2½ саж. длины и 1 саж. ширины, и сдѣлана изъ тѣхъ же самыхъ матеріаловъ, изъ которыхъ по даннымъ Библіи была сооружена скинія Моисея, именно: дерева, мѣди, кожи, и т. д. Правильно выточенные столбы, между которыми протянуты завѣсы, продолговатымъ четырехугольникомъ окружаютъ внутренній дворъ скиніи. Этотъ послѣдній словно сфотографированъ со двора библейской скиніи. На немъ точно застыла кипѣвшая въ ту минуту жизнь. У входа въ святилище стоятъ 2 первосвященника, одѣтые въ первосвященническія одежды. На дворѣ же виднѣются левиты, въ свойственныхъ ихъ сану одѣяніяхъ; одни изъ нихъ закалываютъ жертвенныхъ животныхъ, другіе рѣжутъ ихъ на части, отдѣляя годное для жертвы отъ негоднаго, несутъ воду, дрова, и т. д. У жертвенника, на которомъ дымится жертва отъ молящеіїся тутъ-же толпы израильтянъ,—нѣсколько жрецовъ; на дворѣ же и музыканты съ инструментами, пѣвшіе псалмы во время богослуженій. Такъ же правильно и соотвѣтственно дѣйствительности устроено святилище и святая святыхъ. Число столбовъ, количество и расположеніе покрывалъ—все это сдѣлано на основаніи данныхъ Библіи. Священныя-же принадлежности этихъ частей скиніи (т. е. святилища и святая святыхъ), какъ то: свѣтильникъ, трапеза, ковчегъ съ скрижалями завѣта, и т. д. сдѣланы не только правильно, но даже изящно. По словамъ г. архитектора на эти модели затрачены громадныя суммы, тѣмъ не менѣе онъ сдѣлалъ модель скиніи другую, по предложенію англичанъ, купившихъ ее у него для музея за большую сумму. Поблагодаривъ г-на архитектора и бывшаго при этомъ самого г. Шика, мы отправились на русскія постройки, съ чувствомъ удовлетворенной любознательности, но сожалѣя, что дороговизна моделей не позволяетъ сдѣлать ихъ общедоступнымъ украшеніемъ каждаго учебнаго заведенія, гдѣ ученики съ такимъ удобствомъ могли бы познакомиться съ устройствомъ ветхозавѣтной скиніи и храма.

Отдыхать, по возвращеніи отъ Шика, сегодня снова пришлось недолго. Вечеромъ, согласно маршруту, мы должны быть у дуба Мамврійскаго, подъ тѣнью вѣтвей котораго на мѣстѣ явленія праотцу Аврааму Бога въ видѣ трехъ стран-

никовъ предполагалось совершеніе богослуженія—вечеромъ всенощного, а утромъ литургіи. Поэтому къ 3-мъ часамъ надо было приготовиться, такъ какъ до дуба считается 30 верстъ, на что требуется часа четыре пути на лошадяхъ до Хеврона по прекрасной шоссейной дорогѣ и 1/2 часа пѣшкомъ отъ Хеврона до дуба по узкой тропинкѣ. Марко въ своемъ красивомъ костюмѣ каваса давно уже ходилъ по коридору подворья, будя заспавшихся и торопя костюмировавшихся по восточному въ бѣлые шерстяные плащи и шляпы съ повязанными бѣлыми платками. Наконецъ всѣ, кромѣ двоихъ, прикованныхъ лихорадкою къ постели, собрались, размѣстились на приготовленныхъ экипажахъ, и засвиставшіе въ воздухѣ длинные бичи возницъ дали знать о томъ, что трогаемся въ путь. Собравшаяся по обыкновенію толпа любопытныхъ разступилась почтительно передъ первою коляскою, гдѣ сидѣлъ Преосвященный вмѣстѣ съ Начальникомъ миссіи и профессорами, и дала ей дорогу; за первой тронулись и другія, вызывая самое живѣйшее любопытство въ толпѣ, которая, не смотря на то, что видѣла насъ ежедневно цѣлую недѣлю, никакъ не могла привыкнуть къ рѣдкому для нея зрѣлищу. И на улицахъ Іерусалима встрѣчавшіеся съ нашею кавалькадою всегда останавливались, провожали любопытными взглядами, обмѣниваясь впечатлѣніями по этому поводу.

Сегодня нашъ путь лежалъ на югъ отъ Іерусалима, по направленію къ Виѳлеему, по дорогѣ, уже знакомой намъ. Но у гробницы Рахили дорога Хевронская расходится съ Виѳлеемскою. Виѳлеемъ остается налѣво, а Хевронская дорога идетъ прямо, оставляя виднѣющуюся направо Бэтъ-Джалу съ ея господствующимъ надъ всѣмъ селеньемъ высокимъ, каменнымъ зданіемъ русской школы. Дорога въ Хевронъ представляетъ полную, поразительную противоположность дорогѣ къ Іордану. Какъ тамъ все мертво и безжизненно, такъ здѣсь, наоборотъ, все живетъ и двигается. Часто встрѣчаются караваны верблюдовъ, экипажи съ туристами, паломники. И здѣсь повсюду камень, но однообразіе колорита разнообразится зеленью виноградниковъ и другихъ плодовыхъ деревъ, преимущественно оливковыхъ.

Первою историческою достопримѣчательностью по дорогѣ въ Хевронъ, послѣ того, какъ она расходится съ Виѳлеем-

скою дорогою, являются, такъ называемые, пруды Соломона, гдѣ мы сдѣлали продолжительную стоянку. Пруды Соломона—это, налѣво отъ дороги, три громадныхъ водовмѣстилища [1]), вдѣланныя въ каменныя ограды и находящіяся въ одной плоскости, но не на одинаковой высотѣ, а террасообразно. Всѣ три пруда устроены такъ, что низменная часть или дно верхняго равняется поверхности средняго, а полъ этого находится на одной линіи съ верхними краями нижняго пруда. Такое устройство сдѣлано, очевидно, для того, чтобы вода переливалась изъ одного бассейна въ другой не черезъ края, а черезъ дно, и дабы такимъ образомъ не портила стѣнъ прудовъ и не изрыла пространства между ними, по которому проведены желоба отъ одного къ другому. Эти пруды устроены въ между—горной лощинѣ одинъ выше другого. Самый нижній, по необходимости, вытесанъ частію и изъ скалы, и средній также, а верхній долженъ быть весь искусственный. (Еп. Порфирій, Книга Бытія, ч. I. стр. 398). Соломоновы пруды заслуживаютъ особаго вниманія предъ другими восточными водовмѣстилищами, благодаря своей несомнѣнной древности и оригинальному устройству. Трудно, конечно, судить о томъ, устроены-ли они Соломономъ, или нѣтъ, но древность ихъ считается безспорною и очень можетъ быть, что пруды, носящіе имя Соломона, современны великому Еврейскому царю и служили для орошенія его садовъ, расположенныхъ, по преданію, нѣсколько къ востоку отъ нихъ [2]). Не менѣе, чѣмъ древность, заслуживаетъ вниманія оригинальное устройство прудовъ, вызывающее разнообразныя объясненія. Собственно это относится только къ нижнему изъ прудовъ. Въ этомъ прудѣ, по западной поперечной и по боковымъ продольнымъ стѣнамъ, устроены амфитеатромъ въ нѣсколько рядовъ, другъ надъ другомъ, каменные уступы, въ родѣ гигантскихъ скамей, соединенныхъ между собою множествомъ небольшихъ лѣстницъ. Платформа раздѣляетъ дно пруда по

---

[1]) Самый большой изъ нихъ-восточный—имѣетъ 83 саж. въ длину и 30 въ ширину и 7 глубину, другіе два—короче, за то шире перваго. Другъ отъ друга они отстоятъ на незначительное разстояніе, измѣряемое нѣсколькими саженями.

[2]) По мнѣнію пр. Олесницкаго (Св. земля, I, 226) эти пруды могутъ быть отнесены къ эпохѣ Іудейскихъ царей.

срединѣ на двѣ равныя половины. Поверхъ каменныхъ выступовъ, къ центру пруда идетъ каналъ или водопроводъ, посредствомъ котораго прудъ долженъ наполняться водою. Почему прудъ имѣлъ такое странное устройство — рѣшить также трудно. Оригинальнѣе другихъ рѣшаетъ это пр. Олесницкій. По его предположенію, скалы или выступы служили когда-то настоящимъ амфитеатромъ и предназначались для исключительныхъ въ своемъ родѣ зрѣлищъ, можетъ быть, борьбы атлетовъ съ стремительною струею воды, врывавшеюся въ прудъ, упражненій пловцовъ, и. т. п. Но не прощели объяснить подобное устройство удобствами для купающихся.... Въ настоящее время, впрочемъ, въ прудахъ не купаются. Отъ этого особенно настойчиво предостерегалъ насъ Марко, увѣряя, что здѣсь водится особая порода змѣй, очень опасныхъ. Мы видѣли пруды достаточно полные водою, но такими они бываютъ не всегда [1]); это заставляетъ предполагать, что они наполняются, главнымъ образомъ, дождевою водою, хотя имѣютъ и другой источникъ, поддерживающій ихъ существованіе. Это—Аинъ-Салихъ — источникъ, лежащій въ ста шагахъ отъ верхняго пруда на западъ. Мы подробно осмотрѣли его, для чего спустились по лѣстницѣ подъ землю, гдѣ въ скалѣ высѣченъ бассейнъ для воды, струящейся чистою хрустальною струею изъ другого меньшаго бассейна. Послѣдній также высѣченъ въ скалѣ, только нѣсколько дальше перваго; въ него вода бѣжитъ уже прямо изъ ключа, бьющаго изъ расщелины скалы. Вода чистая и вкусная. Во времена Соломона входъ въ этотъ источникъ, по преданію, былъ загражденъ печатью царя, потому онъ и назывался: „запечатлѣннымъ источникомъ“, съ которымъ Соломонъ въ Пѣсни Пѣсней (IV, 12) сравниваетъ невѣсту, ждущую жениха. Недалеко отъ прудовъ, ближе къ дорогѣ, стоитъ большое полуразрушенное зданіе, огороженное двойными зубчатыми стѣнами, съ башнями по угламъ и при входѣ. Оно извѣстно подъ именемъ „замка Соломона“, но въ настоящее время занято сторожами пруда [2]). Когда мы вошли на дворъ замка, заваленнаго камнями, здѣсь

---

[1]) Порфирій (Успенскій). Книга бытія моего, т. 1, 393—5.

[2]) Въ настоящее время пруды Соломона снабжаютъ водою весь мусульманскій Іерусалимъ.

никого не было; но лишь только мы подошли къ обратившимъ на себя наше вниманіе какимъ-то громаднымъ глинянымъ горшкамъ, уложеннымъ рядами, и хотѣли разсмотрѣть ихъ, какъ появились грязные, полуголые ребятишки, что-то энергично кричавшіе. Вслѣдъ за ними выползъ изъ своей норы заспанный турокъ, который словами, а главнымъ образомъ мимикой, объяснилъ, что до странныхъ горшковъ дотрогиваться нельзя,—тамъ оказались пчелы. Затѣмъ турокъ поспѣшно скрылся, бормоча что-то себѣ подъ носъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ снова появился съ микроскопическими чашечками турецкаго кофе. Ребятишки подносили намъ кофе, а турокъ кланялся, скаля зубы и улыбаясь блаженною улыбкою, выражавшею надежду на хорошій бакшишъ.

Отъ Соломоновыхъ прудовъ мы поѣхали дальше къ Хеврону по прекрасной шоссейной дорогѣ, вьющейся змѣею среди широко раскинувшейся зеленѣющей равнины. Навстрѣчу то и дѣло попадаются запоздавшіе путники, торопящіеся на ночлегъ въ Іерусалимъ, турки или арабы. Они то трясутся на маленькихъ осликахъ, то важно возсѣдаютъ на горбѣ верблюдовъ. Иногда они ѣдутъ съ дѣтьми, которыхъ сажаютъ также верхомъ на осла передъ собою и позади себя. Затѣмъ по пути мы останавливались у источника ед-Дирве, гдѣ, по преданію, ап. Филиппъ крестилъ вельможу Эѳіопской царицы Кандакіи, который мы осмотрѣли подробно. Отъ источника уже недалеко до Хеврона. Мы остановились на краю города, чтобы отсюда пѣшкомъ отправиться къ дубу Мамврійскому, отъ котораго до Хеврона не болѣе получаса ходьбы. Шоссейной дороги къ дубу нѣтъ. Къ нему ведетъ узкая, усѣянная мелкими камнями тропинка, по которой даже пѣшкомъ можно пробраться съ большимъ трудомъ. Идя по этой тропинкѣ, легко представляешь себѣ какія тяготы поднимали на себя наши паломники, путешествовавшіе нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда не было нигдѣ шоссейныхъ дорогъ, по всѣмъ окрестностямъ Іерусалима, иногда за десятки верстъ, пѣшкомъ.

Было уже поздно, когда мы подходили къ виноградникамъ, зеленымъ кольцомъ опоясавшимъ со всѣхъ сторонъ русское мѣсто, гдѣ за особою оградою находится маститый Мамврійскій дубъ. Послѣдніе лучи солнца догорали на вершинахъ

деревьевъ, бросавшихъ кругомъ длинныя причудливыя тѣни, когда мы остановились предъ библейскимъ великаномъ, подъ вѣтвями котораго, по преданію, почти 4000 лѣтъ тому назадъ, патріарху Аврааму въ видѣ трехъ странниковъ явился самъ Богъ, предсказавшій рожденіе отъ 90 лѣтней Сарры сына Исаака. Дубъ очень величественный, онъ смотритъ патріархомъ лѣсовъ. Не особенно высокій, онъ необыкновенно широкъ и вѣтвистъ. Изъ одного общаго корня въ нѣкоторомъ разстояніи отъ земли онъ развѣтвляется на три ствола, изъ которыхъ каждый въ нѣсколько обхватовъ. Внутри дуба дупло, тщательно замазанное глиною. Вся верхняя часть одного изъ среднихъ стволовъ сломилась и вѣтви его засохли. Это придаетъ патріарху лѣсовъ дряхлый, старческій видъ. Рядомъ съ нимъ, въ той же оградѣ, находится нѣсколько отпрысковъ отъ него, довольно большихъ дубовъ, но кажущихся дѣтьми по сравненію съ сѣдымъ великаномъ, прожившимъ вѣка, а теперь доживающимъ свои послѣдніе дни. Что этотъ дубъ—современникъ Авраама, это едва-ли кто рѣшится доказывать; но одно несомнѣнно,—онъ очень старъ, древнѣе всѣхъ извѣстныхъ въ Палестинѣ деревьевъ, и очень можетъ быть сынъ, или ближайшій родственникъ знаменитаго Мамврійскаго дуба. Русскій паломникъ начала 12-го (1106 г.) вѣка, Даніилъ, описываетъ Мамврійскій дубъ такимъ, какимъ онъ былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ; слѣдовательно, 795 лѣтъ тому назадъ онъ уже существовалъ, и не только существовалъ, но, судя по описанію Даніила, былъ и тогда довольно почтеннымъ старцемъ. Съ другой стороны, докторъ Елисѣевъ, извѣстный путешественникъ, изслѣдовалъ кору Мамврійскаго дуба и нашелъ, на основаніи количества его пластовъ, что дубу можно дать смѣло не одинъ десятокъ столѣтій. Такимъ образомъ, если дубъ Мамврійскій и не видалъ Авраама и Лота, Іакова и Давида, не видалъ Святой Троицы, то все-же много видѣлъ онъ на вѣку своемъ. И нельзя не пожалѣть, что доживаетъ свои послѣдніе дни этотъ маститый патріархъ Палестинскихъ лѣсовъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ отломилась отъ него одна громадная вѣтка, отправленная въ Іерусалимъ на нѣсколькихъ верблюдахъ. Послѣ этого дубъ сталъ сохнуть, не смотря на тщательныя заботы о его сохраненіи. Осмотрѣвъ подробно дубъ, мы отправились въ страннопріимницу

о. Антонина, находящуюся отсюда въ недалекомъ разстояніи, на горѣ.

Странноприимница эта, помѣщающаяся въ большомъ двухъэтажномъ домѣ,—дѣло рукъ незабвеннаго о. Антонина. Какъ и все построенное о. Антониномъ, домъ у дуба Мамврійскаго, не смотря на недостатокъ средствъ и интриги католическаго духовенства, выстроенъ прекрасно и удобно. Верхній его этажъ предназначается для интеллигентныхъ поклонниковъ, нижній—для простыхъ; и тамъ, и здѣсь господствуютъ чистота и образцовый порядокъ; въ верхнемъ-же—даже комфортъ. Домъ зеленымъ кольцомъ опоясываетъ виноградникъ. Завѣдуетъ домомъ такъ же, какъ и Іерихонскою русскою странноприимницею, арабка, довольно хорошо говорящая по русски.

Въ странноприимный домъ о. Антонина мы только вошли за тѣмъ, чтобы умыться съ дороги, такъ какъ тотчасъ же предположено было совершить всенощное бдѣніе подъ дубомъ Мамврійскимъ. Поэтому, умывшись и забравъ имѣвшіяся въ домѣ иконы, мы снова отправились къ дубу. Послѣ того, какъ иконы были прилажены къ сучьямъ дуба или установлены на принесенный для этой цѣли столъ, облачились о. Анастасій и о. Димитріанъ, и началось необыкновенно торжественное по своей простотѣ и въ тоже время необычайной обстановкѣ, и рѣдкое по составу богомольцевъ, богослуженіе. Всѣ присутствующіе, Преосвященный ректоръ, профессора, студенты и прочіе наши спутники составили хоръ, стройное и воодушевленное пѣніе котораго далеко разносилось по окрестности среди нѣмой тишины ночи. И нельзя было не воодушевиться среди такой необычайной обстановки. Богослуженіе совершалось въ величественномъ храмѣ, куполомъ котораго было разстилавшееся надъ нашими головами глубокое, темносинее небо, поломъ—земля, освященная нѣкогда присутствіемъ Св. Троицы и истоптанная ногами праотцевъ; лампады замѣняли трепетно мерцавшія въ темносиней глубинѣ далекаго неба — звѣзды; окружающая, убаюканная ночью, природа въ нѣмомъ благоговѣніи казалось прислушивалась къ славословію Творца и принимала участіе въ богослуженіи. Каѳизмы, канонъ и первый часъ читали студенты; шестопсалміе—путешествовавшій съ нами докторъ, весьма ре-

лигіозно-настроенный человѣкъ [1]). Совершаемое стройно, торжественно, богослуженіе продолжалось до почти полуночи. Въ воздухѣ стало очень прохладно, многіе изъ насъ продрогли. Затѣмъ возвратились въ страннопріимницу, гдѣ радушнымъ хозяиномъ, о. Начальникомъ миссіи, была предложена намъ радушная вечерняя трапеза.

29-е Іюня. Четвергъ. У дуба Мамврійскаго. На русскихъ постройкахъ.

Утро нынѣшняго дня началось снова богослуженіемъ, отличавшимся еще большею торжественностью, чѣмъ богослуженіе вечернее. Совершено оно было также подъ сѣнью дуба Мамврійскаго, на столѣ, на которомъ былъ положенъ привезенный изъ Іерусалима антиминсъ. Литургію совершалъ самъ Преосвященный въ сослуженіи о. архимандрита Александра и всего путешествовавшаго съ нами духовенства съ о. архидіакономъ Димитріаномъ. Прислуживали и пѣли за богослуженіемъ студенты и профессора. Послѣдніе, впрочемъ, принимали въ немъ и болѣе активное участіе. Н. Ѳ. К-евъ прочиталъ часы предъ литургіею, а В. Н. М-ынъ—Апостолъ. За эктеньями и во время великаго выхода поминались на ряду съ русскимъ Святѣйшимъ Синодомъ и блаженнѣйшіе патріархи: Константинопольскій—Константинъ и Іерусалимскій—Даміанъ. По окончаніи литургіи была отслужена панихида по незабвенномъ дѣятелѣ въ Палестинѣ архимандритѣ Антонинѣ и по новопредставленномъ митрополитѣ Кіевскомъ Іоанникіи.

Затѣмъ, набравъ на память вѣтокъ и жолудей [2]), отправились съ иконами въ страннопріимный домъ, гдѣ передъ трапезою было совершено краткое молебствіе. Трапеза была обильна мѣстными яствами и сопровождалась радушнымъ традиціоннымъ гостепріимствомъ добрѣйшаго о. Начальника миссіи. За трапезою подавались, между прочимъ, Авраамовы лепешки, которыми онъ угощалъ трехъ странниковъ *(рече Сарѣ: ускори и смѣси три мѣры муки чисты, и сотвори*

---

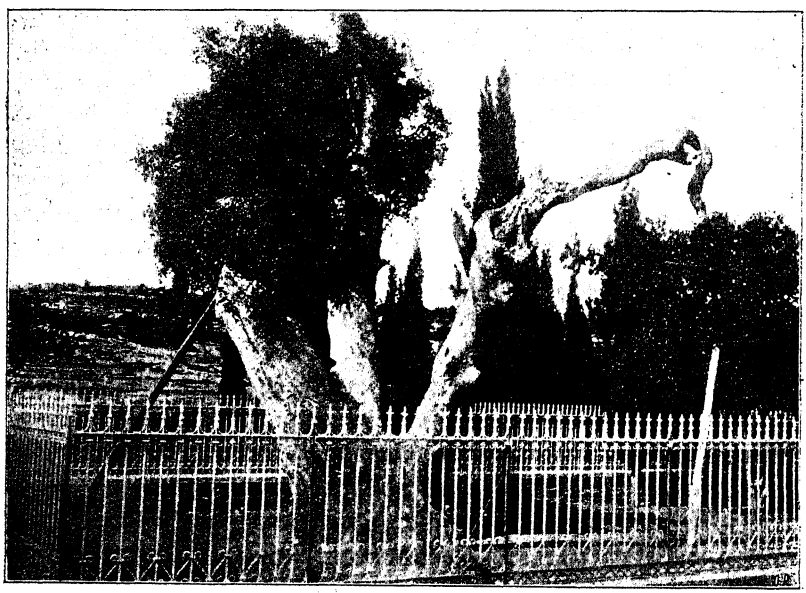
[1]) Вынесенныя имъ впечатлѣнія отъ поѣздки въ Палестину напечатаны въ журналѣ Вѣра и Церковь за текущій годъ, Апрѣль—Май.

[2]) Надо замѣтить, что мѣстный дубъ или теревинѳъ не имѣетъ ничего общаго съ нашимъ дубомъ по внѣшней структурѣ.

потребники. Быт. 18, 6), и Авраамовъ квасокъ изъ мѣстныхъ виноградниковъ.

По трапезованіи, мы отправились смотрѣть окрестъ лежащія мѣста русскаго владѣнія и направились прежде всего къ высокой башнѣ,—по евангелію „столпу“ (*ископа въ немъ* (виноградникѣ) *точило и созда столпъ.* Матѳ. XXI, 33),—построенной, по древнему обычаю, о. архим. Антониномъ на верхней границѣ владѣнія. Эта башня, правда, ничѣмъ не замѣчательна, но она такъ высока, что съ нея видна вся западная часть Палестины вплоть до желтыхъ песковъ береговъ Средиземнаго моря. Долго любовались грандіозною панорамою, открывающеюся съ высоты башни. Затѣмъ ходили по „русскому“ винограднику, насаженному по склонамъ горы, въ которой встрѣчаются остатки древнихъ точилъ для выжимки винограда, а также и древнія усыпальницы для погребенія умершихъ. Въ нѣсколько такихъ усыпальницъ мы входили и осматривали ихъ. Устройство ихъ отличается простотою, и заключаютъ онѣ по нѣсколько нишъ для покойниковъ, ложа которыхъ теперь, конечно, пусты; самыя же пещеры служатъ убѣжищемъ для шакаловъ и гіенъ. На нижнемъ склонѣ горы, вблизи дуба, за плетнемъ, находится колодезь съ ключевой, студеной водой, называемый теперь паломниками „живой источникъ Авраама“. Чистая вода течетъ по каменному руслу, обложенному натуральными плитами мѣстнаго дикаго камня. Примитивное устройство источника свидѣтельствуетъ о его древности. Этотъ источникъ является общимъ достояніемъ всѣхъ, а потому и стоитъ внѣ изгороди, и самъ не обнесенъ изгородью. Противъ дуба находится довольно большая ровная площадь, на которой растутъ большія развѣсистыя смоквы, подъ тѣнью одной изъ нихъ мы и отдыхали, утоляя жажду предложеннымъ намъ гостепріимною смотрительницею „Авраамовымъ кваскомъ“, которымъ она снабдила насъ и на дорогу. Эта площадка, по словамъ о. Начальника миссіи, предназначалась о. Антониномъ для построенія на ней храма. Нельзя не пожелать, чтобы эта мысль получила свое осуществленіе. Какъ умѣстенъ былъ бы здѣсь храмъ во имя Св. Троицы! Но, кажется, трудно надѣяться на это, принимая во вниманіе зоркую бдительность инославныхъ за малѣйшими успѣхами русскаго вліянія, да и фанатизмъ здѣшнихъ мусульманъ.

Притомъ же, при покупкѣ этой мѣстности, въ 1870 году, между Высокою Портою и нашимъ Императорскимъ посольствомъ состоялось условіе, что въ этомъ мѣстѣ русскіе не имѣютъ права строить ни монастыря, ни церкви. По истинѣ, нужно удивляться, какъ это посчастливилось пріобрѣсти такое важное священное мѣсто въ такомъ фанатичномъ гнѣздѣ мусульманъ! Это и могъ только сдѣлать незабвенный о. Антонинъ, обезсмертившій свое имя сооруженіемъ рукотворныхъ памятниковъ на мѣстахъ, освященныхъ величайшими событіями ново-завѣтной и ветхо-завѣтной исторіи. Не можемъ не привести по этому поводу прекрасныхъ словъ г. Елисѣева: „на Елеонѣ, въ Горней, въ Іерихонѣ, около



Дубъ Мамврійскій.

Яффы и у дуба Мамврійскаго высятся постройки о. Архимандрита. На какіе-то гроши, собранные имъ, онъ воздвигъ небольшія, но прекрасныя сооруженія, выбравъ для того прекрасныя мѣста, мало того, даже снабдивъ ихъ всѣмъ необходимымъ.... Хевронская страннопріимница у дуба Мамврійскаго,—это вѣнецъ созданій о. Антонина. Кто бы могъ думать, что въ дикомъ фанатическомъ Хевронѣ, куда не

можетъ проникнуть даже энергичный католическій миссіонеръ, на мѣстѣ, гдѣ стоялъ, по преданію, шатеръ Авраамовъ, были чистоплотныя постели съ безукоризненнымъ бѣльемъ, прекрасная посуда, самовары, книги, подушки для оконъ, балконы, и къ довершенію всего ласковая русская смотрительница, готовая всѣмъ услужить". Причину такой успѣшной дѣятельности о. Антонина г. Елисѣевъ видитъ въ одушевлявшей его беззавѣтной преданности священному дѣлу и любви: „этими постройками почтенный русскій дѣятель доказалъ, что возможно и малыми средствами, *но большою любовію*, совершать многое и создавать почти изъ ничего и двухъэтажные домы, и великолѣпные сады, и даже сооружать храмы".... (Русскіе Паломники въ Св. Землѣ. Докладъ. 1884 г. 17 — 18 стр.). Кавасъ Марко, принимавшій участіе въ нашемъ разговорѣ и оживлявшій его воспоминаніями, вспомнилъ и о томъ, какъ однажды, кажется въ 1884 году, два патріарха — Никодимъ Іерусалимскій и Іоакимъ III-й, бывшій Константинопольскій, нынѣ опять Константинопольскій,—пріѣхавшіе сюда съ о. архим. Антониномъ, благословили на семъ мѣстѣ быть храму Божію. Да будетъ же дѣйственно сугубое патріаршее благословеніе!.

Съ такими мыслями и искренними пожеланіями объ осуществленіи завѣтной цѣли о. Антонина мы оставили это священное мѣсто, *дубраву Мамре*, отъ которой уцѣлѣлъ одинъ только могиканъ, снявъ его на память.

Между тѣмъ часть студентовъ еще нѣсколько раньше отправилась къ Хеврону познакомиться съ городомъ, не смотря на предостереженія сопровождавшаго насъ каваса о фанатизмѣ здѣшнихъ мусульманъ, а особенно мальчишекъ, бросающихъ иногда камнями въ ненавистныхъ имъ гяуровъ. Но опасенія оказались напрасными, и студенты безпрепятственно ознакомились съ городомъ съ внѣшней стороны. Хевронъ расположенъ между каменистыми холмами съ террасообразными виноградниками. Всѣ дома однообразны, имѣютъ круглыя, очень маленькія окна, построены изъ сѣрыхъ каменныхъ глыбъ, нагроможденныхъ одна на другую. Однообразіе сѣрыхъ красокъ зданій и очертаній ихъ оттѣняется такимъ же однообразіемъ цвѣта мѣстностей, окружающихъ Хевронъ. Цвѣтъ этотъ — глиняный, темнокровяный, вообще характерный для окрестностей Хеврона.

Можетъ быть на этомъ основаніи народное преданіе относитъ мѣстопребываніе первыхъ людей по изгнаніи изъ рая къ хевронской долинѣ. Недалеко отъ Хеврона показываютъ даже пещеру, гдѣ жили будто-бы первые люди. Хевронъ, древнѣйшій изъ городовъ, упоминаемыхъ въ Священномъ Писаніи, былъ главнымъ городомъ сыновъ Энаковыхъ (Іис. Нав. 21, 11). Надъ нимъ рѣютъ самыя сѣдыя библейскія воспоминанія. Здѣсь жили праотцы Еврейскаго народа: Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ. Здѣсь они многократно бесѣдовали съ Богомъ и здѣсь нашли для себя покой ихъ тѣла послѣ смерти. Здѣсь жилъ нѣкоторое время царь Давидъ, противъ котораго здѣсь же возмутился его сынъ Авессаломъ. Богатый библейскими воспоминаніями, Хевронъ не богатъ историческими памятниками. Единственный историческій памятникъ Хеврона — это мечеть, въ которой находятся, согласно преданію, гробницы Авраама, Исаака и Іакова съ ихъ семействами (кромѣ Рахили). Но входъ въ мечеть очень затрудненъ и разрѣшается только лицамъ, снабженнымъ именнымъ султанскимъ фирманомъ. Входъ же въ пещеру подъ мечетью, гдѣ, по преданію, находятся гробницы патріарховъ, закрытъ для всѣхъ, даже для самихъ мусульманъ. Въ 1862 году, по особому разрѣшенію Султана, встрѣченному съ большимъ неудовольствіемъ мусульманами, спускался въ эту пещеру принцъ Вельскій (теперь король Эдуаръ VII) съ настоятелемъ Вестминстерскаго аббатства докторомъ Станлеемъ и еще двумя англичанами. Это были первые посѣтители (со временъ крестоносцевъ, когда прекращенъ доступъ въ мечеть) и послѣдніе, такъ какъ мусульмане того убѣжденія, что посѣщеніе гробницъ патріарховъ нарушаетъ ихъ покой и непріятно имъ, и приводятъ въ доказательство, что когда завоеватель Палестины Ибрагимъ-паша вздумалъ было проникнуть въ эту пещеру, то былъ отброшенъ оттуда какъ бы ударомъ молніи. Что современный Хевронъ стоитъ на мѣстѣ библейскаго города, это считается болѣе или менѣе достовѣрнымъ. Въ городѣ сохранилось одно водохранилище, древность котораго, по мнѣнію ученыхъ, восходитъ, по крайней мѣрѣ, ко временамъ Давида. Здѣсь, по ихъ предположенію, Давидъ казнилъ убійцъ Іевосѳея, сына Саулова (2 кн. Царствъ, IV, 12 с.). Въ настоящее время Хевронъ—довольно большой тор-

говый городъ и населенъ почти исключительно магометанами, отличающимися здѣсь крайнимъ фанатизмомъ, вслѣдствіе чего городъ является не безопаснымъ для христіанъ, въ которыхъ даже уличные мальчишки обыкновенно бросаютъ каменьями, если ихъ не сопровождаетъ кавасъ—гроза турокъ. Пока мы ходили около города, къ намъ подошелъ турокъ—чалмоносецъ, съ достоинствомъ что-то объяснявшій и прибавлявшій потомъ знакомое намъ слово „бакшишъ.“ Кавасъ объяснилъ намъ, что онъ требуетъ бакшиша по праву (!) здѣшняго муллы. Магометанскіе муллы не получаютъ никакого вознагражденія за свое священно-служеніе, чаще всего не имѣютъ никакой собственности, а потому живутъ исключительно сборами со своихъ земляковъ, или паломническими бакшишами, которые они вымогаютъ очень безцеремонно. Мы удовлетворили требованіе муллы, къ великому его удовольствію.

Скоро подошелъ Преосвященный съ остальною компаніею и, размѣстившись по колясками, мы тронулись въ обратный путь въ Іерусалимъ. Было около 10 часовъ утра; солнце высоко стояло на небѣ, но здѣсь оно не палило такъ, какъ въ Іорданской долинѣ; окрестности Хеврона лежатъ нѣсколько выше уровня моря и климатъ здѣсь гораздо ровнѣе, чѣмъ въ Іерихонской долинѣ и даже въ самомъ Іерусалимѣ.

Дорога по прежнему была очень оживлена. То и дѣло встрѣчались обыватели верхомъ на ослахъ или верблюдахъ. Чѣмъ ближе къ Іерусалиму, тѣмъ мѣстность дѣлалась все холмистѣе и холмистѣе, и камень все чаще и чаще проглядывалъ сквозь пожелтѣвшую, сожженную солнцемъ зелень. По дорогѣ нѣсколько разъ останавливались, чтобы осмотрѣть или снять тотъ или другой интересный холмъ и пейзажъ. У Соломоновыхъ прудовъ снова сдѣлали небольшую остановку, еще разъ осмотрѣли пруды, эти циклопическія сооруженія, созданіе которыхъ было мыслимо только въ очень древнія времена, когда человѣческій трудъ былъ очень дешевъ, а за личностью не признавалось ни самостоятельнаго значенія, ни большой цѣнности. Около двухъ часовъ вернулись на Русскія постройки.

Съ Русскими постройками, гдѣ мы живемъ уже почти недѣлю, до сихъ поръ мы не познакомились близко, проводя все время, остающееся отъ экскурсій по Іерусалиму и его окрест-

ностямъ, только на Новомъ подворьи. А между тѣмъ Русскія постройки, среди которыхъ Новое подворье является лишь частью, это—цѣлый городокъ, и городокъ притомъ своеобразный и преинтереснѣйшій. Поэтому, пользуясь сегодня свободнымъ вечеромъ, мы и рѣшили подробнѣе осмотрѣть всѣ сооруженія на Русскихъ постройкахъ, когда начнетъ спадать жара, т. е. послѣ четырехъ часовъ. Руководилъ нами при осмотрѣ Н. Гр. Михайловъ, уже около десяти лѣтъ работающій здѣсь и прекрасно знакомый съ прошлымъ и настоящимъ построекъ.

Русскія постройки, гдѣ находятъ для себя пріютъ наши паломники, любимое дѣтище Палестинскаго Общества, на которое оно тратитъ всего болѣе средствъ, выстроены, за исключеніемъ Новаго подворья, не имъ. Ихъ судьба тѣсно связана съ судьбою русскихъ паломниковъ въ Палестину за вторую половину истекающаго столѣтія. Бывшая всегда ареною кровопролитныхъ столкновеній восточныхъ народовъ, Святая Земля, какъ извѣстно, въ срединѣ истекающаго столѣтія сдѣлалась яблокомъ раздора между европейскими державами и Россіею, вызвавъ международную кровопролитную войну. Поводомъ къ этой войнѣ послужила, между прочимъ, борьба за преобладаніе на Востокѣ (восточный вопросъ) и въ частности въ Палестинѣ, которая съ этого времени является предметомъ особаго вниманія и особой заботливости со стороны европейскихъ правительствъ. Такъ, въ 1842-мъ году въ Іерусалимѣ была учреждена (англиканско-германская) протестантская епископія; въ 46-мъ году—католическая патріархія съ Іосифомъ Валергою во главѣ; въ слѣдующемъ году—русская духовная миссія съ извѣстнымъ архим. Порфиріемъ (Успенскимъ) во главѣ. Ей, между прочимъ, было поручено наблюденіе и забота о русскихъ паломникахъ въ Палестинѣ, брошенныхъ ранѣе на произволъ судьбы и претерпѣвавшихъ въ чужой странѣ, среди фанатиковъ мусульманъ, массу всевозможныхъ бѣдствій. Правда, и ранѣе русское правительство заботилось о паломникахъ во Св. Землѣ, и по миру Кайнарджійскому, Ясскому, Бухарестскому, Адріанопольскому требовало отъ турецкой имперіи льготъ и разныхъ облегченій русскимъ паломникамъ и вообще православнымъ въ Палестинѣ. Но такъ какъ за исполненіемъ требованій въ далекой Палестинѣ наблюдать было некому, тур-

ки не особенно стѣснялись этими требованіями, и паломничество, по прежнему, было затруднительно, тѣмъ болѣе, что Палестина принадлежала тогда египетскому пашѣ, почти независимому отъ турецкаго султана и распоряжавшемуся тамъ по своему. Притомъ же русская духовная миссія, крайне бѣдная средствами, поставлена была въ какое-то двусмысленное положеніе. „Не окружайте себя никакою таинственностью, давалъ инструкцію министръ иностр. дѣлъ Нессельроде, отправляя въ Іерусалимъ главу миссіи архимандрита Порфирія, но и ничѣмъ не давайте знать, что вы посланы Правительствомъ“ (Книга Бытія моего, 1, 125). При такихъ условіяхъ миссія и открытое вскорѣ русское консульство (въ 1858 г.) почти ничего не сдѣлали для облегченія участи паломниковъ во Св. Землю. Поэтому въ 1860 г. была учреждена Палестинская Коммиссія, спеціальною задачею которой было облегченіе матеріальныхъ нуждъ русскихъ поклонниковъ въ Палестинѣ. На средства этой Коммиссіи и былъ пріобрѣтенъ недалеко отъ Яффскихъ воротъ большой участокъ земли, на которомъ, между прочимъ, были построены и пріюты для паломниковъ, разсчитанные на 800 человѣкъ. Положеніе паломниковъ облегчилось, но незначительно. Завѣдываніе постройками Палестинской Коммиссіи (преобразованной потомъ въ Комитетъ) было передано русскому консульству. Но дѣло отъ этого мало выиграло. Поэтому въ 1882-мъ году, 21-го Мая, было основано Православное Палестинское Общество подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича. Задачею своею оно поставило, съ одной стороны—облегченіе участи паломниковъ, а съ другой—поддержаніе православія въ Палестинѣ посредствомъ устройства церквей, школъ, благотворительныхъ заведеній для мѣстнаго приниженнаго православнаго арабскаго населенія, лишеннаго всякаго духовнаго руководства со стороны господствующей Греческой іерархіи. Но и вновь основанное Палестинское Общество, не смотря на самыя лучшія намѣренія, на первыхъ порахъ ничего не могло сдѣлать для облегченія положенія паломниковъ въ Палестинѣ вслѣдствіе противодѣйствія и интригъ со стороны Палестинскаго Комитета, хотя послѣдній и самъ ничего не дѣлалъ для паломниковъ, отпуская притомъ крайне ограниченныя сред-

ства на ремонтъ построекъ, требовавшихъ расширенія и подновленій. Командированный въ 1884 году во Святую Землю православнымъ Палестинскимъ Обществомъ докторъ Елисѣевъ для изученія положенія русскихъ паломниковъ въ Палестинѣ, по возвращеніи оттуда, сдѣлалъ сообщеніе, которое, по словамъ отчета Общества (Отч. И. П. П. О. $188^{5}/_{6}$ г., 5), „открыло во всей ужасающей наготѣ безотрадное положеніе богомольцевъ за Св. Русь“ [1]), не смотря на существованіе тамъ Палест. комитета, имѣвшаго своею задачею облегченіе участи паломниковъ. По словамъ доктора Елисѣева, русскіе паломники, претерпѣвшіе до пріѣзда въ Палестину въ дорогѣ массу всевозможныхъ лишеній и огорченій, въ Іерусалимѣ, подъ опекою русскихъ, не только не находили для себя успокоенія, но подвергались еще большимъ непріятностямъ, чѣмъ въ дорогѣ. Русскіе пріюты въ Іерусалимѣ не удовлетворяли самымъ элементарнымъ требованіямъ гигіены и санитаріи. Разсчитанные на 800 человѣкъ, они должны были вмѣщать въ себя до 2-хъ тысячъ паломниковъ, вслѣдствіе чего въ нихъ было тѣсно и душно; кромѣ того, они были сыры, грязны и лишены самыхъ необходимыхъ удобствъ; въ нихъ не было ни бани, ни прачешной, ни кухни; часто ощущался недостатокъ въ водѣ, и не было устроено каналовъ для отвода нечистотъ, что особенно необходимо при жаркомъ климатѣ Іерусалима. Ко всему этому присоединялась еще недобросовѣстность смотрительницы подворій, распоряжавшейся здѣсь безконтрольно (консульство смотрѣло почему-то сквозь пальцы на всѣ ея продѣлки) и бравшей съ бѣдныхъ паломниковъ за все деньги, даже за доставку присланныхъ съ родины писемъ. Объ удовлетвореніи духовныхъ нуждъ паломниковъ не было и помину, и они, предоставленные самимъ себѣ, въ свободное время занимались сплетнями и пересудами, (если не разгуломъ,—бывало, по свид. Порфирія Успенскаго, и это) или попадали въ руки греческихъ монаховъ, которые, преслѣдуя своекорыстные интересы, морочили ихъ, показывая трещину, откуда слышенъ скрежетъ зубовный въ

---

[1]) Результатомъ его командировки была еще любопытная книга: „Съ Русскими паломниками во Св. Землю“. СПБ. 1884.

аду, тьму Египетскую, и снабжая деревянными стружками яко-бы отъ Гроба Господня, и т. п.

Поэтому Палестинскій Комитетъ былъ упраздненъ и всѣ выстроенныя имъ постройки вмѣстѣ съ пріютами для паломниковъ съ 1889 года были переданы въ руки Импер. Прав. Пал. Общества, которое съ этого времени энергично принялось за дѣло облегченія положенія русскихъ паломниковъ въ Палестинѣ. Еще ранѣе, до передачи въ его завѣдываніе русскихъ построекъ, оно позаботилось объ облегченія положенія паломниковъ въ пути, и съ этою цѣлію, еще съ 1883 года, открыло продажу такъ называемыхъ паломническихъ книжекъ, по которымъ стоимость проѣзда до Іерусалима вдвое сократилась, и позаботилось о лучшемъ помѣщеніи паломниковъ на пароходахъ, для чего вступило въ соглашеніе съ дирекціею „Русскаго Общества Пароходства и Торговли“. Затѣмъ, послѣ 1889-го года, оно принялось за энергическую реставрацію русскихъ построекъ въ Іерусалимѣ, пришедшихъ въ ветхость и неудовлетворявшихъ требованіямъ гигіены и санитаріи. Оно прежде всего заново ремонтировало подворья для поклонниковъ и больницу, затѣмъ устроило большую цистерну для воды и громадный, въ двѣ версты слишкомъ, каналъ для стока нечистотъ. При Новомъ подворьи, предназначенномъ для интеллигентныхъ поклонниковъ по преимуществу и устроенномъ по образцу лучшихъ европейскихъ гостиницъ, выстроены и всѣ необходимыя для паломниковъ приспособленія: прачешная, баня, кухня, и т. д. Злоупотребленія по внутреннему управленію постройками совершенно искоренены Обществомъ, и въ настоящее время служащіе на постройкахъ относятся къ паломникамъ не только безусловно доброжелательно, но и предупредительно вѣжливо.

Мы начали обзоръ построекъ Палестинскаго Общества съ осмотра помѣщеній для богомольцевъ, съ общихъ палатъ. Это два громадныхъ параллельныхъ корпуса: одинъ, разсчитанный на 339 человѣкъ—для мужчинъ, другой—на 465 человѣкъ—для женщинъ. Внутри корпусовъ производятъ очень благопріятное впечатлѣніе. Они высоки, свѣтлы и образцово чисты. По сторонамъ стоятъ желѣзныя кровати, около которыхъ шкафчики для храненія паломническихъ вещей. При насъ корпуса были почти совсѣмъ пусты, такъ какъ

лѣтомъ паломниковъ въ Іерусалимѣ обычно очень немного. Въ этихъ помѣщеніяхъ Общества паломникъ имѣетъ право по прибытіи въ Іерусалимъ двѣ недѣли прожить безплатно;

Новое Русское подворье Палестинскаго Общества.

а въ каждый слѣдующій день платитъ за койку по 3 копейки. Кромѣ этихъ помѣщеній для паломниковъ, въ послѣднее время построены стараніемъ неутомимаго Н. Г. М-ова два деревянныхъ барака, разсчитанные на 1,900 человѣкъ и 6 желѣзныхъ на 390 человѣкъ. Всѣ они устроены довольно удобно. Такимъ образомъ всего паломниковъ Русскія постройки могутъ помѣстить свободно 3126 человѣкъ; въ крайнемъ случаѣ—5,500 человѣкъ, не болѣе; но въ 1899 году на Пасхѣ всѣхъ паломниковъ было 5,882 чел.

Изъ помѣщеній для паломниковъ мы прошли въ больницу. Больница устроена образцово, на 55 кроватей; вездѣ

чистота и удобства; имѣются всѣ необходимые инструменты и препараты. Завѣдуетъ ею весьма опытный докторъ Северинъ, въ распоряженіи котораго находится нѣсколько сестеръ, встрѣтившихъ насъ очень любезно. Больница оказываетъ помощь не только русскимъ паломникамъ, но и туземцамъ, и послѣдніе, зная отзывчивость русскихъ врачей, охотно обращаются сюда за медицинскою помощью.

Любопытенъ одинъ изъ послѣднихъ Отчетовъ больницы, изъ котораго видно, какъ повліяла перестройка помѣщеній для паломниковъ и другія заботы о нихъ Общества на ихъ здоровье. За 15 лѣтъ, съ 1877 по 92 годъ, процентъ заболѣваемости среди паломниковъ равнялся 23,23%, а смертности-0,90%; за послѣднія-же 7 лѣтъ, т. е. съ 92 по 99 годъ, процентъ заболѣваемости, не смотря на увеличеніе общаго числа паломниковъ, понизился до 6, 24%, а смертность до 0, 38%, т. е. процентъ заболѣваемости уменьшился почти въ четыре раза, а смертности почти въ три раза. (Непропорціональность между уменьшеніемъ процента заболѣваемости и смертности, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что, по вычисленію одного изъ дѣятелей Палестинскаго Общества В. Н. Хитрово, средній возрастъ паломниковъ въ Палестину равняется 60-ти годамъ, и многіе умираютъ тамъ отъ старческой дряхлости). Затѣмъ, послѣ больницы мы осмотрѣли различныя пристройки при Новомъ подворьи, какъ то: баню, прачешную, дешевую столовую, хлѣбопекарню, лавку. Чистенькая баня состоитъ изъ двухъ комнатъ и, какъ мы убѣдились по опыту, составляетъ истинное благодѣяніе въ мѣстномъ чрезвычайно жаркомъ климатѣ, при полномъ отсутствіи къ тому же воды для купанья. Здѣсь-же устроена большая со всѣми приспособленіями прачешная, гдѣ паломники могутъ мыть свое бѣлье, что такъ-же особенно необходимо въ жаркомъ климатѣ. Въ громадной чистой столовой паломники могутъ получать прекрасно приготовленный обѣдъ, приспособленный къ ихъ потребностямъ, и притомъ за баснословно дешевую цѣну [1]). Для тѣхъ-же, кто не желаетъ

---

[1]) Въ первый день, по прибытіи въ Іерусалимъ, ихъ угощаютъ въ этой столовой безплатно; а въ слѣдующіе дни они получаютъ здѣсь порцію щей, супа или похлебки съ хлѣбомъ и квасомъ (при чемъ хлѣба и кваса дается сколько угодно, только не полагается выносить ихъ изъ

обѣдать въ общей столовой, чтобы они не переплачивали въ греческихъ и турецкихъ харчевняхъ, Общество имѣетъ свою лавку. Это довольно большая комната, въ которой есть все необходимое для паломниковъ, именно: разнообразные съѣстные продукты—мука, крупа разныхъ сортовъ и видовъ, горохъ, пшено, грибы, солодъ, сельди, масло; затѣмъ свѣчи, книжки, и т. п. И лавка эта, судя по отчетамъ Общества, существуетъ не даромъ. Такъ, за 98—99 годъ обороты въ ней были на 183, 282 фр., 03 сантима.

Дешевая столовая по вечерамъ, кромѣ того, превращается въ залъ, гдѣ устраиваются Обществомъ для паломниковъ „чтенія о Святой Землѣ". Взявъ на себя попеченіе о паломникахъ, Общество нашло, что оно не вправѣ ограничиться заботою о матеріальныхъ только нуждахъ паломниковъ, поэтому рѣшило позаботиться объ удовлетвореніи ихъ духовныхъ нуждъ, о чемъ мало заботятся представители православной религіи въ Іерусалимѣ—греки, и чего не въ силахъ сдѣлать бѣдная средствами и совершенно безправная русская миссія [1]).

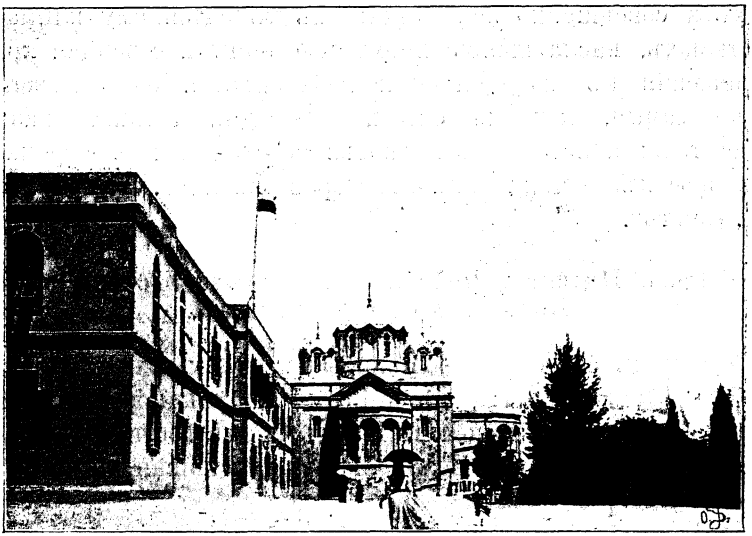
Прежде всего, Общество позаботилось о томъ, чтобы паломники болѣе сознательно относились къ тѣмъ святынямъ, которымъ они поклоняются, и чтобы свободное время было занято чѣмъ нибудь полезнымъ для души и назидательнымъ. Для этого Общество обратилось къ цѣлому ряду выдающихся ученыхъ, прося ихъ написать популярную исторію, географію Св. Земли, описаніе выдающихся, посѣщаемыхъ паломниками, святынь и мѣстъ, и т. п. На этотъ призывъ откликнулся рядъ ученыхъ: протоіереевъ, іереевъ, профессоровъ, и результатомъ ихъ работъ явилась цѣлая серія „чтеній о Святой Землѣ", издаваемыхъ Обществомъ. (До сихъ поръ вышло болѣе 60 чтеній). Эти чтенія и предлагаются ежедневно, кромѣ кануновъ праздниковъ, вниманію паломниковъ въ столовой Общества при Новомъ подворьи. Эти духовно-назидательныя чтенія обыкновенно продолжаются часа два, пред-

---

столовой) за шесть копеекъ; порція каши — двѣ копейки, три мѣрки или 36 стакановъ горячей воды—двѣ копейки; такимъ образомъ продовольствіе въ общей столовой стоитъ въ сутки всего 10 копеекъ.

[1]) Русская духовная миссія, какъ извѣстно, находится въ подчиненіи у Іерусалимской патріархіи, безъ благословенія которой ничего не имѣетъ права предпринимать.

варяясь и заканчиваясь общимъ пѣніемъ тропарей и молитвъ. Первый часъ обычно посвящается священной исторіи, исторіи Церкви, житіямъ Святыхъ, а второй—священной географіи, подробному описанію Святой Земли, Синая, Аѳона. Чтенія иллюстрируются туманными картинами. Благодаря этому, паломники въ Іерусалимѣ и его окрестностяхъ теперь не бродятъ уже въ потьмахъ, какъ раньше, и кромѣ того съ пользою употребляютъ то время, которое прежде шло на сплетни, пересуды и другія непристойныя дѣла. Кромѣ того, во время этихъ чтеній паломники и особенно паломницы такъ спѣваются, что потомъ составляютъ въ



Зданіе миссіи и Троицкій Соборъ при ней.

храмѣ Воскресенія, какъ намъ не разъ приходилось слышать, прекрасный, стройный хоръ [1]).

---

[1]) Забота Общества о духовныхъ нуждахъ паломниковъ этимъ не ограничивается. Оно организуетъ паломническіе караваны ко св. мѣстамъ на свой счетъ, издаетъ путеводители, и т. п. Вообще на нужды паломниковъ Общество тратитъ самый большой процентъ изъ своихъ средствъ. Такъ, въ одно изъ послѣднихъ лѣтъ съ каждаго расходуемаго рубля на паломниковъ Общ. тратило 36 копеекъ, тогда какъ на поддержаніе православія всего 29 коп. (остальныя деньги идутъ на изданія Общества—7 коп., сборъ пожертвованій—8 коп., общіе расходы—20 к.). Это

Послѣ осмотра Русскихъ построекъ, часть студентовъ уѣхала на Елеонскую гору, въ русскій домъ, гдѣ и ночевала; другіе пошли въ городъ за покупками, третьи усѣлись за дневники или разбрелись по саду, наслаждаясь прохладною Іерусалимскою ночью. По обширному двору около величественнаго пятиглаваго собора прогуливаются монахи миссіи; около больницы виднѣются хорошо знакомыя всѣмъ русскимъ фигурки „сестеръ милосердія“ въ бѣлыхъ платкахъ на головѣ и съ крестомъ на груди; среди двора рѣзвятся и бѣгаютъ дѣти служащихъ на русскихъ постройкахъ; а около общихъ палатъ для паломниковъ,—кто на преступочкахъ, а кто и прямо на землѣ,— сидятъ русскіе мужики и бабы въ своихъ оригинальныхъ и совершенно неподходящихъ къ здѣшнему климату костюмахъ, наслаждаясь прохладою ночи и созерцая ярко мерцающія въ далекой выси неба звѣзды, быть можетъ, тѣже самыя, которыя свѣтили во дни земной жизни Спасителя; а изъ оконъ подворья несется тихое, стройное духовное пѣніе поклонниковъ, собравшихся на „чтеніе о Святой Землѣ“.

30-е Іюня. Пятница. Поѣздка въ Горнюю. У стѣны плача. Ночь въ храмѣ Воскресенія.

Встали мы сегодня довольно рано, чтобы ѣхать въ Горнюю, гдѣ появился на свѣтъ Величайшій изъ рожденныхъ женами, Креститель Христовъ Іоаннъ, и гдѣ гостила въ домѣ праведной Елизаветы Божія Матерь, носившая во утробѣ своей Сына.

Въ Горнюю мы спѣшили, чтобы въ русскомъ храмѣ во имя Казанской Божіей Матери выслушать божественную литургію и молебенъ, который намѣренъ былъ служить Преосвященный. Горняя недалеко отъ Іерусалима, на разстояніи менѣе часу ѣзды по хорошей шоссейной дорогѣ.

Послѣдняя бѣжитъ среди зеленѣющей долины, среди садовъ съ апельсинными, лимонными, гранатовыми и абрикосовыми деревьями и среди огородовъ, наполненныхъ арбузами, помидорами, баміями, огурцами, чеснокомъ, лукомъ, бакла-

---

обстоятельство безъ сомнѣнія имѣетъ нѣкоторое вліяніе на увеличеніе паломниковъ, число которыхъ за $^{1899}/_{900}$ годъ достигло небывалой ранѣе цифры въ 10,809 человѣкъ.

жанами и тому подобными созрѣвающими плодами. Къ самой дорогѣ жмутся неприхотливые кактусы и посѣдѣвшія отъ пыли маслины, обильно увѣшанныя плодами, составляющими любимое кушанье мѣстнаго населенія. Долина перерѣзывается горами, поднимающимися террасами. На одной изъ такихъ террасъ и раскинулось небольшое селенье, опоясанное зеленымъ кольцомъ садовъ и виноградниковъ, Айнъ-Каримъ, по преданію, евангельская Горняя, мѣсто родины Іоанна Крестителя и свиданія Пресв. Дѣвы Маріи съ Елизаветою. Правда, среди ученыхъ существуютъ разногласія о такомъ важномъ историческомъ значеніи этого мѣста и соединенныхъ съ нимъ священныхъ воспоминаній. Говорятъ, что упомянутыя евангельскія событія происходили не здѣсь, а въ городѣ Іуттѣ, на югѣ отъ Хеврона. Этого мнѣнія, между прочимъ, очень настойчиво придерживается и извѣстный Востоковѣдъ преосв. Порфирій Успенскій [1]). Но такъ какъ са-

---

[1]) Преосв. Порфирій въ доказательство своего мнѣнія приводитъ слѣдующія соображенія: 1. Захарія, какъ священникъ, по Закону Моисееву, долженъ былъ жить и жилъ въ одномъ изъ городовъ левитскихъ. А въ спискѣ сихъ городовъ не находится города Іуды. 2. Въ Евангеліи св. Луки читаемъ: *вставши Маріамъ во дни тыя, иде въ Горняя со тщаніемъ, во градъ іудовъ: и вниде въ домъ Захаріинъ*, и проч, (Лук. 1, 39—40). Изъ сихъ словъ видно, что Горняя не есть самый городъ Іуды, а географическая мѣстность, гдѣ находился сей городъ. Что же такое Горняя? Гдѣ эта мѣстность? И существовалъ ли левитскій городъ Іуда въ горней мѣстности?—а) Славянское слово „въ Горняя", соотвѣтствующее греческому: *εἰς τὴν ὀρεινήν*, означаетъ не городъ, а цѣлую горную мѣстность, страну, землю, и въ связи съ другими словами надобно понимать, что Маріамъ пошла въ горную страну, туда, гдѣ находился тотъ городъ, въ которомъ жилъ Захарія. б) Изъ 15-й гл. книги І. Навина, въ которой подробно описанъ участокъ земли, данный во владѣніе племени Іудину, видно, что вся область сего племени раздѣлялась на три части: на пустынную, напольную и горную. Горная была въ нагорной выси отъ предѣловъ Идумеи, съ юга въ прямой линіи до Іерусалима на сѣверъ. Въ сію-то горнюю часть Іудеи пошла изъ Назарета Пренепорочная Дѣва. в) Въ сей нагорной части нѣкоторые города отданы были левитскому племени для жительства; въ числѣ ихъ считается городъ *Іетта* по славянскому переводу, Іутта по еврейскому подлиннику. Въ семъ-то городѣ и жилъ священникъ Захарія. Ибо въ Евангеліи Луки ясно сказано, что Маріамъ пошла *εἰς τὴν πόλιν Ἰούδα*. Здѣсь вмѣсто Греческой буквы *τ* поставлена *δ*. Если бы евангелистъ разумѣлъ подъ словомъ *Іуда* патріарха Іуду, то онъ поставилъ бы членъ и написалъ бы: *εἰς τὴν πόλιν τοῦ Ἰούδα*. Итакъ, очевидно, надобно понимать слова евангелиста слѣдующимъ

мымъ вѣрнымъ хранителемъ памяти о священныхъ мѣстахъ въ Святой Землѣ являются мѣстныя преданія, часто подтверждаемыя новѣйшими изслѣдованіями, то есть основаніе предполагать, что мѣстомъ рожденія Крестителя былъ теперешній Айнъ-Каримъ, который преданіе называетъ евангельскимъ именемъ. Въ самое послѣднее время, впрочемъ, это предположеніе находитъ для себя и научную почву. Знатокъ Іерусалимскихъ древностей, археологъ Шикъ, относящійся вообще скептически ко всякимъ преданіямъ, послѣ обстоятельнаго изслѣдованія мѣстоположенія и памятниковъ Аинъ-Карима, пришелъ къ тому убѣжденію, что это мѣсто и было дѣйствительно родиною Крестителя. „Ни Хевронъ, говоритъ онъ [1]), ни Ютта не могли быть мѣстомъ жительства родителей Іоанна Крестителя; обиталище ихъ слѣдуетъ искать въ сердцѣ Іудеи, вблизи Іерусалима". Такимъ мѣстомъ онъ и считаетъ Айнъ-Каримъ, преданіе о евангельскомъ значеніи котораго, по его мнѣнію, гораздо древнѣе времени крестоносцевъ и относится ко временамъ древней церкви. Вообще, „и названіе, и исторія, и преданіе, и самое мѣстоположеніе, говоритъ онъ, неоспоримо свидѣтельствуютъ, что родиною Предтечи былъ Айнъ-Каримъ".

Спустившись съ горы, мы остановились у колодезя Божіей Матери. Тутъ царило большое оживленіе: множество арабокъ съ кувшинами на плечахъ, то идущихъ къ источнику, то возвращающихся отъ него, толпа мальчишекъ, обступившихъ насъ съ возгласами: „бакшишъ, бакшишъ", остановившіеся тутъ караваны верблюдовъ и ословъ,—все это представляло пеструю, оживленную картину, весьма любопытную

образомъ: Маріамъ иде въ городъ Іуду =Іутту. Посему и въ славянскомъ переводѣ надобно разумѣть слова *городъ Іудовъ* не такъ, что этотъ городъ былъ городъ Іудовъ. г) Въ 15 й главѣ книги Іисуса Навина хотя и упоминается *Каремъ* въ числѣ горныхъ городовъ Іудеи, но онъ не былъ священническимъ городомъ. Посему въ эн-Каремѣ неудобно искать жилища Захаріи. д) Понынѣ сохранился городъ *Іутта—Іуда*. Онъ находится за Хеврономъ, и въ немъ есть развалины древняго храма. По мнѣнію Преосв. Порфирія. эн-Каремскій монастырь есть ни болѣе ни менѣе, какъ простая обитель во имя Іоанна Предтечи, замѣчательная красивымъ мѣстоположеніемъ и убранствомъ храма. (Книга Бытія, ч. 2, 292—294).

[1]) О Горней, ст. Шика, Сообщ. Имп. Прав. Пал. Общ. 99 г. Сент. Окт. 586 стр. и слѣд.

и интересную. Но вотъ издали донесся гармоническій трезвонъ колоколовъ. Это привѣтъ Преосвященному, раздающійся съ колокольни женской общины, находящейся на склонѣ противоположной горы. Поднимаемся по ней, и глазамъ нашимъ представляется умилительное зрѣлище: множество сестеръ-инокинь вышло изъ монастыря во срѣтеніе Преосвященному съ пѣніемъ тропаря Казанской Божіей Матери: „Заступнице усердная“... При пѣніи этого тропаря Преосвященный вошелъ въ храмъ, гдѣ, послѣ обычной встрѣчи, сказана была имъ рѣчь „о заступничествѣ Божіей Матери“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Преосвященный, имѣя въ виду недавнія неурядицы, происходившія въ этой общинѣ, увѣщевалъ обитательницъ ея жить въ мирѣ и повиновеніи властямъ. Затѣмъ началась литургія, которую совершалъ іеромонахъ миссіи при пѣніи хора сестеръ. За литургіею, кромѣ насъ, присутствовали сестры, многіе изъ мѣстныхъ жителей, и даже пришедшіе изъ Іерусалима, совершенно наполнившіе небольшой, но уютный храмъ. По окончаніи литургіи Преосвященный, въ сослуженіи сопутствовавшаго ему духовенства, торжественно совершилъ молебствіе Божіей Матери, во время котораго читалось евангеліе, напоминающее о событіи, совершившемся въ данной мѣстности. Послѣ молебна о. Начальникъ миссіи пригласилъ насъ въ странноприимный домъ, гдѣ старицы угостили насъ чаемъ и постною трапезою.

Отблагодаривъ стариць за радушный пріемъ и пожелавъ процвѣтанія возникающей ихъ обители, мы отправились въ сосѣднюю католическую церковь, устроенную, по преданію, на мѣстѣ рождества Предтечи Господа, Іоанна Крестителя. Эта церковь, принадлежащая францисканскому монастырю, построена первоначально въ 1621-мъ году. Церковь—большая, трехпрестольная, но очень мало сохранила остатковъ старины; она возобновлена въ новѣйшемъ стилѣ, расписана прекрасною живописью; въ одномъ изъ придѣловъ находится та пещера, въ которой, по преданію, родился Креститель Христовъ. Въ нее ведутъ 8-мь мраморныхъ ступеней. Внутри нея также все украшено мраморомъ и дорогими тканями. Самое мѣсто рожденія Предтечи, какъ и въ Виѳлеемѣ, обозначено звѣздою съ надписью: „Hic praecursor Domini natus est“. Отсюда же невдалекѣ видны и развалины четыреугольнаго зданія, по преданію—храма, бывшаго на мѣстѣ

свиданія Пресв. Дѣвы съ праведною Елизаветою. И это мѣсто также принадлежитъ католикамъ, которые свили себѣ здѣсь прочное гнѣздо, чуть-ли не со временъ крестоносцевъ, для пропаганды католичества.

Въ 70-хъ годахъ истекающаго столѣтія на это было обращено вниманіе зорко слѣдившаго за всѣмъ незабвеннаго архим. Антонина. Онъ рѣшилъ здѣсь основать женскую обитель, которая служила бы противовѣсомъ католической пропагандѣ. Частію самимъ о. Архимандритомъ, частію-же другими русскими, пожелавшими провести остатки дней въ Палестинѣ, не смотря на сильное противодѣйствіе католиковъ, были пріобрѣтены постепенно участки земли, недалеко отъ католическаго владѣнія и, такимъ образомъ, образовались обширныя русскія владѣнія въ Горней, съ садами и виноградниками, почти кругомъ опоясавшія католическія владѣнія. На пріобрѣтенныхъ участкахъ о. Архимандритъ позволилъ строить дома и селиться женщинамъ, желающимъ жить и подвизаться въ Палестинѣ, не стѣсняя ихъ какими-нибудь особыми формальностями. Такимъ образомъ въ Горней возникъ цѣлый русскій поселокъ, насчитывающій нѣсколько десятковъ домовъ. Самъ же о. Антонинъ выстроилъ здѣсь прекрасный двухъэтажный страннопріимный домъ, а затѣмъ и церковь во имя „Казанской Божіей Матери“. Жившія же въ Горней женщины, не давая никакихъ монашескихъ обѣтовъ, по его иниціативѣ, организовали полу-монашескую общину, принявшую нѣкоторыя правила иноческой жизни и поставившую себя въ подчиненіе русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ. Послѣднее обстоятельство, по смерти архимандрита Антонина, едва не послужило поводомъ къ уничтоженію новой монашеской общины, въ виду возникшаго между миссіей, консульствомъ и общиной конфликта, ко вреду русскаго дѣла въ Палестинѣ.... Теперь, кажется, при нынѣшнемъ миролюбивомъ и тактичномъ Начальникѣ миссіи, конфликтъ устраненъ. И дай Богъ, чтобы личные счеты и „вопросъ о привилегіяхъ“ стояли тутъ на второмъ планѣ....

Осмотрѣвъ все достойное вниманія въ Горней и насладившись прекраснымъ мѣстоположеніемъ ея и восхитительными видами, открывающимися изъ нея на окрестности, мы, провожаемые сестрами обители, при красномъ звонѣ колоколовъ въ честь Преосвященнаго, отправились обратно тѣмъ же

путемъ въ Іерусалимъ, гдѣ намъ оставалось пробыть еще два дня, такъ какъ на понедѣльникъ былъ назначенъ отъѣздъ въ Назаретъ.

Сегодня пятница—день плача евреевъ у древней стѣны Іерусалима. Нужно было воспользоваться случаемъ увидѣть это необычайное и единственное въ своемъ родѣ явленіе. Поэтому послѣ вечерняго чаю мы и отправились in corpore въ сопровожденіи нашихъ руководителей къ „стѣнѣ плача“ черезъ весь городъ.

Іерусалимъ, съ которымъ всѣ изъ насъ болѣе или менѣе уже познакомились, ежедневно отправляясь сюда или за покупками, или для наблюденія за жизнью и нравами, по внѣшнему виду является чрезвычайно оригинальнымъ городомъ. Если Палестина вообще является страною камня, то Іерусалимъ, по справедливости, можно назвать каменнымъ городомъ. Заключенное въ массивныя каменныя стѣны, съ зубчатыми башнями по угламъ, небольшое пространство города [1]) сплошь наполнено камнемъ: здѣсь каменные дома и каменныя мостовыя; ни зелени, ни деревца не видно на узкихъ, кривыхъ и неровныхъ улицахъ города. Каменные дома жмутся другъ къ другу или тянутся вверхъ, выступая одинъ надъ другимъ и загораживая свѣтъ Божій. Присутствія здѣсь величайшихъ христіанскихъ святынь почти не видно издали. Господствующая, магометанская религія гордо поднимаетъ здѣсь свою голову. Въ то время, какъ куполъ храма Гроба Господня совершенно теряется среди окружающихъ его пристроекъ, мечеть Омара величественно подняла свою главу и ея грандіозный куполъ дѣйствительно виденъ со всѣхъ сторонъ въ Іерусалимѣ, и даже изъ ближайшихъ окрестностей его,—днемъ, когда золотой лучъ солнца играетъ на рогахъ высящагося надъ куполомъ полумѣсяца, и вечеромъ, когда серебритъ его лунный свѣтъ. Не слышно въ Іерусалимѣ и звона христіанскихъ колоколовъ, тогда какъ завыванія муэдзиновъ, призывающихъ правовѣрныхъ съ высоты своихъ минаретовъ къ молитвѣ, далеко разносятся по городу. Одно во внѣшней физіономіи Іерусалима даетъ знать, что мы имѣемъ дѣло съ необыкновеннымъ турецкимъ городомъ,—это чрезвычайное разнообразіе состава

[1]) Весь городъ кругомъ можно обойти въ одинъ часъ.

его населенія. „Нигдѣ въ цѣломъ свѣтѣ, справедливо говоритъ знатокъ Палестины В. Н. Хитрово, (Сообщ. Имп. Прав. Пал. Общества, октябрь, 98 г. Письма о Св. Землѣ) не найдемъ мы такого уголка, какъ Іерусалимъ, гдѣ, какъ-бы въ большомъ караванъ-сараѣ, сталкивались не только простые представители всего міра, но и фанатическіе представители всѣхъ убѣжденій и вѣрованій". Лица всѣхъ національностей, и не національностей только, а всѣхъ расъ и цвѣтовъ встрѣчаются на каждомъ шагу на улицахъ Іерусалима. Азія

Феллахъ. Изъ Іерусалимскихъ типовъ.

и Европа, Африка и Америка имѣютъ здѣсь своихъ представителей. Представители всевозможныхъ національностей прочно осѣли въ Іерусалимѣ, который іеговисты—евреи, мусульмане—турки, христіане-арабы считаютъ *своимъ* роднымъ городомъ,—на что въ послѣднее, особенно, время вы-

сказываютъ притязаніе и другіе европейскіе народы, пріобрѣтающіе тамъ землю и строющіе дома. Такая разнокалиберность населенія вліяетъ на внѣшнюю физіономію города. Часто здѣсь рядомъ съ восточнымъ домомъ феллаха высятся палаты какого нибудь англиканскаго пріюта для дѣтей; а рядомъ съ подваломъ бѣднаго еврея—дворецъ францисканскихъ монаховъ, и т. п. Въ то же время коренные обитатели Іерусалима подѣлили его на участки или кварталы, изъ которыхъ каждый имѣетъ болѣе или менѣе своеобразную физіономію. Такихъ обширныхъ кварталовъ здѣсь насчитывается пять: православный, католическій, армянскій, магометанскій и еврейскій. Собственно весь городъ, являющійся почти правильнымъ четыреугольникомъ, прямою улицею отъ Дамасскихъ до Сіонскихъ воротъ, идущею съ сѣвера на югъ, дѣлится на двѣ половины: западную и восточную, или—христіанскую и мусульманско-еврейскую. Въ сѣверной части восточной половины, между Дамасскими и Яффскими воротами, близъ храма Гроба Господня, сгруппировались православные и католики; въ южной части, между Яффскими воротами и Сіонскими, по преимуществу, армяне. Восточная половина Іерусалима также раздѣляется по населенію на двѣ части: южную часть ея отъ Сіонскихъ воротъ до юго-восточнаго края площади горы Моріа заселили евреи, въ сѣверной же части этой половины, вблизи Кубетъ-эсъ-Сахра, по преимуществу, живутъ магометане. Каждый изъ этихъ кварталовъ имѣетъ свою физіономію. Въ срединѣ между этими четырьмя кварталами помѣстился центральный базаръ, объединяющій всѣ національности и вѣроисповѣданія.

Дойдя до Яффскихъ воротъ, мы свернули налѣво и мимо „Замка Давида“ вошли въ еврейскій кварталъ, грязнѣе и бѣднѣе котораго трудно себѣ представить какое-нибудь человѣческое поселеніе въ другомъ городѣ. Это объясняется, вѣроятно, кромѣ вообще свойственной евреямъ нечистоплотности, и чрезвычайною скученностью здѣсь населенія. Еще недавно число евреевъ въ Іерусалимѣ было очень не велико, теперь же оно разрослось до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, и годъ отъ году все увеличивается. Сюда ѣдутъ и евреи-сіонисты, мечтающіе о возрожденіи царства Израильскаго на развалинахъ Іерусалима, и просто евреи, вѣрные завѣтамъ предковъ и желающіе сложить свои кости въ

Іосафатовой долинѣ, гдѣ, по ихъ вѣрованію, произойдетъ страшный Судъ. Итти приходилось чрезвычайно узкими и кривыми улицами или переулками, иногда довольно долго, мимо громадныхъ каменныхъ стѣнъ какихъ нибудь домовъ. Сворачивая постоянно то направо, то налѣво, въ концѣ концовъ мы попали въ какой то тупикъ, биткомъ набитый народомъ. Это и есть знаменитая стѣна плача. Она является западною частью стѣны двора мечети Омара—Кубетъ-эсъ-Сахра, въ которой (стѣнѣ), по преданію, сохранились камни Соломонова храма. Трудно, конечно, сказать, дѣйствительно-ли эти камни принадлежатъ храму Соломонову, но, по свидѣтельству археологовъ, они очень древни; да и внѣшній видъ этихъ невѣроятно-громадныхъ, поросшихъ мохомъ и изъѣденныхъ временемъ камней, говоритъ объ ихъ очень почтенной древности. У этой то стѣны и совершаютъ евреи свой обрядъ плача по погибшему величію Израиля. Каждый день у стѣны храма можно встрѣтить около десятка плачущихъ евреевъ. Съ открытою книгою въ рукахъ они стоятъ, обыкновенно, лицемъ къ стѣнѣ, мѣрно качая головою и причитывая монотонно-заунывнымъ голосомъ или бормоча что-то себѣ подъ носъ. У одного изъ нихъ въ рукахъ кружка, съ которою онъ время отъ времени обходитъ приходящихъ посмотрѣть на это зрѣлище, зорко наблюдая за новоприбывающими. Сегодня, какъ и всегда по пятницамъ, плачъ евреевъ у стѣны принимаетъ болѣе широкіе размѣры. Евреевъ у стѣны сегодня собралась не одна сотня; здѣсь есть мущины, женщины и дѣти даже; всѣ они обратились къ стѣнѣ, мѣрно качаются взадъ и впередъ головою и причитываютъ. Собственно пѣсни плача теперь читаетъ одинъ, завѣдующій молитвою, раввинъ, уткнувшійся головою въ стѣну, а остальная толпа только повторяетъ „мы сидимъ здѣсь и плачемъ“, въ отвѣтъ на слова раввина, вспоминающаго былое. А раввинъ вспоминаетъ о дворцѣ и храмѣ, которые разрушены, о срытыхъ стѣнахъ, о прошедшемъ величіи, о погибшихъ великихъ людяхъ [1]). По

[1]) Вотъ текстъ „плача“ по передачѣ его у о. Анисимова „Путевыя Записки, ст. 445.

Предстоятель говоритъ:

„Ради чертоговъ, которые разрушены,

„Ради храма, который разоренъ,

Къ 314 стр.

Стѣна плача.

временамъ его причитанія прерываются всхлипываніями, преимущественно, женщинъ, закутавшихся съ головы до ногъ въ бѣлыя чадры. Свѣжему, впечатлительному человѣку тяжко простоять здѣсь долго при этихъ завываніяхъ....

Пятничное моленье окончилось общимъ пѣніемъ, не особенно стройнымъ, но за то воодушевленнымъ, невольно захватывающимъ вниманіе и заставляющимъ задумываться о необыкновенной судьбѣ этого народа, разсѣяннаго, гонимаго, но сохраняющаго свою самобытность и надежду на лучшее будущее....

Насмотрѣвшись вдоволь на оригинальное зрѣлище плача, мы тѣми-же улицами возвратились на русскія постройки чрезъ Яффскія ворота, у которыхъ, какъ всегда, чрезвычайное оживленіе. Не смотря на усиленныя зазыванія лавочниковъ, мы тутъ не останавливались, а торопились къ себѣ домой, чтобы отдохнуть, такъ какъ ночь на субботу предполагали провести въ храмѣ Гроба Господня, гдѣ Преосвященный вмѣстѣ съ прочимъ духовенствомъ получилъ отъ Патріарха разрѣшеніе совершать богослуженіе.

Іюля 1-го. Суббота. Служба въ храмѣ Воскресенія. На Сіонѣ. Въ обители Св. Саввы.

Подобно перво-христіанамъ, сегодняшній день мы начали съ вечера, отправившись послѣ 8 часовъ въ храмъ Гроба Господня, который, вскорѣ послѣ нашего прихода, турецкая стража заперла на замокъ. Провести ночь въ храмѣ Гроба Господня—значитъ выслушать богослуженіе, которое здѣсь, по примѣру перво-христіанской церкви, совершается всегда по ночамъ. И многіе изъ насъ уже не одну ночь провели въ храмѣ Гроба Господня, присутствуя за богослуженіемъ. Сегодня-же въ храмѣ Гроба Господня мы собрались всѣ вмѣ-

---

„Ради стѣнъ, которыя разбиты,
„Ради величія нашего погибшаго,
„Ради великихъ мужей, павшихъ здѣсь,
„Ради драгоцѣнныхъ предметовъ нашихъ, сожженныхъ здѣсь,
„Ради священниковъ нашихъ, согрѣшившихъ здѣсь,
„Ради царей нашихъ, пренебрегшихъ это святилище....
Толпа за каждой строчкой причитаетъ: „мы сидимъ здѣсь и плачемъ.“

стѣ, такъ какъ Преосвященный намѣренъ былъ совершить богослуженіе, за которымъ, по существующему благочестивому обычаю паломниковъ, мы приготовились причаститься Св. Христовыхъ Тайнъ.

Едва-лишь мы вошли въ храмъ, какъ поджидавшая насъ турецкая стража закрыла его двери и храмъ сразу погрузился въ полумракъ, сообщившій ему какое то особенно-таинственное величіе. Трепетныя тѣни мерцавшихъ лампадъ побѣжали во всѣ стороны по обширному храму. Здѣсь уже было много народу. Слухъ о томъ, что въ храмѣ Гроба Господня будетъ совершать богослуженіе русскій Архіерей—явленіе крайне рѣдкое здѣсь—быстро разнесся по Іерусалиму и его окрестностямъ, а потому въ храмѣ сегодня собрались не только всѣ русскіе паломники, проживающіе въ Іерусалимѣ, но многіе и изъ мѣстныхъ жителей, и изъ ближайшихъ окрестностей Іерусалима.

По заведенному издавна порядку, православное богослуженіе въ храмѣ Гроба Господня начинается обыкновенно всенощнымъ бдѣніемъ, которое совершается послѣ 9 часовъ на Голгоѳѣ; литургія-же начинается ровно въ 12 часовъ ночи на Гробѣ Господнемъ. Такъ было и сегодня. Около 9 часовъ изъ пріемной настоятеля Свято-гробскаго Братства, о. Евѳимія, мы поднялись на Голгоѳу. О. Анастасій и о. архидіаконъ облачились въ священныя одежды, нѣсколько отличающіяся покроемъ отъ нашихъ, и у престола, поставленнаго надъ Голгоѳскою скалою, съ благословенія Владыки, начали богослуженіе. Народъ сталъ здѣсь-же рядомъ съ священнодѣйствующими, тѣснымъ кольцомъ окружая ихъ. Съ правой стороны на архіерейскомъ мѣстѣ сталъ одинъ изъ присутствовавшихъ въ храмѣ митрополитовъ. Составилось два хора: одинъ изъ студентовъ вмѣстѣ съ профессорами, Преосвященнымъ и пѣвчими миссіи, другой-греческій. Народъ, преимущественно женщины, стоявшій тѣсною толпою за нами, сначала подтягивалъ нашему хору въ полъ-голоса, затѣмъ запѣлъ громко, — образовался, такимъ образомъ, большой хоръ, могучее пѣніе котораго далеко разносилось подъ сводами громаднаго храма и казалось очень стройнымъ, особенно по сравненію съ монотонно-заунывнымъ греческимъ пѣніемъ. Шестопсалміе и канонъ читалъ самъ Преосвящен-

ный. Величіе обстановки, торжественность богослуженія, стройное, воодушевленное пѣніе производили сильное, потрясающее впечатлѣніе на присутствующихъ. Среди гробовой тишины храма по временамъ раздавались рыданія молящихся, особенно во время чтенія о страданіяхъ Спасителя, духъ Котораго незримо виталъ надъ этимъ мѣстомъ. Изображеніе Висящаго на Крестѣ во весь ростъ стояло предъ нашими глазами, съ глубоко скорбными изображеніями Богоматери, съ одной стороны, и—Іоанна Богослова, съ другой, залитыми, словно солнцемъ, свѣтомъ многочисленныхъ лампадъ.

Чисто греческихъ особенностей богослуженіе, совершавшееся русскими священно-служителями, не имѣло; то же, что отличало его отъ обыкновеннаго служенія, обусловливалось мѣстомъ богослуженія. Такъ, напримѣръ, народъ, даже женщины, все время стоялъ около самаго престола; евангеліе читалось не обычное, а повѣствующее о распятіи Христа на Голгоѳѣ; Канонъ былъ Великой Субботы:„Волною морскою“... По окончаніи всенощнаго бдѣнія, Преосвященный читалъ акаѳистъ страстямъ Господнимъ, затѣмъ правило къ причастію. Въ то же время мы исповѣдывались у о. архимандрита Александра, Начальника миссіи, у голгоѳскаго престола. Паломники, присутствовавшіе за всенощнымъ бдѣніемъ, по окончаніи его, разошлись до начала литургіи по разнымъ закоулкамъ храма на отдыхъ. Одни изъ нихъ сѣли или легли прямо на полъ, другіе—на принесенныя съ собою подушки и подстилки. Подобный способъ отдыха при большомъ скопленіи паломниковъ, по наблюденію еще доктора Елисѣева, подтверждаемому и новѣйшими путешественниками, ведетъ къ безпорядкамъ, оскорбляющимъ святость и величіе мѣста. Мы переждали краткій промежутокъ до начала литургіи въ пріемной у о. Евѳимія.

Ровно въ полночь раздался рѣзкій звонъ колоколовъ на греческой колокольнѣ, помѣщающейся тутъ же, въ храмѣ. Въ храмѣ началось оживленіе. Поднялись на ноги русскіе паломники. Откуда-то появились католическіе, армянскіе, абиссинскіе, коптскіе монахи, собирающіеся совершать свое богослуженіе. Гдѣ-то звучно загудѣлъ органъ. Заклубился кадильный дымъ. Кувуклій освѣтился сотнею огней. Преосвященный вмѣстѣ съ прочимъ русскимъ духовенствомъ от-

правился въ алтарь храма Воскресенія, гдѣ совершено было облаченіе священно-служителей, во время котораго проф. Н. Ѳ. Каптеревъ прочиталъ часы. Изъ алтаря храма Воскресенія Преосвященный въ полномъ архіерейскомъ облаченіи, въ сопровожденіи о. архимандрита Александра, пяти священниковъ, протодіакона и нѣсколькихъ діаконовъ, несшихъ евангеліе и священные сосуды въ рукахъ, въ предшествіи свѣтильниковъ, отправился въ Кувуклію, гдѣ на Гробѣ Господнемъ [1]) была имъ совершена божественная литургія по славянски. Пѣніе было исключительно русское: пѣли мы при участіи пѣвчихъ миссіи. Это русское богослуженіе при Гробѣ Господнемъ, совершенное русскимъ архіереемъ, въ сослуженіи русскихъ священнослужителей, несомнѣнно, весьма знаменательно и отрадно въ смыслѣ перемѣны отношеній грековъ къ русскимъ. Мы уже упоминали, какъ, лѣтъ десять—пятнадцать тому назадъ, бывшій патріархъ Никодимъ, произносившій во время богослуженія нѣкоторые возгласы по-русски, возбудилъ противъ себя бурю негодованія со стороны грековъ, обвинявшихъ его въ нарушеніи древнихъ священныхъ традицій и подозрѣвавшихъ, что онъ подкупленъ русскими (см. Сообщ. Имп. Пр. Пал. Общества). Теперь-же вошло въ обычай произносить нѣкоторые возгласы и читать евангеліе и апостолъ по гречески, арабски и русски; но разрѣшать служить въ храмѣ Воскресенія однимъ русскимъ священникамъ, греки до сихъ поръ избѣгали. Сегодня-же совершалось у Гроба Господня чисто русское богослуженіе. Не удивительно поэтому, что многіе изъ паломниковъ, долго живущихъ въ Іерусалимѣ и слушавшихъ обычно мало понятное для нихъ богослуженіе, теперь плакали отъ умиленія. Апостолъ и евангеліе были прочитаны по гречески и по-русски. По русски прочиталъ Апостолъ В. Н. М-цынъ. Во время великаго выхода священнослужители вышли изъ Кувуклiи и обошли ее кругомъ. Вмѣсто причастнаго стиха пѣли: „Да воскреснетъ Богъ“. Затѣмъ мы всѣ сподобились Божественнаго Источника жизни—тѣла и крови Христовой — тамъ, гдѣ Онъ преданъ за

---

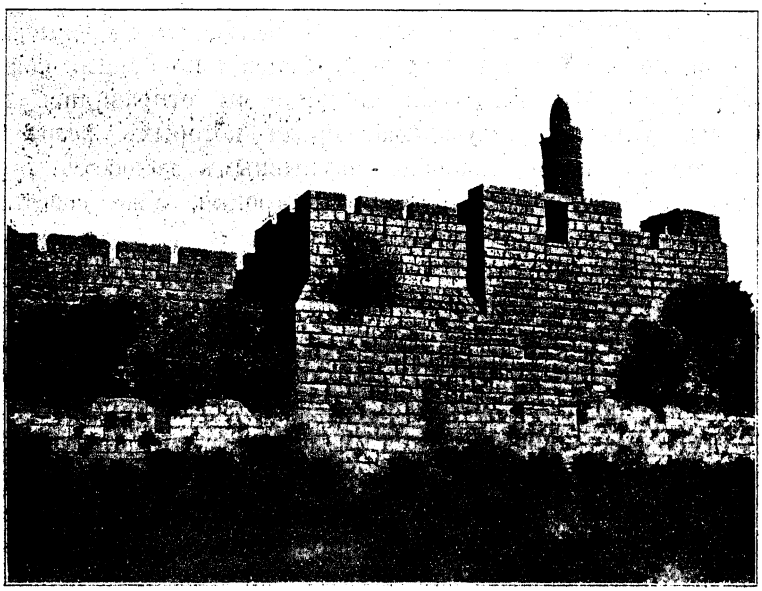
[1]) Собственно Литургія была совершена въ придѣлѣ Ангела, такъ какъ при Гробѣ, въ виду слишкомъ малаго пространства, соборное служеніе невозможно. Гробъ Господень служилъ жертвенникомъ.

грѣхи міра. Забудутся-ли эти священныя минуты во всю жизнь? Не можемъ-ли мы считать себя счастливѣйшими въ мірѣ?... Около 3 часовъ литургія окончилась, послѣ чего мы зашли въ келлію о. Евѳимія, гдѣ радушнымъ хозяиномъ предложено было намъ для подкрѣпленія по чашкѣ кофе. Скоро турки отперли двери храма и мы отправились по пустымъ улицамъ Іерусалима, среди которыхъ встрѣчались только нищіе, жалобно-заунывнымъ голосомъ просившіе милостыню, на русскія постройки. Уже совсѣмъ стало свѣтло, когда мы прибыли туда.

Часовъ въ семь утра часть наиболѣе неутомимыхъ студентовъ во главѣ съ о. Анастасіемъ, верхомъ на ослахъ, отправилась въ лавру св. Саввы—древнѣйшую монашескую обитель и замѣчательнѣйшую по строгости иноческихъ правилъ, отстоящую отъ Іерусалима на разстояніи трехъ часовъ пути (15-ть верстъ). Другая часть студентовъ провела день въ Іерусалимѣ, торопясь, до отъѣзда въ Назаретъ, осмотрѣть всѣ чѣмъ-нибудь замѣчательные, но не осмотрѣнные еще, уголки города. Между прочимъ сегодня посѣтили и Сіонъ, столь богатый ветхо-завѣтными и ново-завѣтными священными воспоминаніями, какъ и бѣдный историческими памятниками.

Къ Сіону мы отправились тою же дорогою, какою шли къ стѣнѣ плача, именно—мимо Яффскихъ воротъ. Первою историческою достопримѣчательностію на пути къ Сіону является „Замокъ Давида“, который стоитъ на мѣстѣ крѣпости Іевусеевъ. Она была столь неприступна, что Израильтяне, по завоеваніи Іерусалима, не могли одолѣть ея въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, пока, наконецъ, не взялъ ее приступомъ Давидъ, основавшій здѣсь свою новую резиденію, которую онъ и укрѣпилъ еще болѣе. „Замокъ Давида“ и теперь служитъ цитаделью, въ которой турки держатъ свой гарнизонъ и военные склады. Снаружи онъ и теперь представляетъ очень внушительное сооруженіе изъ цѣлаго ряда стѣнъ и бойницъ, среди которыхъ возвышается главная башня, выступающая изъ линіи стѣнъ и поднимающая свои зубцы высоко надъ городомъ. Тутъ, говорятъ, и жилъ царь Давидъ. Сюда мы не заходили, такъ какъ входъ сопряженъ съ большими трудностями. Но бывавшіе тамъ говорятъ, что указываемое нынѣ жилище царя скорѣе напо-

минаетъ темницу для преступниковъ, чѣмъ роскошныя царскія палаты. Указываютъ тутъ и окно, у котораго



Башня Давида.

стояло сѣдалище царя, когда онъ судилъ народъ свой, а также и площадку, съ которой онъ увидѣлъ купающуюся Вирсавію. Прудъ этотъ, говорятъ, уцѣлѣлъ и до сихъ поръ.... Недалеко отъ него находится и Сіонъ, къ которому мы отсюда и направились, выйдя Сіонскими воротами, такъ какъ Сіонъ почему-то находится внѣ стѣнъ города, какъ бы исключенъ изъ него. Тяжко и подумать это о Сіонѣ, о томъ Сіонѣ, съ которымъ связано такъ много знаменательныхъ событій ветхозавѣтныхъ и первыхъ временъ христіанства. Сіонъ въ умѣ и на языкѣ еврея былъ не только славою и твердынею Израиля, но и мѣстопребываніемъ Іеговы, синонимомъ его собственной силы и славы. Сказать Сіонъ—это значило назвать однимъ словомъ и религію еврея, и исторію еврея. Достаточно вспомнить или прочитать любой изъ псалмовъ Давида, чтобы понять это великое значеніе Сіона.... На Сіонѣ же, во время Христа, совершена Имъ тайная вечеря съ учениками и установлено святѣйшее таинство евхаристіи. Тутъ же Духъ Святый сошелъ на Апостоловъ, совершилось

успеніе Божіей Матери, состоялся первый апостольскій соборъ. А теперь, эта „радость всей земли“, гора Сіонъ, на которую царь—поэтъ, пророкъ Давидъ, употреблялъ всѣ свои богатства для украшенія ея, гдѣ и потомъ, во дни Рима, блисталъ своимъ мраморомъ, колоннами и портиками, садами и террасами, великолѣпный дворецъ Ирода Великаго,— теперь однѣ развалины или мрачныя, своеобразныя каменныя зданія, совершенно не напоминающія о быломъ величіи!...

На Сіонѣ самою великою христіанскою святынею является такъ называемая „Сіонская горница“, гдѣ и происходили упомянутыя нами событія во время Христа. Сіонская горница является какъ-бы иллюстраціею той мысли, что надъ Іерусалимомъ до сихъ поръ тяготѣетъ предсказаніе Христа о его разрушеніи. Въ первомъ вѣкѣ христіанства здѣсь, на мѣстѣ тайной вечери, была церковь, первымъ предстоятелемъ которой былъ Іаковъ, братъ Господа; въ четвертомъ вѣкѣ на Сіонѣ воздвигла величественный храмъ св. Елена. Эта церковь, пострадавшая во время завоеванія Іерусалима Турками, была возобновлена крестоносцами; но кресту не суждено было Провидѣніемъ сіять надъ первою христіанскою церковію, надъ домомъ тайной вечери. Въ 1559 году, по приказанію султана Сулеймана, храмъ крестоносцевъ обращенъ въ мечеть; надъ его круглымъ, покрытымъ оловомъ, куполомъ, заблестѣлъ полумѣсяцъ, и въ такомъ видѣ, запущенный и грязный, онъ существуетъ до сихъ поръ, подъ именемъ „гроба Давида“—Наби Даубъ, т. е. пророкъ Давидъ. За приличный бакшишъ, и то послѣ долгихъ переговоровъ и угрозъ Марко, впустилъ насъ сюда страшно свирѣпый турокъ. Эта мечеть въ настоящее время имѣетъ два этажа: нижній—подземный и верхній. Нижній раздѣленъ на двѣ части: первую, гдѣ, по преданію, Христосъ умылъ ноги ученикамъ, и вторую, гдѣ Онъ явился по воскресеніи собравшимся Апостоламъ. Верхній этажъ имѣетъ также двѣ части: въ одной изъ нихъ, по словамъ преданія, происходила тайная вечеря, въ другой—Духъ Святый сошелъ на Апостоловъ. Въ этой части за рѣшеткой находится саркофагъ, покрытый шелковымъ старымъ покрываломъ. Это и есть, согласно преданію, гробъ царя Давида. Мечеть Наби Даубъ слишкомъ запущена и содержится крайне небрежно.

Вскорѣ за Сіонскою горницею начинаются кладбища—пра-

вославныхъ и мусульманъ. Можетъ быть эти жилища мертвыхъ заняли то самое мѣсто, гдѣ въ золотой вѣкъ славнаго Сіона возвышались роскошные дворцы Соломона. Нынѣшнее положеніе Сіона является, такимъ образомъ, какъ бы эмблемою современнаго положенія нѣкогда гордаго и возносившагося до небесъ Израиля....

Отсюда мы возвратились прежнею дорогою. Нашимъ проводникомъ при этомъ указаны были недалеко находящіяся отсюда развалины дома св. Іоанна Богослова, въ которомъ совершилось преславное успеніе Божіей Матери, и мѣсто дома Каіафы, гдѣ теперь стоитъ небольшая Армянская церковь. Отягченные грустными думами о нынѣшнемъ положеніи Сіона, возвратились мы домой и поспѣли на всенощную въ Троицкій соборъ.

Другая же часть студентовъ, отправившихся въ лавру Св. Саввы, возвратилась поздно вечеромъ. Описаніе этой „частной“ экскурсіи, сдѣланное однимъ изъ участниковъ ея, и приводится ниже.

Возвратившись изъ храма Воскресенія въ 5-ть часовъ утра, мы, не смотря на усталость отъ безсонной ночи и понадѣявшись на свои молодыя силы, рѣшили, не теряя времени, скоро, пока еще не наступила жара, отправиться въ обитель Саввы. Перспектива интересной поѣздки прогнала сонъ, начавшій уже было одолѣвать насъ. У воротъ подворья насъ уже ожидали осѣдланные ослики. Освѣживъ свое лицо холодной водой, подкрѣпившись стаканомъ чаю и живо переодѣвшись въ дорожные костюмы, четверо насъ, во главѣ съ о. Анастасіемъ, ровно въ 7 ч. утра, двинулись въ путь. Ѣхали сначала очень тихо, осматриваясь по сторонамъ, и постоянно, съ непривычки, поправляясь на сѣдлахъ. Впереди нашей скромной кавалькады ѣхалъ верхомъ на лошади бравый кавасъ, красавецъ-черногорецъ Христо, въ своемъ живописномъ, національномъ костюмѣ. Шествіе замыкалъ черный мулатъ Ахметка, оборванный, какъ нищій, вооруженный толстой палкой, предназначенной для бѣдныхъ животныхъ, на случай, если они заупрямятся и не пожелаютъ дальше везти своихъ наѣздниковъ. Бѣдный Ахметка! Онъ бѣжалъ за нами всю дорогу, весь вспотѣвшій, запыленный, то и дѣло пуская въ ходъ свою дубину, ударяя ею непослушныхъословъ, колотя ихъ безжалостно, не-

милосердно, не обращая вниманія на стоны, вылетавшіе изъ грудей несчастныхъ животныхъ. Сломивъ объ ихъ спину свою палку, онъ хотѣлъ однажды замѣнить ее тоненькимъ зонтикомъ, принадлежавшимъ одному изъ насъ, но, при первомъ же ударѣ, переломилъ его. И досталось же за это черномазому Ахметкѣ отъ нашего наряднаго, изящнаго Христо....

Тихо, нѣсколько торжественно, какъ и подобаетъ серьезнымъ паломникамъ, проѣзжаемъ мы по улицамъ Іерусалима. Не смотря на ранній часъ, жизнь бьетъ ключомъ. Вотъ, проѣхали мы мимо величественнаго собора русскихъ построекъ, куда звонъ колокола созывалъ въ этотъ часъ богомольцевъ къ обѣднѣ. Богомолки въ своихъ черныхъ люстриновыхъ платьяхъ, съ бѣлыми платками на головѣ, спѣшатъ къ службѣ, останавливаясь на минуту только за тѣмъ, чтобы посмотрѣть на нашу необычную въ это жаркое время года кавалькаду и отвѣсить намъ низкій, поясной поклонъ. Проѣхали мы ворота русскихъ построекъ, вступили въ узенькую улицу, наполненную маленькими лавочками, гдѣ торгуютъ различными священными предметами, какъ-то: крестиками, четками, картинками и другими подобными вещами, которыя русскіе богомольцы покупаютъ на-расхватъ. Въ этихъ магазинчикахъ торговля производится добросовѣстнѣе, чѣмъ въ центрѣ Іерусалима, или въ Виѳлеемѣ, гдѣ алчные торговцы часто запрашиваютъ за вещь неимовѣрно дорого, ловя на эту удочку простодушныхъ покупателей. По опыту мы знаемъ, какъ, напримѣръ, вещь, за которую торговецъ запрашивалъ сорокъ рублей, послѣ продолжительнаго торга, отдавалъ ее покупателю за девять рублей, оставаясь при этомъ все-таки въ барышахъ. И это практикуется постоянно въ этой странѣ, гдѣ восточный человѣкъ за пресловутый бакшишъ радъ бы продать свою душу, если бы у него ихъ было нѣсколько. Безсовѣстность торговцевъ въ Палестинѣ въ дѣлѣ запрашиванія доходитъ до апогея, и это обстоятельство надо имѣть въ виду при покупкѣ различныхъ вещей въ Іерусалимѣ.

Благополучно достигли мы до Яффскихъ воротъ. Надъ воротами находится надпись на арабскомъ языкѣ, звѣзда и полумѣсяцъ,—эмблемы турецкаго владычества. Мы въѣхали въ открытое мѣсто передъ воротами, гдѣ расположились мелкіе торговцы съ своими палатками, ослы съ погонщи-

ками, ожидающими себѣ работы; здѣсь же находится туземная кофейная, противъ которой на низкихъ скамейкахъ возсѣдаетъ множество работниковъ и ремесленниковъ въ красныхъ фескахъ, съ трубкою дымящагося кальяна въ зубахъ. Послѣднее занятіе—любимое у восточныхъ жителей, за которымъ они проводятъ свое праздное время. Праздность особенно развита здѣсь, въ Іерусалимѣ. Эта праздная толпа, апатичная, лѣнивая, медленно бродитъ по узенькимъ улицамъ города, удивляя европейца своею вялостью и своимъ восточнымъ спокойствіемъ, довольная своимъ жалкимъ положеніемъ, исполненная печальной покорности своей судьбѣ. Блуждаютъ эти люди по городу, равнодушные ко всему, что не касается сегодняшняго дня, и попадаютъ, наконецъ, на площадь передъ Яффскими воротами. И здѣсь бродятъ безъ цѣли, безъ интереса, съ равнодушными лицами, молчатъ цѣлыми часами, сидя на корточкахъ, зѣвая на проходящую толпу. Иногда цѣлыми часами стоятъ они здѣсь передъ лавкой мясника, обсуждая достоинство вывѣшенной туши барана съ огромнымъ, сальнымъ курдюкомъ. Они смотрятъ, какъ съ бараньей туши стекаетъ кровь, которую лижутъ собаки, блуждающія здѣсь подобно этимъ праздным людямъ. Мясникъ отдираетъ негодные куски и кидаетъ ихъ тутъ же на площадь. Тощія, голодныя собаки съ жадностію бросаются на эти отбросы, заводятъ между собою драку за добычу, возбуждая этимъ громкій хохотъ празднаго, шатающагося люда, развлекающагося нѣсколько этимъ зрѣлищемъ. Жизнь въ этотъ часъ была въ полномъ разгарѣ, благодаря небольшой жарѣ сравнительно съ полуденнымъ пекломъ, когда большая часть торговцевъ закрываетъ свои лавочки, и весь народъ спѣшитъ укрыться гдѣ-нибудь въ тѣни.

Восточное городское населеніе представляетъ большой интересъ для насъ — европейцевъ. Мы съ любопытствомъ смотримъ на безконечное разнообразіе одеждъ и тщательно наблюдаемъ за всѣми дѣйствіями восточныхъ жителей. Вотъ, въ Яффскихъ воротахъ скопилось множество народа. Торговецъ въ фескѣ и полосатой туникѣ прислонился къ стѣнѣ, имѣя передъ собою прилавокъ, съ нагроможденными на немъ восточными сластями. Передъ нимъ стоитъ какой-то турокъ въ бѣлой чалмѣ и коричневой абѣ (въ родѣ куртки поверхъ рубашки), и на своемъ гортанномъ языкѣ что-то

громко говоритъ торговцу; можетъ быть, онъ упрекаетъ послѣдняго за то, что тотъ продалъ правовѣрному своему земляку скверные фрукты, которые онъ могъ бы, безъ всякаго стыда и грѣха, сбыть иновѣрнымъ гяурамъ, какъ поклонники Магомета величаютъ христіанъ. Рядомъ съ нимъ молодой грекъ, съ плутоватой улыбкой на смугломъ лицѣ, вынимаетъ изъ своего короба какія-то мелкія бездѣлушки, показываетъ ихъ стоящей передъ нимъ русской богомолкѣ, стараясь, по всей вѣроятности, надуть своимъ товаромъ легковѣрную покупательницу. Вотъ, чинно выступаютъ изъ воротъ, о чемъ-то серьезно разговаривая, двѣ монахини—кармелитки, съ соотвѣтственнымъ ихъ ордену головнымъ уборомъ и въ коричневой одеждѣ съ капюшономъ. Тутъ же турецкій солдатъ за что-то колотитъ темнокожаго араба, на колѣняхъ ползающаго передъ бравымъ туркомъ; а вотъ, полунагіе, оборванные нищіе, имѣя на рукахъ и вокругъ себя почти голыхъ, жалкихъ ребятишекъ, жалобнымъ голосомъ выпрашиваютъ у проходящихъ надоѣдливый бакшишъ. Увидя наше шествіе, мальчишки со всѣхъ ногъ бросились намъ на встрѣчу, загораживая путь нашимъ осликамъ и протягивая къ намъ свои грязныя ручонки, надѣясь получить отъ насъ нѣсколько „паричекъ“; но взмахъ кнута нашего каваса заставилъ ихъ отскочить въ сторону и только издали вымаливать себѣ милостыню. Показывая свою принадлежность къ христіанству, они то и дѣло крестились, думая черезъ это разжалобить насъ и получить, такимъ образомъ, отъ насъ подачку. Въ то же время изъ воротъ мѣрно выступаютъ верблюды, имѣя передъ собою араба въ бѣлой кефіе и синей бумажной рубахѣ, но съ голыми руками, дополняя пестроту общей картины. Какъ бы нарочно для увеличенія большей сутолоки, навстрѣчу верблюдамъ въ ворота идетъ что-то живое, трудно различимое на первый взглядъ: мы видимъ только движущіяся горы корзинъ, ящиковъ, громадныхъ, чѣмъ-то наполненныхъ мѣшковъ, направляющихся въ городъ черезъ Яффскія ворота; изъ-подъ груды этихъ нагроможденныхъ предметовъ раздается странный жалобный крикъ. Оказывается, что это—ослы, навьюченные до такой степени, что подъ кладью и подъ тяжестью они совершенно скрываются, и только крикомъ даютъ знать о своемъ существованіи, какъ бы жалуясь прохожимъ на несправедли-

вость своихъ хозяевъ, налагающихъ на беззащитныхъ животныхъ неимовѣрно тяжелыя клади. Въ этой сутолокѣ обращаютъ на себя вниманіе евреи въ шляпахъ съ широкими

Еврей. Изъ Іерусалимскихъ типовъ.

полями, или же въ плоскихъ суконныхъ шапкахъ, съ пейсами на вискахъ. Костюмъ ихъ состоитъ изъ длиннаго чернаго камзола, одѣтаго сверхъ желтаго хитона, который, облегая станъ, достигаетъ до пятъ. И все скопище народа говоритъ, шумитъ, споритъ, оглашая воздухъ разноязычными возгласами. Шумъ, гамъ невообразимый! Но мы не чувствуемъ утомленія отъ этого зрѣлища. Мы желали бы побыть здѣсь подольше, чтобы въ нашей душѣ остался болѣе сильный слѣдъ отъ переживаемыхъ впечатлѣній восточной жизни.—Но... часы бѣгутъ, и намъ надо спѣшить.

Свернувъ вправо отъ Яффскихъ воротъ, мы проѣхали мимо цѣлаго ряда деревенскихъ домиковъ, построенныхъ для своихъ израильскихъ собратій умершимъ англійскимъ подданнымъ, евреемъ Моисеемъ Монтефіоре. Миновавъ послѣднія строенія, мы очутились въ открытой, обширной равнинѣ, совершенно голой, усыпанной камнями, торчащими изъ земли въ разныхъ направленіяхъ. Напрасно мы будемъ стараться отыскать здѣсь хоть травку, хоть одинъ зеленый листочекъ, чтобы смягчить тяжелое впечатлѣніе, которое производятъ на насъ растрескавшіеся и встрѣчающіеся намъ на пути каменные утесы. Кругомъ царствуетъ мертвая тишина и безмолвіе. Лишь стукъ копытъ нашихъ ословъ о каменистую тропу, да характерное гиканье на животныхъ нашего Ахметки нарушаютъ торжественную тишину пустыни. Тишина кажется намъ въ особенности рѣзкою по сравненію съ недавнимъ оглушительнымъ шумомъ около Яффскихъ воротъ. Нельзя повѣрить, что мы находимся сейчасъ за три версты отъ города, — такъ нелюдимо и пустынно въ этой мѣстности. Виднѣющіяся вдали масличныя деревья, стоящія одиноко другъ отъ друга, кажутся мертвыми, безжизненными съ своими листьями, покрытыми пепельно-сѣрымъ налетомъ. Но, оглянувшись назадъ, мы видимъ высящіяся стѣны и зданія Святаго Града Давида, надъ которымъ царитъ знаменитая мечеть Омара. Мы на минуту остановились, чтобы полюбоваться этой чудной панорамой города, освященной яркими лучами солнца. Тихо. Ни шороха, ни звука. Очарованные необычайной тишиной, мы предались размышленіямъ о библейскихъ временахъ. По преданію, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоимъ мы, остановился нѣкогда Авраамъ, приказавъ своимъ слугамъ оставаться здѣсь, а самъ продолжалъ свой путь одинъ въ сопровожденіи только своего сына Исаака, обреченнаго на закланіе. Эта же равнина была нѣсколько разъ свидѣтельницею кровавыхъ стычекъ евреевъ съ ихъ врагами. Здѣсь происходила, напримѣръ, извѣстная изъ библейской исторіи битва израильтянъ съ Филистимлянами; здѣсь Давидъ, изнемогая отъ жажды, не сталъ пить принесенной ему воды, вылилъ ее на землю, рѣшившись страдать вмѣстѣ съ своими воинами. Жажда, томившая уставшее отъ сраженія войско Давида, должна была быть невыносимой. Намъ теперь немного понятенъ тотъ ужасъ положенія, въ которомъ находились

тогда воины еврейскіе, и мы по достоинству можемъ оцѣнить геройскій подвигъ Давида, отказавшагося отъ воды. Мы проѣхали только одинъ часъ, но насъ уже мучитъ страшная жажда. По дорогѣ—ни ручейка, ни одной капли воды. Бѣдные ослики изнемогли отъ жары, губы ихъ пересохли, изъ ихъ грудей выдѣляются звуки, похожіе на храпъ умирающихъ. Видъ обнаженныхъ утесовъ и отсутствіе растительности какъ бы увеличиваютъ жажду. Этотъ однообразный видъ безплодной пустыни навѣваетъ тоску и уныніе. Куда ни взглянешь, всюду только голыя угрюмыя горы и горы... Хоть бы какое-нибудь живое существо! Однѣ только зеленоватыя ящерицы встрѣчаются намъ постоянно на пути, прыгая съ камня на камень, играя на солнцѣ, чувствуя себя довольными своимъ положеніемъ. Вотъ, изъ-подъ одного камня, направо отъ дороги, выползла красноватая змѣя, которая, понюхавъ воздухъ и посмотрѣвъ съ любопытствомъ на насъ, нарушителей тишины пустыни, быстро спряталась въ свою нору. Кавасъ говоритъ, что такихъ змѣй водится очень много въ горахъ Палестины: онѣ весьма ядовиты. Но мы совершенно не думаемъ объ опасности быть укушенными этой змѣей, довольные тѣмъ, что появленіе ея нѣсколько развлекло насъ, внеся нѣкоторое разнообразіе въ наши впечатлѣнія, полученныя нами отъ вида этой дикой мѣстности. По разсказу каваса, въ Палестинѣ существуютъ укротители змѣй, которые, вырвавъ змѣиные зубы, гдѣ кроется ядъ, дѣлаютъ ихъ безвредными. Но въ общемъ очень много смертныхъ случаевъ отъ укушенія ядовитыхъ змѣй.

Въ разговорѣ о ядовитыхъ змѣяхъ незамѣтно прошло около получаса времени, но затѣмъ—опять томящая скука отъ пустыннаго вида проѣзжаемой нами печальной мѣстности, а увеличивающаяся жажда даетъ себя знать съ каждой минутой все болѣе и болѣе. Мертвая тишина тягостно дѣйствуетъ на нашу душу. Но, вотъ, вдали показались какія-то черныя точки, откуда временами слышатся долетающіе до насъ довольно странные звуки. При приближеніи, оказалось, что это—овцы, впереди которыхъ шелъ пастухъ-арабъ въ грубой одеждѣ, перекинутой черезъ лѣвое плечо, съ открытой мощной, загорѣлой грудью, со свирѣпымъ взглядомъ на коричневомъ лицѣ. У бедра привязана овечья шкура. Голову пастуха покрывало кефіэ, сѣро-желтаго цвѣта, концы кото-

раго развѣвались на его плечахъ, придерживаемые на головѣ веревкой, сдѣланной изъ мягкихъ верблюжьихъ волосъ. На ногахъ онъ имѣлъ стертыя сандаліи, въ рукахъ держалъ свирѣль изъ камыша, съ продѣланными въ немъ отверстіями,

Бедуинъ.

лавируя которыми пастухъ тянетъ свою монотонную, унылую пѣснь. Она издаетъ только нѣсколько низкихъ и высокихъ звуковъ. Съ боку у него привязана толстая палка съ крупнымъ наконечникомъ, утыканнымъ толстыми желѣзными гвоздями. Подобная палка составляетъ страшное оружіе въ рукахъ сильнаго храбраго араба противъ разбойниковъ и хищныхъ звѣрей. Въ рукахъ у пастуха посохъ съ крючкомъ на концѣ. Этимъ крючкомъ онъ можетъ задѣвать за ноги своихъ овецъ и стаскивать ихъ осторожно съ высокаго утеса. Впереди стада идетъ баранъ, съ колокольчикомъ на шеѣ, и

ведетъ за собою все стадо, какъ проводникъ. Этотъ пастухъ гонитъ теперь свое стадо въ какую-нибудь пещеру, на отдыхъ, въ виду наступающей жары. Привѣтствовавъ насъ словомъ „маргаба“, на что мы ему отвѣтили тѣмъ же, пастухъ со своимъ стадомъ, не останавливаясь, продолжалъ свой путь дальше. Затѣмъ опять стало тихо и безмолвно, лишь издали долго доносился до насъ заунывный звукъ свирѣли удалявшагося пастуха и тихій звонъ колокольчика, привязаннаго къ шеѣ проводника-барана.

Но, слава Богу! Нашъ Христо сообщилъ намъ радостное извѣстіе, что до лавры св. Саввы осталось около часу пути. Мы напрягли свои силы, чтобы поскорѣе добраться до монастыря, но утомленные ослики, не смотря на понуканье погонщика, не въ состояніи идти быстро. Начиная отъ самаго Іерусалима, мы ѣдемъ по направленію Іосафатовой долины, которая, по мѣрѣ удаленія отъ города, постепенно мелѣетъ; а около лавры превращается въ глубочайшую пропасть, образуемую съ обѣихъ сторонъ высокими и обрывистыми скалами, и носитъ названіе „огненной рѣки“, по причинѣ существующей здѣсь страшной, неимовѣрной жары. Отвѣсные обрывы имѣютъ здѣсь до 600 футовъ глубины; но недурно теперь устроенная дорога, съ прочной каменной стѣнкой, безопасно ведетъ насъ западной стороной бездонной пропасти. Такой дикой мѣстности мы никогда не видали, и едва ли когда еще увидимъ. При приближеніи къ монастырю, эта глубокая долина перехватывается дикою величественною дебрью, поражающею насъ своею пустынностью и необыкновенною угрюмостью. По обѣимъ сторонамъ этого глубокаго ущелья, мы видимъ въ скалахъ полуразрушенныя пещеры, въ которыхъ нѣкогда спасались люди, убѣгавшіе отъ мірской суеты. Особенно въ V в., послѣ паденія римской имперіи, многими овладѣло страстное желаніе удалиться отъ общественныхъ бурь и треволненій и искать себѣ убѣжища въ самыхъ уединенныхъ мѣстахъ. Страсть къ пустынной жизни охватила тогда всѣхъ восторженныхъ людей. Они не могли найти болѣе лучшаго мѣста для своего подвижничества, какъ эту дикую дебрь, куда они и шли толпами, высѣкая въ каменныхъ утесахъ себѣ небольшія жилища, которыя часто служили для нихъ и могилами. Смотря на эти громадные утесы и высѣченныя въ нихъ пещеры, мы не-

вольно проникаемся глубокимъ уваженіемъ къ этимъ подвижникамъ, у которыхъ желаніе спасти свою душу и наслѣдовать царствіе небесное заглушало всѣ человѣческія страсти. Вся эта дебрь, эта глубокая бездонная пропасть тянется вплоть до Мертваго моря, наполненная на всемъ протяженіи подобными пещерами, гдѣ спасались невѣдомые міру подвижники, усовершаясь въ богоугодной жизни.

Показались, наконецъ, зданія монастыря, и прежде всего— куполъ и башня съ часами, затѣмъ громадная башня, на которой постоянно находится сторожъ, котораго мы видимъ и теперь. Эту сторожевую башню построилъ императоръ Юстиніанъ, желая охранить беззащитное уединеніе отшельниковъ отъ набѣга и грабежа бедуиновъ. Сторожъ, стоящій на часахъ, даетъ знать объ опасности находящимся внизу монахамъ, посредствомъ звонка. При нашемъ приближеніи также раздался звонокъ. Но, увидя въ насъ мирныхъ паломниковъ, пріѣхавшихъ поклониться святынямъ этой обители, намъ отперли безпрепятственно желѣзныя ворота и съ глубокимъ поклономъ впустили въ ограду монастыря. Было 10 часовъ утра. Напрасно мы спѣшили сюда такъ рано, чтобы попасть къ какой-нибудь церковной службѣ. Богослуженіе закончилось уже въ семь часовъ утра. Оказывается, что здѣсь, благодаря нестерпимой жарѣ, служба начинается очень рано, а именно: утреня въ часъ ночи, а обѣдня въ 4 ч. утра. Въ восемь часовъ утра полагается обѣдъ, послѣ котораго монахи до трехъ часовъ дня спятъ въ своихъ келліяхъ сномъ праведниковъ. За желѣзною дверью, въ которую мы вошли, есть еще другая, также желѣзная, ниже на нѣсколько ступенекъ, которая ведетъ на вторую лѣстницу. Спустившись съ нея, мы попали на маленькій дворикъ, изъ котораго, по третьей лѣстницѣ, насъ провели въ комнату для гостей, съ турецкими диванами вокругъ стѣнъ и съ постелью подъ кисейнымъ пологомъ въ концѣ этой комнаты. Насъ усадили, попросили подождать, затѣмъ подали неизбѣжное „глико“, т. е. холодную воду съ вареньемъ, по восточному обычаю. Это угощеніе было, какъ нельзя болѣе кстати. Залпомъ выпили мы по большому стакану холодной освѣжающей влаги, которая подкрѣпила наши, изнемогшіе отъ жары, уставшіе члены. Вскорѣ появился какой-то монахъ въ оборванномъ синемъ подрясникѣ изъ грубой матеріи, въ истертыхъ про-

дырявленныхъ сандаліяхъ, черезъ которыя просвѣчивали грязныя ноги, имѣя на головѣ что-то похожее на камилавку допотопнаго возраста. Онъ низко намъ поклонился. Къ нашему удивленію, это былъ самъ намѣстникъ лавры, о. архимандритъ Анѳимъ, правящій уже нѣсколько лѣтъ монастыремъ, главнымъ настоятелемъ котораго считается патріархъ Іерусалимскій. Путешествуя по разнымъ русскимъ монастырямъ, мы не встрѣчали ни одного самаго послѣдняго послушника, самаго простого церковнаго служку въ такой слишкомъ скромной одеждѣ. Другой монахъ, отворявшій намъ ворота, котораго по внѣшности мы приняли за привратника, оказался казначеемъ обители св. Саввы. Видно, что простота доведена здѣсь до кульминаціонной точки; видно, что здѣсь забота о внѣшности на послѣднемъ планѣ...

Нашъ проворный Христо быстро приготовилъ намъ чай, къ которому мы пригласили и отца Анѳима. Послѣдній разсказывалъ намъ о простотѣ жизни и нетребовательности монаховъ этой обители, довольствующихся самой скромной трапезой, состоящей, большею частію, изъ овощей, и только по праздникамъ вкушающихъ яйца и сыръ. Посѣтителей, по его разсказамъ, очень мало бываетъ въ ихъ обители. Единственные друзья и товарищи монаховъ—птицы и дикіе звѣри, съ которыми они живутъ въ полномъ ладу. Часто по вечерамъ, привлекаемые колокольнымъ звономъ, къ стѣнамъ лавры приходятъ волки, шакалы и лисицы, которымъ монахи черезъ стѣны бросаютъ хлѣбъ и разные остатки пищи. Птицы, изъ которыхъ особенно заслуживаютъ вниманія „крастели“, похожія на нашихъ дроздовъ, садятся часто на плечи иноковъ и изъ ихъ рукъ клюютъ зерна и ягоды. Со слезами на глазахъ указывалъ маститый старецъ Анѳимъ на высокія, толстыя стѣны, служащія для охраны отъ набѣговъ разбойниковъ-бедуиновъ, часто безпокоющихъ мирныхъ иноковъ... „Да, говорилъ онъ, много бурь пронеслось надъ нашей обителью за послѣднія XIV столѣтій: она была часто опустошаема, и монахи, ни въ чемъ неповинные, гибли отъ меча враговъ“... При этомъ нахлынувшемъ воспоминаніи, авва—намѣстникъ не могъ долѣе удержать текущихъ изъ его глазъ слезъ. Простившись затѣмъ съ нами, онъ удалился, сдѣлавъ предварительное распоряженіе о

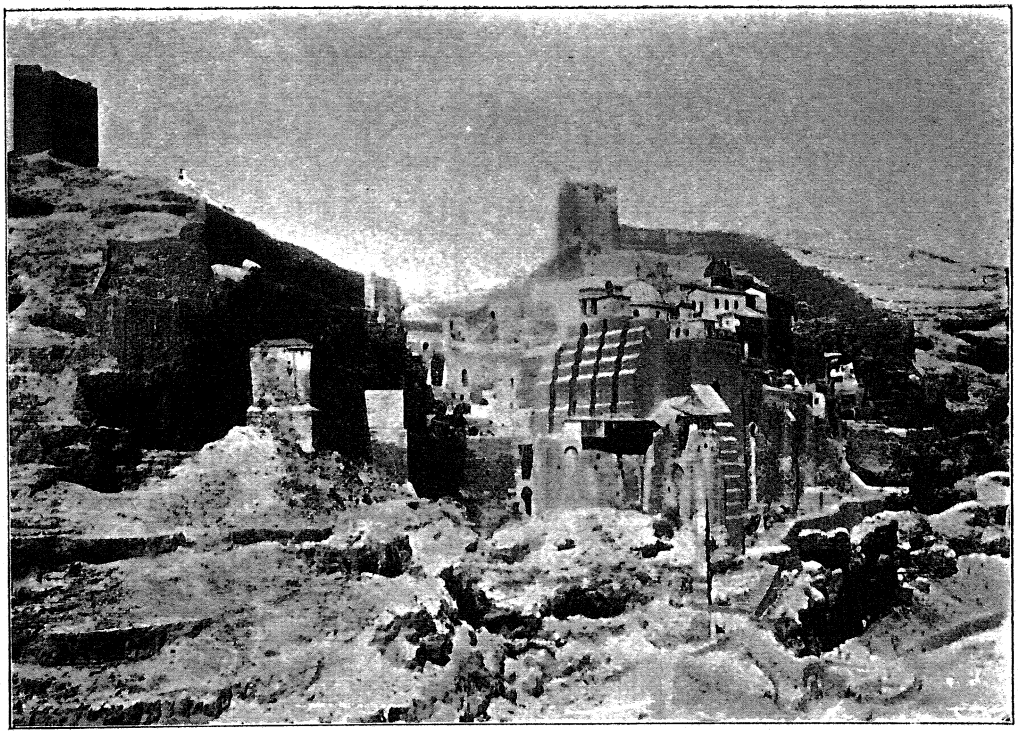
приготовленіи для насъ трапезы. Грустное впечатлѣніе навѣяли на насъ разсказы старца о монастырскомъ прошломъ.

Скоро подали намъ и обѣдъ, состоявшій изъ разныхъ овощей, свѣжихъ маслинъ, смоквъ, яицъ, овечьяго сыра, кислаго молока, затѣмъ особеннымъ образомъ свареннаго риса и еще чего-то горячаго, что̀ все вмѣстѣ, съ привезенной нами рыбной закуской, составило довольно сытую трапезу. Два графина чистаго винограднаго вина, бѣлаго и краснаго, довольно легкаго, послужили дополненіемъ къ нашему обѣду. Мы кушали съ аппетитомъ всѣ блюда, кромѣ овечьяго сыра, котораго мы совершенно не могли ѣсть,—до того онъ рѣзокъ и обладаетъ особымъ специфическимъ непріятнымъ запахомъ, который можно слышать еще издали. Привыкшимъ къ утонченнымъ блюдамъ и различнымъ сластямъ, не понравилась бы эта монастырская трапеза. Мы же, достаточно проголодавшись и уже привыкши нѣсколько къ восточнымъ кушаньямъ, остались довольны предложенными намъ яствами.

Подкрѣпившись обѣдомъ, мы попросили о. казначея показать намъ всѣ достопримѣчательности лавры. Мы вышли на дворикъ и стали осматриваться, стараясь сдѣлать общій обзоръ всѣмъ монастырскимъ зданіямъ. Лавра св. Саввы пристроена къ западному отвѣсному боку глубокой дебри. Въ этомъ боку углублена площадь на срединѣ рва съ узкимъ отводомъ вдоль стѣны. Площадь эта, въ видѣ треугольника, обставлена какъ со дна пропасти, такъ и по окраинамъ своей ровной поверхности, отвѣсными скалами. По верхнимъ окраинамъ треугольника построены толстыя стѣны, изъ которыхъ двѣ начинаются отъ вышеупомянутой уже нами четырехъ-угольной сторожевой башни съ толстыми стѣнами и съ плоской площадкой вмѣсто крыши. Третья же сторона треугольника не ограждена стѣнами, такъ какъ ея охраной служитъ зіяющая внизу бездна. Внизу сторожевой башни есть потайной ходъ, ведущій въ подземелье, а въ самомъ верху ея устроена библіотека, славившаяся нѣкогда драгоцѣнными древними рукописями, теперь же унесенными оттуда въ другія библіотеки православнаго Востока, частію же сожженными при частыхъ погромахъ этой обители. Ровная площадь, имѣющая видъ треугольника, и составляетъ средоточіе лавры. Для огражденія монастырской площади, въ не-

значительныхъ изгибахъ утесовъ, поставлены большіе устои, которые подпираютъ главное зданіе монастыря. Надъ всѣмъ этимъ возвышаются монастырскія келліи, которыя лѣпятся въ горахъ, какъ гнѣзда ласточекъ; передъ ними выступаютъ балкончики самой разнообразной формы, высѣченные также въ скалѣ. Видъ этихъ келлій снаружи довольно оригиналенъ. Общій же видъ лавры представляетъ соединеніе двориковъ, часовенъ, церквей, келлій, террасъ и маленькихъ садиковъ съ небольшими растеніями, смягчающими угрюмость этого мѣста. Противъ самой лавры, по ту сторону рва, видна пещера, гдѣ жилъ и умеръ преподобный Савва, основатель этой обители. Далѣе, по ту же сторону рва, находится пещера св. Ксенофонта, теперь разрушенная, прислоненная къ стѣнѣ на подобіе птичьяго гнѣзда. Недалеко отъ нея находится большая и высокая пещера его сына Аркадія, образованная природою въ южной сторонѣ дебри и поддерживаемая въ передней своей части каменною стѣнкою. Какъ разъ, напротивъ этой пещеры, на другой сторонѣ дебри, со стороны монастыря, и потому невидимой отсюда, находится, по объясненію сопровождавшаго насъ монаха, небольшая пещерка, гдѣ спасался второй сынъ Ксенофонта, Іоаннъ. Гдѣ-то, недалеко отсюда, по ту сторону дебри, по разсказу монаха, находится и пещера матери св. Саввы, пожелавшей жить вблизи своего благочестиваго сына. Все это хорошо видно съ крыши одной лаврской церкви, откуда открывается превосходный видъ на бездонную пропасть „огненной рѣки“. Глазъ отрывать не хочется отъ этой чудной, поэтической, но въ то же время страшной, захватывающей душу панорамы. Сердце наполняется умиленіемъ при мысли о томъ, какая должна быть сильная и живая вѣра у этихъ отшельниковъ, если она могла двигать ихъ на такіе высокіе подвиги пустынножитія и благочестія. Какъ должна быть сильна воля у этихъ людей, оставившихъ позади себя всѣ земныя блага и удалившихся въ эту страшную юдоль скорби и печали! Надежда достигнуть царствія небеснаго побѣдила въ нихъ человѣческія немощи. Да и теперь нелегко инокамъ привыкать къ келліямъ, изъ которыхъ нѣкоторыя стоятъ, неогражденныя, на краю бездны, такъ что невольно удивляешься, какъ можно жить, видя всегда передъ собою эту разверзающуюся пропасть,

Къ стр. 334.



Обитель Преподобнаго Саввы.

готовую поглотить тебя при всякомъ неосторожномъ движеніи. Вотъ, на краю бездны, стоитъ одинокая финиковая пальма, которая низринулась бы въ бездну, если бы не поддерживающія ее цѣпи. Давно, много вѣковъ стоитъ она здѣсь, посаженная св. Саввою, свидѣтельница подвиговъ спасавшихся здѣсь святыхъ, а также свидѣтельница всѣхъ бѣдъ и напастей, постигавшихъ эту знаменитую обитель.

Вдоволь насмотрѣвшись на эту оригинальную картину природы, мы переходимъ къ обзору отдѣльныхъ монастырскихъ зданій. На окраинѣ площади, выдающейся въ ровъ, выстроена большая церковь, которую св. Савва посвятилъ празднику Благовѣщенія Пресв. Богородицы. Восточныя и южныя наружныя ея стѣны подперты толстыми каменными контрфорсами, расположенными весьма близко другъ отъ друга, а между ними находятся продолговатыя узкія окна для освѣщенія храма. Благодаря этому, наружный видъ церкви очень своеобразенъ. На башнѣ надъ церковью висятъ три небольшихъ колокола, звонъ которыхъ оглашаетъ пустыню, вплоть до самаго Мертваго моря. Передъ входомъ въ церковь—нѣчто въ родѣ навѣса или открытой паперти, гдѣ по бокамъ устроены сидѣнья для монаховъ, которые спасаются сюда отъ невыносимой духоты въ церкви во время лѣтнихъ жаровъ. Внутренность церкви не представляетъ ничего особеннаго, хотя все здѣсь блеститъ серебромъ и золотомъ и новыми иконами греческаго письма. Лучшимъ украшеніемъ храма служитъ плащаница, шитая золотомъ по фіолетовому бархату. Здѣсь находится очень древняя икона св. Саввы, а также части мощей, именно: главы святыхъ Ксенофонта и его сыновей Аркадія и Іоанна. Передъ этими святынями, поставленными для насъ посреди храма, о. Анастасій совершилъ молебенъ, поминая въ молитвахъ патріарха Даміана, нашего Преосвященнаго, и всѣхъ нашихъ путниковъ. Умиротворенные этой молитвой, вышли мы изъ храма и направились къ западу, гдѣ посреди двора стоитъ осьмиугольная часовня, одѣтая мраморомъ, съ небольшимъ куполомъ наверху, сооруженная надъ мѣстомъ вѣчнаго упокоенія св. Саввы. Какъ извѣстно, мощи Святаго унесены тайно католиками въ Венецію во время крестовыхъ походовъ. Надъ мѣстомъ же погребенія внутри часовни поставлена теперь мраморная гробница, надъ которой помѣщена икона этого Святаго. На

стѣнахъ часовни также развѣшаны иконы многихъ святыхъ, подвизавшихся нѣкогда въ этой обители, а въ куполѣ ея помѣщено изображеніе Спаса Нерукотвореннаго, недурной живописи. Противъ этой часовни, къ сѣверу отъ нея, находится довольно большая пещера, высѣченная въ скалѣ, подъ землею. Пещера эта тройная: въ одной есть небольшой придѣлъ въ честь св. Николая, въ другой—придѣлъ въ честь пострадавшихъ отцовъ лавры, а третья часть служитъ усыпальницею для братіи монастыря. Св. Савва, спасавшійся еще по ту сторону дебри, видѣлъ, по преданію, огненный столбъ, поднимавшійся изъ этой пещеры къ небу, въ память чего онъ и устроилъ церковь въ честь Святителя Николая. Здѣсь намъ показывали за стекломъ множество череповъ монаховъ, павшихъ будто бы отъ руки персидскаго царя Хозроя, въ VII в. по Р. Х. Въ иноческую усыпальницу можно проникнуть черезъ отверстіе, сдѣланное среди площади и закрываемое большою плитою. Въ усыпальницѣ находится каменное ложе, на которое кладутъ умершаго монаха, до слѣдующаго покойника. Затѣмъ спускаются туда и, найдя перваго покойника уже разложившимся, омываютъ его кости, служатъ надъ нимъ панихиду, ссыпаютъ ихъ затѣмъ въ особую пещеру, а черепъ кладутъ отдѣльно на каменную полку. Такихъ череповъ въ этой усыпальницѣ множество. По узенькому коридорчику, высѣченному въ скалѣ, мы прошли на южный конецъ лавры въ пещеру св. Саввы, гдѣ онъ прожилъ цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ, причемъ, какъ гласитъ его житіе, ему прислуживалъ левъ. Въ одномъ отдѣленіи этой пещерки находится маленькая церковь во имя св. апостоловъ Петра и Павла, а въ другомъ отдѣленіи показывается спальная основателя этой лавры. Идя на западъ и поднимаясь къ башнѣ Юстиніана, выше церкви св. Николая, мы попадаемъ въ другую церковь, устроенную изъ келліи Іоанна Дамаскина, и освященную во имя его. Здѣсь, у стѣны, находится гробница этого знаменитаго церковнаго пѣснопѣвца съ иконой, изображающей его погребеніе. Спустившись черезъ отверстіе въ полу къ могилѣ Дамаскина, мы предались воспоминаніямъ о поэтическомъ образѣ св. Іоанна. Въ этой, смрадной и тѣсной пещерѣ, не смотря на отсутствіе дневного свѣта, при слабомъ отблескѣ восковой свѣчи, въ молитвѣ виталъ сей святой мужъ своимъ

духомъ въ чудной, духовной поэзіи, составляя неподражаемыя церковныя пѣснопѣнія, услаждающія душу христіанина, окрыляя ее вѣрою, любовію и надеждою. Кому неизвѣстны его пасхальныя пѣсни, приводящія въ восторгъ сердце каждаго христіанина, или его погребальныя пѣснопѣнія, глубоко проникающія въ душу? Смиренно спасаясь въ этой кельѣ, онъ оставилъ по себѣ незыблемую память!

Рядомъ съ келліей Іоанна Дамаскина есть придѣлъ, устроенный еще имъ самимъ, въ честь Іоанна Предтечи. Наконецъ, поднявшись еще выше къ сторожевой башнѣ, мы вошли въ маленькую церковь во имя св. великомученика Георгія, въ которой сохранилась часть древней мозаики на полу.

Во всѣхъ этихъ маленькихъ пещерныхъ церквахъ службы совершаются не каждый день, кромѣ церкви Іоанна Дамаскина, гдѣ служба происходитъ ежедневно.

Осмотрѣвши церкви, мы обозрѣли затѣмъ монастырскую трапезную, кухню, контору, гдѣ намъ предложили записать на вѣчное поминовеніе имена умершихъ нашихъ близкихъ,— что дѣлается почти во всѣхъ греческихъ монастыряхъ,— на потребы монастырскія. Саввинская обитель, въ этомъ случаѣ, не дѣлаетъ исключенія изъ общаго правила.

Затѣмъ, мы осматривали нѣсколько келлій, расположенныхъ въ разныхъ мѣстахъ около пещерныхъ церквей, вверху и внизу. Келліи очень маленькія, низкія, тѣсныя, въ видѣ небольшихъ гротиковъ, едва пропускающихъ слабый свѣтъ черезъ маленькое отверстіе, сдѣланное въ двери. Въ нихъ очень душно, воздухъ спертый; жара здѣсь, пожалуй, сильнѣе, чѣмъ на открытомъ воздухѣ. Почти во всѣхъ келліяхъ мы видѣли отдыхающихъ монаховъ, утомленныхъ продолжительной утренней службой и изнуренныхъ нестерпимымъ дневнымъ зноемъ. Но, вотъ, изъ одной крохотной пещерки— келліи, мы вдругъ слышимъ относящееся къ намъ привѣтствіе на чисто русскомъ языкѣ. Что-то родное почуялось вблизи насъ. Мы устремили свои взоры по направленію слышимыхъ нами родныхъ для насъ звуковъ. Изъ темнаго угла келліи всталъ передъ нами довольно коренастый монахъ, въ грубой одеждѣ, босикомъ, съ непокрытой головой, съ блѣднымъ лицомъ, окаймленнымъ черной съ просѣдью бородой; на этомъ мрачномъ лицѣ блестятъ большіе, умные глаза, воспаленные отъ постоянныхъ слезъ и отъ не-

утомимаго молитвеннаго бдѣнія, какъ объяснилъ намъ сопровождавшій насъ монахъ. Оказалось, что это—казакъ изъ Кубанской области, пришедшій изъ Россіи десять лѣтъ тому назадъ и не пожелавшій объяснить своего прошлаго и своего общественнаго положенія. На наши разспросы онъ отвѣчалъ также неопредѣленными, отрывочными фразами, видимо не желая продолжать этого непріятнаго для него разговора, можетъ быть, будившаго въ немъ дремлющія тяжелыя воспоминанія. Не смѣя болѣе тревожить его своимъ присутствіемъ, мы сочли долгомъ немедленно оставить его уединенную келлію, пожелавъ ему полнаго душевнаго успокоенія. Насъ занималъ вопросъ: что это за человѣкъ, судьба котораго забросила въ этотъ уединенный, дикій уголокъ? Измученная ли грѣхами душа его пришла сюда искать спасенія, или же надоѣдливая суета шумной мірской жизни сдѣлала для него эту мрачную юдоль тихимъ пристанищемъ въ его жизненномъ плаваніи? Но все покрыто мракомъ неизвѣстности. Душа его темна для насъ. Тайну своей жизни унесетъ онъ съ собою въ могилу. Его голова, отличающаяся, можетъ быть, недюжиннымъ умомъ, превратится тогда въ пустой голый черепъ, который нѣсколько вѣковъ можетъ пролежать на каменной полкѣ усыпальницы этой святой обители. Трудно позабыть черты этого монаха, глубоко врѣзавшіяся въ нашу память. Въ этомъ монастырѣ можно встрѣтить монаховъ, пришедшихъ сюда изъ Турціи, Греціи, береговъ Архипелага и съ нашей родины Россіи.

Намъ предложили затѣмъ посмотрѣть находящійся на самомъ днѣ рва источникъ св. Саввы, по молитвамъ котораго, какъ гласитъ преданіе, вода въ немъ появилась изъ скалы. „Агіазма“, какъ именуютъ греки этотъ источникъ, находится въ небольшомъ гротѣ, прямо подъ алтаремъ храма Благовѣщенія; вода просачивается черезъ стѣнки грота, собираясь каплями въ узкій небольшой колодецъ, такъ что въ сутки набирается не болѣе 12-ти кувшиновъ; она очень чиста и пріятна на вкусъ. Монахи же обыкновенно пользуются водою изъ цистерны, въ которую стекаетъ дождевая вода.

Недалеко отъ лавры находится площадка, обставленная горами и называемая „монашескимъ базаромъ“. Сюда сходятся три дороги: отъ Мертваго моря, Іерусалима и самой лавры. Здѣсь, въ прежнее время, отшельники меньшихъ

пещеръ продавали окрестнымъ жителямъ свои издѣлія, взамѣнъ которыхъ покупали съѣстные припасы, одежду и другія необходимыя въ монашескомъ обиходѣ вещи.

Достаточно утомившись осмотромъ и обозрѣвъ почти всѣ достопримѣчательности лавры, мы возвратились въ отведенную намъ комнату, чтобы немного отдохнуть. Было около двухъ часовъ дня. Мы чувствуемъ усталость во всѣхъ членахъ. Безсонная ночь наканунѣ теперь даетъ себя знать. Нестерпимый зной, не менѣе 50° по Реом., еще болѣе способствуетъ изнеможенію нашего утомленнаго тѣла, требующаго продолжительнаго отдыха. Мы расположились на диванахъ, надѣясь соснуть хотя одинъ часъ до отъѣзда. Но странное дѣло! Благодаря ли переживаемымъ впечатлѣніямъ этого дня, необыкновенной ли духотѣ, царившей въ нашей комнатѣ, или же вслѣдствіе массы насѣкомыхъ, москитовъ и мухъ, кишѣвшихъ въ этой гостиной и набрасывавшихся на насъ съ непомѣрной алчностью дикихъ звѣрей, давно не видавшихъ пищи,—вслѣдствіе ли всѣхъ этихъ причинъ, но мы не могли уснуть. Сонъ, нѣсколько минутъ назадъ чуть не смеживший намъ вѣки, сейчасъ же совершенно покинулъ насъ. Около часу лежали мы, не имѣя возможности уснуть, предаваясь воспоминаніямъ о прожитомъ днѣ, разбираясь въ своихъ впечатлѣніяхъ и размышляя о постигшей судьбѣ этой древнѣйшей лавры.

Нѣсколько столѣтій пронеслось надъ нею, много бѣдъ испытала она, но до сихъ поръ стоитъ незыблемо, будучи свидѣтельницею столькихъ историческихъ событій. Мы невольно вспоминаемъ богатую событіями исторію этого знаменитаго монастыря, какъ мы ее знаемъ по разсказамъ намѣстника обители, а также и изъ другихъ источниковъ. Какъ извѣстно, лавра была утроена преподобнымъ Саввою въ 502 г. и состояла сначала изъ небольшого числа келлій, гдѣ жилъ самъ основатель съ учениками, а также изъ церкви въ пещерѣ, гдѣ теперь находится придѣлъ въ честь св. Николая. Черезъ 27 лѣтъ импер. Юстиніанъ, узнавъ о добродѣтеляхъ Саввы, построилъ стѣны и башни для защиты монастыря, украсилъ его разными строеніями и богато одарилъ. Св. Савва въ 529 г. ѣздилъ къ императору въ Константинополь, въ качествѣ представителя отъ Палестинскихъ христіанъ, ходатайствуя о заступничествѣ послѣднихъ. Это время

было самой цвѣтущей порой св. лавры, въ стѣнахъ которой вмѣщалось около 5,000 монаховъ, не считая окрестныхъ пещеръ. Въ 614 г. Сарацины напали на лавру и умертвили много иноковъ. Затѣмъ Персы, подъ начальствомъ Хозроя, разгромили эту обитель и долго мучили иноковъ, пытая у нихъ о мнимыхъ сокровищахъ, хранившихся будто бы въ монастырѣ. Наконецъ, потерявъ всякую надежду узнать что-либо, непріятели 44-мъ инокамъ отсѣкли головы на одномъ камнѣ, а келліи ихъ ограбили и разорили. Въ 728 г. лавра, подобно прочимъ мѣстностямъ Палестины, подвергалась опустошенію со стороны враждовавшихъ между собою арабскихъ племенъ, при чемъ многіе Отцы этой обители пали отъ меча невѣрныхъ. Послѣ того св. лавра часто была опустошаема арабами, которые избивали монаховъ, требуя отъ нихъ несуществующихъ сокровищъ. Въ 792 г., Сарацины ради пріобрѣтенія сокровищъ, которыхъ не было, замучили двадцать иноковъ монастыря. Особенно сильное нападеніе на лавру совершили арабы послѣ изгнанія крестоносцевъ и завоеванія Іерусалима. Озлобленные противъ владычества рыцарей св. Креста, магометане напали на лавру, перерѣзали монаховъ, разрушили до основанія многія мѣста обители, оставивъ нетронутыми церковь и гробъ св. Саввы. Монастырь запустѣлъ. Но наконецъ наступило нѣкоторое затишье. Только изрѣдка бывали нападенія на лавру со стороны мелкихъ шаекъ кочующихъ бедуиновъ. Обитель стала поправляться. Монастырь опять наполнился иноками. Это продолжалось до 1566 г., когда Турки, при султанѣ Селимѣ II, покорили Палестину, и въ Іерусалимъ былъ назначенъ новый градоначальникъ или санджакъ. Въ этотъ злополучный годъ, иноки св. лавры вмѣстѣ съ монахами изъ окрестныхъ киновій, около тысячи человѣкъ, по восточному обычаю, пришли съ дарами на поклонъ новому санджаку. Увидѣвши такое большое количество людей, въ одинаковой черной одеждѣ, и узнавши, что это христіанскіе пустынники, онъ призналъ такое множество монаховъ не безопаснымъ для себя, а потому, отобравши изъ нихъ двадцать человѣкъ, которыхъ отослалъ въ лавру, остальныхъ приказалъ сейчасъ же умертвить. Лавра долго не могла оправиться отъ погрома. Она пришла въ такой упадокъ, что оставалась въ цѣлости одна только церковь; келліи же и стѣны, пришедшія въ ветхость

отъ времени и отъ разграбленія, грозили паденіемъ. Лавра съ 1604 г. перешла во владѣніе исключительно монаховъ-сербовъ, которые сдѣлали различныя поправки въ лаврѣ; но вслѣдствіе этого они впали въ неоплатные долги и должны были оставить всѣ до одного святую обитель. Ихъ безысходнымъ положеніемъ воспользовались армяне, старавшіеся захватить этотъ монастырь въ свои руки, обѣщаясь заплатить заимодавцамъ всѣ долги обители. Тогда католики, не желая упустить изъ рукъ эту богатую добычу, рѣшились вступить съ армянами въ сдѣлку посредствомъ обмѣна лавры на принадлежавшую католикамъ Іерусалимскую обитель архангеловъ. Но патріархъ Іерусалимскій Θеофанъ вырвалъ лавру изъ рукъ иновѣрцевъ при посредствѣ выпрошенной имъ у молдавскаго господаря значительной суммы денегъ, необходимой для уплаты должникамъ. Наконецъ принялись за поправку зданій монастыря. Патріархъ Іерусалимскій Нектарій, въ 1667 году, предпринялъ возстановленіе лавры; онъ построилъ внѣшнюю стѣну отъ башни Юстиніана внизъ до воротъ обители и, кромѣ того, страннопріимную для богомольцевъ. Окончательное же возстановленіе лавры совершено патріархомъ Досиѳеемъ, который, въ 1686 году, неимовѣрными усиліями успѣлъ выхлопотать на это дозволеніе предержащей власти.

И теперь лавра иногда терпитъ нападенія отъ бедуиновъ, но далеко не такъ, какъ прежде. Благотворители до сихъ поръ не оставляютъ этой святой обители, украшая ея храмы и поддерживая древнія зданія. Монахи какъ тогда, такъ и теперь не блещутъ образованіемъ, проводя свои дни въ церковныхъ службахъ и тѣлесныхъ трудахъ, Да они и не нуждаются въ многоразличныхъ знаніяхъ: молитва и дѣла благочестія—вотъ главная сфера ихъ нравственной дѣятельности. Мирно живутъ они подъ охраной великаго основателя лавры Саввы Освященнаго, вознося свои молитвы къ Богу и съ нетерпѣніемъ ожидая того момента, когда душа ихъ, совлекши свою земную оболоку, отлетитъ отъ земли на небо. Съ благоговѣніемъ вспоминали мы объ извѣстныхъ намъ отшельникахъ, населявшихъ это пустынное мѣсто: о Стефанѣ чудотворцѣ, племянникѣ Дамаскина, о св. Іоаннѣ Савваитѣ, о Кириллѣ Скиѳопольскомъ, о пѣснопѣвцѣ Козьмѣ, и о многихъ другихъ.

Наше размышленіе было прервано кавасомъ, пришедшимъ доложить намъ, что уже три часа и что пора собираться, иначе намъ придется ѣхать въ сумеркахъ и даже въ полутьмѣ, что, въ виду кочующихъ бедуиновъ, далеко не безопасно. Поблагодаривъ радушныхъ монаховъ за гостепріимство, мы вышли изъ желѣзныхъ вратъ монастыря. Архимандритъ Анѳимъ съ братіей весьма сожалѣли, что ихъ обитель не осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ нашъ Преосвященный ректоръ. Они намѣревались было приготовить ему пріемъ, достойный его святительскаго сана. Вообще, въ лавру св. Саввы рѣдко заѣзжаютъ даже сами греческіе епископы. Только два дня въ году, въ день памяти св. Саввы Освященнаго, 5-го декабря, и въ день святит. Николая, 6-го декабря, храмы святой обители оглашаются торжественными звуками архіерейскаго служенія.

Монахи насъ удерживали до 4 ч. дня, когда у нихъ начиналась вечерня, но за позднимъ временемъ, мы, къ сожалѣнію, не могли долѣе оставаться. Ровно въ 3 ч. дня мы сѣли наословъ и отправились въ Іерусалимъ, но только по другой дорогѣ, имѣя намѣреніе заѣхать въ бывшій монастырь св. Ѳеодосія, друга и сподвижника Саввы Освященнаго. Разстоянія отъ лавры— $1^1/_2$ ч. пути. При выѣздѣ изъ послѣднихъ воротъ, мы увидѣли, налѣво отъ башни Юстиніана, другую высокую и крѣпкую башню. Эта башня служитъ пристанищемъ для паломницъ, для которыхъ въ находящейся тамъ церкви монахи служатъ молебны св. угодникамъ этой святой обители. Надо сказать, что въ самую лавру женщины не допускаются по обѣту самого основателя, который не допустилъ сюда даже свою старую мать, пожелавшую жить вмѣстѣ съ своимъ любимымъ дѣтищемъ. Рядомъ съ этой башней находятся развалины иноческой школы, гдѣ готовившіеся принять монашество и навсегда поселиться въ св. лаврѣ выдерживали предварительный иноческій искусъ, приготовляясь къ подвижническому житію и занимаясь чтеніемъ св. книгъ, или же учась грамотѣ. Отъѣхавъ съ $^1/_2$ часа пути отъ лавры, мы взглянули въ послѣдній разъ, чтобы запечатлѣть въ своей душѣ этотъ чудный видъ на св. обитель. Трудно вообразить себѣ болѣе замѣчательное мѣсто, какъ это уединенное жилище! Издали эта обитель, высящаяся надъ пропастью, съ своими

стѣнами, башнями, особенно съ своей высокой Юстиніановой башней, имѣющей сторожа на вышкѣ, напоминаетъ старинную крѣпость, сооруженную для защиты отъ враговъ и населенную храбрыми воинами. Дѣйствительно, это—крѣпость, охраняющая отъ враговъ вѣру православную; но населена она не храбрыми воинами, а мирными и смиренными иноками, защищающими истинное православіе не силою меча и оружія, а силою настоящей молитвы и могуществомъ Всечестнаго Креста. Никогда не изгладится изъ нашей памяти эта знаменитая лавра съ своею ужасною бездною, къ которой весьма подходитъ названіе „огненнаго потока“ или „печальной юдоли“. Къ западу отъ монастыря видна очень высокая гора Ель-Монтарь, черная и голая, выдѣляющаяся своимъ отвѣснымъ скатомъ, идущимъ почти безъ перерыва. Есть мнѣніе, что на этой горѣ совершался нѣкогда ежегодно древне-еврейскій обрядъ „козла отпущенія“, именно: жертвеннаго козла приводили на этотъ холмъ, съ вершины котораго и сталкивали его, при чемъ животное, конечно, разбивалось на смерть объ отвѣсные утесы. Это дѣлалось въ виду того, чтобы козелъ отпущенія, прямо отпущенный въ пустыню, не возвратился обратно въ Іерусалимъ, что считалось дурнымъ признакомъ и предзнаменованіемъ какой-нибудь бѣды, имѣющей быть ниспосланною Іеговою Своему избранному народу. Вообще, всѣ горы на западъ отъ лавры очень высоки и своими остріями касаются облаковъ. Начиная отъ самой лавры, мы поднимаемся все выше и выше, ѣдемъ по направленію къ сѣверу и, наконецъ, достигаемъ высокаго холма, называемаго „горою Пресвятой Богородицы“. На этой горѣ нѣкогда подвизался св. Савва, и есть преданіе, что здѣсь ему явилась Пресвятая Дѣва, приказавъ ему поселиться въ одной изъ пещеръ въ печальной юдоли. Близъ этого холма находятся развалины монастыря аввы Пассаріона. Отсюда открывается горизонтъ на большое разстояніе. Мы видимъ Іорданъ и Мертвое море съ ихъ окрестностями. Ярко сіяющее солнце глядитъ въ воды священной рѣки, которая, при солнечномъ освѣщеніи, издали кажется длинной извивающейся лентой, отливающей различными цвѣтами. Намъ видно, какъ эта извилистая лента соединяется съ узкимъ и длиннымъ, сдавленнымъ высокими, голыми горами, водоемомъ съ зеркаль-

ной поверхностью, т. е. съ Мертвымъ моремъ. Солнце горитъ надъ нимъ, зажигая его золотыми искрами. Кажется издали, что прозрачная вода этого моря вспыхиваетъ, блещетъ, ярко горитъ подъ отвѣсными ослѣпительными лучами солнца, представляя волшебную картину природы. Надъ нимъ разстилается легкій прозрачный туманъ, подобно волшебной дымкѣ, закрывающей отъ насъ дальнюю перспективу. Невольный страхъ охватываетъ насъ при видѣ этого страшнаго моря, замѣнившаго своею гладкою поверхностью стоявшіе нѣкогда на этомъ мѣстѣ цвѣтущіе города. Поднимаясь все выше и выше къ сѣверо-востоку и часто оглядываясь, чтобы полюбоваться дивной панорамой этого моря, мы, наконецъ, взобрались на крутую гору, названную „кастеллійской горой“, такъ какъ, по преданію, на ней нѣкогда Иродъ, царь іудейскій, построилъ для защиты отъ враговъ крѣпость или кастеллюмъ, разрушенную затѣмъ римлянами во время войнъ ихъ съ евреями. Св. Савва на этихъ развалинахъ соорудилъ нѣсколько келлій для самыхъ добродѣтельныхъ иноковъ, образовавъ, такимъ образомъ, киновію, куда онъ иногда уходилъ спасаться и самъ, живя въ то же время въ основанной имъ лаврѣ. Подъ развалинами онъ нашелъ прекрасную храмину, которую, очистивъ отъ мусора и украсивъ, передѣлалъ на церковь. Есть преданіе, что на этой горѣ гнѣздились бѣсы, устрашавшіе многихъ приходившихъ туда отшельниковъ. Но св. Савва, прежде чѣмъ сдѣлать ее обитаемой, прогналъ бѣсовъ, окропивши ее со всѣхъ сторонъ елеемъ, взятымъ отъ св. Креста, и оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ, какъ неприступною стѣною, не допускавшею до него исконныхъ враговъ Господа. Затѣмъ эта киновія была разрушена Хозроемъ, и теперь это мѣсто представляетъ однѣ развалины. Старыхъ крѣпостныхъ стѣнъ и вообще камней, которые напоминали бы о древности сооруженія, здѣсь не видно. По всей вѣроятности, эти старые камни и были унесены въ самую лавру для постройки. Здѣсь, въ бывшихъ усыпальницахъ, находящихся въ пещерахъ, находятъ кости мучениковъ, убитыхъ врагами христіанской вѣры. Легенда говоритъ, что поклонники уносили эти кости съ собою, но черезъ нѣсколько времени онѣ опять возвращались въ родную усыпальницу. Эта кастеллійская гора изобилуетъ множествомъ пещеръ и цистернъ.

Все показываетъ, что здѣсь нѣкогда была жизнь. Восточный видъ горы весьма скалистъ, неприступенъ и непроходимъ, но съ южной стороны она пологата, и весь склонъ ея въ этомъ мѣстѣ выровненъ. Западная и сѣверная стороны горы весьма отвѣсны и почти обрывисты, но не скалисты и не высоки.

Наконецъ, въ началѣ шестого часа вечера, мы достигли до мѣста подвиговъ св. Ѳеодосія. Монастырь этого Святаго былъ расположенъ на высокомъ холмѣ; теперь здѣсь однѣ развалины, огражденныя стѣною. Намъ пришлось объѣзжать кругомъ ограды, чтобы попасть въ ворота бывшаго монастыря. Громадная собака, готовая растерзать непрошенныхъ гостей, съ громкимъ лаемъ бросилась на насъ. Появился монахъ, который, предложивъ намъ оставить ословъ у воротъ бывшей киновіи, повелъ насъ черезъ дворъ въ пріемную комнату для гостей, въ азіатскомъ вкусѣ, съ турецкими диванами по стѣнамъ. Насъ угостили, по восточному обычаю, холодною водою съ изюмомъ, затѣмъ повели осматривать достопримѣчательности. Ихъ немного, и осмотръ былъ непродолжителенъ. Весь дворъ загроможденъ большими камнями, привезенными сюда для постройки какихъ-то зданій. Присутствіе здѣсь этихъ камней намъ объяснили тѣмъ, что греки намѣревались возобновить древнюю киновію, начавъ строить церковь на мѣстѣ прежнихъ развалинъ, но, за неимѣніемъ средствъ, работа пріостановлена. Съ полною достовѣрностью говорятъ, что именно на этомъ мѣстѣ стоялъ многолюдный прежде монастырь св. Ѳеодосія, разрушенный Персами. Этотъ монастырь былъ основанъ около той пещеры, въ которой, по преданію, ночевали волхвы, возвращаясь изъ Виѳлеема послѣ поклоненія рожденному Спасителю „инымъ путемъ въ страну свою“, т. е. не черезъ Іерусалимъ. Въ этой пещерѣ и жилъ сначала, до постройки монастыря, св. Ѳеодосій, который обрѣлъ мѣсто для монастыря, по наитію отъ Бога. Именно, разыскивая мѣсто для постройки обители, Святый наполнилъ имѣвшуюся у него въ рукахъ кадильницу холоднымъ углемъ съ ѳиміамомъ. Когда онъ шелъ недалеко отъ святой пещеры, внезапно уголья въ кадильницѣ загорѣлись сами собой, и благоуханный дымъ воскурился изъ нея. Святый понялъ, что это мѣсто избрано Богомъ для постройки монастыря, и онъ безпрекословно вы-

полнилъ велѣніе Божіе. Монастырь богатѣлъ и имѣлъ въ стѣнахъ около тысячи человѣкъ братіи. Слава о немъ все возрастала. Но затѣмъ наступили для него годины бѣдствій. Онъ испытывалъ частые погромы отъ арабовъ и турокъ, особенно въ первые годы IX столѣтія, когда онъ запустѣлъ совершенно. Затѣмъ совершилось обновленіе его въ XI вѣкѣ, одновременно съ обновленіемъ храма Воскресенія. Подобно лаврѣ св. Саввы, монастырь св. Ѳеодосія и послѣ этого часто былъ опустошаемъ и возобновляемъ, но въ концѣ XIV вѣка эта обитель одновременно съ Саввинской лаврой запустѣла совершенно и уже болѣе не возставала изъ развалинъ.

Намъ очень хотѣлось посмотрѣть ту пещеру, гдѣ, по преданію, ночевали волхвы. Въ настоящее время она очищена отъ мусора и приведена въ надлежащій видъ. Сопровождавшій насъ монахъ ввелъ насъ въ большую длинную пещеру, высѣченную въ скалѣ, довольно сухую, ибо въ нее проникаетъ свѣтъ и чистый воздухъ. Тамъ находится нѣсколько гробницъ погребенныхъ въ этой пещерѣ святыхъ, именно: гробница самого св. Ѳеодосія, его матери, Евлогіи, матери св. Саввы, Софіи, матери св. безсребренниковъ Козьмы и Даміана, Ѳеодотіи и, наконецъ, гробница матери Ксенофонта. На стѣнкѣ этой пещеры нѣтъ никакихъ изображеній святыхъ и никакого креста. Все говоритъ за глубокую древность этой пещеры волхвовъ. Извѣстно также, что въ этой обители, можетъ быть, даже въ этой пещерѣ была погребена и св. Евфросинія, смиренная игуменья Полоцкаго дѣвичьяго монастыря, за 15 лѣтъ до завоеванія Іерусалима Саладиномъ, въ 1173 году. Впослѣдствіи св. мощи ея были перенесены въ Кіевъ, гдѣ и почиваютъ понынѣ въ кіевскихъ пещерахъ. Въ пещерѣ волхвовъ въ настоящее время дежурятъ монахи, читая псалтырь и служа панихиды по желанію паломниковъ, которые могутъ здѣсь записывать на вѣчное поминовеніе имена своихъ близкихъ покойниковъ. Но кажется, что богомольцы рѣдко сюда заглядываютъ. Мы вышли изъ пещеры и остановились, чтобы полюбоваться открывающимся передъ нашими взорами восхитительнымъ видомъ. Передъ нами совершенно открытая мѣстность, видимая на большое разстояніе, окаймленная со всѣхъ сторонъ многочисленными холмами самыхъ разнообразныхъ причудливыхъ очертаній, и надъ всей этой громадой разстилается

небесный куполъ нѣжно-голубого цвѣта, безукоризненной чистоты, безъ малѣйшаго признака облачка. Заходящее солнце освѣщаетъ послѣдними своими лучами эту дикую, но въ то же время поэтичную пустыню. Но однако, надо спѣшить. Уже шесть часовъ вечера. Мы быстро садимся на ословъ, наскоро прощаемся съ удивленными нашею поспѣшностью монахами и выѣзжаемъ изъ воротъ возобновляемаго монастыря, чтобы засвѣтло добраться до Іерусалима и не блуждать въ вечернемъ полумракѣ въ незнакомыхъ окрестностяхъ города. Болѣе получаса ѣхали мы по каменистой мѣстности, поднимаясь на холмы и затѣмъ опять опускаясь въ овраги. При подъемѣ на болѣе или менѣе отвѣсные холмики, мы съ трудомъ держались на осликахъ, подвергаясь опасности скатиться съ маленькихъ животныхъ. Окидывая взоромъ эту необозримую холмистую равнину, перерѣзанную по разнымъ направленіямъ оврагами, мы замѣчаемъ вдали много черныхъ точекъ. При приближеніи къ послѣднимъ, оказывается, что это—палатки кочующихъ бедуиновъ, покрытыя сверху и съ боковъ овечьими кожами, почернѣвшими отъ времени. Непріятно встрѣтиться ночью съ этими кочевниками, внушающими страхъ всѣмъ проходящимъ своимъ страшнымъ видомъ и горящими огненнымъ блескомъ черными глазами. Эта непріятность и могла бы случиться съ нами, если бы мы пробыли лишній часъ въ гостепріимной обители св. Саввы.

Наконецъ, мы спускаемся въ глубокое ущелье, окаймленное съ обѣихъ сторонъ крутыми утесами, спускъ съ которыхъ на дно этого глубокаго рва сопряженъ съ опасностью перескочить черезъ голову осла и низринуться на каменное дно ущелья. Но привычныя животныя осторожно и съ необычайною аккуратностью, медленно передвигая ноги, спустились съ утеса, и мы свободно вздохнули, увидѣвъ себя безопасными на ровной тропинкѣ на днѣ глубокаго оврага между отвѣсными скалами. По руслу этого оврага намъ встрѣчается какой-то тощій кустарникъ, иногда попадаются тощія масличныя деревья съ чахлыми листьями. Вдругъ, лошадь каваса шарахнулась въ сторону, и наши ослы насторожили уши. Оказалось, что довольно большой камень упалъ сверху въ самую средину нашей кавалькады. Поднявъ голову, мы увидѣли на самомъ верху, на самой окраинѣ ов-

рага, толпу арабовъ, кидавшихъ въ насъ камни и ста равшихся попасть въ цѣль, но неудачно. Живо пришпоривъ своихъословъ, мы поскакали, какъ только возможно, быстрѣе, не желая быть жертвою восточныхъ дикарей. Попытка забросать насъ каменьями повторилась и въ другомъ мѣстѣ, гдѣ ущелье было глубоко и широко, и камни, поэтому, не долетали до насъ. Долго мы ѣхали по этому ущелью, такъ что насъ начала одолѣвать скука и явилось даже опасеніе, не заблудились ли мы въ этомъ обширномъ оврагѣ, въ виду быстрой наступающей ночи, тѣмъ болѣе, что, какъ оказалось, нашъ Христо не зналъ этой дороги и ѣхалъ наугадъ, повинуясь инстинкту своей лошади.

Былъ уже восьмой часъ вечера. Масличныя деревья намъ стали попадаться все чаще и чаще. Все длиннѣе и длиннѣе становились тѣни деревьевъ. Солнце уже зашло. Мы предчувствуемъ скорое приближеніе ночи, которая на востокѣ быстро наступаетъ послѣ солнечнаго заката. Съ востока уже надвигается тьма. На потемнѣвшемъ небѣ уже робко загорается блѣдная, дрожащая вечерняя звѣздочка. Но вотъ, высокіе утесы, окаймляющіе ущеліе, стали понижаться, и мы очутились въ долинѣ, называемой долиной Еннома, и передъ нашими взорами показалась гора Елеонская съ находящеюся на ней церковью и высокою колокольнею. Налѣво отъ насъ „Акелдама“—„село крови“, уцѣлѣвшая до сего дня. Она представляетъ собою пещерное кладбище, нависшее надъ угрюмой мрачной долиной Еннома, долиной печали и слезъ, ставшей символомъ ада кромѣшнаго. Здѣсь всюду господствуетъ смерть, отовсюду вѣетъ ея дыханіемъ. Съ незапамятныхъ временъ, эта долина наводила на людей страхъ и трепетъ. Долина Еннома нѣкогда оглашалась воплями дѣтей и раздирающими стонами матерей, у которыхъ отнимали ихъ чадъ, чтобы принести ихъ въ жертву страшному идолу Молоху, воздвигнутому при царяхъ Ахазѣ, Манассіи и Амонѣ. Дѣтей клали на раскаленныя распростертыя руки бронзоваго бога, и они умирали въ трескѣ костра, расположеннаго позади этого идола, умирали при звукахъ трубъ и тамбуриновъ, при изступленныхъ пѣсняхъ жрецовъ, при безумныхъ крикахъ жрицъ, плясавшихъ вокругъ кровожаднаго бога, не знающаго милосердія. Звуки этихъ безумныхъ оргій въ честь Молоха смѣшивались съ

нечеловѣческими, неистовыми криками умиравшихъ жертвенныхъ младенцевъ и съ дикими, раздирающими душу воплями ихъ несчастныхъ родителей, которые, полные горя и отчаянія по своимъ умершимъ дѣтямъ, съ проклятіемъ бросались сверху этой долины прямо внизъ, чтобы не пережить своихъ, часто единственныхъ, малютокъ. „Село крови“ избрало себѣ соотвѣтствующее мѣсто. Оно представляетъ собою обширную пещеру, въ которой находится много отдѣльныхъ гробовыхъ помѣщеній, въ видѣ каменныхъ ложъ съ нишами. Это, по преданію, и есть та „земля горшечника“, которая была куплена за тридцать сребренниковъ, брошенныхъ раскаявшимся Іудой къ ногамъ первосвященниковъ.

Невольно вспоминая исторію покупки этого села, а также приводя себѣ на мысль всѣ ужасы, соединенные съ долиною Еннома, мы спѣшимъ скорѣе удалиться изъ этого жилища смерти.

Скоро мы достигли улицъ Іерусалима, и въ девятомъ часу вечера прибыли въ занимаемыя нами русскія постройки, хотя и уставшіе, но довольные полученными нами дневными впечатлѣніями.

2-е Іюля. Воскресенье. Въ Крестномъ монастырѣ. На актѣ въ греческой семинаріи. Послѣдній обзоръ Іерусалима. Царскія гробницы. Пещера пр. Іереміи. Приготовленіе къ отъѣзду въ Назаретъ.

Въ 8 часовъ утра мы отправились въ Крестный монастырь, гдѣ находится единственная въ Палестинѣ греческая духовная семинарія. Въ этой семинаріи на сегодняшній день былъ назначенъ торжественный актъ по случаю окончанія выпускныхъ экзаменовъ въ семинаріи. На него Преосвященный съ своими спутниками уже давно получилъ приглашеніе отъ Іерусалимскаго патріарха.

Крестный монастырь находится на разстояніи $^1/_2$—$^3/_4$ часа ѣзды отъ Іерусалима. Онъ называется такъ потому, что основанъ, по преданію, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ росло то дерево, изъ котораго былъ сдѣланъ крестъ Спасителя. Въ лѣвомъ придѣлѣ храма Крестнаго монастыря до сихъ поръ показываютъ въ полу, въ серебряномъ кругѣ, отверстіе, къ которому благоговѣйно прикладываются паломники, какъ къ мѣсту, гдѣ росло Животворящее Древо.

Вскорѣ послѣ нашего пріѣзда въ Крестный монастырь тамъ началась торжественная литургія. Литургію совершалъ самъ Патріархъ при участіи многочисленнаго духовенства и восьми діаконовъ, питомцевъ школы. Пѣли семинаристы, и пѣли довольно стройно, хотя и не особенно привычно для нашего „русскаго“ уха. Апостолъ и Евангеліе были прочитаны на трехъ языкахъ: греческомъ, славянскомъ и арабскомъ. По окончаніи литургіи, антидоръ раздавалъ самъ Патріархъ всѣмъ присутствующимъ при богослуженіи, среди которыхъ было много лицъ изъ высшаго іерусалимскаго общества.

Актъ начался не сразу по окончаніи богослуженія. Сначала насъ пригласили въ архондарикъ семинаріи, гдѣ собрались: Патріархъ, митрополиты, русскій и греческій консула въ Іерусалимѣ и нѣсколько другихъ высокопоставленныхъ лицъ. Изъ архондарика, послѣ обычнаго восточнаго угощенія глико и кофе, снова всѣ отправились въ церковь, гдѣ и состоялся актъ. Онъ начался молебномъ, который совершилъ Патріархъ. Послѣ молебна былъ прочитанъ Отчетъ о состояніи Семинаріи въ истекшемъ (1899—90 году). Изъ Отчета видно, что этотъ годъ школы—седьмой, по возстановленіи ея въ 1893 году. Основанная въ 1853-мъ году патріархомъ Кирилломъ Вторымъ, она то закрывалась, то открывалась, въ зависимости отъ матеріальнаго состоянія Іерусалимской патріархіи. Послѣдній разъ школа вновь была открыта 9-го сентября, 1893 года, при патр. Герасимѣ Второмъ. Она содержится на средства Іерусалимской патріархіи, отъ имени которой матеріально-экономическимъ бытомъ школы завѣдуетъ скевофилаксъ Св. Гроба, архим. Евѳимій. Ректоромъ школы съ 24-го января, 1900-го года, состоитъ грекъ, іеродіаконъ Хрисостомъ Попадопуло, окончившій курсъ Петербургской Духовной Академіи. Попечителемъ же школы или почетнымъ схолархомъ—архіепископъ Іорданскій Епифаній Въ отчетномъ году въ школѣ обучалось 58 воспитанниковъ. Окончило курсъ 11 человѣкъ (8 изъ нихъ въ санѣ діакона).

Въ продолженіе учебнаго года ученики школы занимались прохожденіемъ разныхъ общеобразовательныхъ и богословскихъ курсовъ, по установленнымъ программамъ. Курсъ школы—семилѣтній. Программы предметовъ очень обширны и разнообразны. Задача школы, какъ видно, состоитъ въ

томъ, чтобы приготовлять разносторонне образованныхъ кандидатовъ священства, почему, наряду съ богословскими науками, очень много удѣляется мѣста и свѣтскимъ. Отчетный годъ, какъ видно, былъ временемъ весьма усиленной и плодотворной дѣятельности учащихъ и учащихся, которые съ усердіемъ исполняли возложенныя на нихъ обязанности. Успѣху учебно-воспитательнаго дѣла школы много содѣйствовала новая программа преподаванія въ ней наукъ, окончательно выработанная лишь въ минувшемъ учебномъ году. Съ цѣлью расширенія умственнаго развитія учащихся, новою программою введено изученіе исторіи философіи и метафизики, а также ученикамъ даются письменныя работы философскаго характера, и при ихъ участіи устраиваются философскія бесѣды, по методѣ сократической. Выпускные кромѣ того представили нѣчто вродѣ кандидатскихъ работъ. Вотъ темы нѣкоторыхъ изъ этихъ сочиненій, написанныхъ воспитанниками послѣдняго выпуска и выставленныхъ для обозрѣнія публики на столѣ: „Ученіе христіанства о началѣ зла“, „О возможности и необходимости молитвы“, „Вѣчность мученій“, „Вопросъ о трехчастномъ составѣ іерархіи“, „Недѣйствительность флорентійской уніи“, „Обличеніе ученія о главенствѣ папы“, „Ученіе о Божествѣ Іисуса Христа“, „Правильныя отношенія между церковью и государствомъ“. Отчетъ отмѣчаетъ большое образовательное вліяніе на учениковъ школы преподаваемыхъ въ ней богословскихъ наукъ, программы которыхъ стоятъ на ряду съ программами по тѣмъ же предметамъ Халкинскаго богословскаго училища и богословскаго факультета университета въ Аѳинахъ. Преподавателями школы состоятъ по преимуществу воспитанники—греки, обучавшіеся въ русскихъ Академіяхъ. Изъ Московской Академіи, между прочими, есть два преподавателя. Воспитаніе учениковъ ведется въ духѣ православія и церковности.

По прочтеніи секретаремъ Отчета, почетный схолархъ школы, архіепископъ Іорданскій Епифаній, обратился къ окончившимъ воспитанникамъ съ привѣтственною рѣчью. Затѣмъ началась раздача воспитанникамъ дипломовъ. Въ порядкѣ разряда, по вызову Ректора, подходили они къ архіеп. Епифанію, который, вручая каждому дипломъ, произносилъ слѣдующее: „Богословская школа выдаетъ тебѣ чрезъ меня это свидѣтельство, какъ награду за твое трудолюбіе и доброе

поведеніе во все время ученія; ты же постарайся показать себя достойнымъ служителемъ Церкви и вѣрно сохраняй то, что здѣсь воспринялъ и чему научился". Каждый изъ воспитанниковъ, получая дипломъ, произносилъ слѣдующую присягу, подписывая ее потомъ на особомъ листѣ: „Такъ какъ священная для меня богословская школа удостоила меня избрать въ разрядъ дидаскаловъ православнаго христіанскаго богословія, то я, считая себя обязаннымъ блаженнѣйшему отцу Даміану и остальному почтенному Святогробскому братству, предъ тобою, честный отецъ, и предъ всѣми обучавшими меня преподавателями и предъ лицемъ Бога исповѣдую публично во всю жизнь хранить вѣру чистую и неповрежденную, какъ я получилъ и наученъ ей, и вѣрно служить Церкви, и мнѣ, во исполненіе этого обѣщанія, пусть будетъ въ жизни помощникомъ Богъ". Чтеніе этой присяги производило сильное впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ, такъ какъ многіе изъ учениковъ читали ее сквозь душившія ихъ слезы, а нѣкоторые просто плакали навзрыдъ, при мысли о важности обѣтовъ, даваемыхъ ими, отвѣтственности и трудности предстоящаго имъ служенія, и при мысли о разлукѣ со школою. Получивъ свидѣтельство, каждый лобызалъ десницу блаженнѣйшаго Патріарха, почетнаго схоларха, всего честнаго собора и покровителя школы архим. Евѳимія. Послѣ выдачи свидѣтельствъ, обратился къ окончившимъ курсъ съ рѣчью патріархъ Даміанъ, выразившій свою радость по поводу ихъ успѣха въ наукахъ и окончанія ими курса и преподавшій имъ рядъ отеческихъ наставленій. Послѣ него произнесъ длинную рѣчь ректоръ школы іеродіаконъ Хрисостомъ Попадопуло, говорившій о характерѣ и трудности служенія Сіонской Церкви со стороны новыхъ ея дѣятелей, питомцевъ Іерусалимской школы. Рѣчь эта, прекрасная по содержанію и произнесенная съ ораторскимъ искусствомъ, выслушана были всѣми съ большимъ интересомъ, а у многихъ учениковъ вызвала обильныя слезы. Въ заключеніе торжества отъ лица окончившихъ ученіе воспитанниковъ произнесъ сквозь слезы благодарственное слово Патріарху и всему Святогробскому братству іеродіаконъ Климентъ, родомъ съ острова Кипра.

По окончаніи акта, всѣхъ присутствующихъ пригласили на обѣдъ, въ общую семинарскую столовую. Тутъ же при-

сутствовали и окончившіе курсъ. Греческое духовенство за обѣдомъ во главѣ съ Патріархомъ ѣло мясную пищу; для Преосвященнаго же и сопровождавшаго его монашествующаго духовенства была приготовлена постная пища. Обѣдъ, какъ всегда восточные обѣды, былъ очень обиленъ и разнообразенъ, и прерывался многими рѣчами. Говорилъ Патріархъ, поздравившій воспитанниковъ и преподавателей Семинаріи съ окончаніемъ учебнаго года; ректоръ Семинаріи, благодарившій Патріарха и гостей, и другіе. Послѣ того, какъ за Преосвященнаго Арсенія былъ предложенъ тостъ, онъ сказалъ рѣчь, отмѣченную на другой день греческими, арабскими и турецкими газетами. Выразивъ чувства радости по поводу присутствія на торжествѣ школы и благодарность за гостепріимство, Преосвященный указалъ на ту борьбу, которую дѣятели Сіонской Церкви, выходящіе, главнымъ образомъ, изъ стѣнъ школы Святаго Креста, должны постоянно вести съ многочисленными ея врагами. „Слезы, обильно лившіяся изъ глазъ окончившихъ курсъ,—говорилъ, между прочимъ, Преосвященный,—слезы ли это радости при представленіи предстоящихъ радостей и утѣхъ жизни, или слезы скорби при представленіи тѣхъ тяжелыхъ условій пастырскаго служенія, о которыхъ церковные дѣятели, трудящіеся въ благоденствующей Россіи, подъ скипетромъ православнаго Государя, и представленія не имѣютъ?!“... Въ заключеніе Преосвященный пожелалъ процвѣтанія этой школѣ, а окончившимъ курсъ—твердости, мужества и терпѣнія даже до смерти, если то потребно будетъ для дѣла Христова, въ непрестанномъ упованіи, что *претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ*. Воодушевленная рѣчь Преосвященнаго вызвала всеобщее одобреніе и ему нѣсколько разъ пропѣто было многолѣтіе по русски и по гречески.

Съ рѣчами и тостами обѣдъ затянулся довольно долго. Послѣ обѣда гости начали разъѣзжаться, а о. ректоръ семинаріи пригласилъ насъ познакомиться со школою. Школа помѣщается въ вѣковыхъ монастырскихъ зданіяхъ, совершенно не предназначавшихся для этой цѣли. Поэтому говорить о школьныхъ удобствахъ помѣщенія, можно только весьма относительно. Можно только удивляться любви грековъ къ духовному просвѣщенію, ради котораго они мирятся со многими внѣшними неудобствами. Осмотрѣли мы и библіотеку.

Если ее нельзя назвать богатой книгами, то во всякомъ случаѣ она и не бѣдна. Тутъ есть и русскія книги. Изъ отчета видно было, что въ истекшемъ напр. учебномъ году отъ Патріарха поступило 123 названія русскихъ книгъ различнаго содержанія. А по распоряженію нашего Святѣйшаго Синода безплатно высылалось семь богословскихъ періодическихъ изданій. О. Хрисостомъ тутъ же попросилъ преосвященнаго Ректора высылать всѣ богословскія сочиненія, выходящія подъ цензурою Московской Академіи, равно какъ выслать и всѣ святоотеческія творенія, переведенныя и изданныя ею. Преосвященный съ готовностію обѣщалъ въ скоромъ времени исполнить просьбу. Въ истекшемъ году библіотека приведена въ порядокъ, составлены каталоги и книги расположены по шкафамъ.

Затѣмъ мы пришли въ одну изъ комнатъ, занимаемую воспитанниками школы, которые всѣ собрались около насъ и предложили намъ отъ себя обычное угощеніе. Тогда Ник. Θед. Каптеревъ, обратившись къ окончившимъ курсъ воспитанникамъ школы, заявилъ, что онъ, какъ старый профессоръ, какъ учитель ихъ учителей (двое изъ учителей школы воспитанники Московской Духовной Академіи и ученики Н. Θ-ча), желаетъ сказать имъ нѣсколько словъ. „Вотъ Вы, молодые люди, говорилъ Н. Θ-чъ, закончили свое образованіе въ воспитавшей Васъ школѣ, и скоро вступите въ жизнь, занявъ въ ней то или другое общественное положеніе. Но, вѣроятно, если уже не всѣ, то большинство изъ Васъ, пожелали-бы продолжать Ваше образованіе въ какой-либо высшей школѣ. Это тѣмъ болѣе для Васъ необходимо, что Вамъ въ будущемъ придется постоянно жить и дѣйствовать среди инославныхъ представителей, нерѣдко очень сильныхъ своими научными занятіями и образованіемъ, опираясь на которыя, они стараются совращать православныхъ. Вамъ придется бороться съ ними, но Вы, какъ воспитанники только средней школы, научно будете вооружены слабѣе ихъ. Къ сожалѣнію, у православныхъ грековъ ни здѣсь— въ Іерусалимѣ, ни въ другихъ мѣстахъ нѣтъ своей высшей богословской школы, нѣтъ греческой духовной Академіи. Конечно, нѣкоторые изъ Васъ высшее богословское образованіе могутъ получить, и дѣйствительно получаютъ, въ Духовныхъ Академіяхъ Россіи. Но вѣдь Россія далеко, не вся-

кій изъ Васъ можетъ и захочетъ туда ѣхать, — въ русскія Духовныя Академіи попадаютъ изъ Васъ только очень рѣдкія единицы. Въ виду этого, православнымъ грекамъ необходимо имѣть свою собственную греческую высшую богословскую школу, свою греческую Духовную Академію. Нѣкогда,—въ концѣ XVII вѣка,—къ намъ, русскимъ, явились два ученыхъ грека—братья Лихуды, которые устроили въ Москвѣ Славяно-греко-латинскую Академію, сдѣлавшуюся потомъ разсадницею богословскаго образованія на Руси. Теперь Россія, обязанная грекамъ устройствомъ своей первой школы, душевно рада будетъ заплатить имъ свой старый большой долгъ. Пусть окончившіе курсъ этой школы юноши ѣдутъ получать высшее православное богословское образованіе въ русскихъ православныхъ Духовныхъ Академіяхъ, и особенно въ Московской, какъ прямой продолжательницѣ той Академіи, которую основали въ Москвѣ ученые греки—братья Лихуды; и затѣмъ, пусть они возвращаются домой, но съ тѣмъ, чтобы уже трудиться и работать въ своей родной греческой православной Духовной Академіи, которая здѣсь будетъ основана. Я, поэтому, желаю всѣмъ Вамъ, чтобы каждый изъ Васъ, оставивъ воспитавшую Васъ школу и занявъ въ жизни то или другое положеніе, никогда однако не опускалъ бы изъ виду той мысли, что на немъ лежитъ нравственный долгъ всячески стараться объ устройствѣ высшей православной богословской школы—греческой Духовной Академіи, Академіи строго православной, которая бы служила прочною опорою православія на Востокѣ, разсадникомъ высшихъ богословскихъ знаній для всѣхъ его православныхъ народностей". На эту рѣчь Н. Ѳ-ча отвѣтилъ одинъ изъ окончившихъ курсъ воспитанниковъ школы, сказавшій приблизительно слѣдующее: Вы-де, профессоръ, подслушали наши собственныя мысли, выразили наши собственныя горячія желанія, такъ какъ устройство высшей богословской греческой школы составляетъ нашу всегдашнюю завѣтную мечту, на осуществленіе которой мы готовы употребить всѣ свои силы и старанія, а потому съ особенною сердечною благодарностію мы принимаемъ, профессоръ, Вашъ прекрасный завѣтъ намъ и благодаримъ Васъ за Ваше вниманіе и расположеніе къ намъ.

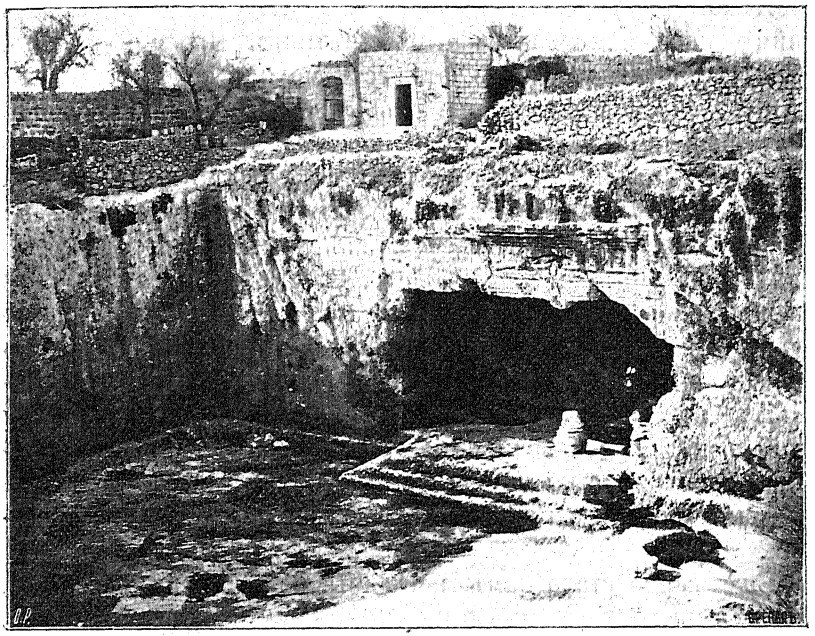
Затѣмъ, сердечно простившись съ воспитанниками, препо-

давателями и начальствомъ школы, мы уѣхали въ Іерусалимъ.

Завтра мы оставляемъ Іерусалимъ и отправляемся въ Назаретъ. Мы пробыли въ Іерусалимѣ десять дней. Не смотря на небольшой срокъ, мы постарались осмотрѣть, по возможности, всѣ достопримѣчательности, помолиться нѣсколько разъ у Гроба Господня, поклониться другимъ святынямъ, находящимся какъ въ самомъ городѣ, такъ и его окрестностяхъ. Время было дорого: запоздай немного, мы не могли бы тогда, за недостаткомъ времени, посѣтить Галилею, отчего наше путешествіе въ Палестину не было бы закончено. Боясь этого обстоятельства, мы всѣми силами старались не терять дорогого для насъ времени, употребляя его на обозрѣніе и поклоненіе святынямъ. Воспроизводя все видѣнное нами, мы рѣшили укрѣпить его въ памяти еще общимъ обозрѣніемъ всего Іерусалима и посмотрѣть неосмотрѣнное за недостаткомъ времени. На это мы и употребили сегодняшнее послѣобѣденное время. Прежде всего мы осмотрѣли такъ называемыя „царскія гробницы“.

Въ 4 часа мы отправились туда на ослахъ. Отъ Русскихъ построекъ „царскія гробницы“ находятся на разстояніи версты, не больше. Спустившись по крутымъ и широкимъ ступенькамъ, внизъ, на глубину пятнадцати футовъ, мы очутились на четыреугольной площадкѣ, въ 92 фута длины и 87 ф. ширины, на лѣвой сторонѣ которой высѣчена пещера въ скалѣ. Съ трудомъ прошли мы черезъ небольшое отверстіе этой пещеры и очутились въ погребальномъ вертепѣ. Онъ представляетъ собою комнату въ тридцать девять футовъ длины, семнадцать ширины и около пятнадцати вышины, съ слѣдами украшеній надъ фронтономъ. Сводъ скалы въ этой комнатѣ, какъ видно, украшенъ былъ лѣпной работой, изображающей вѣнки, плоды и листья. Эта комната, служа какъ бы могильнымъ портикомъ, имѣетъ нѣсколько дверей, ведущихъ въ самыя могилы. Снабдивъ насъ зажженными свѣчами, услужливый турокъ—проводникъ впустилъ насъ черезъ одну изъ этихъ дверей въ могильное помѣщеніе, гдѣ мы увидѣли въ стѣнахъ ниши для гробовъ. Гробницы высѣчены изъ отдѣльныхъ камней; внутри гробницы сдѣлано изголовье для покойника, а крышки у нѣкоторыхъ гробницъ украшены чешуйчатою рѣзьбою. Это могиль-

ное помѣщеніе вело въ другое подобное; которое, въ свою очередь, вело въ слѣдующія такой же формы и такого же



Царскія гробницы.

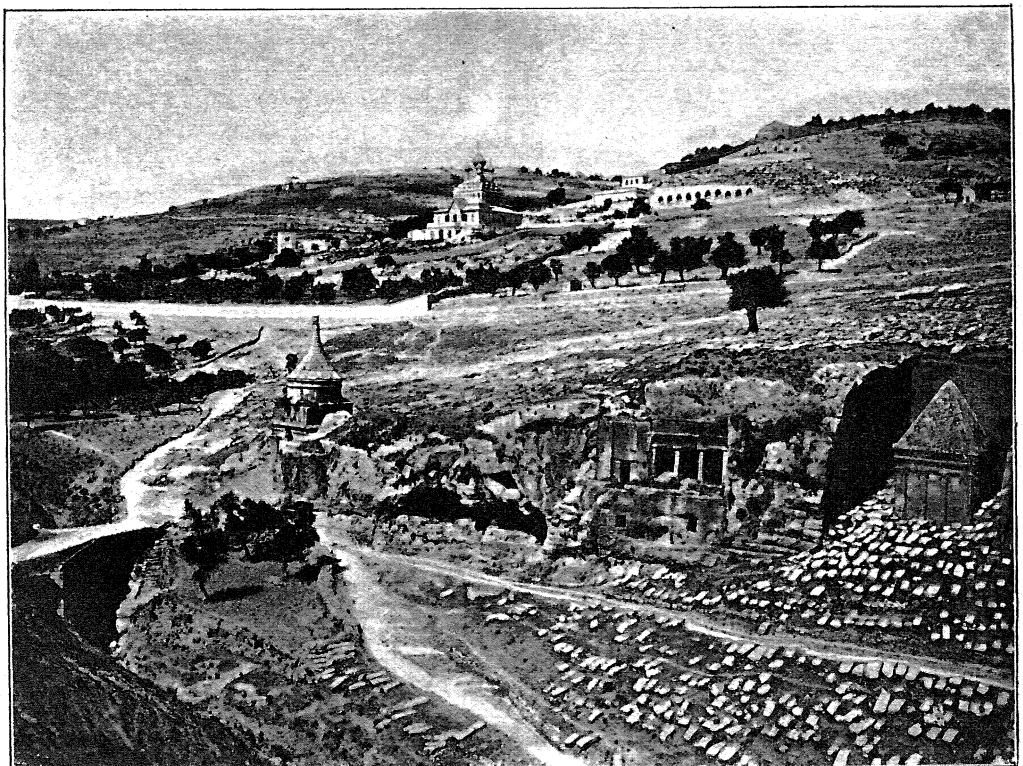
устройства. Ихъ оказалось четыре. Возвратившись обратно въ портикъ, мы хотѣли осмотрѣть остальныя могилы, пройдя черезъ другія двери портика, но намъ объяснили, что могильныя помѣщенія, ведущія черезъ двѣ другія двери, такого же вида, какъ и только что разсмотрѣнныя. Всѣхъ комнатъ, гдѣ помѣщаются гробницы, около десяти, и всѣ могильныя пещеры занимаютъ пространство въ семьдесятъ пять футовъ, съ одной стороны, и пятьдесятъ футовъ, съ другой. Протяженіе, занимаемое гробницами, какъ видно, внушительныхъ размѣровъ; это—цѣлое кладбище, могущее помѣстить множество покойниковъ. Около одного изъ отверстій, ведущихъ въ могильныя помѣщенія, мы замѣтили большой круглый камень, прислоненный къ стѣнѣ и служащій, повидимому, для того, чтобы закрывать это отверстіе. Невольно вспомнился намъ при этомъ тотъ ка-

мень, про который говорили нѣкогда жены мироносицы, идя помазать тѣло Іисусово и думая о томъ, „кто отвалитъ имъ камень отъ двери гроба“.

Нѣкоторые ученые полагаютъ, что эти усыпальницы есть ничто иное, какъ надгробный памятникъ Ирода Великаго. Другіе утверждаютъ, что это есть могила королевы Елены Адіавенской, которая еще въ своемъ отечествѣ, одной изъ провинцій Ассирійскаго царства, приняла еврейскую вѣру и съ своимъ сыномъ Изатомъ, въ 48 г. по Р. Х., переселилась въ Іерусалимъ. Изатъ съ своею матерью и своимъ многочисленнымъ потомствомъ и былъ погребенъ въ этомъ пышномъ мавзолеѣ. Во всякомъ случаѣ, эти пещеры не могли быть спеціальнымъ мѣстомъ вѣчнаго упокоенія еврейскихъ царей, такъ какъ извѣстно, что всѣ почти еврейскіе цари были похоронены въ разныхъ мѣстахъ въ самомъ Іерусалимѣ. Но, судя по изяществу украшеній и по величественности сооруженій, эти гробницы должны были принадлежать знатнымъ еврейскимъ фамиліямъ, не жалѣвшимъ средствъ для своего погребенія.

Еще жарче стало намъ, когда мы, осмотрѣвши гробницы, въ помѣщеніи которыхъ было достаточно прохладно и сыро, вышли на дворъ и по ступенькамъ поднялись вверхъ. Съ низкимъ поклономъ проводилъ насъ турокъ—проводникъ, получивши хорошую подачку за свои услуги. Отсюда мы рѣшили объѣхать Іерусалимъ уже знакомою намъ „долиной страшнаго суда Божьяго“, „Іосафатовою долиною“, окаймляющею Іерусалимъ съ востока. Направившись къ Дамасскимъ воротамъ, мы обратили свое вниманіе на зіяющую черную пасть въ скалѣ. Это и есть, по преданію, *пещера пророка Іереміи*, находящаяся противъ Дамасскихъ воротъ. Сюда мы не заходили, по недостатку времени, довольствуясь только разсказами нашихъ свѣдущихъ проводниковъ о преданіяхъ, связанныхъ съ этою пещерою. Преданіе же гласитъ, что тутъ пророкъ Іеремія, скорбѣвшій о нечестіяхъ и злополучіяхъ своей бѣдной родины, сокрылъ на вѣки, до часа страшнаго суда Божія, кивотъ Завѣта, манну небесную и прозябшій жезлъ Аарона. Отсюда же пророкъ созерцалъ разрушеніе родного Іерусалима и изливалъ о гибели Израиля тотъ горькій плачъ, который составляетъ теперь со-

Къ стр. 359.



Іосафатова долина.

держаніе книги съ такимъ же названіемъ — „Плачъ“. Затѣмъ, мимо мѣста побіенія первомученика Стефана, гдѣ теперь видны развалины, какъ говорятъ, византійской церкви, посвященной имени первомученика, мы спустились къ подножію Елеонской горы, и своротивъ направо, мимо Геѳсиманскаго сада, поѣхали вдоль подошвы горы Елеонской, по безотрадному ложу сухихъ камней потока Кедронскаго. Солнце склонялось къ западу, освѣщая вершины Елеона и зубчатыя стѣны Іерусалимскія, все болѣе и болѣе оставляя насъ въ тѣни. „Долина страшнаго суда Божія“ глядѣла теперь на насъ массою своихъ бѣлыхъ камней, торчащихъ изъ земли будто окаменѣлые скелеты погребенныхъ здѣсь народовъ, оставившихъ здѣсь свои слѣды. Трудно разобраться въ этомъ лабиринтѣ камней и развалинъ и отличить обрушившіяся скалы отъ остатковъ человѣческихъ сооруженій. Мы опять совсѣмъ близко проѣзжаемъ мимо тѣхъ трехъ великихъ, лежащихъ одна возлѣ другой, гробницъ, которыя считаются гробницами Авессалома, Іосафата и пророка Захаріи, умерщвленнаго царемъ Іоасомъ. Послѣднюю нѣкоторые считаютъ за гробницу пророка Исаіи, замученнаго на этомъ мѣстѣ. Показываютъ тутъ и остатки древней маслины, къ которой великій пророкъ привязанъ былъ и на которой жестокій царь Манассія, его родственникъ, распилилъ его деревянною пилою. Мрачно выглядываютъ эти гробницы, окутанныя тѣнью, навѣвая грустныя думы. Проѣзжаемъ затѣмъ мимо Силоамскаго колодезя, или „Купели Силоамской“, происхожденіе которой, по преданію, связано съ трогательною мученическою кончиною пророка Исаіи, для утоленія жажды котораго чудодѣйственно открылся этотъ источникъ. Передъ зіяющею черною аркою надъ входомъ въ него мы остановились. Оттуда доносились рѣзкіе дѣтскіе голоса. Нѣкоторые изъ насъ спустились въ подземелье и увидали весело плескавшихся въ водѣ источника черныхъ арабскихъ ребятишекъ, которые, скаля зубы, другъ передъ другомъ кричали: „бакшишъ, бакшишъ“. Одаривъ, къ великой радости ихъ, паричками, мы направились далѣе и въѣзжаемъ въ долину Енномову, евангельскую „геенну огненную“, съ которою соединено столько ужасныхъ историческихъ воспоминаній. Въ дни царей тутъ были цвѣтущіе сады, тѣнистыя рощи, которыя нечестивыми

царями наполнялись идолами Астарты. Въ виду этого, благочестивый царь Іосія повелѣлъ заваливать геенну всѣми нечистотами города, чтобы уничтожить эти осквернённыя идолопоклонствомъ рощи. Теперь долина Еннома изрыта и покрыта гробами, хотя посаженные здѣсь фруктовые сады значительно скрашиваютъ мрачный колоритъ этой страшной долины и мало напоминаютъ ужасныя евангельскія картины „геенны огненной“. Отсюда поднимаемся въ гору, къ мѣсту, гдѣ расположено было „село Скудельничье“, купленное архіереями и старцами цѣною Христовой крови, *въ погребеніе страннымъ*. Съ тѣхъ поръ до недавняго времени тутъ дѣйствительно и погребались пришельцы во святый градъ и паломники. Недалеко отсюда находится пещера преподобнаго Онуфрія, которую мы посѣтили и очень ласково были приняты греческими монахами. Отсюда восхитительный видъ на Іерусалимъ и окрестности. Это былъ конечный пунктъ нашего путешествія. Спустившись затѣмъ въ долину и обогнувъ Сіонскую гору, мы вступили на Виѳлеемскую дорогу, и мимо Яффскихъ воротъ возвратились уже вечеромъ на Русскія постройки.

Послѣ ужина состоялось общее совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ Преосвященнаго, при участіи о. Начальника миссіи, архим. Александра, Н. Г. Михайлова и каваса Марко. Предметомъ совѣщаній были два вопроса: а) составъ отправляющихся въ Галилею и б) способъ путешествія. По первому вопросу опредѣлилось, что не всѣ изъ нашей компаніи могутъ и желаютъ отправиться туда. Причины были разныя: болѣзненное состояніе (лихорадка, которою страдали два студента) и усталость, „тоска по родинѣ“ (ностальгія) — болѣзнь, хорошо знакомая путешественникамъ по чужимъ странамъ, финансовыя затрудненія; а два студента вмѣстѣ съ докторомъ рѣшились отправиться черезъ Александрію въ Египетъ, въ Каиръ и на пирамиды, не смотря на свирѣпствовавшую тамъ чуму и необходимость выдержать, по возвращеніи оттуда, десятидневный карантинъ. Такимъ образомъ ряды нашей компаніи начали рѣдѣть. Составъ желающихъ отправиться въ Галилею опредѣлился слѣдующій: преосвященный Ректоръ, о. Начальникъ миссіи, архим. Александръ, профессора — Н. Ѳ. К-въ и В. Н. М-нъ, о. Анастасій, студенты: Ш-нъ, С-въ, В-чъ, Н-кій, прот. В-въ съ сыномъ, пре-

подавателемъ Петербургской семинаріи, о. В-фіи, Новгородскій миссіонеръ. — Что касается второго вопроса, то тутъ тоже между участниками поѣздки произошло раздѣленіе. Дѣло въ томъ, что въ Назаретъ отправляются обыкновенно двумя путями: прямо на сѣверъ, по такъ называемой Наблусской дорогѣ, и параллельно берегу Средиземнаго моря, черезъ Кайфу. Первый путь значительно интереснѣе второго, такъ какъ пролегаетъ по мѣстамъ, съ которыми связаны тѣ или другія священныя воспоминанія; но за то онъ и неизмѣримо труднѣе, такъ какъ по немъ можно только ѣхать на ослахъ верхомъ вслѣдствіе гористой мѣстности, по которой въ собственномъ смыслѣ дороги нѣтъ, а—узкія тропинки, то спускающіяся, то поднимающіяся. Проѣхать болѣе трехъ сутокъ разстояніе въ 120 верстъ до Назарета,—не всякій рѣшится, особенно теперь, въ самое жаркое время года. Кромѣ этого, нужна была привычка къ подобному способу ѣзды — на осликахъ,—чего у насъ недоставало. Поѣздка верхомъ на ослахъ въ монастырь Саввы и вокругъ Іерусалима была пробнымъ подготовительнымъ урокомъ для такой же поѣздки въ Назаретъ. Оказалось, что не всѣ выдержали этотъ пробный урокъ. Иные заболѣли, иные хотя и крѣпились, но не желали повторенія подобныхъ опытовъ, особенно на такое большое разстояніе. Были минуты, когда представленія о трудностяхъ пути по пустынѣ брали верхъ надъ желаніемъ совершить этотъ интересный путь верхомъ на ослахъ, и тогда всѣ рѣшали ѣхать вторымъ путемъ, въ экипажахъ.

Наконецъ, послѣ сомнѣній и колебаній, компанія участниковъ поѣздки въ Галилею относительно способа путешествія раздѣлилась на слѣдующія двѣ группы. Первый путь избрали: Преосвященный Ректоръ, проф. Мышцынъ (который, впрочемъ, возвратился съ дороги по болѣзни), Новгородскій миссіонеръ, о. Варсонофій, и студенты: Ш-нъ, С-въ и В-чъ. Другимъ путемъ въ экипажахъ рѣшили ѣхать: о. Начальникъ миссіи, архим. Александръ, проф. Н. Ѳ. К-въ, прот. В-въ съ сыномъ и студентъ Н-кій. Выѣздъ назначенъ на завтра, въ десять часовъ дня.

3-е Іюля. Понедѣльникъ. Литургія на Голгоѳѣ. Прощаніе съ Патріархомъ. Напутственный молебенъ на русскихъ постройкахъ. Прощаніе съ оставшимися спутниками. Послѣдній взглядъ на Іерусалимъ. Ел-Исавіе. Шафатъ-Номва. Тель-ель-Фуль=Гива. Неби-Самуиль. Аната. Эль-Джибъ=Гаваонъ. Рама. Михмасъ. Ель-Бире. Бетинъ—Веѳиль.

Наконецъ, давно ожидаемая минута близка. То, что было лишь мечтою многихъ изъ насъ, должно сейчасъ осуществиться. Скоро мы увидимъ тотъ благословенный городокъ съ его окрестностями, гдѣ провелъ свое дѣтство и юность Спаситель міра, приготовляясь къ великому служенію для искупленія рода человѣческаго. Не въ далекомъ будущемъ мы будемъ тамъ, гдѣ произошло начало нашего спасенія, будемъ стоять на томъ мѣстѣ, гдѣ Богоматерь услышала архангельскую вѣсть о рожденіи ею Мессіи.

Скорѣе бы, скорѣе въ этотъ дорогой для сердца каждаго христіанина городъ Назаретъ! Скорѣе бы въ эту область Галилеи, столь любимой Спасителемъ и располагавшей Его къ Божественнымъ рѣчамъ о царствѣ Божіемъ!

Отъѣздъ былъ назначенъ на время послѣ обѣда. Утромъ же Преосвященный вмѣстѣ съ прочимъ духовенствомъ совершилъ божественную литургію въ храмѣ Воскресенія Господня, на Голгоѳѣ. Богослуженіе, какъ и первое при Гробѣ, было почти исключительно русское и привлекло массу народа. Пѣли мы вмѣстѣ съ русскими богомолками. Евангеліе и Апостолъ были прочитаны по гречески и по русски. Нѣкоторые возгласы и молитвы Преосвященный произносилъ по гречески. Къ особенностямъ богослуженія на Голгоѳѣ относится, между прочимъ, то, что оно совершается безъ митры, не исключая и самого Патріарха [1]).

---

[1]) Причина этого слѣдующая, связанная съ возвращеніемъ Креста Господня изъ Персіи. Какъ извѣстно, Св. животворящій Крестъ Господень, обрѣтенный св. царицей Еленой въ 326 году, хранился въ Іерусалимѣ до 614 года, когда Хозрой II, царь Персидскій, вторгся въ Палестину, сжегъ еврейскій храмъ и похитилъ св. древо креста. Четырнадцать лѣтъ находилось оно въ Персіи. Византійскій императоръ Ираклій I. разбивъ Сироэса, сына Хозроя, заключилъ съ нимъ миръ, послѣ котораго св. древо было возвращено и вновь съ торжествомъ поставлено въ іерусалимскомъ храмѣ. Самъ императоръ принялъ святыню на свои ра-

По окончаніи литургіи, мы въ послѣдній разъ приложились къ Гробу Господню, на которомъ и освятили купленные на память крестики и образки. Изъ храма Гроба Господня отправились за принятіемъ благословенія къ Патріарху. Онъ благословилъ каждаго жестяною иконою, изображающею воскресеніе Христа, съ надписью: *εὐλογία ἐκ τοῦ παναγίου καὶ ζωοποιοῦ τάφου τοῦ Ζωτῆρος ἡμῶν Χριστοῦ*" (икона сдѣлана въ Москвѣ, на фабрикѣ Жако и дозволена къ печати цензоромъ прот. Іоанн. Петропавловскимъ. Марта 28, 1898 г.), четками, засушенными іерусалимскими цвѣтами и своимъ портретомъ. А проф. Н. Ѳ. Каптерева наградилъ золотымъ крестомъ съ частицею животворящаго древа во вниманіе къ его ученымъ трудамъ по исторіи греческой Церкви въ ея отношеніи къ русской.

Послѣ обѣда состоялся отъѣздъ Преосвященнаго и его спутниковъ въ Назаретъ. Уже съ самаго утра около новаго подворья собирался народъ, узнавшій объ отъѣздѣ Преосвященнаго. Ко времени же обѣда собралась значительная толпа, желавшая получить благословеніе. По окончаніи краткаго напутственнаго молебна, Преосвященный вышелъ и благословилъ народъ. Было ровно часъ дня, когда мы оставили гостепріимное русское подворье, чтобы отправиться въ Назаретъ. Преосвященный покуда ѣхалъ въ коляскѣ съ провожавшими его: о. Начальникомъ миссіи, проф. Каптеревымъ и Михайловымъ. Всѣ остальные путники—на ослахъ, кромѣ каваса Марко, подъ которымъ была прекрасная арабская лошадь бѣлой масти. Два маленькихъ сына Н. Г. Михайлова, Сережа и Павлуша, сидя на маленькихъ осликахъ съ разукрашенными сѣдлами, также были въ числѣ провожающихъ. Въ такомъ торжественномъ шествіи нашъ кортежъ направился къ Дамасскимъ воротамъ, обращая на себя вниманіе любопытныхъ туземцевъ. Русскія же богомолки, за-

---

мена и несъ ее отъ Елеонской горы по направленію къ Іерусалиму. Дойдя до Голгоѳы, онъ былъ вынужденъ остановиться. Невидимая сила удерживала святыню, у императора не хватало силъ двинуть ее съ мѣста. Патріархъ Захарія разъяснилъ Ираклію, что это — вразумленіе Божіе, что Сынъ Божій несъ крестъ на Голгоѳу не въ блескѣ царскаго одѣянія, а въ смиреніи и униженіи. Тогда Ираклій снялъ свои драгоцѣнныя одежды и босой поднялъ крестъ и внесъ его на Голгоѳу. Съ тѣхъ поръ и священнослужащіе не надѣваютъ митръ.

видѣвшія еще издали коляску Преосвященнаго, останавливались, чтобы отвѣсить ему чуть-ли не земной поклонъ. Онѣ, вѣроятно, досадовали на то, что не могли поспѣть во-время на русскія постройки проводить своего архіерея и въ общей молитвѣ, за напутственнымъ молебномъ, испросить у Бога благополучнаго пути русскому архипастырю, доставившему такъ много счастливыхъ и незабвенныхъ минутъ русскимъ паломникамъ своими торжественными и умиляющими душу богослуженіями во св. Градѣ. Оглядываясь назадъ, мы видѣли, какъ эти простыя сердцемъ, религіозныя женщины, долго стояли еще на одномъ мѣстѣ, зорко смотря намъ вслѣдъ и набожно осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ. Зрѣлище умилительное, и надолго не изгладится изъ нашей памяти. Мы видѣли, какъ нѣкоторыя изъ нихъ подносили къ своимъ глазамъ ситцевые платки, чтобы отереть навертывавшіяся слезы, всегда неразлучныя при разставаніи съ близкими сердцу людьми. Сознавая, что онѣ опять останутся однѣ, вдали отъ родины, среди чуждыхъ имъ людей, которые ихъ не понимаютъ и понять не могутъ, бѣдныя странницы, естественно, должны были чувствовать сугубую скорбь разлуки. Здѣсь рельефно проявились уваженіе и любовь русскихъ людей къ православнымъ русскимъ пастырямъ, а, въ особенности, къ русскому епископу, пріѣхавшему изъ родной имъ Россіи.

Доѣхавши до Дамасскихъ воротъ, мы свернули влѣво и поѣхали по Наблусской дорогѣ мимо доминиканскаго монастыря, оставивъ вправо пещеру прор. Іереміи, находящуюся на растояніи трехсотъ шаговъ отъ воротъ. Скоро мы должны были остановиться для прощанія съ провожавшими насъ. Прощаніе было весьма трогательное, особенно съ Н. Г. Михайловымъ, такъ внимательно относившимся къ намъ во все время пребыванія нашего въ Іерусалимѣ. Въ лицѣ его Преосвященный поблагодарилъ Палестинское Общество за тѣ удобства, которыя оно доставило намъ и облегчило намъ наше путешествіе. До скораго свиданія простились мы съ о. Начальникомъ миссіи, проф. Каптеревымъ, о. Анастасіемъ и другими спутниками, которые завтра имѣли выѣхать инымъ путемъ въ Назаретъ. До далекаго свиданія, въ Посадѣ, распростились мы и съ остальными спутниками нашими — студентами, изъ которыхъ одни на другой день

Къ стр. 364.

Дамасскія ворота.

имѣли отправиться въ Египетъ, страну фараоновъ, а другіе, по болѣзни или снѣдаемые „тоской по родинѣ“,—въ дорогую Россію. Получивъ архипастырское благословеніе Преосвященнаго, всѣ провожавшіе насъ отправились обратно въ Іерусалимъ, сіявшій теперь во всемъ блескѣ отъ полуденнаго солнца. Невольно слезы полились изъ глазъ. Прощай, Св. Градъ!

Два часа дня. Жара во всемъ разгарѣ. Но надо спѣшить, чтобы до вечера достигнуть назначеннаго ночлега въ Бетинѣ. Поудобнѣе разсѣвшись на своихъ маленькихъ животныхъ и, по возможности, освободивъ себя отъ лишней одежды, приготовились мы къ трудному и, какъ намъ говорили, едва выносимому, въ такое жаркое время, путешествію. Преосвященный, надѣвшій вмѣсто рясы бѣлый шерстяной плащъ и смѣнивъ клобукъ на сѣрую шляпу съ широкими полями, пришпиливъ къ краямъ ихъ бѣлый платокъ для защиты отъ солнца, быстро сѣлъ на осла, приказавъ немедленно двинуться въ путь. Теперь вполнѣ опредѣлившаяся наша кавалькада расположилась на пути такимъ образомъ. Впереди, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ насъ, ѣхалъ на прекрасной арабской лошади турецкій жандармъ, съ ружьемъ за плечами, готовый каждую минуту защищать насъ отъ нападенія кочующихъ бедуиновъ. За нимъ, также на лошади, чистой бѣлой масти, ѣхалъ уже извѣстный читателю черногорецъ Марко, красиво сидящій на своемъ арабскомъ скакунѣ, гордо носящемъ на себѣ стройнаго всадника, издали казавшагося совершенно молодымъ, благодаря своему выпрямленному, какъ у юноши, стану. Затѣмъ—Преосвященный, возсѣдавшій на прекрасномъ осликѣ, а позади него проф. Мышцынъ, державшій въ рукахъ карту Палестины и сосредоточенно разсматривавшій ее, дѣлая отмѣтки въ своей записной книжкѣ. Спрашивая каваса о названіи попадавшихся селеній, онъ дѣлалъ по поводу этого нѣсколько замѣчаній, отъ времени до времени перебрасываясь съ Преосвященнымъ отрывочными фразами касательно тѣхъ или иныхъ историческихъ мѣстностей, черезъ которыя приходилось проѣзжать. За ними, также на осликахъ, ѣхали: Новгородскій миссіонеръ и три студента — Ш-нъ, С-въ и В-чъ, каждый съ своими мыслями и своими думами. Заключали нашу кавалькаду: лакей при гостиницѣ

на Русскихъ постройкахъ, Несторъ, въ качествѣ буфетчика, и погонщикъ ословъ, арабъ, вооруженный внушительною дубиною, которою подчасъ и угощалъ отставшихъ нашихъ ословъ, издавая при этомъ странные звуки, пугавшіе этихъ животныхъ и заставлявшіе ихъ прибавлять шагу. А раньше этого, еще съ утра, посланы были впередъ кавасъ Палестинскаго Общества и два араба съ нашими вещами и палатками; въ мѣстахъ, предположенныхъ для отдыха и ночлега, они должны были напередъ все уготовлять.

Становилось страшно жарко. Особенно трудно было ѣхать по этой каменистой, пустынной мѣстности, гдѣ не видно ни одного кусточка зелени, на которомъ могъ бы отдохнуть глазъ путешественника. Солнце немилосердно палило насъ, дневной жаръ давалъ себя знать. Окидывая взоромъ пространство направо и налѣво отъ дороги, а также вперяя свой взоръ впередъ, мы замѣчаемъ множество холмиковъ различныхъ высотъ; у подошвы послѣднихъ и на вершинахъ ихъ видны груды камней. Это — ничто иное, какъ остатки нѣкогда большихъ селеній, а теперь представляющихъ собою только жалкія руины, рѣдко даже посѣщаемыя путешественниками, или же небольшія деревушки съ жалкимъ по количеству населеніемъ. Имена этихъ селеній пробуждаютъ въ насъ рой библейскихъ воспоминаній, заставляя насъ углубляться мыслью въ глубь временъ, ко временамъ Спасителя, или же ранѣе того. Вотъ, направо отъ дороги, въ двухъ верстахъ отъ города, кавасъ указалъ намъ на спрятавшуюся въ долинкѣ между холмами деревушку, назвавъ ее *ел-Исавія*, или деревня Іисуса, гдѣ, по преданію, часто бывалъ Спаситель на пути въ Іерусалимъ. Съ лѣвой стороны, мы видимъ холмъ Скопусъ, съ вершины котораго въ древнія времена непріятель часто обозрѣвалъ городъ, который съ этого холма представлялъ величественную панораму, наполняя завистью сердца будущихъ завоевателей, рѣшавшихся на этой горѣ непремѣнно овладѣть чуднымъ городомъ съ его великолѣпными зданіями, исполненными богатства и роскоши. Храмъ же Соломона, блестя на солнцѣ золотистыми искрами, въ своей волшебной прелести, еще болѣе распалялъ хищническіе инстинкты ихъ. По преданію, на этомъ холмѣ, первосвященникъ Іаддуй въ полномъ блестящемъ облаченіи, окруженный священниками, левитами и

старѣйшинами города, встрѣтилъ великаго завоевателя Александра, который, по завоеваніи Тира, рѣшился овладѣть свящ. городомъ и наказать непослушныхъ жителей Іерусалима. Восхищенный этой встрѣчей, а можетъ быть пораженный чуднымъ видомъ св. города, онъ измѣнилъ свое намѣреніе разорить Іерусалимъ, примирившись съ Іудеями въ лицѣ ихъ главныхъ, встрѣтившихъ его, представителей, и оказалъ городу даже свое могущественное покровительство. На этой же голой скалѣ Скопуса крестоносцы преклонили свои колѣни, увидѣвъ этотъ городъ, гдѣ произошло примиреніе Бога, принесена страшная жертва за грѣхи всего міра. Мы живо представляемъ себѣ картину, когда набожные рыцари св. Креста, позабывъ о перенесенныхъ ими въ дорогѣ трудахъ и лишеніяхъ, смотрѣли на этотъ чудный градъ, на эту колыбель христіанства, съ воздѣтыми къ небу руками, благодаря Бога за достиженіе конца ихъ странствованія.

Находясь близъ этого холма, на достаточной высотѣ, мы оглянулись назадъ, чтобы въ послѣдній разъ полюбоваться святымъ городомъ, такъ дорогимъ сердцу каждаго христіанина, запечатлѣть въ своей душѣ образъ св. града. Сознаніе, что мы навсегда прощаемся съ мѣстомъ великихъ подвиговъ Спасителя, навѣвало на наши души облако грусти, чувство глубокой печали овладѣвало нашими сердцами. Сѣрая линія зубчатыхъ стѣнъ окружаетъ, какъ поясомъ, громадную площадь мечети Омара; городскіе дома представляются отсюда какъ бы однимъ сплоченнымъ бѣлымъ зданіемъ; минареты, въ видѣ столбовъ, возвышаются надъ нимъ. Но нашъ взоръ не довольствуется этимъ: онъ хочетъ проникнуть въ видимое издали зданіе съ полукруглымъ куполомъ, съ крестомъ на вершинѣ, въ этотъ храмъ Воскресенія, въ то мѣсто въ центрѣ этого храма, гдѣ находится св. Гробъ Господа. Наше вниманіе также привлекаетъ гора Елеонская, съ высокою колокольней храма, напоминающая о Вознесеніи Господнемъ. За этою горою виднѣются темныя долины Іудеи и дикіе холмы пустыни Іудейской. „Прощай Іерусалимъ, святыня Израиля, святыня христіанства, святыня Ислама,—больше мы тебя никогда не увидимъ“, такъ думалъ почти каждый изъ насъ, отвращая въ послѣдній разъ свой взоръ отъ св. города.

На пригоркѣ, близъ вершины Скопуса, лежитъ дерев-

ня *Шафатъ*. По преданію, Шафатъ лежитъ на мѣстѣ древняго города Номвы, гдѣ во времена Саула стояла скинія, и гдѣ Давидъ, преслѣдуемый Сауломъ, искалъ убѣжища у преданнаго ему священника Ахимелеха. Саулъ жестоко отмстилъ священникамъ за оказанное Давиду гостепріимство, разрушивъ до основанія самый городъ. Рядомъ съ Шафатомъ возвышаетея холмъ конической формы Тель-эль-Фуль, въ 2750 футовъ высоты. При раскопкахъ, на вершинѣ этого холма была найдена искусственная каменная площадка, покоившаяся на грубыхъ стѣнахъ, на основаніи чего предполагаютъ, что этотъ холмъ въ прежнее время игралъ роль сторожеваго поста, видимаго изъ Іерусалима. Нѣкоторые ученые увѣряютъ, что на этой возвышенности стоялъ нѣкогда городъ *Гива*, принадлежавшій къ области Гивы Веніаминовой, простиравшейся далѣе на сѣверо-востокъ къ Рамѣ. При видѣ этихъ развалинъ Тель-эль-Фуля, намъ невольно вспоминался страшный эпизодъ изъ исторіи древняго города Гивы, вѣроломные жители котораго жестоко поступили съ женою однаго левита, укрывшагося отъ ночной мглы въ домѣ одного Гивитянина. Кому неизвѣстно это мрачное библейское событіе, когда, пылая местью, мужъ умерщвленной жителями Гивы жены разрѣзалъ на куски тѣло послѣдней, и отослалъ ихъ во всѣ предѣлы Израилевы, требуя отмщенія? Дрожь пробѣгаетъ по тѣлу, когда мы, смотря на мѣсто древняго города Гивы, вспоминаемъ его прошлое.... Впослѣдствіи здѣсь иногда жилъ Саулъ, отдыхая подъ дубомъ и устраивая пиры для своихъ товарищей по оружію каждое новомѣсячіе. На западъ отъ Тель-эль-Фуля лежитъ довольно высокій холмъ *Неби—Самуэль*, названный такъ въ честь пророка Самуила, который, какъ говоритъ преданіе, похороненъ на вершинѣ этой горы. Видимый нами на самомъ высокомъ мѣстѣ ея стройный минаретъ принадлежитъ мечети, которая передѣлана изъ построенной крестоносцами церкви, поставленной, по ихъ предположенію, надъ самой могилой Самуила. Близъ минарета видны группы масличныхъ деревьевъ, которыя для глазъ являются какъ бы зеленѣющимъ оазисомъ среди этой дикой каменистой пустыни. Этотъ холмъ, по всей вѣроятности, былъ въ древности сторожевымъ постомъ, такъ какъ, благодаря своей высотѣ, онъ представляетъ самый удобный пунктъ въ Палестинѣ для обозрѣнія окрестностей,—

на что и указываетъ его древнее названіе „Массифа“. У подножія этого холма видно небольшое селеніе Бейтъ-Ханнинъ, представляющее собою издали массу набросанныхъ безъ всякаго порядка камней. „Массифа“ часто упоминается въ Библіи, будучи мѣстомъ различныхъ важныхъ событій изъ исторіи народа Божія. Сюда часто приходилъ Самуилъ судить народъ, сюда же собрались евреи для избранія себѣ перваго царя; она же часто бывала мѣстомъ собранія народа для рѣшенія различныхъ вопросовъ, особенно во времена Самуила. Этотъ холмъ крестоносцы назвали холмомъ радости, благодаря восхитительному виду отсюда на Іерусалимъ, отъ котораго сердце каждаго христіанскаго богомольца наполняется радостнымъ восторгомъ.

Направо отъ дороги на высокомъ холмѣ мы видимъ деревню *Аната*, которая есть библейскій Анаѳоѳъ, мѣсто родины пророка Іереміи, котораго его родичи въ этомъ же мѣстѣ хотѣли умертвить за то, что онъ предвѣщалъ имъ несчастія. Іеремія, по всей вѣроятности, часто ходилъ по пустынѣ, по которой проѣзжаемъ теперь и мы, оплакивая плѣненіе своихъ соотечественниковъ и надѣясь на лучшіе блаженные дни богоизбраннаго народа, претерпѣвавшаго страшныя невзгоды за свои грѣхи, по волѣ Іеговы. На востокѣ и сѣверѣ отъ Анаѳоѳа тянутся бугроватые мѣловые хребты горъ, имѣющіе съ западной стороны округленныя формы. Холмъ, на которомъ помѣщается Аната, имѣетъ вершину высотою въ 2225 фут. надъ уровнемъ моря. Жаль, что намъ нѣтъ времени подняться на вершину этого холма, въ самую деревню: видъ изъ нея на окрестности Іерусалима, говорятъ, восхитительный!

Налѣво, къ сѣверо-западу отъ дороги, на холмѣ, видна деревня *эль-Джибъ*, стоящая на мѣстѣ древняго Гаваона. Издали довольно трудно разсмотрѣть отдѣльныя строенія этой деревни. Она какъ бы вся помѣщается въ какомъ-то огромномъ зданіи, загроможденномъ неопредѣленной формы строеніями. Здѣсь передъ древнимъ Гаваономъ, на круглой долинѣ, находится то знаменитое поле битвы, гдѣ Іисусъ Навинъ поразилъ пять союзныхъ царей, вооружившихся противъ Гаваона, и произнесъ всѣмъ извѣстныя слова: „да станетъ солнце прямо Гаваону, и луна прямо дебри Элонъ“. Да, многихъ великихъ событій Гаваонъ и его окрестно-

сти были свидѣтелями! Здѣсь стояли лагеремъ войска Давида и сына Саулова, Іевусѳея, которыхъ раздѣлялъ только одинъ источникъ, теперь, конечно, пересохшій. Здѣсь, въ ожесточенномъ единоборствѣ, пали по 12 юношей съ каждой стороны, желая похвастаться другъ передъ другомъ своею храбростью. Здѣсь, близъ источника, Іоавъ, преданный Давиду, низкою хитростью умертвилъ своего соперника Амессая, который „лежалъ въ крови среди дороги“. Здѣсь же, въ Гаваонѣ, Соломонъ на построенномъ алтарѣ принесъ во всесожженіе тысячу животныхъ, выпросивъ себѣ у Господа „сердце разумное“, чтобы по справедливости судить народъ Израильскій. Въ Гаваонѣ же, Іеремія и его люди были освобождены отъ руки халдеевъ; здѣсь, Іоаннъ, сынъ Карея, съ своими людьми преслѣдовалъ Исмаила, убійцу Годоліи, настигши его „у большихъ водъ въ Гаваонѣ“. Кто бы могъ подумать въ то время, что этотъ нѣкогда большой амморейскій городъ современемъ превратится въ бѣдную деревушку, не отличающуюся отъ окружающихъ ее селеній?

Предаваясь размышленіямъ о перемѣнчивости временъ, мы медленно подвигаемся впередъ по этой дикой каменистой пустынѣ. Все та же сѣрая, печальная картина, все тотъ же грустный, неприглядный видъ по сторонамъ! И только небо, голубое и мягкое, нѣжное и глубокое, раскинувшись безконечнымъ шатромъ надъ этой угрюмой пустыней, нѣсколько ласкаетъ наши взоры. Дорога, благодаря своему однообразію, становится нѣсколько утомительной, и мы съ нетерпѣніемъ ждемъ первой остановки. И если бы не библейскія воспоминанія, навѣваемыя на насъ историческими мѣстами, дорога казалась бы для насъ безконечной. Путь, по которому мы совершаемъ наше паломничество, называется почему-то „царской“ дорогой: отъ того-ли, что она начинается отъ царскихъ гробницъ, отъ того-ли, что по ней направлялись цари-завоеватели,—сказать трудно. Марко объясняетъ, что названіе свое она получила отъ удобства ея, сравнительно съ другими дорогами, — отъ удобства, достойнаго быть дорогою даже для царей. Можетъ быть, и такъ. Но каковы же должны быть другія дороги, если и эта „царская“ представляетъ столько трудностей для путешественниковъ? Вотъ, на востокъ отъ дороги, на возвышенномъ равностороннемъ, отлогомъ, скалистомъ холмѣ, имѣющемъ видъ опро-

кинутой воронки, лежитъ маленькая деревушка. Это—бывшая *Рама*, родина великаго пророка Самуила. Чтобы достигнуть до самой Рамы, мы должны свернуть съ дороги вправо и потерять на это не менѣе двухъ часовъ времени, такъ какъ она отстоитъ отъ насъ на разстояніи четырехъ верстъ. Мы удовлетворились только видомъ ея съ дороги. На высокомъ холмѣ, гдѣ помѣщается деревушка ер-Рамъ, видны какія-то развалины: это-остатки церкви и башни, построенныхъ крестоносцами. Возвышенное мѣстоположеніе этой арабской деревни говоритъ отчасти въ пользу того, что это, дѣйствительно, было мѣстопребываніе Самуила, древняя Рама, такъ какъ „Саулъ, говоритъ Библія, чтобы видѣть пророка, поднимался вверхъ въ городъ". Намъ живо приходитъ на мысль встрѣча этого будущаго помазанника на царство съ великимъ прозорливцемъ, котораго Господь заранѣе предупредилъ о приходѣ къ нему Саула. Тамъ, на верху холма, стоялъ нѣкогда домъ Самуила, куда пригласилъ послѣдній Саула пообѣдать и отдохнуть. Спустившись же изъ города, у подошвы этого холма, пророкъ помазалъ Саула на царство, выливъ на его голову елей изъ сосуда. Вспоминается и пророчество Іереміи, приведенное еванг. Матѳеемъ по поводу избіенія младенцевъ Иродомъ: *гласъ въ Рамѣ слышанъ бысть плачь и рыданіе и вопль: Рахиль плачущися чадъ своихъ, и не хотяше утѣшитися, яко не суть* (Іер. XXXI, 15. Матѳ. 2, 18). Къ востоку отъ Рамы, въ верстахъ четырехъ отъ нея, лежитъ деревушка *Михмасъ*, пріютившаяся на скалѣ. Скала эта была мѣстомъ подвиговъ Іонаѳана, который, „цѣпляясь руками и ногами, поднимался вверхъ съ оруженосцемъ своимъ, добивавшимъ Филистимлянъ, падавшихъ передъ храбрымъ сыномъ Сауловымъ". Хотя эта скала и не очень крута, но, какъ говорятъ, подъемъ на нее очень труденъ, ибо она покрыта каменистыми слоями, слой надъ слоемъ. Отъ Михмаса начинается ущелье между скалами, которое въ древности было главной дорогой съ востока въ нагорную часть центральной Палестины, и черезъ которое вели въ Вавилонъ плѣнныхъ іудеевъ.

Уже 4 часа пополудни. Хотя солнце и перестало сильно палить, мы все-таки достаточно были утомлены и требовали отдыха. Въ особенности, жажда стала одолѣвать насъ. Скоро передъ нами показались какія-то строенія, куда Марко на-

правилъ своего коня. По справкамъ оказалось, что это селеніе эль-Бире, или древній Бееровъ, что значитъ ключи или колодцы. Въ настоящее время оно представляетъ кучку разбросанныхъ по холму жалкихъ каменныхъ домовъ; а сохранившійся прекрасный источникъ ключевой воды оправдываетъ названіе ея.

Мы подъѣхали къ источнику и слѣзли съ ословъ. Пріятенъ отдыхъ послѣ трехчасовой поѣздки по пустынѣ въ самое жаркое время дня. Залпомъ выпили мы по стакану холодной воды, сдобривши его небольшимъ количествомъ краснаго кислаго вина, безъ котораго на Востокѣ довольно опасно пить воду. Затѣмъ мы расположились для краткаго отдыха подъ развѣсистою смоковницею. Откуда ни возьмись, явился арабъ съ чашками кофе, которое мы и откушали, уплативъ приличный бакшишъ. На этомъ же мѣстѣ, близъ источника, по преданію, Святое семейство, возвращаясь изъ Іерусалима, замѣтило отсутствіе своего Божественнаго Сына, Который въ это время сидѣлъ во храмѣ посреди учителей, „слушающій ихъ и спрашивающій ихъ“, и принуждено было возвратиться обратно за поискомъ Святаго Отрока.

Но недолго намъ пришлось здѣсь отдыхать. Прошло ½ часа, и мы должны были продолжать свой путь, чтобы до ночной мглы добраться до Веѳиля, гдѣ предполагался нашъ первый ночлегъ. Солнце стало уже клониться къ западу, потерявъ значительную долю жгучести своихъ лучей. Перспектива, что черезъ часъ мы доберемся до ночлега, ободряла насъ, достаточно утомленныхъ отъ непривычной ѣзды на ослахъ.

Наши животныя съ трудомъ подвигались впередъ, ступая съ осторожностью по каменнымъ глыбамъ, дѣлавшимъ нашъ путь чрезвычайно труднымъ. Рѣдко попадались совершенно гладкія мѣста, а большею частію приходилось, то подниматься по крутому неровному холму, то спускаться по его склону. Направо отъ дороги намъ указали на возвышенномъ холмѣ груды камней, назвавъ это мѣсто эль-Тель. Оказалось, что, по преданію, здѣсь стоялъ нѣкогда древній городъ Гай, который былъ взятъ Іисусомъ Навиномъ вскорѣ по завоеваніи Іерихона. Можетъ быть, на мѣстѣ этихъ развалинъ, видимыхъ нами, стояло нѣкогда народное святилище несчастныхъ жителей Гая, избіенныхъ Навиномъ; можетъ быть, тутъ былъ воздвигнутъ послѣднимъ жертвенникъ въ честь Іеговы,

даровавшаго побѣду надъ хананеями, какъ объ этомъ и сохранилось древнее преданіе. Говорятъ, на этомъ мѣстѣ была выстроена христіанами церковь, о существованіи которой судятъ по находящимся здѣсь развалинамъ.

Будучи свидѣтелями этихъ невозможныхъ Палестинскихъ путей сообщенія, окидывая взоромъ эти неприступныя скалы и холмы, тамъ и сямъ пересѣкающіе долины съ дикими непроходимыми ущельями, мы удивляемся, какъ могли евреи, мало знакомые съ этой мѣстностью, овладѣть землею обѣтованной, покорить города, имѣвшіе видъ неприступныхъ крѣпостей. Видно, Богъ хранилъ избранный народъ Свой, Своею Всемогущею силою помогая имъ преодолѣвать враговъ. Достойно удивленія и то, какъ могли нѣкогда передвигаться съ сравнительною быстротою войска по тѣмъ неудобнымъ дорогамъ, по которымъ съ трудомъ передвигаются теперь караваны паломниковъ и кочующихъ бедуиновъ съ своими нагруженными различнымъ скарбомъ верблюдами.

Но вотъ, послышался какой-то странный рёвъ. Наши ослы отвѣтили тѣмъ же. Это—взаимный привѣтъ, которымъ обмѣнивались раньше пришедшіе на отдыхъ ослы подъ нашимъ багажемъ съ нашими, почуявшими радость скорой встрѣчи и отдыха. Поднявъ голову, мы увидѣли передъ собою какую-то деревушку, расположенную на одной изъ вершинъ скалистаго холма, съ бѣдными каменными мазанками, между которыми виднѣются два или три каменныхъ строенія въ два этажа; нѣсколько каменныхъ оградъ передъ мазанками заключаютъ въ себѣ какія-то тощія деревья. Площадки и уступы горныхъ скалъ переплетаются съ плоскими крышами восточныхъ домовъ. Надъ деревней виднѣется нѣсколько тощихъ виноградниковъ. Наше вниманіе привлекло одно большое зданіе съ низкимъ куполомъ, полуразрушенное, одиноко стоящеее на вершинѣ холма, гдѣ разбросано селеніе. На склонахъ сосѣднихъ долинъ замѣчаются какіе-то каменные столбы, на подобіе древнихъ могилъ. Это, безпріютное на видъ, полуразрушенное селеніе называется *Бетинъ*, древній священный Веѳиль, близъ котораго, между Гаемъ и этимъ святымъ мѣстомъ, былъ поставленъ Авраамомъ жертвенный камень, въ воспоминаніе утѣшительнаго откровенія Божія. По всей вѣроятности, это мѣсто впослѣдствіи и было избрано Іаковомъ для ночлега на пути его въ

Харранъ. Увидѣвъ священный камень Авраама, онъ безъ страха остался ночевать здѣсь, вдали отъ людскаго жилья, твердо увѣренный, что Богъ отцовъ сохранитъ его здѣсь невредимымъ. На этомъ мѣстѣ во снѣ увидѣлъ Іаковъ таинственную лѣстницу, по которой нисходили и восходили ангелы Божіи.

Уже издали мы увидѣли три большихъ палатки, раскинутыхъ около самой деревни. Эти палатки были приготовлены для нашего отдыха. Подъѣхавъ къ нимъ, мы быстро сошли съ ословъ, которыхъ сдали погонщику, и принялись осматривать мѣстность. Все было ново для насъ: и эти палатки, напоминавшія намъ живо шатры библейскихъ патріарховъ, и эта арабская деревушка съ оригинальными мазанками, едва-едва держащимися на склонахъ холмовъ, и, вообще, вся необычайная обстановка нашей стоянки, напоминающая привалъ кочующихъ арабовъ. Подъ нахлынувшими новыми впечатлѣніями мы не чувствуемъ особенной усталости. Преосвященный чувствуетъ себя настолько бодрымъ, что предлагаетъ даже обратную поѣздку изъ Назарета совершить также на ослахъ.

Было шесть часовъ вечера. Мы сѣли на откосъ холма и наблюдали надъ происходившимъ въ селеніи. У нашихъ ногъ находился небольшой водоемъ, изъ котораго арабы черпали мутную воду и поили ею своихъ козъ и овецъ, возвращавшихся съ пастбищъ. Этотъ водоемъ представляетъ, вѣроятно, часть древняго большого пруда, что замѣтно по прилегающимъ къ этому водоему стѣнкамъ, ограждающимъ большое четыреугольное пространство вокругъ него. Конечно, теперь въ этомъ большомъ огражденномъ пространствѣ нѣтъ воды, ибо оно заплыло нанесенною дождемъ землею съ окрестныхъ покатостей горъ, но, въ древности, это было, вѣроятно, нѣчто подобное прудамъ Соломоновымъ. Полуголые арабскіе мальчуганы, съ растрепанными черными вьющимися волосами, съ блѣдными загорѣлыми лицами, на которыхъ, какъ уголья, чернѣютъ блестящіе глаза, взлѣзли на высокіе камни около водоема, другіе, болѣе посмѣлѣе, поднялись на высокій склонъ холма и почти въ упоръ смотрѣли на насъ, сидя на корточкахъ и подперши своими рученками подбородки.

На скалистой вершинѣ находятся развалины одного весьма древняго зданія съ квадратнымъ дворомъ, выстланнымъ ка-

менными плитами. Дворъ ведетъ въ усыпальницу, гдѣ видѣнъ надмогильный памятникъ. Среди развалинъ находится полуразрушенная башня, которая относится ко временамъ владычества Грековъ, и, по всей вѣроятности, была сторожевою. Здѣсь же видны развалины христіанской церкви, построенной, по преданію, на мѣстѣ жертвенника, сооруженнаго Іаковомъ. Можетъ быть, тутъ же стояло капище, сооруженное Іеровоамомъ для тельца, на что указываютъ камни, тесанные по іудейскому образцу и вложенные, впослѣдствіи, въ кладку христіанскаго храма. На весьма многихъ страницахъ библейской исторіи встрѣчается имя Веѳиль,— имя того мѣста, на которомъ въ настоящее время находимся мы, полные благочестивыхъ размышленій о благости Божіей, излившейся во всей полнотѣ на родъ Авраама, свидѣтелемъ чего были эти Веѳильскіе холмы. Окидывая взоромъ окружающую насъ мѣстность, мы видимъ, что съ запада она окружена холмами, на востокѣ отъ нея также высятся сѣрые верхи горъ, а на сѣверѣ, при наступающей мглѣ ночи, мы видимъ вдали большіе самородные камни странной фигуры, сѣроватаго цвѣта. Но къ югу, по направленію къ Іерусалиму, мѣстность болѣе открытая, и при хорошей погодѣ и дальнозоркихъ глазахъ можно, говорятъ, видать даже священную рѣку Іорданъ. При взглядѣ на эти мѣстности, намъ представилась картина, какъ Авраамъ съ Лотомъ, стоявшіе можетъ быть на этомъ же самомъ мѣстѣ, глядѣли вдаль, выбирая себѣ землю, чтобы раскинуть шатры свои; какъ Авраамъ предоставилъ право выбора своему племяннику, который и избралъ плодородную тогда окрестность Іорданскую. Долго бы мы витали своею мыслію въ глубинѣ вѣковъ, если бы не голосъ Марко, приглашавшій насъ подкрѣпить свои силы наскоро приготовленнымъ ужиномъ изъ взятаго съ нами запаса холодныхъ закусокъ. Послѣ ужина, мы стали пить чай, сидя на койкахъ съ мягкими тюфяками, совершенно по домашнему, забывши, что мы находимся не у себя на родинѣ, а вдали отъ нея, въ гостепріимной для насъ Палестинѣ.

Напившись чаю, мы вышли изъ палатки; уже достаточно стемнѣло. Солнце сѣло уже давно. На востокѣ холмы подернулись уже ночнымъ флеромъ, и лишь на западѣ дневной свѣтъ находился въ предсмертной агоніи, тщетно борясь съ ноч-

ною мглою. Но вотъ, показалась на небѣ звѣздочка, за ней другая, и еще, и еще. Послѣдняя вспышка со стороны заходящихъ солнечныхъ лучей, и дневной свѣтъ погасъ, предоставивъ теперь господство царицѣ—ночи, которая, чтобы явиться предъ нами во всеоружіи своей восточной красоты, вызвала изъ глубокаго мрака ярко сіявшую луну съ высоты небеснаго свода. Очарованные красотою южной ночи, мы позабыли о снѣ, желая просидѣть у своихъ шатровъ до самаго утра. Небо было усѣяно многочисленными яркими звѣздами, представляя во главѣ съ сіявшею луною полную поэзіи фантастическую картину. Кто, даже съ загрубѣвшимъ сердцемъ, не умилится при видѣ такой очаровательной картины, кто отъ всей души не возблагодаритъ Творца за созданіе этой чудной природы? Луна и звѣзды, украшающія теперь небо,—быть можетъ, это тѣ самыя свѣтила, которыя, не мѣняясь, такъ же точно сіяли и нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ, когда Авраамъ видѣлъ въ нихъ залогъ многочисленнаго потомства, обѣщаннаго ему Господомъ. Но устремляя взоръ свой съ прекраснаго неба на землю, на развалины нѣкогда славнаго Веѳиля, разбросаннаго теперь по горѣ, освященной яркимъ отблескомъ луны, обнажающей во всей неприглядной наготѣ эту картину разрушенія, невольно помышляешь о томъ, какъ опасно противиться Господу и прогнѣвлять его своимъ нечестіемъ. Гнѣвъ Божій постигъ Веѳиль за то, что онъ при Іеровоамѣ омрачился поклоненіемъ золотому тельцу. Исполнилось пророчество Амоса, говорившаго устами Господа, что Веѳиль обратится въ ничто, о чемъ, и свидѣтельствуетъ нынѣшнее состояніе,—состояніе ничтожества, почему онъ еще при пророкахъ вмѣсто „Веѳиля“—дома Божія, получилъ названіе „Беѳ-Авенъ“— домъ ничтожества... Но какъ ни пріятно было любоваться чудною ночью и уноситься мыслью въ даль вѣковъ, однако ночная свѣжесть, которая на востокѣ всегда слѣдуетъ за дневнымъ жаромъ, а также и усталость принудили насъ отправиться въ свои палатки, чтобы уснуть до утра и подкрѣпить свои уставшія члены для дальнѣйшаго путешествія. „Прощай, чудная ночь,—говорили мы, идя на покой,—мы не забудемъ тебя никогда“. Дѣйствительно, пройдутъ года, забудутся всѣ подробности нашего путешествія, но эта звѣздная лунная ночь въ Веѳилѣ, полная очарованія, никогда не изгладится изъ нашей памяти.

Получивъ благословеніе Преосвященнаго, который вмѣстѣ съ нами раздѣлялъ восхищеніе чарующею ночью, мы вошли въ палатку, быстро погасили свѣчу и фонарь, свѣтъ отъ котораго привлекалъ массу вредныхъ москитовъ, и, почти не раздѣваясь, легли на свои койки. Отходя ко сну, мы предавались библейскимъ воспоминаніямъ объ Іаковѣ, нашедшемъ себѣ ночлегъ въ Веѳилѣ и удостоившемся видѣть лѣствицу. Можетъ быть на этомъ мѣстѣ, гдѣ стоятъ наши палатки, отдыхалъ нѣкогда сынъ Исаака? Но какая разница между нимъ и нами! Онъ спалъ подъ открытымъ небомъ, мы же покоимся въ прекрасномъ шатрѣ; его ложемъ была голая земля, подъ нами же мягкіе тюфяки; его изголовьемъ служилъ простой голый камень, мы же покоимъ свои головы на мягкихъ подушкахъ, прикрывая свое тѣло теплыми байковыми одѣялами. Становилось какъ-то досадно и даже совѣстно за свою изнѣженность. Подъ наплывомъ подобныхъ чувствъ, утомленные дневнымъ путешествіемъ, разбираясь мысленно въ пережитыхъ за этотъ день впечатлѣніяхъ, мы скоро заснули мертвымъ сномъ.

4 іюля. Вторникъ. Аинъ-Харамійе (ущелье разбойниковъ). Сенджиль. Сей-лунъ, древній Силомъ. Левна-Люббанъ. Эль-Мухна. Дубрава Море. Гевалъ и Гаризинъ. Колодезь патр. Іакова. Самарянскій раввинъ.

Въ 4 часа утра сильные звонки разбудили насъ. Это былъ сигналъ, данный Марко, для пробужденія. Дѣлать нечего,— вставать было необходимо. Аккуратный кавасъ не церемонился. Войдя въ нашу палатку, онъ настойчиво требовалъ, чтобы мы вставали, говоря, что Преосвященный уже давно всталъ. Поведеніе Марко, хотя и было нѣсколько жесткое, но вполнѣ необходимое. Цѣлью его было выѣхать какъ можно раньше, чтобы еще до наступленія дневной жары проѣхать нѣсколько верстъ. У него все было предусмотрѣно заранѣе, разсчитана почти каждая минута. Мы вполнѣ подчинялись въ дорогѣ его авторитету, признавая за нимъ компетентность въ данномъ случаѣ. Кромѣ того, мы боялись доставить хотя-бы малое неудовольствіе Преосвященному, который всегда, особенно во время пути, требовалъ отъ насъ аккуратности, самъ будучи аккуратенъ до чрезвычайности, самъ

въ точности выполняя высказанныя имъ заранѣе свои намѣренія, а также требуя отъ другихъ неукоснительнаго исполненія отданныхъ имъ приказаній. Такъ и теперь: рѣшено было встать ровно въ 4 ч. утра, и ровно въ 4½ ч. двинуться далѣе въ путь. Благодаря точному выполненію его распоряженій, мы не теряли даромъ ни минуты времени, успѣвая осмотрѣть въ короткій промежутокъ несравненно больше, чѣмъ въ длинный срокъ, при другихъ условіяхъ. Наскоро одѣвшись и освѣживъ свое лицо холодной водой, мы подошли къ Преосвященному, чтобы получить архипастырское благословеніе,—что дѣлали мы каждое утро и вечеръ во время всего нашего пути, чувствуя въ этомъ для себя необходимую потребность. Его Преосвященство всталъ уже раньше насъ, и сейчасъ, нѣсколько озабоченный, прохаживался близъ своей палатки, которая была почти уже разобрана умѣлыми въ этомъ дѣлѣ людьми. Поздоровавшись, онъ сообщилъ намъ нѣсколько непріятную новость: проф. М—нъ, чувствуя себя нездоровымъ и боясь сдѣлаться нѣкоторой обузой во время дальнѣйшаго путешествія, рѣшился изъ Веѳиля возвратиться обратно въ Іерусалимъ, гдѣ онъ долженъ пробыть недѣли двѣ—три для своихъ научныхъ занятій въ библіотекѣ, оставшейся послѣ о. Антонина. Оказывается, что еще вчера онъ чувствовалъ головную боль и ознобъ, но не показывалъ вида, надѣясь, что это—скоро-проходимое нездоровье. На утро же болѣзнь усилилась. Посовѣтовавшись съ Преосвященнымъ, онъ послалъ въ селеніе найти себѣ проводника и, не мѣшкая ни минуты, простившись съ нами, въ сопровожденіи проводника—араба, отправился по обратной дорогѣ въ Іерусалимъ. Впослѣдствіи онъ говорилъ, что въ дорогѣ головная боль до того усилилась, что онъ нѣсколько разъ рѣшался сойти съ осла и лечь на дорогѣ, но сила воли взяла верхъ надъ болѣзнію, и онъ продолжалъ, хотя и довольно медленно, свой путь и благополучно достигнулъ св. города.

Вслѣдъ за нимъ, также и мы, сѣвъ на своихъословъ, въ томъ же порядкѣ, какъ и наканунѣ, потерявъ одного изъ своихъ спутниковъ, ровно въ 4½ ч. утра, выѣхали изъ Веѳиля на сѣверъ. Въ это же время палатки были уже сняты и ихъ навьючивали наословъ, которые должны были вмѣстѣ съ буфетнымъ багажемъ доставить ихъ прямо

ко второму нашему ночлегу, предполагавшемуся у колодца Іакова.

Благодаря царившей еще темнотѣ, мы подвигались весьма медленно, ослы съ большою осторожностью передвигали ноги, боясь оступиться при малѣйшемъ неосторожномъ движеніи своемъ. Было холодно, благодаря густому туману, насквозь пронизывавшему наше платье. Мы съ нетерпѣніемъ ожидали восхода солнца, которое должно согрѣть окоченѣвшіе отъ утренняго холода наши члены. Дорога, по которой мы ѣхали, была самая ужасная: то мы ѣхали по склонамъ холмовъ, по скользкимъ отъ сырости камнямъ, то опускались въ долинки, то опять поднимались вверхъ по горамъ и пригоркамъ, то наконецъ, чуть-ли не по отвѣсному направленію, устремлялись въ какія-то канавки. Часъ спустя, стало разсвѣтать, и мы, хотя и въ туманѣ, увидѣли на лѣвой сторонѣ дороги арабскую деревушку „Ябрудъ“, расположенную на холмѣ. Но вотъ, на востокѣ заалѣло солнце, вставши какъ бы изъ земли въ видѣ громаднаго ярко сіяющаго шара; освѣтились окрестности, туманъ разсѣялся, и мы легко могли обозрѣвать проѣзжаемую нами мѣстность. Каменистая и чрезвычайно трудная дорога отчасти искупалась разстилавшейся далеко передъ нами, направо и налѣво, прекрасной картиной, приводившей насъ въ неописанный восторгъ. Въ долинахъ, между холмами, раскинулись свѣтло-зеленыя рощи съ фиговыми и маслинными деревьями, которыя, при свѣтѣ восходящаго солнца, представляли нашему взору дивную панораму: отъ внезапнаго удара солнечнаго луча, зеленыя листья деревьевъ, растущихъ на холмахъ, какъ бы загорались огненнымъ пламенемъ, представлявшемъ собою грандіозный пожаръ, яркое зарево котораго, распространяясь все болѣе и болѣе, охватывало собою всю зеленую холмистую мѣстность, начиная отъ подошвы холмовъ до самыхъ высокихъ вершинъ ихъ. Чѣмъ выше поднималось солнце, тѣмъ менѣе казалось зарево пожара; и когда солнечный шаръ поднялся на значительную высоту, зарево пожара исчезло, и вся холмистая террасообразная мѣстность, усаженная многочисленными рощами, появилась передъ нашими глазами во всей своей естественной красотѣ, готовая поспорить своей яркой зеленью, освѣщенной солнцемъ, съ цвѣтомъ драгоцѣнныхъ изумрудовъ.

Наконецъ, мы въѣхали въ ущелье Вади-Харамійе или „ущелье разбойниковъ“, представляющее собою живописное мѣсто. Съ правой стороны прохода возвышается большой холмъ въ 1100 фут., весьма крутой и мѣстами идущій террасами, съ лѣвой же стороны тянутся плоскіе утесы известняка. На вершинѣ этого большого холма стоитъ разоренная крѣпость, носящая названіе „замка Балдуина“, одного изъ Іерусалимскихъ королей во время владычества крестоносцевъ. Близъ дороги, въ скалахъ, въ этой „разбойничьей долинѣ“ находится нѣсколько пещеръ, одна изъ которыхъ наполнена водою и украшена пилястрами. Въ одной изъ видимыхъ нами теперь пещеръ скрывался нѣкогда Давидъ отъ Саула, ожидая тамъ условнаго знака отъ Іонаѳана, который обѣщалъ явиться туда для свиданія съ своимъ другомъ, будущимъ царемъ Еврейскимъ. Дѣйствительно, это ущелье съ своими пещерами было прекраснымъ убѣжищемъ отъ преслѣдователей. Недаромъ же здѣсь имѣли въ древнее время притонъ шайки разбойниковъ, безнаказанно совершавшихъ свои нападенія на проходившихъ по этой долинѣ паломниковъ. Да и теперь, какъ говорятъ, не безопасно, въ особенности въ ночное время, очутиться на днѣ глубокаго ущелья Вади-Харамійе. Мы подъѣхали къ такъ называемому „источнику разбойниковъ“ или, по арабски, Айнъ-Харамійе, отстоящему отъ Веѳиля на разстояніи почти девяти верстъ. Было 7 ч. утра. У источника рѣшили попоить нашихъ животныхъ, отдохнуть нѣсколько и самимъ, а также позавтракать. Эта часть долины представляетъ тѣнистую рощу съ масличными деревьями, подъ тѣнью которыхъ, скрывшись отъ солнечныхъ лучей, утомленный путникъ вполнѣ можетъ наслаждаться пріятнымъ отдохновеніемъ. Мѣсто это очень живописное, благодаря массѣ зелени и прекрасному источнику, чистая вода котораго небольшой струйкой вытекаетъ сверху изъ скалы и, свободно сбѣгая, омываетъ подножіе скалистой стѣны, распространяя прохладу черезъ свои испаренія отъ солнечнаго жара. Надъ источникомъ возвышается верхушка холма, по которой уступами стоятъ масличныя деревья. Въ этой прохладной тѣнистой зелени ущелья можно было бы просидѣть цѣлый день, забывши весь міръ и предавшись воспоминаніямъ о происходившихъ здѣсь когда-то библейскихъ событіяхъ. Позавтракавъ сыромъ

и яйцомъ съ хлѣбомъ и запивши все это освѣжающей водою изъ источника, разбавленной краснымъ виномъ, мы должны были покинуть этотъ гостепріимный уютный уголокъ, такъ какъ, по заранѣе предначертанному плану каваса Марко, наши остановки здѣсь не должны были продолжаться болѣе получаса времени. „Ну что, Марко, пора?“ съ добродушной улыбкой, шутя спрашиваетъ Преосвященный. „Пора, ваше Пр—ство“, съ сознаніемъ своего достоинства отвѣчаетъ кавасъ, и мы сейчасъ же садимся на ословъ и въ прежнемъ порядкѣ продолжаемъ свой путь, съ тоскливымъ вздохомъ покидая полюбившееся намъ мѣстечко. Выѣхавъ изъ ущелья, мы вступили на болѣе ровное мѣсто; но дорога для насъ показалась труднѣе, такъ какъ мы теперь подвергались горячимъ лучамъ знойнаго солнца, не будучи защищены отъ нихъ высокими холмами, какъ это было въ разбойничьей долинѣ. Деревья стали попадаться рѣже, и мѣстность принимала обычный пустынный видъ, какъ это мы видѣли вчера между Іерусалимомъ и Веѳилемъ. Но прохожихъ стало попадаться болѣе, чѣмъ вчера. Вотъ, навстрѣчу намъ, идетъ караванъ верблюдовъ, съ мрачнымъ арабомъ впереди, имѣвшемъ на головѣ тюрбанъ, а на тѣлѣ—бумажную рубашку, всю въ заплаткахъ, поверхъ которой надѣта овечья шкура шерстью вверхъ. Мрачно сверкнувъ своими черными глазами, отвѣтилъ онъ по арабски на арабское же привѣтствіе Преосвященнаго—„маргаба“ и, не обративъ вниманія на необычное для него шествіе, продолжалъ молча идти впередъ, своротивъ, впрочемъ, немного въ сторону свой караванъ, чтобы дать дорогу встрѣтившимся съ нимъ путникамъ. По дорогѣ Марко намъ говорилъ, что, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, страшный ливень раннею весною застигъ внезапно караванъ, которымъ онъ предводительствовалъ тогда, и много шедшихъ въ этомъ караванѣ въ Назаретъ паломниковъ, особенно женщинъ, погибло. Это случилось именно на томъ пути, по которому мы сейчасъ идемъ. Молча ѣхали мы нѣсколько времени. Вдругъ, звукъ рожка прервалъ наши размышленія. Не вдалекѣ отъ дороги, по лѣвой сторонѣ, увидѣли мы красиваго арабченка съ посохомъ въ одной рукѣ, и съ рожкомъ въ другой, гнавшаго передъ собою стадо овецъ. Широкая аба, надѣтая на длинную рубашку, открывавшую половину загорѣлой мужествен-

ной груди, спускалась съ высокихъ плечъ мальчика-пастуха. Бумажный платъ, придерживаемый веревкой изъ верблюжьей шерсти, покрывалъ его голову. Какъ напоминалъ намъ этотъ мальчикъ Давида, нѣкогда пасшаго стада овецъ отца своего! Налѣво отъ дороги, на крутомъ подъемѣ, виднѣлось селеніе, которому, вѣроятно, и принадлежало стадо, пасомое мальчикомъ, гнавшимъ его на пастбище въ горы. Селеніе носитъ названіе *Сенджиль*, по имени одного изъ графовъ Крестоносцевъ, отдыхавшихъ здѣсь по дорогѣ во Іерусалимъ, во время перваго крестоваго похода. Оно отстоитъ въ 12 верстахъ отъ Веѳиля. На западъ отъ этого селенія, на высокомъ холмѣ, сверкали издали груды какихъ-то бѣлыхъ камней. По справкамъ оказалось, что это арабская деревня Джильджилія, стоящая на мѣстѣ древней Галгалы, откуда Господь хотѣлъ вознести Илію въ вихрѣ на небо, когда послѣдній шелъ съ Елисеемъ въ Веѳиль. Направо отъ насъ деревня *Сейлунъ*, древній *Силомъ*, въ которомъ нѣкогда Іисусъ Навинъ, по завоеваніи земли обѣтованной, поставилъ Кивотъ Завѣта, остававшійся тамъ цѣлыхъ 328 лѣтъ. Какъ хотѣлось намъ посѣтить это когда-то священное мѣсто, гдѣ Анна, мать Самуила, молилась Богу, прося Его даровать ей дѣтище; гдѣ внезапно скончался благочестивый первосвященникъ Илій, услышавъ о гибели своихъ нечестивыхъ сыновей Офни и Финееса; но, за недостаткомъ времени, мы удовольствовались только тѣмъ, что издали смотрѣли вправо, куда намъ указалъ пальцемъ всезнающій Марко. Намъ стали попадаться по пути все чаще и чаще пѣшіе арабы, навьюченные ослы, и караваны верблюдовъ. Повидимому, эта мѣстность была населенная. И дѣйствительно, по правую руку увидѣли мы арабскія деревушки, съ зелеными группами деревьевъ вокругъ, которыя назывались: Савіе, Беркитъ, и др. Но вотъ, мы подъѣхали къ крутому спуску и остановились въ недоумѣніи, не зная, что дѣлать. Марко разрѣшилъ наше недоумѣніе, посовѣтовавъ намъ сойти съ ословъ и пѣшкомъ спуститься въ лежащую у нашихъ ногъ долину, такъ какъ, сидя на ослѣ, мы легко могли бы опрокинуться, благодаря крутизнѣ спуска, чрезъ голову ословъ и кубаремъ скатиться внизъ, подвергнувшись опасности быть изувѣченными отъ паденія на торчащіе внизу острые камни.

Благополучно спустившись въ долину, мы увидѣли по правую сторону дороги какое-то странное полуразвалившееся зданіе, названное кавасомъ „Ханулъ-Люббанъ“, т. е. гостиницею Люббанъ. Мы свернули съ дороги, направляясь къ этому строенію, которое представляетъ собою нѣчто въ родѣ постоялаго двора, съ навѣсомъ впереди. Вѣроятно, такія-то гостиницы существовали въ древнія времена при большихъ дорогахъ, о которыхъ часто упоминается въ Библіи. Предъ „ханомъ“ находится прекрасный обильный источникъ ключевой воды. Хозяинъ-арабъ предложилъ намъ приготовить кофе, но мы отказались отъ этого напитка, предпочтя лучше отдохнуть немного. Несторъ съ Марко разостлали подъ навѣсомъ взятыя у хозяина цыновки, и всѣ мы, вмѣстѣ съ Преосвященнымъ, легли отдохнуть, утомившись труднымъ переходомъ. Было 10 ч. утра. Нѣкоторые изъ насъ, въ томъ числѣ и Преосвященный, скоро поддались вліянію Морфея, который держалъ ихъ въ своихъ объятіяхъ около трехъ часовъ. Другіе же полулежали на крылечкѣ этой корчмы, наблюдая все происходившее около нея, и, окидывая взоромъ ближайшія окрестности, мысленно вспоминали происходившія здѣсь библейскія событія. Мы находились теперь въ Люббанской долинѣ; почти противъ насъ, въ сѣверо-западномъ углу ея, налѣво отъ дороги, на безпріютномъ, бѣдномъ зеленью холмѣ расположилась деревня Люббанъ, упоминаемая въ Библіи подъ именемъ *Левны*, жителей котораго Іисусъ Навинъ истребилъ мечемъ. Кое-гдѣ, вокругъ селенія, бродилъ тощій скотъ; грязные, оборванные ребятишки играли на солнцѣ: тоска и уныніе овладѣвали зрителемъ при взглядѣ на эту бѣдную арабскую деревушку. Здѣсь, въ этой долинѣ, кончается Іудея и начинается Самарія. Граница между этими двумя областями находится почти на одной линіи съ постоялымъ дворомъ, гдѣ мы теперь отдыхаемъ. Вѣроятно, это убѣжище нарочно было выстроено на самой границѣ еще давно фанатичными Іудеями для своихъ соотечественниковъ, которые, такимъ образомъ, могли избѣжать ночлега въ ненавистной для нихъ Самаріи. Смотря на дорогу, мы видѣли, что всѣ путники, идущіе по направленію къ Бетину или обратно, почти всегда сворачивали съ дороги, чтобы напоить животныхъ у нашего источника. Въ продолженіе трехъ часовъ здѣсь перебывало очень много путниковъ.

Вотъ, цѣлая вереница навьюченныхъ верблюдовъ остановилась около источника, гдѣ начался горячій споръ между арабомъ-проводникомъ каравана и хозяиномъ гостиницы, вѣроятно, изъ-за бакшиша, котораго послѣдній требовалъ за остановку около его корчмы. Видимо сговорившись, проводникъ развьючилъ горбатыхъ животныхъ, которыя сейчасъ же повалились наземь, вытянувъ свои длинныя ноги и пригнувъ къ землѣ свои долгія шеи. Вотъ, со стороны деревни послышались звуки колокольчиковъ, и изъ-за холма показался несовсѣмъ обычный въ этой пустынѣ поѣздъ съ людьми, возсѣдавшими на ослахъ. Впереди ѣхалъ человѣкъ въ турецкой формѣ, за нимъ два духовныхъ лица, въ черныхъ рясахъ и камилавкахъ. Позади ихъ, также на ослахъ, ѣхали закутанныя въ шали и съ длинными темными покрывалами на лицѣ двѣ женщины. Арабъ-погонщикъ замыкалъ это шествіе. Увидѣвъ большой караванъ у источника, одно изъ духовныхъ лицъ, оставивъ своихъ путниковъ поодаль, подъѣхало къ хозяину и начало о чемъ-то съ нимъ объясняться. По жестамъ послѣдняго можно догадаться, что разговоръ шелъ о насъ, а болѣе всего о Преосвященномъ, такъ какъ взоры разговаривавшихъ то и дѣло обращались на него, который въ это время спалъ крѣпкимъ сномъ и, повидимому, не слышалъ ничего. Видя, что всѣ мѣста заняты русскими путешественниками и, не желая стѣснять своимъ присутствіемъ Преосвященнаго, о званіи котораго онъ узналъ отъ хозяина черезъ Марко, онъ напоилъ своихъословъ у источника и, не отдыхая, отправился съ своими путниками далѣе. Оказалось, что это былъ арабскій священникъ, ѣхавшій съ своимъ семействомъ изъ Сиріи, чтобы поклониться въ Іерусалимѣ Гробу Господню. Около часу дня спящіе проснулись. Голодъ и жажда ощутительно давали знать о себѣ. Быстро приготовленъ былъ холодный завтракъ на полу, подъ навѣсомъ корчмы, и горячій чай, выпитый нами съ большимъ удовольствіемъ. Послѣ этого мы стали собираться въ путь. Напоивъ у источника своихъ осликовъ и накормивъ ихъ, мы, вполнѣ отдохнувши, ровно въ 2 ч дня, выѣхали изъ „гостиницы“. Выйдя опять на дорогу и, оставивъ деревню Люббанъ влѣво отъ себя, мы стали подниматься вверхъ. Послѣ утомительнаго восхожденія по каменистой неровной дорогѣ, мы поднялись, наконецъ, вверхъ, достиг-

нувъ горнаго гребня. Передъ нами открывались во всей своей величественной красѣ горы Самарійскія, позади которыхъ высились громады Гевала и Гаразина; у ногъ же нашихъ разстилалась широкая долина Эль-Мухна, которую, какъ поясомъ, со всѣхъ сторонъ окружили холмы, расположенные уступами. На западѣ, далеко—далеко отъ дороги, намъ указали на селеніе Харисъ, гдѣ, по преданію, погребены Іисусъ Навинъ и Халевъ. Наконецъ, мы спустились съ крутого и каменистаго гребня и поѣхали по ровному откосу, на скалистой сторонѣ котораго, обращенной къ долинѣ, находятся нѣсколько пещеръ, куда обыкновенно и загоняютъ скотъ на время знойныхъ часовъ. Налѣво отъ дороги, по скатамъ холмовъ, разсыпалось селеніе Хавара, видимое нами, а направо вдали намъ указали на деревню „Аверту“, стоящую на мѣстѣ древняго города Гаваафа, гдѣ, по преданію, находятся гробницы Елеазара и его сына Финееса, двухъ слѣдовавшихъ другъ за другомъ первосвященниковъ, носившихъ этотъ санъ послѣ Аарона.

Обрадовавшись, что дорога сдѣлалась лучше, мы погнали своихъ ословъ, стараясь обогнать лошадь Марко. Но это намъ не удавалось. Мы тогда начали конкурировать только быстротою бѣга между своими ослами, подпрыгивая на сѣдлѣ чуть-ли не на ½ аршина. Такіе скачки хотя нѣсколько поразнообразили наше путешествіе. Но вотъ, Марко, пришпоривъ своего коня, свернулъ влѣво съ дороги, направляясь къ какому то холмику, одинъ изъ откосовъ котораго представлялъ собою какъ бы маленькій оазисъ съ манящей къ себѣ зеленью деревъ. Мы всѣ послѣдовали за своимъ кавасомъ. Онъ остановился возлѣ одного вѣтвистаго дерева, подъ тѣнью котораго и предложилъ намъ немного отдохнуть. Мы обрадовались этому сюрпризу со стороны Марко, и быстро сошли со своихъ ословъ. Оказалось, что это было чудное стручковое дерево, прохладная тѣнь котораго доставляла отраду уставшему путнику. Сидя подъ густо-лиственнымъ шатромъ дерева, мы невольно вспомнили приточнаго блуднаго сына, который, вдали отъ дома своего отца, на чужбинѣ, питался рожками подобнаго стручковаго дерева. Кругомъ насъ было много и другихъ деревьевъ, но они были несравненно меньше этого великана. Не болѣе получаса сидѣли мы здѣсь, предаваясь сладкимъ

мечтамъ о скоромъ и настоящемъ ночномъ привалѣ. Было 4½ ч. веч., когда мы выбрались опять на дорогу. Мы любовались долиной Эль-Мухна, на которой находились деревни, пригорки, поля, скаты холмовъ, покрытые масличными плантаціями. Не только весною, когда на засѣянныхъ поляхъ волнуются отъ вѣтра хлѣбные колосья и все кругомъ покрыто ярко-зеленою травою, чередующеюся съ всевозможными родами полевыхъ цвѣтовъ, но даже и теперь, когда все выгорѣло отъ жары, эта долина съ встрѣчающимися на ней многочисленными зелеными группами деревьевъ, представляетъ собою привлекательную картину сравнительно съ безотраднымъ видомъ горныхъ пустынь Іудеи. Но вотъ мы спустились осторожно въ глубокое ущелье, по дну котораго ѣхали нѣсколько минутъ. Поднявшись вверхъ, мы увидали во всей своей красѣ гору Гаризинъ съ стоящею противъ нея горою Гевалъ. Мы находимся теперь около предѣловъ, особенно священныхъ въ глазахъ древнихъ евреевъ, съ самыхъ отдаленныхъ временъ. Гора Гаризинъ довольно высокая, на 2000 фут. надъ уровнемъ моря. На верху ея бѣлѣются какія-то зданія; говорятъ, это—сторожевая башня и развалины христіанской церкви; находится тутъ также и синагога, принадлежащая живущимъ тамъ Самаритянамъ. У подошвы этой горы расположено селеніе *Балата*, которое Самаряне называютъ „священнымъ дубомъ“. По преданію, это есть дубрава Море, подъ которой Авраамъ воздвигъ первый жертвенникъ Іеговѣ и раскинулъ здѣсь свой шатеръ. Здѣсь же, по преданію, Іаковъ, возвратившись изъ Месопотаміи, зарылъ терафимовъ Рахили.

Чѣмъ дальше мы ѣдемъ, тѣмъ все болѣе и болѣе открываются виды двухъ священныхъ горъ. Долина Эль-Мухна кончается, и къ сѣверо-западу отъ нея начинается долина Сихемская, находящаяся между этими горами и отличающаяся обиліемъ растительности и множествомъ горныхъ ключей. Но мы оставляемъ влѣво дорогу, ведущую по этой долинѣ въ древній Сихемъ, а теперь Набулусъ, отклоняемся нѣсколько въ сторону отъ дороги вправо, направляясь къ каменной оградѣ, за которой, среди развалинъ, помѣщается знаменитый и когда-то богатый водою колодезь Іакова.

Было ровно 6 ч. вечера, когда мы вошли въ ограду у ко-

лодца. У воротъ ея были встрѣчены греческимъ игуменомъ, привѣтствовавшимъ Преосвященнаго съ благополучнымъ прибытіемъ. Слѣзши съ ословъ, мы пошли къ тому мѣсту, гдѣ находится этотъ священный колодезь, у котораго Спаситель бесѣдовалъ съ Самарянкою „о водѣ живой“. Внутри ограды, направо отъ воротъ, находится полуразрушенное зданіе, къ которому мы и направили свои стопы. Спустившись внизъ по ступенькамъ въ подземную часовню, мы увидѣли посреди ея этотъ священный колодезь. Все говоритъ здѣсь о древности сооруженія. Горло колодца обложено большими нетесанными камнями; оставлено достаточное отверстіе, сквозь которое легко можетъ пролѣзть всякій человѣкъ, желающій осмотрѣть подробно его внутренность, какъ это и дѣлали многіе ученые туристы. Отверстіе его около семи съ половиною футовъ въ поперечникѣ. Сопровождавшій насъ греческій игуменъ спустилъ въ колодецъ веревку съ привязанной къ одному концу ея зажженной свѣчей, чтобы освѣтить внутренность колодца. Веревка длиною въ 80 футовъ, точно соотвѣтствующая глубинѣ колодца. Когда мы взглянули внутрь, то увидѣли на днѣ его массу мусора и набросанныхъ камней, но воды не было ни капли. Глубина колодца была когда-то, какъ говорятъ, 105 футовъ, но при разрушеніи находившейся надъ нимъ нѣкогда церкви, дно его было засыпано мусоромъ отъ развалинъ; кромѣ того, въ прежнее время, каждый богомолецъ считалъ своею обязанностью бросать въ колодезь по одному камешку, что въ общемъ, въ продолженіе многихъ вѣковъ, образовало достаточное количество мусора. Теперь, когда Іерусалимская патріархія пріобрѣла всю эту мѣстность съ этимъ колодцемъ въ свое владѣніе, послѣдній сталъ нѣсколько поддерживаться, и этотъ обычай богомольцевъ теперь строго преслѣдуется. Въ настоящее время греки стараются очистить этотъ колодецъ отъ мусора, и надѣются, что современемъ колодецъ наполнится какъ это было раньше, во времена древнихъ патріарховъ. Надъ колодцемъ устроена каменная комната со сводомъ, четырехъугольная, оштукатуренная, служащая часовнею; на внутренней восточной стѣнѣ ея виситъ икона, изображающая бесѣду Христа съ Самарянкою; передъ иконой теплится лампада, и здѣсь паломники обыкновенно служатъ молебны. Болѣе ничего достопримѣчательнаго въ этомъ помѣ-

щеніи мы не замѣтили. Надъ сводомъ этой часовни находится полуразрушенный фундаментъ древней церкви, которая была устроена св. царицею Еленою, а впослѣдствіи разрушена иновѣрцами. По сохранившимся развалинамъ легко можно догадаться о дѣйствительномъ существованіи здѣсь христіанскаго храма, подъ алтаремъ котораго, по всей вѣроятности, какъ разъ приходился колодезь Іакова, и богомольцы входили въ него сверху по ступенямъ; на мѣстѣ послѣднихъ въ настоящее время замѣчаются два углубленія, въ которыхъ видны остатки торчащихъ четырехъ гранитныхъ колоннъ. При изслѣдованіи развалинъ, можно замѣтить въ нихъ много мелкихъ обломковъ мозаичнаго пола и тесанныхъ камней.

По преданію, здѣсь стоялъ женскій монастырь, отличавшійся богатствомъ и роскошью, что и видно по остаткамъ гранита и мозаики. Но, во всякомъ случаѣ, съ полною достовѣрностью можно сказать, что именно у этого колодца сидѣлъ Спаситель, бесѣдуя съ Самарянкою. На это указываетъ расположеніе мѣстностей, точно соотвѣтствующее описанію ихъ въ евангельской исторіи, гдѣ говорится объ этой бесѣдѣ Господа. Христосъ сидѣлъ у колодца съ лицомъ, вѣроятно, обращеннымъ къ горѣ Гаризинъ, относя къ ней слова: „и не на горѣ сей, и не въ Іерусалимѣ будутъ поклоняться Отцу....“ Позади Него находилась тогда гора Гевалъ, на скатѣ которой, расположившись на сѣверномъ концѣ Сихемской долины, стоялъ городъ Сихаръ, откуда вышла жена-самарянка; на мѣстѣ Сихара теперь видна маленькая деревушка, носящая названіе Аскаръ. На востокѣ мы видимъ сейчасъ раскинувшуюся большую равнину, о нивахъ которой Спаситель сказалъ, что „онѣ поспѣли къ жатвѣ“. За этой равниной лежитъ мѣстность, между Салимомъ и Енономъ, гдѣ проповѣдывалъ Іоаннъ Креститель. Передъ Господомъ была богатая картина природы, восхитительный видъ на роскошную долину Сихема съ зелеными рощами и журчащими ручейками. Все это видимъ и мы теперь своими глазами, наслаждаясь чуднымъ видомъ Самарійскихъ горъ и живописныхъ окрестностей; стоимъ, какъ очарованные, на этомъ святомъ мѣстѣ, живо представляя себѣ сидящаго здѣсь у колодца Спасителя, мирно бесѣдующаго съ стоящей передъ Нимъ Самарянкой „о поклоненіи Богу въ духѣ

и истинѣ". Мы поднялись опять во дворъ ограды и увидали приготовленныя для насъ, какъ и наканунѣ въ Веѳилѣ, три палатки. На юго-западной сторонѣ внутри ограды стоитъ какой-то длинный сарай, или что-то въ родѣ крытаго навѣса. Мы вошли туда. Оказалось, что это—ночлежное помѣщеніе, устроенное греками для паломниковъ, съ нарами внутри въ два этажа; оно можетъ вмѣстить въ себѣ около тысячи человѣкъ богомольцевъ. Нужно поблагодарить грековъ за устройство такого громаднаго барака для паломниковъ, не имѣвшихъ прежде здѣсь никакого убѣжища отъ невыносимой сильной жары, а также отъ застигавшей ихъ непогоды. Выйдя изъ подъ навѣса и полюбовавшись еще немного разстилающимися прекрасными окрестностями, освѣщенными заходящими лучами солнца, мы возвратились къ своимъ палаткамъ. Тутъ ожидали два турецкихъ офицера, присланныхъ Наблусскимъ пашею привѣтствовать Преосвященнаго, о прибытіи котораго онъ былъ заранѣе извѣщенъ по телеграфу изъ Іерусалима. Съ изысканною любезностью истинно воспитанныхъ джентльменовъ исполнили они возложенное на нихъ почетное порученіе. Въ это время опытный Марко что-то тихо сказалъ Преосвященному, который сейчасъ же вынулъ изъ кармана какую-то золотую монету, взятую кавасомъ и переданную сейчасъ же стоявшимъ въ почтительной позѣ предъ нашимъ архипастыремъ турецкимъ офицерамъ. Поблагодаривши Преосвященнаго и извинившись за безпокойство, они поклонились ему съ граціей настоящихъ паркетныхъ кавалеровъ, пожелавъ покойной ночи и сказавъ, чтобы мы не безпокоились, такъ какъ нашъ сонъ будетъ охранять турецкая стража, поставленная у воротъ ограды, по приказу Наблусскаго правительства, въ виду высокаго положенія Преосвященнаго. Они были настолько любезны, что предложили намъ осмотрѣть сейчасъ же, подъ ихъ охраной, городъ съ его достопримѣчательностями; но мы, уставши отъ дороги, постарались отклонить это предложеніе. По уходѣ ихъ, нѣкоторые изъ насъ спохватились, что не приняли услугъ любезныхъ офицеровъ; одни же, безъ турецкихъ провожатыхъ, мы не рѣшались идти въ городъ, такъ какъ жители Наблуса извѣстны своимъ фанатизмомъ и ненавистью къ христіанамъ. Это особенно обнаруживается, по словамъ Марко, во время каравановъ паломниковъ.

Было 7 ч. вечера. Мы сѣли за приготовленный ужинъ, на чистомъ воздухѣ, около палатки Преосвященнаго, который ужиналъ за однимъ столомъ съ нами. Всѣ мы были веселы и оживлены, дѣлясь другъ съ другомъ путевыми впечатлѣніями. Ужинъ былъ весьма обильный; къ тому же намъ принесли изъ города еще свѣжаго холоднаго молока, которое мы выпили съ удовольствіемъ. Игуменъ принесъ намъ винограду, только сейчасъ собраннаго съ своихъ виноградниковъ, находящихся здѣсь же въ оградѣ. Ухаживавшій за нами все время греческій игуменъ былъ настоятелемъ церкви во имя св. Фотиніи Самарянки, находящейся при православной общинѣ въ Наблусѣ. Во время ужина къ намъ подошелъ въ восточномъ костюмѣ, длинномъ полосатомъ халатѣ и въ темной короткой кофтѣ поверхъ его, какой-то высокій, худощавый мужчина, съ овальнымъ лицомъ блѣднаго цвѣта, чисто еврейскаго типа. Онъ низко поклонился въ сторону Преосвященнаго, привѣтствовавъ его на гортанномъ арабскомъ языкѣ. Это былъ Самарянскій раввинъ, учащій въ синагогѣ при Самаритянской общинѣ города. Онъ упомянулъ о своей синагогѣ, въ которой, какъ говорятъ, находятся древнѣйшіе списки Пятокнижія, написаннаго на пергаментѣ. Предложилъ онъ намъ посѣтить гробницу Іосифа, находящуюся вблизи колодца Іакова. Могила помѣщается въ четыреугольной каменной комнатѣ безъ крыши; она—овальной формы, въ стилѣ обыкновенныхъ Палестинскихъ гробницъ. Тутъ находятся два каменныхъ столбика, въ верхнихъ впадинахъ которыхъ, сдѣланныхъ нарочно, евреи сжигаютъ многочисленныя приношенія патріарху: кружева, разныя матеріи, ладанъ, масло, и др. У Самаритянъ сохраняется много древнихъ обрядовъ Богослуженія. Такъ, на горѣ Гаризинъ они приносятъ въ жертву семь пасхальныхъ агнцевъ, со всѣми ветхозавѣтными ритуалами, въ пасхальную ночь съѣдаютъ агнца, согласно словамъ священнаго Писанія. Гора Гаризинъ считается ими, по прежнему, священной; на вершинѣ ея они справляютъ праздники Пасхи, Пятидесятницы и водруженіе Скиніи Завѣта. По прежнему они враждебно относятся къ ненавистнымъ имъ евреямъ.

Самаритянъ находится въ городѣ только около двухъ сотъ человѣкъ, какъ съ грустью объяснилъ намъ пришедшій рав-

винъ. Быстро пронеслась передъ нашимъ умственнымъ взоромъ печальная исторія злополучныхъ самарянъ: и поводы ихъ ко враждѣ съ евреями, и постройка на горѣ Гаризинѣ Санаваллатомъ особаго храма, который, нѣсколько лѣтъ спустя, былъ обращенъ въ капище Зевса, а впослѣдствіи былъ срытъ до основанія Іоанномъ Гирканомъ, и истребленіе десяти тысячъ ихъ римскимъ полководцемъ Кестіемъ, и, наконецъ, возстаніе ихъ, соединенное съ жестокостями противъ христіанъ, послѣ чего у нихъ отняли эту священную гору, передавши ее христіанамъ. За ярыя политическія убѣжденія, ихъ продолжали казнить тысячами, такъ что теперь только жалкая кучка самарянъ осталась доживать свой вѣкъ на развалинахъ своего прошлаго, въ виду той священной горы, которая была нѣкогда свидѣтельницей зарожденія этой секты. Простившись съ нами, жалкій самарянскій раввинъ отправился обратно въ городъ, навѣявъ на насъ своимъ печальнымъ видомъ грустныя мысли о непрочномъ благополучіи на землѣ.

Становилось темно. Сумерки уже давно наступили, окутавъ своею тѣнью лежавшую на востокѣ отъ насъ равнину; роскошные холмы и величественныя горы Самарійскіе превращались въ темныя громады. Луна еще не взошла, но при звѣздахъ, разсыпавшихся по темному небу, эти горы не теряли своихъ красивыхъ очертаній. Но вотъ, давно ожидаемая нами луна выплыла на средину звѣзднаго неба, освѣтила своимъ блѣднымъ сіяніемъ лежавшія передъ нами окрестности, заставивъ насъ замереть отъ восторга. Мы стояли на краю каменнаго водоема, предаваясь воспоминаніямъ о давно минувшихъ событіяхъ, героями которыхъ были древніе патріархи. Когда-то здѣсь мирно наслаждался жизнію съ своей громадной семьею нашъ праотецъ Іаковъ, смотря, какъ и мы теперь, на полную луну, царившую на небѣ. Благодаря роковому случаю, приключившемуся съ его дочерью въ долинѣ Сихемской и послѣдовавшей затѣмъ кровавой мести со стороны его дѣтей жителямъ Сихема за поруганіе Дины, онъ долженъ былъ покинуть эти излюбленныя мѣста съ вырытымъ имъ колодцемъ. Много и другихъ событій происходило здѣсь близъ этого колодца.....

Сонъ началъ одолѣвать насъ, препятствуя послѣдователь-

ному теченію нашихъ библейскихъ воспоминаній, и мы поспѣшили въ свои палатки, чтобы дать ему полное господство надъ нами. Взглянувъ въ послѣдній разъ на волшебную картину ночи, мы вошли въ палатки, легли, не раздѣваясь, на свои койки, и, какъ убитые, уснули крѣпкимъ сномъ.

5-е Іюля. Среда. Наблусъ — Сихемъ. Самарія — Севастія. Храмъ Іоанна Крестителя. Развалины Севастіи. Джеба. Арабки у источника. Дженинъ, библейскій ен-Ганнимъ.

Пронзительные крики пѣтуховъ, раздававшіеся со стороны города и селеній, разбудили насъ. Вскорѣ послышались и звонки, заставившіе насъ встать и приготовиться къ отъѣзду. Ровно въ 5 ч. утра мы покинули колодезь Іакова. Выѣхавъ изъ воротъ ограды въ сопровожденіи греческаго игумена и турецкой стражи, мы направились опять на большую дорогу и вступили въ долину Сихемскую. При блескѣ восходящаго солнца, намъ еще больше понравился этотъ живописный уголокъ Палестины съ многочисленными группами зеленыхъ деревьевъ, листья которыхъ сіяли бриллiантовымъ блескомъ отъ отраженія солнечныхъ лучей въ невысохшихъ еще на нихъ росинкахъ; катившіеся по скатамъ горъ многочисленные ручейки переливались различными цвѣтами радуги отъ дѣйствія яркаго солнца. Эта долина, благодаря обилію воды, вытекающей маленькими небольшими струями изъ разщелинъ горъ, славилась своимъ плодородіемъ во всѣ времена. Недаромъ Авраамъ раскинулъ здѣсь шатры свои, недаромъ Іаковъ, возвратившись изъ Месопотаміи, рѣшился основаться здѣсь, въ виду красивыхъ и плодоносныхъ мѣстъ, „купивши часть поля у жителей земли сей“.

Проѣхавши $^1/_2$ часа, мы увидѣли передъ собою городъ Наблусъ, древній *Сихемъ*, который Іеровоамъ, сдѣлавшись царемъ десяти колѣнъ Израиля, украсилъ многочисленными зданіями и сдѣлалъ его столицею своего царства. Передъ нами теперь разстилался большой восточный городъ съ бѣлыми восточными домами, куполообразными крышами какихъ-то зданій и высокими минаретами мечетей. Оживленіе царило въ долинѣ, когда мы подъѣзжали къ городу. Навстрѣчу намъ шли навьюченные верблюды съ ослами, нагруженными какою-то кладью. То и дѣло попадались по

дорогѣ пѣшіе арабы, съ котомками въ рукахъ, твердою поступью направляясь въ горы. Стада овецъ и козъ, пасомыя восточными пастухами въ своихъ библейскихъ костюмахъ, часто встрѣчались по обѣимъ сторонамъ дороги и по скатамъ горъ. Какъ живо напомнилъ намъ одинъ изъ этихъ юныхъ пастуховъ патріарха Іосифа, въ дни его юности, когда онъ блуждалъ въ этой же долинѣ, ища своихъ братьевъ, которые впослѣдствіи продали его Измаильскимъ купцамъ! Не смотря на то, что это мѣсто соединено было для него съ грустными воспоминаніями, онъ всегда любилъ его, стремясь къ нему всею душею, и даже высказалъ предсмертное желаніе видѣть кости свои погребенными въ этомъ миломъ для него уголкѣ. Только лично присутствуя въ этой живописной долинѣ, можно понять сильное стремленіе патріарха къ этому мѣсту, а также — пріятныя воспоминанія многихъ людей и народовъ, соединенныя съ долиной Сихемской. Мы въѣхали въ городъ. Разочарованіе было полное. Какъ красивъ былъ онъ издали, такъ непригляденъ и неопрятенъ внутри, благодаря разбросаннымъ въ безпорядкѣ восточнымъ постройкамъ, тѣснымъ, темнымъ улицамъ и грудамъ нечистотъ, валявшимся здѣсь же по дорогѣ, около которыхъ копошились тощія желтыя собаки. Говорятъ, что въ городѣ много масляныхъ и мыльныхъ заводовъ, увеличивающихъ и безъ того городскую грязь, вслѣдствіе отбросовъ, выбрасываемыхъ на улицы, распространяя зловоніе и производя удушливую атмосферу. Этотъ городъ мало чѣмъ отличается отъ видѣнныхъ нами (Палестинскихъ) городовъ, представляя собою обычный типъ восточнаго города. Къ счастію, намъ не пришлось проѣзжать весь городъ и вдыхать въ себя заразительный запахъ разлагающейся восточной грязи; мы скоро повернули вправо и поѣхали по Севастійской дорогѣ. Непріятное впечатлѣніе быстро исчезло по выѣздѣ изъ города. Прямо предъ нами красовался Гевалъ, весь въ террасахъ, покрытыхъ зелеными дикими грушевыми деревьями и кудрявыми рощами масличныхъ деревьевъ. Фруктовые сады съ оливковыми и фиговыми деревьями, на которыхъ въ большомъ количествѣ виднѣлись вкусные и сочные плоды, приковывали къ себѣ наши взоры; виноградники, разбросанные тамъ и сямъ по скатамъ горъ, манили насъ къ себѣ своими громадными и густыми гроздьями спѣ-

лаго винограда; горные потоки и ручейки, около которыхъ полоскали бѣлье восточныя женщины въ своихъ оригинальныхъ костюмахъ, своимъ тихимъ журчаніемъ услаждали нашъ слухъ. А надъ всѣмъ этимъ небо, ясное, голубое, раскинувшееся въ видѣ грандіознѣйшаго шатра, довершало эту чудную панораму. Погружаясь своею мыслію въ глубь временъ, мы живо представляли себѣ это величественное зрѣлище, когда, на мѣстѣ теперешняго города, въ лощинѣ, отдѣляющей Гаризинъ отъ Гевала, стояли въ бѣлыхъ облаченіяхъ священники и левиты, громко читая благословенія и проклятія на исполнителей и нарушителей Закона; а съ вершинъ ихъ раздавалось громогласное отвѣтное—„аминь“ стоявшихъ тамъ всѣхъ двѣнадцати колѣнъ Израилевыхъ. Мы продолжали ѣхать по узкой долинѣ, окаймленной съ обѣихъ сторонъ зеленью, фруктовыми садами, огороженными колючими кактусами, спѣлые сочные плоды которыхъ наблусскія женщины при нашемъ проѣздѣ сбивали палками, осторожно хватая ихъ руками, во избѣжаніе уколовъ, и ссыпая въ мѣшки. Маленькіе ручейки пересѣкали въ разныхъ мѣстахъ нашъ путь.

Мы проѣхали мимо магометанскаго кладбища, между оливковыми деревьями котораго катился быстрый ручей съ холодною ключевою водою. Вблизи какого-то селенія, расположеннаго на скатѣ горы, мы увидѣли, вѣроятно, старый водопроводъ, съ полуразрушенными арками. Городъ остался теперь далеко позади насъ. На пути намъ встрѣчалось очень много водяныхъ мельницъ, издали похожихъ на столбы. Но вотъ, ручейки стали попадаться рѣже, а затѣмъ и совершенно исчезли, когда мы поднялись на значительную высоту надъ долиной. Мы ѣхали теперь по отлогому склону холма, поднимаясь все выше и выше къ сѣверо-западу, встрѣчая по пути, направо отъ дороги, шелковичныя и фиговыя деревья. Подъемъ дѣлается настолько крутъ, что мы удивляемся своимъ животнымъ, какъ они могутъ такъ твердо и осторожно ступать по этой крутой дорогѣ, по разбросаннымъ на ней камнямъ, которые, при малѣйшимъ прикосновеніи къ нимъ, быстро ссыпаются внизъ. По обѣимъ сторонамъ дороги, посреди полей и зеленыхъ рощъ, возвышаются холмы, на вершинахъ которыхъ расположились многочисленныя арабскія деревушки. Мы поднялись на самую

вершину холма и должны были спуститься въ плодоносную долину, по которой пробѣгали мелкіе ручейки. Затѣмъ поднялись на еще болѣе высокій холмъ, по скатамъ котораго виднѣлись оливковыя и масличныя рощи, фруктовые сады и водяная мельница; увѣнчивался онъ какимъ-то селеньемъ. Это, оказалось, нѣкогда знаменитая Самарія, потомъ Севастія, нынѣ бѣдная арабская деревушка, населенная магометанами и отчасти православными. Этотъ гордый холмъ Самарійскій возвышается на 500 фут. надъ долиной, и взбираться на него по почти отвѣснымъ склонамъ очень затруднительно. На вершинѣ холма, окруженнаго съ трехъ сторонъ глубокими долинами, расположена теперь жалкая деревушка, въ которую мы теперь и шли пѣшкомъ, оставивъ своихъ ословъ у деревни. Изъ любопытства, мы заглянули въ отворенную дверь одной мазанки: ѣдкій удушливый дымъ, наполнявшій ее, заставилъ насъ отскочить въ сторону. Оказалось, что мазанки не имѣютъ другихъ отверстій, кромѣ одной двери. Подобное встрѣчается во многихъ бѣдныхъ восточныхъ деревушкахъ. Необходима неприхотливость восточныхъ жителей и постоянная привычка, чтобы обитать въ такихъ жилищахъ. Сквозь дымъ мы разглядѣли внутренность этой мазанки: ни стола, вообще никакой мебели; на полу сидѣлъ арабъ въ разстегнутой рубашкѣ и въ красномъ тюрбанѣ на головѣ, поддерживая огонь, ворочая палкою сучья, горѣвшіе подъ котелкомъ, въ которомъ что-то варилось; оборванная женщина хлопотала около этого котелка; въ углу, на голомъ полу, не смотря на ѣдкій запахъ дыма, весело играли въ камешки голые ребятишки, грязные до невозможности. Идя затѣмъ по отвратительнѣйшимъ закоулкамъ деревушки, сторонясь отъ собакъ, съ оскаленными зубами лаявшихъ на непрошенныхъ гостей, мы размышляли о превратностяхъ судебъ вообще, и въ частности—о судьбѣ стоявшей здѣсь когда-то знаменитой столицы Израильскаго царства. Основанная царемъ-отступникомъ Амврiемъ, она имѣла въ своихъ стѣнахъ много нечестивыхъ царей, въ томъ числѣ и Ахава, ревностнаго распространителя идолопоклонства въ своей странѣ. Будучи затѣмъ за грѣхи царей своихъ часто разрушаема непріятелями, Самарія была возобновлена Габиніемъ, сирійскимъ правителемъ, а при Римскомъ владычествѣ была уступлена Ироду Великому, который, воз-

становивши и украсивши городъ великолѣпнѣйшими зданіями, переименовалъ ее въ Севастію, или Августу, въ честь Римскаго Императора Августа. Развалины дворцовъ доселѣ еще свидѣтельствуютъ о ея прежнемъ величіи. По пути къ нимъ, мы предварительно разсмотрѣли развалины христіанской церкви, выстроенной св. Еленою надъ предполагаемыми гробницами пророковъ: Авдія, Елисея и Іоанна Крестителя; хотя, по другому, болѣе достовѣрному, преданію послѣдній былъ обезглавленъ и погребенъ совершенно въ другомъ мѣстѣ. Передъ нами, на вершинѣ холма, находится большой дворъ, посреди котораго стоитъ высокая пальма; на краю холма, дворъ ограничиваютъ уцѣлѣвшія еще развалины древней стѣны, въ которыхъ по мѣстамъ вдѣланы мраморныя колонны; такія же колонны идутъ вдоль двора, полукругомъ выступая за стѣны. Этотъ дворъ составлялъ нѣкогда средину храма, что замѣтно по прилегающему къ нему мраморному порогу со ступенями. На дворѣ стоитъ маленькая мечеть; внутреннія стѣны ея обдѣланы мраморомъ, на которомъ, если попристальнѣе всмотрѣться, можно замѣтить высѣченные кресты, хотя магометане усердно стараются изгладить на немъ эти знаки христіанства, замазывая или стирая ихъ. Эта мечеть помѣщается какъ разъ надъ гробницами пророковъ, находящимися въ подземельѣ, узкій сходъ въ которое—на лѣвой сторонѣ двора, напротивъ мечети. Вмѣстѣ съ шедшими впереди насъ—Преосвященнымъ и греческимъ игуменомъ — сошли мы въ полутемное подземелье, по 22 ступенямъ, слабо освѣщеннымъ четырьмя окнами, устроенными въ стѣнахъ, подъ сводами. Страшная сырость охватила насъ. Посреди этого погреба лежитъ небольшой четырехъугольный мраморный камень, на которомъ, какъ говорятъ, сидѣлъ томившійся здѣсь въ узахъ Іоаннъ Предтеча. Мѣсто могилъ заложено стѣною, въ которой оставлены три отверстія. Съ зажженными свѣчами въ рукахъ, данными намъ проводникомъ-арабомъ, увидѣли мы черезъ эти отверстія три гробницы, выложенныя тесаннымъ камнемъ, и совершенно похожія одна на другую. Гробницы пусты; около нихъ валялось нѣсколько череповъ и обломковъ камней. Если это подземелье и не было темницей Предтечи Господня, усѣкновеннаго по приказанію Ирода, то, во всякомъ случаѣ, оно было мѣстомъ, куда же-

стокій царь заточалъ своихъ недруговъ, умиравшихъ здѣсь отъ голодной смерти и отъ недостатка свѣжаго воздуха.

Поднявшись обратно по ступенькамъ вверхъ, мы съ облегченіемъ вдохнули въ себя струю свѣжаго, хотя и горя-

Севастія. Развалины дворца Ирода Великаго.

чаго отъ солнечнаго жара, воздуха. Давши, по обыкновенію, бакшишъ сопровождавшему насъ по развалинамъ сторожу-проводнику, отправились мы для дальнѣйшаго осмотра древней столицы. Пройдя минутъ десять, увидѣли мы цѣлый сводъ колоссальныхъ колоннъ, сдѣланныхъ изъ мѣстнаго камня, которыя сперва шли въ одинъ рядъ, а потомъ въ два параллельныхъ ряда. Мы насчитали ихъ болѣе пятидесяти,—всѣ онѣ монолиты, не имѣютъ ни карнизовъ, ни базисовъ. Нѣкоторыя изъ нихъ расколоты пополамъ и валяются здѣсь же на землѣ. Когда мы наступили на одну изъ валявшихся колоннъ, изъ-подъ нея выползли двѣ большія ящерицы, обитавшія въ томъ мѣстѣ, гдѣ, по всей вѣроятности, стоялъ дворецъ Ирода, любившаго блескъ и пышность и задававшаго пиры многочисленнымъ друзьямъ своимъ. Но стоялъ - ли здѣсь дѣйствительно роскошный дворецъ Ирода,

или это былъ великолѣпный храмъ, построенный имъ въ честь Августа,—въ точности неизвѣстно; во всякомъ же случаѣ, эти колонны—остатки сооруженій Великаго Ирода. Идя на сѣверо-западъ отъ этихъ колоннъ, мы замѣтили остатки двухъ башенъ, сложенныхъ изъ огромныхъ тесанныхъ камней, между которыми есть пустое пространство. Это, вѣроятно, были ворота города Севастіи. За воротами тянулся портикъ съ сохранившеюся до сихъ поръ чуть ли не сотнею колоннъ.

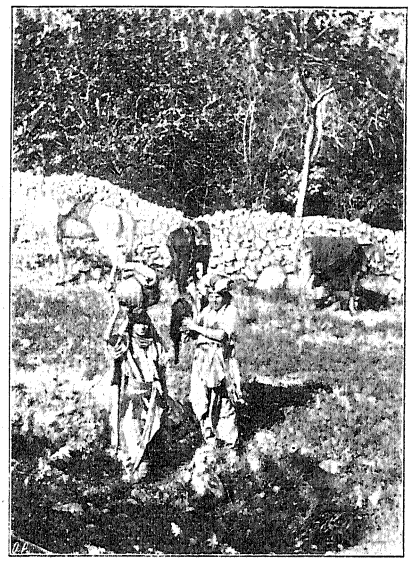
Осмотрѣвши колонны, мы тою же дорогой пришли обратно къ церкви, на вершину холма, видъ съ котораго на окрестности — восхитительный. Эти чудныя окрестности были свидѣтелями беззаконія царей Израильскихъ, которые здѣсь на вершинахъ ставили капища идоловъ, прогнѣвляя Бога Истиннаго. Исполнился гнѣвъ Божій надъ Самаріей, какъ предсказалъ это пророкъ Исаія, любовавшійся видомъ на окрестности, можетъ быть, съ этого же мѣста, и другіе пророки. Нѣсколько оставшихся колоннъ и обломковъ мрамора, представляющихъ собою жалкіе остатки прежняго величія пышной столицы, свидѣтельствуютъ объ исполненіи въ судьбахъ Самаріи пророческихъ предсказаній. Смотря на эти развалины, на эту груду разбросанныхъ повсюду камней,—какъ не вспомнить при этомъ пророческихъ словъ прор. Михея: *Самарію сдѣлаю грудою развалинъ въ полѣ, мѣстомъ для разведенія винограда: низрину въ долину камни ея и обнажу основанія ея* (Мих. 1, 6).

Достаточно насмотрѣвшись на чудные виды съ этой вершины и поразмысливши о превратностяхъ судебъ, мы возвратились къ своимъ осламъ и поѣхали далѣе на сѣверъ, спустившись предварительно съ холма. Въ верхней части Самарійскаго холма, налѣво отъ дороги, замѣтили мы колоннаду въ видѣ амфитеатра, постепенно спускающагося къ долинѣ. Это, какъ объяснилъ намъ греческій игуменъ, печальные остатки роскошнаго цирка Ирода. На этомъ мѣстѣ услужливый грекъ простился съ Преосвященнымъ, и поѣхалъ обратно въ Наблусъ.

Дорога шла по долинѣ между двухъ холмовъ, поднимаясь нѣсколько вверхъ, небольшими зигзагами. Эта мѣстность своими полями и сравнительно ровною поверхностью напоминала намъ наши родныя мѣста во время осени, когда трава на по-

ляхъ уже не имѣетъ такой свѣжей окраски, какъ лѣтомъ и весною. Проѣхавъ селеніе, называемое Бурка, мы стали подниматься на высокій холмъ, съ вершины котораго нашему взору представилось прекрасное ровное поле, усаженное масличными деревьями и окаймленное понижающимися пригорками Самаріи. Кругомъ разбросаны деревни, изъ которыхъ, ближе къ нашей дорогѣ, съ лѣвой стороны ея, расположилось селеніе эль-Фантакумія. Становилось мучительно жарко. Страшная жажда стала одолѣвать насъ. Но вотъ, наконецъ, дорога, то поднимаясь, то снова опускаясь, привела насъ къ деревнѣ „Джеба“, гдѣ мы рѣшили сдѣлать привалъ. Домики этой деревни, прилѣпившіеся къ склону холма, расположены настолько правильными рядами, что плоскія крыши нижнихъ домовъ могутъ служить мостовою для верхнихъ. Это селеніе, находясь въ долинѣ, между двумя небольшими возвышенностями, и утопая въ роскошной зелени оливковыхъ деревьевъ, можетъ служить самымъ лучшимъ мѣстомъ отдохновенія. Тутъ мы и остановились, расположившись подъ раскидистой маслиной, прямо надъ большимъ источникомъ, куда сходятся за водою жители всего магометанскаго селенія, преимущественно женщины. Позиція для наблюденія была самая удобная. Покуда намъ готовили завтракъ, мы занялись наблюденіемъ происходившаго у источника. Мы видѣли, какъ сюда приходили за водой дѣвушки и, весело болтая съ подругами, черпали воду и уходили прочь. Здѣсь было какъ бы складочное мѣсто различныхъ мѣстныхъ новостей, которыя, передаваясь изъ устъ въ уста, комментируясь на разные лады, распространялись уже въ измѣненной редакціи, непохожей на первоначальную, по всему магометанскому селенію. Многія приходили сюда съ бѣльемъ, полоская которое въ наполненныхъ водою канавкахъ около источника, весело щебетали на своемъ гортанномъ нарѣчіи. Мы удивлялись тому, какъ эти молодыя мусульманки, зачерпнувши кувшинами воду, ставили послѣдніе на свои головы и, какъ бы не чувствуя особой тяжести на головѣ, беззаботно уходили, часто не поддерживая руками своихъ наполненныхъ водою сосудовъ, которые, не смотря на это, не теряли все-таки своего равновѣсія на граціозныхъ головкахъ мусульманокъ. Передъ нами живо встали библейскіе разсказы, гдѣ говорится о посѣщеніяхъ дѣвушками древнихъ

колодцевъ. Нравы, обычаи, даже костюмы,—все напоминаетъ древнія времена.



Арабки у источника.

Между женщинами, видѣнными нами у колодца, было много интересныхъ типовъ. Костюмъ почти у всѣхъ ихъ одинаковъ: длинная, синяя рубашка, въ видѣ мѣшка, доходящая до самыхъ пятъ и перехватывающаяся въ таліи поясомъ, со многими складками на груди. Голова накрыта большимъ платкомъ, концы котораго спускаются до самыхъ плечъ, служа вмѣстѣ съ тѣмъ покрываломъ; маленькая круглая шапочка увѣнчиваетъ голову арабской женщины. Вотъ гордою поступью подходитъ къ источнику, держа высоко надъ головою пустой кувшинъ, стройная арабская женщина, неприхотливый костюмъ которой обрисовываетъ ея граціозныя формы. На ея загорѣломъ овальной формы лицѣ, съ правильными, хотя и крупными чертами, блестятъ черные глаза. Это была одна изъ красивѣйшихъ дочерей Востока. Хотя по костюму она почти и не отличалась отъ другихъ, находившихся здѣсь женщинъ, но, благодаря ея шапочкѣ, обдѣланной позументомъ, и множеству блестящихъ монетъ, въ видѣ монисто висящихъ на шеѣ, и запястій, до локтя надѣтыхъ на ея голой муже-

ственной рукѣ, она, видимо, принадлежала къ зажиточной семьѣ, или даже къ семьѣ самого шейха. На послѣднее

Арабки у источника.

указывала также гордая осанка этой женщины. Подойдя къ источнику и поставивъ свой кувшинъ на землю, она, по обыкновенію, хотѣла заняться болтовней съ своими подругами. Но, замѣтивъ направленный на нее фотографическій аппаратъ, она, сверкнувъ черными глазами, зардѣвшись алымъ румянцемъ, съ саркастическою улыбкою, быстро повернулась къ намъ спиною, зачерпнула въ кувшинъ воды, опустила на лицо покрывало, и не глядя на насъ, съ кувшиномъ на головѣ, молча, тою же гордою поступью пошла прочь отъ источника. Такъ и вспомнилась намъ библейская Ревекка и событіе встрѣчи у колодца Елеазара съ будущей женой своего господина. Мы замѣтили у многихъ приходившихъ сюда женщинъ татуировку на рукахъ, между глазъ и на подбородкѣ, а также вдоль нижней губы, въ видѣ небольшихъ темныхъ точекъ.

Между тѣмъ намъ приготовили уже завтракъ, состоявшій изъ прежнихъ холодныхъ блюдъ, съ прибавленіемъ чесноку, за который особенно ратовалъ Марко, говоря, что лукъ и

чеснокъ въ дорогѣ необходимы въ качествѣ подкрѣпляющаго средства. Нашъ завтракъ прошелъ очень оживленно. Прекрасную патріархальную картину представляла наша группа во время трапезы, за которой, возлежа по восточному, мы сидѣли всѣ вмѣстѣ, забывъ о различіи званій и положеній. Рядомъ съ архіереемъ сидѣлъ простой служитель, Несторъ, съ одной стороны, съ другой—одинъ изъ студентовъ, по сосѣдству съ двумя рядомъ сидѣвшими кавасами. Около Нестора возлежалъ о. миссіонеръ Варсонофій, рука объ руку съ погонщикомъ, магометаниномъ, а затѣмъ опять студенты. Яства передавались изъ рукъ въ руки, хлѣбъ ломался на части и дѣлился между всѣми. Никто не стѣснялся ничьимъ присутствіемъ, но въ то же время все было тихо, прилично. А тамъ, внизу, у источника продолжали громко лепетать мусульманки, около которыхъ шумѣли и галдѣли мальчишки. Подъ аккомпаниментъ арабской болтовни и дѣтскаго шума, легли мы послѣ завтрака немного отдохнуть подъ тѣнью развѣсистыхъ смоковницъ, проспавъ почти до часу дня. „Ну что, Марко, пора?“ спросилъ Преосвященный. „Еще рано, Ваше Преосвященство“, отвѣчалъ, строгій до педантичности, кавасъ, „не пришло еще время“.

Мы взглянули внизъ. Общество арабокъ и арабченковъ не только не порѣдѣло, но, напротивъ, увеличилось, такъ какъ, вѣроятно, уже все селеніе узнало о нашемъ здѣсь пребываніи. „Бакшишъ, бакшишъ“, кричали мальчуганы, протягивая къ намъ свои маленькія ручонки. Зная алчность арабовъ, мы бросили имъ двѣ-три „парички“, которыя ими съ жадностью были подняты, и опять послышались возгласы: „бакшишъ“. Наконецъ, мы бросили десятокъ монетъ въ толпу грязныхъ оборвышей, которые съ крикомъ, тѣсня другъ друга, давая волю своимъ кулакамъ, кинулись поднимать наши подачки. Съ разгорѣвшимися отъ жадности глазами, смотрѣли мусульманки на падавшія парички, стыдясь подойти къ мальчишкамъ. Мы бросили горсть этихъ мелкихъ монетъ въ толпу женщинъ, которыя, забывши стыдъ, стали поднимать ихъ, вступая въ драку съ мальчишками. Еще десятокъ паричекъ, брошенныхъ въ толпу, и стыдъ былъ забытъ совершенно, началась общая свалка, въ которой полы перемѣшались, шумъ, гамъ, драки..... „Теперь пора собираться“, объявилъ Марко, и ровно въ половинѣ второго часа дня,

послѣ хорошаго отдыха, сопровождаемые поклонами и благодарностями со стороны арабовъ обоего пола, мы выѣхали къ сѣверу отъ Джебы.

Черезъ полчаса, налѣво отъ дороги, мы встрѣтили деревню Сануръ, расположенную на холмѣ, весьма крутомъ съ восточной стороны и понижающимся по направленію къ западу. На вершинѣ холма видна крѣпость, а вокругъ деревни идетъ каменная ограда. Дорога, по которой мы теперь ѣхали, не особенно дурна, безъ крутыхъ подъемовъ и отвѣсныхъ спусковъ. Такъ ѣхали мы безъ всякихъ приключеній до 3 ч. дня, если не считать мучившую насъ временами жажду. Къ счастію, или стало нѣсколько прохладнѣе, или же мы привыкли къ жарѣ, но мы не чувствовали болѣе страданія отъ палящихъ лучей солнца. Вотъ, высоко надъ нашими головами, пронеслась цѣлая стая орловъ, которые, плавно разрѣзая воздухъ своими крыльями, опускаясь все ниже и ниже, скрылись за холмомъ направо отъ дороги, найдя, вѣроятно, себѣ хорошую добычу въ видѣ трупа какого-либо животнаго. Это можно было предполагать по доносившемуся до насъ непріятному запаху, происходящему отъ разложенія органическихъ веществъ. Мы переѣхали затѣмъ долину Доѳана, въ которой нѣкогда Іосифъ былъ проданъ своими братьями купцамъ Мадіамскимъ, увезшимъ его отсюда по дорогѣ на западъ въ землю Египетскую. Въ этой долинѣ, какъ говорятъ, находится бездонный колодецъ, куда дѣти Іакова хотѣли бросить своего нелюбимаго ими брата. Къ сѣверо-западу отъ насъ простирается широкая равнина, гдѣ дѣти Іакова пасли стада отца своего. Налѣво отъ дороги, Марко указалъ намъ мѣсто, гдѣ имѣютъ обыкновеніе отдыхать паломники, идущіе въ Назаретъ большими караванами. Это—громаднѣйшее вспаханное поле, которое, раннею весною, покрывается зелеными всходами хлѣбныхъ злаковъ. Мы отказались отъ отдыха, желая скорѣе добраться до предположеннаго по маршруту ночлега. Направо отъ дороги мы залюбовались густыми масличными рощами, заполняющими пространство долинъ и откосовъ. Около этого цвѣтущаго оазиса расположено арабское селеніе, которое нашъ жандармъ назвалъ „Кубатыя“. Отсюда мы стали спускаться все ниже и ниже, и ѣхали между холмами, образующими собою то ущелье, черезъ которое, по всей вѣроятности, и

бѣжалъ Охозія, царь іудейскій, преслѣдуемый убійцами, посланными за нимъ Іуемъ. Наконецъ, и безъ этого невы-

Паломники на пути въ Назаретъ.

сокіе холмы стали еще болѣе понижаться, и мы очутились на большой равнинѣ. Повернувши влѣво отъ дороги, мы увидѣли передъ собою утопающія въ садахъ какія-то зданія, между которыми, подобно сторожевой башнѣ, возвышается высокій минаретъ. Это и есть Дженинъ, древній *Ен-Ганимъ*, гдѣ, полагаютъ, Спаситель, идя во Іерусалимъ, между Галилеей и Самаріей, исцѣлилъ десять прокаженныхъ. Намъ показали это мѣсто исцѣленія на возвышенности, около которой расположенъ Дженинъ. Мы направлялись къ тому мѣсту за городомъ, гдѣ уже бѣлѣли раскинутыя для насъ палатки, въ которыхъ мы должны были совершить послѣдній ночлегъ. Ровно въ 5 ч. веч. подъѣхали мы къ своимъ шатрамъ, слѣзли съ хребтовъ уставшихъ ословъ и вздохнули свободно, очутившись опять на ногахъ. Чтобы расправить свои члены, мы прогуливались около своихъ палатокъ, разглядывая лежащій вблизи маленькій городокъ, въ которомъ виднѣлись, кромѣ минарета, еще купола двухъ мечетей, какое-то зданіе на горѣ, или, лучше сказать, развалины неизвѣстнаго древняго сооруженія. Намъ же указали и на

турецкую крѣпость, въ которой помѣщается небольшой гарнизонъ. Какъ бы въ подтвержденіе существованія послѣдняго, къ Преосвященному, какъ и наканунѣ въ Наблусѣ, пришли два турецкихъ офицера, поздравили съ прибытіемъ и сказали, что будутъ охранять насъ во время ночи. Получивъ отъ Преосвященнаго хорошій бакшишъ и любезно расшаркавшись, они удалились во-свояси. Этотъ городокъ довольно оживленъ, имѣетъ около трехъ тысячъ жителей, въ немъ есть также базаръ. Множество находящихся здѣсь апельсинныхъ садовъ, масличныхъ и фиговыхъ рощъ, финиковыхъ пальмъ, украшающихъ городъ и эффектно освѣщенныхъ теперь заходящими лучами солнца, придаютъ этому городу жизнерадостный видъ.

Вотъ, прибѣжало изъ города нѣсколько арабскихъ дѣтей, которыя, расположившись въ отдаленіи напротивъ насъ, до самой темной ночи наблюдали за необычайными для нихъ лицами. Разсматривая, съ своей стороны, ихъ, мы замѣтили, что многія изъ нихъ больны глазами. Вообще, эта болѣзнь на Востокѣ сильно развита, и въ рѣдкой деревушкѣ мы не встрѣчали десятка больныхъ глазами дѣтей; изъ взрослыхъ мы болѣе замѣчали слѣпыхъ женщинъ, чѣмъ мужчинъ. Жаль видѣть красивую арабскую женщину, съ бѣльмами на глазахъ. Главнымъ образомъ причина болѣзни происходитъ отъ нечистоты и отъ недостатка воды, не хватающей часто для промывки глазъ, засоренныхъ пылью. Но есть, какъ мы здѣсь слышали, и другія причины. Именно: спѣлые плоды фиговыхъ деревьевъ, смоквы, сочныя и сладкія на вкусъ, имѣютъ довольно острый сокъ, разъѣдающій глаза. Кромѣ того, мелкія иглы листьевъ кактусовъ, а особенно иглы созрѣвшихъ плодовъ ихъ, во время вѣтра, совершенно незамѣтно, могутъ, вмѣстѣ съ пылью, попасть въ глаза, причиняя этимъ жгучую боль, послѣдствіемъ чего является распространенная въ Палестинѣ слѣпота. Здѣсь, въ Дженинѣ, весьма много кактусовыхъ изгородей, около которыхъ, не предвидя опасности, почти постоянно играютъ грязныя полуголыя дѣти арабскихъ семей.

Сидя около палатокъ, мы наслаждаемся прекраснымъ воздухомъ, который дѣлается довольно свѣжимъ по заходѣ солнца. Намъ предложили надѣть пальто, во избѣжаніе про-

студы. Былъ уже седьмой часъ вечера, когда мы сѣли за приготовленный намъ вмѣстѣ съ Преосвященнымъ холодный ужинъ около палатокъ. Какъ-то было грустно теперь сидѣть за столомъ, чувствуя, что эта трапеза около шатровъ—послѣдняя, что болѣе никогда не повторится это интересное путешествіе, соединенное притомъ съ такимъ удобствомъ и даже нѣкоторымъ комфортомъ.

Преосвященный предложилъ намъ послѣ ужина совершить прогулку въ городъ, на что мы съ удовольствіемъ согласились. Въ сопровожденіи Марко, мы вошли въ городъ по главной улицѣ, мимо мечети, мимо двухъ гостиницъ или „хановъ“, идя вдоль ручейка, текущаго черезъ весь городъ. Мы прошли также около нѣсколькихъ кофеенъ, у которыхъ восточные жители курили кальянъ, запивая маленькими чашками чернаго напитка. Наконецъ, мы подошли къ источнику, гдѣ, не смотря на совершенную уже темноту, собрались женщины этой мѣстности съ кувшинами на головахъ и безъ умолку болтали съ своими подругами. Грязные босоногіе мальчишки занимались здѣсь играми, плескаясь водою и производя невообразимый шумъ вокругъ источника. Подобныя картины мы наблюдали уже и раньше. Поэтому, постоявъ здѣсь нѣсколько времени и наградивъ нѣсколькихъ дѣтей паричками, мы вышли изъ города и, по другой дорогѣ, возвратились обратно къ своимъ палаткамъ. Было уже 8 ч. вечера. Небо, какъ и вчера, было иллюминовано многочисленными звѣздами. Луна еще не взошла и все было окутано ночнымъ мракомъ. Стало уже значительно свѣжѣть, и мы поспѣшили въ палатки, чтобы предаться сладкому сну, мечтая при этомъ о скоромъ осуществленіи нашей цѣли—прибытіи въ давно манившій насъ Галилейскій городокъ. Мы не вѣрили себѣ, что такъ легко и удобно совершили это путешествіе, которымъ насъ такъ пугали. Жару мы вынесли героически, а ѣзда на осликахъ стала для насъ теперь привычнымъ дѣломъ. Отъ сильнаго напряженія нервовъ и отъ переживаемыхъ трехдневныхъ впечатлѣній мы не могли заставить себя скоро уснуть. Но вотъ, усталость стала брать верхъ, вѣки стали слипаться, и мы начали переходить въ область сновидѣній, какъ необычайные крики разбудили насъ. Прислушиваясь, мы догадались, что это былъ вой шакаловъ, бродившихъ въ долинахъ Палестины. Вой дѣ-

лался все сильнѣе и сильнѣе, шакалы подходили все ближе и ближе. Почуявъ близость шакаловъ, лошади стали издавать пугливое ржаніе, а ослы, какъ это мы видѣли черезъ отверстіе въ палаткѣ, прижались другъ къ другу, испуганно настороживъ свои длинныя уши.

Но сонъ началъ все сильнѣе и сильнѣе одолѣвать насъ. Подъ громкій вой этихъ дикихъ звѣрей пустыни и испуганное ржаніе лошадей, мы заснули крѣпкимъ сномъ.

6-е Іюля. Четвергъ. Эздрелонская равнина. Библейскія и послѣдующія историческія событія на ней. Прибытіе въ Назаретъ. Въ церкви Благовѣщенія. У митр. Фотія. „Фантази"—свадебныя предпраздненства у арабовъ.

Мы проснулись раньше четырехъ часовъ утра, умылись и одѣлись прежде, чѣмъ прозвонили обычные утренніе звонки. Въ началѣ пятаго часа мы двинулись съ своего ночлега. Утренняя свѣжесть и предразсвѣтный вѣтерокъ заставляли насъ вздрагивать отъ озноба. Благодаря туману и утреннѣй мглѣ, мы за нѣсколько шаговъ не могли различить никакого предмета. Тихо ѣхали мы, вполнѣ довѣряясь своимъ осламъ, которые никогда не подвергнутъ опасности положившихся на нихъ всадниковъ.

Стало разсвѣтать, и туманъ совершенно разсѣялся. Мы увидѣли вокругъ себя развернувшуюся передъ нами „великую равнину Эздрелонскую", или Іезреельскую. Она простирается чуть не отъ самыхъ береговъ Іордана на востокѣ и до горы Кармила и Средиземнаго моря на западѣ, образуя собою, у южнаго подножія Назарета и горъ галилейскихъ, цѣлый промежуточный поясъ низинъ, раздѣляющій холмистыя долины Самаріи отъ горной Галилеи. Она издревле была историческимъ мѣстомъ великихъ народныхъ битвъ, отчаянныхъ поединковъ на жизнь и смерть между племенами, спорившими другъ съ другомъ за обладаніе Палестиной. Направо отъ дороги синѣли горы Гелвуйскія, казавшіяся издали одной сплошной темной массой. Живо припомнился намъ несчастный царь Саулъ, пронзившій себя на этихъ горахъ мечомъ послѣ неудачной, происходившей здѣсь, битвы съ Филистимлянами. Невольно припомнился намъ плачъ Давида о Саулѣ и сынѣ его Іонаѳанѣ, когда мы смотрѣли на безпріютный видъ этихъ горъ, на ко-

торыхъ, по плачевной пѣсни Псалмопѣвца, не должно быть ни росы, ни полей съ плодами. Дорога наша шла, то поднимаясь, то опускаясь въ виду этихъ горъ, на отрогахъ которыхъ къ востоку отъ насъ попадались селенія. Мы проѣзжаемъ мимо деревни Арране, утопающей въ рощахъ масличныхъ деревьевъ и садовъ, огороженныхъ кактусами. Вдали указываютъ намъ на бѣдную деревушку Зеринъ, состоящую изъ нѣсколькихъ хижинъ. Кто бы могъ подумать, что здѣсь когда-то стоялъ Іезреель, столица Израильскаго царя Ахава и его преступной жены Іезавели? Мы вспомнили невольно погибшаго отъ нихъ Навуѳея, а также и пророка Илію, пребывавшаго на видимой отсюда, по направленію къ сѣверо-западу, горѣ Кармилѣ, когда онъ, горя ревностью къ истинному Богу, спускался съ горы во дворцы беззаконныхъ Израильскихъ царей, для обличенія ихъ нечестія. Передъ нами виднѣется гора Малый Ермонъ, куда мы и направляемся. На южномъ склонѣ этой горы видно селеніе. Это селеніе называется теперь Соламъ, библейскій Сонамъ, когда-то центръ непріятельской позиціи во время битвы при Гелвуѣ. Въ этомъ-то селеніи жила нѣкогда вдова, сына котораго воскресилъ пр. Елисей, и которая дала у себя пріютъ послѣднему. Мы ѣдемъ теперь по невысокимъ склонамъ Малаго Ермона, достигаемъ сѣвернаго склона его, и затѣмъ спускаемся внизъ въ долину, по которой и двигаемся до самаго Назарета. Но мы рѣшили сдѣлать послѣднюю маленькую остановку. Для этого Марко выбралъ мѣсто близъ деревни Эль-Фуле, на склонахъ горы М. Ермона, на полѣ, насажденномъ лукомъ. Былъ седьмой часъ утра. Жары особой не ощущалось. Временами насъ обдавало даже сыростью. Мы разсматривали мѣсто нашего отдохновенія, гдѣ происходило сраженіе между Французами и Арабами, въ 1799 г. Закусивъ и отдохнувши здѣсь немного, мы покинули это луковичное поле, чтобы продолжать свой путь далѣе.

Пересѣкая эту обширнѣйшую долину, — одну изъ самыхъ историческихъ мѣстностей въ Палестинѣ, — мы невольно вспоминаемъ происходившія здѣсь постоянно битвы, для которыхъ эта открытая равнина была весьма удобна. Тутъ, когда-то Девора съ Варакомъ одержала побѣду надъ Сисарою, здѣсь Гедеонъ восторжествовалъ надъ Мадіанитянами,

здѣсь Іудиѳь убила Олоферна, который расположился станомъ въ этой же широкой долинѣ. Но вотъ показались Назаретскія горы, а за ними виднѣются бѣлыя постройки Назарета, высоко поднятаго на своемъ горнемъ пьедесталѣ. Радостно затрепетали наши сердца. Но, какъ видѣніе, онъ быстро исчезъ, скрывшись за высокими хребтами холмовъ. Цѣлый часъ ѣхали мы по этой однообразной и ровной дорогѣ, не встрѣчая по пути ни одного селенія; перешли мы черезъ какой-то ручей, еще непересохшій, но достаточно обмелѣвшій, такъ что нашимъ осламъ легко было перейти его въ бродъ. Досадно только было то, что водяныя брызги, поднявшіяся отъ этого перехода, испачкали грязью наши бѣлые шерстяные плащи. Можно представить себѣ, какое пріятное впечатлѣніе производитъ эта равнина раннею весною, когда она сплошь бываетъ покрыта зелеными всходами злачныхъ растеній, высокою травою, и усѣяна безчисленными полевыми цвѣтами причудливой формы и необыкновенной яркости. Отъ нечего дѣлать, мы любовались на Марко, который граціозно гарцовалъ на своемъ бѣломъ конѣ, подзадоривая къ этому и насъ. Мы старались обогнать другъ друга, подгоняя своихъ уставшихъословъ, которые, развѣсивъ свои длинныя уши, быстро скакали впередъ.

Окидывая взоромъ окрестности, оглядываясь по сторонамъ, мы видимъ вдали много селеній, часто упоминаемыхъ въ Библіи. Направо отъ дороги, у подножія Малаго Ермона, лежитъ деревня Наинъ, гдѣ Христосъ воскресилъ сына одной городской вдовы; далѣе, на востокъ отъ нея, виднѣется селеніе Эндуръ, библейскій Аэндоръ, куда нѣкогда приходилъ Саулъ къ жившей тамъ волшебницѣ. Напротивъ этихъ деревень возвышается величественная гора Ѳаворъ, гдѣ, по преданію, произошло Преображеніе Господне. Склоны этой горы покрыты рощами зеленыхъ деревьевъ, что придаетъ ей очаровательный видъ. Бывавшимъ на Кавказѣ, она напомнитъ гору Машукъ, у подножія которой расположенъ городъ Пятигорскъ.

Наконецъ, мы подъѣхали къ Назаретскимъ возвышенностямъ и медленно стали подниматься на крутыя горы. Тяжело дыша, часто останавливаясь, много разъ спотыкаясь, идутъ съ большимъ трудомъ наши животныя по невозмож-

ной дорогѣ, усѣянной крупнымъ и мелкимъ камнемъ. По мѣстамъ встрѣчалась такая крутизна, что приходилось крѣпко держаться на хребтахъ своихъ ословъ, чтобы не упасть. Часто мы отставали другъ отъ друга, и наше шествіе протягивалось на большое разстояніе. Поднявшись на достаточную высоту и оглянувшись назадъ, мы удивились, какъ могли мы забраться такъ высоко. Видъ на Эздрелонскую долину былъ восхитительный!

Послѣднее усиліе... и мы поднялись на самую вершину горы. Нашему взору представилась лежавшая у нашихъ ногъ долина, или „широкая пазуха“, окруженная холмами, гдѣ, утопающій въ садахъ и окруженный зелеными рощами, расположился прелестный городокъ, сверкавшій на солнцѣ бѣлизною своихъ восточныхъ домовъ. Это и есть Назаретъ—колыбель христіанства. Какою радостію затрепетали наши сердца при видѣ этого города, о которомъ прежде было такое низкое мнѣніе *(отъ Назарета можетъ-ли что добро быти*, слова Наѳанаила Филиппу), но который потомъ, по произволенію Божію, сдѣлался великимъ, такъ какъ здѣсь совершилась *главизна нашего спасенія* и *еже отъ вѣка таинства явленіе!* Мы спустились съ высокой горы, у подножія которой Марко учинилъ порядокъ въ нашемъ шествіи, предложивъ ѣхать впереди непремѣнно Преосвященному.

Въ такомъ порядкѣ ѣхали мы по улицамъ „города Св. Дѣвы“, столь священнаго по многимъ воспоминаніямъ изъ жизни Спасителя, въ періодъ его дѣтства, юношества, до выступленія на дѣло спасительнаго служенія. Ровно въ 10 ч. утра подъѣхали мы къ русскому дому, съ кровли котораго раздались радостныя восклицанія и громкія привѣтствія прибывшей вчера въ экипажахъ компаніи по поводу благополучнаго и неожиданнаго ранняго прибытія Преосвященнаго въ Назаретъ. Мы слѣзли съ ословъ, прошли въ ворота этого дома и очутились на каменной площадкѣ двора, гдѣ уже расположились дѣвочки-арабки, ученицы находящейся при русскомъ домѣ школы. Довольно стройно, но съ своеобразнымъ гортаннымъ арабскимъ акцентомъ, пропѣли ученицы „Достойно“, привѣтствовавъ затѣмъ Преосвященнаго пѣніемъ „Ис-полла“. Послѣ благословенія епископомъ дѣтей, къ нему подошла временно завѣдующая школой

учительница Валентина Сергѣевна Петрова. Она только вчера пріѣхала сюда изъ Россіи на смѣну постоянной учительницы, которая уѣхала на два мѣсяца въ Россію, какъ это дѣлаютъ обыкновенно учительницы черезъ каждые два года, получая на дорогу даже казенные прогоны. Привѣтствовавъ нашего архипастыря съ благополучнымъ пріѣздомъ и получивъ отъ него святительское благословеніе, она отрекомендовала ему двухъ своихъ помощницъ, молодыхъ арабокъ, получившихъ воспитаніе въ русской Бетжальской школѣ, что близъ Виѳлеема. Умывшись и приведши себя въ нѣкоторый порядокъ послѣ такой трудной дороги, мы всѣ отправились на верхъ дома, гдѣ въ одной изъ комнатъ для насъ былъ сервированъ чай. Здѣсь мы нашли пріѣхавшихъ вчера нашихъ товарищей, успѣвшихъ уже вполнѣ оріентироваться въ новой обстановкѣ. Валентина Сергѣевна и ея помощницы оказались чрезвычайно любезными хозяйками. Мы скоро почувствовали себя какъ бы дома, въ своей семьѣ, въ родной намъ Россіи. Около двухъ часовъ времени прошло совсѣмъ незамѣтно въ оживленныхъ разговорахъ и въ передачѣ другъ другу своихъ дорожныхъ впечатлѣній. Всѣ удивлялись нашему бодрому виду послѣ совершенія такого ужаснаго, по ихъ мнѣнію, пути. За чаемъ же мы узнали не особенно пріятную новость, что въ Кайфѣ, благодаря нѣсколькимъ случаямъ заболѣванія чумою, учрежденъ карантинъ, вслѣдствіе чего пароходы австрійскаго Лойда въ этомъ городѣ не останавливаются, и намъ, поэтому, обратную дорогу придется совершить не морскимъ путемъ изъ Кайфы до Яффы, но на лошадяхъ, вдоль берега Средиземнаго моря, т. е. почти тѣмъ путемъ, которымъ прибыли наши спутники сюда. Такъ что мы и здѣсь выгадали, такъ какъ придется возвращаться по новому пути, правда не столь интересному, какъ прежній, но все-таки новому. Здѣсь также были получены свѣдѣнія о томъ, что учрежденъ карантинъ и въ Бейрутѣ,—извѣстіе, напугавшее насъ возможностью непріятной перспективы очутиться самимъ какъ разъ гдѣ-нибудь въ карантинѣ.

Вскорѣ былъ приготовленъ обѣдъ, къ которому пришелъ завѣдующій Назаретскими школами Александръ Кезма, арабъ, съ своимъ красавцемъ братомъ, черноглазымъ Тофикомъ, обучающимся въ Россіи, въ Кіевской семинаріи; съ послѣднимъ мы уже познакомились раньше, такъ какъ ѣхали на

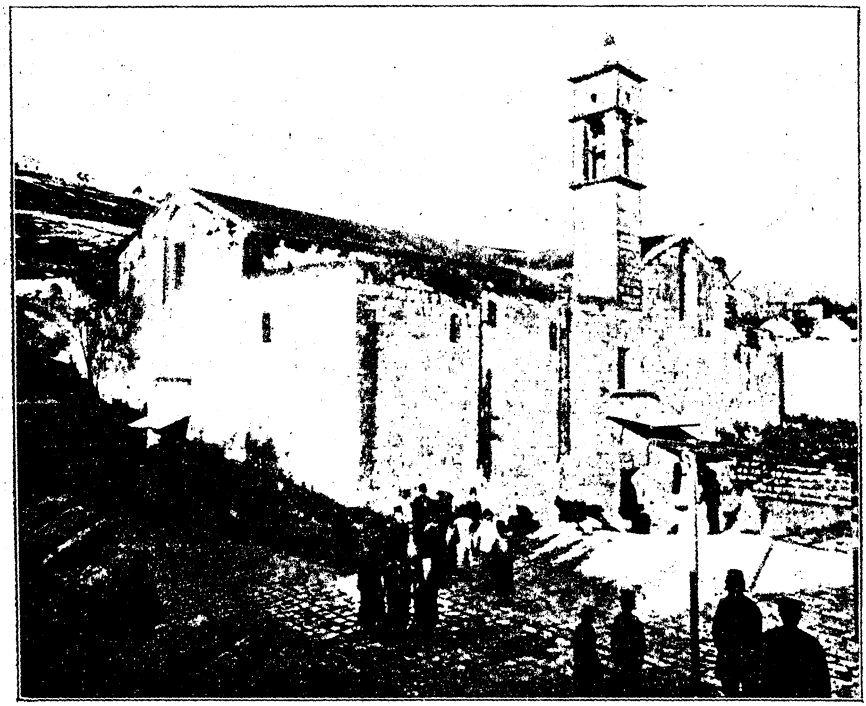
одномъ съ нимъ пароходѣ изъ Россіи до самого Бейрута, откуда онъ поѣхалъ въ Назаретъ уже сухимъ путемъ. Послѣ

Назаретъ.

обѣда подали чай въ уютной прохладной гостиной, выходящей на балконъ, видъ съ котораго на городъ—восхитительный. Передъ нами разстилался весь городъ съ своими бѣлыми зданіями, изъ которыхъ многія окружены зелеными садами. Рядомъ съ нами, нѣсколько вправо, помѣщалась греческая митрополія, гдѣ жилъ митрополитъ Назаретскій Фотій, избранный патріархъ Александрійскій. Это—довольно большое двухъ-этажное зданіе, также съ плоскою кровлею, и съ прекраснымъ садомъ, гдѣ стройные кипарисы выдѣлялись среди фиговыхъ и масличныхъ деревьевъ. Прямо передъ нашимъ балкономъ, нѣсколько влѣво, видна возвышенность, расположенная близъ самого города. На вершинѣ ея бѣлѣется маленькая греческая церковь. Это гора Низверженія, съ которой хотѣли сбросить Іисуса озлобленные противъ Него Іудеи. По католическому же преданію, враждебно настроенные противъ Христа евреи хотѣли низвергнуть Его не съ этой горы, а съ другой, вправо отъ этой, гдѣ и поставленъ католиками маленькій костелъ, на томъ имен-

но мѣстѣ, гдѣ стоялъ, по ихъ мнѣнію, подвергавшійся опасности Христосъ. Оглянувшись назадъ, мы прекрасно видѣли заднюю часть города, расположенную на вершинѣ окружающихъ городъ холмовъ, съ каменными бѣлыми домиками, громоздившимися также по скатамъ этихъ холмовъ, незамѣтно переходившихъ въ долину. Отдохнувши немного, Преосвященный предложилъ сдѣлать визитъ митрополиту Фотію, о чемъ и послалъ предупредить его. Но митр. Фотій отвѣтилъ, что онъ желаетъ встрѣтить Преосвященнаго въ храмѣ Благовѣщенія, куда сейчасъ и отправляется. Вскорѣ отправился туда и Преосвященный вмѣстѣ съ нами. Лишь только вышли мы изъ воротъ занимаемаго нами помѣщенія, какъ толпа городскихъ жителей, не только дѣтей, но и взрослыхъ, ожидавшая насъ давно у выхода, послѣдовала за нами, все увеличиваясь и увеличиваясь въ своемъ числѣ по мѣрѣ приближенія къ церкви. Многіе преграждали намъ путь, бросаясь къ Преосвященному, прося у него святительскаго благословенія, громко изъявляя живѣйшую радость по поводу прибытія русскихъ гостей во главѣ съ русскимъ архіереемъ въ ихъ благословенный городокъ. И если бы не охранявшіе насъ кавасы, которые расчищали намъ путь отъ все увеличивающейся толпы, намъ не скоро дойти бы до храма. Часть толпы вслѣдъ за нами вошла въ церковь, остальные остались внѣ ея, не допущенные туда городскою полиціею, во избѣжаніе тѣсноты. Сознаніе, что сюда неоднократно приходила Богоматерь, сопровождаемая Божественнымъ Сыномъ, наполнило нашу душу чувствомъ христіанскаго смиренія. Съ благоговѣніемъ ступали мы по этимъ освященнымъ мѣстамъ. Съ такими чувствами вошли мы въ самую церковь. Митрополитъ Фотій уже ожидалъ Преосвященнаго въ храмѣ съ духовенствомъ Назаретскимъ. По входѣ Преосвященнаго, митр. Фотій привѣтствовалъ его рѣчью на греческомъ языкѣ. Рѣчь была сказана съ большимъ ораторскимъ искусствомъ, убѣдивъ насъ въ справедливости слуховъ о митр. Фотіи, какъ о выдающемся ораторѣ и проповѣдникѣ. Преосвященный отвѣтилъ по русски, высказавъ одушевлявшія насъ чувства неизреченной радости отъ посѣщенія и поклоненія этимъ общехристіанскимъ святынямъ; также принесъ благодарность Митрополиту за его любовь, которую онъ явилъ теперь къ намъ

своимъ прибытіемъ сюда. Трогательно было видѣть взаимное привѣтствіе двухъ іерарховъ, раздѣленныхъ далекимъ



Греческій храмъ Благовѣщенія въ Назаретѣ.

пространствомъ, но объединенныхъ любовію во Христѣ. Привѣтствія эти были запечатлѣны братскимъ лобзаніемъ, послѣ чего Преосвященный попросилъ благословить и каждаго изъ насъ. Затѣмъ, въ предшествіи Митрополита, мы направились въ сѣверную сторону церкви, гдѣ по нѣсколькимъ ступенямъ спустились въ пещеру, роскошно обдѣланную мраморомъ и старинными изразцами. Пещера эта и есть главная святыня храма. Существующій здѣсь престолъ посвященъ евангельскому событію Благовѣщенія. Подъ престоломъ лежитъ глубокій колодезь, ключевая вода котораго очень чиста, пріятна на вкусъ и дорога сердцу каждаго христіанскаго паломника по своимъ священнымъ воспоминаніямъ. Самъ Митрополитъ отслужилъ намъ краткій молебенъ у этого источника, изъ котораго мы затѣмъ и

почерпнули воды, вкушая ее съ вѣрою и святымъ чувствомъ. У грековъ, замѣтимъ, есть преданіе о двухъ актахъ Благовѣщенія: первое совершилось у источника, когда Богоматерь пришла къ нему почерпнуть воды, именно, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоимъ теперь мы; второе же Благовѣщеніе произошло по приходѣ ея домой, когда она стала на молитву. Если это преданіе и сомнительно, то, во всякомъ случаѣ, достовѣрно, что Богоматерь непремѣнно бывала у этого источника, такъ какъ онъ единственный въ городѣ. Въ настоящее время вода изъ этого святаго источника, переполнивши колодезь, находящійся подъ престоломъ, течетъ черезъ желобъ въ каменной стѣнѣ и черезъ металлическія трубы подъ сводчатымъ углубленіемъ, а затѣмъ падаетъ въ каменный крытый водоемъ, откуда уже течетъ въ другой квадратный водоемъ, находящійся рядомъ съ церковью. Сюда приходятъ за водой съ кувшинами на головѣ всѣ женщины Назарета, проводя здѣсь время въ разговорахъ, дѣлясь новостями другъ съ дружкою. Этотъ каменный водоемъ находится около церкви Благовѣщенія, и мы потомъ неоднократно наблюдали все происходившее около него.

Выпивъ воды изъ св. источника, сопровождаемые митр. Фотіемъ, поднялись мы вверхъ по ступенькамъ, чтобы осмотрѣть главный придѣлъ Благовѣщенія. Кромѣ вышеупомянутаго источника, мы не нашли ничего интереснаго для себя въ этомъ храмѣ. Все намъ было знакомо: церковныя украшенія, церковная утварь, иконы, облаченія— почти все было издѣліемъ русскихъ мастеровъ. Это и понятно, если вспомнить, что главное большинство приходящихъ въ Назаретъ паломниковъ составляютъ наши соотечественники, приносящіе сюда изъ Россіи въ общемъ богатые дары въ видѣ денегъ, или въ видѣ церковныхъ украшеній. Но, не смотря на эти нескудныя жертвованія нашихъ родичей, Назаретскій храмъ не отличается ни богатствомъ, ни роскошью. Все въ немъ просто, и даже нѣкоторыя вещи слишкомъ обношены. По осмотрѣ храма, мы вмѣстѣ съ митрополитомъ отправились всѣ къ нему въ греческую митрополію. Народъ слѣдовалъ за нами по пятамъ. Вотъ мы прошли мимо городского водоема, снабжаемаго водою выше упомянутымъ способомъ изъ святаго источника,

и увидѣли около него массу женщинъ и дѣтей, пришедшихъ сюда за водою, такъ какъ это единственный источникъ, изъ котораго Назаретъ черпалъ и черпаетъ для себя воду. Глядя на античный костюмъ Назаретскихъ обитательницъ, невольно представили мы себѣ Святую Дѣву, которая, одѣтая въ такой-же костюмъ, подобно этимъ женщинамъ, смиренно носила изъ источника воду для домашняго употребленія. Христосъ-младенецъ, Христосъ-отрокъ, Христосъ-юноша — также долженъ былъ часто проводить свои свободные часы у этого мѣста, или же сопровождалъ свою возлюбленную Мать....

Скоро мы достигли митрополіи, вошли въ гостиную съ мягкими турецкими диванами по стѣнамъ и каменнымъ поломъ, далеко не безукоризненной чистоты. Противъ насъ разсѣлись именитые граждане города, арабы, совершенно не говорящіе по русски. Толпа любопытныхъ проникла и въ открытую дверь гостиной, а болѣе смѣлые вошли даже въ самую комнату, безцеремонно расположившись на свободныхъ мѣстахъ. Намъ подали обычное восточное глико и черный кофе. Митр. Фотій довольно свободно изъясняется по русски. По его словамъ, онъ очень радъ нашему посѣщенію Назарета, особенно доволенъ прибытіемъ сюда Преосвященнаго. Приглашалъ даже насъ къ себѣ на дачу, находящуюся въ прекрасномъ виноградникѣ, у подножія горы Низверженія. Вообще митр. Фотій очаровалъ насъ своею любезностію и произвелъ на насъ впечатлѣніе человѣка съ сильнымъ умомъ и непреклонною волею. Эти качества выражаются и въ его наружности: высокій ростомъ, плотный, съ большимъ, высокимъ лбомъ, съ глазами, свѣтящимися умомъ,—онъ, такъ сказать, подавляетъ своею величественною осанкою. Такія качества съ одной стороны способствовали его быстрому повышенію по іерархическимъ степенямъ, а съ другой— послужили причиною многихъ для него непріятностей, вплоть до изгнанія изъ Іерусалима и заточенія въ Синаѣ.. Онъ принадлежитъ къ числу выдающихся по уму, образованію и энергіи архипастырей Востока [1]).

---

[1]) Митр. Фотій, нынѣ Александрійскій Патріархъ, родился въ 1853 г. въ Константинополѣ, учился въ богословской школѣ Святаго Креста въ Іерусалимѣ, а по окончаніи образованія состоялъ секретаремъ іеруса-

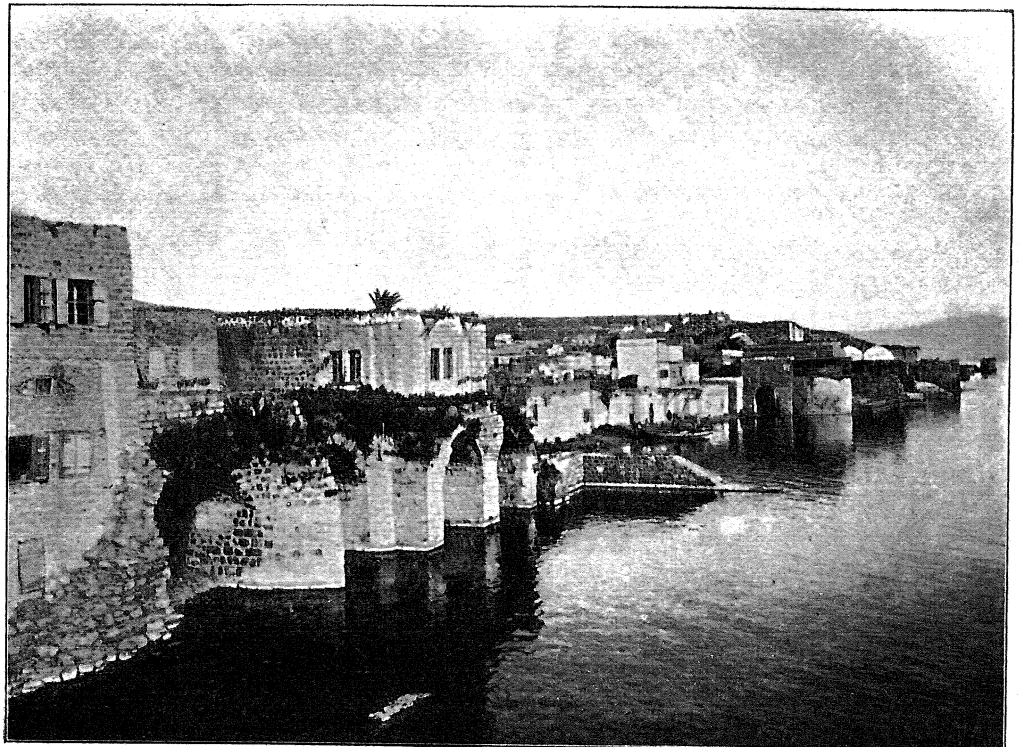
Простившись съ любезнымъ митрополитомъ, Преосвященный отправился къ завѣдующему училищами А. Кезмѣ: а

нѣкоторые изъ насъ рѣшили прогуляться по городу, позна-

лимскаго патріарха Іероѳея и принималъ большое участіе въ дѣлахъ Сіонской Церкви. Въ 1881 году онъ былъ возведенъ въ санъ архимандрита, а въ слѣдующемъ, послѣ кончины патр. Іероѳея, единогласно былъ избранъ на іерусалимскій патріаршій престолъ, но по молодости своей не былъ утвержденъ султаномъ въ патріаршемъ достоинствѣ. Въ теченіе 1884—89 годовъ Фотій жилъ въ изгнаніи на Синаѣ и занимался здѣсь учеными трудами; въ 1892 году получилъ въ завѣдываніе всѣ имѣнія Св. Гроба, въ 1897 году былъ избранъ архіепископомъ Филадельфійскимъ, а въ 1898 г.—Митрополитомъ Назаретскимъ. 11-го января 1900 года избранъ патріархомъ Александрійскимъ, а въ іюлѣ того же года утвержденъ Султаномъ.

комиться съ мѣстностью и характерными особенностями жителей. Пріятное впечатлѣніе произвели на насъ улицы Назарета своею чистотою, сравнительно съ видѣнными нами улицами другихъ восточныхъ городовъ. Тутъ не было опасности завязнуть въ грязи, какъ тамъ; здѣсь мы не встрѣчали валяющихся среди улицъ разлагающихся нечистотъ, заражающихъ воздухъ. По всему видно, что жители этого городка любятъ чистоту, стараясь, по возможности, поддержать ее вездѣ. Вообще Назаретъ производитъ радостное настроеніе. Въ немъ нѣтъ того своеобразнаго характера, который свойственъ древнимъ Палестинскимъ городамъ, съ ихъ точно сбитыми въ кучу сѣрыми каменными домами, безъ крышъ и оконъ, безъ оживляющей зелени. Тутъ, напротивъ, веселые бѣлые домики свободно раскинуты по горѣ, окруженные зелеными садами. Конечно, не такимъ онъ былъ въ древности, во времена Христа. Нужно думать, что Назаретъ потерялъ свой Палестинскій характеръ подъ вліяніемъ усилившагося здѣсь значенія европейцевъ и ихъ широкаго распространенія въ немъ. Внѣшній видъ мужчинъ и женщинъ обратилъ на себя наше вниманіе. Всѣ почти мужчины носятъ на своихъ головахъ красныя фески, а ихъ тѣло прикрываетъ полосатый халатъ, надѣтый на рубашку, по большей части бѣлаго цвѣта. У многихъ, изъ-подъ распахнутаго халата, виднѣлись европейскій жилетъ и штаны. На ногахъ,—или короткіе сапоги изъ яркоцвѣтнаго сафьяна, или туфли безъ задниковъ; деревянныя же сандаліи на улицѣ мы встрѣчали рѣдко. Костюмъ же у женщинъ, кромѣ рубахи, состоялъ изъ разноцвѣтной туники съ разрѣзанными полами и распашною грудью, а на головѣ—шапочка, къ которой сзади прикрѣпляется длинный узкій платъ, спускающійся почти до колѣнъ. По обѣимъ сторонамъ лица, около ушей, онѣ носятъ подвѣски изъ большихъ серебряныхъ монетъ, что придаетъ ихъ лицу особый оригинальный видъ. Шапочки у нѣкоторыхъ украшены также серебряными монетами, на рукахъ надѣты серебряные браслеты. Многія Назаретскія женщины носятъ и широкіе цвѣтные шаравары, особенно во время работъ. Не всѣ женщины, которыхъ мы встрѣчали на улицахъ, носятъ на своемъ лицѣ покрывала. Какъ оказалось, арабки-христіанки ходятъ всегда по улицамъ съ открытымъ лицомъ, и лишь мусульманки тща-

Къ стр. 448.



Тиверіада.

тельно закрываютъ свои лица цвѣтными покрывалами. Различить христіанокъ отъ поклонницъ Магомета можно еще и тѣмъ, что послѣднія всегда имѣютъ татуировку на лицѣ, на подбородкѣ и около глазъ, въ видѣ маленькихъ темныхъ точекъ, а также на ногахъ и рукахъ. Христіанки же никогда не портятъ татуировкой своего лица, а иногда—только однѣ руки.

Было уже шесть часовъ вечера; солнце почти сѣло; въ воздухѣ стало довольно прохладно. Благодаря обилію растительности, мы не чувствовали здѣсь особой духоты даже днемъ, вечеромъ же воздухъ свѣжъ и ароматенъ; мы вдыхали его въ себя съ удовольствіемъ. Гуляя по городу, мы зашли въ одно зданіе, оказавшееся церковью Маронитовъ. Она — двухъэтажная; верхній этажъ представляетъ обыкновенный маленькій костелъ, и ничего больше. По узкой лѣсенкѣ мы спустились въ нижній этажъ. Хотя здѣсь было еще проще, чѣмъ вверху, и даже поражало насъ своимъ убожествомъ, такъ несвойственнымъ католическимъ церквамъ, однако это мѣсто было дорого для насъ по своимъ воспоминаніямъ. По преданію, здѣсь во времена Спасителя была синагога, въ которой Христосъ, раскрывъ книгу, объяснялъ относящееся къ Нему мѣсто изъ пророка Исаіи, и отсюда-то озлобленные фанатики-евреи вывели Его за городъ, чтобы съ вершины горы сбросить Его въ пропасть. И если, дѣйствительно, здѣсь была древняя синагога, то это мѣсто неоднократно было нѣмымъ свидѣтелемъ пребыванія здѣсь Господа и Его учениковъ. Пробывъ здѣсь около получаса въ священныхъ воспоминаніяхъ, мы съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія, исполненные благочестивыхъ размышленій, вышли изъ храма Маронитовъ.

Было уже поздно осматривать остальныя святыни города, а потому, совершивъ небольшую прогулку по улицамъ „города Святой Дѣвы“, мы около восьми часовъ веч. были уже въ обществѣ пріютившихъ насъ гостепріимныхъ учительницъ. Въ 8 ч. былъ приготовленъ ужинъ, который, конечно, прошелъ весьма оживленно, въ разговорахъ о предстоящихъ поѣздкахъ по окрестностямъ Назарета. Совсѣмъ уже стемнѣло. Мы вошли на плоскую кровлю нашего помѣщенія. Чудная панорама представилась нашимъ глазамъ: небо было

усѣяно безчисленными яркими звѣздочками, которыя особенно выдѣлялись во мракѣ темной ночи; въ окнахъ Назаретскихъ домовъ, расположенныхъ внизу и по скатамъ горъ, засвѣтились огоньки, своимъ яркимъ блескомъ дополняя ночную иллюминацію, сливаясь съ горящими звѣздами небеснаго свода. Дневной шумъ смолкъ, воцарилась тишина, такъ способствующая мечтательности, чему мы и предались. Быстро пронеслись въ нашемъ умѣ воспоминанія о проведенныхъ здѣсь годахъ Богочеловѣкомъ, Который, можетъ быть, безчисленное число разъ поднималъ свои взоры для молитвы къ этому небу, любуясь, подобно намъ, дивною картиной звѣздной ночи. Вдругъ, ночная тишина была прервана звуками однообразной, монотонной и глухой бряцательной музыки. Мы стали прислушиваться. Звуки музыки становились все громче и громче, возбуждая наше любопытство. Оказалось, что своеобразная музыка шла сверху: не вдалекѣ отъ насъ, позади школы, на вершинѣ горы, мы увидѣли домъ, съ плоскою террасою, съ которой лился свѣтъ отъ повѣшенныхъ кругомъ нея разноцвѣтныхъ фонариковъ. Звуки музыки выходили изъ этого дома. По справкамъ оказалось, что въ этомъ домѣ совершаются предсвадебныя празднества, называемыя по арабски „фантази“, и продолжающіяся обыкновенно цѣлую недѣлю до дня самой свадьбы. Эти „предпразднества“ всегда начинаются съ захожденіемъ солнца и тянутся далеко за полночь. Этотъ домъ, изъ котораго несутся звуки страннаго музыкальнаго инструмента, принадлежитъ жениху, купцу-арабу, православнаго вѣроисповѣданія. Сегодня здѣсь особое торжество: дѣвушки, родственницы жениха, готовятъ краску для окрашиванія рукъ и ногъ невѣсты. Этотъ варварскій обычай сохраняется, какъ видимъ, и въ православныхъ арабскихъ семьяхъ. Краска, намазанная на руки и на ноги невѣсты, не должна смываться въ продолженіе цѣлаго мѣсяца послѣ свадьбы. Ночью, дѣвушки и женщины, съ пѣніемъ и пляскою, понесутъ приготовленную краску въ домъ невѣсты, гдѣ торжественно и совершаются надъ нею процессъ „окрашиванія“. Желая имѣть свѣдѣнія о нравахъ и обычаяхъ арабовъ, мы не захотѣли упустить случая поближе познакомиться съ главными моментами въ ихъ жизни, съ характерными явленіями и обычаями, которыми обставляется свадьба этихъ восточныхъ жителей. Трое изъ сту-

дентовъ, въ сопровожденіи учителя-сирійца, хорошо говорившаго по русски, рѣшили съ этою цѣлью отправиться сейчасъ въ домъ жениха.

Насъ приняли радушно. Домъ, гдѣ происходило пиршество, былъ въ два этажа: въ нижнемъ этажѣ пировали женщины, а въ верхнемъ мужчины. Надо замѣтить, что въ Назаретѣ сохраняются патріархальные строгіе нравы: женщина считаетъ для себя неприличнымъ открыто на улицѣ разговаривать съ мужчинами, а тѣмъ болѣе пировать вмѣстѣ съ ними. Рѣдко, очень рѣдко, въ весьма исключительныхъ случаяхъ, появляется жительница Назарета въ общество мужчинъ, да и то закутанная густымъ покрываломъ. Въ виду такого обстоятельства, мы и не думали увидѣть пированіе на женской половинѣ. Но судьба благоволила къ намъ. Какъ оказалось, для русскихъ гостей, по любви къ нимъ арабовъ,—что объяснилъ намъ сопровождавшій насъ учитель,—открыты были всѣ двери. Комната на женской половинѣ, куда не могъ проникнуть ни одинъ арабъ, намъ оказалась доступною. Съ криками радости и привѣта встрѣтила русскихъ гостей пирующая женская компанія. При видѣ внезапно вошедшихъ гостей, ни одна изъ женщинъ и не думала закрывать своего лица покрываломъ. Напротивъ, онѣ съ любопытствомъ смотрѣли на насъ, давая въ свою очередь и намъ свободу наблюдать за ними. Мы очутились въ совершенно оригинальной обстановкѣ Востока, до сихъ поръ невиданной нами. Большинство женщинъ, особенно пожилыхъ, сидѣли на разостланныхъ на полу коврахъ, пѣли, а другія играли на ударныхъ, вродѣ нашего бубна, инструментахъ. Болѣе же молодыя и веселыя хлопали въ ладоши въ тактъ музыкѣ и производили какія-то балетныя „па“ на подобіе нашей русской пляски, но гораздо однообразнѣе и медленнѣе. Часто онѣ подбѣгали къ сидѣвшимъ на полу подругамъ и, хлопая ихъ по плечу, заставляли встать; затѣмъ, схватившись за руки, вмѣстѣ пускались въ плясъ. Громкій разговоръ, смѣхъ, топанье женскихъ ногъ оглашали эту горницу. Видно, что онѣ веселились отъ души, соблюдая, между прочимъ, въ своихъ движеніяхъ и позахъ полное приличіе и благопристойность. Ихъ пляски и игры не могли оскорбить самаго цѣломудреннаго чувства. Заправлялъ этимъ баломъ какой-то старикъ, вродѣ евнуха,

который въ то же время и сторожилъ входъ въ эту комнату, зорко слѣдя, чтобы ни одинъ мужчина, кромѣ насъ, не попалъ въ женское помѣщеніе. „Московъ“, „московъ“, кричали женщины, обращаясь къ намъ, и приглашая насъ принять участіе въ ихъ пляскѣ; но онѣ очень были довольны и тѣмъ, что мы въ тактъ со всѣми били въ ладоши. Вдоволь насмотрѣвшись на женскую пляску и наслушавшись восточныхъ пѣсенъ, поднялись мы во второй этажъ, гдѣ пировали одни мужчины. Тутъ было гораздо степеннѣе и серьезнѣе, да потому и скучнѣе, чѣмъ на женской половинѣ. На всѣхъ четырехъ диванахъ важно возсѣдали почетные граждане города. Намъ предложили почетное мѣсто и немедленно принесли угощеніе, состоявшее изъ ракички, сыра и маслинъ на закуску. Всѣ сидѣли тихо, никто не нарушалъ молчанія. Степенные гости тянули кальянъ такъ серьезно, что можно было подумать, будто они совершаютъ какое-то священнодѣйствіе здѣсь. Одна патріархальная черта особенно бросилась намъ въ глаза: младшій возрастомъ, самъ женихъ услуживалъ старшимъ, разнося имъ угощеніе и ставя къ ихъ ногамъ сосудъ съ кальяномъ. Здѣсь также была бряцательная музыка, къ которой еще были присоединены звуки пастушеской свирѣли. Все это вмѣстѣ составляло довольно бѣдный и однообразный по музыкѣ концертъ, который мы и слышали съ кровли школы. Немного спустя началось пѣніе хоромъ, сначала тихое, а затѣмъ все громче и громче, на нашъ слухъ очень странное, подъ аккомпаниментъ незатѣйливыхъ инструментовъ, производившихъ монотонные звуки. Во время пѣнія пришелъ проф. К—въ въ сопрожденіи учительницы В. С—ны и другихъ путниковъ. Необычайное появленіе женщины, и притомъ съ открытымъ лицомъ, нѣсколько смутило развеселившихся гостей, но это смущеніе продолжалось весьма недолго. Пѣніе возобновилось, да вдобавокъ сюда еще присоединилась и пляска, которая состояла изъ весьма медленныхъ и далеко не граціозныхъ движеній. Видно было, что мужчины постепенно оживлялись, хотя и медленно, отъ весьма частаго угощенія ракичкою. Одинъ изъ хозяевъ обратился къ намъ съ просьбою попросить нашего Преосвященнаго, чтобы онъ, совмѣстно съ м. Фотіемъ, совершилъ вѣнчаніе помолвленной четы, желая, т. об., обставить бракосочета-

ніе, какъ можно, торжественнѣе. Многихъ усилій стоило намъ объяснить этимъ взрослымъ дѣтямъ вѣры, что у насъ не въ обычаѣ, чтобы монахъ совершалъ таинство брака. Это было совершенно имъ непонятно, такъ какъ у нихъ митрополиты не только совершаютъ вѣнчаніе, но и различныя требы... Вся эта обстановка, хотя и новая для насъ, стала намъ надоѣдать, благодаря монотонности пѣнія и музыки. Въ общемъ, пиршество на женской половинѣ было гораздо живѣе и веселѣе, чѣмъ у мужчинъ. Видя, что мужчины дѣлаются все болѣе и болѣе непринужденными, и не желая стѣснять ихъ своимъ присутствіемъ, мы, не дождавшись окончанія бала, возвратились домой, т. е. въ школу. Съ кровли Назаретской школы мы имѣли возможность наблюдать, какъ пирующія женщины вышли изъ дома жениха, спустились съ горы внизъ къ дому невѣсты, неся съ собою краску для окрашиванія ея рукъ и ногъ. Эта процессія женщинъ, въ глубокую полночь, освѣщенная нѣсколькими факелами, которые онѣ держали въ своихъ рукахъ, представляла очень эффектную картину. Какъ мы узнали отъ учительницъ, вѣнчаніе было назначено на воскресенье, 9-го іюля. По Назаретскому обычаю, вѣнчаніе обыкновенно совершается въ домѣ жениха, но Преосвященный хотѣлъ попросить м. Фотія, чтобы онъ совершилъ его въ церкви, такъ какъ присутствовать въ церкви для всѣхъ насъ гораздо удобнѣе, чѣмъ въ частномъ домѣ совершенно намъ незнакомаго человѣка. Хотя былъ часъ ночи, но спать еще не хотѣлось. Долго мы еще дѣлились впечатлѣніями дня, пока, наконецъ, одинъ по одному отправились на отдыхъ.

7-е іюля. Пятница. Католическія святыни Назарета. Замѣчаніе о нихъ. Посѣщеніе русскихъ школъ. Отѣздъ на Ѳаворъ. Греческій монастырь Преображенія. Древности Ѳавора, по разсказамъ францисканца Варнавы. Вечеръ въ православномъ монастырѣ.

Сегодня, въ 9-ть часовъ утра, митр. Фотій, въ сопровожденіи священно-служителей и почетныхъ городскихъ жителей, отвѣтилъ визитомъ нашему Преосвященному. Визитъ, продолжавшійся около часу, состоялъ главнымъ образомъ изъ обмѣна любезностями, на которыя такъ падки арабы. Переводчикомъ былъ самъ Митрополитъ, довольно хорошо

объясняющійся по русски и основательно знающій, между прочимъ, и арабскій языкъ. Митр. Фотій удѣлялъ значительное вниманіе и намъ, освѣдомляясь о разныхъ вопросахъ изъ учебной жизни. Любезность его тѣмъ болѣе была удивительна для насъ, что она не гармонировала съ дошедшими до насъ слухами о недружелюбіи его къ русскимъ. Въ доказательство этого указывали, между прочимъ, на недавній фактъ изгнанія имъ изъ церкви Богородицы въ Назаретѣ, въ день Благовѣщенія, учениць русской школы И. П. П. Общества, пришедшихъ слушать Литургію.....

Послѣ визита Митрополита, мы вмѣстѣ съ Преосвященнымъ, въ сопровожденіи кавасовъ, отправились осматривать достопримѣчательности города. Сначала мы посѣтили Латинскій монастырь, весьма благоустроенный, довольно общирный, построенный, по католическому преданію, на томъ мѣстѣ, гдѣ Пресвятая Дѣва получила чудесное благовѣстіе съ неба. Дворъ, посреди котораго высится эта церковь, служитъ сборищемъ для Назаретскихъ дѣтей, оглашающихъ своими звонкими и веселыми голосами съ утра до ночи это священное по воспоминаніямъ мѣсто. Съ благоговѣніемъ, какъ и подобаетъ въ этомъ священномъ мѣстѣ, вошли мы внутрь католической церкви. Благолѣпіе, чистота и даже роскошь отдѣлки бросаются въ глаза при входѣ во храмъ. По всему видно, что католики чтутъ это святое мѣсто. Прямо, напротивъ входа, находится богато украшенный престолъ, къ которому ведутъ съ двухъ сторонъ двѣ каменныхъ лѣстницы прямо на каменную площадку. На престолѣ въ хрустальныхъ вазахъ находятся живые цвѣты, которые каждый день замѣняются свѣжими. Во время большого стеченія поклонниковъ эти цвѣты мѣняются еще чаще, такъ какъ богомольцы стараются взять съ собою на память нѣсколько цвѣтовъ, храня ихъ у себя, какъ святыню. Въ большіе праздники цвѣтами обсыпается не только верхняя площадка передъ главнымъ престоломъ, но и весь каменный полъ церкви. Главный престолъ украшаетъ величественная статуя Богоматери, въ богатомъ одѣяніи и дорогой, съ драгоцѣнными камнями, короной на головѣ. Занимая самое центральное положеніе, эта художественная статуя Св. Дѣвы должна производить на богомольцевъ особенное впечатлѣніе. Этотъ величественный храмъ былъ построенъ въ 1620 г.

и продолжаетъ украшаться и до сихъ поръ. Но ни золото и богатыя украшенія собора, ни надстѣнная живопись, исполненная искусными мастерами, манили насъ къ себѣ, при посѣщеніи этого храма. Наши глаза искали здѣсь чего-то другого. Взоръ нашъ привлекалъ спускъ, находящійся какъ разъ противъ входа между двумя лѣстницами, подъ главнымъ престоломъ, и ведущій семнадцатью мраморными ступенями въ первую подземную пещеру, которая, по преданію, и была мѣстомъ Благовѣщенія. Мы сошли по этимъ ступенямъ внизъ и очутились въ небольшой подземной квадратной комнатѣ, въ глубинѣ которой, противъ лѣстницы, находится престолъ, а подъ нимъ мраморная звѣзда, означающая мѣсто стоянія Богоматери во время дивнаго благовѣстія. По обводу мраморнаго круга находится надпись: „Hic Verbum caro factum est“. Подъ мраморной доскою престола, надъ этимъ святымъ мѣстомъ горятъ нѣсколько дорогихъ неугасимыхъ лампадъ. Облобызавъ эту святыню, мы стали осматривать пещеру. Она скорѣе состоитъ изъ двухъ пещеръ. Въ передней пещерѣ, сравнительно маленькой, по сторонамъ находятся два престола: 1) св. Богоотца Іоакима, съ запрестольной картиной, изображающей семейный бытъ родителей Св. Дѣвы (Богоматерь учится читать, а Анна объясняетъ св. Писаніе) и 2) св. Арх. Гавріила; послѣдній престолъ находится на лѣвой сторонѣ, съ запрестольной иконой, изображающей сомнѣніе Іосифа и явленіе ему Ангела. Главный престолъ Благовѣщенія съ мраморной звѣздой находится во второй пещерѣ. На лѣвой сторонѣ отъ входа, въ этой пещерѣ виситъ толстая гранитная колонна на 18-ть дюймовъ отъ пола. Въ уровень подъ этой колонной поставленъ крупный столбъ изъ другого камня, такъ что оставляется впечатлѣніе, будто бы это есть цѣльная колонна, но выпиленная по срединѣ. И дѣйствительно, существуетъ преданіе, что эта колонна была перерублена мусульманами, которые думали найти здѣсь сокровище. Она означаетъ мѣсто, гдѣ стоялъ Архангелъ во время благовѣстія. Вися какъ бы какимъ-то чудомъ на воздухѣ, она производитъ удивительное впечатлѣніе и признается величайшей Назаретской святыней. Магометане поклоняются ей также усердно, какъ и христіане. Изъ этой пещеры есть входъ въ другую пещеру, которая оставлена въ своемъ на-

туральномъ видѣ, гдѣ, предполагаютъ, жилъ и училъ ребенка-Іисуса Іосифъ-Обручникъ. Ему тутъ и устроенъ маленькій престолъ, а золотая латинская надпись на стѣнѣ гласитъ: hic erat subditus illis, т. е. „здѣсь Онъ былъ въ повиновеніи у нихъ“ (Ев. Луки). Наконецъ, по лѣсенкѣ мы поднялись въ четвертую пещеру, гдѣ, какъ говорятъ, была кухня Матери Божіей, а также и разныя принадлежности домашняго хозяйства; отверстіе въ потолкѣ этой пещеры могло служить для выхода дыма. Находясь въ этомъ скромномъ помѣщеніи, мы невольно были охвачены чувствомъ благоговѣнія къ смиренію Пресвятой Дѣвы Маріи. Бросивъ послѣдній взглядъ на эти священныя для насъ стѣны, мы снова поднялись въ верхнюю церковь, откуда, въ сопровожденіи монаха—францисканца, отправились въ католическую часовню, находящуюся на юго-востокъ отъ церкви Маронитовъ и вблизи Латинскаго монастыря. Въ этой капеллѣ по срединѣ находится большой полукруглый камень, называемый „трапезою Христа“. По преданію, на этомъ камнѣ Господь до своихъ страданій и послѣ Своего воскресенія вкушалъ пищу съ Своими учениками. Мы обратили вниманіе на образъ Нерукотвореннаго Лика Спасителя, висѣвшій на стѣнѣ противъ самаго входа. По преданію, это есть списокъ съ образа, принесеннаго Апостоломъ Ѳаддеемъ царю Эдесскому Авгарю.

Обозрѣвая католическіе костелы и заключающіяся въ нихъ святыни, здѣсь и въ другихъ мѣстахъ Палестины, мы не могли не обратить вниманія на замѣчательную въ нихъ чистоту и роскошь отдѣлки, особенно по сравненію съ греческими святынями, содержимыми большею частью неособенно аккуратно. Но, не смотря на это, чувство благоговѣнія при посѣщеніи греческихъ святынь было значительно выше, чѣмъ при посѣщеніи католическихъ святынь. Причину этого прекрасно объяснилъ и выразилъ извѣстный путешественникъ и писатель Е. Марковъ,—что мы и позволяемъ себѣ здѣсь привести.

„Странное дѣло! Вотъ уже нѣсколько разъ при обзорѣ святыхъ мѣстъ Палестины меня поражаютъ вездѣ, въ Іерусалимѣ, въ Виѳлеемѣ, въ Назаретѣ, одни и тѣ же впечатлѣнія. Гдѣ только устроятся католики, тамъ все чисто, прилично, прекрасно, все обдуманно и все богато, но за то, вмѣстѣ съ пылью и грязью, словно выметается навсегда и

прахъ историческихъ воспоминаній. Въ благоустроенныхъ и чинно содержимыхъ католическихъ церквахъ Назарета, ничто не переноситъ вашего воображенія въ минувшіе вѣка, ничто не возстановляетъ передъ вами наглядно и живо протекшихъ евангельскихъ событій. У грековъ какъ разъ наоборотъ: много неустройства, безпорядка, распущенности и запущенности; но въ общемъ удивительно сохраняется на всемъ таинственная печать давно прошедшихъ вѣковъ, и потому греческія святыни производятъ на васъ гораздо болѣе глубокое и гораздо болѣе характерное впечатлѣніе. Такъ и бросается въ глаза, что эти пришлые съ далекаго Запада латинцы — всѣмъ внутреннимъ существомъ своимъ, всею своею исторіею чужды простодушному восточному міру, что они никогда не въ силахъ постигнуть и усвоить себѣ его скромныхъ наивныхъ вкусовъ, его излюбленнаго типа святыни; и что, напротивъ, православный сирійскій арабъ, законные вѣковѣчные наслѣдники и туземцы востока, выросшіе на томъ же старомъ корнѣ, на которомъ стоялъ здѣшній древній міръ, безъ всякаго труда и усилія повторяютъ въ своихъ созданіяхъ и сохраняютъ на память будущимъ вѣкамъ прирожденные типы и идеалы востока. По крайней мѣрѣ, признаюсь искренно, ни одна изъ посѣщенныхъ мною многочисленныхъ католическихъ святынь Назарета не произвела на меня всѣмъ своимъ золотомъ и всею своею живописью такого полнаго и живаго впечатлѣнія, какъ спрятанный въ нѣдрахъ скалы колодезь Пресвятой Дѣвы съ его неудобными темными лѣстницами и грубою желѣзною кружкою на цѣпи.“ [1])

По обозрѣніи святынь, Преосвященный со многими изъ насъ отправился обозрѣвать русскія школы въ Назаретѣ. Его встрѣчали Инспекторъ училищъ, А. Г. Кезма, воспитанникъ Московской Академіи, учителя—арабы, недурно говорящіе по русски, воспитавшіеся въ Назаретскомъ пансіонѣ. Пріятно было сердцу русскаго человѣка слышать, какъ ученики этихъ школъ пѣли „Достойно“ и „Спаси Господи“ на нашемъ родномъ языкѣ. Послѣ привѣтствія, Преосвященный бесѣдовалъ съ училищнымъ начальствомъ и затѣмъ производилъ маленькій экзаменъ ученикамъ, заставляя ихъ

[1]) Путешествіе по Св. Землѣ. 421—22.

прочитывать по русской книгѣ и задавая имъ нѣкоторые вопросы, соотвѣтственно ихъ возрасту. Отвѣты были вполнѣ удачны и быстры. По всему было видно, что занятіе здѣсь идетъ вполнѣ добросовѣстно и умѣло. Въ школѣ нѣсколько отдѣленій, сообразно возрасту и познаніямъ мальчиковъ, и вездѣ, при взглядѣ на ихъ занятія, впечатлѣніе получалось вполнѣ благопріятное. Само училищное помѣщеніе довольно удобно: много свѣта и воздуха. Наканунѣ Преосвященный былъ въ Назаретскомъ пансіонѣ, гдѣ воспитываются учителя для этихъ школъ, и остался весьма доволенъ. Благословивъ учениковъ, Преосвященный оставилъ школу, причемъ дѣти громкимъ хоромъ съ гортаннымъ оттѣнкомъ и довольно медленно тянули: „про-щай-те Ва-ше Пре-о-свя-щен-ство“! Затѣмъ такимъ же образомъ осматривали школу, гдѣ обучаются дѣвочки, и результаты оказались также хорошіе. Здѣсь при насъ завѣдывала этимъ дѣломъ Вал. С—на съ своими помощницами—арабками, воспитывавшимися въ Бетжальской школѣ. Между прочимъ, В. С—на показала намъ различныя рукодѣлія дѣвочекъ, которыя, по ея словамъ, любятъ эти занятія. Шитье, вязанія, различныя вышиванія чередуются съ ученіемъ грамотѣ и, не обременяя умственныхъ и физическихъ силъ дѣтей, даютъ въ общемъ хорошіе результаты. Нельзя не порадоваться, какъ русскіе труженики и труженицы, вдали отъ своей родины, въ непривычныхъ для нихъ климатѣ и обстановкѣ, успѣшно занимаются педагогическою дѣятельностью, не жалѣя своихъ силъ для просвѣщенія дѣтей Востока, съ любовью работая надъ ихъ образованіемъ и воспитаніемъ.

По осмотрѣ школъ, всѣ возвратились домой. Было около часу дня. Благодаря страшной жарѣ, мы нѣсколько утомились. Ровно въ часъ дня сѣли за обѣдъ, который прошелъ весьма оживленно. Наканунѣ еще рѣшена была поѣздка сегодня на Θаворъ, въ 2 часа дня, послѣ обѣда. Мы приготовились къ отъѣзду. У воротъ школы уже стояли осѣдланныя животныя, и Марко то и дѣло торопилъ къ отъѣзду. Ровно въ половинѣ третьяго часа мы двинулись въ путь. Часть изъ насъ, болѣе безстрашныхъ и опытныхъ въ верховой ѣздѣ, отправилась на лошадяхъ, а часть — на ослахъ. Подъ Преосвященнымъ была прекрасная арабская лошадь, на которой всегда ѣздитъ митр. Фотій, отличный на-

ѣздникъ. При выѣздѣ произошло небольшое приключеніе, едва не окончившееся бѣдой, съ однимъ изъ нашихъ спутниковъ, препод. Петерб. Семинаріи С. Н. В—мъ, которому досталась молодая и не выѣзженная лошадь. Едва онъ успѣлъ сѣсть на своего коня, какъ послѣдній, почуявъ на своей спинѣ не особенно искуснаго всадника, быстро понесся впередъ, имѣя намѣреніе сбросить его.

Мгновеніе, и нашъ всадникъ скрылся изъ нашихъ глазъ, направившись въ противоположную сторону нашего пути. Мы оцѣпенѣли отъ ужаса, боясь за жизнь молодого всадника. Не потерялся только Марко. Пришпоривъ своего коня, онъ погнался по улицамъ Назарета за скрывшимся изъ виду молодымъ скакуномъ. Мы стояли въ нетерпѣливомъ ожиданіи, предчувствуя несчастіе. Но вотъ, черезъ нѣсколько минутъ, показался нашъ храбрый кавасъ на своемъ бѣломъ конѣ, имѣя впереди себя пойманную и укрощенную имъ лошадь, на которой блѣдный, какъ полотно, сидѣлъ перепугавшійся С. Н—чъ. Подобные случаи часто бываютъ на Востокѣ, такъ какъ содержатели, не имѣя подходящихъ лошадей, не стѣсняются давать мало объѣзженныхъ лошадей, не предупредивъ объ этомъ нанимателя.

Оправившись отъ волненія, мы продолжали свой путь. Впереди ѣхалъ Преосвященный на хорошей лошади, имѣя позади себя каваса, за ними другіе всадники на лошадяхъ, а ѣдущіе на осликахъ, конечно, по необходимости должны были отставать отъ нихъ. Мы ѣхали сначала по холмистой дорогѣ, то поднимаясь, то опускаясь, и достигли, наконецъ, послѣдняго спуска съ Назаретскихъ горъ, съ которыхъ открывается очаровательный видъ на гору Ѳаворъ. Едва-ли можно встрѣтить какую-либо подобную по красотѣ гору. Не даромъ, какъ говоритъ церковное преданіе, Господь избралъ ее мѣстомъ Своего Преображенія. Даже мусульмане чтутъ эту гору, называя ее горою свѣта, хотя ошибочно считаютъ ее мѣстомъ, гдѣ Богъ говорилъ съ Моисеемъ, отдавая ему приказаніе идти къ фараону. Она стоитъ особнякомъ посреди долины Эздрелонской, имѣя видъ огромнаго усѣченнаго конуса. Только къ сѣверу, основаніе ея касается подошвы другой горы, такъ что образуется ущелье, по которому въ древнія времена проходили мирные караваны и войска. Одна изъ характерныхъ чертъ Ѳавора, это—растительность, которою она

покрыта сплошь, отличаясь этимъ отъ другихъ лежащихъ близъ нея горъ, совершенно лишенныхъ зелени. На нижнемъ скатѣ горы расположилось селеніе Дебуріе, гдѣ, по преданію, пророчица Девора, послѣ побѣды надъ Сисарою, воспѣла воинственный гимнъ Богу. Спустившись съ горъ Назаретскихъ, мы нѣсколько времени ѣхали долиною, приближаясь къ основанію Ѳавора. Подножье горы поросло рѣдкимъ дубовымъ лѣсомъ, хотя дубы не поражаютъ здѣсь русскою мощью своею. Затѣмъ стали подниматься на гору. Дорога становится все круче и круче. Кромѣ дубовъ разныхъ породъ намъ стали попадаться и стручковыя деревья, боярышникъ, остролиственникъ, терпентинныя деревья, въ изобиліи растущія на Ѳаворѣ. Тропинка, по которой мы поднимались, шла по горѣ зигзагами, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до того была узка, что мы цѣплялись часто за густую растительность, окаймлявшую съ обѣихъ сторонъ нашу дорогу. Наша кавалькада раскинулась на большое разстояніе по этой священной горѣ. Благодаря змѣеобразному пути, каждый изъ насъ видѣлъ своихъ спутниковъ въ разныхъ мѣстахъ по горѣ, и вверху надъ своею головою, и внизу подъ нашими ногами, и направо, и налѣво отъ себя. Смотря вверхъ на взобравшихся передовыхъ путниковъ, отставшіе удивлялись, какъ могли они подняться на такую высоту, хотя черезъ нѣсколько минутъ они сами занимали уже ихъ мѣсто и, оглядываясь назадъ, видѣли другихъ отставшихъ нашихъ товарищей, карабкавшихся по крутой узкой дорожкѣ; ослики съ трудомъ поднимались вверхъ, часто спотыкаясь, подгоняемые погонщикомъ, снабженнымъ толстою палкой и шиломъ. Приближаясь къ вершинѣ, мы стали встрѣчать уже культивированныя растенія: гранаты, лимонныя и миндальныя деревья, смоковницы, яблони — ранеты, грушевыя, абрикосовыя деревья, и даже лавры; финиковыхъ деревьевъ было очень мало, такъ какъ они съ трудомъ акклиматизируются здѣсь. Весною, говорятъ, поверхность Ѳавора представляетъ собою коверъ разнообразныхъ и всевозможныхъ цвѣтовъ, благоуханіе отъ которыхъ распространяется по всей горѣ. Орлы, ястребы, соколы и другія хищныя птицы летали надъ нашими головами, плавно разрѣзая воздухъ своими крыльями. Хамелеоны и большія ящерицы встрѣчались по дорогѣ, прячась въ кусты при нашемъ приближе-

ніи. Говорятъ, что на Θаворѣ водятся скорпіоны, земляныя черепахи и даже змѣи до двухъ метровъ длины, хотя и не ядовитыя; но намъ не пришлось видѣть здѣсь этихъ гадовъ. На Θаворѣ, въ густыхъ чащахъ зелени и въ безчисленныхъ гротахъ, встрѣчаются дикообразы, газели, шакалы, лисицы и даже гіены большой величины, но они не нападаютъ на прохожихъ, если ихъ не вызываютъ на это. Съ того времени, какъ вершина Θавора стала обитаемой, населявшіе ее прежде леопарды, пантеры, вепри удалились отсюда въ другія горы. Воздухъ на Θаворѣ чистъ и свѣжъ; климатъ довольно умѣренный; зимою термометръ рѣдко падаетъ ниже нуля; а если и бываетъ снѣгъ, то онъ быстро таетъ отъ знойныхъ лучей восточнаго солнца. Грунтъ Θавора известковый. Отсюда добываютъ превосходнаго качества камни для постройки, начиная съ самыхъ мягкихъ, до самыхъ твердыхъ известняковъ. Жирная известь съ Θавора не оставляетъ желать ничего лучшаго. Вся гора изпещрена натуральными гротами довольно обширными и разнообразной формы. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ спасались отшельники, другіе служили для погребенія покойниковъ, третьи—для водоемовъ, а иные служили подземными крѣпостями и убѣжищами во время частыхъ войнъ въ Палестинѣ. Мы взбирались по сѣверному склону горы, менѣе крутому; самый же крутой—это западный склонъ съ болѣе рѣдкою зеленью, чѣмъ сѣверный; южный же склонъ почти совсѣмъ обнаженный, и подниматься съ этой стороны на Θаворъ почти невозможно. Наконецъ показалась верхушка горы съ какими-то зданіями, куда мы и направили свой путь. Ровно въ 5 ч. веч. мы взобрались на самую вершину священнаго холма и стали здѣсь поджидать отставшихъ путниковъ. Эта вершина имѣетъ видъ длинной и широкой площадки, на которой находится маленькая греческая церковь, съ низенькой колокольней, принадлежащая греческому монастырю. Мы стали ощущать здѣсь нѣкоторую прохладу. Поднявшійся сильный вѣтеръ старался сорвать наши фуражки. Послѣ Назаретской жары перемѣна температуры давала сильно себя чувствовать. Да и не удивительно: мы находились на 1500 футовъ выше равнины, простирающейся внизу, или на 1850 футовъ надъ уровнемъ моря.

Немного спустя появился совершенно неожиданно для насъ митр. Фотій на прекрасной лошади, взмыленной отъ

пота. Оказалось, что онъ хотѣлъ встрѣтить насъ, но нѣсколько запоздалъ. Поздоровавшись съ Преосвященнымъ, онъ проѣхалъ въ монастырь, попросивъ насъ нѣсколько пообождать отставшихъ путниковъ и затѣмъ всѣмъ вмѣстѣ отправиться въ монастырь. Вскорѣ подоспѣли къ намъ и наши путники, и всѣ мы вошли во дворъ греческой церкви, гдѣ Преосвященный былъ встрѣченъ мѣстнымъ причтомъ, въ облаченіи и съ крестомъ, при пѣніи по гречески тропаря Преображенію. Среди двора помѣщается эта церковь; позади нея находится довольно большое двухъэтажное зданіе; это — покои митрополита и помѣщеніе для пріема почетныхъ гостей; вдоль стѣнъ двора по обѣимъ сторонамъ церкви стояли какія-то маленькіе домики, служащіе, какъ оказалось потомъ, кельями для братіи монастыря и помѣщеніями для православныхъ богомольцевъ. Мы вошли въ храмъ. Митр. Фотій былъ уже въ маломъ омофорѣ и тотчасъ же началъ служить для насъ краткій молебенъ. По окончаніи молебна, мы всѣ хоромъ спѣли тропарь Преображенію. Послѣ этого митр. Фотій сказалъ прекрасную рѣчь по гречески: въ этой рѣчи онъ,между прочимъ, высказалъ радость, что это святое мѣсто осчастливлено знакомъ вниманія и со стороны русскаго Царствующаго Дома. При этомъ онъ указалъ на художественный образъ Преображенія Господня—подарокъ покойной Императрицы Маріи Александровны. Преосвященный въ свою очередь отвѣтилъ рѣчью, положивъ въ основаніе ея извѣстныя слова Ап. Петра: „Господи! Добро здѣсь намъ быти“! Затѣмъ, подъ руководствомъ Митрополита, мы осматривали внутренность церкви, которая далеко не отличается ни роскошью, ни изяществомъ отдѣлки. Простота обстановки и даже убожество бросались въ глаза. Эта церковь построена, по греческому свидѣтельству, на развалинахъ древняго храма императрицы Елены, разрушеннаго въ 1183 году войсками Саладина. При разсмотрѣніи греческаго храма, можно замѣтить нѣкоторые остатки отъ древней церкви, именно: сводъ въ южной сторонѣ храма сохранилъ въ своихъ нижнихъ частяхъ слѣды древней живописи. Три ниши изображаютъ тѣ три сѣни, которыя Ап. Петръ желалъ построить на мѣстѣ Преображенія Господня. Алтари въ этихъ нишахъ дѣйствительно посвящены: Спасителю, Моисею и Иліи пророку. Главный престолъ занимаетъ то самое

мѣсто, гдѣ, по преданію, совершилось Преображеніе Господне. По выходѣ изъ храма, митр. Фотій привелъ насъ къ одному мѣсту на вершинѣ священнаго холма, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ монастыря, и указалъ на разстилающуюся передъ нами чудную панораму. Мы были поражены открытымъ видомъ великолѣпнѣйшаго ландшафта, представшаго предъ нашими очарованными взорами. Подъ нами была разостлана какъ бы громадная географическая карта съ рельефными очертаніями горъ и холмовъ, перерѣзанныхъ цвѣтущими долинами, по которымъ змѣйками вьются многочисленные водные источники.

Сначала нашъ взглядъ былъ устремленъ на сѣверъ, на поднимавшіеся гигантскіе отроги горы Большого Ермона, три вершины котораго, почти одинаковой высоты, находятся на 2808 метровъ надъ уровнемъ моря. Арабы называютъ его „Джебель-эшъ-шейхъ“, т. е. сѣдою горою, такъ какъ вершины ея покрыты снѣгомъ круглый годъ. Смотря по тому же направленію внизъ, мы остановились взоромъ своимъ на виднѣющейся отсюда части Генисаретскаго озера, съ которымъ связано такъ много трогательныхъ сценъ изъ земной жизни Господа. Обозрѣвая пространство между Θаворомъ и Тиверіадою, мы невольно останавливаемъ свой взоръ на плѣнительномъ холмѣ Карнъ-Каттинъ, расположенномъ на 308 метровъ надъ уровнемъ моря; этотъ холмъ въ 1187 г. былъ центромъ горячей битвы, положившей конецъ латинскому царству. Въ селеніи, находящемся позади этого холма, евреи показываютъ могилу Іоѳора, тестя Моисея. Налѣво, видна деревня Лубіе, гдѣ французскій генералъ Джуно, въ апрѣлѣ 1799 г., одержалъ побѣду надъ Мамелюками; затѣмъ—селеніе Саджара, близъ котораго евреи недавно купили землю и основали тамъ свои колоніи. Направо, расположено селеніе Кафрсайтъ, населенное алжирцами, которые въ 1847 г. оставили свое отечество и владѣютъ здѣсь нѣсколькими участками земли. Смотря по тому же направленію, мы различаемъ строенія селенія Кафркамма, обитаемаго черкесами, которые въ 1878 г., во избѣжаніе подданства русскимъ, предпочли оставить свое отечество. Почти у подошвы Θавора расположенъ Сукъ-эль-ханъ, караванъ-сарай для купцовъ, около источника, весьма обильнаго водой; омывая подножіе Θавора, онъ впадаетъ въ Іорданъ. Съ Θавора можно наблюдать за теченіемъ рѣки Іордана, ко-

торая на всемъ протяженіи своемъ отъ озера Тиверіадскаго до Мертваго моря, течетъ, извиваясь тысячами излучинъ.

Оглянувшись назадъ, мы увидѣли во всей ширн своей Эздрелонскую равнину, перерѣзываемую двумя почти параллельными цѣпями горъ—Малымъ Ермономъ и горами Гелвуйскими. Малый Ермонъ называется малымъ въ отличіе отъ Большого Эрмона, вѣчно покрытаго снѣгомъ и дающаго начало Іордану; находится противъ Ѳавора, къ югу отъ него. Объ этихъ горахъ Псалмопѣвецъ поетъ: „Ѳаворъ и Эрмонъ о имени Твоемъ возрадуются.“ На вершинѣ его, высоко въ облакахъ, бѣлѣетъ неизбѣжная мечеть мусульманскаго шейха. У подножія его виднѣются уже упомянутыя нами когда-то города, а теперь бѣднѣйшія селенія: Сонамъ, Наинъ, Аэндоръ, и др., находящіяся на развалинахъ библейскихъ городовъ, дорогихъ намъ по своимъ священнымъ воспоминаніямъ. Смотря съ горы Ѳаворъ на окружающія его мѣстности, мы мысленно какъ бы перечитываемъ страницы священной Библіи, гдѣ не разъ говорится о различныхъ событіяхъ, совершавшихся въ окидываемыхъ нашими взорами окрестностяхъ Ѳавора.

Смотря на западъ, мы видимъ передъ собою величественный Кармилъ, съ которымъ соединено имя пророка Иліи и его ревность къ славѣ Іеговы... Подувшій отсюда прохладный вѣтерокъ указалъ намъ на едва замѣтныя воды Средиземнаго моря. Въ этомъ же направленіи находится и Назаретъ; но мы видимъ только деревню Иксалъ, древній Газалофъ, надъ которой возвышается остроконечная гора Низверженія, откуда жители Назарета хотѣли сбросить Господа. Самый же городъ скрытъ за высокими горами; видно только нѣсколько строеній, лежащихъ на возвышенностяхъ горъ Назаретскихъ. Долго мы стояли бы на одномъ мѣстѣ, любуясь плѣнительнымъ ландшафтомъ, вспоминая исторію народа Божія, если бы не надвигавшійся вечеръ и желаніе осмотрѣть еще нѣкоторыя развалины на Ѳаворѣ, находящіяся въ сторонѣ отъ греческаго монастыря и принадлежащія католикамъ.

Поблагодаривъ митр. Фотія за любезность, мы отправились къ латинскому монастырю одни, въ сопровожденіи каваса Марко. На пути встрѣтилъ насъ аббатъ этого монастыря, монахъ-францисканецъ, въ коричневой рясѣ, со станомъ,

перевязаннымъ веревкою. Представившись Преосвященному, онъ облобызалъ его десницу и съ любезной улыбкой пригласилъ насъ слѣдовать за собою, предлагая свои услуги при осмотрѣ раскопокъ на этой священной горѣ. Это былъ извѣстный патеръ Barnavé, спеціально производившій раскопки на Θаворѣ и, слѣдовательно, хорошо знакомый съ здѣшнею мѣстностью. Благодаря этому ученому и любезному монаху, мы узнали многое относительно этой горы, которая раньше была довольно населеннымъ пунктомъ: слѣды стѣнъ, арокъ, фундаментовъ домовъ и церквей разбросаны кругомъ всей вершины ея. Тутъ перемѣшаны памятники разныхъ столѣтій, различныхъ народовъ. Вообще тутъ богатѣйшая почва для археологическихъ работъ. Тутъ годами можно съ интересомъ копаться.

Патеръ Варнава и принадлежитъ къ числу такихъ ученыхъ „землекопателей“, занимающихся здѣсь уже нѣсколько лѣтъ. Результаты его работъ, во многомъ проблематичные, обнародованы въ сочиненіи на французскомъ языкѣ. Знакомя насъ съ исторіею развалинъ, о. Варнава обращалъ преимущественно вниманіе наше на религіозные памятники. Такъ, при входѣ въ этотъ „городъ развалинъ“, занимающій громадную квадратную площадь, онъ обратилъ прежде всего наше вниманіе на остатки маленькой церкви, стѣны которой еще и теперь стоятъ, имѣя отъ одного до двухъ метровъ вышины. Это — первое священное зданіе, открытое немного болѣе сорока лѣтъ тому назадъ при расчисткѣ восточнаго угла площадки. Это—остатки весьма древняго зданія. Въ стѣнѣ абсида существуютъ еще налѣво и направо двѣ ниши, довольно глубокія и широкія, которыя могли закрываться дверцами. Одна изъ нихъ, на сѣверной сторонѣ, поднимаясь нѣсколько надъ землею, служила жертвенникомъ, куда христіане складывали принесенныя жертвы, состоявшія изъ хлѣба и вина; другая же имѣла значеніе діаконника, гдѣ находились священные сосуды и евангеліе. Въ центрѣ полукружія есть узкое окно, которое освѣщало олтарь. Внизъ отсюда была дверь, ведшая посредствомъ трехъ ступенекъ въ ризницу. Къ западному фасаду былъ прислоненъ маленькій монастырь, развалины котораго восходятъ къ эпохѣ, предшествовавшей эпохѣ крестоносцевъ. Входъ былъ съ южной стороны, и дверь открывалась внутрь церкви; во времена крестоносцевъ

эта дверь исправлялась, что видно по ея косякамъ, изъ которыхъ одинъ полированъ, а другой носитъ на себѣ слѣды діагональной чеканки съ признаками каменотесной работы. Первоначальное построеніе этой церкви относятъ ко времени царицы Елены. Но съ этимъ предположеніемъ трудно согласиться, такъ какъ, по свидѣтельству Никифора Каллиста, царица Елена соорудила великолѣпнѣйшій храмъ, богато одаривъ его,—что не вяжется съ небогатою церковью, развалины которой мы обозрѣваемъ.

Далѣе, Варнава показалъ намъ развалины церкви — базилики, съ тремя нефами или кораблями. Время построенія этой церкви о. Варнава относитъ къ VI-му вѣку, къ царствованію Юстиніана, который въ свою очередь воздвигъ ее на развалинахъ храма, построеннаго царицею Еленою на мѣстѣ Преображенія Господня. На это указываетъ, между прочимъ, внѣшняя стѣна боковаго корабля, въ южной части, которая, по способу кладки, можетъ быть признана византійскаго происхожденія. Сооруженная изъ большихъ камней, она снабжена въ западномъ концѣ большимъ контрфорсомъ, который наклонился внутрь вслѣдствіе одного землетрясенія. Въ сѣверной части также нашли стѣну и соотвѣтствующій ей контрфорсъ. Въ южной части, внѣ того мѣста, которое соотвѣтствуетъ атріуму, видны остатки квадратнаго баптистерія, длина боковъ котораго равняется четыремъ метрамъ. Полъ его мозаичный, составленный изъ маленькихъ кубиковъ—бѣлыхъ, красныхъ и черныхъ. Въ центрѣ его находится кругъ, около метра въ діаметрѣ, но безъ мозаики: это—мѣсто крещальной чаши, вѣроятно съ одной ножкой. Передъ главной церковью видны развалины двухъ маленькихъ церквей, изъ которыхъ одна, направо, была посвящена Моисею, а другая, налѣво, Иліи, соотвѣтственно тремъ сѣнямъ, о которыхъ говорилъ Спасителю Апостолъ Петръ, восхищенный необыкновеннымъ чудомъ Преображенія Господа [1]). Много вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ; въ теченіе этого времени построенныя на этомъ святомъ мѣстѣ церкви то разрушались, то возобновлялись. Такихъ разрушеній и воз-

---

[1]) На основаніи этого католики полагаютъ, что они владѣютъ, а не Греки, подлиннымъ мѣстомъ Преображенія Господня.

обновленій, по мнѣнію Варнавы, было отнюдь не меньше четырехъ.

Въ центрѣ площади находилась маленькая часовенка, длиною въ 9 метровъ и шириною въ четыре метра, для небольшого количества монаховъ, жившихъ въ домахъ, прислоненныхъ къ этой часовнѣ. Она стоитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, Господь послѣ Преображенія обратился къ Апостоламъ со словами: „никому не говорите о видѣнномъ“.

Далѣе, о. Варнава указалъ намъ въ развалинахъ на слѣды бывшаго здѣсь монастыря монаховъ Бенедектинцевъ. Такъ, очень ясно тутъ можно различить четыреугольную залу, метровъ въ сто въ квадратѣ, со столбомъ по срединѣ, для поддержки свода. По мнѣнію патера Варнавы, это была трапезная для монаховъ. Въ глубинѣ одной ниши находится цистерна для воды; каменныя скамейки, съ подпорами для ногъ, помѣщались по стѣнамъ залы; широкая эстрада на восточной сторонѣ указываетъ на мѣсто настоятеля монастыря; напротивъ, на восточной сторонѣ, находится дверца, ведшая въ кухню. Размѣры трапезной показываютъ, что число монаховъ было ограничено. Кухня сохранила свой базальтовый очагъ, на которомъ на крючкахъ висѣли котелки; виднѣется также глиняная труба для притока воды. Въ толщѣ окружной стѣны расположена маленькая баня съ куполомъ, просверленнымъ круглыми отверстіями и съ крантами для теплой и холодной воды; въ сторонѣ находятся остатки маленькой комнаты, полъ которой выстланъ бѣлымъ мраморомъ.

Кромѣ этихъ развалинъ, свидѣтельствующихъ о религіозномъ значеніи Ѳавора, тутъ много есть развалинъ, указывающихъ на стратегическое значеніе его. По нимъ можно прослѣдить событія, происходившія здѣсь съ давнихъ временъ. Тутъ можно найти: и библейскую твердыню, изъ которой Варакъ выводилъ свои ополченія противъ Сисары, и городъ Сирійскаго Антіоха, и осадный замокъ, гдѣ возставшіе іуден бились противъ римскихъ легіоновъ Веспасіана, и крѣпость крестоносцевъ-королей, и сарацинскую крѣпость Мелекъ-эль-Аделя. Планъ этой послѣдней по времени крѣпости любезный патеръ Варнава и объяснилъ намъ на основаніи раскопокъ, произведенныхъ

имъ. Крѣпость эта опоясывала вершину Θавора; и теперь еще видны заросшія лѣсомъ осыпи ея. Занимая такую громадную площадь, она имѣла на своемъ протяженіи 12-ть башенъ. Глубокіе и широкіе рвы шли почти вокругъ всей площади, не исключая юго-восточной стороны, куда подступить почти невозможно. Вдоль рвовъ поднимались крутые откосы, гдѣ находились осажденные и ихъ военныя орудія. На южномъ концѣ крѣпости находился естественный мостъ — громадная каменная плита, перекинутая отъ одной стороны рва къ другому. Двѣ башни защищали этотъ мостъ, въ случаѣ, если бы осаждающіе захотѣли воспользоваться имъ; одна изъ башенъ снабжена секретной дверью для вылазки противъ непріятелей; потайную же дверь имѣла и башня, находившаяся на восточной сторонѣ крѣпости. Благодаря такому устройству, гарнизонъ могъ нападать съ двухъ сторонъ на непріятеля. Внутри крѣпости въ сѣверо-восточномъ углу находилась громадная цистерна въ 20 метровъ длины, 16 мет. ширины и 8 глубины, вмѣстимостью болѣе 2,600 куб. метровъ. Въ случаѣ, если бы непріятель осадилъ крѣпость, то гарнизонъ, имѣя достаточное количество воды, могъ бы долгое время сопротивляться, не отдаваясь въ руки враговъ.

Показавъ намъ всѣ достопримѣчательности, любезный францисканецъ привелъ насъ и въ свой монастырь,—небольшое одноэтажное зданіе, съ маленькою, но чистенькою церковью, внутренность которой, впрочемъ, ничего интереснаго изъ себя не представляетъ. Мы намѣревались было уже проститься съ милымъ аббатомъ, но онъ не хотѣлъ отпустить насъ безъ восточнаго угощенія. Мы вошли за нимъ въ длинную и высокую комнату, снабженную двумя длинными столами, на которыхъ были разбросаны книги и журналы; вдоль каждой стѣны находился диванъ, обитый цвѣтною бумажною матеріею. На стѣнахъ висѣли картины изъ Священнаго Писанія, разные фотографическіе снимки, географическія карты и громадныхъ размѣровъ планъ горы Θавора съ помѣченными на немъ мѣстами, гдѣ производились раскопки и были открыты остатки какихъ-либо древнихъ зданій. Этотъ планъ, какъ нельзя кстати, дополнялъ и оживлялъ продолжавшееся и здѣсь объясненіе Варнавы относительно топографіи священной горы;

ученому монаху пріятно было разсказывать о результатахъ своихъ многолѣтнихъ изслѣдованій по этому вопросу. Громадный книжный шкафъ со стеклянной дверцей давалъ намъ понять, что ученое занятіе было любимымъ дѣломъ Варнавы. Слушая его ученую бесѣду въ подобной обстановкѣ, мы забывали на время, что находимся въ пріемной Ѳаворской обители, и что передъ нами стоитъ настоятель францисканскаго монастыря, напоминавшій собою скорѣе ученаго лектора, читавшаго намъ лекцію по предмету археологіи. Выпивши по чашкѣ чернаго кофе, мы, поблагодаривши радушнаго хозяина, вышли изъ латинскаго монастыря и направились къ греческому монастырю, до котораго провожалъ насъ любезный аббатъ Варнава. Уже стемнѣло, когда мы пришли къ греческой обители и поднялись по лѣстницѣ въ верхній этажъ митрополичьихъ покоевъ. Въ длинной высокой залѣ, увѣшанной картинами, съ диванами по стѣнамъ, по срединѣ стоялъ уже большой столъ, на которомъ былъ сервированъ для насъ обильный ужинъ. Ровно въ 8 час. митр. Фотій вышелъ изъ своихъ внутреннихъ комнатъ и пригласилъ Преосвященнаго и всѣхъ насъ раздѣлить съ нимъ трапезу. Ужинъ прошелъ незамѣтно. Назаретскій Владыка былъ весьма любезенъ, велъ оживленную бесѣду съ Преосвященнымъ и проф. Каптеревымъ. При этомъ онъ говорилъ о превратностяхъ своей жизни (о троекратномъ избраніи его Патріархомъ,—въ 1-й разъ на 29-мъ году,—о жизни на Синаѣ), о жизни восточнаго духовенства, которое, не исключая даже и высшаго, часто терпитъ матеріальную нужду. „Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому,—говорилъ митр. Фотій,— что наши архіереи совершаютъ въ своихъ епархіяхъ требы, которыя у васъ, въ Россіи, совершаютъ только простые священники, какъ, напримѣръ, крещеніе или вѣнчаніе". Поблагодаривъ послѣ ужина любезнаго архипастыря за его угощеніе и получивъ отъ него благословеніе, мы пошли спать въ приготовленныя для насъ помѣщенія.

Засыпая, мы продолжали видѣть сквозь сонъ передъ собою чудную панораму окрестностей Ѳавора и слышать ученыя разглагольствованія католическаго монаха; библейскія исторіи, связанныя съ видѣнными нами съ Ѳавора мѣстностями, роились въ нашей головѣ; воспоминанія о Ѳаворскихъ со-

бытіяхъ уносили нашу мысль далеко назадъ въ тѣ отдаленныя времена, когда „Сынъ Божій сошелъ съ небесъ, принявши плоть человѣка“. „Неужели мы находимся близъ того мѣста, гдѣ Господь явилъ Своимъ ученикамъ славу Свою, преобразившись предъ ними?“ Вотъ мысль, которая неотступно сидѣла въ нашихъ отяжелѣвшихъ отъ долгаго бодрствованія головахъ. При этомъ священномъ воспоминаніи, сладостное чувство религіознаго восторга наполняло наши сердца, и мы, отходя ко сну, какъ бы говорили про себя подобно Петру: „Господи, хорошо намъ здѣсь!“.....

8-е іюля. Суббота. Въ Тиверіаду. Утро. Видъ съ Ѳавора. „Хаттинъ“-гора Блаженствъ. „Гора пяти хлѣбовъ“. Современная Тиверіада. Въ греческой обители. Генисаретское озеро. Видъ на окрестности. Прогулка по озеру. Горячіе источники. Прощаніе съ Тиверіадою. Обратно въ Назаретъ по новому пути. Кана Галилейская. Молебенъ въ храмѣ. Брачные сосуды. Въ гостяхъ у арабскаго священника. Сепфуріе. Позднее возвращеніе въ Назаретъ.

Въ три часа утра рѣзкій колокольный звонъ къ заутренѣ разбудилъ насъ. Хотя оставался еще цѣлый часъ до срока, назначеннаго Марко для нашего вставанія, но сонъ былъ нарушенъ, и мы не могли уже заснуть. Нѣкоторые изъ насъ, одѣвшись, отправились въ церковь, гдѣ утреня была уже на половинѣ. Хотя не болѣе получаса пробыли мы во храмѣ, хотя служба далеко не отличалась торжественностью, мы все-таки, немного удовлетворили своему религіозному чувству: не посѣтить Божьяго храма въ этотъ день, въ день празднованія Казанской Божіей Матери, — это было бы для насъ большимъ лишеніемъ. Въ пятомъ часу утра мы всѣ собрались въ большую залу митрополичьихъ покоевъ, куда насъ пригласили пить чай. Назаретскій Владыка и нашъ Преосвященный давно уже встали и сидѣли за чайнымъ столомъ, бесѣдуя другъ съ другомъ. Напившись чаю и подкрѣпившись немного холодными закусками, мы стали прощаться съ привѣтливымъ митрополитомъ и готовиться въ дальнѣйшій путь, въ Тиверіаду. Ровно въ 5 ч. утра, въ такомъ же порядкѣ, какъ и наканунѣ, напутствуемые благословеніемъ и добрыми пожеланіями Назаретскаго владыки, выѣхали мы изъ-подъ крова гостепріимной обители. Солнце

еще не всходило; утренній туманъ покрывалъ насъ, мы вздрагивали отъ нѣкотораго озноба.

Ѣхали очень тихо, такъ какъ спускъ съ горы едва-ли не труднѣе подъема на нее: мы каждую минуту находились въ опасности кубаремъ слетѣть съ лошади или осла въ случаѣ малѣйшей потери равновѣсія. Въ заботахъ объ этомъ, мы мало обращали вниманіе на чудный разстилавшійся передъ нами ландшафтъ, поглощенные всецѣло мыслью о благополучномъ спускѣ. А, дѣйствительно, было, чѣмъ любоваться! Утро было прекрасное. Картина пробуждающейся природы была очаровательна. Вотъ, на востокѣ, появилось сначала зарево отъ восходящаго солнца: нѣсколько мгновеній — и громадный огненный кругъ выползъ изъ-подъ земли, разливая во всѣ стороны свои горячіе лучи, окрашивая въ живой натуральный цвѣтъ окружающія насъ горы и долины. Чѣмъ выше поднималось солнце, тѣмъ болѣе оживала природа. Вотъ скрылись запоздавшія на небѣ двѣ маленькія звѣздочки, послѣдніе остатки прошедшей ночи, и день вступилъ въ свои права, свѣтъ заступилъ мѣсто мрака. Опять появились на дорогѣ ящерицы и хамелеоны, опять запѣли птички, порхая въ чистомъ прозрачномъ воздухѣ, замелькали передъ нами какія-то сѣрыя мошки, а высоко надъ нашими головами показались опять громадные орлы, выслѣживавшіе себѣ добычу. Природа ожила. Послѣднія росинки на деревьяхъ быстро стали высыхать отъ горячихъ лучей солнца, и затѣмъ страшная жара смѣнила ночную прохладу. Мы ѣхали уже почти часъ. Спускъ дѣлался отложе и легче для насъ. Преосвященный и всѣ тѣ, которые имѣли лошадей, далеко опередили ѣхавшихъ на ослахъ. Трудно приходилось тѣмъ изъ насъ, которымъ была непривычна верховая ѣзда. Жаль было смотрѣть на отставшихъ отъ насъ проф. Н. Ѳ. Каптерева, о. Александра и протоіерея Вишнякова, которые съ трудомъ плелись за нами вслѣдъ, съ нескрываемымъ нетерпѣніемъ ожидая конца верховой ѣзды, причинявшей имъ такъ много страданій, ясно отражавшихся на ихъ измученныхъ отъ усталости лицахъ. Это должно было продолжаться до деревни Лубіе, гдѣ насъ должны были ожидать экипажи. Спустившись съ горы, поѣхали мы по довольно ровной дорогѣ среди густого лѣса, за деревья котораго то и дѣло

цѣплялись наши фуражки. Скоро лѣсъ сталъ рѣдѣть, большія деревья замѣнились кустарниками, и черезъ полчаса мы въѣхали на поляну; здѣсь должны были мы остановиться, поджидая отставшихъ путниковъ, которые были безъ кавасовъ. Наконецъ, они насъ догнали, и мы поѣхали вмѣстѣ. Налѣво и направо отъ дороги виднѣлись полосы пахатной земли, освобожденной отъ камней, которые, бывъ брошены на дорогу, затрудняли этимъ нашихъ маленькихъ животныхъ. Мѣстами эти полосы были покрыты чертополохомъ и совершенно негодны для посѣва. Чѣмъ дальше мы ѣхали, тѣмъ дорога дѣлалась лучше и земля плодороднѣе. Мы погнали своихъ ословъ и быстро поѣхали впередъ. Не утерпѣли мы, чтобы не оглянуться назадъ, и въ послѣдній разъ полюбоваться величественнымъ Θаворомъ съ его великолѣпной конусообразной вершиной и прелестными рощами. Впереди насъ на сѣверѣ громоздились во всемъ своемъ величіи горы Сафедъ, а за ними, освѣщенная яркимъ сіяніемъ солнца, виднѣлась бѣлоснѣжная вершина Ермона. „Хаттинъ“!, показалъ намъ рукою на сѣверо-востокъ одинъ изъ кавасовъ; мы взглянули по этому направленію и увидѣли передъ собою стоящую отдѣльно отъ другихъ небольшую возвышенность съ срѣзанной вершиной и съ высокими буграми кругомъ ея, напоминающими собою рога, — отъ чего эта гора и получила названіе „Хаттинъ“ (т. е. роговъ). На этой-то горѣ, окруженный Своими учениками и толпою народа, Божественный Учитель и произнесъ нѣкогда спасительную нагорную проповѣдь о девяти блаженствахъ, отъ чего „Хаттинъ“ и получилъ еще названіе „горы Блаженствъ“. При воспоминаніи о томъ, что по тѣмъ мѣстамъ, на которыхъ въ настоящее время находимся мы, ступала Божественная стопа Спасителя, усталости въ насъ какъ не бывало. Если намъ казался труднымъ нашъ путь, совершаемый верхомъ, то каково же было Господу путешествовать по этой же дорогѣ пѣшкомъ, въ такой же зной, по острымъ разбросаннымъ здѣсь камнямъ! Ученики въ этомъ отношеніи подражали своему Учителю, а народъ, жаждавшій послушать Божественную проповѣдь мира и любви, не обращалъ вниманія на путевыя трудности, слѣдуя всюду за Господомъ.....

Наконецъ повернули мы влѣво на большую экипажную

дорогу по направленію къ деревнѣ Лубіе, около которой увидѣли дожидавшія насъ повозки; на нихъ мы должны были ѣхать до Тиверіады и обратно въ Назаретъ. Преосвященный съ Марко и двумя молодыми путниками уже болѣе часу дожидались насъ, прибывши сюда верхомъ на прекрасныхъ лошадяхъ. Жалко было намъ разставаться съ осликами, которые почти цѣлую недѣлю вѣрно служили намъ и, не смотря на нѣкоторое упрямство свое, развлекали насъ въ дорогѣ, проявляя во время всего длиннаго пути свои характерныя черты.... Было два экипажа четырехмѣстныхъ, и одинъ шестимѣстный, запряженный тройкой. На нихъ вся наша компанія, въ составѣ 14-ти человѣкъ, и размѣстилась. Въ 9-ть часовъ утра мы направились къ Тиверіадѣ по прекрасной дорогѣ, пересѣкающей плодородную долину Галилеи, прославившуюся особенно частыми путешествіями по ней Господа. Мы почти поровнялись съ горою Блаженствъ, которая была влѣво отъ дороги, напротивъ насъ, хотя и на значительномъ отъ насъ разстояніи. Очертанія этой священной горы ясно были видны нашимъ глазамъ. Какъ живо припоминался намъ Христосъ, возсѣдавшій здѣсь на срѣзанной площадкѣ холма, и громко, во всеуслышаніе, проповѣдывавшій о Царствѣ Божіемъ! Мы какъ бы сейчасъ видимъ передъ собою притаившую дыханіе толпу, жадно слушающую Святое Слово! У подножія этой горы, на нижнемъ хребтѣ ея, расположена деревушка Хаттинъ, съ домами, напоминавшими собою издали груды сѣрыхъ камней. Не въ этой ли долинѣ, у подножія горы, ученики Господа, не обращая вниманія на субботу, срывали колосья и ѣли, за что и были обличены фарисеями, которые, въ свою очередь, были осуждены за это Божественнымъ Учителемъ. Въ этой же долинѣ, близъ Хаттина, въ 1187 г. происходила кровопролитная битва между мусульманами и крестоносцами; послѣднимъ былъ нанесенъ здѣсь смертельный ударъ, слѣдствіемъ чего было изгнаніе изъ Іерусалима поклонниковъ Креста и утвержденіе во св. Градѣ царства полумѣсяца. Это сраженіе произошло также въ іюлѣ, во время сильнаго зноя, когда земля трескалась отъ жары и источники пересохли. Мы живо представляемъ себѣ весь ужасъ положенія несчастныхъ христіанъ, сражавшихся въ кровопролитной битвѣ противъ громаднаго полчища Са-

ладина. Гнѣвъ Божій постигъ крестоносцевъ за ихъ гордость и нравственные пороки... Полчаса спустя, также влѣво отъ дороги, показалась небольшая возвышенность, на которой были разбросаны въ безпорядкѣ большіе черные камни, по какому-то предчувствію приковавшіе наше вниманіе. Оказалось, что это гора „Пять хлѣбовъ“, названная такъ въ воспоминаніе извѣстнаго чуда насыщенія пятью хлѣбами и нѣсколькими рыбами пяти тысячъ людей. Здѣсь было тринадцать камней; на одномъ, самомъ большомъ, по преданію, сидѣлъ Спаситель во время чудеснаго умноженія и раздаянія хлѣбовъ. Народъ называетъ эти камни тронами.

Поклонники имѣютъ обыкновеніе приносить сюда хлѣбы, которые присутствующій въ караванѣ священникъ благословляетъ, читая относящееся къ чуду Евангеліе, и раздаетъ ихъ народу для подкрѣпленія истощенныхъ длинною дорогою силъ. Спустя немного времени, и передъ нами мелькнула зеркальная поверхность воды, на которой живописными линіями отражались солнечные лучи. Это было священное для христіанъ озеро Генисаретское, по берегамъ котораго не одинъ разъ проходилъ Спаситель и неоднократно плавалъ по его водамъ. Отъ священныхъ камней до озера только пять верстъ. Скорѣе, скорѣе туда! Мы спускаемся внизъ по винтообразному спуску. Было около 11-ти часовъ утра, когда мы подъѣхали къ небольшому городку, скрывавшемуся до сихъ поръ отъ насъ за невысокимъ холмомъ. Онъ расположенъ на берегу озера въ низменной котловинѣ, почти на 680 футовъ ниже уровня Средиземного моря. Позади города возвышаются холмы до тысячи футовъ высоты, задерживающіе теченіе западныхъ вѣтровъ и способствующіе поэтому усиленію въ этой мѣстности страшныхъ жаровъ. Остатки полуразрушенныхъ толстыхъ стѣнъ кругомъ города и круглыхъ башенъ показываютъ, что на этомъ мѣстѣ стоялъ когда-то цвѣтущій городъ, ничего общаго не имѣющій съ встрѣчающимися здѣсь плохенькими плоскокрышими домиками, покосившимися на бокъ, какими-то сарайчиками и грудами развалинъ, даже внутри самаго города. Трудно представить себѣ, что на этомъ мѣстѣ красовалась древняя Тиверіада, построенная Иродомъ Антипою, сіявшая блескомъ своей славы во времена Спасителя. Гдѣ теперь ея чудныя римскія ворота, величественные дворцы съ позоло-

ченными крышами, знаменитые скверы, украшенные мраморными статуями, художественной работы? Плачевное состояніе теперешней Тиверіады не даетъ никакого понятія о прежней роскоши Галилейской столицы. При въѣздѣ въ городъ, мы увидѣли остатки разрушенной крѣпости, окруженной когда-то тремя толстыми стѣнами съ башнями. Теперь здѣсь жалкія развалины, обиталище ящерицъ и мышей, куда рѣдко ступаетъ человѣческая нога, во избѣжаніе опасности завязнуть въ этихъ каменныхъ грудахъ и быть обсыпаннымъ пылью, падающей отъ прикосновенія къ обваливающимся стѣнамъ Тиверіадскаго акрополя. Грязныя, узкія улицы,—если можно назвать улицами эти жалкія подобія вонючихъ переулковъ,—оставляли въ насъ непріятное впечатлѣніе. Недалеко отъ берега наши экипажи остановились,—дальше нельзя было ѣхать по дорогѣ, усыпанной камнями. Мы вышли изъ экипажей и направились пѣшкомъ къ небольшому зданію, рядомъ съ которымъ помѣщалась маленькая греческая церковь, откуда уже доносились звуки одного и единственнаго маленькаго дребезжащаго колокола, въ честь Преосвященнаго. Идти по камнямъ было очень трудно. Засмотрѣвшись на чудныя воды Галилейскаго озера, Преосвященный споткнулся и чуть не упалъ на острые камни; но, къ счастію, находившійся близъ него Марко не допустилъ его до паденія, и дѣло обошлось благополучно.

Около четверти часа шли мы по каменистой набережной. Затѣмъ, пройдя черезъ какой-то грязный дворъ, и не менѣе грязный коровникъ, изъ котораго на насъ пахнуло запахомъ навоза, валявшагося подъ нашими ногами, мы черезъ какіе-то закоулки подошли къ убогой церковкѣ. Встрѣтилъ насъ греческій настоятель этой обители, игуменъ Авраамій, мужчина лѣтъ пятидесяти, небольшого роста, довольно плотнаго сложенія, съ хитрыми глазами на умномъ лицѣ, арабъ. Грязь, убожество, бѣдность внутренности этого храма превзошли наши ожиданія. Конечно, мы не думали встрѣтить здѣсь богатыхъ и изящныхъ украшеній и великолѣпной отдѣлки, но также и не думали увидать здѣсь такой бросающейся въ глаза убогой обстановки. Полумракъ, царившій во храмѣ, увеличивалъ и безъ того грустное настроеніе, навѣянное на насъ убожествомъ церкви. Греческій священникъ, посланный впередъ митр.

Фотіемъ, отслужилъ намъ краткое молебствіе. Приложившись къ иконѣ, изображающей спасеніе Христомъ утопающаго Ап. Петра, мы отправились изъ церкви въ домъ, предназначенный для пріема гостей. Съ трехъ сторонъ домъ окруженъ галлереею, на которую и выходятъ комнаты, служащія для отдохновенія почтенныхъ поклонниковъ. Насъ ввели въ угловую комнату, которая имѣла значеніе гостиной и была нѣсколько чище остальныхъ. Намъ подали неизмѣнное глико и черный кофе. О. Авраамій оказался весьма любезнымъ хозяиномъ. Онъ по происхожденію—арабъ, а потому и самъ удивляется своему игуменству въ Греческомъ монастырѣ. Раньше онъ былъ у колодца Іакова и принималъ дѣятельное участіе въ очисткѣ его отъ мусора и въ изысканіи тамъ прежнихъ ключей. О своемъ участіи въ этихъ раскопкахъ онъ не преминулъ намъ сказать самъ и былъ весьма доволенъ, когда узналъ, что мы посѣщали это мѣсто бесѣды Спасителя съ самарянкой. Большая толпа народа, не только дѣтей, но и взрослыхъ, собралась на дворѣ, а нѣкоторые вошли даже на балконъ и стали въ дверяхъ, но подъ благословеніе къ нашему епископу не подходили. Оказалось, что это все евреи, составляющіе главный контингентъ жителей теперешней Тиверіады. Они прибѣжали сюда поглазѣть на невиданнаго ими до сихъ поръ русскаго архіерея и его спутниковъ. Мы узнали, что въ Тиверіадѣ существуетъ прекрасная синагога. Послѣ Іерусалима и Хеврона, Тиверіада считается евреями самымъ священнымъ городомъ. У нихъ есть повѣріе, что Мессія когда-нибудь долженъ выйти изъ озера Генисаретскаго и пристать къ Тиверіадѣ. Это и способствуетъ многочисленности здѣсь еврейскаго населенія. У католиковъ въ этомъ городѣ есть церковь во имя Ап. Петра, построенная, по ихъ преданію, на мѣстѣ, гдѣ Господь сказалъ Кифѣ: „паси овцы моя“. Нѣкогда же здѣсь стоялъ величественный храмъ, построенный при Константинѣ Великомъ, но онъ давно уже разрушенъ мусульманами.

Отдохнувши немного, мы рѣшили выкупаться въ водахъ Тиверіадскаго озера, освященныхъ хожденіемъ по нимъ Спасителя и пребываніемъ на немъ въ своихъ лодкахъ Его благословенныхъ учениковъ. Мы вышли изъ дома черезъ грязный дворъ къ берегу озера. Освѣщенное яркимъ солнцемъ, евангельское море явилось передъ нами во всей своей красѣ. Оно оваль-

ной формы, по виду напоминаетъ грушу, въ самомъ широкомъ мѣстѣ имѣетъ десять верстъ, въ самомъ узкомъ—двѣ версты, а въ длину—верстъ восемнадцать. Какъ красиво было въ эту минуту это священное озеро съ его тихими и свѣтлыми водами, съ прозрачной рябью, какъ бы весело игравшей на солнцѣ, съ плескавшимися близъ береговъ безчисленными стаями рыбъ различныхъ породъ! Не даромъ Господь любилъ это мѣсто, неоднократно святой Ликъ Его отражался на зеркальной поверхности прозрачныхъ водъ Генисарета, когда Онъ, сидя въ лодкѣ, недалеко отъ берега, съ вдохновеннымъ лицомъ, съ глазами, устремленными горѣ, произносилъ Свои чудныя проповѣди передъ собравшимися на берегу слушателями. Сколько чудесъ милосердія, сколько спасительныхъ уроковъ освятили это мѣсто! Это озеро, спокойно лежащее на днѣ окруженной скалистыми горами котловины, пробуждаетъ въ нашихъ душахъ столько воспоминаній, столько необыкновенныхъ впечатлѣній, что нами овладѣваютъ сладостныя чувства какого-то невыразимаго восторга, въ которомъ трудно отдать отчетъ себѣ самимъ. Мы вооружились биноклемъ и стали осматривать приозерныя мѣста. Вотъ, на сѣверѣ отъ Тиверіады разбросаны лачужки какого-то селенія, лежащаго на берегу озера, у подножія высокихъ скалъ, въ которыхъ видны устья пещеръ. Это—Маджалъ, древняя Магдала, мѣсто родины Маріи Магдалины, нѣкогда укрѣпленный башнями важный военный пунктъ. Въ горахъ Арбелла, возвышающагося на юго-западъ отъ селенія Маджалъ, погребена, какъ извѣстно, несчастная Дина, дочь праотца Іакова. Къ западу отъ Магдалы начинается прекрасное поле Генисаретское, съ одной стороны омываемое озеромъ, а съ другой—обрамленное высокими горами съ вычурными очертаніями. Вся эта равнина, вмѣстѣ съ окружающими ее возвышеніями, совершенно не обработана и представляетъ теперь настоящую пустыню. Прошли тѣ времена, когда трудолюбіе людей, помогая развитію богатой природы, превратило поверхность равнины Генисаретской въ цвѣтущій садъ, оглашаемый журчаніемъ ручьевъ, во множествѣ текущихъ здѣсь. Іосифъ Флавій картинно описываетъ плодородіе этой равнины во время земной жизни Спасителя, Который часто ходилъ по ея чудной землѣ, отрадно дѣйствовавшей на Него, часто возмущен-

наго людской злобой и неправдой. Укрываясь отъ взоровъ человѣческихъ, Онъ часто удалялся на одинъ изъ возвышенныхъ холмовъ, окружающихъ эту равнину, и въ уединенной молитвѣ изливалъ передъ Отцомъ Своимъ чувства Свои.

Смотря въ глубь этой долины, мы замѣчаемъ на вершинѣ одной изъ горъ маленькій городокъ Сафетъ, пріютившійся подобно орлиному гнѣзду на высокомъ холмѣ. Не на этотъ ли городъ показывалъ Христосъ, когда говорилъ, что „не можетъ укрыться градъ, стоящій вверху горы?“ На сѣверо-востокъ отъ него видны какія то развалины. Это—древняя Виѳсаида, мѣсто родины Ап. Петра и Андрея, гдѣ Христосъ нѣкогда отверзъ очи слѣпому, отправившись отсюда затѣмъ въ Кесарію Филиппову. Въ Виѳсаидѣ показываютъ остатки храма, построеннаго св. Еленою на мѣстѣ бывшаго дома апостола Петра. Далѣе, на сѣверъ отъ Виѳсаиды мы видимъ на самомъ берегу маленькую деревушку „Айнутъ-Тапега,“ гдѣ, по преданію, во времена Спасителя стояла мытница, при которой мытарь Левій занимался сборами пошлинъ. Здѣсь онъ впервые увидѣлъ Христа и услышалъ обращенный къ нему призывъ „слѣдуй за Мною!“ Еще немного сѣвернѣе намъ указали на громадныя развалины, называемыя у Арабовъ „Тель-Гумъ“. Это жалкія остатки когда-то знаменитаго города Капернаума „до небесъ вознесшагося“, а теперь „до ада низведшагося“, по предсказанію Спасителя, часто посѣщавшаго этотъ городъ. Къ сѣверо-западу отъ Тель-Гума намъ указали развалины Керазе, мѣсто прежняго Хоразина, которому Господь также предрекъ погибель. Грустью вѣяло отъ всѣхъ этихъ историческихъ развалинъ, на мѣстѣ славныхъ населенныхъ городовъ, проклятыхъ Господомъ за невѣріе въ Него. На восточной сторонѣ отъ озера—Гадаринская страна. Дикія и обнаженныя скалы возвышаются надъ самою водою; мрачный, мертвенный видъ этихъ горъ омрачаетъ сердце грустью, которая еще болѣе усиливается при взглядѣ на гробовую тишину озера. Ни одна лодка не скользитъ и не оживляетъ этой мертвой водяной пустыни, ни одного рыбака не видно теперь на озерѣ; а между тѣмъ въ прежнія времена, какъ извѣстно, по этой водѣ ходили цѣлые флоты парусныхъ судовъ, многіе занимались постоянною береговою торговлею, цѣлая масса народу

была извѣстна рыбнымъ промысломъ, который былъ одною изъ доходнѣйшихъ статей береговыхъ жителей. Во время возмущенія евреевъ противъ Веспасіана на этомъ озерѣ происходили кровопролитныя битвы. Теперь же рыбный промыселъ въ упадкѣ. Съ измѣненіемъ роскошной природы Генисаретскихъ береговъ въ дикую пустыню, съ уничтоженіемъ веселыхъ городковъ и селеній, прекратилась и жизнь на самомъ озерѣ: шумное оживленіе, царившее здѣсь, уступило мѣсто мертвой тишинѣ, гнетущимъ образомъ дѣйствовавшей на нашу душу, навѣвая на насъ грустныя мысли.

Дѣлалось страшно жарко. Прозрачныя волны озера давно уже манили насъ въ свои объятія. Мы быстро раздѣлись и бросились въ воду, которая освѣжающе подѣйствовала на насъ. Намъ посовѣтовали надѣть фуражки во избѣжаніе солнечнаго удара. Наслаждаясь купаньемъ въ этомъ священномъ озерѣ, мы позабыли про обѣдъ, который давно уже былъ приготовленъ для насъ о. Авраамiемъ, прислaвшимъ теперь на берегъ послушниковъ напомнить намъ объ этомъ. Освѣженные купаньемъ, счастливые и довольные, полные священныхъ воспоминаній о прошлыхъ блаженныхъ дняхъ, происходившихъ на этомъ озерѣ, мы возвратились прежнею дорогой въ монастырскій домъ и почти сейчасъ же сѣли за накрытый на балконѣ обѣденный столъ. Довольно продолжительное путешествіе и купанье сильно возбудили нашъ аппетитъ и мы съ удовольствіемъ принялись за поданную намъ трапезу греко-арабской кухни. Растительныя и рыбныя блюда были самыя разнообразныя. О. Авраамій, съ любовію угощавшій насъ, обратилъ наше вниманіе на „Христову рыбку“, весьма пріятную на вкусъ. Вообще этотъ обѣдъ, въ виду Генисаретскаго озера и другихъ священныхъ мѣстъ, не забудется нами никогда...

Послѣ обѣда нѣкоторые изъ насъ, утомленные и разслабленные отъ жары, рѣшили отдохнуть въ отведенныхъ комнатахъ, не смотря на грязную обстановку ихъ и обиліе щельной и постельной фауны; а другіе рѣшили посвятить послѣобѣденное время до отъѣзда прогулкѣ по святому озеру. Съ помощію греческихъ монаховъ наняли мы лодку, чтобы ѣхать къ теплымъ источникамъ, находящимся на югъ отъ Тиверіады. Гребцами были два мускулистыхъ араба, которые быстро отчалили лодку отъ берега. Мы плыли по тихимъ,

зеркальнымъ водамъ озера, мимо каменистаго берега, съ развалинами на немъ стѣнъ и башенъ. Это—продолженіе Тиверіады, построенной Иродомъ Антипою въ честь императора Тиверія, современника Христу. Она стала столицею Галилеи вмѣсто Сепфора и блистала въ то время дворцами, фонтанами, ипподромами и всею обычною роскошью языческаго Рима. Христосъ не любилъ этого города, и Евангеліе почти не упоминаетъ его. Мы проѣхали три версты и остановились у берега, на которомъ находится каменное зданіе съ круглымъ куполомъ, почернѣвшимъ отъ времени. Это и есть бани съ горячими источниками „Гаманъ", построенныя пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ Ибрагимомъ пашей на мѣстѣ древняго строенія, которое совершенно развалилось. Въ этомъ мѣстѣ есть много горячихъ ручьевъ, вытекающихъ изъ базальтовой скалы за сто шаговъ отъ озера. Запахъ сѣры давалъ себя чувствовать. Какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ остановилась наша ладья, одинъ изъ горячихъ ручейковъ изливался въ озеро. Желая измѣрить въ немъ температуру воды, мы опустили въ него свои руки и вскрикнули отъ обжога; это былъ настоящій кипятокъ, градусовъ 50—60 по Р. Положивши въ эту горячую воду привезенное нами для этой цѣли сырое куриное яйцо, мы черезъ четверть часа вынули его совершенно сварившимся. Мы вошли во внутренность круглой купальни, которая состоитъ изъ маленькихъ боковыхъ комнатъ съ ваннами и большой залы съ мраморнымъ резервуаромъ посрединѣ, куда вода попадаетъ изъ четырехъ источниковъ. Ванны и этотъ большой бассейнъ, вода изъ котораго переливается черезъ край, не отличаются особой чистотой. Содержатель купальни, турокъ, предложилъ намъ выкупаться въ этихъ ваннахъ, увѣряя, что вода источниковъ отличается цѣлебнымъ свойствомъ, помогая при ревматизмѣ, золотухѣ и другихъ накожныхъ болѣзняхъ. Все это можетъ быть, такъ какъ по анализу въ составъ воды входятъ сѣра и желѣзо, углекислыя соли; но едва-ли пріятно пользоваться водой, которая рѣдко мѣняется и въ которой, можетъ быть, купались передъ нами люди, страдавшіе разными болѣзнями. Только двое изъ насъ побѣдили въ себѣ чувство брезгливости и погрузили свои тѣла въ мутную воду резервуара, удивляя насъ своею храбростью. Хотя, по ихъ словамъ, они чувствовали себя прекрасно въ этой цѣлебной водѣ и при-

глашали насъ послѣдовать ихъ примѣру, но мы отказались отъ антигигіеничной ванны, поспѣшивъ выйти на свѣжій воздухъ и предпочитая лучше вторично выкупаться въ прозрачныхъ волнахъ священнаго озера. Вскорѣ наши товарищи были готовы, мы сѣли въ лодку, и черезъ полчаса были уже близъ греческаго подворья. Расплатившись съ лодочниками, мы, не теряя времени, быстро раздѣлись и освѣжили себя купаньемъ, если и не въ цѣлебной, то, во всякомъ случаѣ, въ чистой и прохладной водѣ Тиверіадскаго озера.

Было уже два часа дня, когда мы возвратились въ домъ греческаго монастыря, гдѣ на балконѣ Преосвященный и остальные путники пили чай, а стоящій у дверей Марко торопилъ къ отъѣзду въ Назаретъ, совѣтуя выѣхать какъ можно раньше, въ виду неудобствъ путешествія во время темной ночи. Чай былъ оконченъ; къ отъѣзду все было готово, экипажи уже давно стояли на условленныхъ мѣстахъ. Мы стали прощаться съ достоуважемымъ игуменомъ Авраамiемъ и съ остальной братіей, которые, при звонѣ единственнаго церковнаго колокола, пошли провожать насъ до самыхъ экипажей. Опять грязный дворъ, опять обильный навозомъ коровникъ, и покрытый мелкими острыми камнями берегъ.

Мы бросили грустный прощальный взглядъ на чудное, священное, евангельское море. „Оно,—воспользуемся живописаніемъ Е. Маркова, — стелется передъ нами во всемъ своемъ великолѣпіи, видное изъ одного края въ другой. Его прозрачное голубое зеркало покоится какъ въ драгоцѣнной оправѣ, въ своихъ облитыхъ солнцемъ... холмахъ...; а за неясно синими скалами его дальнихъ береговъ поднимается еще воздушнѣе и нѣжнѣе, чѣмъ мы видѣли его съ высотъ Θавора, сотканный изъ сверканья снѣговъ и изъ тумановъ дали исполинскій шатеръ большого Эрмона, вѣчно покрытаго льдами кормильца Іордана... Ни одинъ бѣлый парусъ не нарушаетъ соннаго однообразія и сонной неподвижности евангельскаго моря, и вся страна кажется мирно дремлющей подъ этою дремотой, скованной гладью водъ.“ [1]) Повернувъ въ переулочекъ, гдѣ насъ дожидались экипажи, мы разсѣлись по прежнему и поѣхали въ такомъ

[1]) Путешествіе по Св. Землѣ, стр. 379.

же порядкѣ, какъ и утромъ. Зловоніе и нечистота, непріятная пыль, поднимавшаяся отъ экипажей, гортанный гомонъ любопытной толпы, сопровождали насъ до самаго конца города.

Было 4 часа дня. Жара нѣсколько спала, небольшой вѣтерокъ освѣжалъ раскаленный отъ солнца воздухъ, ѣхать было неутомительно. Путь нашъ лежалъ на юго-западъ по выжженной пустынѣ, на которой рѣдко-рѣдко попадались развалины и жалкія группы бѣдныхъ лачужекъ. Чтобы скрасить однообразное впечатлѣніе пустыни, мы часто оглядывались назадъ, и взглядъ нашъ упадалъ на оставленное нами озеро Генисаретское, а тамъ дальше поднималась гора Блаженствъ съ ея живописными рогами. Наконецъ, и озеро скрылось за невысокими холмами, и мы остались затерянными въ этой мертвой пустынѣ. Время тянулось медленно. Напрасно мы развлекали себя разговорами, напрасно предавались священнымъ воспоминаніямъ,—грустный видъ пустыни наводилъ на насъ тоску и уныніе. Такъ ѣхали мы часа два. Но вотъ, стали попадаться селенія, сперва арабская деревушка Даміе, затѣмъ Кафръ-Сабтъ, потомъ опять пустыня, которой не предвидѣлось конца. О. В—ій затянулъ какой-то псаломъ, Ш—нъ же подхватилъ его, къ нимъ присоединился еще третій спутникъ. Долго тянулось бы это заунывное тріо, съ естественными трелями отъ сотрясенія, если бы четвертый спутникъ не попросилъ прекратить этотъ своеобразный концертъ, усиливавшій и безъ того овладѣвшую нами тоску. Не оживляли дорогу ни попадавшіеся намъ по пути маленькіе ручейки, ни громадныя пещеры, которыя служили нѣкогда мѣстомъ укрывательства разбойниковъ, а впослѣдствіи были обиталищами святыхъ отшельниковъ.

Солнце начало садиться. Сумерки наступили весьма быстро. Седьмой часъ въ началѣ, а уже на небѣ загорѣлись вечернія звѣздочки. Не прошло и получаса, какъ мы были окутаны непроницаемою ночною мглою, въ которой на два шага трудно разглядѣть человѣка. Передніе экипажи далеко опередили задніе. Стало какъ-то жутко. Но вотъ, гдѣ то впереди послышался лай собакъ, а вскорѣ заблестѣли огоньки въ домахъ какого-то селенія. Оказалось, что это *Кафръ-Кенъ*, евангельская Кана Галилейская, прославленная первымъ чудомъ Господа, претворившаго здѣсь на брачномъ пиру воду

въ вино. Мы въѣхали въ это селеніе и увидѣли толпу народа, собравшуюся на неосвѣщенныхъ улицахъ, чтобы посмотрѣть на русскаго архіерея, о пріѣздѣ котораго здѣсь были уже освѣдомлены митр. Фотіемъ, прислaвшимъ сюда, между прочимъ, монаха для приглашенія нашего Преосвященнаго служить завтра обѣдню въ Назаретской церкви. Наши экипажи остановились въ узенькомъ переулочкѣ; мы сошли на землю и, окруженные толпою любопытныхъ арабовъ, пошли по направленію къ церкви, откуда несся колокольный звонъ въ честь прибытія Преосвященнаго.

Послѣ обычной встрѣчи, священно-служителями—мѣстными и присланными изъ Назарета—отслуженъ былъ молебенъ, на которомъ Преосвященнымъ было прочитано по славянски Евангеліе о чудѣ въ Канѣ Галилейской. Не смотря на простоту обстановки этого богослуженія, оно произвело на насъ сильное впечатлѣніе. Этому способствовали и обстоятельства нашего путешествія, и поздній часъ, и мысль о значеніи этого мѣста. По окончаніи богослуженія, за которымъ присутствовало весьма много народу, христіанъ арабовъ, мы осматривали храмъ, въ иконостасѣ котораго любовались прекрасными иконами, какъ оказалось, написанными въ Москвѣ. Затѣмъ намъ показали за клиросами два громадныхъ каменныхъ сосуда, въ которыхъ яко-бы чудесно была претворена Спасителемъ вода въ вино. Но, кажется, весьма достаточно было бы сказать, что они только сооружены по подобію тѣхъ сосудовъ. Для вѣрующаго сердца и этого было бы вполнѣ достаточно. Нынѣ, одинъ изъ этихъ сосудовъ служитъ купелью при таинствѣ крещенія, а другой—для освященія воды. Вообще храмъ—небольшой; но какъ снаружи, такъ и изнутри выглядитъ довольно красиво и благообразно. Онъ сооруженъ на Русскія пожертвованія, и во главѣ щедрыхъ жертвователей стоитъ, какъ говорятъ, Августѣйшій Предсѣдатель Палестинскаго Общества, Великій Князь Сергій Александровичъ.

Благословивъ народъ и оставивъ причту лепту на нужды храма, Преосвященный, по просьбѣ о. настоятеля, арабскаго священника, посѣтилъ вмѣстѣ съ нами его домъ, не смотря на то, что было время позднее. Насъ ввели въ большую комнату съ бѣлыми каменными стѣнами, лишенную всякой мебели. На полу были разостланы цыновки,

а вокругъ стѣнъ подушки, на которыя насъ пригласили возлечь. Обстановка для насъ была совершенно необычайная, въ настоящемъ восточномъ вкусѣ. Насъ оставили однихъ, предоставивъ самимъ себѣ. Видно, что приготовлялось для насъ какое-то угощеніе, въ ожиданіи котораго Преосвященный совѣтовался съ нами относительно завтрашняго богослуженія въ Назаретѣ. Затрудненіе состояло въ томъ, что путниковъ, умѣющихъ пѣть, осталось очень мало. Мысленно мы кое-какъ собрали недурной хоръ, заключивъ, что съ Божіей помощью завтрашняя служба пройдетъ прекрасно. Наконецъ, черезъ полчаса намъ подали въ маленькихъ чашечкахъ черный кофе, совершенно безъ всякаго признака сахара, съ какими-то пахучими и жесткими кореньями, но до того горькій и непріятный на вкусъ, что мы съ большимъ самоотверженіемъ могли выпить по половинѣ чашки. Оказалось, что такой кофе—спеціально арабскаго приготовленія и подается почетнымъ гостямъ какъ лакомство. Но о вкусахъ не спорятъ...

Поблагодаривъ хозяевъ за ихъ радушіе, мы отправились въ сопровожденіи толпы народа къ своимъ экипажамъ. Было уже 8 ч. вечера. Темнота какъ будто еще болѣе сгустилась. Не было видно ни зги. Мы отправились изъ Каны въ Назаретъ, хотя не безъ нѣкотораго приключенія, которое могло окончиться печально для сѣдоковъ одного экипажа, такъ какъ одна изъ лошадей его попала ногою въ спицы колесъ передняго экипажа. А это произошло отъ того, что дорога шла подъ гору, и кучеръ передней повозки, не отъѣхавъ подальше отъ задняго экипажа, началъ быстро тормозить колеса своей повозки, не видя за темнотою, что на его экипажъ наѣзжаютъ лошади задняго. Марко былъ правъ, когда говорилъ, что по этимъ дорогамъ опасно путешествовать во время темныхъ вечеровъ. Быстро отпрягши лошадь, освободили завязшую ногу въ спицахъ колеса, и увидѣвъ, что никакого несчастія не случилось, съ облегченнымъ сердцемъ поѣхали дальше. Недалеко отъ Каны намъ указали источникъ, изъ котораго, по преданію, почерпали воду, претворенную Спасителемъ въ вино. Но ночная мгла не дала намъ разсмотрѣть его. Жаль, что эти мѣста мы проѣзжаемъ ночью, не видя хорошо мѣстностей. Дорога, по которой мы сейчасъ ѣдемъ, была прове-

дена римлянами, оставившими ее въ цвѣтущемъ состояніи,— правда, она и сейчасъ недурна. Мы то поднимались вверхъ, то спускались внизъ. Вотъ проѣзжаемъ мы по довольно высокому холму. Здѣсь во времена Спасителя стояла смоковница, подъ которою Богочеловѣкъ видѣлъ Наѳанаила. По преданію восточныхъ христіанъ, этотъ Апостолъ, будучи младенцемъ, былъ брошенъ своею матерью подъ густыя вѣтви смоковницы, чтобы избѣжать меча Ирода; Всевѣдущій Христосъ, будучи самъ въ то время младенцемъ, и увидѣлъ его здѣсь въ первый разъ, о чемъ и сказалъ Наѳанаилу во время его призванія.

Далѣе, направо отъ дороги мы замѣтили огоньки какого-то селенія. Это—Сепфуріе, древній Сепфорисъ, столица Галилеи во дни Іосифа Флавія. По преданіямъ, Богоматерь въ этомъ городѣ провела свое дѣтство до Введенія Ея во храмъ. Согласно этому преданію, въ Сепфуріе указываютъ развалины древней церкви, построенной, будто бы, крестоносцами на мѣстѣ дома родителей Дѣвы Маріи. Досадно, что намъ не пришлось осмотрѣть эту деревню—остатки величественнаго города, считавшагося столицею Галилеи до построенія Иродомъ Антипою великолѣпной Тиверіады.

Съ холмистаго бугра мы опять стали спускаться подъ гору и скоро увидѣли предъ собою маленькое селеніе Рени, въ которомъ считается до 500 человѣкъ православныхъ арабовъ. Мы проѣхали мимо маленькой церкви, возобновленной, какъ говорятъ, послѣ землетрясенія, но многіе изъ насъ, благодаря ночной мглѣ, почти не замѣтили ея. Дорога пошла немного въ гору. Мы поднялись на небольшую возвышенность и прямо передъ собою увидѣли, какъ бы иллюминованный многочисленными огнями, полюбившійся намъ Назаретъ. Радостно забились наши сердца: мы ѣхали какъ бы домой подъ гостепріимный кровъ русской школы, гдѣ намъ предвидѣлся хорошій отдыхъ. Мы стали спускаться въ Назаретскую котловину, и чудное зрѣлище иллюминованнаго города на время исчезло, чтобы черезъ нѣсколько минутъ явиться передъ нами во всей своей прелести. Дѣйствительно, менѣе чѣмъ черезъ четверть часа, мы уже ѣхали по освященнымъ улицамъ Назарета, поровнялись съ источникомъ Пресвятой Дѣвы, повернули налѣво за уголъ и остановились у дома русской

школы. Было ровно 10 ч. веч. Мы порядкомъ устали, совершивши такую длинную дневную экскурсію. Нечего и говорить, что учительницы насъ встрѣтили весьма радушно, ожидая съ ужиномъ.

Утомленные длинной дорогой и желая быть завтра бодрыми у обѣдни, которая назначена была въ 8 ч. утра, мы, часовъ въ 12 ночи, отправились на отдыхъ.

9-е Іюля. Воскресенье. Архіерейское служеніе въ храмѣ Благовѣщенія. Вѣнчаніе, совершенное митрополитомъ. Бытовыя особенности.

Въ семь часовъ утра мы отправились въ церковь, чтобы заранѣе все приготовить къ архіерейскому служенію нашего Преосвященнаго. Церковь была уже полна народомъ. Громадная толпа стояла у входа, оттиснутая полиціею, которая, во избѣжаніе давки, не могла впустить всѣхъ, желающихъ посмотрѣть русское архіерейское служеніе. Шла утреня, совершаемая по гречески однимъ священникомъ. Митрополитъ Фотій былъ уже въ церкви, стоя на своемъ мѣстѣ близъ праваго клироса. Поведеніе собравшихся въ церковь людей далеко не соотвѣтствовало святости храма: довольно громкое шептанье шло по церкви, нарушая церковное благочиніе. Женщины далеко превосходили въ этомъ отношеніи мужчинъ. Стоя отдѣльно отъ послѣднихъ, на хорахъ за рѣшеткой, онѣ, нисколько не стѣсняясь, разговаривали почти вслухъ, перебраниваясь часто изъ-за мѣстъ, забывая, что онѣ находятся во храмѣ. Такъ какъ въ церкви было очень тѣсно, то многіе, взрослые и дѣти, помѣстились на амвонѣ, стоя вплотную у самаго иконостаса, спиною къ иконамъ. Въ концѣ утрени прибылъ въ храмъ Преосвященный нашъ и былъ встрѣченъ обычно съ крестомъ нашимъ духовенствомъ, двумя арабскими священниками и однимъ греческимъ. Преподавъ благословеніе народу и священнослужителямъ, нашъ епископъ прошелъ въ алтарь, гдѣ его встрѣтилъ митр. Фотій и здѣсь они братски облобызались. Преосвященный облачился въ малиновое бархатное облаченіе; такого же цвѣта облаченіе было и у остального служащаго духовенства. Сослужащими Преосвященному были: архим. Александръ, безъ митры, которая, по греческому обычаю, не

носится архимандритами во время архіерейскаго служенія; затѣмъ о. Николай Вишняковъ, о. Анастасій, о. Варсонофій, одинъ греческій священникъ, и одинъ арабскій. Діакономъ былъ грекъ, довольно хорошо говорившій по русски. М. Фотій стоялъ на своемъ мѣстѣ, у праваго клироса, но во время богослуженія часто входилъ въ алтарь, чтобы видѣть особенности русскаго архіерейскаго служенія. Непосредственно послѣ утрени началась обѣдня, такъ какъ въ греческихъ церквахъ часы предъ обѣдней обыкновенно не читаются. Составилось два небольшихъ хора: на одномъ клиросѣ стали наши путники, къ которымъ присоединились нѣкоторые учителя и ученики-арабы изъ русской школы, умѣющіе пѣть обѣдню на церковно-славянскомъ языкѣ; на другомъ клиросѣ были греческіе и арабскіе клирики, умѣющіе пѣть только по гречески и по арабски. Всѣ были въ какомъ-то напряженіи, ожидая выхода русскаго архіерея. Былъ уже девятый часъ въ началѣ. Когда епископу доложили, что все уже готово, и хоръ на своихъ мѣстахъ, онъ вышелъ черезъ царскія врата на средину церкви къ приготовленному для него креслу съ мягкимъ сидѣньемъ, поставленному не на возвышеніи, какъ у насъ, а просто на полу. Началась литургія. Служба совершалась по чину архіерейскому, который принятъ у насъ въ Россіи, съ нѣкоторыми, впрочемъ, восточными особенностями; пѣніе шло, по очереди, на церковнославянскомъ и греческихъ языкахъ, а нѣсколько пѣснопѣній было исполнено на арабскомъ языкѣ. Возгласы священнослужащихъ произносились также на этихъ трехъ языкахъ. Преосвященный читалъ молитвы преимущественно на ц.-слав. языкѣ, но произносилъ иногда нѣкоторые возгласы на греческомъ и арабскомъ языкахъ. Эта обѣдня, благодаря смѣшенію трехъ языковъ, носила какой-то особый отпечатокъ, производя пріятное впечатлѣніе на сердца молящихся, которые радовались, видя, что хвала Богу воздается на ихъ родныхъ языкахъ. „Киріе элейсонъ“, „Господи помилуй“ и „ярабурхамъ“—то и дѣло чередовались другъ съ другомъ на клиросахъ во время великой ектеніи. Первая малая ектенія шла сплошь на греческомъ языкѣ, а вторая сплошь на арабскомъ. Надо было видѣть во время этой ектеніи арабовъ, лица которыхъ въ это время оживлялись, вниманіе усиливалось, тишина въ церкви водворялась мертвая. Но

вотъ, начался входъ съ Евангеліемъ. Діаконъ произнесъ: *σοφία, ὀρθοί,* (премудрость, прости), и хоръ запѣлъ „пріидите, поклонимся.....“ на ц.-славянскомъ языкѣ, духовенство вмѣстѣ съ архіереемъ ушло въ алтарь. Послѣ обычнаго кажденія и выклички, съ провозглашеніемъ многихъ лѣтъ какъ нашему Преосвященному, такъ и патріарху Іерусалимскому и Назаретскому митрополиту, и послѣ троекратнаго пѣнія трисвятаго на греческомъ языкѣ, Преосвященный вышелъ на амвонъ, держа въ одной рукѣ крестъ, а въ другой дикирій, и произнесъ извѣстный возгласъ „Призри съ небесе, Боже....“ на трехъ языкахъ, и соотвѣтственно этому пропѣто было „Святый Боже“ на трехъ языкахъ. Эта, съ чувствомъ произнесенная, архіерейская молитва, троекратное осѣненіе народа крестомъ, умилительное пѣніе Трисвятаго, понимаемаго всѣми,—все это должнымъ образомъ подѣйствовало на души всѣхъ слушателей, которые начали усерднѣе молиться и внимательнѣе прислушиваться къ службѣ. Апостолъ читали на срединѣ церкви на трехъ языкахъ: сначала арабскій учитель на ц.-славянскомъ, затѣмъ одинъ мальчикъ прекраснымъ альто прочиталъ Апостолъ на греческомъ, а другой мальчикъ—на арабскомъ. „Ассаляму лижамишкомъ“ (миръ всѣмъ) произнесъ Преосвященный; „уалирухика айданъ“ (и духови Твоему) также по арабски отвѣтилъ хоръ. Послѣдовало чтеніе Евангелія по греческому обычаю на построенномъ для этого возвышеніи около праваго клироса. Протодіаконъ читалъ на ц.-славянскомъ, одинъ иподіаконъ—на греческомъ, а другой—на арабскомъ. Вся сугубая ектенія произносилась на ц.-славянскомъ языкѣ, на которомъ также исполнялось и пѣніе херувимской. Побѣжденные торжественностью Богослуженія, слушатели, хотя многаго и не понимали, все-таки съ жаромъ предались молитвѣ, оставивъ свои разговоры другъ съ другомъ. На женскихъ хорахъ водворилась тишина, прерываемая изрѣдка лишь всхлипываніями колѣнопреклоненныхъ женщинъ и ихъ молитвенными вздохами. По перенесеніи св. Даровъ, хоръ пропѣлъ вторую половину херувимской уже на греческомъ языкѣ. Послѣ этого просительная ектенія шла на греческомъ языкѣ. Символъ вѣры былъ спѣтъ на ц.-слав. языкѣ, но не прочитанъ, какъ это принято у грековъ. Приближались къ самымъ важнѣйшимъ моментамъ Богослуженія. *Στῶμεν καλῶς* (станемъ

добре....) провозгласилъ на греческомъ языкѣ діаконъ, на что хоръ по гречески и отвѣтилъ. Но вотъ изъ алтаря съ трикиріемъ и дикиріемъ вышелъ Преосвященный, произнесъ на ц.-слав. языкѣ возгласъ „Благодать Господа...“ и осѣнилъ народъ. „И со-духомъ твоимъ“, отвѣтилъ хоръ, причемъ молящіеся чуть не до земли поклонились, по направленію къ Владыкѣ. Повернувшись въ лѣвую сторону, возгласилъ Преосвященный: „*Ανω σχώμεν τὰς καρδιας*“,—хоръ также спѣлъ по гречески. Наконецъ, третій возгласъ былъ произнесенъ епископомъ на арабскомъ языкѣ: „Фальнашъ кураррабъ“ (Благодаримъ Господа), на что хоръ отвѣтилъ пѣніемъ „Достойно и праведно есть....“. Слѣдующіе затѣмъ возгласы произносились поочередно на трехъ языкахъ, соотвѣтственно этому было и пѣніе. По оживленнымъ арабскимъ лицамъ видно было, что они весьма довольны: имъ было пріятно слышать свой языкъ изъ устъ архіерея любимаго ими русскаго народа. Послѣ литургіи, Преосвященный, не разоблачаясь, вмѣстѣ со служащимъ духовенствомъ и своимъ хоромъ прошелъ въ нижній предѣлъ, гдѣ подъ престоломъ находится святой источникъ. Толпа хлынула за нимъ, но была остановлена кавасами. Здѣсь на нашемъ родномъ языкѣ былъ отслуженъ Преосвященнымъ торжественный молебенъ, при чемъ читалось евангеліе Благовѣщенію Пресвятой Дѣвы. Молебенъ закончился многолѣтіемъ Нашему Царствующему дому, Св. Синоду, а также патріарху Іерусалимскому и митрополиту Фотію. По окончаніи Богослуженія, Преосвященный, разоблачившись, въ одной мантіи нѣсколько времени благословлялъ народъ, который былъ очарованъ торжественнымъ архіерейскимъ служеніемъ, выражая громко ему свою благодарность: „Мутранъ московъ, о! мутранъ московъ, о!“ только и слышалось теперь изъ устъ расходившейся восхищенной толпы, не могущей скрыть своего восторга.

Преподавъ каждому благословеніе, Преосвященный со всѣми нами, окруженный громадною толпой народа, прямо изъ церкви направился къ Назаретскому Владыкѣ. Послѣдній любезно насъ встрѣтилъ и во время кофе не переставалъ бесѣдовать съ своими гостями, довольный торжественностью сегодняшняго служенія, о чемъ онъ вслухъ и высказалъ нашему Преосвященному. Въ это же время Преосвященный Ректоръ, въ виду циркулировавшихъ слуховъ

въ Назаретѣ объ утвержденіи Султаномъ митрополита Фотія патріархомъ Александрійскимъ, привѣтствовалъ отъ всѣхъ насъ съ этимъ важнымъ событіемъ въ его жизни. Митр. Фотій поблагодарилъ, но при этомъ сказалъ, что онъ самъ не получилъ объ этомъ никакихъ извѣстій и что распространившійся слухъ объ этомъ свидѣтельствуетъ о вниманіи къ нему паствы, которая считаетъ его пригоднымъ для занятія патріаршей каѳедры Св. Марка. (Какъ потомъ оказалось, слухи эти дѣйствительно имѣли основаніе: Митр. Фотій вскорѣ былъ утвержденъ Султаномъ, такъ что привѣтствіе наше было первымъ). Тутъ же Митр. Фотій окончательно объявилъ, что вѣнчаніе извѣстной намъ арабской четы будетъ происходить во храмѣ Благовѣщенія, въ 4 ч. дня, чему мы весьма обрадовались. Мы простились съ Митрополитомъ и отправились къ себѣ домой въ школу въ сопровожденіи массы народа, который, восхищенный обхожденіемъ Преосвященнаго, всячески выражалъ ему знаки почтенія.

Затѣмъ нѣкоторые изъ насъ, до обѣда, отправились въ домъ невѣсты, побуждаемые любопытствомъ и любознательностію въ виду интересныхъ, какъ намъ говорили учительницы, предбрачныхъ обрядовъ. Мы подошли къ низенькой калиткѣ дома, около котораго толпилось много женщинъ: въ день свадьбы двери дома невѣсты открыты для всѣхъ лицъ женскаго пола, которыя могутъ свободно приходить и любоваться ею. Намъ—русскимъ, хотя и мужчинамъ, сдѣлали опять исключеніе: входъ въ комнату невѣсты, недоступный мужчинамъ-арабамъ, былъ доступенъ для русскихъ гостей. Насъ любезно пригласили войти въ домъ, изъ котораго слышались звуки какъ бы гармоники и крикливое пѣніе женщинъ. Прямо противъ входной двери, на высокомъ стулѣ, играющемъ роль трона, одѣтая въ богатое черное шелковое платье, съ золотыми лирами на шеѣ и на груди, на мягкихъ шелковыхъ подушкахъ, по восточному, сидѣла красавица-арабка, стыдливо опустившая глаза при нашемъ приходѣ. Кругомъ нея сидѣли и стояли женщины и дѣвушки, съ любовью глядя на ея милое и грустное лицо. Изъ ея опущенныхъ рѣсницъ мы замѣтили скатившіяся двѣ слезинки, изъ которыхъ одна, по своей прозрачности, подобно утренней росѣ, долго оставалась неподвижною на ея блѣдномъ лицѣ. Это была какъ бы восточ-

ная царица на тронѣ въ кругу своихъ приближенныхъ, позволившая имъ любоваться собою. Не лишены и мы были этого эстетическаго удовольствія. Безъ преувеличенія говоря, это былъ рѣдкій типъ арабской красоты. Правильныя черты ея античнаго лица, какъ бы выточенныя изъ мрамора, были въ полной гармоніи съ ея черными, какъ смоль, глазами. Черные блестящіе волосы, причесанные поевропейски и унизанные золотыми лирами, красиво ниспадали на ея гордый лобъ. Красивый нарядъ невѣсты нѣсколько обезображивался массой драгоцѣнныхъ вещей и золотыхъ лиръ, во множествѣ надѣтыхъ на нее: здѣсь было и двое золотыхъ часовъ, и громадная золотая цѣпочка, и нѣсколько брошекъ, и еще какія то золотыя украшенія, на головѣ также много драгоцѣнныхъ вещей, руки были украшены множествомъ дорогихъ браслетовъ. Все это—приданое невѣсты, которое она должна показать въ день свадьбы своимъ подругамъ, надѣвъ на себя все цѣнное. Имѣя хорошее приданое, невѣста можетъ найти себѣ и лучшую партію. Но и жениху по тамошнему обычаю приходится уплачивать вѣно за невѣсту, цѣны за которую колеблются отъ 30 до 200 золотыхъ, т. е. отъ 240 до 1600 рублей на наши деньги, соотвѣтственно красотѣ и приданому избранницы. Вѣно, конечно, идетъ въ пользу родныхъ невѣсты. Поэтому, женихъ, прежде чѣмъ свататься, долженъ пріобрѣсти себѣ нѣкоторое состояніе, и вотъ причина, почему арабы рѣдко женятся моложе двадцати четырехъ лѣтъ. За нашу невѣсту заплачено 120 золотыхъ, что служитъ показателемъ довольно солиднаго состоянія жениха. Кромѣ продажи невѣсты, въ брачномъ обычаѣ у арабовъ существуетъ еще одна черта: молодые люди вступаютъ въ бракъ, не видя раньше другъ друга, и все дѣло улаживается свахами, которыми, въ большинствѣ случаевъ, бываютъ сестры и матери вступающихъ въ супружество. Но такой обычай мало по малу становится историческимъ достояніемъ, и въ данномъ случаѣ, вѣроятно, не былъ соблюденъ.

Мать невѣсты усердно угощала насъ кофе и сластями. Дѣвицы подъ предводительствомъ старшей сестры невѣсты, молодой, веселой и довольно полной красивой женщины, пѣли и плясали. Пляска была подобно той, которую мы видѣли нѣсколько дней тому назадъ въ домѣ жениха, а пѣ-

ніе было теперь гораздо веселѣе и оживленнѣе: казалось, было желаніе развеселить задумчивую невѣсту. Странное было это пѣніе, состоявшее изъ какого-то гигиканья и люлюканья; непривычныя уши съ трудомъ могутъ выносить эти дикія звуки визжавшихъ женщинъ, которыя считали верхомъ искусства произвести звуки самой высокой ноты, не заботясь о красотѣ и о изящности пѣнія. Что касается до сюжета пѣсенъ, то въ нихъ, по словамъ сопровождавшихъ насъ учительницъ, воспѣвается красота невѣсты, сравниваемая съ красотою звѣздъ, стройныхъ пальмъ, подобно нѣкоторымъ поэтическимъ сравненіямъ изъ библейскихъ „Пѣсенъ Пѣсней“. Въ качествѣ музыкальнаго инструмента здѣсь фигурировала наша русская гармоника, на которой игралъ, повидимому, приглашенный для этой цѣли, арабскій музыкантъ; подъ акомпаниментъ этой незатѣйливой музыки производились пляска и пѣніе женщинъ. Невѣста не принимала въ этомъ участія: игры женщинъ, казалось, мало развлекали ее. Какъ мраморное изваяніе, безучастная къ веселью молодыхъ подругъ, неподвижно сидѣла она на своемъ высокомъ тронѣ, грустно смотря куда-то вдаль и лишь изрѣдка отвѣчая печальною улыбкой на шутливыя слова пѣсенъ окружающихъ ея дѣвицъ. Если бы не судорожное сжиманіе тонкихъ губъ, не нервное подергиванье черныхъ бровей, можно было бы подумать, что это прекрасное существо совершенно лишено жизнедѣятельности. Временами яркая краска появлялась на ея блѣдномъ лицѣ, а глаза загорались особеннымъ фосфорическимъ блескомъ, грудь высоко вздымалась, выдавая ея душевныя волненія, но затѣмъ, какъ бы не желая показывать своего настроенія, она сжимала свои густыя брови, еще ниже опускала красивую голову, оставаясь нѣкоторое время въ состояніи полной апатіи. Это была полная грусть, воплощенная въ чудныхъ чертахъ и стройной фигурѣ арабской женщины. О чемъ тоскуетъ она? задавались мы вопросомъ. Можетъ быть, неизвѣстность пугаетъ ее, боязнь промѣнять свою дѣвическую свободу на деспотизмъ грубаго мужа, преждевременное увяданіе красоты отъ непосильныхъ страданій въ чуждой ей семьѣ. Но она крѣпко хранитъ свою тайну, никому не выдаетъ своихъ невеселыхъ думъ. Подъ конецъ только подруги невѣсты привлекли ее къ пляскѣ. Уступая просьбамъ

ихъ, она молча спустилась съ своего трона, надѣла на поги высокія сандаліи и неподвижно стала по срединѣ комнаты, ожидая чего-то. Вскорѣ принесли двѣ зажженныхъ желтыхъ узорчатыхъ свѣчи, дали ихъ въ руки двумъ маленькимъ дѣтямъ, которыя стали по обѣимъ сторонамъ невѣсты, приготовлявшейся плясать. Дѣвицы запѣли какую-то заунывную пѣсню, во время которой невѣста, стоя почти на одномъ мѣстѣ, имѣя по сторонамъ двухъ дѣтокъ съ зажженными свѣчами, еле-еле передвигала ногами, выдѣлывая какіе-то едва замѣтные „па“. Глаза у нея при этомъ то поднимались, то опускались, то загорались, то потухали, брови передергивались, ротъ то закрывался, то открывался, показывая бѣлые жемчужные зубы. Мимикой своего выразительнаго лица она старалась замѣнить обычныя плясовыя тѣлодвиженія и танцовальные „па“: лицо ея выражало радость, которая затѣмъ замѣнялась выраженіемъ печали и тоски. Нельзя было не удивляться этому перемѣнному измѣненію лица, которому она, по желанію, придавала различныя выраженія: и горя, и радости, и любви, и ненависти, и надежды, и отчаянія. Это сопровождалось подергиваньемъ плечъ и равномѣрнымъ качаніемъ стройнаго стана. Пройдя такимъ образомъ отъ одного конца комнаты до другого, она остановилась, сняла съ себя сандаліи и съ помощью подругъ поднялась на свой импровизированный тронъ. Лицо ея приняло обычное выраженіе скорби.

Болѣе часу пробыли мы здѣсь. Наконецъ, пожелавъ невѣстѣ всякаго счастія въ жизни,—причемъ эти пожеланія высказаны были по русски, такъ какъ невѣста, какъ воспитанница русской школы, понимала русскую рѣчь,—мы возвратились домой, гдѣ, во время обѣда и послѣобѣденнаго чая, дѣлились впечатлѣніями отъ видѣннаго. Около четырехъ часовъ послышался звонъ съ греческой колокольни, возвѣщающій начало вѣнчанія арабской четы. Съ кровли увидѣли мы шедшаго въ церковь Митрополита. Преосвященный съ нами присоединился къ нему. Церковь была уже полна народомъ; мужчины и въ церкви оставались въ фескахъ, что насъ непріятно поражало. Женщины уже были въ церкви. Немного спустя, привели и невѣсту. Женихъ былъ облеченъ въ бѣлый кумбазъ, поверхъ котораго былъ надѣтъ европейскій пиджакъ изъ какой-то сѣрой

матеріи, что весьма не подходило къ восточному типу брачущагося. На невѣстѣ было шелковое моаровое платье чернаго цвѣта, лицо было закрыто тремя плотными черными покрывалами, спускавшимися ниже пояса. Она шла подъ руку съ своею старшею сестрою въ сопровожденіи подругъ. Чтобы лучше видѣть, мы расположились по сторонамъ обоихъ клиросовъ, въ стасидіяхъ. Митрополитъ былъ покуда въ алтарѣ, а Преосвященный—въ его стасидіи. Но вотъ помолвленную чету поставили посреди церкви, недалеко отъ клиросовъ. Рядомъ съ женихомъ сталъ дружко, арабъ среднихъ лѣтъ, въ своемъ національномъ костюмѣ; рядомъ съ невѣстой стала сестра ея,—что было даже весьма необходимо, такъ какъ послѣдняя поддерживала видимо волновавшуюся невѣсту. Началось вѣнчаніе. Чинъ совершался на арабскомъ и греческомъ языкахъ. Арабскій священникъ подалъ большія зажженныя свѣчи жениху и невѣстѣ, которые сейчасъ и передали ихъ двумъ стоявшимъ рядомъ съ ними мальчикамъ. Это были тѣ самыя свѣчи, которыя мы видѣли сегодня утромъ въ рукахъ дѣтей, державшихъ ихъ по обѣимъ сторонамъ танцовавшей невѣсты. Во все время вѣнчанія мальчики держали свѣчи. Намъ, какъ почетнымъ гостямъ, дружко также роздалъ свѣчи, которыя мы и держали въ рукахъ зажженными въ продолженіе всего таинства. Мало чѣмъ отличался этотъ чинъ вѣнчанія отъ нашего. Первая половина его (обрученіе) совершалась соборомъ изъ трехъ священниковъ-арабовъ, которые поочереди читали молитвы. По окончаніи обрученія, вышелъ изъ алтаря митрополитъ Фотій въ мантіи и маломъ омофорѣ и приступилъ къ совершенію и самого таинства. Всѣ молитвы читалъ онъ на греческомъ языкѣ, на которомъ также, довольно посредственно, исполнялось и пѣніе. Странно было намъ смотрѣть на вѣнчаніе, совершаемое соборомъ, да еще при участіи Митрополита. Вмѣсто металлическихъ вѣнцовъ на головахъ новобрачныхъ были надѣты вѣнки изъ искусственныхъ цвѣтовъ. Странное впечатлѣніе производила на насъ эта траурная невѣста, закутанная покрывалами, съ вѣнкомъ на головѣ. Какою-то грустью вѣяло отъ нея, отъ всей ея траурной фигуры. Она явилась какъ бы не на брачное торжество, а на печальный обрядъ отпѣванія, какому впечатлѣнію способствовали горѣвшія въ рукахъ присутствующихъ свѣчи. По мѣрѣ того,

какъ вѣнчаніе шло впередъ, невѣста болѣе и болѣе волновалась, что было замѣтно по учащеннымъ вздрагиваніямъ ея стройнаго стана. Время отъ времени стоявшая рядомъ съ нею сестра давала ей стаканъ съ водою, которую новобрачная глотала съ жадностью, не поднимая покрывала. Пришло время вести жениха и невѣсту вокругъ аналоя. Новобрачная вздрогнула и чуть не упала въ сторону своей сестры, которая быстро поддержала ее. Какъ оказалось послѣ, невѣста была почти безъ сознанія: съ нею сдѣлался легкій обморокъ отъ сильной жары въ храмѣ и духоты отъ множества покрывалъ, закрывавшихъ лицо ея. Вѣнчаніе все-таки продолжалось. Во время обхожденія вокругъ аналоя женихъ ведетъ невѣсту, держась мизинцемъ своей руки за ея мизинецъ; съ ними также шли дружко и сестра невѣсты, а шествіе замыкали мальчики—свѣщеносцы. Маленькая особенность намъ бросилась въ глаза: послѣ того какъ новобрачные троекратно выпили поданное имъ вино, сестра невѣсты взяла стаканъ съ виномъ и, выпивъ изъ него глотокъ, подала его дружку, который и допилъ остальное. Во время вѣнчанія новобрачные молились очень мало, при чемъ невѣста, кажется, ни разу не перекрестилась,—что зависѣло отъ стѣсненныхъ костюмомъ рукъ, а также и отъ почти безчувственнаго ея состоянія.

Вѣнчаніе кончилось. Не успѣлъ еще митрополитъ дойти до царскихъ вратъ, не успѣли еще замереть въ воздухѣ послѣдніе звуки молитвъ и пѣснопѣній, какъ въ церкви начался невообразимый гвалтъ: женщины стали спускаться съ хоръ, чтобы привѣтствовать невѣсту, и ихъ неистовые клики перемѣшивались съ церковнымъ концертомъ, исполнявшимся въ честь новобрачныхъ на клиросахъ. Среди этого люлюканья и гиканья женщинъ и церковнаго пѣнія, изъ груди невѣсты послышался страдальческій стонъ, она слабо вскрикнула, схватилась за сердце и безъ чувствъ повалилась на плечо своей старшей сестры.

Видимо взволнованный этимъ печальнымъ обстоятельствомъ, женихъ стоялъ, потупивъ взоры; затѣмъ, шепнувъ что-то своему дружку, вышелъ изъ церкви безъ невѣсты, въ сопровожденіи смущенныхъ товарищей. Не смотря на такой непріятный инцидентъ, женщины продолжали оглашать воздухъ своими дикими выкрикиваніями, хлопали въ ладоши,

неистово бѣгали по церкви, забывая, что онѣ находятся не дома, а въ храмѣ Божіемъ. Чтобы не видѣть безобразія, которое дочери Востока производили своимъ поведеніемъ во храмѣ, Митрополитъ и нашъ Преосвященный съ духовными лицами поспѣшили выйти изъ церкви. Не потому-ли здѣшнее духовенство и имѣетъ обыкновеніе вѣнчать при домашней обстановкѣ, при которой это рѣзкое проявленіе радости по случаю свадьбы, во всякомъ случаѣ, пристойнѣе, чѣмъ въ этомъ святомъ мѣстѣ?

Между тѣмъ невѣста, отведенная подругами къ сторонкѣ, находилась все еще въ глубокомъ обморокѣ. По недогадливости ли, или же во имя традиціоннаго восточнаго приличія, женщины не снимали съ лица новобрачной плотныхъ покрывалъ. Русскія учительницы убѣдили ихъ открыть лицо безчувственной молодой, чтобы удобнѣе было приводить ее въ чувство. Мы находились близъ этой заинтересовавшей насъ группы женщинъ, хлопотавшихъ около больной. Покрывало было отдернуто, и мы увидѣли блѣдное безъ всякой кровинки лицо новобрачной съ закрытыми глазами, съ печатью страданій въ ея античныхъ чертахъ. Черный цвѣтъ ея платья еще рѣзче оттѣнялъ мертвенную блѣдность ея лица. Сердобольныя учительницы принесли одеколона, которымъ и стали натирать виски новобрачной. Она начала приходить въ себя. Глаза ея полуоткрывались, высохшія губы потребовали воды; нѣсколько глотковъ послѣдней, и она совершенно очнулась. Румянецъ сталъ покрывать ея блѣдныя щеки, потухшіе глаза загорѣлись. Увидѣвъ направленные на нее взоры мужчинъ, она сконфузилась и опустила голову. Наконецъ, она встала и улыбнулась окружавшимъ ея подругамъ. Одна изъ учительницъ бросилась къ ней на шею, стала цѣловать ее, поздравляя съ законнымъ бракомъ. При этомъ привѣтствіи, новобрачная вздрогнула, выпрямилась во весь свой ростъ, лицо ея искривилось какой-то гримассой, губы судорожно сжались; она хотѣла что-то сказать, но внезапно хлынувшія изъ ея глазъ слезы были отвѣтомъ на поздравленія подругъ. Женщины быстро опустили на ея голову густыя покрывала, направились къ выходу, ведя за собою шатавшуюся молодую. Гомонъ въ церкви какъ бы еще сдѣлался сильнѣе, неистовство визжавшихъ женщинъ доходило до апогея. Ошеломленные всѣмъ видѣннымъ, удив-

ляясь непристойному поведенію арабокъ, не имѣвшихъ никакого понятія о святости христіанскаго храма, мы опередили группу женщинъ, ведшихъ молодую, и вышли изъ церкви. Съ облегченнымъ сердцемъ вздохнули мы, очутившись на улицѣ и жадно глотая свѣжій вечерній воздухъ. Неистовые клики и люлюканье женщинъ долго еще стояли въ нашихъ ушахъ, а блѣдное лицо новобрачной съ заплаканными глазами преслѣдовало насъ всю дорогу до самой школы. Мы поднялись на крышу ея, гдѣ уже было все наше общество во главѣ съ Преосвященнымъ. Отсюда намъ удобнѣе было наблюдать обратное шествіе новобрачной изъ церкви. Эта процессія вскорѣ не замедлила появиться передъ нашими глазами. Еще издали послышалось голосистое пѣніе женщинъ подъ акомпаниментъ незатѣйливой бряцательной музыки. Но вотъ показалось и самое шествіе, сопровождаемое не только пѣніемъ, но и пляской арабокъ.

Самый центръ процессіи занимала новобрачная, которая, поддерживаемая подругами, медленно, медленно шла впередъ, неровной поступью направляясь къ новому своему жилищу, къ дому жениха, ставшаго теперь ея законнымъ мужемъ и властелиномъ. Главою процессіи былъ тотъ старикъ, котораго мы нѣсколько дней тому назадъ видѣли въ домѣ жениха заправлявшимъ пиромъ на женской половинѣ. Передъ домомъ русской школы, прямо противъ насъ, процессія остановилась на нѣкоторое время, чтобы, какъ намъ казалось, дать возможность русскимъ гостямъ получше и поближе ознакомиться съ ихъ своеобразными пѣніемъ и пляскою. Оживленнѣе всѣхъ была сестра невѣсты, которая шла впереди всѣхъ, пѣла и плясала подъ тактъ музыки, махая бѣлымъ платкомъ. Затѣмъ процессія продолжала свой путь дальше, и мы долго еще слышали удалявшіеся звуки свадебной музыки, которая затихла только тогда, когда молодую ввели въ домъ новобрачнаго. Сегодня молодые будутъ находиться въ кругу лишь близкихъ родственниковъ, а завтра днемъ будетъ оффиціальный обѣдъ, куда приглашены знатныя лица города, а также и Назаретскій Владыко, который долженъ благословить молодыхъ на новую жизнь; послѣ же обѣда, вечеромъ, по уходѣ митрополита, начнется свадебный балъ, который будетъ послѣднимъ изъ числа всѣхъ свадебныхъ увеселеній, а затѣмъ жизнь войдетъ въ-

обыкновенную будничную колею, и дни молодыхъ потекутъ ровнымъ, обычнымъ потокомъ.

Митрополитъ приглашалъ насъ на сегодняшній вечеръ къ себѣ на дачу, куда онъ отправился сейчасъ же по окончаніи вѣнчанія верхомъ на лошади. Но мы отказались отъ его любезнаго приглашенія, желая лучше послѣдній вечеръ провести въ самомъ Назаретѣ. Послѣ чаю, почти около шести часовъ вечера, мы отправились по улицамъ города, и около восьми возвратились опять въ школу прямо къ ужину. Разговоръ шелъ о предстоящемъ завтрашнемъ отъѣздѣ, который былъ окончательно назначенъ въ 3 ч. дня. Неужели сегодня мы проводимъ послѣдній вечеръ въ Назаретѣ? Намъ было жаль разставаться съ этимъ полюбившимся намъ городомъ, съ его простыми и душевными жителями, съ его улицами и святынями, дорогими для насъ по своимъ священнымъ воспоминаніямъ. Намъ жаль было покидать и эту гостепріимную школу, въ которой мы чувствовали себя, какъ дома.

Послѣ ужина мы вышли на балконъ. Было 9 ч. вечера. Ночь была темная, яркія звѣзды горѣли на небѣ. Наслаждаясь чудною горною ночью и мирно почивающимъ градомъ Св. Дѣвы, мы провели еще нѣсколько времени на кровлѣ дома, дѣлясь впечатлѣніями истекшаго дня.

Около 11-ти часовъ мы отправились на отдыхъ.

10-е Іюля. Понедѣльникъ. Прощаніе съ Митр. Фотіемъ. На горѣ Низверженія. Плотничная мастерская Іосифа Обручника. Приготовленіе къ отъѣзду изъ Назарета.

Проснулись мы въ 8 ч. утра. „Сегодня послѣдній день пребыванія нашего въ Назаретѣ,“—вотъ мысль, съ которою мы встали. Съ грустью думали мы о предстоящемъ отъѣздѣ. Послѣ чаю, ровно въ 9 ч. утра, во главѣ съ Преосвященнымъ мы отправились въ греческую митрополію, прошли въ домовую митрополичью церковь, гдѣ насъ уже ожидалъ Назаретскій Владыко. Церковь—маленькая, но очень порядочная,—обновлена недавно усердіемъ Митрополита Фотія. Тотчасъ Митрополитъ, въ маломъ омофорѣ, началъ служить молебенъ на греческомъ языкѣ, при чемъ евангеліе читалъ на церк.-славянскомъ языкѣ нашъ Преосвященный, на котораго также надѣтъ былъ малый омофоръ. Кончился моле-

бенъ, мы подошли ко кресту. Митрополитъ обратился къ Преосвященному съ рѣчью, на греческомъ языкѣ, въ которой благодарилъ за посѣщеніе и, между прочимъ, высказалъ удивленіе по поводу того, что русскіе, желая посѣтить священныя мѣста, не стѣсняются разстояніями, не жалѣютъ ни силъ, ни здоровья, ни средствъ. „Какъ велико, значитъ, благочестіе у русскихъ людей и какъ процвѣтаетъ у нихъ православная вѣра!“, заключилъ свою одушевленную рѣчь привѣтливый Митрополитъ.

На эту рѣчь Преосвященный, въ свою очередь, отвѣтилъ также рѣчью, въ которой благодарилъ Митрополита за его радушіе и вниманіе къ намъ. Въ заключеніе выразилъ наше общее пожеланіе видѣть его вскорѣ свѣтящимъ на болѣе высокой свѣщницѣ. Мы стали подходить подъ благословеніе Митрополита. Благословляя, онъ надѣвалъ каждому изъ насъ на шею по перламутровому образку, съ изображеніемъ Благовѣщенія Пресвятой Дѣвы. Мы были очарованы такою любезностью Назаретскаго Владыки, который въ отвѣтъ на нашу благодарность троекратно лобызался съ каждымъ изъ насъ.

Затѣмъ всѣ мы, въ сопровожденіи Митрополита, отправились въ послѣдній разъ въ его пріемную, гдѣ, по обычаю, намъ былъ предложенъ черный кофе. Тутъ уже ожидало все Назаретское духовенство, представители города и множество народа. Цѣлый часъ длился этотъ прощальный визитъ. Затѣмъ еще разъ получивъ благословеніе Митрополита, мы, напутствуемые благожеланіями его и присутствовавшихъ при этомъ, отправились домой, чтобы приготовиться къ отъѣзду. Впрочемъ, трое изъ насъ рѣшили до отъѣзда посѣтить виднѣвшуюся съ кровли школы, но находящуюся довольно далеко, гору Низверженія.

Солнце палило немилосердно. Мы прошли черезъ весь городъ, быстро очутились на его окраинѣ, гдѣ находились тока для молотьбы хлѣба. Молотили такимъ образомъ: лошадей или ословъ, запряженныхъ въ какую-то деревянную доску съ желѣзными гвоздями на нижней сторонѣ, гоняли по току, усыпанному вызрѣвшими колосьями ржи или пшеницы. На поляхъ намъ попадались иногда ослы съ отрѣзанными ушами. Намъ объяснили, что здѣсь существуетъ такой обычай: если чужой оселъ забѣжитъ на сосѣднее поле и будетъ портить его, то владѣтель этого поля имѣетъ

право отрѣзать уши забѣжавшему ослу. Чѣмъ же виновато несмысленное животное?

Но вотъ, поля окончились, мы начали подниматься въ гору, мимо виноградниковъ, пока не очутились на узенькой каменистой тропинкѣ, по обѣимъ сторонамъ которой были не плодородныя нивы, но лишь безжизненные камни. Подъемъ сдѣлался очень крутъ, и мы съ большимъ трудомъ поднялись, наконецъ, на самую вершину горы, гдѣ находилась маленькая греческая церковь, сооруженная изъ камня. Она поставлена на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, стоялъ Христосъ, подвергавшійся опасности быть сброшеннымъ съ этой горы озлобленными противъ него фарисеями. По католическому преданію, гора Низверженія находится въ другомъ мѣстѣ, на полчаса пути отъ Назарета. Въ воспоминаніе чуда спасенія Господа отъ рукъ Его враговъ, на этой скалѣ католиками поставленъ также небольшой костелъ. Православная гора Низверженія гораздо отложе католической. Мы стояли на паперти греческой церкви и любовались на раскинувшійся близъ этой горы преблагословенный Назаретъ. Но надо спѣшить. Мы стали спускаться внизъ, подошли къ саду, принадлежащему Митрополиту, и вошли въ него. Это и есть дача Назаретскаго Владыки. Узнавши, что мы пріѣхали съ русскимъ архіереемъ, сторожъ пригласилъ насъ погулять по саду и покушать свѣжихъ фруктовъ, изъ которыхъ преобладалъ виноградъ и миндаль. Кромѣ разныхъ сортовъ винограду и миндальныхъ деревьевъ, на дачѣ были фиговыя деревья, кактусы, апельсинныя деревья, и еще какія-то намъ невѣдомыя. Среди сада была большая парусинная палатка, внутри которой стояла простая кровать, столъ и нѣсколько стульевъ. Земляной полъ былъ покрытъ мягкимъ ковромъ. Сюда-то, въ жаркое время дня, а иногда и вечеромъ, пріѣзжаетъ отдыхать митрополитъ Фотій. Мы были пріятно поражены тою простотою обстановки, которою любитъ окружать себя Назаретскій Владыко. Мы съ удовольствіемъ съѣли принесенный намъ на тарелкѣ сочный виноградъ, который казался намъ особенно вкуснымъ въ виду нашей усталости и невыносимому дневному солнечному зною, заставлявшему насъ страдать и томиться отъ мучительной жажды. Отдохнувъ немного, мы поблагодарили сторожа и вышли изъ сада. По прежней дорогѣ отправились мы об-

ратно въ Назаретъ, и въ началѣ перваго часа дня были уже дома. Обѣдъ только что начался, и мы сейчасъ же присоединились къ обѣдавшей компаніи.

Около часу дня обѣдъ окончился, и въ нашемъ распоряженіи оставалось до отъѣзда не болѣе двухъ часовъ времени. Преосвященный и нѣкоторые изъ насъ пошли отдыхать и приготовляться къ отъѣзду, другіе же рѣшились посвятить это короткое время на прогулку по городу. Мы взяли съ собою черноглазаго Тофика и направились по направленію къ латинскому монастырю. Недалеко отъ него, на сѣверо-востокъ, стоитъ маленькая католическая часовня, построенная 20 лѣтъ тому назадъ на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, находилась мастерская Св. Іосифа Обручника. Молодой Кезма отыскалъ сторожа—монаха, который и отперъ намъ часовню. Мы вошли въ нее и остановились по срединѣ. Прямо противъ входной двери находится престолъ, прислоненный къ весьма древней стѣнѣ, оставшейся, какъ объяснилъ намъ монахъ, отъ мастерской Св. Іосифа. Надъ престоломъ, во всю эту стѣну, висѣла картина художественной работы, изображающая Младенца Іисуса, занятаго плотничьею работою рядомъ съ своимъ воспитателемъ Іосифомъ. Смотря на это изображеніе, мы перенеслись мыслью въ тѣ времена, когда воплотившійся Господь жилъ на землѣ совмѣстно съ обыкновенными смертными, терпя часто такіе же матеріальные недостатки, какъ и окружающіе его люди. Онъ не гнушался никакою работою, помогая своему названному отцу въ его плотничьемъ ремеслѣ, которымъ Іосифъ добывалъ своей семьѣ насущный кусокъ хлѣба. Чувство благоговѣнія къ смиренію Господа охватило насъ, мы преклонили передъ престоломъ свои колѣни и съ религіознымъ жаромъ облобызали находящуюся подъ нимъ звѣзду, обозначающую мѣсто стоянія у плотничьяго станка Младенца Іисуса. Какъ тихо, уютно было въ этой чистенькой капеллѣ! Ощущеніе невидимаго присутствія здѣсь Господа ясно чувствовалось нашими сердцами. Цѣлый день можно было бы простоять въ этой комнатѣ въ священныхъ воспоминаніяхъ. Подъ наплывомъ охватившаго насъ религіознаго чувства, подкрѣпленные молитвой, съ легкимъ душевнымъ настроеніемъ, вышли мы изъ часовни. Возвращаясь обратно, мы проходили мимо дома Кезмы, который попросилъ насъ зайти

къ нему непремѣнно. Мы вошли въ большую комнату съ каменнымъ поломъ, съ широкими диванами по стѣнамъ. Въ комнатѣ было прохладно отъ спущенныхъ деревянныхъ рѣшетокъ на окнахъ. Благодаря наклонно расположеннымъ планкамъ, промежутки между ними, свободно пропуская свѣтъ, въ то же время задерживаютъ солнечные лучи. Рѣшетки такого устройства находятся почти во всѣхъ Назаретскихъ домахъ и остаются спущенными отъ самаго утра до вечера, когда зной смѣняется на пріятную прохладу. Молодой Кезма познакомилъ насъ съ двумя сестрами—дѣвушками и съ своею матерью, симпатичною старушкой, которая, прижимая свою лѣвую руку къ сердцу, въ знакъ признательности за наше посѣщеніе, правую подавала намъ для привѣтствія. Мы были довольны, когда послѣ винограда принесли намъ по стакану лимонаду, въ которыхъ плавали куски искусственнаго льда. Съ удовольствіемъ выпивъ сладкой освѣжающей влаги, мы поблагодарили хозяекъ и вышли изъ дома. На вопросъ, гдѣ жители Назарета берутъ воду для домашняго употребленія, такъ какъ единственный источникъ въ городѣ, источникъ Пресвятой Дѣвы, не можетъ удовлетворить всѣмъ нуждамъ домашняго обихода, Тофикъ объяснилъ намъ, что почти въ каждомъ зажиточномъ домѣ находится цистерна. Дождевая вода во время зимнихъ мѣсяцевъ наполняетъ эти резервуары до верху и служитъ запасомъ на бо́льшую половину года. Для питья эта застоявшаяся въ цистернахъ вода, конечно, не особеннно пріятна, но въ крайнемъ случаѣ употребляютъ и ее. Бѣдные же жители, не имѣя собственныхъ цистернъ, пользуются водою своихъ сосѣдей или за плату, или же получая ее безвозмездно. Для мытья бѣлья и посуды, а также половъ, употребляютъ только эту воду. При этомъ Тофикъ показалъ намъ на дворѣ своего дома подобную цистерну, довольно глубокую и до половины наполненную водою.

Мы проходили мимо лавокъ, которыя, вѣроятно, такъ же первобытны, какъ были во дни земной жизни Спасителя. Мы вошли въ одну изъ портняжныхъ, въ которой еще наканунѣ одинъ изъ студентовъ заказалъ полный арабскій костюмъ для маленькаго мальчика. Внутри лавки, занимая почти всю ея площадь, находился довольно низкій столъ, на которомъ сидѣли два взрослыхъ араба и три мальчика,

занимаясь шитьемъ какого-то платья. Рядомъ съ этой лавкой находилась мастерская, въ которой занимались столярной и плотничьей работой. Два араба возились около станка, поставленнаго въ глубинѣ комнатки,и строгали какую-то доску. Мальчики—ученики смотрѣли на работу взрослыхъ, пріучаясь подражать имъ. Одинъ плотникъ сидѣлъ на порогѣ лавочки на низенькой скамейкѣ и, держа на колѣняхъ дощечку, дѣлалъ на ней инструментомъ, на подобіе нашей стамески, какія-то углубленія. Напротивъ была также плотничья мастерская, и намъ интересно было смотрѣть, какъ эти восточные плотники работаютъ, сидя на полу у дверного порога, не обращая вниманія на страшную жару знойнаго дня. Одни, сидя на землѣ, просверливаютъ дырки въ деревѣ, другіе работаютъ что-то скобелемъ. Не при подобной ли обстановкѣ работалъ св. Іосифъ, пріучая къ своему ремеслу своего названнаго Сына, Божественнаго Отрока Іисуса? Это вполнѣ возможно, такъ какъ на Востокѣ нравы и обычаи отличаются особенною устойчивостію

А вотъ, и сапожники: они, какъ и всѣ ремесленники, сидятъ на порогѣ двери или на улицѣ, занимаясь сапожнымъ ремесломъ. Но все ихъ искусство ограничивается приготовленіемъ легкихъ и короткихъ сапогъ изъ ярко-цвѣтнаго сафьяна, а также и туфель безъ задниковъ и деревянныхъ сандалій, обычныхъ въ Назаретѣ. Мы проходили мимо кузницъ съ маленькими мѣхами, горнами и небольшими наковальнями. Въ кузницахъ наваривают лемешки къ сохамъ, кирки, и дѣлаютъ особые складные ножи, которые, благодаря своей дешевизнѣ, отъ шести до десяти копеекъ, въ большомъ ходу у бѣдныхъ жителей Назарета.

Былъ уже третій часъ въ началѣ. Мы поспѣшили домой. Еще издали увидѣли мы экипажи, стоявшіе у воротъ русской школы, которые дожидались насъ уже болѣе получаса. „Скорѣе, скорѣе,—иначе мы не пріѣдемъ до ночи въ Кайфу“, торопилъ насъ съ своимъ обычнымъ апломбомъ знаменитый Марко. Мы вошли во дворъ: кавасъ Родіонъ, Несторъ и другіе служители бѣгали по двору, таская вещи въ экипажи. Мы пошли на верхъ. Преосвященный и другіе были почти готовы. Поспѣшно выпили мы по стакану чаю, спустились внизъ, и стали собираться къ отъѣзду.

Отъ Назарета до Яффы.

Итакъ мы прощались съ Галилеею. 10 іюля, въ 3 ч. дня, въ трехъ экипажахъ, запряженныхъ хорошими лошадьми, мы выѣхали изъ Назарета въ Яффу черезъ Кайфу. До ближайшаго селенія насъ любезно провожали: два представителя митрополита Фотія, который и напослѣдокъ не оставлялъ насъ своимъ вниманіемъ, завѣдующая женской школой В. С. П—ва и инспекторъ мужского пансіона А. Г. Кезма,—послѣдній со всѣмъ своимъ семействомъ. Прощаніе было трагательное и задушевное. За недѣлю мы успѣли хорошо познакомиться и сжиться. Нельзя забыть той любезности и радушія, съ какими они приняли насъ въ Назаретѣ, съ какою услужливостью помогали оріентироваться въ Галилеѣ.

Дорога наша, недурно шоссированная, спускалась въ низину съ той возвышенности, на которой помѣстился Назаретъ. Мы миновали сады, которые вѣнцомъ окружаютъ Назаретъ, и дорога наша пошла среди холмовъ, на которые намъ приходилось то взбираться, то спускаться. При одномъ такомъ подъемѣ мы увидѣли вдали синѣющія воды Средиземнаго моря и горную массу Кармила. Направо и налѣво отъ дороги раскинуты небольшія рощицы дубковъ и масличныхъ деревьевъ. Виднѣлись хорошо обработанныя поля. Встрѣчались кой-гдѣ маленькія деревеньки и села, состоявшія изъ нѣсколькихъ мазанокъ, въ которыхъ ютились полунагіе и загорѣлые феллахи. Въ одномъ изъ такихъ селеній выстроенъ храмъ въ честь Сергія Радонежскаго. Церковь — маленькая, новенькая, чистенькая, архитектура въ чисто русскомъ стилѣ. Воздвигнута она на средства Имп. Пал. Общества.

Въ воздухѣ царило особенное оживленіе: крики и щебетанье пернатыхъ наполняли воздухъ, и это оживленіе становилось тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ ближе мы подъѣзжали къ морю. Эта жизнь въ воздухѣ пріятно отличала эту дорогу отъ унылыхъ и безжизненныхъ дорогъ Іудеи. Замѣтно даже обиліе воды, столь рѣдкое вообще въ Палестинѣ.

Невольно при этомъ встаетъ сравненіе и сопоставленіе этой части Палестины съ уже осмотрѣнной нами Іудеей. Не смотря на то, что была средина самаго неблагопріятнаго времени—сухого знойнаго лѣта, когда солнце истребляетъ

почти всякую растительность и обращаетъ южную часть Палестины въ голую пустыню, Галилея красовалась еще зеленью и сравнительно пышною растительностью. Зелень, поля кукурузы, проса, рощицы молодыхъ дубковъ пріятно ласкаютъ глазъ послѣ пустынныхъ и скалистыхъ видовъ Іудеи. Галилея— страна равнинъ, плодороднѣйшихъ полей, роскошнѣйшихъ пастбищъ, снѣжныхъ горъ и тропическаго климата. Іудея—страна развалинъ, какъ бы искусственно засѣянная камнями и скалистыми громадами, безплодная, сухая и пустынная. Вся жизнь ея—въ прошедшемъ, и настоящее значеніе ея лежитъ исключительно въ историческихъ воспоминаніяхъ. Галилея производитъ болѣе отрадное впечатлѣніе своей цвѣтущей природой, болѣе уравновѣшенной и разнообразной, свѣжестью и бодростью жизни ея обитателей, большею культуро-способностью какъ почвы, такъ и жителей. Осматривая и знакомясь съ Іудеей, вы чувствуете себя какъ бы на историческомъ кладбищѣ, гдѣ замерла жизнь и гдѣ вѣетъ затхлостью склеповъ и пылью развалинъ. Трудно, пережить впечатлѣніе безотраднѣе, чѣмъ какое оставляетъ Іудея: это—сплошная сѣрая масса камней, которые покрываютъ всю почву и даютъ вамъ понять, что вы находитесь въ царствѣ руинъ и историческихъ реликвій. Грусть стѣсняетъ ваше сердце, вы роетесь въ своихъ воспоминаніяхъ, стараясь воображеніемъ и мыслью возсоздать то, чего не даетъ дѣйствительность. Святыя мысли,—но какъ онѣ далеки отъ той жалкой наличности, которую даетъ Іудея! Живая и цвѣтущая природа Галилеи производитъ другое впечатлѣніе. Вотъ видъ Галилеи съ вершины горы Ѳаворъ. У подножія пестрымъ ковромъ растилается Изреельская долина, разбитая на участки, то зеленѣющая, то желтѣющая, отливая то изумрудною зеленью, то золотомъ поспѣвшихъ хлѣбовъ. На востокъ тянется цѣлое море холмовъ, за которыми чуть-чуть виднѣется Галилейское озеро; на сѣверѣ бѣлѣются снѣжныя вершины Большого Ермона, а вдали можно различить голубыя воды Средиземнаго моря. Картина разнообразная и очаровательная! Поѣздка въ Галилею изглаживаетъ нѣсколько то тяжкое и гнетущее впечатлѣніе, которое оставляетъ по себѣ Іудея. Поэтому знакомство съ Іудеей безъ знакомства съ Галилеею дастъ очень скудное и неполное представленіе о Палестинѣ. Нельзя,

поэтому, не выразить особенной благодарности нашему Преосвященному Владыкѣ, который въ особенности настаивалъ на поѣздкѣ въ Галилею, говоря, что безъ Галилеи мы не будемъ знать Палестины.

Скоро мы оставили группу холмовъ за собой и выѣхали на равнину, по которой змѣилась рѣченька Нахръ-эль-Мукатта, древній потокъ Киссонъ. Онъ почти высохъ, и мы преспокойно переѣхали его вбродъ. Открывшаяся передъ нами долина тянется вдоль всего теченія потока и у моря сливается съ прибрежною полосой. Она служитъ какъ бы подножіемъ Кармила, черною громадой высящагося надъ нею. Кармилъ—одна изъ святыхъ горъ, часто упоминаемыхъ въ Библіи. Кармилъ для свящ. писателей служитъ эмблемой особеннаго плодородія, изобилія и роскоши. Онъ величается у нихъ „великолѣпнымъ Кармиломъ“. Для пророковъ отсутствіе на немъ зелени и потеря красы были явнымъ признакомъ гнѣва Божія. Въ знойное время лѣта, когда всѣ окрестности вблизи и вдали одѣваются въ мертвенный желтый цвѣтъ, когда вся растительность и зелень сожигаются солнцемъ, одинъ Кармилъ гордо возвышается во всемъ богатствѣ своей никогда неувядаемой зелени. Онъ высится на 1700 футовъ надъ уровнемъ моря, и вершина его иногда покрывается снѣгомъ. Обращенный къ намъ склонъ его былъ покрытъ обильною и разнообразною растительностью. Дубъ, теревинѳъ, маслина, рожковое дерево, терновникъ и густыя заросли колючихъ кустовъ образовали сплошную, трудно проходимую чащу. Можно было видѣть пасущіяся стада, которыя бродили по зеленѣвшимъ склонамъ. Чѣмъ ближе мы подъѣзжали къ приморской полосѣ, тѣмъ болѣе встрѣчали населенія и жизни. Мы приближались къ Кайфѣ. Слышался шумъ морского прибоя. Лежавшій передъ нами городъ тонулъ въ зелени садовъ. Купы высокихъ пальмъ живописно окружали городъ, высоко поднимая свои верхушки къ небу. Кайфа—маленькій и грязный городишко, и не представляетъ собою рѣшительно ничего, ни новаго, ни интереснаго. Узенькія улицы, высокіе дома, минареты мечетей, пестрая толпа на улицѣ, шумъ и сутолока,—однимъ словомъ, всѣ отличительные признаки восточнаго городка. Лежитъ онъ на берегу большого Акрскаго залива, у самаго подножія Кармила, который стѣной спускается къ морю. Въ

немъ до 10 т. жителей, изъ которыхъ около полуторы тысячи евреевъ. Есть греческая церковь, русскій пріютъ — школа и прекрасно устроенныя католическія школы. Бухта, на южномъ берегу которой расположилась Кайфа, не смотря на свои размѣры (около 15 в. въ ширину), очень мелка, ее затягиваетъ пескомъ, и пароходы рѣдко заходятъ въ нее. Пассажиры часто доставляются на берегъ на спинахъ гребцовъ, такъ какъ и лодки не въ состояніи близко подойти къ берегу. Трудно, поэтому, предположить, чтобы этому городку особенно улыбалось будущее. Мы проѣхали узкими улицами города, гдѣ при встрѣчѣ съ другими экипажами не было бы никакой возможности разминуться, а пришлось бы пятиться назадъ, и въѣхали въ нѣмецкую колонію, которая широко раскинулась за городомъ. Вступивши въ колонію, мы словно изъ Азіи попали въ Европу. Прекрасно распланированныя улицы, широкія и мощенныя, обрамленныя по обѣимъ сторонамъ аккуратными бѣленькими домиками европейской архитектуры, съ верандами и всѣми хозяйственными пристройками, купы кипарисовъ, масса зелени, магазины, школа, нѣмецкій говоръ, — все это производитъ полнѣйшую иллюзію: можно подумать, что находишься въ центрѣ какой-нибудь Швабіи или Баваріи. Только минареты Кайфы вдали, да тропическая атмосфера нѣсколько нарушаютъ эту иллюзію. Мы остановились въ гостиницѣ „Carmel“, громадномъ трехъэтажномъ зданіи, съ очень приличными номерами и всѣми европейскими удобствами. Общая столовая, читальный залъ, заваленный нѣмецкими и французскими газетами, нѣчто въ родѣ маленькой библіотечки, наполненной книгами по Палестино-вѣдѣнію,—словомъ, въ этой гостиницѣ мы встрѣтили все, что можно найти въ хорошемъ европейскомъ отелѣ. Расположившись по номерамъ и подкрѣпивъ себя ужиномъ, скоро и чисто приготовленнымъ въ общей столовой, мы вечеркомъ отправились знакомиться ближе съ колоніей. „Carmel“ расположилась у самаго подножія Кармила, который стѣной гигантской нависъ надъ колоніей, и только узкая полоса земли отдѣляетъ его отъ моря. Эта полоса сплошь занята виноградниками, которые стелются вокругъ всей колоніи. Эти виноградники даютъ одно изъ лучшихъ палестинскихъ винъ „Carmel“. Изъ открытыхъ оконъ большого дома,

мимо котораго мы проходили, неслись стройные звуки пѣнія. Господствовали женскія голоса. Мы долго простояли, наслаждаясь мелодіей исполняемыхъ кантатъ, гармоничнымъ пѣніемъ, отъ котораго уже значительно отвыкло наше ухо на Востокѣ. Голоса смолкли, и изъ дома вышло нѣсколько дѣвушекъ, болтая между собой по нѣмецки. Мы направились къ морю. Тихій рокотъ его и ритмическій плескъ волнъ наполнялъ воздухъ. Чѣмъ мы ближе подходили къ берегу, тѣмъ ощутительнѣе становилась сырость, которою насыщенъ былъ воздухъ. Миновавъ домъ, на которомъ гордо красовалась надпись: „British vice-consulate“, освѣщенный двумя фонарями, мы вышли на набережную. Берегъ вдоль всей колоніи обложенъ прекрасною набережной. По срединѣ ея въ море вдается маленькій искуственно устроенный молъ, съ котораго спускается въ море небольшая кладка въ нѣсколько ступеней. Къ этому молу пристали и по этой лѣстницѣ сошелъ на Палестинскій берегъ Германскій Императоръ Вильгельмъ II въ свою поѣздку на Востокъ, въ 1898 году. Набережная съ моломъ была построена къ тріумфальной встрѣчѣ Германскаго монарха. Да и колонія, несомнѣнно, своей идеальной чистотой, игрушечной архитектурой и европеизмомъ всего общаго вида много обязана этому необычайному посѣщенію. Нѣмецкіе культуртрегеры хотѣли показать Императору, какъ можно и должно колонизовать Востокъ и насаждать нѣмецкую культуру. Мы стояли на этой исторической набережной и наслаждались великолѣпною ночью. Она была тихая и спокойная, только море тревожно билось о гранитныя стѣны набережной. Волна за волной набѣгали на нее, еще издали бѣлѣя своими гребнями. Разбиваясь одна о другую, онѣ разсыпались фосфорическими огнями. Вдали, по ту сторону залива, свѣтились огни Акры, блестѣвшіе чуть замѣтными точками. Колонія засыпала, и только фонари лили тихій свѣтъ на пустынныя улицы. Не хотѣлось уходить отъ берега. Какъ-то особенно хорошо мечтается подъ ритмическій прибой волнъ. Образы бѣгутъ, какъ волны; догоняя и опережая другъ друга, они сплетаются, растутъ. И когда воображеніе слишкомъ далеко уже уносится, внезапно сильно хлестнувшая о берегъ волна, разсыпаясь тысячью брызгъ, заставляетъ вздрогнуть и на мгновенье возвращаетъ къ дѣйствительности. И мысли, и образы опять текутъ, фантастиче-

ски безостановочно и легко цѣпляясь другъ за друга..... Вѣчное движеніе моря, однообразная музыка его волнъ какъ-то невольно загипнотизировываютъ и, какъ древняя сирена, приковываютъ къ себѣ. Трудно оторваться отъ этого очарованія. Превращаешься въ слухъ и въ зрѣніе, и въ тебѣ самомъ начинаетъ отдаваться та же музыка волнъ. Такъ мы простояли до полуночи и, опьяненные моремъ, насыщенные его влажностью, отправились въ гостиницу. И долго преслѣдовалъ насъ звукъ прибоя и отбоя, и даже улегшись въ постель, мы слышали тотъ же однообразный, ласкающій слухъ, переливъ волнъ. Такую ночь трудно забыть, и впечатлѣнія ея не скоро изглаживаются....

11-е Іюля. Вторникъ. На слѣдующее утро за общимъ столомъ мы познакомились съ однимъ джентльменомъ, который оказался администраторомъ еврейской колоніи, лежавшей намъ на пути. Онъ—еврей, но хорошо говорилъ по русски. Онъ удивился, что мы въ такое жаркое время путешествуемъ по Палестинѣ. Представившись Преосвященному, онъ убѣдительно просилъ его вмѣстѣ съ нами посѣтить еврейскую колонію. Когда Преосвященный изъявилъ на это свое согласіе, то любезный администраторъ послалъ впередъ въ колонію къ своему помощнику гонца съ извѣщеніемъ о пріѣздѣ туда „дорогихъ гостей“, и чтобы имъ оказанъ былъ надлежащій пріемъ. Самъ же онъ, къ великому его сожалѣнію, не могъ насъ встрѣтить, такъ какъ неотложныя дѣла требовали пребыванія его здѣсь.

Послѣ завтрака одна партія нашихъ путешественниковъ отправилась осматривать Кармелитскій монастырь, другая предпочла освѣжиться морскимъ купаньемъ.

Кармелитскій монастырь стоитъ на крайнемъ сѣверо-западномъ хребтѣ Кармила, которымъ онъ почти отвѣсно вдается въ море. Стоитъ онъ на высотѣ 500 футовъ надъ морскимъ уровнемъ и далеко виденъ съ моря. Какъ орлиное гнѣздо, прилѣпился онъ на скалахъ Кармила. Получаса хорошей ходьбы достаточно, чтобы взобраться до площадки, на которой раскинулся монастырь. Это—величественное громадное квадратное зданіе, вмѣщающее въ себя не только церковь и монастырь, но и обширную странноприимницу, внутренній садъ, службы, дворъ. Это одинъ изъ древнѣйшихъ монастырей въ Палестинѣ. Разрушенный турками въ началѣ ны-

нѣшняго столѣтія, онъ сравнительно очень недавно возобновленъ. Обитатели и насельники его—итальянскіе монахи. Монастырь устроенъ со всевозможными удобствами. Хорошо отдѣланныя кельи, съ массою свѣту и прекрасной вентиляціей, образцовая чистота всюду, библіотека, великолѣпно и богато украшенная церковь, посвященная памяти Великаго пророка Иліи — все это обращаетъ на себя вниманіе. Подъ главнымъ алтаремъ этой церкви находится величайшая святыня Кармила — пещера, въ которой, по преданію, скрывался св. Пророкъ. Спустившись въ пещеру, мы были поражены прекрасной рѣзной статуей Пророка. Тутъ же стояла статуя Богоматери, одѣтая въ современное платье, украшенная драгоцѣнною короной въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей и ожерельемъ изъ турецкихъ монетъ. Платье на статуѣ мѣняется по требованію моды. Плачущій младенецъ съ куклою на рукахъ у Богоматери, занавѣсъ то поднимавшійся, то опускавшійся, какъ на сценѣ,—все это произвело на насъ непріятное и тяжелое впечатлѣніе. Эта театральная обстановка сильно отзывалась профанаціей. Патеры съ удовольствіемъ показывали намъ всѣ монастырскія достопримѣчательности и въ заключеніе предложили намъ отвѣдать превосходнаго кармильскаго винограда. Кромѣ монастыря, на вершинѣ Кармила стоитъ еще маякъ, далеко виднѣющійся съ моря, и памятникъ въ честь французовъ, павшихъ подъ Акрой, какъ о томъ гласитъ надпись. Мы поблагодарили любезныхъ хозяевъ монастыря и стали спускаться внизъ. Весь Кармилъ источенъ массою пещеръ и гротовъ; съ нѣкоторыми изъ нихъ связываютъ память того же великаго пророка Иліи. Большинство же изъ нихъ сдѣланы руками отшельниковъ, издавна селившихся на этой святой горѣ. Теперь же эти пещеры населены шакалами, да совами. На одномъ крутомъ и высокомъ поворотѣ мы остановились, чтобы полюбоваться открывавшимся видомъ съ горы. Глазу не хочется оторваться отъ безбрежной дали, гдѣ синева моря сливается съ лазурью неба. Море блещетъ на солнцѣ и на его волнующейся поверхности играютъ, сверкая, бѣлые барашки волнъ. Ослѣпительный блескъ моря рѣжетъ глаза. Вдали, какъ крылья чайки, кой-гдѣ бѣлѣютъ паруса прибрежнаго судна. Еще дальше сверкаетъ на солнцѣ бѣлая Акра съ своими тянущимися къ небу минаретами и куполообразными

мечетями, хорошо вырисовывающимися въ ясномъ и чистомъ воздухѣ. Безбрежный просторъ, открывающійся глазамъ, захватываетъ духъ. Глазъ не охватываетъ этого безпредѣльнаго горизонта, этого вѣчно лазурнаго пространства, которое сливается въ одну безконечную даль. Взглядъ, отрываясь отъ синей дали, падаетъ на раскинувшуюся у ногъ сѣрую массу домовъ Кайфы, на окруженную садами и виноградниками колонію. Нѣсколько правѣе, по равнинѣ, извивается Киссонъ, и сквозь узкое ущелье пробиваетъ себѣ дорогу къ морю. Далѣе начинается Ездрелонская долина, усѣянная маленкими холмиками; еще дальше выростаютъ туманныя очертанія Назаретскихъ горъ. А надъ всѣмъ этимъ распростирается вѣчно голубое, ясное, улыбающееся небо, потоками льющее свѣтъ и теплоту. Чудная панорама, волшебные виды! Красота моря соединяется съ живописностью горныхъ пейзажей, морскіе виды переплелись съ долинами, холмами, горными ручьями! Съ чувствомъ сожалѣнія спустились мы съ горы. Мы искренно пожалѣли тѣхъ, которые не пошли съ нами на Кармилъ. Только такія, общія картины, какія открываются, напримѣръ, съ Θавора или съ Кармила, могутъ дать возможность составить истинное представленіе о красотѣ Святой Земли, ея чудномъ разнообразіи, своеобразной поэзіи ея природы. Общіе виды Палестины съ такихъ горъ— это вся Палестина въ перспективѣ. Съ Θавора открывается почти вся Галилея, и предъ глазами, какъ въ калейдоскопѣ, проходятъ всѣ ея мѣстности, горы, города и рѣки. Съ Елеонской горы можно обозрѣть всю Іудею.

Когда мы спустились съ горы, все уже было готово къ отъѣзду. Мы распростились съ гостиницею „Carmel“, такъ любезно, хотя и далеко не безкорыстно, пріютившею насъ, и тронулись въ путь. Дорога наша лежала по новому Вильгельмовскому шоссе, проложенному турецкимъ правительствомъ къ пріѣзду Германскаго монарха. Раньше такого шоссе не существовало. За время путешествія намъ неоднократно приходилось поминать добрымъ словомъ высокаго паломника, Императора Германскаго, для котораго по Палестинѣ, гдѣ раньше могла ступать только осторожная нога ослика, теперь проложены дороги, отличающіяся невиданными въ Палестинѣ удобствами—ровностью, шириной и вообще приспособленностью къ экипажной ѣздѣ. Новое шоссе про-

легаетъ чрезъ всю обширную Саронскую долину, въ которую мы сейчасъ же и въѣхали, оставивъ позади себя Кайфу и нѣмецкую колонію.

Саронская долина—величайшая равнина Палестины. Она разстилается отъ Кармильскаго хребта до Яффы и Лидды, и отъ морского берега до горъ Самаріи и Іудеи. Эта широкая полоса составляетъ плодороднѣйшую и роскошнѣйшую часть гористой Палестины. Это—житница ея. Въ древности здѣсь были богатѣйшія пастбища, гдѣ паслись громадныя царскія стада. Теперь долина имѣетъ нѣсколько другой видъ. Почти все пространство занято подъ пахатную землю. Мы не имѣли возможности насладиться чуднымъ видомъ, какой представляетъ собою равнина весною, когда все неизмѣримое пространство покрывается изумрудною зеленью хлѣбовъ. Теперь же, въ срединѣ лѣта, почти все было или снято съ корня, или выжжено, все окрасилось въ желтый цвѣтъ, и только кой-гдѣ виднѣлись зеленые оазисы. Раскиданные то тамъ, то сямъ холмы разнообразятъ поверхность, придавая ей волнистый видъ. Очень рѣдко можно встрѣтить убогую деревушку, пріютившуюся по склонамъ холма. Иногда небольшіе ручьи прорѣзываютъ равнину и теряются въ прибрежныхъ пескахъ, часто не достигая моря. То черная, то красноватая воздѣланная почва, желтыя, а кой-гдѣ еще и зеленыя поля, коричневыя возвышенности равнины, песчаная полоса морского берега, синее море на западѣ, голубыя горы на востокѣ—вотъ чудные ландшафты Саронской долины!

Наша дорога шла вдоль самаго морского берега. Безпокойныя волны его постоянно набѣгали на отлогій песчаный берегъ. По мѣстамъ виднѣлись выкинутые моремъ обломки—жалкіе остатки послѣ крушеній. Недаромъ Палестинскій берегъ отъ Триполи до Яффы пользуется дурною извѣстностью у моряковъ. Бурливое и въ обыкновенное время, море становится особенно опаснымъ при сильномъ западномъ вѣтрѣ. Судна съ страшною силою гонятся къ берегу и часто погибаютъ, натыкаясь на подводныя скалы и рифы, которыми такъ изобилуетъ этотъ берегъ. Такъ, сравнительно недавно пароходъ Русскаго общества пароходства и торговли „Чихачевъ“ затонулъ всего въ нѣсколькихъ десяткахъ саженей отъ Яффскаго берега, и трубы его и теперь еще печально выглядываютъ изъ воды.

Весь Палестинскій берегъ покрытъ руинами прежде цвѣтущихъ городовъ. На протяженіи всего берега отъ Бейрута до Яффы лежатъ эти историческія развалины. Берегъ этотъ, жившій когда-то полною жизнью, ведшій міровую торговлю, породившій всесвѣтныхъ мореходцевъ древняго міра-финикіянъ,—теперь затихъ. Нѣкогда великолѣпныя гавани древней Іоппіи, Кесаріи, Тира и Сидона, занесены теперь пескомъ и иломъ, и на всемъ побережьи только одна Бейрутская гавань считается удобной и безопасной. Трудно сказать, чѣмъ объясняется пустынность этого берега теперь. Кажется, все благопріятствовало бы его процвѣтанію: и громаднѣйшая плодородная равнина Палестины, прилегающая къ нему, и отсутствіе крупныхъ скалистыхъ береговъ, которые мѣшали бы высадкѣ. Напротивъ, весь берегъ отличается ровностью, на всемъ протяженіи представляетъ онъ однообразную песчаную полосу. И между тѣмъ онъ безлюденъ и пустыненъ, и только развалины, встрѣчающіяся по мѣстамъ, раскиданныя по песчаной полосѣ или торчащія изъ воды, нѣсколько нарушаютъ мертвое однообразіе этого побережья. Мы ѣхали точно по какому-нибудь некрополю: всюду виднѣлись пещеры и гробницы.

Не смотря на все это, дорога не была утомительной.

Близость моря и его влажное дыханіе значительно умѣряли раскаленную температуру воздуха. Та же близость моря давала намъ возможность пользоваться чуднымъ купаньемъ, съ прелестью котораго ничто не сравнится. Черезъ два часа ѣзды мы остановились у развалинъ Атлита или Замка пилигримовъ. Это, по преданію, одно изъ мѣстъ высадки европейскихъ крестоносцевъ. Атлитъ былъ, по видимому, укрѣпленнымъ замкомъ, помѣстившимся на выдающемся мѣстѣ. Теперь—это жалкіе остатки, источенные водой и вѣтромъ. Сохранившіяся стѣны указываютъ на остатки церкви. Оставивъ лошадей неподалеку отдыхать, мы побѣжали освѣжить себя морскимъ купаньемъ. Мѣсто было очень удобное, песчаное и ровное. Было время прибоя, и волны высокими валами набѣгали на берегъ. Приходилось очень искусно лавировать между волнъ, чтобы не быть покрытымъ налетавшей волной и не наглотаться морской воды. Насъ до того заняла эта борьба съ волнами, что мы прокупались болѣе, чѣмъ предполагали. Не хотѣлось разставаться

съ этой живой стихіей, такъ ласково съ нами заигрывавшей. Волной на берегъ повыбрасывало много крабовъ, и мы подробно ознакомились съ этимъ морскимъ обитателемъ. При одѣваньи создалось досадное неудобство,—нельзя было одѣться, чтобы не набрать въ бѣлье и ботинки песку. Морское купанье значительно освѣжило наши силы, и мы съ бодрымъ духомъ продолжали путешествіе.

По всей дорогѣ намъ дальше встрѣчались остатки развалинъ, по землѣ были разсѣяны разбитыя колонны, куски гранита, мрамора,—единственные остатки прежнихъ архитектурныхъ сооруженій. Все свидѣтельствовало о насильственномъ запустѣніи и прекращеніи жизни. Взрытая мѣстность, изборожденная насыпями, рвами и пещерами, говорила, что это когда-то были мѣста древнихъ копей.

Какъ мы послѣ узнали, по этой береговой полосѣ, отъ Кайфа и до Яффы, разбросаны владѣнія барона Ротшильда, пріобрѣтенныя имъ для еврейской колонизаціи. Не лишне будетъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ интересномъ явленіи въ жизни Палестины и евреевъ.

Движеніе евреевъ въ Палестину — не простая эмиграція на экономической почвѣ. Мотивы лежатъ глубже и серьезнѣе. Съ начала восьмидесятыхъ годовъ, среди русскихъ и румынскихъ евреевъ по преимуществу, съ особенною силою возникло тяготѣніе къ исторической родинѣ, къ Палестинѣ. Вліяли отчасти несчастныя внѣшнія обстоятельства, русскіе погромы, разоренія. Началось массовое бѣгство и переселеніе евреевъ въ Палестину, по началу безъ всякой опредѣленной организаціи. Представители еврейства на палестинское движеніе взглянули глубже и серьезнѣе, и поспѣшили дать ему теоретическое обоснованіе, связавъ его съ національно-культурными задачами еврейства. Явилась теорія, что евреямъ, чтобы стать отдѣльною націей, необходимо занять опредѣленную территорію, гдѣ они могли бы развивать самобытную культурную жизнь. Такой территоріей можетъ быть только Палестина, ихъ историческая родина. Какъ выводъ, изъ этой политической теоріи построена была реальная задача — колонизаціи Палестины путемъ постепеннаго переселенія туда и образованія въ ней еврейскаго центра. На первыхъ порахъ это дѣло было въ рукахъ частной иниціативы, и потому попытки колонизаціи были не

систематичны и плохо организованы. Съ начала девяностыхъ годовъ дѣло вступаетъ въ другую фазу развитія. Палестинская идея съ особенною силою была поднята т. наз. „Сіонистскимъ“ движеніемъ. Послѣднее своей прямой задачей поставило культурное возрожденіе Палестины, которое должно быть достигнуто планомѣрной колонизаціей въ большихъ размѣрахъ. До сихъ поръ Палестина для еврейства была дорога, какъ священная реликвія, какъ историческое кладбище,—сіонистское движеніе возбудило къ ней интересъ, какъ къ странѣ будущаго, какъ къ новому національному центру, возрожденіе котораго должно стать задачей всего еврейства. Подъ вліяніемъ этого національнаго воодушевленія устраивались общества, читались рефераты и рѣчи, составлялись планы переселенія въ Палестину. Первые результаты колонизаціи нѣсколько охладили горячее возбужденіе среди евреевъ. Отсутствіе знанія природы страны и условій жизни, полнѣйшая практическая неподготовленность первыхъ переселенцевъ, ихъ скудныя матеріальныя средства,—все это скоро привело ихъ къ бѣдственному положенію. И колонизаторская горячка навѣрно скоро прошла бы, если бы на помощь переселенческому дѣлу не пришелъ баронъ Ротшильдъ съ своими милліонами. Онъ принялъ горячее участіе въ переселенцахъ и взялъ колонизаціонное дѣло подъ свое покровительство. Въ настоящее время въ Палестинѣ дѣйствуютъ нѣсколько обществъ, правильно организованныхъ, обладающихъ большими средствами и создавшихъ уже цѣлую сѣть колоній.. Послѣднихъ насчитывается теперь до 20. Разбросаны онѣ главнымъ образомъ по Галилеѣ и Самаріи, занявъ лучшія мѣста по Саронской долинѣ. Переселенческія организаціи, которыхъ насчитывается до трехъ, дѣйствуютъ вполнѣ самостоятельно и независимо другъ отъ друга. Самое крупное дѣло находится въ рукахъ Ротшильдовской администраціи, опекающей до 10 колоній. Ротшильдъ вложилъ въ нихъ уже десятки милліоновъ рублей. Эта система опеки, имѣя хорошія стороны, имѣла и дурныя, какъ показали результаты. Помощь барона не ограничивалась денежнымъ вспомоществованіемъ, а шла дальше. Онъ присылалъ ученыхъ садовниковъ, виноградарей, агрономовъ, пріобрѣталъ для колоній инвентарь,—словомъ, давалъ имъ въ руки все, что было необходимо,

и даже больше. Но эта система опеки, основанная на принципахъ благотворительности, дала и печальные результаты. Матеріально обезпечивая колонистовъ, эта опека подрывала энергію ихъ, парализовала личную волю и иниціативу. Колоніи были обращены въ искусственно насаженныя поселенія, гдѣ господствовала строгая дисциплина и режимъ, введенные Ротшильдовской администраціей. Послѣдняя во всемъ стѣсняла свободу колониста, и онъ долженъ былъ ей безпрекословно повиноваться подъ опасеніемъ лишиться вспомоществованія. Все, что производила колонія, поступало въ вѣдѣніе администраціи, колонистъ за это получалъ пособіе. Такое положеніе, неувѣренность въ собственности и трудѣ, пагубнымъ образомъ дѣйствовали на колонистовъ, пріучая ихъ всю жизнь ходить на помочахъ Ротшильдовской администраціи. Система Ротшильдовскаго управленія поэтому мало способствуетъ самостоятельному экономическому преуспѣянію колоній.

Интересно отношеніе турецкаго правительства къ еврейской колонизаціи. На первыхъ порахъ оно относилось благосклонно и даже иногда даромъ уступало землю для поселенія. Но въ послѣднее время правительство взглянуло менѣе благопріятно и даже предприняло рядъ репрессивныхъ мѣръ, имѣвшихъ цѣль—положить предѣлъ еврейской колонизаціи и увеличенію поселеній въ Палестинѣ. Въ 1892 году оно запретило высадку русскимъ и румынскимъ евреямъ въ портахъ Святой Земли и предписало не продавать имъ никакой недвижимости. Заіорданье для нихъ было совершенно закрыто. Право передвиженія по Палестинѣ было строго ограничено и соединено со всевозможными стѣснительными мѣрами. Покупка новыхъ земель запрещена была не только единичнымъ евреямъ, но и обществамъ, и всемогущему Ротшильду.

Таковы основныя черты положенія колонизаціоннаго дѣла въ Палестинѣ.

Нашъ путь лежалъ черезъ одну изъ такихъ колоній, Зихронъ-Яковъ (Самаринъ), и мы имѣли возможность ближе ознакомиться съ дѣломъ еврейской колонизаціи и ея дѣйствительнымъ положеніемъ.

Колонія Зихронъ-Яковъ основана румынскими евреями. Почва, выбранная переселенцами, известковая и глинистая,

усѣянная камнями, и потому малоплодородная. Хлѣбопашество было немыслимо, и колонисты перешли къ плантаціонному хозяйству. Но скоро средства были истощены, результаты же были ничтожны. Тутъ-то во время пришелъ на помощь Ротшильдъ съ своими капиталами и снабдилъ ихъ всѣмъ необходимымъ. Каждый поселенецъ этой колоніи до послѣдняго времени обошелся ему отъ 30—40 тысячъ руб. По общему признанію, теперь Зихронъ-Яковъ самая большая (жителей свыше 2500 ч.) и самая красивая колонія во всей Палестинѣ. Это даже скорѣе городъ, чѣмъ простая колонія. Она расположилась высоко надъ берегомъ моря, на крутыхъ отрогахъ Кармила, среди богатой и роскошной зелени. Къ ней ведетъ превосходное шоссе, въѣхавъ на которое, мы сразу увидѣли перемѣну въ окружающей природѣ. Дикія запущенныя заросли смѣняются образцовыми садами и прекрасно обработанными виноградниками. Рука человѣка произвела здѣсь чудную метаморфозу съ почвой и природой: она вызвала къ жизни ея дремлющія силы, и дикая, пустынная мѣстность обратилась въ цвѣтущій садъ. Всюду видна культура человѣка. Колонія раскинулась нѣсколькими, правильно разбитыми улицами. На сосѣднихъ холмахъ виднѣется нѣсколько маленькихъ предмѣстій Зихрона. При въѣздѣ, Зихронъ сразу производитъ впечатлѣніе шумнаго центра, гдѣ жизнь и дѣятельность бьютъ ключемъ. Мы остановились въ гостиницѣ, или вѣрнѣе — постояломъ дворѣ, чистота и удобства котораго оставляли желать очень многаго, и мы, скрѣпя сердце, расположились въ немъ. Замѣчательно, какъ евреи всегда остаются евреями, гдѣ бы они не были и при какихъ условіяхъ не жили бы. Та же любовь къ нечистотѣ и нечистоплотности, отвращеніе ко всякимъ гигіеническимъ и санитарнымъ требованіямъ отличаютъ всякаго еврея, подъ какими градусами широты или долготы земного шара онъ не жилъ бы. Завѣдующій колоніей, человѣкъ, окончившій русскую гимназію и докторъ философіи заграничнаго университета, съ своимъ коллегой докторомъ-французомъ сейчасъ же по нашемъ прибытіи явился къ намъ и любезно предложилъ показать колонію. Мы отправились. Жизнь въ колоніи течетъ на городской манеръ. Каменные большіе дома европейской постройки, зданія синагоги, гостинницъ, почты и администраціи, украшаютъ глав-

ныя улицы. Огромное депо торговаго склада, гдѣ можно найти все, что необходимо для благоустроеннаго города, замѣняетъ магазины. Въ Зихронѣ сосредоточивается управленіе всѣми колоніями, опекаемыми Ротшильдомъ. По словамъ нашего проводника, нигдѣ такъ несовершенство Ротшильдовской системы не выдѣляется, какъ въ Зихронѣ. Въ экономическомъ отношеніи колонисты далеко еще не обезпечены и до послѣдняго времени получаютъ вспомоществованіе отъ Ротшильда.

Колонія владѣетъ большою земельною собственностью, большая половина которой отведена подъ виноградники. Винодѣліе составляетъ главное производство колоніи и главный вывозной продуктъ. О количествѣ производства можно судить по тому, что за прошлый годъ вывезено было до 400 тысячъ ведеръ вина, разныхъ качествъ и сортовъ. Занимаются колонисты также шелководствомъ, пчеловодствомъ и разными ремеслами. Хозяйство колоніи обставлено очень хорошо. Работаютъ паровая мельница и винной погребъ,—одна изъ главныхъ достопримѣчательностей колоніи. Это чудо винодѣльческой техники, и мы опишемъ его подробнѣе.

Нигдѣ винодѣліе не нуждается въ столь дорого стоющихъ сооруженіяхъ и машинахъ, какъ въ Палестинѣ, жаркій климатъ которой создаетъ массу препятствій, мѣшающихъ правильному переходу винограднаго сусла въ вино. Броженіе здѣсь наступаетъ быстро, тотчасъ послѣ выжимки, а потому сокъ необходимо сильно охладить для предупрежденія несвоевременнаго броженія. Процессъ охлажденія и осложняетъ дѣло. Зданіе погреба находится на концѣ колоніи. Высокая фабричная труба указываетъ дорогу къ нему. Онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ большихъ каменныхъ корпусовъ и башенъ. Процессъ производства очень интересенъ. Повозка съ виноградомъ сортируется, взвѣшивается, и затѣмъ виноградъ перекладывается въ вагончики, которые по рельсамъ подкатываются къ жерлу выжимальной машины. Попадая туда, виноградная кисть выжимается, сокъ по большимъ гуттаперчевымъ трубамъ нажимается насосомъ въ чаны, а древесина и шелуха особыми автоматическими лопатками выбрасываются и идутъ на приготовленіе коньяка. Сокъ, попадая въ чанъ, недолгое время отстаивается и за-

тѣмъ прогоняется черезъ мѣдныя трубы, проложенныя внутри трубъ бо́льшаго діаметра. Между тѣми и другими проходитъ вода, возведенная до температуры—15°. Вино, охладившись, попадаетъ во вторые чаны, снова охлаждается и затѣмъ уже, нѣсколько отстоявшись, переходитъ по трубамъ, внизъ, въ погребъ, гдѣ подвергается детальной обработкѣ, смотря по сорту винограда. Подвалъ—это цѣлый подземный городокъ. По многочисленнымъ сводчатымъ коридорамъ всюду разставлены бочки съ виномъ. Температура поддерживается очень низкая. Здѣсь же вино разливается по бутылкамъ и экспортируется за предѣлы колоніи.

Въ центрѣ колоніи разсаженъ великолѣпный эвкалиптовый садъ, служащій мѣстомъ для общественныхъ гуляній. Почти противъ него, тоже въ зелени, помѣстилась общественная больница, которую французъ-докторъ охотно и предупредительно предложилъ осмотрѣть. Благоустройство и чистота мало оставляютъ желать лучшаго. Нѣкоторые изъ больныхъ привѣтствовали насъ по русски. Это—русскіе евреи. Общественная безопасность находится въ рукахъ колоніальной полиціи. Для образованія существуютъ двѣ школы съ десяткомъ учителей. Вообще внѣшнее благоустройство колоніи производитъ пріятное впечатлѣніе.

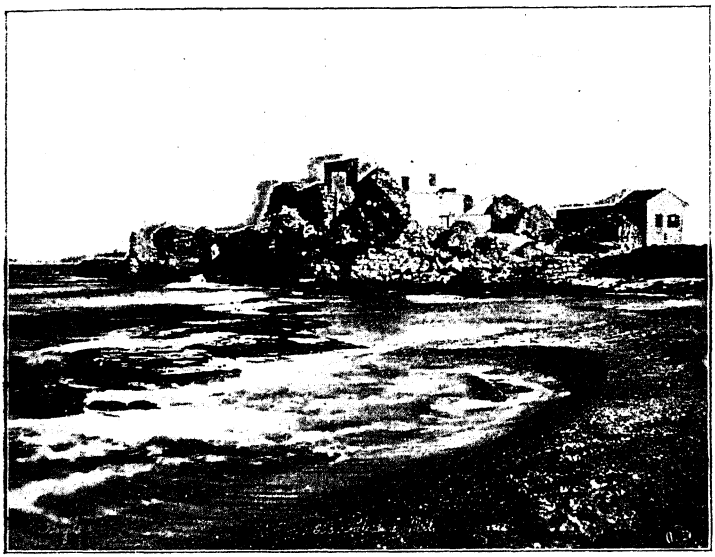
Нашъ вечерній столъ раздѣлили съ нами любезный хозяинъ колоніи—русскій еврей и французъ-докторъ. Первый предложилъ намъ отвѣдать мѣстнаго вина и велѣлъ подать нѣсколько сортовъ его, имѣя, несомнѣнно, кромѣ гостепріимства и нѣкоторую рекламную цѣль, не забывъ попутно сообщить цѣны и европейскаго (русскаго) коммиссіонера (въ Варшавѣ). Бесѣда была очень оживленная. Присутствіе французскаго гражданина дало поводъ обмѣняться международными любезностями и выразить взаимныя симпатіи. Въ качествѣ дессерта поданы были чудные персики необыкновенной величины и разныхъ сортовъ виноградъ, тоже необычной величины. Любезность хозяина простерлась до того, что онъ даже на дорогу снабдилъ насъ нѣсколькими бутылками вина.

12-е Іюля. Среда. На слѣдующій день, еще до зари, наскоро перехвативъ чаю, мы выступили въ путь изъ Зихрона. Дорога лежала среди необозримыхъ виноградниковъ, среди моря симметрично разсаженныхъ лозъ. На встрѣчу намъ то и дѣло

попадались караваны верблюдовъ, возвращавшихся откуда-то съ пустыми боченками на спинахъ. Мы медленно спускались съ холмовъ, на которыхъ расположена колонія. Нужно только удивляться, какъ колонисты сумѣли культивировать эту гористую почву, изъ мѣловыхъ и известковыхъ породъ. По объясненію хозяина колоніи, дѣло все — не въ почвѣ, а въ орошеніи. Палестинское солнце производитъ чудеса съ почвой, подвергшейся правильному орошенію, и она становится способной ко всякому произрастанію. И наоборотъ, безъ орошенія почва обращается въ пустыню. Естественное орошеніе здѣсь ничтожно, рѣкъ почти нѣтъ; только близость моря нѣсколько охлаждаетъ и увлажняетъ атмосферу. Поэтому для правильной и цѣлесообразной культуры почвы необходимо прибѣгать къ искусственной системѣ орошенія.

Когда мы съѣхали съ холмовъ, солнце уже высилось на небѣ во всемъ своемъ ослѣпительномъ блескѣ, и лучи его стали насъ припекать. Дорога наша еще недалеко ушла отъ моря, и его пріятная синева ласкала глазъ среди начинавшихся песковъ. Мы опять въѣхали въ царство руинъ. Всюду лежали остатки историческаго прошлаго. На самомъ берегу моря возвышаются развалины Кесаріи. Руины этого когда-то великаго города съ каждымъ годомъ все осѣдаютъ и осѣдаютъ, такъ что скоро изъ-за холмовъ наноснаго песку онѣ будутъ не видны. Этотъ городъ великой христіанской древности, видѣвшій въ своихъ стѣнахъ великаго апостола Павла, томившагося здѣсь два года въ заключеніи, ап. Филиппа, построенъ былъ Иродомъ Великимъ, и въ честь римскаго Августа названъ Кесаріей. Онъ обстроилъ его великолѣпными зданіями и сооруженіями, воздвигнуты были громадный коллизей, гипподромъ, отъ котораго остался одинъ столбъ теперь, дворцы, портъ, водопроводы. Позднѣе Кесарія была мѣстопребываніемъ христіанскаго епископа. Здѣсь жили и учили великій Оригенъ и Евсевій, здѣсь основана была богословская школа. Во время крестовыхъ походовъ воздвигнута была новая Кесарія, но и она подверглась участи первой. Развалины средневѣковаго замка виднѣются и теперь надъ старинной дамбой, а отъ древне-римскаго города теперь ничего не осталось. Остатки мраморныхъ колоннъ, груды гранита и циклопическихъ камней, — вотъ

все, что свидѣтельствуетъ теперь о бывшихъ дворцахъ, языческихъ храмахъ, христіанскихъ церквахъ, мечетяхъ и об-



Развалины Кесаріи.

щественныхъ зданіяхъ. Нѣкогда пышная и великолѣпная Кесарія покрыта теперь репейникомъ и дикими зарослями и служитъ мѣстомъ для отдыха пастуховъ и ихъ стадъ.

Гдѣ же причина такого запустѣнія? Почему Кесарія не могла возстать послѣ насильственнаго разрушенія? Жизнь и цвѣтущее состояніе города всегда зависѣли отъ прекраснаго порта и великолѣпно устроенныхъ водопроводовъ. Войны и осады разрушили искусственный молъ и тѣмъ уничтожили портъ; водопроводы были прерваны и испорчены, и городъ былъ лишенъ воды. Ни энергіи, ни средствъ не хватило все это возобновить, и жизнь стала замирать въ этомъ городѣ. Теперь эти жалкіе остатки постепенно заносятся пескомъ, и скоро отъ нихъ не останется и слѣда. Грустное впечатлѣніе оставляютъ такія развалины былого величія и жизни. Das Alte stürzt, es ändert sich die Zeit; но мы не можемъ вмѣстѣ съ поэтомъ утѣшать себя мыслію, что Neues Leben blüht aus den Ruinen: едва-ли на этомъ мѣстѣ запустѣнія „зацвѣтетъ новая жизнь“.

Часамъ къ 10 утра мы сдѣлали передышку и остановились у гробницы Симона Маккавея, какъ гласитъ преданіе. Эта погребальная пещера, уже полуразрушенная временемъ, находится подъ охраной одного арабскаго семейства, которое тотчасъ же насъ обступило, какъ только мы расположились подъ тѣнью развѣсистаго дерева, склонившаго свои вѣтви надъ исторической могилой. Эти большія дѣти, одѣтыя въ самый примитивный костюмъ, съ несказаннымъ удивленіемъ смотрѣли на пришельцевъ, присѣвъ на корточки тутъ же подлѣ насъ. Не сводя глазъ, смотрѣли они въ наши рты, когда мы завтракали, и съ дѣтскою радостью подбирали коробочки отъ консервовъ и остатки завтрака, мирно дѣля между собою доставшуюся добычу.

Нѣсколько отдохнувъ, мы опять пустились въ путь. До Яффы оставалось сдѣлать одинъ переходъ, и мы уже тѣшили себя надеждою на предстоящій отдыхъ и удобства загородной дачи Русской духовной миссіи. Мы проѣхали какую-то деревушку, миновали остатки какого то замка и дорога пошла сыпучими песками, которые сильно тормозили ѣзду. Гряды мѣловыхъ холмовъ, раскинутыхъ то тамъ, то сямъ въ отдаленіи, заслоняли виды. Тутъ приключился съ нами непріятный случай: пала одна изъ лошадей. Молодая и сильная, она была запалена, и мы видѣли агонію этого животнаго. Сначала она перестала везти и только плелась вслѣдъ за другими, потомъ стала отставать и, наконецъ, совсѣмъ упала. Всѣ усилія поднять ее были напрасны. Жалко было смотрѣть на возницу, который ѣхалъ съ этою лошадью. Его лицо окаменѣло, онъ молча смотрѣлъ на послѣднія вздрагиванія лошади, и ни одного слова отчаянія, или брани не вырвалось у него. Онъ словно не слышалъ словъ утѣшенія. Когда мы подъѣхали къ одной довольно широкой рѣченкѣ и на нѣсколько минутъ остановились, онъ сошелъ съ козелъ, сѣлъ подъ дерево и заплакалъ. Мы чувствовали себя какъ бы виновными въ этой безмолвной печали, и было больно видѣть это неподдѣльное горе.

До Яффы оставалось недалеко. Видъ мѣстности сталъ замѣтно мѣняться. Передъ нами стало открываться море зелени и садовъ, которые какъ кольцомъ окружаютъ Яффу. Гигантскія живыя изгороди изъ кактуса отдѣляютъ одинъ садъ отъ другого. Всюду слышенъ скрипъ колесъ и шумъ

машинъ, накачивающихъ воду и орошающихъ сады. Бассейны и искусственные водоемы въ полномъ ходу. Плоды въ садахъ только наливаются, и въ воздухѣ стоитъ особенный ароматъ отъ апельсиновыхъ, банановыхъ, миндальныхъ, абрикосовыхъ деревьевъ. Высокія пальмы, какъ сторожа, тянутъ къ верху свои головы. Чудный видъ и воздухъ заставляютъ насъ позабыть утомленіе.

Въ 5 часовъ вечера мы были уже у цѣли, и слѣзали съ экипажей у воротъ загородной дачи Русской духовной миссіи. Мы провели чудныхъ четыре дня въ этомъ земномъ раю. Окружающая обстановка удесятеряла удовольствіе отдыха послѣ совершеннаго путешествія. Удобныя помѣщенія дачи, роскошный апельсиновый садъ съ купами пальмъ, громадный бассейнъ, въ которомъ мы раза по три въ день купались, истинно-русское радушіе и гостепріимство хозяина дачи о. Архимандрита, вниманіе и любезность котораго просто смущала насъ, общія бесѣды подъ открытымъ небомъ, въ которыхъ мы снова переживали видѣнное и слышанное,— все это было какъ бы волшебнымъ сномъ. Теперь съ трудомъ вѣрится въ дѣйствительность этого сна. Кажется, что природа и обстановка, цвѣта и краски жизни въ этой загородной дачѣ взяты изъ описаній „Тысячи и одной ночи“. Мы жили среди апельсиновъ и лимоновъ, олеандровъ и пальмъ, подъ сѣнью смоковницъ и рожковыхъ деревьевъ. О. Архимандритъ дѣлалъ все, чтобы мы не забыли этого пребыванія у него на дачѣ. И онъ не ошибся, — пребываніе это будетъ однимъ изъ лучшихъ и свѣтлыхъ воспоминаній нашей поѣздки.

Нѣкоторые изъ нашихъ путешественниковъ еще разъ съѣздили въ Іерусалимъ поклониться Св. Гробу и святынямъ.

Отъѣздъ изъ Яффы въ Россію былъ рѣшенъ на 16-е іюля. Въ этотъ воскресный день о. архимандритъ отслужилъ торжественную всенощную и литургію. Мы всѣ съ Владыкою во главѣ принимали участіе въ чтеніи и пѣніи на клиросѣ. Послѣ Литургіи была прощальная трапеза, къ которой пріѣхали: Яффскій вице-консулъ г. Стребулаевъ съ супругой и изъ Іерусалима Н. Г. Михайловъ. Послѣдняя бесѣда была очень задушевна. Прощаніе было еще сердечнѣе. Съ Н. Г. Михайловымъ мы хорошо познакомились и

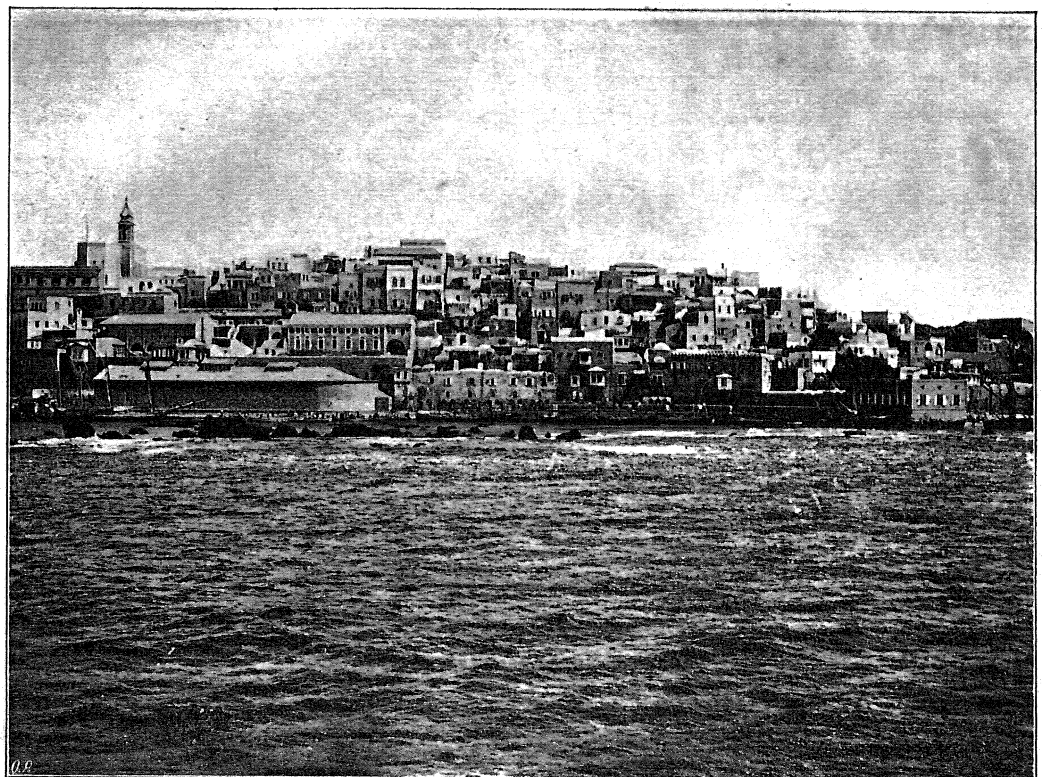
узнали его за время пребыванія въ Іерусалимѣ. Мягкая обходительность этого человѣка, постоянная готовность оказать услугу и рѣдкое джентльменство его снискали ему полное уваженіе съ нашей стороны. Съ о. Архимандритомъ мы близко сошлись на первыхъ порахъ нашего пріѣзда въ Св. Землю. Онъ вмѣстѣ съ нами исколесилъ Іудею, Самарію и Галилею. Мы имѣли возможность вполнѣ оцѣнить о. Александра, добраго, мягкаго, благорасположеннаго ко всѣмъ, чуткаго и внимательнаго къ нашимъ нуждамъ, сердечнаго и отзывчиваго. Мы ему многимъ и многимъ обязаны, и только скромность его не позволяетъ намъ высказать все.

Послѣ обѣда мы всѣ отправились на пристань, гдѣ ждалъ уже насъ старый знакомецъ—пароходъ „Нахимовъ“, на которомъ мы уже совершили переходъ отъ Константинополя до Аѳона. На пароходѣ еще разъ мы простились со всѣми и кидали послѣдніе прощальные взгляды на Святую Землю, гдѣ пережили столько хорошихъ дней и вынесли столько сильныхъ впечатлѣній на всю жизнь.

Отъ Яффы до Одессы.

16-е—27-е Іюля. Прощай „страна священныхъ воспоминаній“, съ чувствомъ грусти думалъ каждый изъ насъ, отплывая отъ Яффы—„воротъ палестинскихъ.“ Придется-ли еще разъ въ жизни видѣть тебя? Эта мысль одинаково занимала вниманіе всей нашей компаніи. Палестина—вторая, духовная родина для христіанъ. Святый градъ Іерусалимъ, Виѳлеемъ, Назаретъ, Іорданъ,—все это близкое, живое, родное для сердца, съ дѣтства воспитаннаго въ духѣ вѣры и Церкви. Всѣ высокія святыя представленія и чувства связаны съ этими именами.... Долго стояли мы на палубѣ, не отрывая глазъ отъ постепенно удалявшейся отъ насъ Яффы и Палестинскаго побережья. Яффа скрывалась отъ насъ, точно погружаясь въ воду. Солнце зашло; наступила быстро темень. Не видя ничего вокругъ себя, мы до поздней ночи дѣлились другъ съ другомъ впечатлѣніями, воспоминаніями изъ недавно пережитаго и перечувствованнаго въ Св. Землѣ. Палубныхъ и классныхъ пассажировъ было неособенно много. Въ числѣ послѣднихъ, между прочимъ, находились: секретарь Іерусалимскаго генеральнаго консульства А. А. Базилевскій, инспекторъ Назаретскихъ школъ П. П. Николаевскій, начальница Бет-Джаль-

Къ стр. 494.



Я ф ф а.

скаго пансіона Е. М. Тараканова, начальница Назаретской женской школы Ек. Н. Коковина, учительница Назаретской школы А. Ѳ. Юдина и учительница Триполійской школы М. Ѳ-на. Всѣ эти піонеры русскаго дѣла въ Сиріи и Палестинѣ ѣхали на каникулы въ Россію. Съ ними ѣхала учительница Бет-Джальскаго пансіона М-lle Маріамъ, уроженка Виѳлеема. Ѣхала она въ первый разъ въ Россію, которая ее воспитала и которой она теперь служитъ. Въ обществѣ этой просвѣщенной компаніи мы прекрасно провели время нашего плаванія до самаго Константинополя. Изъ бесѣдъ съ самоотверженными тружениками — педагогами мы вынесли для себя много поучительнаго и назидательнаго, и прониклись глубокимъ уваженіемъ къ этимъ дѣятелямъ просвѣщенія на далекой чужбинѣ, при такихъ тяжкихъ условіяхъ и обстоятельствахъ, о которыхъ и трудно составить себѣ приблизительно представленіе. Въ этомъ мы и сами отчасти убѣдились, особенно въ Назаретѣ.

Въ полночь отправились мы на товарищескую „вечерю“, устроенную на кормѣ парохода, подъ знакомымъ уже намъ желѣзнымъ рулемъ, нашими распорядительными товарищами, съ хозяйственными талантами. Сюда же пришли Преосвященный съ Н. Ѳ. Каптеревымъ и раздѣлили съ нами скромную, но радушную трапезу. Въ непринужденной бесѣдѣ прошло болѣе часу времени. Какъ чувствовалось хорошо! Вверху—чистое небо, усѣянное міріадами ярко блестящихъ звѣздъ, во тьмѣ южной ночи; кругомъ—безбрежное водное пространство, разсѣкаемое теперь могучею, хотя и старческою, грудью нашего ветерана — парохода „Нахимовъ“. Влажный морской воздухъ бодряще дѣйствуетъ на насъ. Чувствуется всѣмъ хорошо; не хочется и спать, хотя уже за полночь. Вотъ вдали показались огоньки. Говорятъ,—это Бейрутъ, мимо котораго мы теперь проплываемъ, такъ какъ онъ объявленъ по чумѣ неблагополучнымъ. А жаль,—мы обѣщали нашимъ Бейрутскимъ знакомымъ навѣстить ихъ на обратномъ пути, о чемъ они усердно просили. Послѣ этого, получивъ благословеніе Преосвященнаго, мы тутъ же и расположились ночевать.

17-е Іюля. Въ полдень прибыли къ городу Триполи. Страшная духота и жара чувствовалась на пароходѣ. Ко времени прибытія парохода, ставшаго на значительномъ разстояніи

отъ берега, прибыли сюда знакомые уже намъ молодые люди, Хашабы, привѣтствовавшіе Преосвященнаго отъ имени Митрополита, пригласивъ его и всѣхъ насъ къ себѣ на обѣдъ, на которомъ будетъ и Митрополитъ. Съ удовольствіемъ мы воспользовались такимъ радушіемъ, тѣмъ болѣе, что пароходъ будетъ стоять здѣсь до слѣдующаго полудня. О. Абдула и добрѣйшая матушка встрѣтили насъ какъ старыхъ знакомыхъ. Тутъ уже былъ и Преосвященный Митрополитъ Григорій, благословившій насъ и высказавшій радость, что онъ, хотя и не въ своемъ домѣ, будетъ имѣть удовольствіе раздѣлить трапезу съ дорогими русскими гостями. Съ нашимъ Преосвященнымъ и Н. Θ-чемъ Митрополитъ черезъ переводчика велъ очень оживленную и интересную бесѣду по поводу путешествія и вынесенныхъ наблюденій, касавшуюся многихъ такихъ вопросовъ, которые могутъ быть понятны только людямъ, побывавшимъ на Востокѣ, и въ частности—въ Палестинѣ и Сиріи... Митрополитъ Григорій высказалъ при этомъ обширныя и глубокія познанія по древней исторіи Сиріи и Палестины. Въ такихъ интересныхъ разговорахъ во время обѣда и послѣ, за чашкою чая и фруктами, подъ развѣсистою смоковницею прошло незамѣтно время до вечера. Нѣкоторые изъ насъ съ Преосвященнымъ отправились послѣ этого на пароходъ, а другіе, уступая просьбѣ радушныхъ хозяевъ, остались здѣсь на ночлегъ. На полу лучшей комнаты приготовлены были пышныя постели, усыпанныя по восточному ароматными цвѣтами жасмина.

18-е Іюля. Проснулись въ 7 ч. утра. Отецъ Абдула уже возвратился съ заказной обѣдни, которую онъ служилъ съ Митрополитомъ. По русскому обычаю намъ былъ поданъ чай. Но отецъ Абдула и его матушка не раздѣлили съ нами компаніи,—имъ подано было блюдо смоквъ въ сыромъ видѣ. Отецъ Абдула, въ черномъ подрясникѣ съ кожаннымъ монашескимъ поясомъ и черной камилавкѣ, и матушка, въ черномъ платьѣ и черной повязкѣ на головѣ по тамошнему обычаю, сидѣли съ нами за чайнымъ столомъ и какъ могли выражали свою любезность. Вскорѣ отецъ Абдула былъ приглашенъ на требу, и мы, распростившись съ радушными хозяевами, отправились осматривать городъ и сдѣлать въ немъ кое-какія покупки.

Пароходъ долженъ сняться съ якоря сегодня, въ часъ дня.

За 1/2 часа до отхода парохода прибылъ сюда Митрополитъ Григорій, чтобы проститься съ нашимъ Преосвященнымъ и преподать намъ напутственное благословеніе. Въ простой, задушевной бесѣдѣ добрѣйшаго Митрополита съ нами незамѣтно прошло время. Мы отъ всей души полюбили его за его доброту, вниманіе и любовь къ намъ. Прощаясь съ нимъ, мы пожелали ему еще много-много лѣтъ святительствовать во славу Св. Церкви, и Антіохійской въ частности, которая теперь переживаетъ переходное время. Особенно трогательно было прощаніе обоихъ Архипастырей. Митрополитъ Григорій преподнесъ нашему Преосвященному большую фотографическую группу всѣхъ современныхъ Святителей Антіохійскаго патріархата. Затѣмъ онъ оставилъ пароходъ при взаимныхъ пожеланіяхъ, и мы въ часъ дня отплыли отъ гостепріимнаго Триполи, сохранивъ о немъ, особенно же о Святителѣ его, самыя пріятныя воспоминанія.

19-е—22-е Іюля. Плаваніе по Средиземному морю, Архипелагу и Мраморному морю, до самаго Константинополя, совершено было безъ всякихъ приключеній, если не считать морской болѣзни, которою нѣкоторые изъ насъ страдали вслѣдствіе довольно сильнаго вѣтра, дувшаго во время двухдневнаго плаванія по Средиземному морю. Не смотря на однообразіе пути, и притомъ уже знакомаго намъ, мы отнюдь не ощущали скуки, а чувствовали себя прекрасно, проводя время въ разговорахъ, въ чтеніи, въ бесѣдахъ о разныхъ предметахъ, въ воспоминаніяхъ о путешествіи. Значительное оживленіе нашей компаніи придавали учительницы Палестинскихъ и Сирійскихъ школъ, отъ которыхъ мы много интереснаго узнали о положеніи просвѣтительнаго дѣла на Востокѣ.

Плывя 20-го іюля мимо острова Родоса, мы увидали спущенные флаги,—знакъ того, что на материкѣ случилось что нибудь не доброе. Въ Хіосѣ, къ которому пристали въ яркій полдень, мы узнали о возмутительномъ убійствѣ анархистомъ Итальянскаго короля Гумберта, наслѣдникъ котораго съ супругой былъ одновременно съ нами въ Іерусалимѣ, сохраняя строжайшее инкогнито. Въ Хіосѣ нѣкоторые изъ нашей компаніи прошли на берегъ, чтобы погулять по землѣ и запастись провизіей. Около 4-хъ часовъ по полудни пароходъ остановился у острова Митилены. Бывшій недавно

мѣстомъ столкновенія двухъ великихъ державъ, этотъ островъ выглядитъ чрезвычайно живописнымъ. Нѣкоторые изъ насъ отправились въ городъ, который произвелъ очень пріятное впечатлѣніе своими прекрасными зданіями, чистотою улицъ, и вообще своимъ благоустройствомъ. Жители, большею частію греки, мужчины и женщины, отличаются своимъ благообразіемъ и какою то жизнерадостностію. Среди города— большой греческій храмъ, съ высокимъ куполомъ и крестомъ. Такихъ величественныхъ и видныхъ греческихъ храмовъ намъ не приходилось видѣть въ другихъ мѣстахъ Востока.

22-го Іюля, въ 11-ть часовъ вечера, пароходъ нашъ сталъ на якорѣ въ Босфорѣ, при впаденіи его въ Мраморное море, между Сералемъ и Скутари. Тутъ онъ и стоялъ до утра слѣдующаго дня. Босфоръ и Константинополь представляли и теперь, не смотря на полночь, волшебную панораму при множествѣ огоньковъ, которые точно звѣзды въ небѣ блестѣли по всему Босфору. Долго, долго мы не могли оторвать глазъ отъ этой волшебной картины, пока, наконецъ, не отправились на ночлегъ.

23-е Іюля. Воскресенье. Добрѣйшій нашъ кормилецъ о. Евгеній встрѣтилъ насъ, освѣдомляясь участливо о нашемъ здравіи. Пароходъ здѣсь долженъ простоять до вторника. Поэтому, оставивъ здѣсь свои вещи, мы, въ сопровожденіи о. Евгенія, отправились на подворье. Таможенные досмотрщики, зная доброту аѳонскихъ иноковъ, пропустили насъ безъ всякихъ задержекъ, и мы, при торжественномъ перезвонѣ колоколовъ съ Пантелеимоновскаго подворья, въ честь Преосвященнаго, вступили подъ знакомый гостепріимный кровъ. Тотчасъ, по прибытіи, мы отправились въ храмъ, чтобы возблагодарить Бога за такъ счастливо совершенное нами путешествіе. Храмъ былъ переполненъ братушками-славянами, а отчасти и греками. По входѣ Преосвященнаго, началась Литургія, и мы всѣ приняли участіе въ пѣніи. По окончаніи Литургіи былъ отслуженъ благодарственный молебенъ по поводу нашего возвращенія. Всѣ мы были въ прекрасномъ настроеніи. Преосвященный отправился съ визитомъ къ послу И. А. Зиновьеву, въ Буюкдере, гдѣ и пробылъ, благодаря радушному гостепріимству г. Посла, до слѣдующаго дня. А мы, отдохнувъ и подкрѣпившись обиль-

нымъ обѣдомъ, приправленнымъ любезными приглашеніями о. Евгенія, рѣшили осмотрѣть недосмотрѣнное въ первый разъ. Рѣшено было прокатиться на лодкѣ по Золотому Рогу. Въ 4 часа мы и отправились въ это очаровательное путешествіе. По обѣимъ сторонамъ—чудная панорама нависшихъ одинъ надъ другимъ высочайшихъ зданій оригинальной архитектуры. Мы плыли среди множества лодочекъ, каиковъ, пароходиковъ, и только привычная ловкость и опытность нашего лодочника предохраняла насъ отъ неминуемаго, повидимому, столкновенія съ ними. Греки, празднуя воскресный день, большими группами расположились у прибрежныхъ открытыхъ ресторановъ, откуда доносились къ намъ музыка и пѣніе. Извиваясь голубою лентою, Золотой Рогъ, по мѣрѣ углубленія внутрь его, становился все менѣе и менѣе очаровательнымъ. Корабельная верфь съ обветшалыми судами, казармы, расположенныя по обѣимъ сторонамъ береговъ, кузницы, загрязненная вода....,—все это было слишкомъ „прозаично“, и съ поэтическихъ высотъ низводило на землю. Только толпа празднующихъ Грековъ, кейфующихъ въ кофейняхъ, разнообразила нѣсколько картину, начинавшую надоѣдать своимъ однообразіемъ. Особенно радостно, какъ видно, праздновался день воскресный въ одномъ изъ загородныхъ ресторановъ, гдѣ заливъ круто загибаетъ, откуда доносилось особенное веселіе. Противъ него, на другомъ лѣвомъ берегу, какъ бы для контраста и въ поучительное назиданіе, раскинулось обширное кладбище турецкое съ темнозелеными пирамидальными кипарисами и бѣлыми надгробными памятниками различныхъ формъ, смотря по состоянію и рангу покойниковъ. Кладбища—любимое мѣсто для прогулокъ турецкихъ женщинъ. И теперь мы видѣли нѣсколькихъ изъ нихъ, сидѣвшихъ на окраинѣ кладбища, въ длинныхъ черныхъ балахонахъ и съ полузакрытымъ лицомъ. Вышли и онѣ, гаремныя затворницы, чтобы, хотя сквозь черное покрывало, поглядѣть на бѣлый свѣтъ Божій и тѣмъ разогнать свое уныніе и тоску. Отсюда мы и поворотили въ обратный путь, тѣмъ болѣе, что день уже замѣтно склонялся къ вечеру. При свѣтѣ заходящаго солнца, мы теперь любовались Золотымъ Рогомъ и частями города, мимо которыхъ мы проѣзжали. Теперь уже мы могли оріентироваться въ этой громадѣ мечетей, дворцовъ и другихъ зданій. Вотъ

Фанаръ, вотъ зданія Болгарской экзархіи, вотъ мечеть Сулеймана, Ахмедіе; вотъ Св. Софія....

Въ 8-мь часовъ вечера мы уже были у себя—на подворьи. Дѣлясь впечатлѣніями въ ожиданіи вечерняго чаю, на кровлѣ пятиэтажнаго зданія, мы вдругъ освѣщены были моментально вспыхнувшимъ заревомъ. Оказалось, — загорѣлся недалеко находящійся отъ подворья деревянный кафе-шантанъ. Пожаръ былъ настолько сильный, что не только искры, а цѣлыя головни падали на кровлю подворья, хотя безъ всякой опасности, такъ какъ тутъ нечему горѣть. Деревянный же кафе-шантанъ въ какой нибудь часъ сгорѣлъ до тла, не смотря на геройскія усилія босоногой турецкой пожарной команды. Впрочемъ, тутъ нужно удивляться тому, какъ при такой скученности домовъ пожаръ ограничился только однимъ домомъ. До поздней ночи гуляли мы по кровлѣ, любуясь чуднымъ небомъ, усѣяннымъ звѣздами и Босфоромъ со множествомъ пароходныхъ огней. Сквозь примракъ ночной проглядываютъ силуэты мечетей, дворцовъ. А возлѣ насъ, недалеко отъ сгорѣвшаго кафе-шантана, опять начались прерванныя пожаромъ пѣніе и музыка, какъ будто ничего и не было. Затѣмъ, одинъ по одному отправились на ночлегъ.

24-е Іюля. Понедѣльникъ. Утро нынѣшняго дня посвятили вторичному обозрѣнію Св. Софіи и другихъ мечетей. Первое впечатлѣніе не только не ослабѣло, но еще болѣе усилилось. Мы вполнѣ убѣдились, что Св. Софія не только велика, какъ и другія мечети, но и необыкновенно величественна, чего нельзя сказать о другихъ мечетяхъ. Послѣобѣденное время вмѣстѣ съ Преосвященнымъ Ректоромъ и Н. Ѳ. Каптеревымъ посвятили обозрѣнію Русскаго Археологическаго Института, нѣсколько лѣтъ тому назадъ учрежденнаго. Директоромъ его, съ самаго начала основанія, состоитъ Ѳ. И. Успенскій, бывшій профессоръ Одесскаго Университета. Всецѣло ему же и обязанъ Институтъ нынѣшнимъ своимъ процвѣтаніемъ и плодотворностію, выражающеюся въ весьма цѣнныхъ ученыхъ трудахъ по Византологіи, принадлежащихъ или ему, или же написанныхъ подъ его руководствомъ. Институтъ находится въ Перу въ большомъ наемномъ зданіи. Въ нижнемъ этажѣ помѣщается музей и квартира директора, а въ верхнемъ—библіотека и комната для ученыхъ

занятій. Подъ руководствомъ Ѳеодора Ивановича и ученаго секретаря Института Б. В. Фармаковскаго мы познакомились, конечно бѣгло, съ неоцѣненными сокровищами музея и библіотеки Института. Этотъ осмотръ показалъ намъ, что̀ можетъ сдѣлать любовь и энергія одного человѣка, всецѣло преданнаго своему дѣлу. Такіе люди дѣлаютъ честь своей родинѣ. Къ сожалѣнію, ихъ такъ мало, въ особенности въ области Византино-вѣдѣнія. Въ комнатѣ для ученыхъ занятій мы встрѣтили трехъ молодыхъ людей, занимавшихся здѣсь по исторіи Византіи. Одинъ изъ нихъ—племянникъ Ѳеодора Ивановича, профессорскій стипендіатъ Казанской Академіи, Успенскій, а двое другихъ—изъ университета. По этому поводу Ѳ. И-чъ бесѣдовалъ съ Преосвященнымъ Ректоромъ и Н. Ѳ-мъ о томъ, какъ полезно было бы, если бы наши Духовныя Академіи посылали сюда студентовъ для ученыхъ работъ по византійской исторіи [1]).

Послѣ этого мы посѣтили квартиру Ѳ. И-ча и познакомились съ его супругою. Радушные хозяева предложили намъ чай, за которымъ незамѣтно прошло часа два времени въ ученой и интересной бесѣдѣ. Нужно быть на чужбинѣ, чтобы оцѣнить подобное радушіе, особенно же при сознаніи значенія извѣстной личности, какъ это было и въ данномъ случаѣ. Долгомъ считаемъ принести искреннюю благодарность Ѳеодору Ивановичу и его супругѣ за то вниманіе, какое было оказано ими намъ. Съ такими чувствами мы и простились съ радушными хозяевами и отправились къ себѣ на подворье, гдѣ въ дружеской бесѣдѣ и провели послѣдній вечеръ пребыванія въ турецкой столицѣ.

25-е Іюля. Вторникъ. Сегодня въ три часа отправляемся въ Одессу. Утромъ отстояли литургію и выслушали напутственный молебенъ. До обѣда отправились въ городъ и сдѣлали закупки, которыя должны напомнить намъ о нашемъ пребываніи здѣсь: альбомы, виды, фески, и т. п. Въ два часа, послѣ обѣда, при торжественномъ перезвонѣ колоколовъ, отправились мы изъ подворья на пароходъ, въ сопровожденіи

---

[1]) Насколько намъ извѣстно, Ѳ. И. обратился къ Преосвященному Антонію, Митрополиту С.-Петербургскому, съ запискою подобнаго рода. Эта записка послана была на обсужденіе Совѣтовъ Духовныхъ Академій, и Московская Академія вполнѣ присоединилась къ мысли Ѳ. И-ча.

завѣдующаго подворьемъ о. Мисаила, добрѣйшаго о. Евгенія и братіи. Передъ самымъ отходомъ парохода явился первый драгоманъ посольства, извѣстный П. В. Максимовъ, и вручилъ Преосвященному пожалованный ему Его Величествомъ Турецкимъ Султаномъ орденъ Меджидіе 1-й степени „въ знакъ покровительства Его Величества православнымъ“. Такое вниманіе Его Величества, въ предѣлахъ Имперіи котораго мы пробыли больше мѣсяца, къ нашему Начальнику и иниціатору путешествія, было и для насъ очень пріятно, такъ какъ въ лицѣ его и мы въ нѣкоторомъ смыслѣ были почтены. Наконецъ въ три часа пароходъ снялся съ якоря. Все время плаванія по Босфору мы не сходили съ палубы, не отрывая глазъ отъ постепенно удалявшагося волшебнаго города, стараясь запечатлѣть его въ своей памяти. Почему-то грустно было, и этой грусти не могла разсѣять даже мысль о возвращеніи на родину,—такъ мы свыклись съ Востокомъ.

Въ пять часовъ мы вступили въ грозныя воды Чернаго моря. Вѣтеръ сталъ разгуливаться, бѣлые барашки стали появляться чаще и чаще, нашъ старичекъ „Нахимовъ“ началъ все сильнѣе и сильнѣе кряхтѣть, многіе изъ насъ стали испытывать морское томленіе, предпочитая одиночество. Настала ночь...

26-е Іюля. Среда. Послѣдній день плаванія. Всѣ провели вмѣстѣ въ товарищеской бесѣдѣ. Море утихло. Чувствуется близость дорогой родины.

27-е Іюля. Утреннее солнце разбудило насъ. Тихо подплываемъ къ Одесской гавани. Спущенъ трапъ. Простились съ капитаномъ и поблагодарили его за вниманіе къ намъ во все время продолжительнаго пути. Въ предшествіи Преосвященнаго направились въ таможню. Таможенныя власти съ полнымъ довѣріемъ отнеслись къ намъ, не осмотрѣвъ нашихъ вещей. Багажъ нашъ, состоявшій изъ множества маленькихъ узелковъ съ разными вещами, нагруженъ былъ на простую телѣгу, и мы вслѣдъ за нею отправились на Пантелеимоновское подворье, зорко слѣдя за сохранностію вещественныхъ памятниковъ нашего путешествія, которые должны напоминать намъ о самыхъ счастливыхъ дняхъ нашей жизни. Мы прибыли на подворье какъ разъ въ день храмоваго праздника его, въ честь Св. Пантелеимона. Тутъ готовились къ архіерейской службѣ, которую имѣлъ совер-

шить Высокопреосвященнѣйшій Іустинъ, Архіепископъ Одесскій. Молитвою здѣсь предваренъ нашъ путь, молитвою и заключенъ.

Благодареніе Богу, споспѣшествовавшему намъ въ благополучномъ совершеніи дальняго пути въ „Страну Священныхъ Воспоминаній".

Глубокая благодарность Палестинскому Обществу, облегчившему и благоустроившему наше путешествіе, въ лицѣ Секретаря и неутомимаго дѣятеля Общества В. Н. Хитрово, управляющаго Русскими постройками въ Іерусалимѣ Н. Г. Михайлова и уполномоченнаго Общества въ Одессѣ М. И. Осипова.

Сыновняя благодарность нашему Преосвященному и Начальнику, иниціатору нашего паломничества, съ отеческою любовію относившемуся къ намъ во все время путешествія и руководившему нами.

Благодареніе Господу Богу и сердечное спасибо всѣмъ добрымъ людямъ, благодѣявшимъ намъ на пути.

СОДЕРЖАНІЕ.

Предисловіе. Составъ путниковъ. Цѣль путешествія. Организація путешествія. Прибытіе въ Одессу. . . . . 1—13
4-е Іюня. По Черному морю . . . . . 13—17
5-е Іюня. На Босфорѣ. Прибытіе въ Константинополь. Аѳонскія подворія. Встрѣча Преосвященнаго. Первыя Константинопольскія впечатлѣнія . . . . . 17—30
6-е Іюня. Осмотръ Царь-града. Св. Софія. Ат-Мейданъ. Обелискъ Ѳеодосія. Змѣиная колонна. Погорѣвшая колонна. Мечетъ Михоръ-джами, бывшая Студійская обитель. Греческій монастырь Балукли. Мечетъ Кахріэ-джами. Остатки мозаическихъ христіанскихъ изображеній. Влахернскій храмъ. Въ Фанарѣ. У Вселенскаго патріарха Константина V-го. Осмотръ патріаршаго храма. 30—56
7-е Іюня. На Принцевыхъ островахъ. У бывшаго Іерусалимскаго Патріарха Никодима. Халкинская Семинарія. 56—68
8-е Іюня. Стамбулъ. Чарши—базаръ. Русская школа въ Константинополѣ и испытаніе, произведенное въ ней Преосвященнымъ Арсеніемъ. Поѣздка въ Буюкъ-дере . 68—76
9-е Іюня. На селамликѣ и у дервишей. Посѣщеніе русской больницы . . . . . 76—85
10-е Іюня. Оттоманскій музей древностей. Отъѣздъ на Аѳонъ изъ Константинополя. Плаваніе по Мраморному морю. Всенощная на пароходѣ . . . . . 85—89
11-е Іюня. Плаваніе по Архипелагу. Прибытіе на Аѳонъ. Встрѣча Преосвященнаго въ Пантелеимоновскомъ монастырѣ . . . . . 89—101
12-е Іюня. Осмотръ Пантелеимоновскаго монастыря. Отправленіе въ путешествіе по горѣ. Зографскій монастырь. Келлія Св. Георгія . . . . . 101—112
13-е Іюня. По Аѳону. Восхожденіе на вершину горы. Богослуженіе на вершинѣ въ храмѣ Св. Преображенія. Молдавскій скитъ. Лавра Св. Аѳанасія. Ватопедъ. Пантократоръ. Малороссійскій скитъ Св. Пророка Иліи. . 112—125
14-е Іюня. Служеніе Преосвященнаго въ Ильинскомъ скиту. Иверъ. Посѣщеніе бывшаго Вселенскаго Патрі-

арха Іоакима III-го, живущаго 14-ть лѣтъ на покоѣ,— нынѣ вновь избраннаго на Вселенскій Патріаршескій престолъ. Прибытіе въ Андреевскій скитъ. . . . . 125—137
15-е Іюня. Служеніе Преосвященнаго въ Андреевскомъ скиту. Карея. Закладка храма въ Ильинскомъ скиту, совершенная Патріархомъ Іоакимомъ III съ Преосвященнымъ Арсеніемъ. Всенощное бдѣніе въ Андреевскомъ скиту . . . . . 137—145
16-е Іюня. Торжественное освященіе новаго храма въ Андреевскомъ скиту, совершенное патріархомъ Іоакимомъ III и Преосвященнымъ Арсеніемъ въ сослуженіи многочисленнаго духовенства. Старый Руссикъ . . . 145—153
17-е Іюня. Служеніе Преосвященнаго въ Пантелеимоновскомъ монастырѣ. Прощаніе съ Аѳономъ. Отплытіе на пароходѣ „Лазаревъ“ въ Дарданелы. Пересадка на пароходъ „Цесаревичъ“ и отплытіе въ Яффу . . . . . 153—162
18-е Іюня. Плаваніе по Архипелагу. Митилены. Хіосъ . 162—166
19-е и 20-е Іюня. По Средиземному морю . . . . . 166—169
21-е Іюня. Прибытіе въ Триполи. У Митрополита Триполійскаго Григорія. Посѣщеніе собора и осмотръ города. Обѣдъ у арабскаго священника Хашаба. Жизнь и обстановка арабскаго священника. . . . . 169—178
22-е Іюня. Въ Бейрутѣ. У Митрополита Бейрутскаго Гавріила. Посѣщеніе русской школы Императорскаго Палестинскаго Общества, состоящей въ завѣдываніи М. А. Черкасовой. Въ домѣ семейства Абурусовъ. Гостепріимство арабовъ и ихъ любовь къ русскимъ . . . 178—185
23-е Іюня. Прибытіе въ Яффу. Встрѣча Преосвященнаго. Въ пріютѣ о. Антонина. Достопримѣчательности Яффы. Отъѣздъ въ Іерусалимъ. Мѣста священныхъ воспоминаній. Прибытіе въ Іерусалимъ. Встрѣча съ Патріархомъ Даміаномъ. Поклоненіе Гробу Господню. Встрѣча Преосвященнаго въ Троицкомъ миссійскомъ соборѣ . . . . . 185—200
24-е Іюня. Первый день въ Іерусалимѣ. Посѣщеніе Патріарха. На русскихъ раскопкахъ. Порогъ судныхъ вратъ. Крестный путь. Арка Ecce homo. Уличная жизнь въ Іерусалимѣ . . . . . 200—211
24-е Іюня. Путь на Елеонскую гору. Геѳсиманія. Кедронскій потокъ. Гробницы Авессалома, Іосафата, пр. Исаіи. Геѳсиманскій садъ. Русская церковь во имя Св. Маріи Магдалины на Елеонской горѣ. Мѣсто молитвы Господней. Мѣсто Вознесенія Господня. Русскій Вознесенскій храмъ на Елеонѣ. О. Парѳеній. Видъ съ Елеона на Іерусалимъ. . . . . 211—226
25-е Іюня. Архіерейское служеніе въ Троицкомъ соборѣ. Осмотръ мечетей Омара и Эль-Акса. Поѣздка въ Виѳлеемъ и Бэтъ-Джалу. . . . . 226—247

26-е Іюня. Осмотръ храма Воскресенія; поѣздка въ Іерихонъ . . . . . 247—266
27-е Іюня. У Мертваго моря. На Іорданѣ . . . . . 266—279
28-е Іюня. Въ мастерской архитектора Шика. Поѣздка въ Хевронъ, къ Мамврійскому дубу . . . . . 279—292
29-е Іюня. У дуба Мамврійскаго. На русскихъ постройкахъ. 292—307
30-е Іюня. Поѣздка въ Горнюю. У стѣны плача. Ночь въ храмѣ Воскресенія. . . . . 307—315
1-е Іюля. Служба въ храмѣ Воскресенія. На Сіонѣ. Въ обители Св. Саввы. . . . . 315—349
2-е Іюля. Въ Крестномъ монастырѣ. На актѣ въ греческой семинаріи. Послѣдній обзоръ Іерусалима. Царскія гробницы. Пещера пр. Іереміи. Приготовленіе къ отъѣзду въ Назаретъ . . . . . 349—362
3-е Іюля. Литургія на Голгоѳѣ. Прощаніе съ Патріархомъ. Напутственный молебенъ на русскихъ постройкахъ. Прощаніе съ оставшимися спутниками. Послѣдній взглядъ на Іерусалимъ. Ель-Исавіе. Шафатъ-Номва. Тельель-Фуль = Гива. Неби-Самуилъ. Аната. Эль-Джибъ=Гаваонъ. Рама. Михмасъ. Ель-Бире. Бетинъ—Вель . . . . . 362—377
4-е Іюля. Аинъ-Харамійе (ущелье разбойниковъ) Сенджиль. Сей-лунъ, древній Силомъ. Левна-Люббанъ. Эль-Мухна. Дубрава Море. Гевалъ и Гаризинъ. Колодезь патр. Іакова. Самарянскій раввинъ . . . . . 377—392
5-е Іюля. Наблусъ—Сихемъ. Самарія—Севастія. Храмъ Іоанна Крестителя. Развалины Севастіи. Джеба. Арабки у источника. Дженинъ, библейскій ен-Ганимъ. . . . 392—408
6-е Іюля. Эздрелонская равнина. Библейскія и послѣдующія историческія событія на ней. Прибытіе въ Назаретъ. Въ церкви Благовѣщенія. У митр. Фотія. „Фантази“—свадебныя предпраздненства у арабовъ . . . 408—423
7-е Іюля. Католическія святыни Назарета. Замѣчаніе о нихъ. Посѣщеніе русскихъ школъ. Отъѣздъ на Ѳаворъ. Греческій монастырь Преображенія. Древности Ѳавора, по разсказамъ францисканца Варнавы. Вечеръ въ православномъ монастырѣ . . . . . 423—440
8-е Іюля. Въ Тиверіаду. Утро. Видъ съ Ѳавора. „Хаттинъ“-гора Блаженствъ. „Гора пяти хлѣбовъ“. Современная Тиверіада. Въ греческой обители. Генисаретское озеро. Видъ на окрестности. Прогулка по озеру. Горячіе источники. Прощаніе съ Тиверіадою. Обратно въ Назаретъ по новому пути. Кана Галилейская. Молебенъ въ храмѣ. Брачные сосуды. Въ гостяхъ у арабскаго священника. Сепфуріе. Позднее возвращеніе въ Назаретъ. 440—456
9-е Іюля. Архіерейское служеніе въ храмѣ Благовѣщенія. Вѣнчаніе, совершенное митрополитомъ. Бытовыя особенности . . . . . 456—468

10-е Іюля. Прощаніе съ Митр. Фотіемъ. На горѣ Низверженія. Плотничная мастерская Іосифа Обручника. Приготовленіе къ отъѣзду изъ Назарета . . . . . 468—474
10-е—16-е Іюля. Отъ Назарета до Яффы . . . . . 474—494
16-е—27-е Іюля. Отъ Яффы до Одессы . . . . . 494—503

РИСУНКИ.

1. Академическая группа паломниковъ.
2. Прощаніе съ Одессою.
3. Видъ на Стамбулъ.
4. Галатскій мостъ.
5. Внѣшній видъ Св. Софіи.
6. Внутренній видъ Св. Софіи.
7. Вселенскій Патріархъ Константинъ V.
8. Бывшій Іерусалимскій Патріархъ Никодимъ.
9. Кавалькада на ослахъ.
10. Видъ съ Халки на Принкипо.
11. Халкинское богословское училище.
12. Академическая группа паломниковъ съ Настоятелемъ и братіею Аѳонскаго Пантелеимоновскаго монастыря.
13. Іоакимъ III, бывшій Вселенскій Патріархъ (1878-84 г.), нынѣ вновь избранный.
14. Прощаніе съ Триполійскимъ Митрополитомъ Григоріемъ.
15. Берегъ у Яффы.
16. Богомольцы предъ Яффою.
17. Храмъ, построенный о. Антониномъ, въ Яффѣ.
18. Улица въ Іерусалимѣ.
19. Патріархъ Іерусалимскій Даміанъ.
20. Порогъ судныхъ вратъ.
21. Геѳсиманскій садъ.
22. Русская Церковь во имя Св. Маріи Магдалины на Елеонской горѣ.
23. Вознесенскій храмъ на русскомъ мѣстѣ Елеонской горы.
24. Видъ съ Елеонской горы на Іерусалимъ.
25. Мечеть Омара.
26. Виѳлеемлянка.
27. Вертепъ Рождества Христова.
28. По дорогѣ въ Виѳлеемъ.
29. Входъ въ храмъ Воскресенія.
30. Часовня Гроба Господня.
31. Голгоѳа.
32. Скала у монастыря Хозевита.
33. Іерихонъ.
34. Известково-песчаные холмы въ Іерихонской пустынѣ.
35. Мертвое Море.
36. Іорданъ.

37. Арабы.
38. Въ Іерихонѣ—подъ пальмами.
39. Дубъ Мамврійскій.
40. Новое Русское подворье Палестинскаго Общества.
41. Зданіе миссіи и Троицкій Соборъ при ней.
42. Феллахъ. Изъ Іерусалимскихъ типовъ.
43. Стѣна плача.
44. Башня Давида.
45. Еврей. Изъ Іерусалимскихъ типовъ.
46. Бедуинъ.
47. Обитель Преподобнаго Саввы.
48. Царскія Гробницы.
49. Іосафатова долина.
50. Дамасскія ворота.
51. Севастія. Развалины дворца Ирода Великаго.
52. а) Арабки у источника.
53. б) Арабки у источника.
54. Паломники на пути въ Назаретъ.
55. Назаретъ.
56. Греческій храмъ Благовѣщенія въ Назаретѣ.
57. Митрополитъ Назаретскій Фотій, нынѣ Александрійскій Патріархъ.
58. Тиверіада.
59. Развалины Кесаріи.
60. Яффа.